У. ЛЕ ГУИН

ХЕЙНСКИЙ ЦИКЛ

Зарубежная фантастика

5

Урсула ле Гуин

ХЕЙНСКИЙ ЦИКЛ

Перевод с английского

Новосибирск
„ЭЯ"
1992 г.

Л 38

Составитель В. П. Кирчев

Ле Гуин У.
Л38 Хейнский цикл. Сб. научно-фантастических произведений (перевод с английского) — Н. „ЭЯ“ 576 стр.
ISBN 5—87—216—008—9

без объявл.
ISBN 5—87—216—008—9

©Составитель В. П. Кирчев 1992
©Художник О. Г. Полищук 1992

МИР РОКАННОНА

ПРОЛОГ:

Где сказка, а где быль на этих мирах, спрятавшихся за бесконечными годами? На безымянных, называемых живущими на них просто «мир», планетах без истории, где лишь в мифе продолжает жить прошлое, и исследователь, снова их посещая, обнаруживает, что совершенное им здесь всего несколько лет назад уже успело стать деяниями божества. Сон разума рождает тьму, и она наполняет эти зияющие провалы во времени, через которые ложатся мостами лишь трассы наших летящих со скоростью света кораблей; а во тьме бурно, как сорняки, разрастаются искажения и диспропорции.

Когда пытаешься пересказать историю одного человека, обыкновенного ученого Союза Всех Планет, который не так уж много лет назад отправился на такую вот малоисследованную, безымянную планету, ты оказываешься как бы археологом среди тысячелетних руин: то, продираясь сквозь переплетения листьев и цветов, лиан и веток, выходишь вдруг, как из темноты на свет, к геометрической правильности колеса или отшлифованному угловому камню; то, вступив в ничем не примечательный и озаренный лучами солнца вход, находишь внутри мрак, а в нем — мерцанье огонька, которого не ждешь, сверкание драгоценных камней, едва заметное движение женской руки.

Где быль, а где сказка, где одна истина и где другая?

Синий драгоценный камень вспыхнул и тут же, отправившись в обратный путь, погас, но вся история о Роканноне озарена его светом. Так начнем же.

Восьмая область Галактики, № 62: ФОМАЛЬГАУТ—II.

Контакт установлен со следующими Разумными Формами Жизни (РФЖ):

Вид I.

Подвид А. Гдема. Разумные гуманоиды, обитают под землей, на поверхность выходят только ночью; рост 120—135 см, кожа светлая, волосы темные. В момент контакта жили расслоенными на касты сообществами городского типа; система правления олигархическая. Особая характеристика: телепатия в пределах планеты. Культура разней стали, ориентирована на техническое развитие. В 252—254 гг. миссия Союза Всех Планет подняла уровень до Промышленного-С. В 254 г. олигархам района Кириенского моря был подарен корабль-автомат (запрограммированный только на полеты к Новой Южной Джорджии и обратно). Статус С-Прим.

Подвид В. Фина. Разумные гуманоиды, обитают на поверхности, днем бодрствуют; средний рост 130 см, кожа и волосы у наблюдавшихся индивидов, как правило, светлые. Живут на-

сколько позволяют судить кратковременные контакты, оседлыми сельскими, а также кочевыми сообществами. Телепатичны в пределах планеты; возможно, обладают также способностью к телекинезу на небольших расстояниях. По-видимому, атехнологичны; контактов избегают, внешние проявления культурного развития минимальны и неопределенны. Налогообложение пока представляется невозможным. Статус Е (?)

Вид II.

Лиу. Разумные гуманоиды, обитают на поверхности, днем бодрствуют; средний рост свыше 170 см; общество аристократическое, клановое, культура героико-феодальная; техническое развитие остановилось на стадии бронзового века; тип поселения — деревня-крепость. Следует особо отметить горизонтальное общественное расслоение, совпадающее с делением на следующие псевдорасы: ольгьо, «среднерослые», светлокожие и темноволосые; ангъя — «властители», очень высокие, темнокожие, светловолосые...

— Вот одна из них,— проговорил Роканнон.

Он перевел взгляд со страницы «Карманного указателя Разумных Форм Жизни» на стоявшую посреди длинного музейного зала очень высокую темнокожую женщину. Прямая и неподвижная, в короне золотых волос, она, не отрывая взгляда, рассматривала какой-то экспонат за стеклом. Возле нее, явно чувствуя себя не в своей тарелке, беспокойно топтались четыре непривлекательных карлика.

— А я и не подозревал, что на Фомальгауте-II, кроме подземных жителей, есть еще столько разной публики,— сказал хранитель музея Кето.

— Я тоже. Вон, в графе «не вполне достоверно» перечисляются виды, контакт с которыми не установлен. Похоже, что давно пора заняться этими местами поосновательней. Ну, теперь мы хоть знаем, откуда она взялась.

— Хотелось бы мне узнать о ней побольше...

Она происходила из древнего рода, потомок первых царей ангъя, и, хотя семья ее обеднела, волосы, это неотчуждаемое наследство, сияли чистым и неподвластным времени золотом. Маленькие фиии склонялись перед ней еще тогда, когда она босоногой девчонкой носилась по полям, и комета ее волос пламенела в неспокойных ветрах Кириена.

Она была совсем юной, когда Дурхал из Халлана увидел ее и стал за ней ухаживать, а потом увез ее от полуразрушенных башен и продуваемых насквозь ветрами залов ее детства в собственный замок. В Халлане, на склоне горы, блеск и величие торжествовали пока победу над временем, но уюта не было и здесь. Окна без стекол, голые каменные полы; в холодное время можно было, проснувшись, увидеть на полу перед окном наметенную длинную полоску снега. Молодая жена Дурхала становилась узкими босыми ступнями прямо на запорошенный снегом пол и, заплетая в косы золото своих волос, смотрела на отражение мужа в серебряном зеркале, что висело в их комнате, и смеялась.

Это зеркало, да еще свадебное платье его матери, расшитое тысячью крошечных бисеринок, составляли все их богатство. Здесь, в Халлане, у некоторых его сородичей, хоть и не столь знатных, как Дурхал, до сих пор были целые сундуки парчового платья, мебель из позолоченного дерева, серебряная упряжь для крылатых коней, латы и в серебро оправленные мечи, драгоценные камни и драгоценности — на них молодая супруга Дурхала смотрела с завистью, оглядываясь на усыпанную драгоценными камнями диадему или на золотую брошь даже тогда, когда носящая их, исполненная почтением к ее, Семли, родословной и замужеству, уступала ей дорогу.

Четвертыми от Высокого Трона Халлана сидели во время трапез Дурхал и Семли, так близко к старому Властителю что нередко он собственной рукой наливал вино Семли и, разговаривая с Дурхалом, своим племянником и наследником, об охоте, глядел на молодую пару с хмурой любовью старика, который уже ничего не ждет от будущего. С тех пор, как появились Повелители Звезд с их домами, взлетающими на столбах огня, и с их страшным оружием, делающим ровное место там, где только что стоял холм, надежд на будущее у анґья Халлана и всех Западных Земель и вправду осталось совсем немного. Повелители Звезд нарушили все древние обычаи, запретили любые войны, и (о позор!) пришлось платить им пусть небольшую, но дань — для войны, которую Повелители Звезд собираются вести с каким-то непонятным врагом где-то в провалах между звезд у самого конца лет. «Это будет также и ваша война»,— сказали Повелители Звезд, но уже целое поколение благородных анґья сидят, постыдно праздные, в своих Залах Пиршеств и смотрят, как ржавеют их двойные мечи, как вырастают, не нанеся ни одного удара в бою, их сыновья, а дочерям без добытого в геройском бою приданого, которое привело бы к ним знатного жениха, приходится выходить замуж за бедняков и даже хуже, за «среднерослых». Печальным становилось лицо Властителя Халлана, когда он обращал взгляд на золотоволосую чету и слушал, как смеются они, отхлебывая горьковатое вино и весело болтая в холодной, разрушающейся, вели ственной крепости их рода.

Лицо Семли мрачнело, когда, глянув в зал, она видел на местах, куда более удаленных от Трона, чем ее место, среди даже полукровок и «среднерослых», на их белой коже и в черных волосах сверканье драгоценных камней. Сама она и серебряной заколки для волос не принесла в приданое мужу. Платье, расшитое бисером, она убрала в сундук до дня свадьбы дочери — если дочь у нее родится.

Именно дочь у них и родилась, и ей дали имя Хальдре, и, когда пух на ее коричневой маленькой головке стал длиннее, он засиял негаснущим золотом, наследием царственных поколений — единственным золотом, каким ей предстояло владеть.

Семли не решалась заговорить с мужем о том, чего ей не достает. Как ни ласков был с нею Дурхал, но он был горд и испытывал лишь презрение к зависти, к суетным желаниям,

и она боялась его презрения. Но с сестрой Дурхала, Дуроссой, она о том однажды заговорила.

— Когда-то моя семья владела сокровищем,— сказала она.— Это было ожерелье, золотое, с большим синим драгоценным камнем — кажется, его называют сапфир?

Дуросса пожала плечами, улыбаясь: она тоже не знала точно, как называется такой камень. Разговор происходил в конце теплого времени восьмисотдневного года. Семли сидела вместе с Дуроссой на освещенной солнцем каменной скамейке перед окном, высоко в Большой Башне, там, где были покои Дуроссы. Рано овдовевшую, бездетную Дуроссу выдали за Властителя Халлана, ее дядю, брата ее отца. Из-за того, что брак был заключен между родственниками и был вторым и для мужа и для жены, Дуросса не получила титула Властительницы Халлана, который со временем могла получить Семли. Но сидела она рядом со старым Властителем, на Высоком Троне, и с Властителем вместе управляла. Она была старше Дурхала, своего родного брата, души не чаяла в его молодой жене и наглядеться не могла на светловолосую крошку Хальдре.

— За него отдали,— продолжала Семли,— все богатства, которыми завладел мой предок Лейнен, когда завоевал Юг. Сокровища целого царства, ты только вообрази, за одну-единственную драгоценность! О, она бы наверняка затмила все здесь, в Халлане, даже эти камни, похожие на яйца кооб, которые носит твоя двоюродная сестра Иссар. Драгоценность была так красива, что ей дали имя — назвали «Глаз моря». Ее носила еще моя прабабушка.

— И ты никогда ее не видела? — лениво спросила Дуросса, глядя в окно на зеленые склоны гор, туда, куда долгое лето слало свои беспокойные и жаркие ветры бродить по лесам, а потом уноситься, кружась, по белым дорогам к дальнему морскому берегу.

— Она пропала еще до моего рождения. А отец рассказывал, что ожерелье украли до того, как в наших владениях впервые появились Повелители Звезд. Сам он не любил говорить о нем, но одна старая ольгъо, которая знала много всяких историй, рассказывала мне, что о том, где ожерелье, знают фиа.

— Ах, как бы я хотела увидеть их! — воскликнула Дуросса.— О них упоминают в стольких песнях и сказаньях; почему их никогда не видишь у нас, на Западных Землях?

— Наверное, слишком высоко для них, слишком холодно зимой. Они любят солнечные долины юга.

— Они похожи на «людей глины»?

— Этих я не видела никогда: на юге, где я жила, «люди глины» стараются держаться от нас подальше. Кажется, у них белая кожа, как у ольгъо, и их тела безобразны. У фиа светлые волосы, они похожи на детей, только совсем худые, и еще они умудренней детей. А вдруг они и в самом деле знают, где ожерелье, кто украл его и где оно спрятано? Ах, если бы было так: я вхожу в Зал Пиршества Халлана, сажусь рядом с мужем, а на груди у меня сверкает богатство целого царства, и я за-

тмеваю всех женщин, как мой муж затмевает всех мужчин!..

Дуросса наклонилась к младенцу, который, сидя между матерью и теткой на звериной шкуре, рассматривал коричневые пальчики своих ног.

— Семли глупая,— проворковала она девочке,— Семли, что сверкает как падающая звезда, Семли, мужу которой не нужно никакого золота, кроме золота ее волос...

А Семли, чей взгляд уносился над зелеными летними склонами к далекому морю, ответила ей молчанием.

Но когда миновала еще одна холодная пора, Повелители Звезд снова явились за данью, нужной им для войны против конца света (в этот раз с ними были двое маленьких коренастых «людей глины», переводчиков, и ангья опять почувствовали себя настолько униженными, что готовы были восстать), и прошла еще одна теплая пора, Хальдре подросла и стала прелестным щебечущим ребенком, и Семли принесла ее однажды утром в залитые солнцем покои Дуроссы. На Семли был поношенный синий плащ, а капюшон на голове скрывал ее золотые волосы.

— Пусть эти несколько дней Хальдре побудет у тебя, Дуросса,— сказала она, движения ее были быстры, но лицо спокойно.— Я отправляюсь на юг, в Кириен.

— Повидаться с отцом?

— Отыскать свое наследство. Твои двоюродные братья из Харгета смеются над Дурхалом. Даже этот полукровка Парна над ним смеется — ведь у жены Парны, этой черноволосой неряхи с расплывшимся лицом, на постели атласное покрывало, а в ухе — серьга с бриллиантом, и у нее целых три платья, а жене Дурхала свое единственное платье приходится штопать...

— В чем гордость Дурхала, в жене или в том, что на нее надето?

Но, словно не расслышав вопроса, Семли продолжала:

— Властители Халлана становятся беднее всех, кто приходит к ним в Зал Пиршеств. Я должна принести приданое своему господину, как приличествует женщине с моей родословной.

— Семли! Дурхал знает о том, что ты собралась сделать?

— Скажи ему, что все кончится хорошо и возвращение мое будет счастливым.— И юная Семли весело засмеялась.

Она наклонилась и поцеловала дочь, а потом повернулась и, прежде чем Дуросса успела вымолвить хотя бы слово, стремительно унеслась прочь по залитым солнцем каменным плитам пола.

Замужние женщины ангья лишь изредка, в крайней нужде, садились на крылатых коней, и Семли после замужества тоже ни разу не покидала стен Халлана; и теперь, садясь в высокое седло, она опять почувствовала себя подростком, буйной девственницей, носящейся с северным ветром над полями Кириена на полуобъезженных крылатых конях. Конь, что сейчас уносил ее вниз с высоких холмов Халлана, был породистей тех; гладкая полосатая шкура плотно облегала полые, рвущиеся к небу кости; зеленые глаза жмурились от встречного ветра, могучие, но легкие крылья били вверх-вниз, вверх-вниз, и Семли то видела, то

нет, то видела, то нет облака над собой и холмы далеко внизу.

На третье утро она была уже в Кириене и вот сейчас вновь стояла в одном из внутренних дворов замка, у полуразрушенной стены. Всю эту ночь ее отец пил, и утреннее солнце, сквозь проломы в потолках тычущее в него своими длинными лучами-пальцами, очень раздражало его, а вид дочери, стоящей перед ним, усиливал это раздражение.

— Зачем ты здесь? — проворчал он, отводя от нее взгляд опухших глаз.

— Я жена Дурхала. Я пришла за своим приданым, отец.

Пьяница недовольно пробурчал что-то, но она в ответ рассмеялась так ласково, что он, хоть и кривясь, снова посмотрел на нее.

— Это правда, отец, будто ожерелье с камнем, который называется «Глаз моря», украли фиа?

— Откуда мне знать, правда ли это? Так мне рассказывали в детстве. Ожерелье пропало, по-моему, еще до этого грустного события — моего рождения. Иди своей дорогой, дочь.

Серый и раздувшийся, как существо, что оплетает паутиной развалины, он поднялся и, пошатываясь, двинулся к подвалам, где прятался от света дня.

Ведя за собой крылатого коня, на котором прилетела, Семли вышла из родного дома и, спустившись по крутому склону холма мимо деревни ольгъо, хмуро, но почтительно ее приветствовавших, через поля и пастбища, на которых паслись огромные, с подрезанными крыльями, полудикие хэрило, направилась в Долину, зеленую, словно свежевыкрашенная миска, и до краев наполненную солнечным светом. На дне долины было селение фиа; Семли еще спускалась, а маленькие, тщедушные человечки уже бежали ей навстречу из своих домиков и огородов и, смеясь, кричали слабыми и тонкими голосами:

— Привет тебе, молодая наследница Халлана, высокородная из Кириена, Оседлавшая Ветер, Семли Золотоволосая!

— Привет вам, Светлые Дети Солнца, фиа, друзья народа ангъя!

Они повели ее в деревню, в один из их хрупких домиков, а крохотные дети бежали следом. Когда фиа становится взрослым, нельзя сказать, сколько ему лет; Семли трудно было даже отличить одного от другого или, когда они, как мотыльки вокруг свечи, носились вокруг нее, быть уверенной, что она разговаривает с одним и тем же фиа.

— Фиа не крали ожерелье Властителей Кириена! — воскликнул, отвечая на ее вопрос, человечек.— К чему фиа золото, госпожа? В теплое время у нас есть солнце, в холодное — воспоминание о нем; еще — желтые плоды, желтые листья в конце теплого времени, и еще у нас есть золотые волосы Властительницы Кириена, другого золота нет.

— Тогда, быть может, драгоценность украли ольгъо?

Крохотными колокольчиками зазвенел вокруг нее смех и умолк не скоро.

Разве осмелились бы они? О, властительница Кириена,

как и кто украл драгоценность, не знают ни ангья, ни ольгьо, ни фииа. Только мертвые знают, как пропала она в те давние времена, когда у пещер на берегу моря любил гулять в одиночестве твой прадед, Кирелей Гордый. Но, может быть, оно найдется у кого-то из Ненавидящих Солнце?

— «Людей глины»?

Снова смех, только громче и напряженней, чем прежде.

— Садись с нами, Семли, солнцеволосая, с севера вернувшаяся.

Она села с ними за их трапезу, и приветливость ее была так же приятна им, как их гостеприимство — ей. Но когда она сказала, что, если ожерелье у «людей глины», она отправится к «людям глины», смех начал стихать, а кольцо вокруг нее — редеть. И наконец рядом с ней остался только один фииа, тот самый, возможно, с кем она говорила до начала трапезы.

— Не ходи к «людям глины», Семли, — сказал он.

Ее сердце екнуло, а потом все потемнело вокруг — это фииа поднял руку и, медленно опустив, закрыл ею свои глаза. Плоды на блюде стали светло-серыми, чистой воды в чашах как не бывало.

— В далеких горах разошлись пути фииа и гдема. Разошлись много лет назад,— сказал фииа, тщедушный и тихий.— А еще раньше мы были нераздельное целое. В них есть то, чего нет в нас. Подумай о свете, траве и плодоносящих деревьях, подумай, что не по всем дорогам, по которым можно спуститься вниз, можно так же подняться вверх.

— Моя дорога, добрый хозяин, ведет не вниз и не вверх, а прямо к моему наследству. Я пойду туда, где оно находится, и с ним вернусь.

Фииа, негромко смеясь, ей поклонился.

За последними домами она вновь села на крылатого коня, и, ответив на возгласы фииа криком прощания, взлетела в послеполуденный ветер и понеслась на юго-запад, к пещерам в скалистых берегах Кириенского моря.

Ей было страшно: вдруг, чтобы найти тех, кто ей нужен, придется войти в эти подземелья глубоко-глубоко? Ведь рассказывали, будто «люди глины» никогда не выходят на свет солнца и боятся света Большой Звезды и лун. Коварный ветер задул с запада, резкий, порывистый, вихрящийся, и крылатый конь ее вскоре изнемогал от борьбы с ним. Тогда она решила спуститься. Едва оказавшись на песке, конь сложил крылья, заурчал, довольный, и улегся, подобрав под себя ноги. Семли стояла рядом, прижимая к шее концы плаща; она погладила коня за ушами, и тот прянул ими и опять добродушно заурчал. Руке было уютно в теплой шерсти, зато глаза видели только серое, в мазках облаков небо, серое море, темный песок. А потом по песку пробежало какое-то приземистое, темное существо, еще одно и еще... присядут, перебегут, замрут на месте...

Она громко их окликнула. До этого они будто ее не видели, но одно мгновение — и вот они уже стоят вокруг нее. От крылатого коня, правда, они старались держаться подальше; тот

больше не урчал, и его шерсть под ладонью Семли стала подниматься. Она взяла его за уздечку, опасаясь, что он может дать волю своей ярости, но, радуясь в то же время, что у нее есть защитник. Твердо упираясь босыми ступнями в песок, странные человечки молча на нее таращились. Да, конечно, это были «люди глины»: одного роста с фиина, а во всем остальном — как бы черная тень светлого, смеющегося народа. Нагие, квадратные, неподвижные, волосы гладкие, кожа сероватая и на вид влажная, как у червей; каменные глаза.

— Привет вам, Властители Царства Ночи! Я Семли из Кириена, жена Дуркала из Халлана. Я пришла к вам, потому что ищу свое наследство, ожерелье — его называли «Глаз моря», и оно пропало в давние времена.

— Почему ты ищешь его здесь, женщина ангья? Здесь нет ничего, кроме ночи, песка и соли.

— Потому что глубоко под землей знают обо всем, что исчезло,— ответила готовая к словесным состязаниям Семли,— и ведь бывает, что золото, пришедшее из земли, возвращается туда снова. И говорят, что иногда сделанное чьими-то руками находит сделавшего.

Это была всего-навсего догадка, но она оказалась правильной.

— Да, мы слышали об ожерелье «Глаз моря». Его сделали в давние времена, и тогда же мы продали его ангья. Синий камень для него добыли наши сородичи на востоке. Но рассказам этим, женщина ангья, уже очень много лет.

— Могу я услышать их там, где их рассказывают?

Словно в сомнении, маленькие коренастые человечки умолкли. Над песком дул серый ветер, темневший по мере того, как тонула в море Большая Звезда; шум волн то становился громче, то стихал.

Снова глубокий голос:

— Да, Властительница Ангья, ты можешь войти в Подземные Залы. Следуй за нами.

Что-то новое, вкрадчивое прозвучало теперь в голосе гдема. Семли не пожелала этого услышать. Ведя на коротком поводке крылатого коня с его острыми когтями, она пошла за «людьми глины».

У зева пещеры, беззубого, отверстого, дохнувшего на нее зловонным теплом, кто-то из «людей глины» сказал:

— Летающему зверю войти нельзя.

— Можно,— не согласилась Семли.

— Нельзя, — сказали квадратные человечки.

— Можно. Я не оставлю его у входа. Он принадлежит не мне. Пока я держу его за уздечку, он не причинит вам вреда.

— Нельзя,— повторили глубокие голоса.

Но другие, такие же, их прервали:

— Как ты желаешь.

И, помедлив мгновенье, человечки двинулись дальше. Зев пещеры как будто проглотил Семли — так темно вдруг стало под нависшими над головой глыбами камня. Гдема шли гуськом, последней была она.

Несколько шагов, и мрак туннеля рассеялся: с потолка свисал шар, от которого исходило неяркое белое свечение. Впереди другой такой же, за ним третий; от одного к другому по потолку тянулись, свисая кое-где гирляндами, тонкие черные змеи. Расстояние между светящимися шарами становилось все меньше, теперь они сияли через каждые несколько шагов, и все вокруг было залито ярким холодным светом.

Коридор кончился тупиком с тремя дверями из чего-то похожего на железо; спутники Семли остановились.

— Нам придется подождать, женщина ангья,— сказали они.

Восемь остались с Семли, а трое отперли одну из дверей и вошли в нее. Дверь закрылась со скрежетом.

Неподвижная и прямая, стояла в ровном свете дочь ангья; ее крылатый конь лежал рядом, кончик его полосатого хвоста все время двигался, а сложенные огромные крылья то и дело дергались от с трудом сдерживаемого желания взлететь. Позади Семли «люди глины», оставшиеся с ней, сидели на корточках и бормотали что-то друг другу.

Снова скрежет, средняя дверь открылась.

— Пусть ангья войдет в Царство Ночи! — раздалось гулко и торжественно. В дверном проеме, маня ее к себе рукой, стоял новый гдема, такой же коренастый, как пришедшие с ней, но его серую наготу прикрывала одежда.— Пусть войдет и увидит наши диковинные рукотворные чудеса, плоды трудов Властителей Царства Ночи!

Молча Семли пригнулась и, потянув за собой коня, вошла в низкую, по росту гдема дверь. Перед ней открылся новый коридор, от света белых шаров его влажные стены ослепительно блестели, но на полу здесь, уходя вдаль, сверкали две полосы металла. На них стояла какая-то повозка с металлическими колесами. Повинуясь приглашающему жесту нового спутника, без малейших колебаний и без тени удивления на лице, Семли поднялась в повозку, села и уложила крылатого коня рядом. Гдема уселся впереди и задвигал какими-то колесами и палками. Что-то завыло, неприятно и громко, потом залязгало, и стены коридора дернулись и поплыли назад. Стены уплывали все быстрее, и наконец сияющие шары над головой слились в одну светлую полосу, а теплый воздух коридора стал затхлым ветром, срывающим капюшон с ее головы.

Повозка остановилась. Следуя за своим спутником, Семли поднялась по базальтовым ступеням в большой зал, а из него в другой, еще больше, вырубленный в толще камня то ли древними водами, то ли зарывающимися все глубже гдема; мрак его, никогда не знавший света солнца, разгоняло лишь холодное, наводящее почему-то жуть сияние шаров. В зарешеченных нишах, разгоняя спертый воздух, вращались и вращались громадные лопасти. Огромное замкнутое пространство наполняли гудение и скрежет, раздавались громкие голоса «людей глины», визжали и вибрировали какие-то колеса, и все эти звуки многократным эхом отдавались от каменных стен. Короткие и широкие

тела гдема, находившихся здесь, прикрывала одежда, подражавшая одежде Повелителей Звезд (штаны, мягкая обувь, куртка с капюшоном); однако немногие женщины, которые здесь были, раболепные карлицы с торопливыми движениями, ходили нагие. Среди мужчин было много воинов, на поясе у них висело оружие, с виду похожее на страшные светометы Повелителей Звезд; Даже Семли поняла, что оно не настоящее, а всего лишь металлические болванки, имитирующие его форму. Все это она видела, хотя и не снисходила до того, чтобы повернуть голову вправо и влево. Когда она увидела перед собой несколько «людей глины» с железными обручами на головах, ее спутник остановился, согнулся в низком поклоне и торжественно объявил:

— Высокие Властители Гдема!

Их было семь, и на их серых шишковатых лицах, глядевших на Семли снизу вверх, было написано такое высокомерие, что она едва удержалась от смеха.

— Я пришла к вам, Властители Царства Тьмы, потому что ищу пропавшую семейную драгоценность,— сказала она без тени улыбки.— Я ищу сокровище Лейнена, «Глаз моря».

— Оно не здесь.

— Значит, оно в другом месте?

— Оно там, куда тебе не добраться. Никогда, если только мы не захотим помочь тебе.

— Так помогите мне. Я прошу об этом как ваша гостья.

— Говорится: «Ангъя берут, фиина отдают; гдема отдают и берут». Если мы выполним твою просьбу, что дашь нам взамен?

— Свою благодарность, Властители Ночи.

— Женщина ангъя, ты просишь от нас великой милости. Тебе не понять даже, как она велика. Ты принадлежишь к народу, который не хочет понимать, который умеет только носиться в ветре на летающих зверях, выращивать урожаи, драться на мечах и шуметь. Но кто делает для вас мечи из блестящей стали? Мы, гдема! Ваши властители приходят к нам и к нашим сородичам, покупают мечи и уходят, ни на что не глядя, ничего не поняв. Но сейчас к нам пришла ты, так посмотри же вокруг себя, и ты своими глазами увидишь некоторые из огромного множества наших диковин: огни, что никогда не гаснут, повозку, которая едет сама собой, машины, которые шьют одежду, готовят пищу, очищают воздух и верно служат нам во все делах. Знай, чудеса эти превыше твоего понимания. И знай также: те, кого вы, ангъя, зовете Повелителями Звезд, наши друзья! Вместе с ними мы приходили в Халлан, в Реохан, в Хул-Оррен, во все ваши замки, и помогали им разговаривать с вами. Вы, гордые ангъя, платите дань Повелителям Звезд, а мы с ними на равных — друзья. Мы оказываем услуги им, а они — нам. Так много ли значит для нас твоя благодарность?

— Тебе отвечать на этот вопрос, не мне. Я свой вопрос задала. И теперь жду ответа на него, Властитель.

Семеро начали совещаться, то вслух, то безмолвно. Поглядят

на нее — и отведут взгляд, побормочут — и замолкнут. Вокруг них стала расти толпа, медленно, молча, и наконец Семли окружило море голов со свалявшимися черными волосами, и, если не считать небольшого пространства возле нее, пола в огромном гудящем зале уже не было видно. Ее крылатый конь сдерживал раздражение и страх слишком долго и теперь то и дело вздрагивал; широко раскрытые глаза его побледнели, как бывает у крылатых коней, когда им приходится летать ночью. Она стала гладить его теплую мохнатую голову, приговаривая шепотом:

— Успокойся, мой храбрый, мои умный, властитель ветров...

— Ангъя, мы доставим тебя туда, где находится сокровище.— На нее смотрел, снова повернувшись к ней, белолицый гдема с железным обручем на голове.— Большего от нас не требуй. Тебе придется отправиться с нами и самой заявить свои права на ожерелье там, где оно теперь, тем, кто хранит его. Летающему зверю отправиться с тобой нельзя. Его придется оставить.

— Как далек путь, Властитель?

Губы гдема начали растягиваться все шире и шире.

— Очень далек, высокородная. Но продлится он одну лишь долгую ночь.

— Я благодарю вас за вашу любезность. Хорошо ли будут заботиться о моем крылатом коне? С ним не должно случиться ничего плохого.

— Он будет спать до твоего возвращения. На большем, чем этот, звере придется лететь тебе, прежде чем ты увидишь его снова!

Что произошло в последующие несколько часов, Семли бы рассказать не смогла — так было все торопливо, суматошно, непонятно. Она сама держала голову крылатого, пока один из «людей глины» вонзал длинную иглу в его золотистое полосатое бедро. Семли чуть не вскрикнула, но животное только дернулось, добродушно заурчало и уснуло. Несколько гдема подняли и унесли его — похоже, лишь с трудом пересиливая свой страх. Потом она увидела, как игла вонзается в ее руку — быть может, для того, подумала она, чтобы испытать ее храбрость, потому что спать ей вроде бы не захотелось, хотя она не была в этом уверена до конца. Время от времени приходилось садиться в повозку, что двигалась по двум металлическим полосам, и ехать сквозь железные двери и через сводчатые подземные залы, целые сотни их; и вдруг ее вывели на открытый воздух. Была ночь; Семли радостно с чувством облегчения подняла глаза к звездам и единственной светившей луне: на западе всходила маленькая Хелики. Но по-прежнему вокруг были гдема, теперь они предложили Семли подняться то ли в пещеру, то ли в повозку, какой она не видела — что это было, она так и не поняла. Там оказалось очень тесно, повернуться можно было только с трудом, мигали бесчисленные огоньки, и после огромных мрачных подземных залов и звездного, но темного ночного неба было очень

светло. В нее воткнули еще иглу и сказали, что надо лечь в кресло, у которого откинута спинка, и сказали, что ее привяжут к нему — и голову, и руки, и ноги.

— Не хочу,— твердо ответила она.

Но четверо гдема, которым предстояло сопровождать ее, дали себя привязать, и тогда она позволила сделать с собой то же. Потом те, кто их привязывал, ушли. Что-то заревело, и наступила тишина; невидимая плита чудовищной тяжести легла Семли на грудь. Потом тяжесть исчезла, исчезли звуки, исчезло все.

— Я умерла? — спросила Семли.

— О нет, Властительница,— услышала она в ответ, и голос, который принес эти слова, ей не понравился.

Открыв глаза, она увидела над собой белое лицо, растянутые толстые губы, глаза как два камешка. Оказалось, что она уже свободна от уз, и, обнаружив это, Семли вскочила со своего ложа. Она была невесома, бестелесна — комочек страха, носимый ветром.

— Мы не сделаем тебе ничего плохого,— произнес сумрачный голос (или голоса?).— Дай нам только дотронуться до тебя, Властительница. Позволь нам потрогать твои волосы...

Круглая повозка, в которой они находились, слегка дрожала. За единственным ее окном была ночь без звезд — или туман, или ничто? Одну долгую ночь, сказали ей. Очень долгую. Она сидела, не шевелясь, а их тяжелые серые руки дотрагивались до ее волос. Потом они стали дотрагиваться до ее ладоней, локтей, и вдруг кто-то из них дотронулся до ее шеи; тогда она поднялась, сжав зубы, и они попятились.

— Ведь тебе не было больно, Властительница,— сказали они.

Она кивнула.

Потом они почтительно попросили ее снова лечь в кресло, и оно само сковало ее руки и ноги; и, не потеряй она сознание, она разрыдалась бы, увидев, как в окно ударил золотой свет...

— Ну,— сказал Роканнон,— теперь мы хоть знаем, откуда она взялась.

— Хотелось бы мне узнать о ней побольше,— пробормотал хранитель.— Так, значит, если верить этим троглодитам, ей нужно что-то, что находится здесь, у нас в музее?

— Пожалуйста, не называй их троглодитами,— укоризненно сказал Роканнон; как «рафожист», то есть этнолог, изучающий Разумные Формы Жизни, он возражал против употребления таких слов.— Да, они не красавцы, но они Союзники, и у них статус С... Но почему, хотел бы я знать, Комиссия решила развивать именно их? Не установив при этом даже контакта со всеми РФЖ на планете. Готов поспорить, что исследовательский отряд был из созвездия Центавра — центаврийцы всегда предпочитают тех, кто не спит ночью или живет под землей. Я, наверное, поддержал бы вид II — тот, к которому принадлежит она.

— Похоже, что троглодиты ее побаиваются.

— А ты нет?

Кето снова посмотрел на высокую женщину, потом покраснел до ушей и смущенно рассмеялся.

— Да, немножко. За восемнадцать лет, что я живу здесь, на Новой Южной Джорджии, мне никогда не приходилось видеть такого красивого инопланетного типа. Я вообще никогда не встречал такой красивой женщины. Она как богиня.

Кето, хранитель музея, отличался застенчивостью, слова, подобные высказанным, были необычны в его устах, поэтому краска, сперва разлившаяся на лице, поднялась теперь до самой макушки его лысой головы. Но Роканнон задумчиво кивнул — он был с ним согласен.

— Как жаль, что мы не можем поговорить с ней без помощи этих трог... извини, гдема,— снова заговорил Кето.— Но тут уж ничего не поделаешь.

Роканнон подошел к гостье, она повернула к нему прекрасное лицо, и он, став перед ней на одно колено, зажмурился и низко-низко ей поклонился. Он называл это своим «общегалактическим реверансом на все случаи жизни» и проделывал его не без грации. Когда он выпрямился, красавица улыбнулась и что-то произнесла.

— Она сказала: привет тебе, Повелитель Звезд,— пробубнил на галапиджине один из ее спутников-коротышек.

— Привет тебе, высокородная женщина ангъя,— ответил Роканнон.— Чем мы, в музее, можем быть тебе полезны, высокородной?

Серебряные колокольчики, раскачиваемые ветром, зазвенели в гуле голосов подземных жителей.

— Она сказала: пожалуйста, дать ей ожерелье, который пропал ее предки давно-давно.

— Какое ожерелье? — удивленно спросил Роканнон.

И она, поняв, о чем он спрашивает, показала на экспонат в стеклянном ящике прямо перед ним, в самой середине зала. Вещь была великолепная: цепь из золота, тяжелая, но очень тонкой работы, и в ней большой сапфир какой-то обжигающей синевы. Брови у Роканнона поползли вверх, а Кето у него за спиной пробормотал:

— У нее хороший вкус. Это ожерелье попало к нам из системы Фомальгаута. Оно известно всем, кто хоть что-нибудь знает о ювелирных изделиях.

Красавица улыбнулась им обоим и, глядя на них через головы гдема, снова заговорила.

— Она сказала: о, два Повелитель Звезд, Старший и Младший Обитатель Дома Сокровищ, это сокровище принадлежит ей. Давно-давно. Спасибо.

— Как это ожерелье к нам попало, Кето?

— Минутку, посмотрю в каталоге — там отмечено. А, вот оно. Поступило от этих троглодитов или троллей... в общем, от гдема. Они одержимы страстью к торговым сделкам — так

здесь написано; поэтому нам пришлось дать им возможность расплатиться за КА-4, корабль, на котором они сюда прибыли. Ожерелье — часть того, что они заплатили. Это их изделие.

— Голову даю на отсечение: с тех пор, как с ихней помощью их развитие пошло к Промышленному Уровню, они делать такое разучились.

— Но они вроде бы признают, что это ее собственность, а не их или наша. По-видимому, для них это важно, иначе бы, Роканнон, они не стали тратить на нее столько времени. Вся объективного времени в прыжке от нас к Фомальгауту или обратно теряется, я думаю, довольно много!

— Несколько лет, не меньше,— подтвердил Роканнон. Для него, специалиста по РФЖ, прыжки от звезды к звезде были не в диковинку.— Не слишком далеко. Короче говоря, никаких сколько-нибудь обоснованных догадок по поводу этой истории я высказывать не берусь — ни «Карманный указатель», ни «Путеводитель» не дают достаточного данных. Эти два вида РФЖ никто, судя, по всему, серьезно не изучал. Может быть, коротышки просто показывают свое к ней уважение. Или боятся, как бы из-за этого чертова сапфира не вспыхнула война. А может, считают себя существами низшего порядка, и потому ее желание для них закон. Или, вопреки тому, что нам кажется, она на самом деле их пленница и они пользуются ею как приманкой. Кто знает?.. Сможешь ты, Кето, отдать ей эту штуку?

— Конечно. Юридически все экспонаты такого рода считаются предоставленными музею во временное пользование и не являются нашей собственностью, потому что время от времени нам предъявляют претензии такого рода. Мы редко отказываем. Мир прежде всего — пока не началась Война...

— Тогда мой совет — отдай.

Кето улыбнулся.

— Любой почитал бы это за честь,— сказал он.

Открыв ключом витрину, хранитель вынул тяжелую золотую цепь, потом, внезапно оробев, протянул ее Роканнону.

— Отдай лучше ты.

Так синий драгоценный камень впервые, и всего лишь на миг, лег в ладонь Роканнона.

Но размышлять о нем Роканнон не стал; с этой пригоршней синего огня и золота он повернулся к красавице с далекой планеты. Она не протянула руку, чтобы взять, но наклонила голову, и он, едва коснувшись волос, надел ожерелье на ее шею. Там, на темно-золотистой шее, оно лежало теперь горящим запальным шнуром. Лицо Семли, когда она оторвала взгляд от камня, выражало такую гордость и благодарность, такой восторг, что Роканнон утратил дар речи, а невысокий хранитель музея торопливо пробормотал:

— Мы рады, мы очень рады.

Наклоном головы в золоте волос женщина попрощалась с ним и Роканноном. Потом, повернувшись, кивнула своим приземистым стражам (от кого охраняли они ее и почему?), заку-

талась в поношенный синий плащ, двинулась к двери и за ней скрылась. Кето и Роканнон, стоя неподвижно, смотрели ей вслед.

— Иногда...— начал Роканнон и умолк.

— Да? — так и не дождавшись продолжения, спросил слегка охрипшим голосом Кето.

— Иногда у меня такое чувство, будто я... когда встречаю жителей этих миров, о которых мы знаем так мало... у меня чувство... будто я забрел в какую-то легенду или в трагический миф, которого не понимаю...

— Ты прав,— сказал, откашливаясь, хранитель музея.— Интересно... интересно, какое у нее имя?

Семли Прекрасная, Семли Золотоволосая, Семли Драгоценного Ожерелья. Гдема склонились перед волей ее, и склонились сами Повелители Звезд в том страшном месте, куда доставили ее «люди глины», в городе по ту сторону ночи. Повелители Звезд поклонились ей и с радостью отдали ее сокровище, лежавшее среди их собственных.

Но ей еще не удалось сбросить с себя тяжесть этих подземелий, где глыбы камня нависают над головой, где нельзя разобрать, кто говорит и что делает, где отдаются гулкие голоса и серые руки тянутся, тянутся... довольно об этом. Она заплатила за ожерелье — ну и прекрасно. Цена уплачена, что прошло, то прошло.

Там, внизу, из какого-то ящика выполз ее крылатый конь, глаза его были затянуты пленкой, а шерсть вся в кристалликах льда, и после того, как они вышли из туннелей гдема на свет, он сперва ни за что не хотел взлететь. Но теперь, кажется, пришел в себя и резво несся по ясному небу к Халлану, и ему помогал, дуя в спину, ровный южный ветер.

— Быстрее, быстрее,— торопила Семли, смеясь все громче по мере того, как ветер разгонял мрак, наполнявший ее душу.— Хочу увидеть Дурхала, скоро-скоро...

И, летя стремительно, к вечеру второго дня пути они прибыли в Халлан. Крылатый конь взмыл вверх, минуя тысячу ступеней Халлана и Мост-над-бездной, под которым лес падал вдруг на тысячу футов вниз, и теперь подземелья гдема показались ей всего лишь дурным сном. В золотом свете вечера Семли слезла во Дворе Прилетов с седла и взошла по последним ступеням, между каменными изваяниями героев и двумя привратниками, которые, не отрывая взгляд от того, сверкающего и прекрасного, что лежало на ее груди, перед нею склонились.

В Предзалье она остановила проходившую мимо девушку, очень хорошенькую, из близких, судя по сходству, родственниц Дурхала, хотя вспомнить, кто она, Семли не удалось.

— Ты меня знаешь, юная? Я Семли, жена Дурхала. Будь так любезна, пойди к высокородной Дуроссе и скажи ей, что я вернулась.

Она боялась встретиться с Дурхалом наедине, ей нужно было заступничество Дуроссы.

Девушка смотрела на Семли во все глаза, и выражение лица у нее было очень странным. Однако она выдавила из себя: «Да, госпожа» и опрометью бросилась к Башне.

Семли стояла и ждала под осыпающимися, покрытыми позолотой стенами. Никто не появлялся; не время ли трапезы сейчас? Тишина становилась тягостной. Дуроссы все не было, и Семли сделала шаг к лестнице, которая вела в Башню. Но по каменным плитам навстречу ей, с плачем протягивая руки, спешила какая-то незнакомая старуха:

— О Семли, Семли!

Кто эта седая женщина? Семли попятилась.

— Но кто вы, госпожа?

— Я Дуросса, Семли.

Семли не шевельнулась и не произнесла ни слова, пока Дуросса обнимала ее, и плакала, и спрашивала: верю ли, что все эти долгие годы ее не отпускали и держали под своими чарами гдема или это были фина? Потом, перестав плакать, Дуросса отступила назад.

— Ты по-прежнему молодая, Семли. Такая же, как в день, когда уходила. И у тебя на шее ожерелье...

— Я принесла свой подарок моему мужу Дурхалу. Где он?

— Дурхал умер.

Семли оцепенела.

— Твой муж, а мой брат Дурхал, Властитель Халлана, погиб в бою семь лет назад. Уже девять лет не было тебя. Повелители Звезд больше не появлялись. Начались войны с властителями на востоке и с ангья Логта и Хул-Оррена. Дурхал воевал, и его убил копьем какой-то презренный ольгьо, потому что мало брони служило защитой его телу и совсем никакой — его духу. Он лежит, похороненный, в полях над Орренскими топями.

Семли отвернулась.

— Если так, я пойду к нему,— сказала она, кладя руку на золотую цепь, отяжелявшую ее шею.— Я отдам ему мой подарок.

— Подожди, Семли! Дочь Дурхала, твоя дочь — вот она, Хальдре Прекрасная, посмотри!

Это была та самая девушка, которая ей встретилась и которую она послала за Дуроссой, девушка в самом расцвете юной красоты, и глаза у нее были такие же, как у Дурхала — синие. Она стояла рядом с Дуроссой и, широко открыв глаза, смотрела на эту незнакомую ей женщину, Семли, свою мать и ровесницу. И возраст был один, и золотистые волосы, и красота — только Семли была чуть выше, и на груди у нее сверкал синий камень.

— Возьмите его, возьмите! Я для Дурхала и для Хальдре принесла его с дальнего края ночи!

Выкрикивая это, Семли сдернула с себя тяжелую цепь, и ожерелье, упав на камни, зазвенело холодным и чистым звоном.

— Возьми его, Хальдре!

С громкими рыданиями Семли бросилась прочь из Халлана,

через мост — вниз, с одной длинной и широкой ступени на другую, и помчалась, как дикий зверь, спасающийся от погони, на восток, в лес на склоне горы, и исчезла.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1 Так кончается начало легенды; и все рассказанное в нем правда. А теперь несколько фактов, которые тоже правда, из «Путеводителя по восьмой области Галактики»:

Номер 62: ФОМАЛЬГАУТ-II.

Тип АЕ — жизнь на углеродной основе. Ядро планеты состоит из железа, диаметр ее равен 6600 милям, атмосфера плотная, богатая кислородом. Период обращения по орбите — 800 земных суток 8 ч. 11 мин. 42 с. Время осевого вращения — 29 ч. 51 мин. 2 с. Среднее расстояние от светила ровно 3,2 астрономической единицы, эксцентриситет орбиты незначителен. Наклон к плоскости эклиптики, равный 27° 20' 30", вызывает выраженные сезонные изменения погоды. Гравитация — 0,86 стандартной.

Крупнейшие четыре массива суши, Северо-Западный, Юго-Западный, Восточный и Антарктические Континенты, занимают 38% всей поверхности.

Спутников четыре (типа Пернер, Локлик, Р-2 и Фобос). Слабый компонент Фомальгаута наблюдается как сверхъяркая звезда.

Ближайшая планета Союза: Новая Южная Джорджия, столица — Кергелен (7.88 световых лет).

История: планета картографирована экспедицией Элиесона в 202 г. обследована при помощи зондов в 218 г.

Первое прямое географическое обследование — в 235 — 6 гг. Руководил Дж. Киолаф. Была проведена аэросъемка четырех основных массивов суши (см. карты 3114-а, б, с; 3115-а, б). Высадка на поверхность, геологические и биологические исследования и контакты с РФЖ были произведены только на Восточном и Северо-Западном Континентах (см. ниже описание разумных видов).

В 252-4 гг. — миссия в целях ускорения технического развития Вида I-А. Руководил Дж. Киолаф (только Северо-Западный Континент).

В 254, 258, 262, 266, 270 гг. из Кергелена, Н.Ю.Дж., от имени Фонда Развития Области — миссия по контролю и по сбору налогов; в 275 г. решением Всегалактического агентства по контактам с РФЖ планета закрыта для посещений впредь до более тщательного изучения местных разумных видов.

Первая этнологическая экспедиция — в 321 г. Руководил Г. Роканнон.

За Южным Хребтом беззвучно выросло и уперлось в небо огромное, слепящей белизны дерево. Закричали, застучали бронзой о бронзу стражи на башнях Замка Халлана. Но голоса их и предупреждающее бряцанье потонули в сокрушительном реве

ветра, в его словно молот ударившем порыве, в скрипе клонящихся к грунту деревьев леса.

Могиен, властитель Халлана, догнал Повелителя Звезд, гостившего у него, уже недалеко от Двора Прилетов.

Ты оставил свой корабль за Южным Хребтом, Повелитель Звезд? — спросил Могиен.

— Да, там,— негромко, как обычно, ответил тот; лицо у него, однако, было сейчас белым как мел.

— Отправимся вместе,— сказал Могиен.

Он посадил гостя на заднее седло взнузданного крылатого коня, ожидавшего их во Дворе Прилетов. Как серый лист в ветре, полетел конь над тысячей вниз ведущих ступеней, минуя Мост-над-бездной и лесистые склоны гор во владениях Могиена, дальше и дальше.

Перелетая через Южный Хребет, седоки увидели между золотых стрел ранней зари синие клубы поднимающегося к небу дыма. В серых и холодных зарослях под склоном, шипя, угасал пожар.

Внезапно взгляду их открылась глубокая круглая яма среди холмов, провал, в котором клубилась черная пыль. По краям, будто лучи, верхушками вовне лежали деревья, ставшие длинными мазками сажи на грунте.

Задержав серого крылатого коня в потоке воздуха, поднимавшемся со дна изуродованной долины, молодой властитель Халлана безмолвно посмотрел вниз. Еще со времен его деда и прадеда остались легенды о появлении Повелителей Звезд, о том, как от их наводящего ужас оружия сгорали холмы и вскипало море и как из страха перед этим оружием все властители ангья признали себя их вассалами и данниками. Сейчас Могиен впервые поверил тому, что рассказывали.

— Твой корабль...— и у него перехватило дыхание.

— Корабль был здесь. Здесь я должен был встретиться сегодня со своими товарищами. Повелитель Могиен, скажи своему народу, чтобы они не приближались к этому месту. До тех пор, пока в следующий холодный сезон не пройдут дожди.

— Заклятие?

— Яд. Дожди его смоют.

Голос Повелителя Звезд звучал по-прежнему негромко, но сам он смотрел теперь вниз; внезапно он заговорил снова, однако обращался уже не к Могиену, а к черной яме внизу, теперь в полосах утреннего света. Могиен не понимал ни слова, ибо говорил тот на языке Повелителей Звезд; а среди ангья, да и на всей планете, не было никого, кто бы на этом языке говорил.

Молодой властитель осадил встревоженного, рвущегося вперед коня. Повелитель Звезд, сидевший у Могиена за спиной, глубоко вздохнул и сказал:

— Вернемся в Халлан. Все равно здесь уже больше ничего не осталось...

И крылатый конь поплыл по широкой дуге над еще дымившимися склонами.

— Повелитель Роканнон, если сейчас твой народ воюет между звезд, только позови — и на помощь тебе придут все мечи Халлана!

Я очень благодарен тебе, Повелитель Могиен,— сказал Роканнон, стараясь вжаться в седло, между тем как встречный ветер хлестал по его склоненной седеющей голове.

Долгий день кончился. Сейчас в его комнату в башне Замка Халлана врывались через окна порывы ночного ветра, и от этого пламя в большом очаге то затухало, то вспыхивало. Холодный сезон подходил к концу, весенний непокой ощущался в ветре. Подняв голову, он почувствовал приятный запах уже высохших травяных гобеленов на стенах и благоухающую свежесть ночного леса за окнами. Он опять сказал в передатчик:

— Это Роканнон. Говорит Роканнон. Ответить можете?

Вслушался в молчание приемника, начал снова на частоте корабля:

— Это Роканнон...

Заметив, что говорит почти шепотом, замолчал и выключил рацию. Они погибли, его товарищи и друзья, все четырнадцать. Все находились в корабле, ведь он с ними разговаривал. Уже пробыли на Фомальгауте-II половину долгого года этой планеты, пришло время собраться, сопоставить результаты исследований. Смейт со своей группой отправился с Восточного Континента сюда, назад, подобрал по дороге группу, работавшую в Арктике, и должен был встретиться с Роканноном, руководителем этнографического обследования, который возглавлял и эту экспедицию. И теперь их нет.

А результаты их работы (записи, фотографии, магнитные ленты — все, что в их собственных глазах оправдало бы их смерть) исчезли, превратились в прах вместе с ними.

Роканнон опять включил приемник на аварийной частоте, но ничего не услышал. Передавать самому значило сообщить врагу, что один остался в живых, и он молчал. Когда же в дверь громко постучали, он крикнул на чужом для него языке, на котором ему предстояло говорить отныне:

— Войдите!

И в комнату быстрыми шагами вошел молодой властитель Халлана, Могиен, от которого он больше, чем от кого-либо другого, узнал о культуре и обычаях лиу и от которого теперь зависела его, Роканнона, судьба. Могиен был очень высокий, как все ангья, и такой же, как все они, светловолосый и темнокожий, на его красивом лице застыла маска, сквозь которую лишь изредка, словно сверкнувшая молния, вырывалось наружу какое-нибудь сильное чувство: азарт, гнев, восторг. За ним в комнате появился его слуга Рахо, ольгъо, поставил на высокий ларь желтый графин и две чаши, налил чаши до краев и вышел.

Я бы хотел выпить с тобой, Повелитель Звезд,— произнаследный властитель Халлана.

— А мой народ с твоим, а наши сыновья — друг с другом,— отозвался этнограф, которого жизнь на девяти непохожих одна на другую экзотических планетах давно убедила в важности хороших манер.

Он и Могиен подняли оправленные в серебро деревянные чаши и выпили.

— Эта коробка со словами,— спросил, глядя на рацию, Могиен,— она больше не заговорит?

— Голосами моих товарищей — уже никогда.

Темно-коричневое лицо Могиена не выдало никаких чувств, когда он сказал:

— Повелитель Роканнон, это оружие, которое их убило,— его невозможно вообразить.

— Такое и другое похожее оружие нужно Союзу Всех Планет для использования в Грядущей Войне. Но не против своих планет.

— Значит, началась война?

— Не думаю. Яддам, которого ты знал, все время оставался на корабле; через ансибл, который там был, он обязательно бы об этом услышал и сразу бы мне сообщил. Нас предупредили бы обязательно. Нет, это, должно быть, мятеж внутри Союза. Когда я покидал Кергелен — а было это девять лет назад, такой мятеж назревал на планете Фарадей.

— Эта коробка со словами не может говорить с городом Кергеленом?

— Не может; и даже если бы могла, слова шли бы отсюда туда восемь лет, и еще восемь лет шел бы оттуда ответ мне.— Говорил Роканнон в обычной для него манере, серьезно, просто и вежливо, но сейчас голос его немного погрустнел.— Помнишь, я тебе показывал на корабле ансибл, большую машину, которая может мгновенно, без потери лет, говорить с другими планетами? Я думаю, что именно ее им было важно уничтожить. И то, что мои товарищи все оказались тогда на корабле,— простое совпадение. Без ансибла я говорить с Кергеленом не могу.

— Но если твои сородичи в городе Кергелен попробуют заговорить с тобой через ансибл и ответа не будет, неужели они не прилетят, чтобы тебя увидеть?

И прежде чем Роканнон успел ответить на этот вопрос, Могиен уже знал ответ.

— Прилетят — через восемь лет,— ответил Роканнон.

Когда, водя Могиена по кораблю, Роканнон показывал тому большую машину для мгновенной передачи сигналов на любое расстояние, он рассказал Могиену и о новых сверхсветовых кораблях, которые могут мгновенно перемещаться от звезды к звезде.

— Твоих товарищей убил ССК? — спросил Могиен.

— Нет. Этот был с экипажем. Враги сейчас здесь, на вашей планете.

Могиен вспомнил слова Роканнона: живое существо не может полететь на сверхсветовом корабле и не погибнуть; ССК

используются только в качестве беспилотных бомбардировщиков — появится, нанесет удар и в то же мгновение исчезнет. Очень странно, подумал Могиен, но не более странно, чем другое, что, знал он, абсолютно соответствует истине: хотя у таких кораблей, каким прибыл Роканнон, на то, чтобы пересечь ночь между звезд, уходят годы, людям в корабле эти годы кажутся несколькими часами. Почти пятьдесят лет назад этот человек, Роканнон, разговаривал в городе Кергелене, где-то около звезды Форросуль, с Семли из Халлана и отдал ей драгоценный камень «Глаз моря». Семли, прожившая шестнадцать лет за одну ночь, давно умерла, ее дочь Хальдре уже старуха, ее внук Могиен стал взрослым; и однако вот перед ним Роканнон, совсем не старый. А прошедшие годы он провел, путешествуя от звезды к звезде. Да, очень странно, но рассказывают и еще более странное.

— Когда Семли, мать моей матери, пересекла ночь...— начал Могиен и замолчал.

— Ни на одной планете никогда не рождалось женщины такой прекрасной,— сказал Повелитель Звезд, на миг печаль покинула его лицо.

— Ее сородичи счастливы видеть в своем Доме Повелителя, встретившего ее так радушно,— отозвался Могиен.— Но сейчас я хочу спросить о корабле, на котором она два раза пересекла ночь: он по-прежнему у «людей глины»? И нет ли на нем ансибла, через который ты мог бы рассказать своим сородичам о враге?

Могиену показалось, что Повелитель Звезд ошеломлен его словами, однако тот сразу овладел собой.

— Нет,— ответил Роканнон,— ансибла на этом корабле нет. Корабль «людям глины» дали семьдесят лет назад, мгновенных передач тогда еще не было. А планета ваша уже сорок пять лет закрыта для посещений. Закрыта благодаря мне. Потому что после того, как я встретился с Повелительницей Семли, я пошел к своим сородичам и сказал: «Что мы делаем на этой планете, о которой ничего не знаем? Почему мы берем с них дань и их притесняем? Какое у нас на это право?» Но если бы я тогда не вмешался, то хоть, по крайней мере, сюда каждые два-три года кто-нибудь да прилетал; мы не были бы оставлены на милость врагов.

— Чего хотят от нас эти враги? — спросил Могиен.

— Вашу планету, я думаю. А может, и вас — как рабов. Откуда мне знать?

— Если тот корабль до сих пор сохранился у «людей глины», ты мог бы пересечь на нем ночь и вернуться к своим сородичам.

— Пожалуй, — ответил Повелитель Звезд.

Он снова замолчал, а потом вдруг снова заговорил, теперь взволнованно:

— Это из-за меня твой народ остался без защиты. Это я доставил сюда, на погибель, своих сородичей. И я не убегу на восемь лет в будущее, чтобы там узнать, что случилось после моего бегства. Послушай, Повелитель Могиен, если бы ты помог

мне добраться до мест на юге, где живут «люди глины», я, возможно, сумел бы получить от них этот корабль, чтобы здесь на планете, вести на нем разведку. На худой конец, если мне удастся изменить программу автоматического управления, я смогу отправить на нем в Кергелен письмо. Но сам останусь здесь.

— Как рассказывает легенда, Семли нашла корабль в пещерах «людей глины» у Кириенского моря.

— Ты одолжишь мне крылатого коня, Повелитель Могиен?

— И свое общество, если ты этого захочешь.

— Спасибо!

— «Люди глины» плохо принимают одиноких гостей,— сказал Могиен.

Он не скрывал своей радости. Хотя огромная глубокая яма у склона горы все время стояла у Могиена перед глазами, длинные мечи у него по бокам словно одолевал зуд. Сколько времени утекло со дня последнего его набега!

— Пусть умрут враги наши, не оставив сыновей,— торжественно сказал ангъя, поднимая наполненную заново чашу.

— Пусть умрут они, не оставив сыновей,— как эхо отозвался Роканнон и выпил с Могиеном в желтом свете свечей и двух лун за окном.

2 К вечеру второго дня пути Роканнон не мог разогнуть спину, а его лицо обветрилось, но зато он уже научился сидеть в высоком седле и не без сноровки управлять большим летающим животным из конюшен Халлана. Сейчас над ним и под ним простирались слои кристально чистого воздуха, пронизанного розовым светом медленного заката. Чтобы как можно дольше оставаться в солнечных лучах (они любили тепло, как кошки), крылатые кони летели высоко. Могиен со своего черного охотничьего коня (интересно, подумал Роканнон, как его правильнее называть конем или котом?) смотрел вниз, выбирая место для ночлега: в темноте крылатые кони не летали. Позади, на меньших белых конях, чьи крылья в предзакатных лучах огромного Фомальгаута казались розовыми, летели двое «среднерослых».

— Посмотри, Повелитель Звезд!

Конь Роканнона вскинулся и завыл, увидев, на что показывает Могиен: нечто маленькое и черное плыло невысоко в небе, оставляя за собой в безмолвии вечера чуть слышное стрекотание. Роканнон махнул рукой, показывая, что надо сразу спускаться. Когда они опустились на лесную поляну, Могиен спросил:

— Это был такой же корабль, как твой, Повелитель Звезд?

— Нет. Это корабль, которому с планеты не улететь, вертолет. Доставить сюда его могли только на корабле, который гораздо больше моего — на звездном фрегате или грузовозе. Они явно решили захватить вашу планету. И явно высадились еще до того, как сюда прибыл я. Так или иначе, хорошо бы узнать, что они намерены делать, для чего им здесь бомбардировщики и вертолеты... Они легко могут подстрелить нас в небе, даже с большого расстояния. Нужно их очень остерегаться, Повелитель Могиен.

— Летел этот корабль со стороны, где живут «люди глины». Надеюсь, он нас не опередил?

Переполненный гневом, который вызвало в нем появление этого черного пятна на заходящем солнце, этого таракана, ползущего по чистой планете, Роканнон только кивнул в ответ. Кто бы ни были эти люди, нанесшие бомбовый удар по мирному исследовательскому кораблю, они определенно решили исследовать планету сами, занять ее и колонизировать или использовать в каких-то военных целях. Разумные формы жизни на планете (а их по меньшей мере три вида, и уровень технического развития у всех трех низкий) они либо будут игнорировать, либо поработят, либо уничтожат — как им покажется удобнее. Потому что агрессивную цивилизацию интересует только техника.

И в этом же, подумал Роканнон, наблюдая, как «среднерослые» расседлывают крылатых коней и отпускают на ночную охоту, именно в этом, может быть, уязвимое место и самого Союза Всех Планет. Его везде интересует уровень технического развития. Даже не исследовав остальные континенты и вступив в контакт лишь с некоторыми из видов разумных существ на планете, две экспедиции, направленные сюда в прошлом столетии, начали продвигать один из видов к преатомному уровню технического развития. Он это приостановил, а в конце концов организовал этнографическую экспедицию и прибыл с ней сюда, чтобы побольше об этой планете узнать; однако особых иллюзий по поводу возможных результатов своей деятельности у него не было. Эти результаты в конечном счете будут использованы лишь как исходный материал для выбора вида, чье техническое развитие ускорить целесообразней. Так Союз Всех Планет готовился к встрече с Врагом. Сто миров были уже подготовлены и вооружены, и еще тысячу сейчас знакомили со сталью и колесом, тракторами и реакторами. Однако его работа заключается не в распространении, а в накоплении знаний, и, пожив на нескольких так называемых отсталых планетах, он не испытывал больше никакой уверенности в том, что так уж мудро делать ставку на оружие и машины. Тон в Союзе Всех Планет задают агрессивные, изготовляющие орудия труда гуманоидные виды из Центавра, с Земли и созвездия Кита, а они с пренебрежением смотрят на некоторые свойственные разумным существам способности.

На эту планету, думал Роканнон, у которой даже нет своего названия, а лишь обозначение, Фомальгаут-II, бо́льшого внимания, вероятнее всего, никто никогда не обратит, так как Союз, открыв ее, не обнаружил на ней ни одного вида, который уже превзошел бы уровень рычага и кузнечного горна. Другие разумные виды на других планетах продвинуть вперед было легче, легче было добиться, чтобы ко времени, когда внегалактический Враг вернется, они стали дееспособными союзниками. А Враг вернется обязательно, тут сомневаться не приходилось. Он вспомнил, как Могиен предложил противопоставить флоту сверх-

световых бомбардировщиков мечи Халлана. А вдруг окажется, что по сравнению с оружием Врага бомбардировщики эти все равно что мечи из бронзы? Вдруг оружие Врага телепатическое? Разве плохо было бы узнать побольше о разновидностях и возможностях телепатии? Политика Союза Всех Планет слишком догматична, себя не оправдывает, а теперь, по-видимому, привела на одной из планет и к мятежу. Если буря, назревавшая на Фарадее еще десять лет назад, действительно разразилась, это означает, что молодая планета, которую вооружили и обучили военному делу, решила теперь, отхватив изрядный кусок звездного пирога, создать собственную империю.

Роканнон, Могиен и двое слуг, темноволосые ольтэ, поели черствого, но вкусного хлеба из кухонь Халлана, попили желтого васкана из бурдюка и улеглись спать. Маленький костер со всех сторон обступали деревья, очень высокие, ветки которых сгибались под тяжестью остроконечных темных шишек. Среди ночи в ветвях зашуршал холодный мелкий дождь. Роканнон спрятался с головой под одеяло из мягкого, как пух, меха домашних крылатых хэрило, и, не просыпаясь, проспал под шорох дождя всю долгую ночь. Крылатые кони вернулись на рассвете, и солнце еще не поднялось над горизонтом, а четверо путников уже летели к светлым глинистым берегам залива — туда, где живут «люди глины».

Опустившись на эту глину около полудня, Роканнон и двое слуг, Рахо и Яхан, растерянно огляделись: никаких признаков жизни вокруг видно не было. Однако Могиен с абсолютной уверенностью, свойственной представителям его касты, сказал:

— Они придут.

И правда, они пришли, шесть невысоких, приземистых гуманоидов, каких, в количестве четырех, Роканнон видел в музее годы назад; и опять, как тогда, они были Роканнону по грудь, а Могиену по пояс. Гдема были нагие, такие же беловато-серые, как глина вокруг — поистине «люди глины». Когда они заговорили, Роканнону стало немного не по себе, потому что непонятно было, который из них говорит; казалось, будто говорят все, но одним резким голосом. «Телепатия в пределах планеты»,— вспомнились Роканнону прочитанные в «Карманном указателе» слова, и он с еще большим уважением посмотрел на безобразных маленьких человечков, владеющих этим редким даром. Его три высоких спутника, однако, никаких чувств, похожих на его, не обнаруживали. Вид у них был мрачный.

— Что нужно ангъя и слугам ангъя у Властителей Ночи? — спросил (или спросили) на «общем языке», диалекте ангъя, использовавшемся для общения между всеми разумными видами на планете, один из «людей глины» (или все разом).

— Я властитель Халлана,— сказал Могиен, великан рядом с «людьми глины».— Около меня стоит Роканнон, хозяин звезд и дорог через ночь, служитель Союза Всех Планет, гость и друг рода Халлана. Воздайте ему почести! И отведите нас к тем, кто достоин говорить с нами. Есть слова, что должны быть сказаны,

ибо скоро в теплый сезон пойдет снег, а ветры задуют наоборот, и вместо корней у деревьев начнут расти листья, а вместо листьев — корни.

«Просто удовольствие его слушать», подумал Роканнон, хотя особой деликатности, надо прямо сказать, ангьи не обнаруживал.

Явно сомневаясь в правдивости сказанного, «люди глины» безмолствовали.

— То, что ты говоришь, правда? — спросил (или спросила) вдруг один (или несколько) гдема.

— Правда,— ответил Могиен,— и еще вода в море превратится в древесину, а у камней вырастут ступни с пальцами! Отведите нас к тем, кто вами правит, к тем, кто знает, что такое Повелитель Звезд, и не тратьте зря время!

Снова наступило молчание. Стоя среди низкорослых гдема, Роканнон испытывал сейчас какое-то не очень приятное ощущение, будто около его ушей вьются, задевая их крыльями, какие-то насекомые — это «люди глины» согласовывали свой телепатический ответ.

— Идемте,— сказали они наконец и, повернувшись, пошли по липкой глине.

Неожиданно они остановились, стали в кружок, наклонившись, а потом, выпрямившись, расступились в стороны, и Роканнон увидел яму с торчащим из нее концом лестницы: вход в Царство Ночи.

Ольгьо остались с крылатыми конями наверху, а Могиен и Роканнон спустились по лестнице в мир пещер и перекрещивающихся, разветвляющихся туннелей, цементированных, с пористыми стенами и электрическим освещением; здесь пахло потом и прокисшей едой. Бесшумно ступая за ними плоскими и серыми босыми ногами, «люди глины» привели их в слабо освещенную, почти шарообразную, как пузырь воздуха в пласте каменной породы, пещеру и оставили там одних.

Они стали ждать, но никто не появлялся.

Интересно, подумал Роканнон, почему первые исследователи рекомендуют принять в члены Союза Всех Планет именно «людей глины»? Может быть, потому, что экипажи первых экспедиций на Фомальгаут-II состояли из жителей холодной планеты в созвездии Центавра, и те, спасаясь от потоков тепла и слепящего света, исходящих от огромного солнца звездного класса А-3, с чувством огромного облегчения укрылись в пещерах гдема? Им, центаврийцам, самыми разумными на такой планете должны были показаться те, кто живет под ее поверхностью. Для него же, Роканнона, жаркое белое солнце и ночи, залитые светом четырех лун, резкие перемены погоды и дующие непрерывно ветры, плотная атмосфера и не слишком большая гравитация, благодаря которым здесь столько видов летающих тварей, были не только приемлемы, но и просто его радовали. Однако, подумал он, именно по этой причине ему труднее, чем центаврийцам, объективно судить о здешних пещерных жителях. Соображают гдема хорошо. Кроме того, они телепатичны

(а телепатия — явление куда более редкое и менее понятное, чем, например, электричество), однако первые экспедиции не придали этой их способности никакого значения. Они подарили Цдема электрогенератор и космический корабль-автомат с запрограммированным маршрутом, познакомили «людей глины» кое с какой математикой, похлопали поощрительно по плечу — и улетели, бросив тех на произвол судьбы. А что делали коротышки с той поры? Он спросил об этом Могиена.

Молодой властитель, определенно ни разу в жизни до этого не видевший никаких искусственных источников света, кроме свечи или смоляного факела, без малейшего интереса посмотрел на электрическую лампочку над головой.

— У них всегда хорошо получались всякие изделия,— сказал он свойственным ему крайне высокомерным тоном.

— Что-нибудь новое они в последнее время делали?

— Наши стальные мечи мы покупали у «людей глины», кузнецы обрабатывающие сталь, были у них еще во времена моего деда; но что было раньше, я не знаю. Бок о бок с «людьми глины» мой народ живет с давних пор, мы позволяем им рыть туннели даже на границах наших владений, платим за мечи серебром. Говорят, что они богаты, но набеги на них запрещены обычаем. Война между двумя разными племенами к добру не ведет, ты знаешь сам. Даже когда мой дед Дурхал, думая, что они украли его жену, отправился к ним сюда, он не нарушил запрета и не стал заставлять их говорить. «Люди глины стараются, если возможно, не лгать, но и не говорить правду. Любви к ним мы не испытываем, как и они к нам — наверное, они помнят те далекие дни, когда запрета еще не было. Храбростью «люди глины» не отличаются.

За спиной у них загремел голос:

— Склонитесь перед Повелителем Ночи!

Оба мгновенно обернулись; рука Повелителя Звезд легла на лазерный пистолет, а руки Могиена — на рукояти мечей, но Роканнон сразу заметил вмонтированный в вогнутую стену динамик и шепнул Могиену:

— Не отвечай.

— Говорите, пришедшие в Пещеры Властителей Ночи!

Оглушительный голос, казалось, не мог не вызвать страха, однако у Могиена лишь поднялись в ленивом недоумении высокие дуги его бровей. Немного помолчав, он спросил:

— Теперь, после того, как ты три дня летел на крылатом коне, ты почувствовал, Повелитель Звезд, какое это удовольствие?

— Говорите, вас слышат!

— Почувствовал. И полосатый конь легок в полете, как западный ветер в теплый сезон,— сказал Роканнон, используя комплимент, услышанный как-то за столом в Зале Пиршеств Халлана.

— У него очень хорошая родословная.

— Говорите! Вас слышно!

И они начали, между тем как стена бушевала и ярилась, обсуждать разведение крылатых коней. В конце концов из туннеля появились «люди глины» и буркнули:

— Пойдемте.

Через разветвляющиеся туннели они провели Роканнона и Могиена к очень чистому, похожему на увеличенную игрушку, маленькому вагончику на электрическом ходу, и вчетвером они быстро проехали на нем по туннелям несколько миль; глина осталась позади, теперь вокруг них был известняк. Остановился вагончик перед входом в ярко освещенный зал; в дальнем конце зала стояли на возвышении трое гдема. Как этнолог, при первом же взгляде на них Роканнон ощутил острый стыд: все трое показались ему на одно лицо. Как в свое время китайцы голландцам, а позднее русские центаврийцам... Потом он уловил отличие «людей глины», стоявших по сторонам, от третьего, стоявшего посередине: у этого на голове была железная корона, властное лицо было белое и морщинистое.

— Что нужно Повелителю Звезд в пещерах Могущественных?

Формальный характер «общего языка», на котором они к нему обратились, в этой ситуации устраивал Роканнона как нельзя лучше, и он ответил на нем же:

— Я надеялся прийти гостем в эти пещеры, узнать обычаи Повелителей Ночи и увидеть ими творимые чудеса. Я надеюсь, что возможность для этого у меня еще будет. Но ныне происходит плохое, и сейчас меня привела к вам крайняя нужда. Я, должностное лицо Союза Всех Планет, прошу вас доставить меня к звездному кораблю, который подарил вам Союз в знак его доверия к вам.

Все трое смотрели на него, и выражение их глаз не менялось. Благодаря возвышению, на котором они стояли, казалось, что они одного роста с Роканноном, и он смотрел, не в силах оторвать взгляд, на их широкие лица, чей возраст невозможно было определить, и в будто окаменевшие их глаза. У Роканнона было чувство, что все это происходит во сне, когда стоявший слева сказал на галапиджине:

— Корабль нет.

— Есть,— сказал Роканнон.

Наступило молчание, потом говоривший гдема повторил:

— Корабль нет.

— Говорите, пожалуйста, на «общем языке». Я прошу вашей помощи. На вашу планету высадились враги Союза. Если вы допустите, чтобы они остались, планета эта перестанет быть вашей.

— Корабль нет,— снова повторил левый. Двое других стояли неподвижные, как сталагмиты.

— Значит, я должен сказать другим Повелителям Союза, что «люди глины» не оправдали их доверия и недостойны сражаться в Грядущей Войне?

Ответом было молчание.

— Доверие либо обоюдное, либо его нет вообще,— сказал наконец на «общем языке» гдема, увенчанный железной короной.

— Если бы я вам не доверял, разве обратился я к вам за помощью? Выполните хотя бы вот какую мою просьбу: отправьте этот корабль с письмом в Кергелен. Не нужно, чтобы кто-то полетел на нем и потерял восемь лет: корабль до Кергелена долетит сам.

Опять наступило молчание.

— Корабль нет,— снова повторил скрипучим голосом левый.

— Пойдем, Повелитель Могиен,— сказал Роканнон и повернулся к «людям глины» спиной.

— Те, кто предает Повелителей Звезд, предают не только их, но и древние обычаи,— высокомерно сказал, отчеканивая каждое слово, Могиен.— Еще в очень давние времена делали вы для нас мечи, «люди глины». Мечи эти не заржавели и сейчас.

И он вышел вместе с Роканноном вслед за сопровождающими серыми коротышками; те молча отвели их к той же рельсовой дороге, и они, проехав снова через лабиринт сырых, но ослепительно ярко освещенных туннелей, вышли наконец в свет дня.

Они перелетели на крылатых конях на несколько миль к западу, за пределы территории, принадлежащей «людям глины», и опустились, чтобы посовещаться, на берег протекавшей через лес реки.

Могиен не мог отделаться от чувства, что он не оправдал ожиданий своего гостя; он не привык к тому, чтобы ему мешали быть гостеприимным и щедрым, и сейчас лишь с трудом сдерживал возмущение.

— Пещерные черви! — пробормотал он.— Трусы! Никогда не скажут напрямик, что они сделали или хотят сделать. Все «маленькие» таковы, даже фиии. Но фиии все-таки можно доверять. Как ты думаешь, не могли «люди глины» отдать корабль врагу?

— Откуда нам знать?

— Я знаю одно: они его отдадут только тому, кто заплатит вдвое. Все вещи, вещи, — кроме вещей, их не интересует ничего. Что имел в виду самый старый, когда сказал, что доверие должно быть обоюдным?

— По-моему, его народу кажется, будто мы, Союз, их предали. Начали помогать им, потом вдруг бросаем их на сорок пять лет, не общаемся с ними, не приглашаем больше к себе, говорим им, чтобы они надеялись только на себя. И вина тут только моя, хотя они этого не знают. С какой стати, коли на то пошло, должны они быть со мной любезны? Думаю, что в контакт с врагом они еще не вошли. Но если они и продадут ему корабль, это все равно ничего не изменит. Врагу от него пользы будет меньше даже, чем мне.

Роканнон стоял, ссутулившись, и смотрел вниз, на искрящуюся реку.

— Роканнон,— сказал Могиен, впервые называя его просто по имени, как родственника,— недалеко от этого леса, в неприступном замке Кьодор, живут мои двоюродные братья, у них тридцать воинов ангъя и три деревни «среднерослых». Они помогут нам наказать «людей глины» за их дерзость...

— Нет,— твердо сказал Роканнон.— Понаблюдать за «людьми глины» стоит, это ты скажи своему народу; действительно, враг может подкупить гдема. Но ради меня ни один обычай не будет нарушен и не начнется ни одна война. Это было бы бессмысленно. В такие времена, как сейчас, Могиен, судьба одного человека не имеет значения.

— Если она не имеет значения,— спросил Могиен и поглядел в небо,— то что имеет?

— Повелители,— прервал их стройный молодой ольгъо Яхан,— кто-то прячется за деревьями на том берегу.

И он показал на цветное пятно, появившееся и исчезнувшее за темными хвойными деревьями.

— Фиина! — воскликнул Могиен — Посмотри на коней,— сказал он Роканнону.

Все четверо больших животных, навострив уши, уставились на деревья на том берегу реки.

— Повелитель Халлана приходит к фиина только с дружбой! — прозвенел над широкой, мелкой, но громко журчащей рекой голос Могиена.

И почти сразу на том берегу, там, где под деревьями смешивались свет и тень, появилась маленькая фигурка. На ней мелькали пятнышки солнечного света, и поэтому она то вспыхивала, то гасла, ее было трудно удержать в поле зрения, и от этого казалось, что фигурка приплясывает. Она начала приближаться, и Роканнону почудилось, будто она идет по поверхности реки — так легко переходил фиина мелкую, просвеченную солнцем реку. Полосатый крылатый конь Роканнона встал и, мягко ступая толстыми ногами с полыми костями внутри, подошел к краю воды. Когда фиина вышел на берег, большое животное наклонило голову, и фиина, подняв руку, почесал пушистые уши. Потом он подошел к четырем путникам.

— Привет Могиену, наследнику Халлана, солнцеволосому, с двумя мечами! — Голос был тоненький и нежный, как у ребенка, и маленьким и легким, как у ребенка, было тело, но совсем не таким, как у ребенка, было лицо.— И тебе привет, гость Халлана, Повелитель Звезд, Скиталец! — и на несколько мгновений странные, большие, светлые глаза задержали взгляд на Роканноне.

— Фиина знают все имена и новости,— сказал Могиен с улыбкой.

Однако маленький человечек в ответ не улыбнулся. Это поразило Роканнона, побывавшего с исследовательской группой, пусть ненадолго, в одной из деревень фиина.

— О, Повелитель Звезд,— сказал нежный дрожащий голосок,— кто прилетает в крылатых кораблях и убивает людей?

— Убивает людей? Твоих соплеменников?!

— Всю мою деревню,— сказал человечек.— Я пас скот на холмах.. Услышал умом, как кричат мои родичи, и пошел в деревню, и они сгорали в огне и кричали. Над деревней было два корабля с вращающимися крыльями. Эти корабли выплевывали огонь. Из всей деревни, кроме меня, нет больше никого, и говорить умом мне теперь не с кем. Где у себя в голове я слышал родичей, теперь только огонь и молчание. Почему такое произошло, Повелители?

Он переводил взгляд с Роканнона на Могиена и обратно. Потом согнулся, как смертельно раненный, присел и съежился.

Могиен стоял над ним, положив руки на рукояти мечей, и его трясло от гнева.

— Клянусь отомстить тем, кто уничтожил фииа! Как такое могло случиться, Роканнон? У фииа нет мечей, нет богатства, нет врагов! Никого не осталось из тех, с кем он говорил умом, никого из его родичей. Один, без соплеменников, фииа не может жить. Когда он остается один, он умирает. Для чего они уничтожили всех его родичей?

— Чтобы показать свою силу,-- ответил Роканнон.— Давай возьмем его с собой в Халлан, Могиен.

Высокий властитель опустился на колени возле маленькой съежившейся фигурки.

— Фииа, наш друг, садись со мной на моего крылатого коня. Я не могу говорить с тобой умом, как ты разговаривал со своими родичами, но слова, которые говорят вслух, не все пустые.

В молчании сели четверо путников на крылатых коней, фииа — как ребенок, на высокое седло перед Могиеном, и кони снова поднялись в воздух. Им помогал лететь южный ветер с дождем, дувший в спину, и к концу следующего дня Роканнон увидел мраморную лестницу, поднимающуюся по лесистому склону, Мост-над-бездной, соединяющий два зеленых края пропасти, и башню Халлана в лучах долгого заката. Во Дворе Прилетов их сразу окружили жители замка, светловолосая знать и темноволосые слуги, они торопились рассказать новости: Реохан, ближайший к ним замок на востоке, сожжен, и все, кто там жил, сгорели: как понял Роканнон, это сделали, опять с двух вертолетов, несколько человек с лазерными пистолетами; воины и крестьяне погибли, не получив даже возможности ответить врагу хотя бы одним ударом меча. Люди в Халлане почти не владели собой от гнева и возмущения, но когда они увидели на крылатом коне, принадлежащем их молодому властителю, также и фииа и узнали, почему он здесь, к их чувствам прибавился еще и страх. Многие жители Халлана, самой северной твердыни ангъя, до этого фииа никогда не видели, но все знали сказания об этом народе и знали о древнем запрете причинять ему зло. Нападение, пусть даже сколь угодно кровавое, на какой-нибудь из их собственных, ангъя, замков в их представление о мире вполне вписывалось, однако нападение на маленьких фииа для них было святотатством. В них боролись теперь страх и гнев. Ве-

чером того же дня, уже в своей комнате в башне, Роканнон услышал шум внизу, в Зале Пиршеств: это ангъя Халлана извергали потоки метафор и метали громы и молнии гипербол, клянясь победить врага. Ангъя хвастливы, мстительны, высокомерны, упрямы; у них не было письменности, а в языке отсутствовала форма первого лица для глагола «не мочь». Богов в сказаньях ангъя не было, а были только герои.

Внезапно в этот далекий шум ворвался зазвучавший совсем рядом, в комнате, чей-то голос, и рука Роканнона на приемнике, который он настраивал, от неожиданности дернулась. Громкий голос рассказывал о чем-то на неизвестном Роканнону языке. Наконец он нашел частоту врага! Что враг говорил не на общегалактическом, было естественно, если учесть, что на планетах Союза несколько сот тысяч языков, не считая уже занесенных в справочники планет вроде этой, а также еще не обнаруженных. Голос начал называть числа: их Роканнон понимал, потому что они были на языке цивилизации из созвездия Кита, исключительные математические достижения которой, а потом и ее числительные, распространились по всем планетам Союза. Роканнон слушал с напряженным вниманием, но понимал только числа.

Голос исчез так же внезапно, как и появился, и из динамика слышалось теперь лишь шипение атмосферных разрядов.

Роканнон посмотрел в другой конец комнаты, на маленького фиина, который попросил разрешения остаться с ним и молча сидел, скрестив ноги, на полу у окна.

— Это, Кьо, говорил враг,— сказал Роканнон.

Лицо фиина не изменилось.

— Кьо,— спросил Роканнон (по обычаю ангъя, обращаясь к отдельным фиина, вместо личных имен употребляли названия деревень, в которых те живут, поскольку было неизвестно даже, есть у отдельных фиина свои имена или нет),— Кьо, если бы ты постарался, смог бы ты услышать врагов умом?

В коротких записях, сделанных во время единственного посещения им деревень фиина, Роканнон отметил, что фиина редко отвечают прямо на поставленный вопрос; и ему хорошо запомнилась их скрываемая за улыбкой уклончивость. Однако Кьо, волей судьбы погруженный в чужую для него стихию звуковой речи, ответил на вопрос Роканнона.

— Нет, Повелитель,— сказал он сокрушенно.

— А можешь ты слышать умом других из твоего народа, в других деревнях?

— Немного. Если бы я в их деревнях жил... тогда, может быть, и смог бы. Фиина иногда переходят жить из родной деревни в другую. Рассказывают даже, что когда-то фиина и гдема говорили умом друг с другом как один народ, но это было давным-давно. Рассказывают... что...

Он замолчал.

— У твоего народа и у «людей глины» и в самом деле были общие предки, хотя теперь вы и они живете совсем по-разному. Что ты хотел сказать, Кьо?

— Рассказывают, что давным-давно на юге, на высоких местах, где кругом серое, жили те, кто мог говорить умом со всем живым. Все мысли могли слушать они, Старые, Самые Древние... Но мы спустились с гор, одни в долины, другие в пещеры, и забыли ту трудную жизнь.

Роканнон задумался. Никаких гор к югу от Халлана на континенте вроде бы нет. Он встал, чтобы взять «Путеводитель» и посмотреть карты, однако его остановил приемник, до этого мгновения шипевший на той же частоте. Опять звучал голос, но теперь далекий, гораздо слабее того, который он слышал перед этим; звучал то более, то менее внятно, в зависимости от помех, но говорил этот голос на общегалактическом:

— Номер Шесть, отзовитесь. Номер Шесть, отзовитесь... Говорит Фойе. Номер Шесть, отзовитесь...

После бесконечных повторений и пауз голос продолжал:

— ...Говорит Пятница... Нет, говорит Пятница... Говорит Фойе; как вы меня слышите, Номер Шесть? Сверхсветовые должны прибыть завтра, и мне сейчас нужен полный отчет об обшивке «семь-шесть» и о сетях. Реализацией сногсшибательного плана пусть занимается Восточный отряд. Вы меня слышите, Номер Шесть? Завтра мы свяжемся по ансиблу с Базой. Будьте добры прямо сейчас передать мне информацию об обшивке. Обшивка «семь-шесть». Нет необходимости...

Голос потонул в приливе помех, а когда появился снова, расслышать удалось уже только отдельные слова и обрывки фраз. Помехи, молчание, обрывки фраз — и вдруг врезался голос более близкий, он быстро говорил на неизвестном языке, который Роканнон слышал до этого. Говорил и говорил; не шевелясь, так и не убрав руку с «Путеводителя», Роканнон слушал. Так же неподвижно сидел в тени на другом конце комнаты фиина. Голос в динамике произнес две пары чисел, потом их повторил; при повторении Роканнон уловил слово, на языке цивилизации в созвездии Кита означающее «градусы». Он открыл блокнот и записал числа; по-прежнему слушая, открыл наконец «Путеводитель» на той странице, где начинается карта Фомальгаута-II.

Числа, которые он записал, были 28 28—121 40. Если это широта и долгота... Он углубился в карты: рука, державшая карандаш, раза два прикоснулась заостренным кончиком к точкам в открытом море. Попробовал вариант, где 121 означал западную долготу, а 28 — северную широту, и кончик карандаша оказался намного южнее горного хребта, пересекающего примерно посредине Юго-Западный Континент. Роканнон замер, не отрывая взгляда от карты. Приемник молчал.

— Что это было, Повелитель Звезд?

— Кажется, я знаю теперь, где они. Возможно. И у них там ансибл.— Он посмотрел на Кьо невидящим взглядом, потом повернулся к карте.— Если они и вправду там... Мне бы только добраться туда и расстроить их планы, мне бы отправить через их ансибл хотя бы одно сообщение Союзу, хотя бы...

В свое время картографирование Юго-Западного Континента было проведено исключительно с воздуха, и обозначены были

лишь горы и самые большие реки. Сотни квадратных километров неизвестности, и о точном местонахождении цели можно только гадать...

— Я не могу сидеть сложа руки,— сказал Роканнон.

И, снова подняв глаза, встретил ясный непонимающий взгляд маленького фиия. Встал и начал мерить шагами каменный пол комнаты. Приемник шептал и потрескивал.

У него только одно преимущество: враг не знает о нем и его не ждет.

— Хорошо бы использовать против них их собственное оружие,— продолжал Роканнон.— Я, пожалуй, попробую их найти. На юге. Не только твоих родичей убили эти чужаки, но и моих товарищей. Мы с тобой оба одиноки, оба говорим на неродном для нас языке. Я был бы очень рад, если бы ты остался со мной.

Он сам не знал, почему эти последние слова у него вырвались.

По лицу фиия мелькнула тень улыбки. Параллельно, не соединяя их, он поднял над головой руки. Огоньки свечей в подсвечниках на стенах раскачивались, подпрыгивали, меняя форму.

— Было предсказано, что Скиталец будет выбирать себе товарищей,— сказал фиия.— На какое-то время.

— Скиталец? — переспросил Роканнон.

На этот раз фиия ему не ответил.

3 Медленно, шурша подолами юбок по каменному полу, Властительница Замка, мать Могиена, Хальдре, шла через высокий зал. Ее темная кожа с годами потемнела еще больше, когда-то золотые волосы стали белыми. И все равно красота, отличавшая женщин ее рода, не покинула Хальдре. Роканнон поклонился и приветствовал ее так, как того требовал этикет:

— Привет Повелительнице Халлана, дочери Дурхала, Хальдре Золотоволосой!

— Привет Роканнону, нашему гостю,— и она посмотрела на него сверху вниз спокойным взглядом. Как большинство женщин аньев и все мужчины этого народа, она была выше Роканнона.— Расскажи, почему отправляешься ты на юг.

Она неторопливо прохаживалась по залу, и он прохаживался рядом с ней. От темных гобеленов, свисавших с высоких стен, воздух казался тоже темным, а балки потолка — черными, и только под этим потолком были узкие окна, через которые наискосок вниз падал в зал холодный утренний свет.

— Я отправляюсь на поиски врагов, Повелительница.

— А что будет, когда ты их найдешь?

— Я надеюсь войти в их замок и через их... машину, передающую вести, рассказать Союзу, что враги напали на эту планету. Она стала их убежищем, и очень маловероятно, что Союз сам сможет их найти: ведь миров так же много, как песчинок на морском берегу. Но найти врагов нужно во что бы то ни стало. Они уже причинили вашей планете много зла и причинят еще больше другим планетам.

Хальдре кивнула.

— Верно ли, что ты хочешь отправиться в путь налегке, взять с собой всего несколько человек?

— Да, Повелительница. Путь долог, и придется переправиться через море. И сила врагов так велика, что противопоставить ей я могу только хитрость.

— Одной хитрости мало, Повелитель Звезд,— сказала старая женщина.— Я пошлю с тобой четырех верных ольгьо, если четырех тебе достаточно, двух крылатых коней с поклажей и шесть под седлом и дам серебра — на случай, если варвары в чужих странах потребуют платы за ночлег для тебя и моего сына Могиена.

— Могиен отправится со мной вместе? Из всех твоих даров, Повелительница, этот — самый дорогой!

Она задержала на нем свой печальный взгляд.

— Я рада, что он приятен тебе, Повелитель Звезд,— и она снова медленно пошла с ним рядом.— Могиен жаждет отправиться с тобой вместе, ведь он любит тебя, да и приключения любит, и ты, великий властитель, идущий навстречу большой опасности, тоже жаждешь, чтобы с тобой отправился он. Поэтому, считаю я, так и должно быть. Но прошу тебя сейчас, сегодняшним утром в Большом Зале, запомнить мои слова и не бояться упреков от меня, когда ты возвратишься: я не верю, что Могиен с тобой вернется.

— Но ведь он должен унаследовать Халлан, Повелительница!

Она шла и молчала, в конце зала, под потемневшим от времени гобеленом, на котором золотоволосые ангья дрались с крылатыми великанами, повернула назад и наконец заговорила снова:

— Халлан унаследуют другие властители.— Ее спокойный голос был полон холодной горечи.— Вы, Повелители Звезд, снова среди нас, снова приносите нам свои обычаи и войны. Реохан превратился в прах; долго ли простоит Халлан? Сама планета наша теперь стала всего лишь песчинкой на берегу ночи. Все меняется сейчас, но в одном я не сомневаюсь по-прежнему: над моим родом нависла черная тень. Моя мать, которую ты знал, впала в безумие и заблудилась в лесу; отец мой погиб в бою, муж стал жертвой предательства; и когда у меня родился сын и я радовалась его рождению, дух мой скорбел, предчувствуя, что жизнь сына будет короткой. Сам он об этом не скорбит: ведь он ангья, он носит два меча. Но моя доля мрака в том, чтобы одной править приходящим в упадок родовым владением, жить, жить и пережить их всех...— Она помолчала.— Тебе, чтобы выкупить свою жизнь или право идти вперед, понадобится больше сокровищ, чем у меня есть. Возьми вот это. Тебе я вручаю это, Роканнон, не Могиену. Для тебя мрака в этой драгоценности нет: разве не твоей она была когда-то в городе по ту сторону ночи? Для нас же она обернулась лишь тенью и бременем. Прими ее

снова, Повелитель Звезд! Используй ее, если будет нужно, как выкуп или как подарок.

Хальдре расстегнула у себя на шее золотое ожерелье с большим синим камнем, стоившее жизни ее матери, сняла его и протянула Роканнону. Он взял его, почти с ужасом слыша приглушенный холодный стук золотых звеньев, и поднял взгляд. С высоты своего роста Хальдре смотрела прямо на него, и ее голубые глаза в прозрачной темноте зала тоже казались темными.

— А теперь бери с собой моего сына, Повелитель Звезд, и следуй своим путем. Да погибнут твои враги, не оставив сыновей!

Полосатый конь, верхом на котором сидел Роканнон, несколько раз взмахнул крыльями, и далеко внизу остались пламя факелов, дым, снующие тени, голоса, суета и шум. Всего лишь пятнышко неяркого света на уходящих вдаль темных холмах, Халлан остался позади; широко раскинутые, почти невидимые во мраке крылья поднимались и опускались, и в лицо Роканнона бил встречный ветер. Восток позади начал светлеть, и ярко сияла Большая Звезда, предвестница восхода, до которого, однако, было еще далеко. И день, и ночь, и утро, и вечер были величественно неторопливы на этой планете, которой, чтобы повернуться вокруг своей оси, нужно было тридцать часов. И медленной была также поступь сезонов: сейчас началось весеннее равноденствие, и предстояли четыреста дней весны и лета.

— О нас будут петь песни в высоких замках,— сказал Кьо со своего седла за спиной у Роканнона.— Будут петь о том, как Скиталец и его спутники во тьме неслись по небу на юг перед началом весны...

Кьо хохотнул. Словно рулон серого шелка, расписанный холмами и цветущими равнинами Ангьена, развертывался под ними; пейзажи становились все ярче и наконец вспыхнули яркими красками и резкими тенями: на горизонте царственно поднялось дневное светило.

В полдень они спустились отдохнуть часа два на берегу реки, текущей на юго-запад, к морю, вдоль русла которой они следовали; позже, когда уже начало смеркаться, они спустились снова, на этот раз к небольшому замку, стоящему на вершине холма, как все замки ангъя; холм этот огибала та же река. Владелец и жители замка встретили их радушно. Хозяева с трудом удерживались от вопросов; верхом на крылатых конях, вместе с наследником Халлана и четырьмя ольгьо, путешествовали фина (такого еще никогда не бывало) и кто-то говоривший со странным акцентом, одетый как ангъя, но без мечей, и бледнолицый, как ольгьо. Вообще-то любовные связи между представителями этих двух каст, ангъя и ольгьо, были куда многочисленнее, чем большинство ангъя готово было признать; ты сплошь и рядом встречал светлокожих воинов и золотоволосых слуг. Ну а с этим другом наследника Халлана было уже совсем непонятно. Сам же Роканнон, не желая, чтобы о его присутствии стало известно всем на планете, молчал, а их гостеприимный хозяин не осмеливался задать вопросы наследнику Халлана; и если в конце

концов хозяину и довелось узнать, кто был его странный гость, то лишь из песен, в которых годы спустя тот был воспет.

Так же, в полете над изумительной красоты горами и долинами, провели семь путников и следующий день. Переночевали они в деревне ольгъо у реки, а на третий день оказались в местах, новых даже для Могиена. Река, широкой дугой поворачивавшая здесь к югу, теперь растекалась по заводям и старицам, холмы уступили место просторам равнин, а небо над горизонтом поблескивало как затуманенное зеркало. К концу дня они увидели белый утес, на вершине которого стоял замок; дальше тянулись лагуны, перемежаемые серыми песками, а еще дальше расстилался морской простор.

С седла Роканнон опустился усталый, ломило спину, а в голове от ветра и движения все звенело; и когда он снова посмотрел на замок, то подумал, что из всех виденных им твердынь ангъя эта самая жалкая. К бокам пострадавшей от времени приземистой крепости жались, как мокрые цыплята под крылья курицы, две кучки хижин; из кривых узких улочек на путешественников пялили глаза местные ольгъо, почему-то бледные и коренастые.

— Похоже, что здесь они перемешались с «людьми глины»,— сказал Могиен. — Вот ворота; замок этот, если ветер не отнес нас куда-то в сторону, называется Толен. Эй, властители Толена, у ваших ворот гости!

Ни единого звука не раздавалось из замка.

— Ветер раскачивает ворота Толена,— сказал Кьо.

И в самом деле, ворота из окованного бронзой дерева, повисшие на петлях, качались в холодном морском ветре, продувавшем селение насквозь. Острием меча Могиен толкнул створку внутрь. За ней была тьма, где захлопали испуганно чьи-то крылья; пахнуло сыростью.

— Властители Толена не встретили гостей,— сказал Могиен.— Что ж, Яхан, спроси этих уродов, где мы можем переночевать.

Молодой ольгъо повернулся к кучке местных жителей, стоявших поодаль, и заговорил. Какой-то старик, набравшись духу, отделился от толпы, боком, то и дело кланяясь, заковылял вперед и обратился почтительно к Яхану. Говорил старик на диалекте ольгъо, который Роканнон не очень хорошо знал; однако он понял: старик твердит, что им некуда поселить «педана» — это слово Роканнону известно не было. К Яхану присоединился другой слуга Могиена, высокий Фахо; он, в отличие от Яхана, говорил угрожающе, но старик только приседал, кособочась, кланялся и бормотал; и наконец вперед решительными шагами вышел Могиен. Кодекс поведения ангъя запрещал ему разговаривать со слугами другого владения, и он просто обнажил один меч, поднял его, и меч засверкал в холодном, отраженном водами моря свете. Старик только развел руками, повернулся и с воплем скрылся, шаркая, в одной из улочек, где с каждым мгновением становилось все темнее. Путники последовали за ним;

сложенные крылья их коней задевали краями низкие камышовые крыши по обе стороны проулка.

— Яхан, что означает это слово?

Молодой олыъо, вообще добросердечный и открытый, сейчас испытывал неловкость.

— Педан, Повелитель, это... э-э... тот, кто ходит среди людей.

Роканнон кивнул, хотя, конечно, рад был бы узнать точнее, о чем идет речь. Прежде, когда он был еще не союзником, а исследователем этого вида разумной жизни, он тщетно пытался обнаружить у них какую-нибудь религию; складывалось впечатление, что никаких религиозных верований у них нет вообще. При этом они были очень суеверны. Верили в колдовство, одушевляли явления природы, однако богов у них не было. И вот наконец встретилось слово, указывающее как будто на веру в сверхъестественное! Ему даже не пришло в голову, что, употребляя это слово, местные жители имели в виду его, Роканнона.

Три развалюхи понадобились, чтобы разместить всех семерых путников, а крылатых коней пришлось привязать снаружи, потому что ни одна хижина в селении их не вместила бы. Распушив мех, чтобы защититься от холодного морского ветра, животные сбились потеснее. Полосатый конь Роканнона начал, царапая хижины, то ли выть, то ли мяукать и успокоился лишь, когда вышел Кьо и почесал ему за ушами.

— Для него, бедняги, худшее впереди,— сказал Могиен, сидя рядом с Роканноном у очага, устроенного в углублении посреди пола.— Крылатые боятся воды.

— Ты сказал в Халлане, что через море они не полетят, а у местных жителей нет лодок, на которых можно было бы переправить наших коней. Как же нам быть?

— Рисунок нашей страны у тебя с собой? — спросил Могиен.

Географических карт у ангъя не было, и те, что оказались в «Путеводителе», с первого же раза, когда он их увидел, поразили его воображение. Роканнон извлек книгу из старой кожаной сумки, сопровождавшей его во всех путешествиях; сейчас в ней хранилось то немногое, что осталось у него после гибели корабля: «Путеводитель», блокноты, одежда, лазерный пистолет, походная аптечка, рация, дорожные шахматы с Земли и потрепанный томик хейнской поэзии. Сперва он держал в сумке и ожерелье с сапфиром, но накануне вечером, ощутив вдруг тревогу при мысли о необычайной ценности ожерелья, сшил из мягкой кожи местного зверька, называемого барило, чехольчик, надел его на подвеску с сапфиром, крепко зашил и надел ожерелье себе на шею, под рубашку; теперь подвеска выглядела как амулет, а потерялась бы лишь с его головой.

Длинным и твердым указательным пальцем Могиен обвел контуры обоих западных континентов там, где они ближе всего один к другому: сам Ангъен с его двумя глубокими заливами и широким полуостровом между ними, вытянутым еще дальше на юг, а по ту сторону пролива — северную оконечность Юго-Западного Континента (Могиен называл его «Фьерн»).

— Мы вот здесь,— сказал Роканнон и положил рыбий позвонок, оставшийся после ужина, на конец полуострова.

— А здесь, если верить этим трусливым дурням, которые питаются рыбой, находится замок Пленот,— и Могиен, положив на полдюйма к востоку от первого позвонка другой, задержал на нем взгляд.— Точь-в-точь как башня, когда смотришь на нее сверху. Как только вернусь в Халлан, разошлю во все стороны сто человек на крылатых конях: пусть посмотрят хорошенько сверху на весь Ангьен, и по их рисункам мы высечем на плоском камне его полное изображение. В Пленоте должны быть большие лодки Толена, но также и собственные, пленотские. Между небогатыми властителями этих двух замков была распря, вот почему по Толену гуляет ветер и в нем царит тьма. Так тот старик сказал Яхану.

— Пленот одолжит нам лодки?

— Пленот ничего нам не одолжит. Властитель Пленота — «заблудший».

В сложном кодексе отношений ангья это означало владетеля, которого остальные властители поставили вне закона, отщепенца, не признающего правил гостеприимства и воздаяния за совершенные добро и зло.

— У него только два крылатых коня,— добавил Могиен, снимая на ночь с себя портупею.— А замок его, говорят, из дерева.

Следующим утром они уже летели, подгоняемые ветром, к этому деревянному замку, и один из стражей замка увидел их почти в тот же миг, когда сами они увидели башню. Тут же оба крылатых коня Пленота взлетели и начали описывать вокруг башни круги; подлетев еще ближе, путешественники увидели, что из бойниц высовываются фигурки с луками в руках. «Заблудший», если и ждал кого-нибудь, то уж, во всяком случае, не друзей. Пленот был совсем невелик, оказался даже неприглядней Толена, домишек ольгъо у его стен не было, а стоял он на груде черных валунов; но как ни убог он был на вид, Роканнон вовсе не разделял уверенности Могиена в том, что шестеро воинов смогут овладеть этим замком. Роканнон проверил, надежно ли пристегнуты к седлу ремнями его бедра, и крепче сжал в руке длинное копье, которое ему дал Могиен.

А тот, уже далеко впереди на своем черном коне, поднял копье и издал боевой клич. Конь Роканнона опустил голову и изо всех сил заработал полосатыми черно-серыми крыльями. Они стремительно двигались вверх-вниз, вверх-вниз; длинное и широкое, но легкое тело было напряжено и вибрировало от ударов могучего сердца. Ветер свистел у Роканнона в ушах, и казалось, что башня Пленота и камышовая крыша замка мчатся навстречу — вместе с двумя всадниками на крылатых конях, описывающих круги вокруг башни и то и дело встающих в воздухе на дыбы. Роканнон прильнул грудью к спине коня; копье он держал горизонтально, изготовленным к бою. Ощущение счастья, первобытный восторг волной поднимались в нем; ему казалось, что

несется он верхом на ветре, и время от времени из уст его вырывался радостный смех. Все ближе, ближе покачивающаяся ритмично (покачивался его конь) башня с ее крылатыми стражами; внезапно Могиен, издав пронзительный вопль, бросил копье, и оно серебристой стрелой пронеслось по воздуху. Острие так сильно ударило одного из двух всадников в защищенную латами грудь, что его откинуло в седле назад; ремни, удерживавшие его бедра, разорвались, и он, перелетев через круп, начал медленно, как казалось со стороны, падать на беззвучно кипящие в прибрежных камнях буруны. Могиен же, пронесшись мимо оставшегося без всадника коня, схватился со вторым стражем башни, но с ним вступил в ближний бой, пытаясь поразить противника мечом; тот, отбивая удары, искал мгновенья, когда сможет вонзить в Могиена копье.

Неподалеку кружили четыре бело-серых коня с сидящими на них «среднерослыми» Халлана; готовые помочь, если будет нужно, своему властителю, они, однако, не вмешивались в поединок, а только летали вокруг на высоте как раз достаточной, чтобы стрелы лучников, стреляющих из бойниц, не могли пробить кожаные набрюшники их коней. Но внезапно все четверо, издав тот же пронзительный, леденящий душу боевой клич, рванулись к участникам поединка. Несколько мгновений в воздухе висел огромный шевелящийся шар из белых крыльев и сверкающей стали. Потом из этого шара выпала человеческая фигура, ударилась о покатую крышу замка и соскользнула с нее на камни возле стены.

Роканнон только теперь понял, почему вмешались в поединок «среднерослые» Халлана: страж замка, нарушив правила единоборства, ударил не всадника, а коня. Сейчас конь Могиена со своим седоком, выбиваясь из сил, медленно летел в глубь суши, к дюнам, и на его черном крыле расплывалось багровое пятно крови. Халланские ольгьо стремительно пронеслись мимо Роканнона: они гнались за конями стражей замка, оставшимися без всадников, а кони эти, кружа, норовили вернуться в безопасность своих конюшен. Роканнон, не дав им спуститься, отогнал этих коней в сторону. Он увидел, как Рахо, бросив веревку с петлей, поймал одного из них, и в тот же момент Роканнон подпрыгнул в седле: что-то ужалило его в икру ноги. И без того взбудораженный конь Роканнона испугался; Роканнон натянул поводья, и тогда конь изогнул спину и впервые с тех пор, как Роканнон на него сел, встал на дыбы в воздухе. Вокруг перекрученным, снизу вверх, дождем взлетали стрелы. Мимо со смехом и криками опять промчались «среднерослые» Халлана и с ними Могиен, теперь на желтом коне с обезумевшим взглядом. Конь Роканнона сразу успокоился и полетел за ними следом.

— Лови, Повелитель Звезд! — услышал Роканнон крик Яхана.

Прямо на Роканнона летела комета с черным хвостом. Вытянув руку, Роканнон поймал ее; оказалось, что это зажженный смоляной факел, и вместе с остальными Роканнон начал кру-

жить вокруг башни, пытаясь поджечь камышовую крышу и деревянные балки.

— В левой ноге у тебя стрела! — крикнул, проносясь мимо Роканнона, Могиен.

Роканнон, засмеявшись в ответ, ловко зашвырнул факел в бойницу, из которой высовывался лучник.

— Какая меткость! — воскликнул Могиен, с размаху опустился вместе с конем на крышу и снова взлетел, но уже из языков пламени..

Опять вернулись с дюн Яхан и Рахо, в руках у них были новые охапки зажженных факелов, и оба теперь бросали их повсюду, где только видели что-нибудь камышовое или деревянное. Из башни уже вылетел с ревом и рассыпался фонтан искр, и кони, разъяренные постоянными осаживаниями и жалящими то и дело сквозь мех стрелами, бросались, издавая леденящий душу полурык-полурев, вниз на крыши замка. Дождь стрел, летевших снизу, прервался, и вдруг в открытый двор перед замком, семеня, выбежал изнутри человек; на голове у него было что-то вроде перевернутой деревянной салатницы, а в руках нечто такое, что Роканнон принял сперва за зеркало — пока не разглядел, что это наполненная водой большая чаша. Потянув резко за поводья желтого коня, все еще пытавшегося вернуться в конюшню, Могиен пролетел над появившимся человеком и прокричал:

— Говори скорей! Мои люди зажигают новые факелы!

— Какого владения ты Повелитель?

— Халлана!

— Повелитель Пленота просит времени потушить пожары!

— Даю — в обмен на жизни и сокровища жителей Толена!

— Пусть будет так! — крикнул пленотец и, по-прежнему держа в поднятых руках наполненную водой чашу, такими же мелкими шажками, как до этого, побежал назад в замок.

Нападавшие улетели к дюнам и оттуда увидели, как жители, выбежав из замка, стали по цепочке передавать ведра от моря к замку с водой. Башня сгорела, но стены замка уцелели. Всего гасили пожар десятка два людей, среди них было несколько женщин. Когда пожар потушили, из ворот вышла маленькая процессия, проследовала по косе к берегу и стала подниматься на дюны. Впереди шел высокий и худой человек с коричневой кожей и огненными волосами анг[illegible], за ним двое воинов, по-прежнему в деревянных, похожих на салатницы шлемах, а позади них — шесть мужчин и женщин, одетых в лохмотья и оробело поглядывавших по сторонам. Когда процессия подошла к дюнам, высокий человек поднял глиняную чашу с водой, которую держал в руках, и сказал:

— Я Оторен, Повелитель Пленота.

— Я Могиен, наследник Халлана.

— Жизни толенцев принадлежат отныне тебе, Повелитель,— и владетель Пленота кивком показал на оборванных людей, шедших последними.— А сокровищ в Толене не было никаких.

— Были две большие лодки, «заблудший».

— Когда дракон летит с севера, он видит все,— с нескрываемой досадой сказал властитель Пленота.— Лодки Толена принадлежат тебе.

— А ты, когда эти лодки окажутся у пристани Толена, получишь назад твоих крылатых коней,— пообещал великодушно Могиен.

— Как зовут второго властителя, победившего меня? — спросил Огорен, с любопытством глядя на Роканнона: у того, хотя на нем были доспехи из бронзы и другое, что носят воины ангъя, не было ни одного меча.

Могиен тоже посмотрел на своего друга, и Роканнон ответил первым же словом, какое пришло ему на ум, тем прозвищем, которое ему дал Кьо:

— Скиталец.

Огорен снова посмотрел на него с любопытством, потом поклонился обоим и сказал:

— Чаша полна, Повелители.

— Да не прольется вода и не нарушится договор! — отозвался Могиен.

Огорен повернулся и зашагал со своими двумя воинами к дотлевающему замку, на своих бывших пленников, стоявших, сбившись в кучку, на дюне, он даже не взглянул. Могиен же сказал им только:

— Отведите моего коня к себе домой, у него ранено крыло.

И, снова сев на желтого, взятого у пленотцев, взлетел на нем вверх. Роканнон, оглянувшись на людей в лохмотьях, начавших нелегкий путь домой, в разоренный Толен, последовал за Могиеном.

До этого сразу после боя на дюне он выдернул из левой ноги застрявшую в ней стрелу. Боли она почти не причиняла, выдернул он ее, не подумав, что на наконечнике могут быть зазубрины; они, однако, там оказались. Ангъя не пользовались ядами, он знал точно; но всегда возможно заражение крови. Видя, как отважны его спутники, он постеснялся надеть перед боем свой надежно защищающий почти от всего на свете и почти невидимый герметитовый костюм. И вот, располагая броней, которая защищает даже от лазерного пистолета, он может умереть от царапины.

Роканнон был уже в одной из хижин Толена, когда торопливый и широкоплечий Иот вошел туда и, став на колени, безмолвно, осторожно обмыл и перевязал его рану. Вошел в хижину и Могиен, еще не снявший доспехов; благодаря шлему с гребнем казалось, что он в десять футов ростом, а благодаря широкому жесткому наплечнику под плащом — что он пяти футов в плечах. Вслед за Могиеном шел Кьо, рядом с ангъя и ольгью похожий на молчаливого ребенка. Потом пришли Яхан, Рахо и юный Биен, и когда все сели на корточки вокруг углубления посредине хижины, в котором был очаг, Яхан наполнил семь оправленных в серебро чаш, и Могиен спросил его о ране, и от этого Роканнону стало еще лучше. Они снова выпили васкана;

из полумрака улочки в дверной проем заглядывали и тут же исчезали восхищенные и испуганные лица толенцев. Роканнон готов был сейчас обнять весь мир. Начали есть и выпили еще, а потом в этой полной дыма лачуге, где из-за запахов жареной рыбы, жира, которым смазывают сбрую, и пота трудно было дышать, встал Яхан; в руках он держал бронзовую лиру с серебряными струнами и он запел. Запел он про Дурхольде из Халлана, освободившего у топей Борна пленников Корхальта во времена Красного Властителя; и когда пропел родословную каждого воина, участвовавшего в той битве, и воспел каждый нанесенный ими удар, он тут же запел об освобождении толенцев и сожжении Пленота, о факеле Скитальца, пылающем под дождем стрел, о том, как метко попало в цель копье, брошенное против ветра Могиеном, наследником Халлана — так же метко, как попало в цель в давно прошедшие дни не знавшее промаха копье Хендина. Настроение у Роканнона было приподнятое, река песни уносила его с собой, и он чувствовал, что кровь, пролившаяся из его раны, неразрывными узами связала его с этой планетой, до которой он добрался через пучины ночи и которой до этого он был чужим. Но временами он замечал, что рядом с ним маленький фиа, совсем другой, нежели он, и фиа этот сейчас молчит и улыбается.

Морские волны исчезали под дождем, уходили в туман. Казалось, все цвета на этой планете пропали, остался только серый. Двое крылатых коней, оба со связанными крыльями и прикованные цепями к корме, издавали звуки, похожие на жалобный плач, и такие же звуки доносились сквозь дождь и туман из второй лодки.

Они провели в Толене много дней — ждали, пока заживет рана на ноге Роканнона и снова сможет лететь черный крылатый конь Могиена. Но, хотя ожидание было навязано им внешними обстоятельствами, Могиену и самому почему-то не очень хотелось переправляться через море. Он бродил один по серым пескам среди лагун у Толена, гоня от себя, возможно, те же предчувствия, которые одолевали и его мать, Хальдре. Роканнону он только сказал, что шум и вид моря вызывает у него беспокойство. Когда же наконец черный крылатый конь выздоровел, Могиен вдруг решил отправить коня под надзором Биена назад в Халлан. Они с Роканноном решили также, что оставят двух вьючных коней и большую часть поклажи под надзором престарелого владетеля Толена и его племянников; те до сих пор, хотя еле двигались, пытались привести в прежний вид свой замок, по всем помещениям которого гуляли теперь беспрепятственно сквозняки. Так что сейчас в двух длинных лодках с резной драконьей головой на носу насчитывалось лишь шесть спутников и пять крылатых коней; все кони были мокрые.

Парусом на лодке, в которой плыл Роканнон, управляли два угрюмых толенских рыбака. Яхан пытался успокоить связанных коней долгой монотонной песней о каком-то давным-давно

умершем властителе, а Роканнон и фиа, оба в плащах с капюшонами, сидели молча на корме.

— Кьо, как-то ты говорил о горах на юге,— неожиданно сказал Роканнон.

— Да,— отозвался тот и посмотрел на север, туда, где уже исчез в тумане берег Ангьена.

— А ты знаешь что-нибудь о том народе, который живет на юге, во Фьерне?

«Путеводитель» в этом случае был почти бесполезен; в конце концов, как раз для того, чтобы заполнить огромные пробелы в «Путеводителе», он и организовал свою экспедицию. «Путеводитель» утверждал, что на планете обитают пять разумных форм жизни, но описывал лишь три: во-первых, ангья/ольгьо; во-вторых, фиа и гдема; в-третьих, негуманоидный вид, обнаруженный на огромном Восточном континенте, на другой стороне планеты. Записи географов, относившиеся к Юго-Западному Континенту, основывались лишь на слухах: «Вид 4 (сведения подлежат проверке): крупные гуманоиды, якобы живущие в больших городах. Вид 5 (сведения подлежат проверке): крылатые сумчатые». В общем, толку от этих записей было не больше, чем от Кьо, который, похоже, считал, что Роканнон сам знает ответы на все вопросы, которые задает, и сейчас ответил как школьник:

— Во Фьерне, кажется, живут Древние, да?

В какой-то миг Роканнону послышался стрекот вертолета над головой, и он испытал чувство облегчения оттого, что из-за тумана увидеть лодки сверху нельзя; но тут же подумал, что в любом случае опасности нет. Едва ли армия, использующая эту планету в качестве базы для ведения межзвездной войны, придаст какое бы то ни было значение двум утлым суденышкам с их пассажирами — десятью людьми и пятью крылатыми конями.

Зажатые между дождем и волнами, они плыли и плыли. От воды как дым поднялась тьма. Наступила долгая холодная ночь. Наконец забрезжил, придавая все более ясные очертания туману, дождю и волнам, сероватый свет. Внезапно сумрачные рыбаки (их было по двое в каждой лодке) встревожились, схватились за руль и начали напряженно вглядываться в туман. Вдруг над лодками поднялась скала, видная только, когда в клубящемся тумане появились разрывы. Лодки стали огибать ее, над парусами нависли каменные глыбы и низкорослые, расплющенные ветром деревья.

Яхан, поговорив с одним из рыбаков, перевел Роканнону:

— Мы сейчас рядом с устьем большой реки, на одном ее берегу есть место, где можно пристать, а других таких мест близко нет.

Яхан еще не договорил эти слова, когда нависшие глыбы вдруг исчезли в тумане еще более густом, туман этот заклубился над лодкой, а по ее килю внезапно ударило сильное течение, и лодка заскрипела. Улыбающаяся голова дракона на носу запля-

сала. Рыбаки в обеих лодках начали громко и возбужденно перекликаться.

— Река разлилась,— перевел Яхан.— Они пытаются повернуть... держись крепче!

Роканнон едва успел схватить Кьо за локоть, когда лодка зарыскала, закачалась, зачерпывая бортами воду, а потом заплясала в каком-то диком танце среди противоборствующих течений; рыбаки, выбиваясь из сил, пытались вернуть ей устойчивость; за белым туманом не видно было даже воды, а крылатые кони, завывая от ужаса, рвались из сковывающих их движения пут.

Драконья голова, перестав качаться, наконец снова пошла вперед, как вдруг мощный порыв ветра с облаком густого тумана перекинул парус и резко накренил лодку. Парус, громко хлопнув, прилип к воде, и лодка соответственно, легла на борт. Теплая красная вода коснулась лица Роканнона, наполнила рот, залила глаза. Во что-то вцепившись, он судорожно пытался перевести дыхание. Оказалось, что держится он снова за Кьо, и оба они барахтаются в бушующем, теплом, как кровь, море, а оно кидает их из стороны в сторону, переворачивает и уносит все дальше от опрокинувшейся лодки. Роканнон закричал, зовя на помощь, но непроницаемый туман ответил мертвым молчанием. Есть ли где-нибудь берег, и если да, то в каком направлении и как далеко? Он поплыл туда, где еще маячил смутно в тумане корпус перевернутой лодки; теперь Кьо держался за его локоть.

— Роканнон! — послышалось совсем близко.

Из белого хаоса вынырнула улыбающаяся до ушей драконья голова на носу второй лодки. Миг — и рядом с ними в воде оказался Могиен и начал, одновременно борясь с течением, обматывать Кьо и Роканнона веревкой. Роканнон ясно видел лицо Могиена, дуги его бровей и потемневшие от воды золотистые волосы. Кьо и Роканнона втащили в лодку, потом — Могиена.

Сразу после них подобрали Яхана и одного из двух теленских рыбаков, управлявших лодкой Роканнона. Другой рыбак и оба крылатых коня утонули, оказавшись под перевернутой лодкой.

Уцелевшую лодку вынесло тем временем во внешнюю часть бухты, здесь течения и ветры были слабее, чем в самом устье. Переполненная промокшими безмолвствующими людьми, она плыла, покачиваясь, по красной воде сквозь мглу.

— Но ведь ты совсем не мокрый, Роканнон! Как такое могло случиться? — заговорил наконец Могиен.

Все еще не оправившийся от потрясения, Роканнон посмотрел на свою насквозь пропитанную водой одежду и не понял, что Могиен имеет в виду. За него, улыбаясь, ответил дрожащий от холода фиа:

— На Скитальце две кожи.

Только тогда Роканнон понял и показал Могиену эту «кожу» — герметитовый костюм, который он, чтобы уберечь себя от сырости и холода, надел накануне вечером, оставив открытыми лишь голову и кисти рук. Герметитовый костюм у него со-

хранился, и под костюмом по-прежнему был на груди «Глаз моря»; но рации, «Путеводителя» с картами, лазерного пистолета и всего остального, что связывало Роканнона с его цивилизацией, он лишился.

— Яхан, ты возвращаешься домой.

Слуга и господин стояли в тумане друг против друга на незнакомом берегу, вокруг клубился туман, и прямо под ногами у них, вскипая, шипел прибой. Яхан молчал.

Теперь на трех крылатых коней приходилось шесть всадников. Маленького Кьо мог посадить к себе какой-нибудь из «среднерослых», другой «среднерослый» мог посадить с собой Роканнона, но посадить кого-нибудь к тяжелому Могиену было нельзя: любой конь быстро выдохся бы. Поэтому один из трех «среднерослых» должен был вернуться вместе с рыбаками в Толен. Могиен решил, что вернуться должен Яхан, самый молодой из ольгьо.

— Я отправляю тебя домой не потому, что ты сделал что-то не так или не сделал того, что должен был сделать, Яхан. А теперь иди в лодку, рыбаки ждут.

Слуга не двинулся с места. Позади него рыбаки гасили ногами костер, который путники разожгли, чтобы приготовить пищу. Неяркие искры взлетали и тут же гасли.

— Повелитель,— прошептал Яхан,— отправь домой Иота.

Коричневое лицо Могиена помрачнело, и он положил руку на рукоять меча.

— Иди, Яхан!

— Не пойду, Повелитель.

Меч вылетел со свистом из ножен, и Яхан, издав полный отчаянья крик, повернулся и растаял в тумане.

— Подождите его немного,— сказал Могиен рыбакам; лицо его не выражало никаких чувств.— Потом отправляйтесь. И мы отправимся тоже, но в другую сторону,— и он повернулся к Кьо.— Маленький Повелитель, ты не поедешь на моем коне, пока он не летит?

Кьо сидел у костра, съежившись, как от холода; с тех пор, как они сошли на берег Фьерна, он не ел ни разу и не вымолвил ни слова. Могиен посадил его в седло своего серого коня и пошел впереди, повернувшись спиной к морю. Роканнон последовал за Могиеном, не переставая удивляться: только что готов был в холодной ярости убить человека и тут же приветливо обращался к другому. Высокомерный и преданный, беспощадный и добрый, в самой непоследовательности своей Могиен был царствен.

От толенских рыбаков они знали, что восточнее этой бухты, к берегу которой они пристали, есть селение, и путники, оставаясь все время в куполе мертвенно-бледного тумана, лишавшего способности видеть, пошли на восток. На крылатых конях можно было подняться над туманом, но животные, обессилевшие и понурые после двух дней, которые они провели связанными в лодке, лететь не хотели. Их вел Могиен, Иот и Рахо, а Роканнон замыкал шествие, время от времени поглядывая украдкой по сторонам — вдруг появится Яхан, к которому он относился осо-

бенно хорошо. Чтобы не мерзнуть, он остался в своем герметитовом костюме, не надел пока только плотно облегающего голову капюшона. Но, несмотря на защиту, которую обещал герметитовый костюм, на душе у Роканнона было тревожно оттого, что идти приходится по незнакомой местности и в густом тумане, сквозь который не видно ни зги, и он напряженно искал глазами в песке что-нибудь вроде палки. В промежутке между ложбинок, прорезанных в песке краями крыльев шагающих впереди коней, среди лентообразных водорослей и пятен засохшей морской соли он увидел наконец то, что искал — длинную белую палку, явно выброшенную на берег морем; Роканнон вытащил ее из песка и теперь, обретя оружие, почувствовал себя увереннее. Но, задержавшись, чтобы взять палку, он отстал от остальных. Заспешил, догоняя их. Вдруг справа выросла незнакомая фигура. Он поднял палку, но его обхватили сзади и повалили на спину. Чем-то холодным и мокрым зажали рот. Он стал вырываться, но от удара потерял сознание.

Когда Роканнон начал приходить в себя и ощутил боль, он обнаружил, что по-прежнему лежит на спине в песке. Над ним высились две огромные, как ему показалось, фигуры; лишь смутно различимые в тумане, они стояли и спорили о чем-то на диалекте ольгьо. Он понимал только отдельные слова и короткие фразы.

— Оставим его здесь,— сказал один.

— Лучше убьем,— сказал второй.

Тогда Роканнон перевернулся на бок, натянул на голову и лицо капюшон герметитового костюма и его запечатал. Один из ольгьо повернулся и пристально посмотрел на Роканнона; Роканнон увидел, что ольгьо этот закутан в меха.

— Надо отвести его к зграме,— сказал первый.

Они поговорили еще, а потом, взяв Роканнона за руки, подняли его рывком и потащили, когда он встал, за собой; он вынужден был бежать, чтобы не упасть. Он пытался вырваться, но перед глазами у него все плыло и в голове был туман. Этот туман, однако, не помешал ему увидеть, что вокруг потемнело, услышать голоса, увидеть стену из кольев, глины и плетеного камыша и укрепленный в ней пылающий факел. Потом — потолок, снова голоса, мрак. И в конце концов уже ничком на каменном полу он очнулся окончательно и приподнял голову. В нескольких шагах от него горел костер. От костра его отделял частокол голых ног и свисающие над ними обтрепанные края меховой одежды. Он поднял голову выше и увидел, что прямо перед ним стоит ольгьо, белолицый, черноволосый, бородатый, закутанный в меха в черную и зеленую полоску; на голове была четырехугольная, тоже меховая, шапка.

— Ты кто? — спросил ольгьо, глядя ненавидящим взглядом на Роканнона.

— Я прошу гостеприимства этого дома,— сказал, с трудом подымаясь на колени, Роканнон. Надо было выиграть время.

— Ты уже с нашим гостеприимством познакомился,— сказал

бородатый, наблюдая, как Роканнон ощупывает голову.— Этого мало? Тебе добавить?

Грязные ноги и обтрепанный мех задвигались, темные глаза впились в Роканнона, белые лица заухмылялись.

Роканнон поднялся на ноги и выпрямился. Стал ждать молча, не шевелясь, и наконец почувствовал, что головокружение прошло, а пульсирующая боль в голове начала слабеть. Тогда он поднял голову и посмотрел прямо в блестящие черные глаза бородатого.

— Ты згама,— сказал он.

Бородатый, явно испугавшись, попятился. Роканнон, не раз в других мирах попадавший в похожие переделки, попытался сохранить инициативу.

— Я Скиталец. Я пришел с севера через море, с суши, что по ту сторону солнца. С миром я пришел и с миром уйду. Миновав дом згамы, уйду на юг. Пусть никто не остановит меня!

— О-о-о-о! — выдохнули все рты. Роканнон, по-прежнему не мигая, смотрел на згаму.

— Хозяин здесь я,— прорычал тот злобно, но не очень убедительно.— Моего дома не минует никто.

Роканнон смотрел ему в глаза и молчал.

Згама понял, что в единоборстве глазами он проигрывает; его люди по-прежнему испуганно и удивленно таращились на пленника.

— Что ты на меня уставился? — заорал згама.

Его слов Роканнон будто не слышал. Он уже понял, что згама из тех, кто никогда не признает своего поражения, но менять тактику было поздно.

— Не смотри! — еще громче заревел згама.

Он выхватил из под своей меховой одежды меч, взмахнул им и нанес удар, после которого голова Роканнона должна была покатиться, однако она осталась на своем месте. Роканнон пошатнулся, но меч отскочил от его шеи как от камня.

— О-о-о-о-о! — выдохнули все изумленно.

А незнакомец уже снова стоял неподвижно и смотрел в глаза згаме.

Згама заколебался; казалось, он вот-вот отступит и даст этому странному пленнику уйти. Однако упрямство взяло верх.

— Хватайте его! — проревел згама.

Никто не тронулся с места, и тогда он сам схватил Роканнона за плечи и повернул. Только после этого, осмелев, схватили Роканнона и остальные, но Роканнон не сопротивлялся. Герметитовый костюм надежно защищал его от вредных химических веществ, высоких температур и радиоактивности, а так же от ударов, наносимых такими предметами, как пули или мечи; однако костюм не мог помочь Роканнону высвободиться из цепких рук десяти или пятнадцати сильных мужчин.

— Никому не миновать дома згамы, хозяина длинной бухты! — главарь дал наконец волю своей ярости.— Я понял, что ты шпион желтоголовых Ангъена. Пробрался сюда, говоришь как

ангья, знаешь всякую ворожбу, а следом за тобой с севера приплывут лодки с драконами на носу. Ну уж нет! Я хозяин тех, у кого нет хозяев. Пусть только желтоголовые и их рабы-блюдолизы сюда сунутся — они узнают вкус бронзы! А ты выполз из моря, чтобы погреться у моего костра, так? Хорошо, погреешься. И жареным мясом, шпион, наешься досыта. Привяжите его к столбу, вон к тому!

Глумление згамы подняло у его людей дух, и они, отталкивая друг друга, кинулись привязывать пленника к одному из двух столбов, поддерживающих над очагом огромный вертел; после этого они стали класть к ногам Роканнона дрова.

Потом наступило молчание. Мрачный, казавшийся из-за меха на нем еще крупнее, чем он был на самом деле, згама выдернул из костра горящую ветку, потряс ею перед самыми глазами Роканнона и поднес к дровам. Те сразу вспыхнули. В один миг загорелись плащ и туника Роканнона, которые ему дали в Халлане, и вокруг головы, перед его лицом заплясали языки пламени.

— У-у-ух! — выдохнули все.

— Смотрите! — крикнул кто-то.

И они увидели сквозь дым, что пленник стоит, как стоял до этого, и по-прежнему глядит в глаза згаме. На голой груди лежала золотая цепочка, а на ней висел большой драгоценный камень.

— Педан, педан,— запричитали, прячась по темным углам, женщины.

Наступившую, пронизанную страхом и растерянностью, тишину снова нарушил дикий рев згамы:

— Он сгорит! Он должен сгореть! Дэхо, подбрось еще дров, шпион поджаривается слишком медленно! — И, подтащив мальчика, которого только что позвал, к куче дров, заставил его подкладывать их в костер.— Дайте чего-нибудь поесть! Вы слышите, женщины? Ну, теперь ты видишь, Скиталец, как мы гостеприимны? Ты видишь, как мы едим?

Женщина протянула згаме деревянную доску с большим куском мяса на ней, згама схватил кусок и, стоя прямо перед Роканноном, впился в мясо зубами; по его бороде потек сок. Его примеру последовали двое или трое стоявших у него за спиной. Большинство же предпочло держаться в отдалении от Роканнона, но им пришлось, как того захотел згама, есть, пить и радостно кричать; время от времени они начинали подзадоривать друг друга, и тогда кто-нибудь из них подходил к костру и подбрасывал туда полено или два; пленник по-прежнему стоял среди языков пламени и молчал, на его странной блестящей коже играли красноватые отсветы огня.

Наконец костер у него под ногами погас, а шум вокруг стих. По углам на теплой золе улеглись спать, не снимая с себя меховых лохмотьев, мужчины и женщины. Двое уселись сторожить; у того и у другого в руке была фляжка, а на коленях лежал меч.

Роканнон закрыл глаза. Скрестив два пальца, распечатал этим

капюшон герметитового костюма. Долгая ночь сменилась долгим рассветом. Из клубов тумана, выплывавших в открытые проломы окон, проявился згама; следя за тем, чтобы не поскользнуться на вымазанном жиром полу, перешагивая через храпящие тела, он подошел к Роканнону и на него уставился. Взгляд, которым пленник ответил згаме, был по-прежнему спокойным и твердым, взгляд згамы был полон бессильной злобы.

— Ну гори, гори! — и згама, повернувшись, ушел.

Снаружи к Роканнону донеслось глухое воркование хэрило, этим жирным, покрытым перьями, домашним животным, чье мясо служило пищей для ангъя и ольгъо, обрезали, чтобы животные не улетели, крылья, и здешние хэрило паслись, по-видимому, на прибрежных скалах.

Мужчины ушли, в доме остались только несколько женщин с маленькими детьми, и женщины эти, даже когда пришло время жарить мясо к ужину, от Роканнона старались держаться подальше.

Уже тридцать часов Роканнон стоял, прикованный к столбу, у него болели ноги, и его мучила жажда. Жажда была хуже всего. Без еды он мог обходиться долго и, наверное, так же долго, если не дольше, мог оставаться на ногах, хотя голова у него кружилась; но без воды он мог продержаться еще только один долгий день этой планеты.

Вечером языки пламени снова заплясали перед его лицом, и сквозь них он видел бородатое, угрюмое белое лицо згамы; но перед его мысленным взором стояло другое лицо, обрамленное золотыми волосами и темное,— лицо Могиена, к которому он испытывал теперь не только дружеские, но и в каком-то смысле отеческие чувства. Ночь тянулась и тянулась, и костер горел и горел. Роканнон думал о маленьком фиа Кьо, похожем на ребенка, вызывающем смутную тревогу, связанным с ним узами, которые он, Роканнон, не пытался понять; заново слышал, как воспевает героев Яхан, как ворчат и смеются, чистя скребницей большекрылых коней, Иот и Рахо; видел снова, как снимает с шеи золотую цепочку Хальдре. Из прежней жизни, хоть он и побывал на многих мирах, много узнал, много сделал, ему не вспоминалось сейчас ничего. Прошлое в нем сгорело. Сейчас ему чудилось, будто он стоит в Халлане, в большом длинном зале, увешанном гобеленами, на которых люди сражаются с великанами, и Яхан, протягивая ему чашу с водой, говорит: «Пей, Повелитель Звезд, пей».

5 В чаше, когда Яхан, снова наполнив, протянул ее Роканнону, плясали Фени и Фели, две самые большие луны. Костер погас, в нем тлело всего несколько углей. Вокруг было темно, только лунный свет проникал в оконные проемы, и в тишине только временами было слышно, как ворочаются и дышат спящие.

Яхан почти бесшумно открепил цепь от столба, и Роканнон, ноги у которого затекли, прислонился к столбу.

— Наружные ворота охраняют всю ночь,— услышал он

шепот Яхана.— Поэтому бежать лучше завтра днем, когда они погонят пастись своих хэрило...

— Нет, лучше завтра ночью. Ноги болят, идти быстро я не смогу. Придется схитрить: надень цепь снова на крюк, Яхан, вот на этот — она будет меня поддерживать, я сам смогу снять цепь с крюка, когда понадобится.

Кто-то проснулся и сел, зевая, и Яхан, блеснув в лунном свете улыбкой до ушей, припал к полу и слился с темнотой. Роканнон снова увидел его на рассвете: вместе с другими, одетый, как и все, в грязные шкуры, он гнал хэрило пастись, черные волосы у него на голове торчали как щетина. Опять подошел згама и злобно уставился на Роканнона. Роканнон понимал, згама половину своих стад и жен отдал бы ради того, чтобы избавиться от этого пленника с его сверхъестественными, наводящими ужас способностями, но попал в ловушку собственной своей жестокости. Ночь згама проспал в теплой золе, ею была выпачкана вся его голова, и он больше походил на обожженного огнем человека, чем Роканнон, чье тело сияло белизной. Тяжело ступая, згама ушел, и до вечера помещение почти опустело. Роканнон коротал время, делая мало заметные со стороны изометрические упражнения. Когда какая-то женщина, проходя мимо, увидела, что он подтягивается, он не только не прервал упражнения, а еще стал раскачиваться и запел негромко без слов. Женщина упала на четвереньки и так, на четвереньках, скрылась, хныча, за дверью.

За окнами начало смеркаться, угрюмые женщины поставили в очаг вариться похлебку из мяса и морских водорослей, а снаружи вскоре послышалось воркование сотен возвращающихся хэрило; вошел згама со своими людьми, на бородах и на одежде у них блестели капельки тумана. Мужчины уселись на пол и приступили к еде. Зазвенела посуда, клубился пар, из-за резких запахов трудно было дышать. Лица у всех были мрачные, голоса звучали озлобленно: ведь уже не первый день, вернувшись вечером домой, люди згамы видели нечто жуткое — человек стоит в пламени, а огонь его не берет.

— Разжигайте снова костер! — заревел згама и сунул в дрова, сложенные у ног Роканнона, пылающее полено.

Никто, однако, не поднялся.

— Я съем твое сердце, Скиталец, когда оно зажарится у тебя в груди! А твой синий камень я буду носить на кольце в носу! — Устремленный на згаму немигающий взгляд, который он терпел уже больше двух дней, доводил его до безумия.— Я заставлю тебя закрыть глаза!

И, схватив валяющуюся на полу тяжелую палку, он с силой ударил ею Роканнона по голове и отскочил в сторону, словно испугавшись того, что сделал. Палка упала концом в горящий костер и теперь оттуда торчала.

Медленно-медленно Роканнон протянул правую руку, взялся за палку и выдернул ее из костра. Конец палки пылал. Роканнон поднял ее, направил горящий конец згаме в глаза и все так же

медленно шагнул вперед. Цепи с него спали. Разбрасывая ногами пылающий костер, подымая столбы искр, он пошел вперед, прямо на згаму.

— Вон отсюда,— сказал Роканнон пятящемуся згаме.— Ты больше здесь не хозяин. Закон попирают рабы, жестокие — рабы, и глупые — тоже рабы. Ты мой раб, и я гоню тебя, как скотину. Убирайся прочь.

Згама ухватился руками за косяк, однако пылающий конец палки все ближе придвигался к его глазам, и он, съежившись и по-прежнему пятясь, переступил через порог наружу. Сторожа упали ничком в грунт. Сквозь туман пробивался свет двух смоляных факелов, прикрепленных к внешней стороне ворот. Если не считать бормотаний хэрило в хлевах и шипенья прибоя под обрывом, царило безмолвие. Згама продолжал пятиться и наконец оказался в проеме узких ворот между двумя факелами. Его лицо, похожее теперь на черно-белую маску, смотрело, как завороженное, на приближавшуюся палку. Уже ничего не соображая от страха, згама вцепился в один из столбов ворот, загородив их коренастым телом. Собрав все силы, Роканнон толкнул згаму пылающим концом палки в грудь, и згама упал, а Роканнон, перешагнув через него, исчез в густом плывущем тумане за воротами. С трудом передвигая ноги, он прошел в сумраке шагов пятьдесят, споткнулся, упал — и обнаружил, что подняться не в состоянии.

Никто его не преследовал. Он лежал в траве, и ему казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Наконец факелы на воротах погасли (а может, кто-то их намеренно погасил), и стало совсем темно. В траве многоголосо свистел ветер, а далеко внизу по-прежнему шипел прибой.

Когда туман поредел и стал виден свет лун, Яхан нашел Роканнона; тот лежал в двух шагах от обрыва. Он помог Роканнону встать, и они двинулись в путь. Иногда на ощупь, спотыкаясь, а то и на четвереньках (когда было совсем темно или грунт оказывался особенно неровным) шли они на юго-восток от моря, в глубь суши. Раза два или три, чтобы отдышаться и оглядеться, они останавливались, и Роканнон тогда сразу же засыпал. Яхан будил его и заставлял его идти снова, и наконец уже перед рассветом они, двигаясь по течению какого-то ручья, пришли к лесу с невероятно высокими деревьями. В темноте деревья казались чернее ночи. Держась берега ручья, Яхан и Роканнон ступили под сень деревьев, но прошли совсем немного, когда Роканнон остановился и на своем родном языке сказал:

— Я больше идти не могу.

Яхан нашел под нависшим берегом, у самой воды, полоску сухого песка; того, кто там спрятался, обнаружить, по крайней мере сверху, было невозможно, и Роканнон заполз туда, как животное в логово, и тут же уснул.

Когда, пятнадцатью часами позже, уже в вечерние сумерки, он проснулся, то увидел Яхана, а около него — небольшую кучку съедобных зеленых побегов и кореньев.

— Плодов пока еще нет, не созрели,— сказал сокрушенно Яхан,— а лук и стрелы у меня отобрали дураки в замке дураков. Я поставил несколько ловушек, но до вечера в них ничего не поймается.

Роканнон в два приема проглотил зелень, напился воды из ручья и почувствовал, что в состоянии думать снова.

— Яхан, как ты оказался в этом... Замке дураков?

Молодой ольгъо зарыл в песок несъедобные остатки кореньев и уже после этого посмотрел на Роканнона.

— Ты ведь знаешь, Повелитель, я ... не повиновался своему Повелителю Могиену. И после этого подумал: а не пристать ли мне к Тем Кто Живет Без Хозяев?

— Ты о них слышал раньше?

— Дома рассказывали иногда о местах, где повелители и слуги мы, ольгъо, говорили даже, будто в древние времена в Ангьене жили только мы, «среднерослые», что мы охотились в лесах и никаких хозяев у нас не было; уже потом с юга приплыли ангья в лодках, на носу у которых была драконья голова... Так я попал к людям згамы, а они решили, что я убежал из какого-нибудь замка дальше по берегу. Отобрали у меня лук, поставили пасти хэрило, а спрашивать ни о чем не стали. И у них я тебя увидел. Но и не окажись тебя там, я бы все равно убежал от них. Не хотел бы я быть повелителем таких дураков.

— Ты не знаешь, где наши товарищи?

— Не знаю. Ты хочешь их разыскать, Повелитель?

— Называй меня просто по имени. Да, если есть хоть какая-то надежда найти их, я буду искать. Одни, пешком, без одежды и оружия, мы с тобой континент не пересечем.

Молча глядя в темную, но чистую воду ручья, уносившуюся под тяжелые ветки деревьев, Яхан заглаживал песок.

— Ты не согласен?

— Если мой Повелитель Могиен меня встретит, он убьет меня за непослушание. Это его право.

Да, именно этого требовал кодекс поведения ангья; и уж кто-кто, а Могиен требования кодекса выполнил бы наверняка.

— Если ты найдешь себе нового хозяина, прежний теряет право тебя наказывать — ты это знаешь, Яхан?

— Но ведь никто не захочет стать хозяином непослушного,— кивнув утвердительно, сказал тот.

— Ты можешь поклясться в верности мне, и я отвечу за тебя перед Могиеном — если мы его найдем. Я не знаю, что вы говорите в таких случаях.

— Мы говорим,— сказал Яхан почти шепотом,— своему Повелителю отдаю я часы своей жизни и пользу от своей смерти.

— Принимаю от тебя и то и другое. А также собственную свою жизнь, которую ты мне спас.

Ручей, шумно журча, сбегал по склону горы, а сумерки между тем сгущались. Роканнон стянул с себя герметитовый костюм и лег в ручей, чтобы холодная вода смыла с него пот и усталость, страх и воспоминание о том, как пламя лизало его глаза. Снятый

костюм представлял собой горсть прозрачной ткани и еле видимых, в волос толщиной трубок и проводов с двумя полупрозрачными кубиками, каждый из которых легко уместился бы на ногте. Яхан с изумлением наблюдал, как Роканнон снова надевает на себя костюм (другой одежды у Роканнона не осталось).

— Повелитель Скиталец,— спросил Яхан — это кожа... это она защитила тебя от огня? Или... или тебя защитил синий камень?

Ожерелье было спрятано целиком в его, Яхана, мешочке для амулета, висевшем теперь на шее Роканнона.

— Защитила эта кожа. Никакого волшебства тут нет. Она как очень прочные латы.

— А белая палка?..

Роканнон посмотрел на все ту же выброшенную морем на берег палку, конец которой теперь был обуглен; Яхан подобрал ее в траве над обрывом накануне вечером; похоже, Яхан и люди згамы считали, что Роканнона разлучать с посохом нельзя.

— Это,— ответил Роканнон,— всего лишь хорошая трость для ходьбы. Он снова потянулся и, поскольку есть все равно было больше нечего, еще попил из темного, холодного, громко журчащего ручья.

Проснувшись поздним утром, он почувствовал себя отдохнувшим и страшно голодным. Яхана не было: он ушел еще на рассвете проверить ловушки, да и слишком холодно и сыро было в логове. Вскоре Яхан вернулся, он принес только жалкий пучок съедобных трав и дурную весть. Оказывается, пока Роканнон спал, он поднялся по лесистому склону на гребень хребта, вдоль которого они шли, и оттуда увидел, что и по другую сторону хребта, на юге простирается море.

— Неужели эти жалкие тоненские рыбоеды оставили нас на острове? — сказал Яхан; обычная для него уверенность в том, что все будет хорошо, была явно подорвана голодом и холодом.

Роканнон пытался вспомнить контур морского берега на утонувших картах. С запада на восток течет река, в море она впадает на северной стороне длинного языка суши, на котором продолжается тянущаяся вдоль морского берега, тоже с запада на восток, горная цепь; язык суши отделен от континента заливом, достаточно длинным и широким, ясно видным на картах и хорошо ему запомнившимся. Какой, интересно, длины этот залив? Километров сто, двести?

— Залив широкий? — спросил Роканнон.

— Очень широкий,— мрачно ответил Яхан.— А плавать я не умею, Повелитель.

— Мы можем идти пешком. Этот хребет к западу отсюда соединяется с материком. Где-нибудь на этом пути нас, наверное, и ждет Могиен.

Руководить дальнейшими действиями предстояло, разумеется, ему, Роканнону, (Яхан и так сделал больше, чем он был вправе от него ожидать), но сказать по совести, мысль о долгом пути по неизвестным местам его совсем не радовала. Как выяс-

нилось, Яхан во время своей утренней прогулки никого не встретил, однако пересек несколько тропинок, дичь видел очень редко, и она была пугливой, следовательно, люди в этих лесах наверняка появляются.

Но для того, чтобы, как ни мало вероятно это было, Могиен их нашел (если вообще он жив, свободен и у него есть еще крылатые кони), им придется идти на юг и, если возможно, по открытым, хорошо просматривающимся сверху местам. Могиен наверняка будет ожидать, что они движутся на юг: ведь именно на юге то, ради чего они отправились в путь.

— Пойдем,— сказал Роканнон.

И они пошли.

Было совсем немного за полдень, когда, стоя на гребне хребта, они увидели широкий залив; свинцово-серый под низко нависшим небом, он простирался, куда хватал глаз, на запад и на восток. На южном берегу только с трудом можно было разглядеть гряду низких холмов. Спустившись к берегу, Роканнон и Яхан двинулись вдоль него на запад, и ветер, дувший с востока в глубь залива, обжигал им холодом спину. Яхан посмотрел на облака, поежился и грустно сказал:

— Сейчас пойдет снег.

И действительно, вскоре пошел снег, мокрый, весенний, гонимый ветром, и он таял на мокром грунте так же быстро, как на темной воде залива. В герметитовом костюме было тепло, однако от напряжения и голода Роканнон испытывал страшную усталость; Яхан тоже устал, но ему вдобавок было очень холодно. С трудом передвигая ноги, они шли вперед — ничего другого им все равно не оставалось. Они перешли вброд ручей, через жесткую траву, наперекор дующему в лицо ветру со снегом, стали карабкаться вверх по крутому склону — и столкнулись нос к носу с человеком.

— Хоуф! — сказал тот и удивленно на них уставился.

Он видел перед собой двух бредущих сквозь снег и ветер людей; один, в рваных шкурах, дрожал, и губы у него посинели от холода, зато другой был совсем голый.

— Ха, хоуф! — сказал он изумленно. Он был высокий, худой, как скелет, сутулый, бородатый, а темные глаза его были глазами дикаря.— Ха, вы же умрете от холода,— продолжал он на диалекте ольгьо.

— Наша лодка затонула, и нам пришлось добираться до берега вплавь,— мигом нашелся Яхан.— Нет ли у тебя дома с очагом, охотник за пеллиунами?

— Вы плыли с юга? — спросил тот настороженно.

— Да,— ответил Яхан, неопределенно махнув рукой,— плыли к вам за шкурами пеллиунов, но все, что мы везли для обмена, потонуло вместе с лодкой.

— Хань, хань, — по-прежнему настороженно сказал человек, однако великодушие в нем пересилило.— Пойдемте, у меня есть очаг и пища,— и он нырнул в редкий, порывистый снегопад.

Они заспешили за ним, и вскоре он привел Роканнона и

Яхана к своей хижине, прилепившейся к лесистому склону на полпути между гребнем хребта и водами залива. И внутри и снаружи хижина была такая же, как зимние хижины ольгъо в лесах и на холмах Ангьена, и Яхан, присев перед очагом, облегченно вздохнул — у него было чувство, будто он оказался вдруг у себя дома. Это развеяло опасения хозяина лучше, чем их могли бы развеять любые подробные объяснения.

— Разожги огонь, юноша,— сказал он Яхану, а Роканнону дал домотканый плащ, чтобы тот в него закутался.

С себя плащ он сбросил, поставил разогреваться на тлеющие угли глиняный горошок с мясной похлебкой и, присев, как его гости, на корточки, дружелюбно посмотрел сначала на одного, а потом на другого.

— В это время года,— заговорил он,— всегда идет снег, скоро пойдет еще сильней. Места для вас хватит, мы тут втроем зимуем. Другие двое вернутся скоро — вечером или завтра; наверное буря застала их на гребне хребта, где они охотились; там они ее и пережидают. Ведь мы охотники за пеллиунами — ты, наверное, и так уже понял это по моим дудкам, а, юноша?

И, погладив рукой тяжелую деревянную свирель, висевшую у него на поясе, он широко улыбнулся. Лицо у него было свирепое и в то же время глуповатое, но чувствовалось, что он искренне гостеприимен. Он досыта накормил их похлебкой, а когда стало темно, сказал, чтобы они укладывались спать. Упрашивать их не пришлось, оба тут же закутались в вонючие шкуры в углу и уснули сном младенца.

Когда Яхан проснулся утром, снег шел по-прежнему и грунт стал белым и ровным. Товарищей их хозяина все еще не было.

— Должно быть, заночевали в деревне Тимаш,— сказал хозяин,— по ту сторону хребта. Придут, когда прояснится. Ты из каких мест? Ты, юноша, говоришь, как мы, но твой дядя по-другому.

Яхан бросил извиняющийся взгляд на Роканнона, который крепко спал, не подозревая, что у него вдруг появился племянник, и ответил:

— О, он из Глухих Мест, там говорят по-другому. Как бы нам найти кого-нибудь, у кого есть лодка, кто перевез бы нас на ту сторону залива?

— На южный берег?

— Ведь теперь, когда весь наш товар пропал, мы нищие. И нам лучше вернуться домой.

— Дальше по берегу есть лодка. Когда буран кончится, мы можем туда пойти. Сказать честно, юноша, у меня кровь стынет в жилах, когда ты говоришь так спокойно, что вы отправитесь на юг. Между заливами и высокими горами, я слышал, не живет ни души — если не считать Тех, О Ком Не Говорят. Но все это россказни, кто может знать точно хотя бы о том, что там есть горы? Сам я бывал на южном берегу — похвалиться этим могут немногие. Охотился. Пеллиунов там у воды великое мно-

жество. Но деревень нет. Людей нет. Ни одного. И на ночь бы я там не остался.

— Мы пойдем по южному берегу на восток, только и всего,— сказал Яхан с напускным спокойствием, хотя выражение лица выдавало его озабоченность: ведь каждый новый вопрос, заданный хозяином, заставлял дополнять уже сказанное все новыми и выдуманными подробностями.

Однако он тут же убедился в том, что был прав, когда с самого начала решил скрыть от Пиаи (так звали их хозяина) истину.

— Но хоть, по крайней мере, вы приплыли не с севера,— продолжал говорить тот, одновременно оттачивая на камне длинный нож с расширяющимся посередине лезвием.— На юге, по ту сторону залива, не увидишь ни одного человека, а за морем, на севере — только несчастные в рабстве у желтоголовых. У вас о них не слышали? В стране на севере живет порода людей с желтыми волосами. Правда. И говорят, будто дома у них высокие, как деревья, а ходят они с блестящими мечами и летают на крылатых конях! Ну, уж в это я поверю только, когда увижу своими глазами. На берегу моря за шкуру крылатого коня платят очень хорошо, но на коней этих даже охотиться опасно, так разве может кто-нибудь на них летать? Нельзя верить всему, что болтают люди. Я только одно скажу: добывая шкуры пеллиунов, я живу совсем неплохо. Умею приманивать даже тех, кто от меня в целом дне полета. Вот, послушай!

Он поднес свирель к губам. Сперва еле слышный, зазвучал прерывистый стон, он набирал силу и менялся, пульсировал и умолкал и наконец стал протяжной мелодией, время от времени переходящей в крик зверя. По спине у Роканнона поползли мурашки: этот крик он уже не раз слышал в лесах Халлана. Яхан, который, несмотря на молодость, знал и умел все, что должен знать и уметь охотник, заулыбался и азартно воскликнул, будто он на охоте и видит зверя:

— Играй! Играй! Вон, он уже взлетает!

Остаток дня Яхан и Пиаи провели, наперебой рассказывая друг другу охотничьи истории; ветер стих, но снег по-прежнему шел.

К рассвету следующего дня небо очистилось. Казалось, будто продолжается холодное время года: на покрытые снегом холмы в красно-белом сиянии дневного светила больно было смотреть. Незадолго до полудня появились два охотника, про которых говорил Пиаи; они принесли несколько пеллиуньих шкур с мягким серым мехом. Рослые, с густыми черными бровями, как все эти южные ольгьо, оба охотника оказались еще менее цивилизованными, чем даже Пиаи, шарахались от Роканнона и Яхана как дикие звери и только поглядывали на них искоса.

— Они называют моих сородичей рабами,— сказал Яхан Роканнону, улучив минуту, когда они остались в хижине одни.— Но лучше служить людям и самому быть человеком, чем, как они, будучи зверем, охотиться на зверей.

Роканнон поднял предостерегающе руку: вошел, не произнося ни слова, один из товарищей Пиаи.

— Пойдем,— прошептал Роканнон на диалекте ольгьо.

Он жалел, что они не ушли до прихода двух охотников, и Яхану тоже было не по себе.

Вошел Пиаи, и Яхан сказал ему:

— Мы пойдем по суше; хорошая погода должна продержаться, пока мы будем огибать залив. Не приюти нас ты, нам бы никогда не пережить эти две холодные ночи. И мне бы никогда не услышать, чтобы кто-то подражал так пению пеллиуна. Пусть всегда в охоте тебе сопутствует удача!

Однако Пиаи стоял неподвижно и безмолствовал. Потом плюнул в огонь, повращал глазами и заговорил отрывисто:

— Решили обогнуть залив? Вы же хотели переправиться на лодке. Лодка есть. Мы вас на ней перевезем.

— Сбережем вам шесть дней пути,— вступил в разговор Кармик, тот из двоих товарищей Пиаи, который был поменьше ростом.

— Да, шесть дней,— подхватил Пиаи.— Лучше мы вас переправим на лодке. Мы можем прямо сейчас пойти.

— Ладно,— сказал Яхан, взглянув на Роканнона; отказываться было опасно.

— Тогда пошли,— проворчал Пиаи.

Им не предложили даже провизии на дорогу, и отправиться в путь пришлось сразу; Пиаи пошел впереди, а двое его товарищей — сзади. Дул резкий ветер, небо было безоблачное, снег не таял только на северной стороне, и вообще кругом блестело, текло и хлюпало. Они долго шли по берегу на запад и наконец достигли небольшой бухточки, где среди камней и камыша покачивалась на воде лодка с веслами; солнце уже садилось. Небо на западе и вода в заливе от заката были красными; выше заката поблескивала прибывающая Хелики, самая маленькая из четырех лун, а на темнеющем востоке сияла похожая на опал Большая Звезда, второй компонент Фомальгаута. Между полными сверканья водой и небом уходили вдаль холмистые берега, неясные и темные.

— А вот и лодка,— сказал Пиаи, остановившись и поворачиваясь к Роканнону и Яхану, на лице его лежали красные отблески заката.

Его товарищи подошли и стали молча по сторонам обеих путешественников.

— Возвращаться назад вам придется в темноте,— сказал Яхан.

— Взошла Большая Звезда, ночь будет светлая,— отозвался Кармик.— Ну, а теперь, юноша, нужно заплатить, тогда мы перевезем вас на лодке.

— Заплатить? — удивился Яхан.

— Пиаи знает, у нас с собой ничего нет. Этот плащ, что на мне, подарил он,— сказал Роканнон, больше не думая о том, что акцент может их выдать.

— Мы бедные охотники. Мы не можем ничего дарить,— сказал Кармик.

Он говорил тихим голосом, а взгляд у него был осмысленнее и злее, чем у Пиаи и третьего.

— У нас ничего нет,— повторил Роканнон.— Платить за перевоз нам нечем. Оставьте нас здесь.

— На шее у тебя мешочек,— сказал Кармик.— Что в нем?

— Моя душа,— ответил, не моргнув глазом, Роканнон.

Все замерли, но не надолго. Кармик положил руку на рукоять своего охотничьего ножа и шагнул к Роканнону; то же самое сделали Пиаи и третий.

— Это ты был у згамы,— сказал Кармик.— В деревне Тимаш об этом все рассказывали. О том, как голый человек стоял в горящем костре, потом обжег згаму белой палкой и ушел, а на шее у него на золотой цепочке висел огромный драгоценный камень. Еще рассказывали о колдовстве и заклятиях. Я думаю, они все дураки. С тобой, может, и вправду ничего не сделаешь. Но вот с этим...

Молниеносным движением он схватил Яхана за длинные волосы, отогнул его голову и поднес нож к горлу.

— А ну, юноша, скажи этому чужаку, с которым ты путешествуешь, чтобы он заплатил за ночлег и пищу, не то...

Все стояли, затаив дыхание. Красные отсветы на воде уже потускнели. Большая Звезда на востоке засияла ярче; по берегу несся холодный ветер.

— Мы не сделаем юноше ничего плохого,— пробурчал, скривив свирепое лицо, Пиаи.— Сделаем как говорил, перевезем вас через залив — только заплатите. Ты скрыл, что у тебя золото. Говорил, что все золото потерял. Спал в моем доме. Отдай нам это, и мы вас перевезем.

— Отдам на том берегу,— сказал Роканнон.

— Нет, отдай сейчас,— потребовал Кармик.

Яхан, беспомощный в его руках, не шевелился; Роканнон видел как на горле у Яхана пульсирует артерия, к которой приставлен нож.

— Только там,— мрачно стоял на своем Роканнон и угрожающе приподнял белую палку, на которую упирался,— приподнял так, чтобы обгорелый конец показывал немного вперед.— Перевезите нас, и я вам это отдам. Обещаю. Но только сделай что-нибудь с юношей — и ты умрешь тут же, на месте. Обещаю!

— Кармик, он педан,— прошептал Пиаи.— Делай, как он говорит. Я две ночи был с ними под одной крышей. Отпусти мальчишку. Педан сделает, как обещал.

Кармик злобно уставился на Роканнона.

— Выброси белую палку. Тогда вас перевезем.

— Сперва отпусти Яхана,— сказал Роканнон.

Неохотно, но Кармик выпустил юношу, и тогда Роканнон, рассмеявшись Кармику в лицо, швырнул палку вверх и в сторону залива, и она, перевернувшись в воздухе и описав большую дугу, упала в воду.

Трое охотников с обнаженными ножами повели их к лодке; чтобы сесть в нее, пришлось войти в воду и стать на скользкие камни, о которые разбивались барашки зыби. Кармик с ножом в руке уселся позади Роканнона и Яхана. Пиаи же и третий охотник сели на весла.

— Ты и вправду хочешь отдать ему драгоценность? — шепотом спросил Яхан у Роканнона на «общем языке», которого эти ольгьо не знали.

Роканнон кивнул утвердительно.

— Прыгай за борт и уплыви с ней, Повелитель. Когда мы будем уже подплывать к берегу. Если драгоценность от них уйдет, они удерживать меня не станут...

— Просто перережут тебе горло. Т-сс...

— Они произносят заклинания, Кармик,— сказал третий охотник.— Хотят потопить лодку.

— Гребите быстрей, гнилые рыбешки. А вы оба молчите, не то я перережу мальчишке горло.

Роканнон сидел и смотрел, как берег позади них и другой, впереди, сливаются с наступающим мраком, а вода из красной становится темносерой. Ему ножи были не страшны, зато охотникам ничего не стоило убить Яхана, и он, Роканнон, остановить их просто напросто не успел бы. Можно было бы прыгнуть в воду и уплыть, но Яхан плавать не умел. Так что выбора у них все равно не было. Утешала только мысль, что драгоценность охотники получат не задаром.

Хотя медленно, холмы на южном берегу, сперва с трудом различимые, приближались к ним и приобретали более четкие очертания. С запада потянулись серые тени, на темном небе заблестели звезды; Большая Звезда, хотя была далеко, сияла ярче луны Хелики, которая теперь убывала. Стало слышно шуршание набегающих на берег волн.

— Перестаньте грести,— приказал Кармик своим товарищам и повернулся к Роканнону.— Теперь отдай.

— Отдам ближе к берегу,— бесстрастно сказал Роканнон.

— Повелитель,— прошептал прерывисто Яхан,— отсюда я смогу добраться до берега. Вон, впереди, камыши, и я...

Еще несколько ударов весел, и лодка остановилась опять.

— Прыгай за мной,— тихо сказал Роканнон.

Поднявшись, он расстегнул герметитовый костюм на шее, сорвал с нее кожаный шнурок, швырнул мешочек со спрятанным в нем ожерельем на дно лодки, застегнул костюм и прыгнул в воду.

Через две минуты они с Яханом уже стояли на берегу и смотрели, как становится меньше, удаляясь, лодка — черное пятно на серой воде.

— Пусть они сгниют, пусть в кишках у них заведутся черви, а их кости рассыплются,— сказал Яхан и заплакал.

Плакал он не только потому, что был испуган. То, что один из «повелителей» расстался с такой драгоценностью только ради того, чтобы спасти жизнь «среднерослого», означало для

Яхана крушение всего мирового порядка, возлагало на него бремя огромной ответственности.

— Этого нельзя было делать, Повелитель! — воскликнул он.— Нельзя!

— Нельзя выкупить твою жизнь за какой-то камень? Брось, Яхан, возьми себя в руки. Ты замерзнешь, если мы не разожжем костер. Ты не потерял палочку, которой можно зажечь огонь? Смотри, вон сколько сушняка! Берись за дело!

С большим трудом им удалось разжечь на берегу костер, который разогнал мрак и холод. Роканнон снял с себя и дал Яхану плащ Пиаи, и юноша, закутавшись в него, уснул. Роканнон сидел и поддерживал огонь; спать ему не хотелось. На душе у него было тяжело оттого, что пришлось расстаться с ожерельем, тяжело не потому, что ценность ожерелья была огромна, а потому, что когда-то он отдал его Семли, чья красота, неумиравшая в его памяти, привела его по прошествии стольких лет на эту планету, тяжело еще и оттого, что потом он получил это ожерелье от Хальдре, надеявшейся, он знал, таким путем откупиться от черной тени, от смерти, которая, боялась она, может рано настигнуть ее сына. Может быть, это к лучшему, что больше нет этой вещи, ее веса, ее угрожающей красоты. И, может быть, если случится самое плохое, Могиен так никогда и не узнает, что ожерелья больше нет,— не узнает, потому что не найдет его, Роканнона, или потому, что уже погиб... Он прогнал от себя эту мысль. Наверняка Могиен ищет его и Яхана — вот о чем надо думать. И ищет там, где лежит путь на юг. Ведь никаких других намерений, кроме как идти на юг у них не было — идти, чтобы отыскать там врага, или, если все предположения окажутся неверными, не отыскать. Но с Могиеном или без Могиена, а на юг он в любом случае пойдет.

Они отправились в путь перед рассветом, еще в сумерках поднялись на холмы, грядой тянувшиеся вдоль берега, и оттуда увидели в лучах восходящего солнца поросшее травой плато, уходящее за горизонт; на плато этом ничего не было, только торчали кое-где, отбрасывая длинные тени, кусты. Похоже было, что Пиаи не погрешил против истины, когда говорил, что к югу от залива никто не живет. Ну, хоть, по крайней мере, Могиен здесь сможет увидеть их издали. Они двинулись на юг.

Было холодно, но на небе — ни облачка. Роканнон остался в одном только герметитовом костюме, всю прочую одежду, которая у них была, он отдал Яхану. На их пути часто попадались ручьи и речушки, все они текли зигзагами на север, Роканнон и Яхан переходили их вброд, и, разумеется, пока от жажды не страдали. Они провели в пути весь этот день и следующий, питаясь корнями растений пейя и мясом двух коротокрылых прыгающих зверьков, которых Яхан сбил палкой в воздухе и изжарил на костре. Больше ни одного живого существа они не видели. Ни единого дерева, ни единой дороги — только безмолвная равнина, поросшая высокой травой, уходила вдаль, чтобы встретиться с небом.

Подавленные ее бесконечностью, Роканнон и Яхан молча сидели у своего маленького костра под огромным куполом вечерних сумерек. Разделенные долгими интервалами, откуда-то с высоты как удары пульса самой ночи доносились негромкие крики. Это совершали весенний перелет с юга на север барило, большие дикие двоюродные братья хэрило. Их огромные стаи загораживали свет звезд, но больше одного голоса из стаи не раздавалось с вышины никогда, и звук был похож на короткий всхлип ветра.

— С которой из звезд ты, Скиталец? — тихо спросил, глядя в небо, Яхан.

— Я родился на планете, которую соплеменники моей матери называют Хейн. А соплеменники моего отца — Давенант. Вы называете солнце этой планеты Зимней Короной. Но оттуда я улетел давным-давно...

— Так, значит, у вас, Звездожителей, тоже разные племена.

— У нас сотни разных племен. По крови я целиком принадлежу к племени матери; мой отец, землянин, меня усыновил. Таков обычай, когда женятся разноплеменные, у которых общих детей быть не может. Как в случае, например, если бы твой соплеменник женился на женщине фиа.

— Такого у нас не бывает,— резко сказал Яхан.

— Я знаю. Но земляне и давенантцы так же похожи друг на друга, как мы с тобой. Миры, где живет столько разных племен, сколько у вас, встречаются редко. Гораздо чаще на планете только одно племя, и это племя обычно больше всего похоже на нас, а остальные существа неразумные.

— Как много миров ты повидал! — с завистью сказал юноша.

— Слишком много,— отозвался Роканнон.— Ваших лет мне сорок, но родился я сто сорок лет назад. Сто лет ушли не прожитыми, их заняли путешествия от звезды к звезде. Если я вернусь на Давенант или на Землю, окажется, что люди, которых я там знал, уже сто лет как умерли. Я могу только идти вперед или где-то остановиться... Что это?

Казалось, даже ветер, свистевший до этого в траве, затих, ощутив чье-то — не их — присутствие. Что-то шевельнулось за кругом света от костра — какая-то тень, какое-то пятно тьмы. Роканнон привстал на колени, Яхан отпрыгнул от костра.

— Что это было? — спросил Роканнон.

Яхан пожал плечами.

— Пиаи рассказывал... здесь... что-то...

Спали они по очереди, понемногу, каждый старался скорее сменить другого, чтобы тот мог поспать. Когда медленно-медленно начало рассветать, оба были очень усталыми. Посмотрели, нет ли следов там, где, как им показалось ночью, они видели тень, но молодая трава нигде не была примята. Роканнон и Яхан затоптали костер и продолжили свой путь на юг.

Они думали, что скоро им опять попадется какая-нибудь речушка, но никакой воды не было. Равнина, которая все вре-

мя была одинаковой, сейчас с каждым их шагом становилась чуть суше, чуть серее. Кусты пейи исчезли, и теперь, куда ни посмотри, была только жесткая серо-зеленая трава.

В полдень Роканнон остановился.

— Ничего у нас не выйдет, Яхан,— сказал он.

Яхан потер шею, огляделся кругом и остановил взгляд на Роканноне, изможденное молодое лицо «среднерослого» было страшно усталым.

— Если ты хочешь продолжать путь, Повелитель, я с тобой пойду.

— Без воды и пищи до цели нам все равно не дойти. Лучше мы украдем лодку на берегу и вернемся в Халлан. Здесь у нас ничего не получится. Пойдем назад.

Роканнон повернулся и пошел на север. Яхан пошел с ним рядом. Высокое небо пылало синевой, в траве, которой не видно было конца, свистел и свистел, не умолкая, ветер. Роканнон мерно шагал, чуть ссутулившись, и каждый шаг уносил его все дальше в глубины поражения и изгнания. Он не заметил, как Яхан внезапно остановился.

— Крылатые! — крикнул юноша.

Тогда Роканнон посмотрел вверх и увидел их, трех огромных то ли грифонов, то ли кошек; выпустив когти, они кругами спускались к нему и Яхану, и крылья на фоне обжигающей синевы были черными.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

9 Спрыгнув с крылатого прежде даже, чем лапы того коснулись грунта, Могиен бросился к Роканнону, обнял его и прижал как брата к своей груди.

— Ведь это Повелитель Звезд, клянусь копьем Хэндина! — закричал он голосом, в котором звучали чувство облегчения и огромная радость.— Почему ты голый? И почему, оказавшись так далеко на юге, идешь на север? Ты, случайно, не...

Могиен увидел Яхана и оборвал фразу на полуслове.

— Яхан теперь мой раб, и он поклялся мне в верности,— сказал Роканнон.

Могиен молчал. Было видно, что он с собой борется, но наконец он заулыбался, а потом громко захохотал.

— Так вот для чего ты хотел узнать наши обычаи — чтобы красть у меня слуг, да, Роканнон? Но кто у тебя украл одежду?

— У Скитальца не одна кожа,— сказал, подходя к ним Кьо.— Привет тебе, Повелитель Огня! Прошлой ночью я услышал твой голос в своей голове.

— Да, если бы не Кьо, мы бы тебя не нашли,— подтвердил Могиен.— С тех пор, как десять дней назад мы ступили на берег Фьерна, и до вчерашнего вечера Кьо не произнес ни слова, но вчера ночью на берегу залива, когда взошла Лиока, он прислушался к ее свету и сказал мне «Вон там»! Рано утром мы полетели, куда он показывал, и вот так мы тебя нашли.

— Где Иот? — спросил Роканнон, видя, что поводья крылатых коней держит один только Рахо.

— Погиб,— бесстрастно ответил Могиен.— На берегу на нас напали в тумане ольгъо. Вооружены они были только камнями, но нападавших было много, а ты потерялся.

Мы спрятались в пещере в одной из прибрежных скал и стали дожидаться, пока крылатые отдохнут. Рахо пошел на разведку и от местных ольгъо услышал о пришедшем издалека человеке, который стоит в горящем костре и не загорается и носит на шее синий камень. И когда крылатые отдохнули, мы полетели к зграме, но тебя не нашли, и тогда мы подожгли его жалкие крыши и прогнали в лес всех его хэрило, а потом начали искать тебя по берегам залива.

— Послушай, что я скажу о драгоценном камне,— перебил его Роканнон.— о «Глазе моря». Мне пришлось выкупить им наши с Яханом жизни. Я его отдал.

— Отдал «Глаз моря»? — воскликнул Могиен.— Сокровище, принадлежавшее Семли? Выкупая не свою жизнь (ибо кто сможет причинить вред тебе?), а жизнь этого вот жалкого, недостойного получеловека? Дешево же ты ценишь мои фамильные драгоценности? На, возьми этот камень —к счастью, его не так легко потерять.

И, рассмеявшись, он подбросил вверх что-то сверкающее, поймал этот предмет и кинул Роканнону; ошарашенный, тот стоял и смотрел, не отрывая глаз, на драгоценный камень, на золотую цепочку, и ему казалось, что они обжигают его ладонь.

— Вчера, еще на противоположном берегу залива,— продолжал Могиен,— мы увидели двух ольгъо, а рядом третьего мертвого, и мы остановились спросить, не проходил ли мимо нагой путник со своим недостойным слугой. И один из двоих пал ниц и рассказал, что произошло, и я взял у другого ожерелье. И заодно жизнь, потому что он сопротивлялся. Так я узнал, что ты пересек залив, и потом Кьо привел меня к тебе. Но почему ты шел на север, Роканнон?

— На север? Чтобы... найти воду.

— На западе есть ручей,— вставил Рахо.— Я заметил его перед тем, как мы увидели вас.

— Давайте полетим к нему,— сказал Роканнон.— Ни у Яхана, ни у меня со вчерашнего вечера капли воды во рту не было.

Они сели на крылатых коней — Рахо вместе с Яханом, Кьо, как и прежде, за спиной у Роканнона. Клонимая ветром трава осталась вдруг где-то далеко-далеко внизу, и между бесконечной равниной и небом они понеслись на юго-запад.

У прозрачного ручья, который вился среди травы, они и разбили лагерь. Наконец-то Роканнон смог снять с себя герметитовый костюм: Могиен дал ему свои сменные рубашки и плащ. Едой им послужили захваченные из Толена сухари, корни пейи и четыре короткокрылых зверька, которых подстрелили Рахо и Яхан (тот последний страшно обрадовался, когда в руках у него снова оказался лук). В этой части равнины живность бук-

вально подставляла себя под стрелы, и из-за того, что ничего не боялась, она то и дело попадала коням в открытые пасти. Даже крохотные зеленые, фиолетовые и желтые килары, напоминающие насекомых с жужжащими прозрачными крыльями (хотя на самом деле это были миниатюрные сумчатые), здесь безо всякого страха порхали у тебя над головой, с откровенным любопытством таращили круглые долотые глаза, на миг садились на руку или на колено и тут же взлетали и уносились прочь. Впечатление было, что никакой разумной жизни на этой огромной травянистой равнине нет.

— За все время, пока летели над равниной, мы не видели ни одной живой души,— сказал Могиен.

— А нам показалось, что кто-то был прошлой ночью недалеко от нашего костра,— отозвался Роканнон.

Кьо, сидевший у костра, на котором сейчас готовилась пища, обернулся и посмотрел на Роканнона; Могиен, снимавший с себя сейчас пояс с двумя мечами, не сказал ни слова.

С рассвета они взлетели и на целый день оседлали ветер. Насколько трудно было идти по равнине пешком, настолько же приятно было лететь над ней. Точно так же прошел следующий день, и в самом конце его, перед наступлением вечера, когда они оглядывали сверху травяной простóр, пытаясь увидеть где-нибудь ручеек, Яхан повернулся в седле и прокричал:

— Скиталец! Посмотри вперед!

Далеко-далеко впереди на юге над ровным горизонтом виднелось что-то похожее на серые складки.

— Горы!— воскликнул Роканнон и, еще не договорив этого слова, услышал, как Кьо резко втянул воздух, будто чего-то испугался.

На следующий день они продолжали свой путь; но теперь на равнине, словно застывшие волны на неподвижном море, поднимались пологие холмы. Время от времени над ними проплывали на север кучевые облака, а между тем равнина впереди превращалась в пологий склон, уходящий все выше и становящийся все темнее; и ее рассекали там овраги и трещины. К вечеру горы стали видны совсем отчетливо; равнины уже погрузились во мрак, а далекие вершины на юге еще долго сверкали золотым блеском. Потом они начали тускнеть, слились с темным небом, и из-за них показалась и торопливо проплыла вверх луна Лиока, похожая на большую желтую звезду. Величавей Лиоки поплыли, но только с востока на запад, ярко сияющие Фени и Фели. Последней из четырех взошла и помчалась в погоню за остальными своими сестрами Хелики, то светлея, то темнея, опять светлея, и опять темнея — этот цикл длился полчаса. Роканнон лежал на спине и наблюдал в промежутке между черными на фоне ночного неба высокими травинками лучезарный, сложный и медленный танец лун.

Утром следующего дня, когда он и Кьо пошли садиться на коня с серыми полосами, Яхан, стоя у головы животного, предупредил:

— Будь с ним сегодня осторожнее, Скиталец.

Конь кашлянул и зарычал, и серый конь Могиена отозвался как эхо.

— Что их мучает? — спросил Роканнон.

— Голод! — ответил Рахо, с силой натягивая поводья своего белого коня.— Они до отвала наелись мяса хэрило, когда мы громили зграму, но с тех пор крупной дичи им не доставалось — маленькие прыгуны для них все равно что ничего. Подбери свой плащ, Повелитель Скиталец: если ветром бросит его полу к морде твоего коня, тот твоим плащом пообедает.

Рахо, чьи каштановые (а не черные) волосы и коричневая (а не белая) кожа свидетельствовала о неодолимом влечении, которое одна из его бабушек вызвала у какого-то знатного ангья, разговаривал менее подобострастно и более насмешливо, чем большинство «среднерослых». Могиен никогда его не одергивал, а резкость Рахо не могла скрыть его беззаветную преданность Могиену. Уже почти среднего возраста, Рахо явно считал это путешествие бессмысленной затеей, но, столь же явно, был готов отправиться со своим повелителем хоть на край света, даже если бы это грозило смертельной опасностью.

Яхан отдал Роканнону поводья — и, будто распрямилась сжатая пружина, конь взлетел вверх. Весь этот день кони, позабыв об усталости, летели к охотничьим угодьям, которые они чуяли на юге, и их подгонял дующий в спину северный ветер. Все выше становились, все темней и четче леса у подножия гряды гор, которая, казалось, парила в воздухе. Деревья появились и на равнине, они росли группками и рощицами, островками в волнующемся от ветра море травы. Рощи слились в леса с зелеными полянами среди деревьев. Сумерки сгущались, когда путешественники опустились на берег поросшего осокой озерца среди лесистых холмов. Проворно и ловко Яхан и Рахо стали освобождать крылатых коней от клади и сбруи, а потом отпустили их. Мгновение — и те, с рычанием ударяя по воздуху широкими крыльями, взмыли над холмами, разлетелись в разные стороны и исчезли.

— Вернутся, когда наедятся досыта,— сказал Яхан Роканнону,— или когда Повелитель Могиен позовет их своим беззвучным свистком.

— Бывает, приводят себе пару — из диких коней,— добавил Рахо.

Могиен и оба «среднерослых» отправились охотиться поодиночке на короткокрылах прыгунов и другую дичь, которая им попадется; Роканнон же выдернул из грунта несколько кустиков пейи с сочными корнями и, завернув корни в листья этого же кустарника, положил их печься в угли костра. Он умел обходиться тем, что предлагала планета, на которой он оказывался, и этим своим умением гордился, и эти дни перелетов, длившихся с утра до вечера, постоянный голод и сон под открытым небом, в весенним ветре, привели его в наилучшую возможную форму, обострили все его чувства. Поднявшись на ноги, он увидел, что

Кьо стоит у края озерца — совсем маленький, не выше торчащей из воды осоки. Кьо стоял и смотрел на горы, которые, серыми громадами вздымаясь на юге, собирали вокруг своих вершин все облака и все безмолвие неба. Роканнон, подойдя и став рядом, увидел, что лицо фиина выражает разом отчаянье и азарт.

— Драгоценность вернулась к тебе, Скиталец,— сказал Кьо, не поворачивая к нему головы, своим робким негромким голосом.

— ...Хотя я все время пытаюсь от нее избавиться,— отозвался, улыбаясь Роканнон.

— Там, наверху,— сказал фиина,— тебе придется отдать нечто большее, чем золото или камни... Что сможешь ты отдать, Скиталец, там, где высоко и холодно, где все серое? Из огня — в холод...

Роканнон слышал его и наблюдал за его лицом, однако губами Кьо не шевелил. По коже Роканнона пробежали мурашки, и он закрыл границы своего сознания, бежал от того, что туда вторглось, в его человеческую и личную сущность.

Наконец Кьо повернул к нему голову, теперь спокойный и улыбающийся, как обычно, и обычным же голосом сказал:

— За холмами предгорий, за лесами, в зеленых долинах живут фиина. Мой народ любит долины и свет солнца. За несколько дней мы долетим до их деревень.

Эта новость всех обрадовала.

— А я уж думал, что обладающих даром речи мы здесь не встретим,— сказал Рахо.— Какие удивительные места — и никто здесь не живет!

Наблюдая, как танцуют над озером двое крылатых, похожих на аметисты, киларов, Могиен сказал:

— Так безлюдно здесь было не всегда. Еще в очень давние времена, до рождения героев, до того, как были построены Халлан и Высокий Ойнхалл, до того, как нанес свой удар, которому нет равных, Хендин, и до того, как Кирфьель погиб на Орренском Холме, мой народ жил здесь, во Фьерне. Мы приплыли в Ангьен с юга на лодках с драконьей головой и там, в Ангьене, встретили дикарей, прятавшихся в пещерах внутри прибрежных скал или в лесах, дикарей, у которых лица были белыми. Ты ведь знаешь, Яхан, «Песнь об Орхогиене»: «На ветре верхом, пешком по траве, по морю скользя, по тропе Лиоки к звезде, что Брехен зовется...» Тропа Лиоки идет с юга на север. В песне рассказывается, как мы, ангья, покорили дикарей-охотников, ольгьо, единственный в Ангьене родственный нам народ; и хотя различия между нами и ими очевидны, мы с ними родственники и называемся вместе лиу. Но об этих горах ничего в песне не говорится. Правда, эта песня очень старая, и, может быть, потерялось ее начало или, может, именно отсюда и пришел мой народ. Ведь места эти замечательные: здесь тебе и леса для охоты, и холмы для стад, и вершины для замков. И однако, похоже, никто теперь больше здесь не живет...

Этим вечером Яхан не стал играть на своей лире со струнами из серебра; путешественники долго не могли заснуть —

возможно, потому, что крылатые кони не прилетели, а на холмах царила мертвая тишина, будто на ночь все вокруг затаилось в страхе.

У озерца было слишком сыро, и на другой день они не спеша пошли дальше, часто останавливаясь, чтобы поохотиться и пособирать свежей зелени. Уже наступили сумерки, когда они пришли к холму, на вершине которого были какие-то древние, поросшие травой руины. Стен не оказалось, однако по очертаниям было видно, где в дни столь давние, что о них не помнят легенды, находился Двор Прилетов этого маленького замка. Здесь они и расположились лагерем, чтобы крылатые кони, когда вернутся, могли легко их найти.

Была еще середина долгой ночи, когда Роканнон проснулся и сел. Из четырех лун светила только маленькая Лиока, а костер погас. Сторожить, ложась спать, они никого не поставили. Длинным силуэтом на фоне звездного неба, примерно в пятнадцати футах от Роканнона, неподвижно стоял Могиен. Роканнон сонно смотрел на него, несколько удивленный тем, что, хотя на Могиене плащ, тот кажется таким высоким и узкоплечим. Что-то тут не то. Плащи, которые носят ангъя, в плечах всегда очень широкие, а у Могиена и так широкая грудь. Почему он сейчас стоит там, почему он такой высокий, худой и сутулый?

Голова Могиена медленно повернулась, и Роканнон увидел, что принадлежит она не Могиену.

— Кто это?— вскакивая на ноги, хрипло воскликнул в мертвой тишине Роканнон.

Лежавший рядом с ним Рахо сел, огляделся вокруг, схватил лук и тоже поднялся на ноги. За высокой фигурой что-то шевельнулось — оказалось, что другая такая же. Со всех сторон, повсюду на поросших травой руинах поднимались высокие худые, безмолвные фигуры, на каждый тяжелый плащ, голова у каждой наклонена вперед.

— Повелитель Могиен? — крикнул Рахо.

Никакого ответа.

— Где Могиен? — закричал Рахо.— Кто вы такие? Ответьте!..

Те, не отвечая, медленно двинулись вперед. Рахо натянул тетиву. Фигуры стали вдруг широкими, плащи их распахнулись, и медленными, очень высокими прыжками нападающие ринулись разом со всех сторон к Роканнону и Рахо и на них набросились. Пытаясь вырваться из цепких рук, Роканнон будто пытался вырваться из страшного сна — ведь только в сновидении могло происходить то, что происходило сейчас: медленность, с которой двигались высокие фигуры, их молчание — все это было каким-то нереальным, тем более, что в герметитовом костюме он не ощущал наносимых ему ударов.

— Могиен! — раздался отчаянный крик Рахо.

Напавшие, которых было очень много, повалили Роканнона, а потом вдруг рывком, от которого к горлу подступила тошнота, его подняли в воздух. Роканнон увидел, как далеко внизу рас-

качиваются в свете звезд холмы и рощи. Голова у него закружилась и он инстинктивно ухватился руками за тех, кто его нес. Они окружали его со всех сторон — казалось, весь воздух заполнен машущими темными крыльями.

Это длилось и длилось, и он по-прежнему время от времени надеялся проснуться и вырваться из цепенящего страха, из тихого свиста голосов, из беспрерывного встряхиванья посреди работающих без устали крыльев. Потом они начали снижаться, постепенно и очень долго. На миг в поле зрения Роканнона попал разгорающийся восток, грунт качнулся и ринулся к Роканнону навстречу, множество осторожных и сильных рук, державших его, разжалось, и он упал. От падения он не пострадал, но подняться и сесть не мог, потому что кружилась голова и тошнило; лежа, он стал не спеша разглядывать все вокруг.

Под ним была поверхность из красных полированных кафельных плиток. Налево и направо поднимались стены, высокие и прямые, сделанные из чего-то серебристого — возможно, из стали. Позади высилось огромное куполообразное здание, а впереди, по ту сторону ворот без верхней перекладины, вдаль уходила улица из таких же серебристых, как стены, домов без окон; совершенно одинаковые, один напротив другого, они выстроились двумя одинаковыми рядами, создавая безупречную геометрическую перспективу, освещенную зарей, прогнавшей все тени. Это был город — не деревня каменного века или замок века бронзового, а огромный город, величественный и строгий, продукт высокоразвитых науки и техники. Хотя в голове у него все плыло, Роканнон приподнялся и сел.

Становилось светлее, и теперь в сумраке небольшого двора, где он лежал, Роканнон разглядел несколько предметов неопределенных очертаний; конец одного из них поблескивал золотом. Роканнона буквально подбросило, когда он увидел под прядями золотых волос темное лицо. Глаза у Могиена были открыты и смотрели не мигая в небо.

Точно так же, неподвижные, но с открытыми глазами, лежали все четверо спутников Роканнона. У Рахо лицо было страшно искажено. Даже Кьо, всегда до этого, несмотря на свою хрупкость, казавшийся неуязвимым, лежал неподвижно, и в огромных глазах его отражалось бледное небо.

И однако было видно, как они вдыхают и выдыхают воздух, подолгу и спокойно, с долгими паузами; с трудом поднявшись, Роканнон подошел к Могиену, приложил ухо к его груди и услышал биенье сердца, слабое, но ровное.

Позади его снова раздались свистящие звуки, и он сжался и замер, став таким же неподвижным, как его парализованные спутники. Его подергали за плечи, за ноги, перевернули на спину, и он увидел над собой лицо — большое, удлиненное, сумрачное и красивое. На темной голове никаких волос; даже бровей на лице не было. Между широких век без ресниц сияли глаза, словно отлитые из золота. Рот, маленький и изящный, был закрыт. Осторожные, но сильные руки уже взялись за его челюсти и те-

перь разжимали их. Над ним склонилась вторая высокая фигура, и он закашлялся и едва не задохнулся, когда в горло ему что-то влили — это оказалась вода, теплая и несвежая. Больше они его не трогали. Он поднялся на ноги, отплевываясь, и сказал:

— У меня ничего не болит, оставьте меня в покое!..

Но те двое уже повернулись к нему спиной. Теперь они склонились над Яханом — один разжал ему челюсти, а другой влил Яхану в рот немного воды из высокой серебристой вазы...

Это были очень высокие и очень худые гуманоиды; по грунту они передвигались медленно и довольно-таки неуклюже: ходьба не была для них самым предпочтительным способом передвижения. Из плеч выступали, серым плащом ниспадая поверх спины, изгибающиеся серые крылья, а вперед выдавалась узкая грудь. Ноги были тонкие и короткие, а держать темную, благородных очертаний голову прямо мешал, по-видимому, верх крыльев.

«Путеводитель» Роканнона покоился на дне пролива, под водой и густым туманом, но память кричала: «Разумные формы жизни, вид 4 (сведения подлежит проверке): крупные гуманоиды, живущие в больших городах». И именно ему посчастливилось подтвердить правильность этих сведений, первым увидеть новую высокую культуру, нового члена Союза Всех Планет! Строгая красота зданий, безличное милосердие двух агнелоподобных фигур, принесших воду, их царственное молчание — все вызывало благоговейный трепет. Ничего подобного этим существам он не видел ни на одной планете. Сейчас они поили Кьо; Роканнон подошел к ним и, преодолев неуверенность, спросил:

— Вы знаете «общий язык», крылатые повелители?

Они не обратили на него никакого внимания. Подошли, мягко и неуклюже ступая, к Рахо и влили воду в его искривленный рот. Вода вытекла и сбежала вниз по щеке. Затем они пошли к Могиену, и Роканнон, зайдя вперед и преградив им дорогу, сказал:

— Выслушайте меня!

Но вдруг осознал (и от осознания к горлу его поднялась волна тошноты): широко открытые золотые глаза слепы, эти два существа ничего не видят и не слышат. Ибо они не ответили ему и даже на него не посмотрели, а пошли мимо к куполообразному зданию, высокие, неправдоподобные, закутанные, как в плащи, в свои мягкие крылья. И дверь, когда они вошли туда, бесшумно закрылась.

Роканнон пошел к своим спутникам: вдруг ангелоподобные дали им средство от паралича и оно уже действует? Но все оставалось по-прежнему. У всех было медленное дыхание и слабое биенье сердца — у всех, кроме одного. Сердце Рахо молчало, а искаженное лицо было холодным. От воды, вылившейся изо рта, щека была мокрой.

Благоговейного трепета Роканнон больше не испытывал, место этого чувства занял гнев. Почему эти ангелоподобные обращаются с ним и его друзьями как с пойманными дикими

животными? И он направился к воротам без верхней перекладины и через них вышел на улицу этого города, в реальность которого было почти невозможно поверить.

И никакого движения вокруг. Двери во всех домах закрыты. На высокие, без единого окна серебристые фасады, уходившие вдаль на обеих сторонах улиц, падал свет восходящего солнца.

Роканнон миновал шесть перекрестков перед тем, как дошел до места, где улица уперлась в стену. Высотой стена была футов в пятнадцать, было ясно, что она окружает город кольцом; он не стал искать ворота — по-видимому, их и не было. К чему крылатым существам ворота в городской стене? Он пошел по радиальной улице назад, к центральному зданию, единственному в городе, отличавшемуся формой от выстроившихся правильными рядами серебристых домов и превосходившему их высотой. Двери всех домов были по-прежнему закрыты, чистые улицы пустынны, и пустынно небо; никаких звуков не слышно было, кроме звука его шагов.

Он вернулся во двор перед центральным зданием. Подошел к двери здания. Забарабанил в нее. Молчание. Толкнул дверь, и она легко отворилась.

Внутри царил теплый мрак, что-то свистело и шуршало негромко; было чувство, что он в большом помещении. Мимо него проковыляла высокая фигура и вдруг остановилась и замерла. В лучах еще не высоко поднявшегося солнца, которые он впустил, отворив дверь и не закрыв ее за собой, Роканнон увидел: золотые глаза открываются и закрываются медленно, открываются и закрываются.

Обратившись лицом к непостижимому взгляду этих глаз, Роканнон принял по привычке позу, которую «рафожисты» назвали УКК («универсальный катализатор контакта»), и на общегалактическом спросил:

— Кто у вас самый главный?

На вопрос этот, если его задавали достаточно выразительно, какой-нибудь ответ обычно следовал. Но сейчас не последовало никакого. Крылатое существо, казалось, смотревшее на Роканнона в упор, моргнуло с безразличием более презрительным, чем само презрение, закрыло глаза и, похоже, уснув, осталось стоять на месте.

За это время глаза Роканнона привыкли к полутьме, и теперь он увидел в сумраке ряды, группы и группки крылатых фигур — сотни их стояли неподвижно с закрытыми глазами.

Он расхаживал среди них, и ни одна даже не шелохнулась.

Когда-то очень давно, еще ребенком, он расхаживал на Давенанте — своей родной планете, по музею, полному статуй, и смотрел в неподвижные лица древних хейнских богов.

Собравшись с духом, он подошел к одному из крылатых существ и дотронулся до его (а может быть, ее) руки. Золотые глаза открылись, и красивое лицо, темное в окружающем мраке, повернулось к нему. «Хасса!» — произнесло крылатое существо и, быстро наклонившись, поцеловало Роканнона в плечо; потом

отступило шага на три, снова закуталось в свой плащ из крыльев и осталось стоять, закрыв глаза.

Иша дорогу через мирный, полный сладковатого запаха полумрак зала. Роканнон двинулся дальше внутрь и наконец нашел на ощупь дверной проем — высокий, до самого потолка. За ним оказалось немного посветлее, сквозь крохотные отверстия в крыше струйками золотых пылинок падал солнечный свет. Стены, правая и левая, сходились наверху, образуя свод с узкой аркой. Судя по всему, это был коридор, кольцом опоясывавший центральный зал, сердце города. Внутреннюю стену коридора сплошь покрывал повторяющийся изумительной красоты узор из переплетенных треугольников и шестигранников. В Роканноне вновь проснулся этнолог. Крылатые существа были первоклассными строителями. Все поверхности в здании были полированные, все соединения точные; замысел был великолепный, его исполнение — безупречное. Только высокая культура могла такое создать. Но никогда до этого не встречал он носителей высокой культуры, которые были бы такими неконтактными. В конце концов, зачем они доставили сюда его и его спутников? Может, они, в своем безмолвном высокомерии ангелов, решили спасти их от какой-то ночной опасности? Или они превращают представителей других разумных видов в своих рабов? Если верно именно это, странно, почему они никак не реагировали на то, что парализующее средство на него не подействовало. Возможно, звуковая речь им для общения не нужна; правда, вид этого невероятного дворца скорее наводил на мысль, что разум его создателей далеко опередил человеческий. Роканнон пошел по кольцевому коридору и во внутренней его стене увидел новый проход, на этот раз очень низкий, так что пройти сквозь него Роканнону удалось только согнувшись, а крылатому существу из-за своего роста пришлось бы сквозь него ползти.

Там, куда он прошел, царил тот же теплый, чуть желтоватый, пахнущий чем-то сладковатым сумрак, но здесь сумрак шевелился, бормотал, тихо шуршал — бормотали голоса, шевелились бесчисленные тела, шуршали, волочась по полу, крылья. Сквозь цилиндрическое отверстие в центре купола, высоко вверху, проникал золотой свет. По внутренней стороне купола по стене пологой и длинной спиралью поднимался до самого отверстия длинный пандус. Кое-где на пандусе что-то шевелилось, и дважды Роканнон видел, как крылатая фигура, казавшаяся снизу крошечной, расправляет крылья и беззвучно вылетает наружу сквозь огромный цилиндр, внутри которого пляшут золотые пылинки. Он направился через огромный зал к началу пандуса, и тут с одного из средних витков спирали что-то упало на пол. Послышался сухой треск. Роканнон увидел, что это тело крылатого существа. Хотя от удара об пол череп раскололся, крови видно не было. Тело было маленькое, крылья — недоразвитые.

Роканнон, не замедляя шага, начал подниматься по пандусу.

Футах в тридцати над полом в стене оказалась треугольная ниша, в ней сидели крылатые существа, тоже маленькие, со сморщенными крыльями. Их было девять, и сидели они по трое, каждая тройка на равном расстоянии от двух других, вокруг чего-то большого и бледного, лишь через некоторое время Роканнон, разглядев морду и открытые пустые глаза, понял, что это крылатый конь, живой, но парализованный. Изящные маленькие рты девяти ангелоподобных снова и снова приникали к животному, целуя его, целуя... Роканнон повернул назад.

Опять что-то с громким треском ударилось об пол. Уже сбегая вниз по пандусу. Роканнон увидел, что упало высохшее, лишенное сока тело барило.

Он выбрался в кольцевой коридор с его расписанной повторяющимся узором внутренней стеной. Стараясь двигаться как можно быстрее, но в то же время как можно тише, пошел, лавируя, сквозь толпу спящих стоя фигур и вышел наконец во двор. Двор был пуст. От красных полированных плиток отражались косые лучи дневного светила. Его товарищи исчезли. Все было ясно: их перетащили в центральный зал, чтобы там их высосали детеныши.

7 Ноги у Роканнона подкосились. Он сел на полированные плитки двора и попытался справиться с охватившим его страхом хотя бы настолько, чтобы быть в состоянии обдумать, что делать дальше. Что делать дальше... Нужно вернуться в куполообразное здание и попробовать оттуда вынести Могиена, Кьо и Яхана. При одной мысли о том, что он снова окажется среди этих ангелоподобных существ, в чьих на вид благородных головах мозг или дегенерировал или специализировался до уровня, наблюдаемого у насекомых, он ощутил холод у себя на затылке, однако не пойти туда он не мог. Там его товарищи, и он обязан любой ценой их спасти. Достаточно ли крепко спят ангелоподобные, не помешают ли ему? Но сначала нужно осмотреть всю стену вокруг города, потому что если в ней и в самом деле нигде нет ворот, все усилия его будут напрасны. Через стену в пятнадцать футов высотой ему своих товарищей не перенести.

Уже шагая снова по безмолвной, идеально прямой улице, он подумал, что ангелоподобные, по-видимому, делятся на три касты: во-первых, няни — вместе с детенышами они находятся в центральном зале куполообразного здания; во-вторых, строители и охотники — в том же здании, но в помещениях вокруг зала; в-третьих, матки, что кладут и высиживают яйца — эти, вероятно, в домах на радиальных улицах. Двое, что поили водой его и его спутников, наверное, няни, их дело, среди прочего, поддерживать жизнь в парализованной добыче, пока детеныши не высосут из нее соки. Поить водой они пытались и мертвого Рахо... Как же он не понял сразу, что они лишены разума? Ему хотелось их считать разумными, потому что они похожи на людей, похожи настолько же, насколько похожи на людей созданные воображением людей ангелы.

На ближайшем перекрестке что-то метнулось через улицу, небольшое и коричневое. Определенно инородное для этого города. Шагая быстро и размеренно в царившем вокруг безмолвии, Роканнон достиг серебристой стены и, повернув влево, пошел вдоль нее.

Немного впереди у самого основания стены замерло, прижавшись к грунту, коричневое животное. Оно стояло на четвереньках и было не выше его колена. Бескрылое, в отличие от большинства животных на этой планете. Похоже было, что оно страшно испугано; чтобы страх не побудил животное на него броситься, Роканнон его обошел. Никаких ворот впереди в этой изгибающейся стене видно не было.

— Повелитель! — пропищал за спиной у него слабый голосок.— Повелитель!

— Кьо?! — воскликнул Роканнон, оборачиваясь, и стена ответила громким эхом.

Ничего не произошло, все осталось как прежде — серебристые дома, черные тени, прямые линии, молчание.

Животное, передвигаясь прыжками, приближалось к нему.

— Повелитель,— запищало оно. — Повелитель, приходить, приходить! Приходить. Повелитель!

Роканнон, остолбенев от изумления, стоял и смотрел на животное во все глаза. Допрыгав до него на своих сильных задних ногах, это существо село перед ним на корточки. Оно тяжело дышало, и мохнатая грудка, на которой были сложены маленькие черные четырехпалые ручки, сотрясалась от ударов сердца. На Роканнона смотрели снизу перепуганные черные глаза. Дрожащим голоском животное снова сказало на «общем языке»:

— Повелитель...

Роканнон опустился на колени. Он растерянно смотрел на маленькое создание и наконец сказал мягко:

— Я не знаю каким именем тебе называть.

— Приходить! — все тем же дрожащим голосом пропищало животное.— Повелители... Повелители... Приходить!

— Ты об остальных повелителях! Это мои товарищи.

— Товарищи,— повторило коричневое существо.— Товарищи. Замок. Повелители, замок, огонь, конь, день, ночь, огонь. Идти!

— Иду! — отозвался Роканнон.

Животное повернулось и начало удаляться прыжками. Роканнон за ним последовал — по радиальной улице назад к центру, потом в боковую улицу и через ворота во двор перед входом в куполообразное здание. Там на красных плитках лежали в тех же положениях, в каких он их оставил, все четверо его товарищей. Позднее он понял, что потерял их только потому, что вышел из куполообразного здания не в ту дверь: всего дверей и, соответственно, дворов было, как оказалось, двенадцать.

Их дожидались, расположившись возле Яхана, пять таких же коричневых существ. Роканнон снова опустился на колени,

чтобы уменьшить свой рост, потом поклонился так низко, как только мог, и сказал:

— Привет вам, маленькие Повелители.

— Привет, привет,— отозвались мохнатые коричневые существа.

Потом один, у которого шерсть вокруг пасти была черной, сказал:

— Шустрые.

— Вы шустрые?

Они поклонились, явно подражая ему.

— А я Скиталец Роканнон. Мы пришли с севера, из Ангъена, где Замок Халлана.

— Замок,— повторил шустрый, у которого шерсть вокруг пасти была черной.

Его тоненький голосок дрожал от напряжения. Он задумался, почесал голову. Потом запищал снова:

— День, ночь, годы, годы. Повелители уходить. Годы, годы, годы. Шустрые не уходить.— И он посмотрел на Роканнона с надеждой, что тот поймет.

— А шустрые... решили остаться? — спросил Роканнон.

— Остаться! — неожиданно звучным голосом выкрикнул шустрый, у которого шерсть вокруг мордочки была черной.— Остаться! Остаться!

И остальные шустрые восторженно забормотали:

— Остаться, остаться...

— День,— решительно сказал тот же шустрый с черной шерстью вокруг мордочки, показывая на дневное светило.— Повелители приходить. Уходить?

— Да, мы бы хотели уйти. Можете вы оказать нам в этом помощь?

— Помощь! — восторженно и жадно вцепился шустрый также в это слово.— Помощь уходить... Повелитель, остаться!

И Роканнон остался, сел и начал смотреть, как у шустрых закипела работа. Все тот же, с черной шерстью вокруг мордочки, свистнул, и вскоре, поглядывая с опаской по сторонам, прискакало еще с десяток его собратьев. Где же в этом с математической точностью распланированном городе-улье они живут? И, судя по всему, у них были не только жилища, но и склады: один из прискакавших держал в маленьких черных ручках белый, очень похожий на яйцо сфероид. Оказалось, что это и в самом деле яичная скорлупа, только используемая как сосуд: все тот же, с кольцом черной шерсти, осторожо взял яйцо и снял с него крышку. Внутри была вязкая прозрачная жидкость. Тот же самый, с кольцом черной шерсти, помазал этой жидкостью ранку на плече каждого из лежавших без сознания путешественников; после этого шустрые стали приподнимать осторожно голову каждого лежавшего, и тот, что держал яйцо, вливал немного вязкой жидкости каждому в рот. К Рахо он не подошел. Между собой шустрые обшались при помощи чуть слыш-

ного пересвистывания и жестов; впечатление было, что не только с чужими, но и друг с другом они трогательно вежливы.

Тот, кто поил парализованных густой жидкостью, подошел к Роканнону и сказал успокаивающе:

— Повелитель, остаться.

— Подождать? Ну, конечно!

— Повелитель...— начал было тот, показывая на тело Рахо, и замолчал.

— Мертвый,— сказал Роканнон.

— Мертвый, мертвый,— жадно ухватилось за это слово коричневое существо. Оно дотронулось до своей шеи, и Роканнон кивнул.

Казалось, что серебристые стены вокруг двора не отражают зной и свет дневного светила, а излучают то и другое сами.

Внезапно Яхан, лежавший возле Роканнона, глубоко вздохнул.

Шустрые сели позади своего вождя полукругом на корточки.

— Могу я узнать твое имя, Маленький Повелитель? — спросил Роканнон.

— Имя,— прошептал тот, а соплеменники его замерли.— Лиу, фиина, гдема — имена. Шустрые — не имя.

Лежавший позади Роканнона Кьо вздохнул, зашевелился, потом приподнялся и сел. Услышав вздох, Роканнон обернулся, встал и подошел к нему. Маленькие мохнатые существа, внимательные и спокойные, не отрывали от него взгляда своих черных глаз. Почти тут же поднялся Яхан, потом, наконец, Могиен; ему, похоже, досталась особенно большая доза парализующего вещества — сначала, уже очнувшись, он даже руки не мог поднять. Один из шустрых застенчиво объяснил Роканнону жестами, что нужно растереть Могиену руки и ноги; Роканнон сразу же начал их растирать, одновременно рассказывая Могиену, что именно произошло и где они находятся.

— Гобелены...— прошептал Могиен.

— О чем ты? — мягко спросил его Роканнон, думая, что тот еще не пришел в себя окончательно.

— Гобелены, те, что у нас дома... на них крылатые великаны,— по-прежнему шепотом сказал Могиен.

И Роканнон вспомнил, как в Большом Зале Халлана стоял с Хальдре под вытканным изображением золотоволосых воинов, сражающихся с крылатыми фигурами.

Кьо, который, с тех пор как очнулся, не отрывал от шустрых взгляда, протянул руку. Вождь шустрых поскакал к нему и положил свою маленькую четырехпалую черную руку на длинную и худую ладонь Кьо.

— Словолюбы,— тихо сказал фиина.— Словоеды, безымянные, резвые, хорошо помнящие. Вы ведь с давних времен помните многие слова ангья?

— Помнить,— подтвердил вождь шустрых.

Поддерживаемый Роканноном, Могиен встал; вид у него был изможденный и мрачный. Он постоял немного у тела Рахо,

чье лицо в ярких лучах белого дневного светила стало страшным. Потом приветствовал шустрых и, отвечая на вопрос Роканнона, сказал, что чувствует себя прекрасно.

— Если в стене нет ворот, можно сделать в ней зарубки и на нее взобраться,— заметил Роканнон.

— Свистни коней, Повелитель, — проговорил, пока еще с трудом ворочая языком, Яхан.

Было слишком трудно сформулировать понятным для шустрых образом вопрос о том, не разбудит ли свисток Могиена обитателей куполообразного здания. Но поскольку те, судя по всему, летали только по ночам, путники решили рискнуть. Могиен вытащил из-под плаща маленькую дудочку, висевшую на цепочке у него на шее, дунул в нее, и, хотя Роканнон ничего не услышал, шустрые вздрогнули. Не прошло и двадцати минут появилась огромная тень, сделала круг, умчалась к северу и вернулась вскоре со своим товарищем. Оба, работая могучими крыльями, спустились во двор: серый, на котором летал Могиен, и другой, полосатый. Белый не прилетел. Возможно, именно его Роканнон видел на пандусе в душном золотистом сумраке зала, где конь стал пищей для детенышей ангелоподобных существ.

Шустрые очень испугались крылатых коней. Когда Роканнон стал благодарить вождя шустрых и с ним прощаться, тот был явно в панике и почти утратил свойственные его племени мягкость и церемонную вежливость.

— Лететь, Повелитель! — жалобно пропищал он, с опаской поглядывая на большие когтистые лапы крылатых.

И путники, не тратя времени, отправились дальше.

В одном часе полета от города-улья, возле погасшего костра, который они жгли вчера, лежали точно так, как путешественники их оставили, поклажа и седла, запасные плащи и шкуры, служившие путешественникам постелью. Примерно на полпути между вершиной холма, где они ночевали, и его подножием они обнаружили трех мертвых ангелоподобных, а рядом оба меча Могиена; один был сломан у самой рукояти. Могиен рассказал: ночью он проснулся и увидел, как ангелоподобные стоят, наклонившись, над Кьо и Яханом. Один из ангелоподобных его укусил, и он после этого уже не мог говорить. Однако мог драться, и до того, как его парализовало окончательно, убил троих нападавших. Слышал, как Рахо зовет его. Рахо позвал его три раза, но Могиен был уже не в состоянии ему помочь.

На этом Могиен прервал свой рассказ. Он сидел среди поросших травой руин, переживших все имена и легенды, и на коленях у него лежал сломанный меч.

Из кустарника они сделали погребальный костер и положили на него тело Рахо, которое унесли из города, а рядом — его лук и стрелы. Яхан добыл новый огонь, и Могиен зажег костер. Потом они сели на крылатых, Кьо — за спиной у Могиена, Яхан — за спиной у Роканнона, и поднялись по спирали над

дымом костра, в жаркий день пылавшего на вершине холма в незнакомой для них стране.

И они еще долго видели, когда оглядывались, поднимающийся к небу дым.

Шустрые посоветовали им удалиться из этих мест как можно скорее, а ночи проводить в надежном укрытии, иначе ангелоподобные могут их в темноте обнаружить. И к вечеру они спустились к ручью на дне глубокого ущелья с лесистыми склонами; неподалеку слышался шум водопада. Воздух был влажный, но благоухающий и будто пронизанный музыкой, и на душе у путников стало спокойнее. На обед себе они нашли нечто удивительно вкусное — обитающее в воде, заключенное в раковину, медленно передвигающееся существо; однако Роканнон не мог заставить себя есть это мясо. Вокруг суставов и на хвосте добычи рудиментарный мех; как многие другие виды животных на планете, как, вероятно, и шустрые, это были яйценосные млекопитающие.

— Тебе нравится, Яхан, ты его и ешь,— сказал Роканнон, хотя его страшно мучил голод.— Я не могу снимать раковину с чего-то, что могло бы со мной заговорить.

И он, поднявшись, перешел к Кьо и сел около него.

Кьо улыбнулся, потирая укушенное плечо, которое до сих пор болело.

— Если бы все слышали, как разговаривают разные зверюшки...— и Кьо, не докончив фразы, умолк.

— ...я бы наверняка умер от голода.

— А деревья, кусты и трава молчат,— сказал фиа, поглаживая склонившийся над ручьем шершавый ствол.

Здесь, на юге, деревья, все хвойные, начинали сейчас цвести, пыльца покрывала их и летала в воздухе, придавая ему сладковатый привкус. На этой безымянной планете цветы всех растений, травянистых и хвойных, отдавали свою пыльцу только ветру — насекомых здесь не было, как не было цветов с лепестками. Весна на планете знала из всех цветов спектра только зеленый разных оттенков, перемежаемый россыпями золотистой пыльцы.

Когда стемнело, Могиен и Яхан улеглись спать возле теплой золы; поддерживать огонь в костре путешественники не стали — ангелоподобные тогда могли бы их обнаружить. В темноте Кьо и Роканнон сели на берегу ручья.

— Ты приветствовал шустрых так, будто еще до этого знал о них,— сказал Роканнон.

— Что у нас в деревне помнил один, помнили все,— отозвался фиа.— Очень много рассказов вслух и шепотом, правды и неправды известно нам, и сколько иным из этих рассказов лет, не знает никто...

— И однако о тех, живущих в городе, ты не знал.

— Фиа не помнят страшного,— ответил после долгого молчания Кьо.— Да и почему должны мы это помнить? Мы сделали выбор. Когда наши и «людей глины» пути разошлись, мы ночь,

пещеры и мечи из бронзы оставили им, а себе оставили зелень долин, свет дня, выдолбленные из дерева чаши. Поэтому мы Полу-Люди. И мы забыли, мы забыли многое! — Его слабый голосок звучал сейчас решительнее, напряженнее, чем когда-либо прежде.— Каждый день с тех пор, как мы летим на юг, для меня снова и снова становятся явью древние сказания, которые в долинах Ангьена мы, фиина, слышим маленькими детьми. И я вижу, что сказания эти — чистая правда. Но половину правды мы забыли. Маленькие имяеды в песнях, которые мы поем из головы в голову друг другу, упоминаются, но там совсем не упоминается о существах, которые живут в городах. Мы помним друзей, но не врагов. Свет, но не мрак. И вот сейчас я иду вместе со Скитальцем, который, летя без меча на юг, уходит в сказания. Верхом на ветре лечу вместе со Скитальцем, который хочет услышать голос своего врага. Скитальцем, который проносился через великую тьму, Скитальцем, который видел, как наша планета висит во мраке синим драгоценным камнем. Я всего лишь полчеловека, поэтому за холмы, к которым мы летим, я с тобой отправиться не смогу. Не смогу, Скиталец, отправиться вместе с тобой туда, где высоко!

Роканнон мягко положил руку ему на плечо, Кью сразу умолк. Они сидели и слушали в ночи журчанье ручья и рокот водопада, наблюдали тусклое мерцание звезд на воде, что бежала с гор на юге, холодная как лед, и уносила с собой груды цветочной пыльцы.

Дважды за время полета на следующий день они видели далеко на востоке купола и расходящиеся колесными спицами улицы городов-ульев. Поэтому ночью спали по очереди, по двое. Следующую ночь они встретили уже на высоких холмах предгорий, и всю эту ночь и весь последующий день, когда они летели снова, по ним хлестал без перерыва холодный дождь. Когда ненадолго тучи расступились, стало видно, что теперь справа и слева над холмами возвышаются горы. На вершине холма среди руин древней башни прошла с частой сменой вахт под проливным дождем еще одна ночь, а в середине следующего дня перевал остался позади, облака рассеялись, и внизу уходила на юг, в туманные, окаймленные горными хребтами дали, большая долина.

Они над ней полетели, сверху она казалась широкой зеленой дорогой, по правую сторону которой, вплотную одна к другой, высились огромные белые вершины. Как опавшие листья неслись в лучах дневного светила крылатые кони, подгоняемые резким ветром. Над нежной зеленью долины внизу, где темнеющие кучки кустов или деревьев казались пятнышками эмали, плавал сероватый полупрозрачный туман. Неожиданно крылатый конь Могиена повернул, описывая широкую кривую, назад; Кью показывал вниз, и путешественники спустились в залитую солнечным светом деревушку, раскинувшуюся между холмом и ручьем; туман оказался дымом, поднимавшимся из труб ее домиков. На склоне холма паслось стадо хэрило. Посре-

ди стоявших неровным кругом домиков с легкими стенами и светлыми крылечками высились пять огромных деревьев. Возле этих деревьев и опустились путешественники, и навстречу им, застенчиво улыбаясь, вышли жители деревни фииа.

Эти фииа лишь с трудом объяснялись на «общем языке» и, похоже было, вообще не привыкли пользоваться звуковой речью. И однако у путешественников, когда они вошли в один из этих полных воздуха домиков, когда стали есть из отполированной деревянной посуды, когда нашли убежище от одиночества и враждебных стихий в доброжелательности и гостеприимстве фииа, появилось чувство, что они вернулись к себе домой. Странный маленький народец, ненавязчивый, добросердечный, державшийся поодаль,— таковы были Полу-Люди, как называл своих соплеменников Кьо. Однако сам Кьо уже был другим. В свежей одежде, которую фииа ему дали, он выглядел точно таким же, как они, и жестикулировал и двигался тоже как они, и все равно, оказавшись в группе соплеменников, он резко в ней выделялся. Может, потому, что пришлый был не в состоянии разговаривать с ними без слов? Или потому, что дружба с Роканноном изменила его, и он стал иным, чем прежде, более одиноким, более печальным, целым, а не получеловеком?

Фииа рассказали путникам об этих местах. За огромным горным хребтом на запад от долины начиналась пустыня; продвигаться на юг путешественникам следовало по долине, к востоку от гор, и в конце концов им предстояло достигнуть места, где западный хребет поворачивает на восток.

— Найдем ли мы там перевал? — спросил у фииа Могиен.

— Конечно, конечно,— ответили, улыбаясь, маленькие человечки.

— А что за перевалом, вы знаете?

— Перевал очень высоко, на нем очень холодно,— вежливо сказал фииа.

Путешественники, чтобы отдохнуть, провели в деревне две ночи, а когда отправились дальше, вьюки были до отказа набиты вяленым мясом и сухарями — их снабдили тем и другим фииа, ибо делать подарки доставляло фииа радость.

После двух дней полета путешественники достигли еще одной деревни маленьких человечков, и здесь их тоже приняли как долгожданных гостей. Фииа, мужчины и женщины, вышли встретить их и приветствовали Роканнона, который первым слез с коня, возгласами:

— Привет тебе, о Скиталец!

Роканнон был ошеломлен: да, он путешествует, так что прозвище это очень к нему подходит, но ведь впервые так назвал его Кьо!

Позднее, после еще одного перелета, занявшего долгий спокойный день, Роканнон спросил у Кьо:

— Когда ты жил дома, Кьо, неужели у тебя не было своего собственного имени?

— Меня называли «пастух», или «младший брат», или «бегун». Я хорошо бегал наперегонки.

— Но ведь это всего лишь прозвища, описания — как Скиталец или шустрые. Прозвища вы, фиина, даете удивительно меткие. Приветствуя незнакомца, вы обязательно как-нибудь его назовете — Повелитель Звезд, Меченосец, Золотоволосая, Словоед — я думаю, англя свою привычку давать прозвища переняли у вас. Но это не имена, имен у вас нет.

— Повелитель Звезд, много путешествовавший, пепельноволосый, сапфироносец,— сказал, улыбаясь, Кьо.— А что такое имя, если это не имена?

— Пепельноволосый? Неужели я поседел?.. Что такое имя, я точно не знаю. Имя, которое мне дали, когда я родился, было Гаверал Роканнон. Произнося это имя, я ничего не описываю, я просто называю себя. И когда я вижу, например, новое для себя дерево, я спрашиваю у тебя, Яхана или Могиена, как оно называется. И успокаиваюсь, только когда узнаю.

— Но ведь дерево — это дерево, как я фиина, как ты... кто?

— Между любыми двумя похожими предметами есть различия, Кьо! В каждой деревне я спрашиваю, как называются вон те западные горы, хребет, в тени которого проходит вся жизнь местных фиина, от рождения и до смерти, а фиина мне отвечают: «Это горы, Скиталец».

— Так ведь это и в самом деле горы,— отозвался Кьо.

— Но есть ведь и другие горы, хребет пониже, на востоке! Как вы отличаете один хребет от другого, одного своего соплеменника от другого, если не называете их по-разному?

Обхватив руками колени, Кьо сидел и смотрел на пылающие в лучах заката вершины. Через некоторое время Роканнон понял, что ответа не дождется.

Теплый сезон становился все теплее, все теплее становились ветры, все длиннее — и без того долгие дни. Поклажи на крылатых конях было навьючено вдвое больше обычного, поэтому летели они теперь медленнее, и путешественники часто останавливались на день-два, чтобы поохотиться самим и дать поохотиться коням; наконец стало видно, что западный хребет заворачивает впереди на восток, преграждая путь и соединяясь левее с восточным хребтом, отделяющим долину от морского берега. Зеленая растительность долины, поднявшись примерно на четверть высоты огромных холмов, останавливалась. Много выше лежали зелеными и коричнево-зелеными пятнами горные луга; еще выше царил серый цвет камней и осыпей; и наконец, на полпути к небу, сверкали белизной вершины.

Уже высоко, среди холмов, оказалась еще одна деревушка фиина. Развеивая синий дым из труб между длинных теней долгого вечера, холодный ветер загонял его сквозь щели в легких крышах обратно в дома. Как всегда у фиина, путешественников приняли весело и приветливо, у горящего очага предложили им в деревянных чашах воду, вареное мясо и зелень, а пропыленную одежду стали чистить, между тем как крошечные, но быстрые

как ртуть дети кормили и поглаживали их крылатых коней

После ужина для них стали танцевать без музыки четверо девушек; девушки двигались и ступали так легко и быстро, что казались бестелесными, казались игрой света и тьмы в отблесках пламени. С довольной улыбкой Роканнон повернулся к Кьо, который, как всегда, сидел с ним рядом. Фиа посмотрел серьезно ему в глаза и сказал:

— Я здесь останусь.

Подавив чуть было не вырвавшийся у него крик изумления, Роканнон снова стал смотреть на танцующих девушек, на меняющийся, невещественный рисунок, который непрерывно ткали, двигаясь, освещенные пламенем фигуры. Из безмолвия и из ощущения, что в разуме твоем и твоих чувствах поселилось что-то чужое, возникала музыка. Отсветы на деревянных стенах качались, падали, меняли форму.

— Было предсказано, что Скиталец будет выбирать себе товарищей. На какое-то время.

Роканнон не понял, кто произнес это: он, Кьо или его, Роканнона, память. Слова эти появились одновременно и в его сознании, и в сознании Кьо. Девушки резко отдалились одна от другой, тени их взбежали по стенам, у одной из девушек сверкнули, качнувшись, распущенные волосы. Танец без музыки кончился, девушки без имен (если только не считать именем чередованья света и тени) замерли. Так пришел к завершению, оставив после себя тишину, рисунок, в котором двигались какое-то время сознание Роканнона и сознание Кьо.

8 Под тяжело машущими крыльями Роканнон видел неровный каменный склон, хаос валунов, убегающий под ними назад и вниз, так что конь, поднимавшийся из последних сил к перевалу, левым крылом почти эти камни задевал. Бедра Роканнона были крепко пристегнуты ремнями к сбруе: порывы ветра время от времени едва не переворачивали крылатых в воздухе. Роканнона хорошо согревал герметитовый костюм, зато Яхану, сидевшему у него за спиной и закутанному во все их плащи и меховые шкуры, было страшно холодно; предвидя, что так будет, он еще до начала полета попросил Роканнона крепко-накрепко привязать его руки к седлу. Могиен, летевший впереди на коне, менее обремененном весом седоков и поклажи, переносил холод и высоту гораздо лучше Яхана.

Пятнадцать дней назад они, попрощавшись с Кьо, отправились из последней деревни фиа через предгорья и сравнительно низкие параллельные хребты к месту, которое издалека казалось широким перевалом. От фиа ничего вразумительного узнать не удалось, стоило только заговорить о переходе через горы, как фиа умолкали и съеживались.

Первые дни в горах прошли хорошо, но чем выше поднимались путешественники, тем труднее становилось крылатым: кислорода из разреженного воздуха к ним в легкие поступало меньше, чем они сжигали в полете. На больших высотах погода то и дело менялась, а холод усилился. За последние три дня

путешественники покрыли не больше пятнадцати километров, да и то почти вслепую. Ради того, чтобы крылатые получили лишний рацион вяленого мяса, они отдали им свой запас и обрекли себя тем самым на голод; утром Роканнон отдал коням последнее мясо, еще остававшееся в мешке: ведь если кони не смогут миновать перевал в этот же день, им придется повернуть назад и опуститься в лесистой местности, где они смогут поохотиться и отдохнуть, но потом должны будут все начать заново. Похоже было, что сейчас они следуют правильным путем, но с вершин на востоке дул ужасающий, пронизывающий насквозь ветер, а небо постепенно затягивала тяжелая пелена белых облаков. По-прежнему Могиен летел впереди, а Роканнон подгонял своего коня, чтобы не отстать; в этом бесконечном мучительном полете на большой высоте ведущим был Могиен, а он, Роканнон, был ведомым.

Могиен его окликнул, и Роканнон снова заторопил крылатого, вглядываясь сквозь замерзшие ресницы: не прервется ли где-нибудь хоть ненадолго этот бесконечный, полого уходящий вверх хаос. И вдруг каменный склон исчез, и Роканнон увидел далеко-далеко внизу ровное снежное поле; это был перевал. По-прежнему справа и слева уходили в снеговые тучи овеваемые ветрами пики. Могиен летел впереди, но недалеко. Его спокойное лицо, когда он оборачивался, было ясно видно Роканнону; вот Роканнон услышал, как Могиен закричал фальцетом — издал боевой клич победоносного воина. Теперь вокруг затанцевали снежинки, они не падали, а именно танцевали здесь, в своей обители, кружась и подпрыгивая. Каждый раз, как поднимались огромные полосатые крылья коня, голодного и усталого, на котором летел Роканнон, легкие животного со свистом втягивали воздух. Могиен, чтобы Роканнон не потерял его за пеленой снега, теперь летел медленнее.

В гуще танцующих снежинок появилось едва заметное пятнышко света, которое стало увеличиваться, излучало неяркое, но чисто золотое сияние. Сияли уходящие вниз снежные поля. И опять вдруг поверхность планеты упала вниз, и крылатые, растерявшись от неожиданности, забились в огромном воздушном омуте. Далеко, очень далеко внизу, маленькие, но отчетливо видные, лежали долины, озера, сверкающий язык ледника, зеленые пятна рощи. Побарахтавшись в воздухе, конь Роканнона поднял крылья и стал падать вниз; у Яхана вырвался крик ужаса, а Роканнон, зажмурившись, вцепился обеими руками в седло.

Крылья заработали снова, падение замедлилось, перешло в трудный, но сравнительно плавный спуск и наконец прекратилось. Конь, дрожа, лег животом на каменистый грунт долины, в которую они спустились, рядом пытался так же улечься и серый конь; Могиен, смеясь, соскочил с него и воскликнул:

— Мы перебрались, дело сделано!

Он подошел к Яхану и Роканнону; его темное лицо сияло от радости.

— Теперь, Роканнон, эти горы, обе их стороны стали частью моих владений... Здесь мы и заночуем. Завтра отдохнувшие

кони смогут поохотиться внизу, где растут деревья, а мы отправимся туда пешком. Слезай, Яхан.

Яхан который сидел, ссутулившись, в заднем седле, был не в состоянии двигаться. Могиен снял его с седла и, чтобы как-то укрыть от обжигающе холодного ветра, уложил под выступом большого камня; хотя предвечернее небо было ясным, дневное светило грело едва ли сильнее Большой Звезды — крошки хрусталя в небе на юго-западе. Пока Роканнон освобождал крылатых от сбруи, Могиен пытался помочь своему бывшему слуге. Сложить костер было не из чего: путешественники находились много выше линии, за которой начинался лес. Роканнон снял с себя герметитовый костюм и, не обращая внимания на слабые протесты испуганного Яхана, заставил его надеть костюм на себя, а сам закутался в шкуры. Люди и крылатые кони сбились, чтобы согреться, в тесную кучу, и люди разделили с конями остаток воды и сухарей, которые им дали на дорогу фиии. Приближалась ночь. Как-то сразу высыпали звезды, и, казалось, совсем рядом засияли две самые яркие из четырех лун.

Посреди ночи Роканнон проснулся, хотя сон был глубокий, без сновидений. Вокруг — холод, безмолвие и свет звезд. Яхан держал его за локоть и, шепча, трясущейся рукой на что-то показывал. Роканнон посмотрел в ту сторону, куда показывал Яхан, и увидел тень, стоящую на большом валуне и загораживающую собой часть звездного неба.

Как и тень, которую они с Яханом видели на равнине, она была высокая и туманная. Потом, сперва слабо, снова замерцали загороженные ею звезды, а потом она растаяла, и остался только черный прозрачный воздух. Слева от места, где только что была тень, светила Хелики — слабая, убывающая.

— Всего лишь игра лунного света,— прошептал Яхану Роканнон.— Ты нездоров, у тебя жар, постарайся заснуть снова.

— Нет,— раздался рядом спокойный голос Могиена.— Это была вовсе не игра лунного света, Роканнон. Эта была моя смерть. Трясясь в ознобе, Яхан приподнялся и сел.

— Нет, Повелитель, не твоя! Этого не может быть! Я видел такую же на равнине, когда тебя с нами не было. Скиталец ее видел тоже!

— Не говори глупостей,— сказал Роканнон.

— Я сам видел ее на равнине, она меня там искала,— заговорил Могиен, не обращая на его слова никакого внимания.— И два раза видел на холмах, когда мы искали перевал. Чья же, интересно, это смерть, если не моя? Может быть, твоя, Яхан? Ты что, тоже Властитель, тоже носишь два меча?

Больной, растерянный, Яхан хотел что-то сказать, но Могиен продолжал:

— И это не смерть Роканнона: он еще не закончил того, что закончить должен... Человек может умереть, где угодно, но Властителя смерть, предназначенная именно ему, его смерть настигает только в его владениях. Она подстерегает его в месте, которое принадлежит ему,— на поле битвы, в зале, в конце

дороги. А место, где мы сейчас, принадлежит мне тоже. С этих гор пришел мой народ, и вот я сюда вернулся. Мой второй меч сломался в сражении с теми, кто напал на нас ночью. Но слушай, моя смерть: я наследник Халлана, Могиен, — теперь ты знаешь, кто я?

Ледяной ветер по-прежнему дул над скалами. Куда ни глянь, вокруг камни, а за камнями — мерцающие яркие звезды. Один из крылатых шевельнулся и подал голос.

— Не придумывай,— сказал ему Роканнон.— Спи.

Но сам крепко заснуть уже не мог, и каждый раз, когда просыпался, видел, что Могиен сидит, прижавшись к большому боку своего крылатого, и, спокойный и готовый к любой неожиданности, вглядывается в ночную тьму.

На рассвете они отпустили коней охотиться, а сами начали спускаться пешком. Леса начинались много ниже, и, если бы до того, как путешественники спустятся, погода испортилась, это могло бы обернуться для них бедой. Но не истекло и часа, как они увидели, что Яхану идти не под силу: спуск был нетрудный, но холод и утомление взяли свое, идти Яхан был уже не в состоянии, а повисать на выступах или за них цепляться, что иногда приходилось делать, и подавно. Возможно, проведи Яхан еще хотя бы день в тепле герметитового костюма и в покое, силы к нему вернулись бы и он смог бы продолжать, но для этого Могиену и Роканнону пришлось бы задержаться здесь еще на одну ночь и провести ее без огня, крова и пищи. Мгновенно поняв это, Могиен предложил, чтобы Роканнон остался вместе с Яханом на освещенном лучами дневного светила и укрытом от ветра месте, между тем как сам он поищет спуск более легкий, где они с Роканноном смогут вдвоем нести Яхана вниз, или, если найти такой спуск не удастся, место, где Яхан будет укрыт от снега.

Вскоре после того, как Могиен ушел, Яхан, лежавший в полузабытье, попросил воды. Их фляга была пуста. Роканнон сказал, чтобы он лежал спокойно, а сам полез вверх по каменному склону к площадке в тени большого валуна, футах в пятидесяти над ними: на ней сверкал снег. Подъем оказался труднее, чем он думал, и, вскарабкавшись наконец на площадку, Роканнон повалился, ловя ртом разреженный, пронизанный светом воздух; сердце его колотилось.

Потом он услышал шум и принял его сперва за пульсацию крови в собственных ушах; оказалось, однако, что это совсем рядом, едва не задевая его руки, течет маленький ручеек. Вода, от которой шел пар, огибала затвердевший в тени нанос снега. Роканнон приподнялся и сел. Начал искать глазами место, откуда течет вода, и увидел под нависающим над площадкой выступом скалы темную дыру — пещеру. Лучше пещеры для них троих сейчас ничего быть не может, подсказал ему рассудок, но тут же появился темный панический страх. Роканнон оцепенел, охваченный ужасом, какого никогда до этого не испытывал.

Повсюду вокруг только серые камни, и на них сейчас падали

негреющие лучи дневного светила. Дальних вершин не видно было за соседними скалами, а уходящие на юг долины скрывала протянувшаяся над ними пелена облаков. Ничего и никого не было на этой серой крыше планеты, только он и темная пещера среди валунов.

Поднявшись наконец на ноги, Роканнон перешагнул через ручеек, стал перед входом в пещеру и сказал существу, которое, он чувствовал, дожидалось его, скрываясь во мраке:

— Я пришел.

Мрак шевельнулся, и во входе появился обитатель пещеры. Он был, как «люди глины», похож на карлика и бледен; как фиа, ясноглаз и хрупок; как те и те, как ни те, ни другие. Волосы у него были белые. Голос его не был голосом, ибо звучал внутри сознания Роканнона, а уши Роканнона в это время слышали только слабый свист ветра; и то, что говорилось, говорилось не словами. Однако Роканнону был задан вопрос, и вопрос этот был о том, какое у Роканнона самое заветное желание.

За Роканнона ответила безмолвно его непоколебимая воля: «Я хочу идти дальше на юг, найти своего врага и уничтожить его».

Свистел ветер; лукаво посмеивался ручеек. Движениями медленными, но легкими обитатель пещеры посторонился, и Роканнон, пригнувшись, вошел в темноту, под свод.

Что дашь ты взамен того, что дал тебе я?

Что должен дать я, о Древний?

То, что тебе всего дороже и что ты меньше всего хотел бы дать.

У меня на этой планете ничего нет. Что могу я дать?

Какую-нибудь жизнь, какую-нибудь возможность; какой-нибудь взгляд, какую-нибудь надежду, какое-нибудь возвращение — нет нужды знать имя. Но ты выкрикнешь имя вслух, когда потеряешь то, что даешь. Ты даешь это по доброй воле?

Да, по доброй воле, о Древний.

Ветер, безмолвие. Наклонившись, Роканнон вышел из темноты. Когда он выпрямился, в глаза ему ударил красный свет над ало-серым морем облаков.

Яхан и Могиен спали, прижавшись друг к другу, на уступе внизу — целая груда плащей и шкур, и, когда Роканнон спустился к ним, они не шевельнулись.

— Проснитесь,— сказал он негромко.

Яхан приподнялся и сел; его лицо в резком красном свете зари выглядело измученным и детским.

— Это ты, Скиталец! — воскликнул он.— Мы думали... тебя нигде не было видно... мы думали, ты упал вниз...

Могиен тряхнул золотогривой головой, словно сбрасывая с себя сон, и, взглянув на Роканнона, надолго задержал на нем взгляд. А потом тихо сказал охрипшим вдруг голосом:

— С возвращением тебя, Повелитель Звезд, наш друг! Мы тебя дожидались.

— Я встретил... я разговаривал с...

Могиен поднял руку, останавливая его.

— Ты вернулся; я радуюсь твоему возвращению. Мы продолжаем наш путь на юг?

— Конечно, продолжаем.

— Хорошо...

И Роканнон почему-то не удивился, что Могиен, который столько времени до этого был вожаком, теперь говорит с ним, как менее знатный Властитель с более знатным.

Могиен свистнул в свой беззвучный свисток, и они стали ждать и ждали долго, но крылатые кони так и не появились. Путники покончили с последними остатками очень сытных сухарей фиина и возобновили спуск. Согревшийся в герметитовом костюме, Яхан чувствовал себя лучше, и Роканнон настоял на том, чтобы он пока не снимал костюма. Хотя молодому ольгьо, чтобы силы по-настоящему к нему вернулись, нужны были пища и хороший отдых, продолжать путь он уже мог, а это было необходимо: красный рассвет предсказывал ухудшение погоды. Трудным спуск не был, но был медленным и отнимал много сил. Поздним утром, взмыв из лесов далеко внизу, появился серый крылатый Могиена. Они навьючили на него седла, сбрую, меховые шкуры — все, что несли, и тот поднялся в воздух и стал летать то выше, то ниже, то на одном уровне с ними и время от времени (возможно, зовя своего полосатого товарища, все еще охотившегося или пировавшего в лесах) вопил пронзительно.

Примерно в полдень они достигли очень трудного участка — огромного выхода гранита; перебраться через него они могли, только связав себя одной веревкой.

— Возможно, поднявшись на крылатом, ты нашел бы для нас лучшую дорогу, чем эта,— сказал Могиену Роканнон.— Как жаль, что второй до сих пор не прилетел!

Почему-то у него было чувство, что надо торопиться; ему хотелось поскорее покинуть этот голый серый склон горы и укрыться под деревьями.

— Второй был очень усталым, когда мы его отпустили,— отозвался Могиен,— и может быть, ему до сих пор не удалось ничего для себя поймать. Мой, когда мы летели через перевал, нагружен был меньше. Я посмотрю, что по ту сторону гранитного выступа. Может, перенести разом нас троих на расстояние нескольких полетов стрелы у моего крылатого хватит сил.

Могиен свистнул, и серый с покорностью, до сих пор изумлявшей Роканнона в животном столь большом и столь плотоядном, сделал в воздухе круг и опустился около них. Могиен одним движением вскочил на него, пронзительно крикнул, взмыл на нем в воздух, и по золотым волосам скользнул последний луч дневного светила, успевший прорваться сквозь утолщающиеся на глазах нагромождения облаков.

По-прежнему дул пронизывающий, холодный ветер. Яхан съежился в каменной выемке, глаза его были закрыты. Роканнон сидел и смотрел в даль, на самом удаленном краю которой он скорее угадывал, чем видел блеск моря. Он не разглядывал

огромный туманный ландшафт, появлявшийся и исчезавший между проплывающих облаков, а смотрел в одну точку на юго-юго-востоке. Закрыл глаза. Прислушался и услышал.

Странный дар получил он от обитателя пещеры, хранителя теплого источника на этих безымянных горах; дар, которого, из всех мыслимых, он меньше всего для себя желал бы. Там, в темноте, у бьющего из глубин ключа, он был обучен особому умению, которое его соплеменники и люди Земли наблюдали у других разумных видов, но которое у них самих, за редчайшими исключениями, да и то только в форме коротких всплесков, абсолютно отсутствовало. Держась как за якорь спасения за свою человеческую сущность, он в страхе отринул обладание во всей полноте той силой, которой обладал и которую предлагал хранитель родника. Что в Роканноне от этой встречи осталось, так это способность «слышать» представителей одного разумного вида, способность «слышать» из голосов всех миров один голос — голос его врага.

Когда Кьо был с ними, Роканнон усвоил от него начатки общения без помощи слов; но он не хотел узнавать мысли своих товарищей, когда те об этом даже не подозревают. Там, где есть верность и любовь, понимание должно быть всегда взаимным.

Но за теми, кто убил его товарищей и нарушил мир, он был вправе следить, вправе их «слушать». Он сидел на гранитном выступе и вслушивался в мысли людей в постройках среди холмов на тысячи футов вниз от него и на сто километров от него вдаль. «Слушал» невнятную болтовню, гуденье голосов, далекий гомон и бушеванье страстей. Разобрать в общем гаме отдельные голоса он был не в состоянии также из-за множества (наверное, сотни) разных мест, откуда те доносились; он слушал, как слушает младенец — не выделяя из шума составляющие шум звуки. У хранителя родника был и другой дар, о нем Роканнон только слышал на одной из планет, где до этого побывал; дар «распечатывать» в другом индивиде телепатическую способность: и обитатель пещеры научил Роканнона ею управлять, но Роканнон не успел научиться пользоваться ею в полной мере. Его голова, заполнившаяся чужими мыслями и чувствами, сейчас кружилась; казалось, тысяча незнакомцев нашла в ней приют. Ни одного слова разобрать он не мог. «Слышал» он не слова, а намерения, желания, чувства, пространственные ощущения многих индивидов, безнадежно перемещавшиеся в его нервной системе; ощущал ужасающие вспышки страха и зависти, потоки довольства, бездны сна, невероятно раздражающие, головокружение от полупонимания-получувства. И вдруг что-то поднялось из этого хаоса, что-то абсолютно четкое, более ошутимое, чем чужая рука у тебя на коже. Кто-то двигался по направлению к нему, кто-то, кто «услышал» его, Роканнона. Ощущение было очень ярким и сопровождалось переживаниями скорости, пребывания в небольшом замкнутом пространстве, любопытства и страха.

Открыв глаза, Роканнон посмотрел вперед, словно надеялся

увидеть перед собой лицо человека, которого «слышал». Тот был недалеко, совершенно определенно, и приближался. Но ничего не видно было вокруг, кроме опускающихся все ниже облаков. Несколько маленьких снежинок закружились в ветре. Слева вздымался огромный выступ, преграждавший им путь. Яхан стоял рядом с Роканноном и смотрел на него испуганно. Но Роканнон сейчас не способен был утешить Яхана: ощущение чужого присутствия в его собственном сознании не оставляло его ни на миг, и прервать контакт с чужаком он не мог.

— Там... там... воздушный корабль,— хрипло, словно во сне, пробормотал он.— Вон там!

Там, куда он показал, не было ничего, только воздух и облака.

— Вон там,— повторил шепотом Роканнон.

Яхан посмотрел снова и громко вскрикнул. Довольно далеко от скалы, на которой они стояли, появился на своем сером Могиен, он к ним летел, а далеко позади него, среди быстро несущихся облаков, показалось внезапно что-то большое и черное, похоже, паривщее неподвижно или очень медленно двигавшееся. Могиен мчался, подгоняемый ветром, не зная о том, что летит сзади; лицо его было обращено к горе, он искал на ней взглядом своих товарищей — две крохотные фигурки на крошечном карнизе среди камня и облаков.

Черная машина стала больше, придвинулась; ее лопасти, громко треща, нарушали царившее на этой высоте безмолвие. Еще яснее, чем он видел вертолет, Роканнон ощущал человека внутри кабины, ощущал непонимающее прикосновение сознания к сознанию, агрессивный, пытающийся сам себя обмануть страх.

— Прячься! — шепнул он Яхану.

Но сам был не в силах даже пошевельнуться. Вертолет, захватывая вращающимися лопастями клочья облаков, неуверенными рывками продвигался к ним, все ближе и ближе. Наблюдая вертолет снаружи, Роканнон одновременно наблюдал из его кабины, не зная, что именно он ищет две маленькие фигурки на скале. И испытывал при этом страх, страх... Яркая вспышка, обжигающая боль в теле Роканнона, невыносимая боль. Психический контакт прервался, словно его не было. Роканнон снова был самим собой, стоял на каменной площадке, прижимая правую руку к груди, ловя ртом воздух, глядя, как все ближе подбирается вертолет, как вращаются с громким стрекотом лопасти, как целится установленный в носу вертолета лазер...

Справа, из полной воздуха и облаков бездны, вынырнуло серое крылатое животное, и человек, сидевший на нем верхом, резко закричал — будто засмеялся пронзительным, торжествующим смехом. Один взмах широких крыльев — и конь с седоком врезались прямо в парящую машину. Будто что-то огромное разорвали на две части; какой-то миг казалось, что последует страшный вопль, но он так и не прозвучал; а потом воздух опустел.

Двое, вжимавшиеся животом в скалу, смотрели во все глаза.

Снизу не доносилось ни звука. Клубясь, через бездну плыли облака.

— Могиен!

Это имя Роканнон выкрикнул вслух. Ответа не было. Были только боль, страх и молчание.

9 По крыше громко стучал дождь. В комнате царил полумрак, но дышалось легко.

Около кровати Роканнона стояла женщина, ее лицо было ему знакомо — гордое темное лицо под короной золотых волос.

Он хотел было ей сказать, что Могиен погиб, но язык не слушался. Вид женщины поверг его в крайнюю растерянность; ведь Хальдре из Халлана уже старуха, и волосы у нее седые, а другой золотоволосой женщины, которую он знал, давно нет в живых, и в любом случае он видел ее только раз, на планете в восьми световых годах отсюда.

Он снова попытался заговорить.

— Лежи спокойно, Повелитель...— сказала она на «общем языке», правда, звуки этого языка она выговаривала немного по-другому.

Помолчав, она, оставаясь на том же месте, заговорила снова так же негромко, как в первый раз:

— Это Замок Брейгна. Вы пришли вдвоем, оба в снегу с головы до ног, с перевала. Ты был на грани смерти, и тебе долго придется восстанавливать свои силы. Еще будет время для разговоров.

Времени было сколько угодно, и под аккомпанемент дождя оно проходило незаметно и мирно.

На следующий день или, быть может, на следующий после следующего, к Роканнону пришел Яхан; он страшно похудел и прихрамывал, а лицо было все в рубцах — обморожено. Но менее понятными были перемены в его манере вести себя с Роканноном: в ней появились почему-то раболепие, приниженность. Поговорив с ним немного, Роканнон, преодолевая чувство неловкости, спросил:

— Ты что, Яхан, меня боишься?

— Я... постараюсь не бояться тебя, Повелитель,— ответил тот, запинаясь.

Когда Роканнон оказался наконец в состоянии сойти без посторонней помощи в Зал Пиршеств замка, он обнаружил такие же, как у Яхана, благоговение и страх на всех лицах, хотя эти лица были смелые и умные. Золотоволосые, темнокожие, высокорослые — древнее племя, лишь одним из колен которого были ангья, когда-то ушедшие через море на север — таковы были лиу, Повелители Суши, с незапамятных времен живущие здесь, на холмах предгорий и на холмистых равнинах дальше к югу.

Сперва он подумал, что на них действует его внешняя непохожесть, его темные волосы и светлая кожа; но ведь таким был и Яхан, а Яхана они не боялись. Они вели себя с Яханом как с Повелителем, равным, что бывшего халланского раба ошелом-

ляло и радовало. Однако с Роканноном они обращались как с Повелителем над Повелителями, как с кем-то, кому равных здесь нет.

Обращались так с Роканноном все — за одним исключением. Повелительница Ганье, невестка и наследница старого властителя замка, овдовела за несколько месяцев до этого; но всегда рядом с ней можно было видеть ее золотоволосого маленького сына. Роканнона застенчивый мальчик не боялся, более того, он тянулся к этому странному взрослому и расспрашивал того о горах, о странах на севере и о море. Роканнон терпеливо отвечал на его вопросы. Мать слушала, спокойная и ласковая, как лучи дневного светила; иногда поворачивала к Роканнону, улыбаясь, свое лицо — точно такое, как у женщины, когда-то, давным-давно, появившейся в музее.

В конце концов он спросил у нее, что о нем думают в Замке Брейгна, и она ответила откровенно:

— Думают, что ты из богов.

Употребила она слово, которое он впервые услышал в деревушке у замка Толен: п е д а н.

— Это не так,— сказал он строго.

У нее вырвался короткий смешок.

— Почему они так думают? — спросил он раздраженно.— Разве у лиу появляются боги с седыми волосами и искалеченными руками?

Лазерный луч с вертолета ударил в его правое запястье, и с тех пор он правой рукой почти не мог пользоваться.

— А почему бы им и не появляться такими? — сказала Ганье, улыбаясь гордо, но ласково.— Однако тебя считают богом потому, что ты пришел с горы.

Лишь через несколько мгновений понял он, что она имеет в виду.

— Скажи, Повелительница Ганье, ты знаешь о... хранителе родника?

На ее лицо набежала тень.

— Об этом народе мы знаем только из преданий. Очень давно — с тех пор сменилось девять поколений властителей Брейгны — Йоллт Большой поднялся туда, где высоко, и вернулся изменившимся. Мы поняли, что ты встретился с ними, Самыми Древними.

— Как вы смогли это понять?

— Когда ты бредил, ты все время говорил о цене, о полученном даре и о цене, которую за него заплатил. Йоллт заплатил тоже... Ценой была твоя правая рука, Повелитель Скиталец? — с неожиданной робостью спросила она.

— Нет. Я бы отдал обе свои руки, чтобы спасти то, что я потерял.

Он встал и подошел к окну этой комнаты в башне, окну, из которого открывался вид на долины и холмы до самого моря. Высокий холм, на котором стоял замок Брейгна, огибала река, разливавшаяся дальше вширь, между холмов более низких, ярко сверкающая, потом исчезавшая в туманных далях, где лишь с

трудом можно было разглядеть деревни, поля, башни замков и, среди бушующих синих гроз и внезапно прорывающихся вниз лучей дневного светила, снова блеск реки.

— Мест прекраснее я не видел,— сказал Роканнон, думая о том, что Могиену увидеть их так и не довелось.

— Для меня они теперь не так прекрасны, как были раньше.

— Почему, Повелительница Ганье?

— Из-за Чужих!

— Расскажи о них, Повелительница.

— Они появились у нас в конце прошлой зимы; их много, они летают на больших воздушных лодках, и их оружие все сжигает. Никто не знает, откуда они — о них не упоминается ни в одном предании. От реки Виари до моря они теперь единственные хозяева. Они убили или прогнали из родных мест жителей восьми владений. Мы, живущие на этих холмах, теперь их пленники; мы не смеем даже пасти свои стада на старых пастбищах. Сперва мы попробовали воевать с Чужими. И мой муж, Ганхинг, был убит их сжигающим оружием.— Взгляд Ганье скользнул по обожженной, искалеченной руке Роканнона, на мгновенье она умолкла.— Они... убили его еще во время первой оттепели, и он еще до сих пор не отмщен. Мы, Властители Суши, смирились и избегаем встреч с Чужими! И некому заставить их заплатить за смерть Ганхинга!

— Они заплатят за нее, Повелительница Ганье; заплатят сполна. Ты поняла, что я не бог, но, надеюсь, не считаешь все-таки, что человек я вполне обычный?

— Нет, Повелитель,— отозвалась она.— Не считаю.

Дни проходили за днями, долгие дни лета длиною в год. Белые склоны вершин над Брейгной стали синими; зерно на полях Брейгны созрело, было сжато, опять посеяно и уже созревало снова, когда однажды к концу дня во дворе, где в это время объезжали крылатых, Роканнон подсел к Яхану.

— Я продолжу свой путь на юг, Яхан. Ты останешься здесь.

— Нет, Скиталец! Разреши и мне...

Яхан не договорил, вспомнив, быть может, окутанный туманом морской берег, где, увлеченный жаждой приключений, он ослушался Могиена. Роканнон, улыбнувшись дружелюбно, сказал:

— Одному мне будет легче. А вернусь, уверен, я скоро.

— Но ведь я поклялся быть твоим верным рабом, Скиталец. Очень прошу, разреши мне пойти с тобой.

— Когда утрачиваются имена, клятвы теряют силу. Ты поклялся служить Роканнону, и было это по ту сторону гор. По эту сторону гор нет рабов и нет человека, которого зовут Роканнон. Прошу тебя как друга, Яхан, не говори больше об этом ни со мной, ни вообще с кем бы то ни было, но завтра перед рассветом оседлай мне халланского крылатого.

И на следующий день, еще до рассвета, Яхан, крепко держа поводья последнего оставшегося крылатого из Халлана, серого с полосами, стоял во Дворе Прилетов и ждал Роканнона. Этот

крылатый появился в Брейгне через несколько дней после них, полуобмороженный, ослабевший от голода. Теперь он снова стал гладким, и его снова переполняла энергия, он то и дело грозно рычал и бил своим полосатым хвостом.

— Твоя вторая кожа на тебе, Скиталец? — спросил Яхан шепотом, затягивая ремни на бедрах Роканнона.— Говорят. Чужие стреляют огнем в каждого, кого завидят верхом на крылатом близ мест, где они живут.

— Она на мне.

— Но ты не берешь с собой ни одного меча?..

— Нет. Не беру. Слушай меня внимательно, Яхан: если я не вернусь, открой мою сумку — она лежит у меня в комнате В сумке ты найдешь кусок ткани, на нем много черточек и кружочков и еще нарисована эта местность; если кто-нибудь из моего народа когда-нибудь здесь появится, отдай им все это, хорошо? Там же и ожерелье.— Лицо Роканнона потемнело, и он отвернулся.— Его отдай Повелительнице Ганье, если я не вернусь и не смогу отдать сам. Пожелай мне удачи.

— Пусть умрет твой враг, не оставив сыновей,— сквозь слезы сказал гневно Яхан и отпустил поводья.

Крылатый взмыл в бесцветное теплое небо летнего рассвета, развернулся, загребая крыльями как огромными веслами, и, поймав северный ветер, исчез за холмами. Яхан стоял и смотрел. А из окна высокой башни вслед улетевшему смотрело темное лицо с нежными чертами, смотрело еще долго после того, как исчез из виду крылатый с седоком, и в небе взошло дневное светило.

Странным было путешествие к месту, которого Роканнон никогда до этого не видел и, однако, представлял себе очень хорошо благодаря впечатлениям, поступившим в его сознание из сознаний нескольких сот людей. Хотя зрительных впечатлений не было, были осязательные ощущения, а также ощущения времени, места и движения. Часами в течение ста дней, сидя неподвижно в своей комнате в замке Брейгна, тренировался Роканнон в восприятии этой информации и наконец получил точное, хотя и не выраженное в словах или зрительных образах, представление о территории вражеской базы и размещенных на этой территории строениях. И теперь он подробно знал, что представляет собой база, как в нее пройти и где находится то, что ему нужно.

Но было очень трудно после долгих и напряженных тренировок отключить сейчас, когда он приближался к своим врагам, обретенную им способность, а взамен использовать только глаза, уши и разум. После встречи с вертолетом он знал, что сенситивные индивиды могут на близких расстояниях чувствовать его присутствие. Он «притянул» вертолетчика к себе, и тот, вероятно, даже не понял, что заставило его лететь именно в этом направлении. И теперь, когда ему предстояло проникнуть одному на огромную базу, Роканнону меньше всего хотелось привлекать к себе внимание.

Уже на закате, привязав своего крылатого на пологом склоне холма, он продолжил путь пешком. И вот теперь, через несколько часов, приближался к группе строений по ту сторону огромной и пустой цементной равнины ракетодрома. Ракетодром был только один, и, поскольку весь личный состав войск и материальная часть находились теперь здесь, на планете, им пользовались очень редко. Когда до ближайшей цивилизованной планеты восемь световых лет, вести войну при помощи традиционных грузо-пассажирских ракет, передвигающихся со скоростью ниже световой, едва ли кому-нибудь придет в голову.

База, когда ты видел ее собственными глазами, оказывалась огромной, ужасающе огромной, но большая часть строений служила жильем для личного состава. Здесь размещалась почти вся армия мятежников. В то время как Союз Всех Планет попусту тратил время, обыскивая и покоряя их родную планету, мятежники делали ставку на следующее обстоятельство: исключительно маловероятно, чтобы среди всех миров Галактики их смогли обнаружить на этом, не имеющем даже имени. Роканнон знал, что некоторые из гигантских бараков сейчас пусты: за несколько дней до этого значительный контингент солдат и техников был отправлен, как он «услышал», на другую планету, которую мятежники завоевали или убедили присоединиться к ним в качестве союзника. Прибудут туда отправленные без малого через десять лет. Он чувствовал уверенность фарадейцев. По-видимому, ход войны их радовал. Одной хорошо укрытой базы и шести ССК было достаточно, чтобы угрожать безопасности Союза Всех Планет.

Эту ночь Роканнон выбрал заранее: из всех четырех лун на небе до полуночи будет только пойманный притяжением планеты маленький астероид Хелики. Когда он приближался к вытянувшимся цепочкой ангарам, Хелики уже висела над холмами, однако у него не было чувства, что кто-то его видит. Ни оград, ни часовых не было, зато космос в радиусе нескольких световых лет от Фомальгаута непрерывно наблюдали специальные автоматические устройства. В аборигенах этой безымянной планетки, застрявших на уровне бронзового века, фарадейцы угрозы для себя не видели.

Когда ангары с отбрасываемой ими тенью остались позади, Хелики была уже полной и светила с наибольшей возможной для нее яркостью. И она наполовину убыла к тому времени, когда он оказался у цели: шести ССК. Сверхсветовые корабли лежали гуськом под смутно различимым в темноте огромным шатром из маскировочной сети, похожие на шесть исполинских черных яиц. Немногочисленные деревья вокруг (это была опушка Виарнского Леса) казались рядом с ними игрушечными.

А теперь, несмотря на связанный с этим риск, нужно было «прислушаться». Он остановился в тени деревьев и, напрягая предельно слух и зрение, направил мысленно внимание на яйцевидные корабли, на то, что внутри их и вокруг них. В каждом (он понял еще в Брейгне) днем и ночью сидел пилот, готовый в

случае опасности в один миг исчезнуть отсюда вместе со своим ССК.

Так поступили бы шестеро пилотов лишь в одной ситуации: если бы стационарный центр управления в четырех милях отсюда, на восточной границе базы, был благодаря диверсии или бомбовому удару уничтожен. Тогда долг каждого пилота заключался бы в том, чтобы при помощи автономной системы управления корабля увести его отсюда. Но полет на ССК был самоубийствен: при «передвижении» со скоростью выше световой гибла любая жизнь. Поэтому все пилоты в этих шести кораблях были фанатиками, готовыми в случае надобности пожертвовать жизнью. Но даже они, сидя и дожидаясь исключительно маловероятного мгновенья славы, страдали от скуки. И Роканнон сейчас почувствовал, что в одном из ССК находился не один человек, а двое. Внимание обоих было чем-то поглощено. Между ними находилась какая-то расчерченная на квадраты плоскость. Этот образ уже много раз всплывал в сознании Роканнона в предшествующие вечера, и Роканнон сделал сам собой напрашивающийся вывод: двое пилотов играют в шахматы. Роканнон «прислушался» к тому, что происходит в соседнем ССК, и обнаружил, что в этом корабле никого нет.

Быстрым шагом Роканнон пошел между редкими деревьями по траве, в сумраке казавшейся серой, к пятому кораблю в цепочке, поднялся по трапу и вошел через открытый люк внутрь. Внутри, как оказалось, ССК резко отличался от обычных космических кораблей. Сплошь хранилища управляемых снарядов, пусковые установки, гигантские компьютеры, реакторы — вызывающий жуть лабиринт с коридорами, достаточно широкими для того, чтобы по ним могли проезжать ракеты с боеголовками, способными уничтожить каждая огромный город. Поскольку ССК следовал не через пространственно-временной континуум, у него не было ни переднего, ни заднего конца, не было вообще никакой видимой логики в конструкции корпуса. Подавляя в себе туманящий сознание страх, Роканнон стал искать ансибл и проискал его целых двадцать минут.

Лишь на миг после того, как нашел наконец машину и перед ней сел, позволил себе Роканнон «прислушаться» к соседнему кораблю. Сразу всплыл образ руки, замершей в сомнении над белым склоном. Роканнон тут же переключил внимание на другое. Запомнив координаты, стоящие на шкале ансибла, он заменил их координатами Базы Наблюдения за РФЖ Восьмой области Галактики в Кергелене, на планете Новая Южная Джорджия — единственные, которые он помнил. Потом включил передатчик ансибла.

Когда какой-нибудь из его пальцев (только левой руки) нажимал клавишу, буква, которой клавиша соответствовала, одновременно появлялась на небольшом черном экране в комнате на планете в восьми световых годах отсюда:

СРОЧНО СОЮЗУ ВСЕХ ПЛАНЕТ. База боевых ССК фарадейских мятежников находится на Фомальгауте-II, Юго-Западный Континент, 28°28″ северной широты, 121°40″

западной долготы, приблизительно в 2 милях к северо-востоку от широкой реки. База замаскирована, однако должна быть видима при визуальном наблюдении как 4 квартала из 28 групп бараков и ангаров на ракетодроме, протянувшемся с востока на запад. 6 ССК находятся не на самой базе, а с ней рядом, чуть юго-западнее ракетодрома, на опушке леса, и замаскированы сетью и светопоглотителями. Удар должен быть только прицельным, так как аборигены в мятеж не вовлечены. Я, Гаверал Роканнон, из Фомальгаутской Этнологической Экспедиции. Я единственный уцелевший ее участник. Передаю через ансибл на борту одного из вражеских ССК. До рассвета здесь остается около пяти часов.

Он хотел было добавить: «Дайте мне часа два, чтобы я успел отсюда убраться», но не стал. Если фарадейцы сейчас его поймают, они могут, чтобы спасти свои ССК, перевести их в другое место. Он выключил передатчик и восстановил на шкале прежние координаты. Проходя по металлическим мосткам в огромных коридорах, он «заглянул» опять в соседний корабль. Игроки встали из-за доски, двигались. Один в тускло освещенных помещениях и коридорах, Роканнон побежал. Подумал было, что повернул не в ту сторону, но тут же прямо перед собой увидел люк, скатился по трапу вниз, помчался вдоль бесконечно длинного корпуса корабля и, наконец, миновав следующий корабль, такой же бесконечно длинный, нырнул во мрак леса.

Бежать по лесу он не мог — во-первых, оттого, что каждый вдох обжигал легкие, а во-вторых, оттого, что под деревьями царила полная, непроницаемая тьма. Пробираясь так быстро, как только мог, вдоль края ракетодрома, Роканнон достиг его конца и тем же путем, каким пришел к базе, отправился назад, теперь это было легче, потому что Хелики опять прибывала, а часом позже взошла также и Фени. Время уходило, а сам он, как ему казалось, не двигался в темноте ни на шаг, оставался на месте. Если базу бомбардируют, пока он от нее близко, ударная волна или бушующее пламя неизбежно его настигнут, и сейчас, с трудом находя во мраке дорогу, он испытывал панический ужас при мысли о том, что вот-вот за спиной вспыхнет свет и уничтожит его. Но почему ничего не произошло до сих пор, почему они так медлят?

Была все еще ночь, когда он добрался до двуглавого холма, где оставил привязанным своего крылатого. Животное, рассерженное тем, что в местах, где можно хорошо поохотиться, ему это сделать не дали, зарычало на Роканнона. Тот прижался к теплому боку крылатого и, как Кьо, стал чесать его за ушами.

Потом Роканнон сел на крылатого, чтобы поехать на нем, не взлетая. Тот, продолжая лежать на животе, долго не поднимался. Наконец, протестующе подвывая, крылатый встал и невыносимо медленным шагом пошел туда, куда направил его Роканнон — на север. Хотя и с трудом, но теперь они с крылатым могли разглядеть вокруг поля и холмы, селения, брошенные жи-

телями, и вековые деревья, но взлетел крылатый, лишь когда на восточных холмах забелел восход. Взмыв наконец, крылатый нашел высоту, где дул попутный для него ветер, и поплыл по воздуху в светлых лучах зари. Время от времени Роканнон оглядывался. Все позади дышало миром, на западе вилось заполненное туманом русло пересохшей реки. Роканнон «прислушался» — и ощутил мысли, действия, грезы своих врагов; там ничего не изменилось.

Что ж, он сделал все что мог. В конце концов, он не всемогущ. Одному человеку не под силу справиться с начавшим войну народом. Измученный всем, что было, подавленный поражением, он летел к Брейгне, единственному месту, где его приютят. Гадать, почему Союз Всех Планет так долго не атакует, было бесполезно. Не атакует — и все, важен только сам этот факт. Решили, наверное, что его послание — просто-напросто ловушка. Возможно и другое: он неправильно запомнил координаты, а всего лишь одна неправильная цифра уже могла низвергнуть сообщение в бездну вне времени и пространства. Ради того, чтобы это сообщение было отправлено, умерли Рахо, Иот, Могиен, а оно не дошло по назначению. И он теперь до конца своей жизни изгнанник, чужак на чужой для него планете.

Это последнее, в конце концов, несущественно. Ведь он один человек, всего-навсего. А судьба одного человека не имеет значения.

«Если она не имеет значения, то что имеет?»

Эти слова, которые он запомнил, всегда жгли его память. Он оглянулся, словно отводя взгляд от всплывшего в памяти лица Могиена, и с воплем загородил глаза искалеченной рукой, закрылся от беззвучно выросшего до самого неба на равнинах у него за спиной ослепительного белого цвета дерева.

Повергнутый в ужас ревом и силой налетевшего ветра, крылатый Роканнона, издав вопль, метнулся вперед, потом упал вниз. Роканнон, сбросив державшие его в седле ремни, повалился ничком на грунт и прикрыл голову руками. Но отгородиться он не смог — отгородиться не от света, а от ослепившей тьмы, от сопереживания гибели одновременно, в одно и то же мгновенье, тысячи человек. Миг бесконечной смерти. А потом молчание.

Он поднял голову и услышал — молчание.

ЭПИЛОГ

Спустившись перед самым закатом во дворе Брейгны, Роканнон слез с седла и остался стоять возле крылатого, измученный, с седой поникшей головой. Его окружили все жившие в замке золотоволосые и стали расспрашивать, что за огромный огонь вспыхнул на юге, правду ли говорят скороходы с равнин, будто Чужие все уничтожены. Почему-то они были уверены, что он знает. Он стал искать глазами Ганье. Когда он увидел нако-

нец ее лицо, дар речи к нему вернулся, и он, запинаясь, заговорил:

— Враги уничтожены. Больше они здесь не появятся. Твой Повелитель Ганхинг отмщен. Как и мой Повелитель Могиен. Как и твои братья, Яхан; и как народ Кьо; и как мои товарищи. Враги все мертвы.

Они расступились, давая ему дорогу, и он вошел в замок.

В один из вечеров через несколько дней после этого, в ясные синие сумерки, какие бывают после грозы с ливнем, он прогуливался вместе с Ганье по мокрой от недавно прошедшего дождя террасе башни. Ганье спросила, собирается ли он покинуть Брейгну.

После долгого молчания он ответил:

— Не знаю, Яхан, по-моему, хочет вернуться на север, в Халлан. Несколько ваших юношей тоже хотели бы отправиться туда морем. И Повелительница Халлана ждет, конечно, вестей о сыне... Но Халлан не мой родной дом. У меня нет дома на вашей планете. Я не вашего племени.

Кое-что она уже о нем знала, поэтому спросила:

— А твои соплеменники не появятся, чтобы тебя разыскать?

Он окинул взглядом расстилавшуюся внизу прекрасную страну; далеко на юге блестела в летних предзакатных сумерках река.

— Может, и появятся,— ответил он.— Через восемь лет. Смерть они умеют посылать сразу, зато жизнь передвигается много медленней... Кто теперь мои соплеменники? Ведь я не тот, кем был раньше. Я изменился; мне довелось пить из родника в горах. И я не хочу больше слышать голоса врагов.

Молча они прошли семь шагов до парапета; потом Ганье, подняв глаза к синим, туманным, высящимся неприступной крепостью горам, сказала:

— Останься с нами.

Роканнон помолчал, потом ответил:

— Останусь. На некоторое время.

Но оказалось, что на всю оставшуюся ему жизнь. Когда прибыли корабли Союза Всех Планет, и Яхан привел искавшую Роканнона экспедицию на юг, в Брейгну, Роканнон был уже мертв. Народ Брейгны оплакивал своего Повелителя, и тех, кто разыскивал Роканнона, встретила его вдова, высокая, золотоволосая, с большим, сияющим, оправленным в золото синим драгоценным камнем на груди. И Роканнон так и не узнал, что Союз назвал эту планету его именем.

ПЛАНЕТА ИЗГНАНИЯ

1 В последние дни последнего лунокруга Осени по умирающим лесам Аскатевара гулял ветер с северных хребтов — холодный ветер, несущий запах дыма и снега. Тоненькая, совсем невидимая в своих светлых мехах, точно дикий зверек, девушка Ролери все дальше углублялась в лес сквозь вихри опавших листьев. Позади остались стены, камень за камнем поднимавшиеся все выше на склоне Тевара, и поля последнего урожая, где завершалась хлопотливая уборка. Она ушла одна, и никто ее не окликнул. Чуть заметная тропа, которая вела на запад, была исполосована бесчисленными бороздами — их оставили бродячие корни в своем движении на юг. Ролери то и дело перебиралась через рухнувшие деревья и огромные кучи сухих листьев.

Там, где у подножия Пограничной гряды тропа разветвлялась, Ролери прошла прямо, но не сделала и десяти шагов, как услышала позади ритмичный нарастающий шорох. Она быстро обернулась.

На северной тропе появился вестник. Его босые подошвы разметывали кипящий прибой сухих листьев, длинные концы шнура, стягивающего волосы, бились по ветру за плечами. Он бежал с севера — ровно, упорно, на пределе сил и, даже не взглянув на девушку у развилки, исчез за поворотом. Топот его ног затих в отдалении. Ветер подгонял его всю дорогу до Тевара, куда он нес известия, что надвигается буря, беда, Зима, война... Ролери равнодушно повернулась и пошла дальше по тропе, которая прихотливо петляла вверх по склону между огромными сухими стволами, стонавшими и скрипевшими от ударов ветра. Потом за гребнем распахнулось небо, а под небом лежало море.

Западный склон гряды был очищен от высохшего леса, и Ролери, укрывшись от ветра за толстым пнем, могла без помех рассматривать сияющий простор запада, бесконечное протяжение серых приморских песков и справа, совсем близко внизу, красные крыши обнесенного стенами города дальнерожденных на береговых утесах.

Высокие ярко выкрашенные каменные дома уступами окон и крыш уходили к обрыву. За городской стеной, там, где утесы понижались к югу, на аккуратных террасах коврами раскинулись луга и поля, расчерченные правильными линиями дамб. А от городской стены на краю обрыва через дамбы и дюны, через пляж, над влажно поблескивающим протяжением литорали гигантские каменные арки вели к странному черному острову среди сверкающего песка. Черная глыба, вся в черной игре теней круто вставала в полумиле от города над ровной

плоскостью и искрящейся гофрировкой пляжа — мрачная несокрушимая скала, увенчанная куполами и башнями, вытесанными с искусством, недоступным ни ветру, ни морю. Что это могло быть такое — жилище, изваяние, крепость, могильник? Какие черные чары выдолбили камень и воздвигли этот немыслимый мост в том былом времени, когда дальнерожденные были еще могучи и вели войны? Ролери пропускала мимо ушей путаные истории о колдовстве, без которых не обходилось ни одно упоминание о дальнерожденных, но теперь, глядя на черный риф среди песков, она испытывала незнакомое ощущение отчужденности — впервые в жизни она соприкоснулась с чем-то совсем ей чуждым, что было сотворено в одном из неведомых ей былых времен руками из иной плоти и крови, по замыслу, рожденному иным разумом. Эта черная громада казалась зловещей и неодолимо влекла ее к себе. Как завороженная, она следила за крохотной фигуркой, которая шла по высокому мосту — такая ничтожная в сравнении с его длиной и высотой, черная точка, черная черточка, ползущая к черным башням среди сверкающего песка.

Ветер здесь был менее холодным, солнечные лучи пробивались сквозь клубившиеся на западе тучи и золотили улицы и крыши внизу. Город манил ее своей чуждостью, и Ролери не стала больше медлить, собираться с духом, а с дерзкой решимостью легко сбежала по склону и вошла в высокие ворота.

И там она продолжала идти все той же легкой беззаботной походкой, но только из гордости: сердце у нее отчаянно заколотилось, едва она ступила на серые безупречно ровные плиты странной улицы странного города. Ее взгляд торопливо скользил слева направо и справа налево по высоким жилищам, воздвигнутым целиком над землей, по их крутым крышам и окнам из прозрачного камня (значит, это была не сказка!) и по узким полоскам влажной земли, где пустили цепкие корни келлем и хадун — их плети с яркими багряными и оранжевыми листьями вились по голубым и зеленым стенам, оживляя серо-свинцовые тона поздней Осени. Многие жилища у восточных ворот стояли пустые, краска на их стенах облупилась, окна зияли черными провалами. Она шла дальше, спускалась по лестницам, и жилища вокруг утратили заброшенный вид, а навстречу ей начали попадаться дальнерожденные.

Они глядели на нее. Ей доводилось слышать, будто дальнерожденные смотрят человеку прямо в глаза, но проверять этого она не стала. Во всяком случае, ее никто не остановил. Ее одежда походила на их одежду, да и кожа у некоторых из них, как она убедилась, искоса посматривая по сторонам, была ненамного темнее, чем у людей. Но и не взглянув ни разу им в лицо, она ощущала неземную темень их глаз.

Неожиданно улица вывела ее на широкое открытое пространство правильной формы, очень ровное и все испещренное золотыми отблесками солнца, клонящегося к западу. По сторонам этого квадрата стояли четыре дома высотой с небольшую гору.

У каждого по низу тянулись арки, а над ними правильно чередовались серые и прозрачные камни. Сюда вели только четыре улицы, и каждую можно было перегородить опускными воротами, подвешенными между стен четырех огромных домов. Значит, эта площадь — крепость внутри крепости или город внутри города. А над ней высоко в небо уходила вызолоченная солнцем башня, венчавшая один из домов.

Это было надежное место, но совсем пустое.

В углу на усыпанной песком площадке величиной с доброе поле играли сыновья дальнерожденных. Двое боролись — очень искусно и упорно, а мальчики помоложе, в стеганых куртках и шапках, вооружившись деревянными мечами, рьяно разучивали удары. Глядеть на борцов было очень интересно: они неторопливо пританцовывали друг против друга и неожиданно схватывались с удивительной быстротой и грацией. Ролери, засмотревшись, остановилась возле двух высоких дальнерожденных в меховой одежде, которые молча наблюдали за происходящим. Когда старший борец внезапно перекувырнулся в воздухе и упал на мукулистую спину, она охнула почти одновременно с ним, а потом засмеялась от удивления и удовольствия.

— Отличный бросок, Джокенеди! — воскликнул дальнерожденный рядом с ней, а женщина по ту сторону площади захлопала в ладоши. Младшие мальчики, поглощенные своим занятием, продолжали наносить и отражать удары.

А она даже не знала, что чародеи растят воинов, да и вообще ценят силу и ловкость. Хотя она слышала про их умение бороться, они всегда рисовались ей горбунами, которые в темных логовах гнутся над гончарными кругами и длинными паучьими руками выделывают на них красивые сосуды из глины и белого камня, попадающие потом в шатры людей. Ей вспомнились всякие истории, слухи, обрывки сказок... Про охотника говорили, что он «удачлив, как дальнерожденный», а одну глину называли «чародейной землей», потому что чародеи ее очень ценили и давали за нее всякие вещи. Но толком она ничего не знала. Задолго до ее рождения Люди Аскатевара уже кочевали по северу и востоку своего Предела, и ей ни разу не пришлось помогать тем, кто отвозил зерно в житницы под Теварским холмом, а потому она не бывала на склонах западной гряды до этого лунокруга, когда все Люди Аскатевара собрались здесь со своими стадами и семьями, чтобы построить Зимний Город над подземными житницами. Об этом инорожденном племени она ничего, в сущности, не знает...

Тут она заметила, что победивший борец, стройный юноша, которого назвали Джокенеди, уставился ей прямо в лицо, и, поспешно отвернувшись, попятилась со страхом и омерзением.

Он подошел к ней. Его обнаженные плечи и грудь блестели от пота, точно черный камень.

— Ты пришла из Тевара, верно? — спросила он на языке людей, но выговаривая почти все слова как-то неправильно. Он улыбался ей, радуясь своей победе, и стряхивал песок с гибких рук.

— Да.

— Чем мы можем тебе помочь? Ты чего-нибудь хочешь?

Он стоял совсем рядом, и она, конечно, не могла посмотреть на него, но голос его звучал дружески, хотя и чуть насмешливо. Мальчишеский голос. Она подумала, что он, наверное, моложе ее. Нет, она не позволит, чтобы над ней смеялись.

— Да,— сказала она небрежно.— Я хочу посмотреть черную скалу на песках.

— Так иди. Виадук открыт.

Она почувствовала, что он пытается заглянуть в ее опущенное лицо, и еще больше отвернула голову.

— Если кто-нибудь тебя остановит, скажи, что тебе показал дорогу Джокенеди Ли,— добавил он.— А может быть, проводить тебя?

Она даже не стала отвечать. Выпрямившись и опустив глаза, она направилась по улице, которая вела с площади на мост. Пусть ни один из этих скалящих зубы черных лжелюдей не смеет думать, будто она боится...

За ней никто не шел. Никто из встречных не обращал на нее внимания. Короткая улица кончилась. Между гигантскими пилонами виадука она оглянулась, потом посмотрела вперед и остановилась.

Мост был огромен — дорога для великанов. С гребня он казался хрупким — его арки словно летели над полями, над дюнами и песками. Но здесь она увидела, что он очень широк — двадцать мужчин могли бы пройти по нему плечом к плечу — и ведет прямо к высоким черным воротам в башне-скале. По краям он ничем не был отгорожен от воздушной пропасти. Идти по нему? Нет! Об этом и подумать нельзя. Такая дорога не для человеческих ног.

По боковой улице она вышла к западным воротам в городской стене, торопливо миновала длинные пустые загоны и стойла и выскользнула через калитку, чтобы вернуться назад, обогнув стены снаружи.

Здесь, где утесы понижались и в них там и сям были прорублены ступеньки, аккуратные полоски полей, залитые желтым предвечерним светом, дышали тихим покоем, а дальше за дюнами простираяся широкий пляж, где можно поискать длинные зеленые морские цветы, которые женщины Аскатевара хранят в своих ларцах и по праздникам вплетают в волосы. Он вдохнула таинственный запах моря. Ей еще ни разу не доводилось гулять по морским пескам. А солнце еще только-только начинает клониться к закату. Она сбежала по ступенькам, вырубленным в обрыве, прошла через поля, через дамбы и дюны и наконец оказалась на ровных свержающих песках, которые простирались, докуда хватал глаз, на север, на запад и на юг.

Дул ветер. Солнце светило негреющим светом. Откуда-то спереди, с запада, доносился неумолчный звук, словно вдали ласково рокотал могучий голос. Ее ноги ступали по твердому ровному песку, которому не было конца. Она побежала, на-

слаждаясь быстрым движением, остановилась, засмеялась от беспричинной радости и посмотрела на арки моста, мощно шагающие вдоль крохотной вьющейся цепочки ее следов, потом снова побежала и снова остановилась, чтобы набрать серебристых ракушек, торчавших из песка. Позади нее на краю обрыва лепился город дальнерожденных, точно кучка пестрых камешков на ладони. Она еще не успела устать от соленого ветра, от простора и одиночества, а уже почти поравнялась с башней-скалой, которая теперь черной стеной загородила от нее солнце.

В этой широкой и длинной тени прятался холод. Она вздрогнула и снова пустилась бежать, чтобы поскорее выбраться на свет, стараясь не приближаться к черной громаде. Она торопилась проверить, низко ли опустилось солнце и далеко ли ей еще бежать, чтобы увидеть вблизи морские волны.

Ветер донес до ее ушей еле слышный голос, который кричал непонятно, но так настойчиво, что она остановилась и испуганно поглядела через плечо на гигантский черный остров, встающий из песка. Не зовет ли ее это чародейное место?

В вышине на неогороженном мосту, над уходящей в скалу опорой, стояла черная фигура, такая далекая, и звала ее.

Она повернулась и побежала, потом остановилась, повернула назад. Ее захлестнул ужас. Она хотела бежать и не могла. Ужас давил ее, она не могла шевельнуть ни ногой, ни рукой и стояла, вся дрожа, а в ее ушах нарастал рокочущий рев. Чародей на черной башне оплетал ее паутиной своего колдовства. Вскинув руки, он снова пронзительно выкрикнул слова, которых она не поняла: ветер донес их отзвук, точно зов морской птицы — ри-и, ри-и! Рев в ее ушах стал еще громче, и она скорчилась на песке.

Вдруг ясный и тихий голос внутри ее головы произнес: «Беги! Вставай и беги. К острову. Не медли. Беги!» И сама не зная как, она вскочила и поняла, что бежит. Тихий голос раздался снова — он направлял ее шаги. Ничего не видя, задыхаясь, она добралась до черных ступенек в скале и начала карабкаться по ним. За поворотом ей навстречу метнулась черная фигура. Она протянула руку и почувствовала: что ее втаскивают выше по лестнице. Потом пальцы, сжимавшие ее запястье, разжались: и она привалилась к стене, потому что у нее подгибались колени. Черная фигура подхватила ее, поддержала, и голос, прежде звучавший внутри ее головы, произнес громко:

— Смотри! Вот оно!

Внизу о скалу с грохотом ударился водяной вал. Кипящая вода, разделенная островом: снова сомкнулась, и вал, весь в белой пене, с ревом покатился дальше, разбился на пологом склоне у дюн: лизнул их, и между ними и островом заплясали сверкающие волны.

Ролери, вся дрожа, цеплялась за стену. Ей никак не удавалось унять дрожь.

— Прилив накатывается сюда чуть быстрее, чем способен бежать человек,— произнес позади нее спокойный голос.—

А глубина воды вокруг Рифа в прилив — почти четыре человеческих роста... Нам надо подняться еще выше... Потому-то мы и жили здесь в старину. Ведь половину времени Риф окружен водой. Заманивали вражеское войско на пески перед началом прилива. Конечно, если они ничего про приливы не знали... Тебе уже легче?

Ролери слегка пожала плечами. Он как будто не понял, и тогда она сказала:

— Да.

Его речь была понятной, хотя он употреблял много слов, которых она не знала: а остальные почти все произносил неправильно.

— Ты пришла из Тевара?

Она снова пожала плечами. Ее мучила дурнота, к глазам подступали слезы, но она сумела их подавить. Поднимаясь по черным ступенькам еще одной лестницы, она поправила волосы и из-за их завесы искоса взглянула на лицо дальнерожденного — сильное, суровое, темное, с мрачными блестящими глазами, темными глазами лжечеловека.

— А что ты делала на песках? Разве никто не предупредил тебя о приливах?

— Я ничего не знала:— прошептала она.

— Но ваши Старейшины знают о них. Во всяком случае, знали прошлой Весной, когда ваше племя жило тут на побережье. Память у людей дьявольски короткая! — Говорил он злые вещи, но голос у него оставался спокойным и не злым.— Вот сюда. И не бойся — здесь никого нет. Давно уже никто из ваших людей не бывал на Рифе...

Они вошли в темный проем туннеля и оказались в комнате, которую она сочла огромной — пока не увидела следующей. Они проходили через ворота и открытые дворики, по галереям, висящим над морем, по комнатам и сводчатым залам — безмолвным, пустым, где обитал только морской ветер. Теперь море покачивало свое резное серебро далеко внизу. Она испытывала ощущение удивительной легкости.

— Здесь никто не живет? — спросила она робко.

— Сейчас нет.

— Это ваш Зимний Город?

— Нет. Мы зимуем в городе на утесах. Тут была крепость. В былые Годы на нас часто нападали враги... А почему ты бродила по пескам?

— Я хотела увидеть...

— Увидеть что?

— Пески. Море. Сначала я прошла по вашему городу, я хотела увидеть...

— Ну что ж. Ничего плохого в этом нет.

Они поднялись на другую галерею, и у нее закружилась голова от высоты. Между стрельчатыми арками, крича, кружили морские птицы. Последний коридор вывел их к поднятым воротам, под ногами загремело железо, из которого делают

мечи, а потом начался мост. От башни к городу между небом и морем они шли молча, а ветер толкал их вправо — все время вправо. Ролери окоченела и совсем обессилела от высоты, от необычности всего, что ее окружало, от того, что рядом с ней идет этот темный лжечеловек.

Когда они вошли в городские ворота, он внезапно сказал:

— Я больше не буду говорить в твоих мыслях. Тогда у меня не было выбора.

— Когда ты велел мне бежать...— начала она и запнулась, потому что толком не понимала, что он имеет в виду и что, собственно, произошло там, на песках.

— Я думал, ты кто-то из наших,— сказал он словно с досадой, но тут же справился с собой.— Не мог же я стоять и смотреть: как ты утонешь. Пусть и по собственной вине. Но не бойся. Больше я этого делать не буду и никакой власти я над тобой не приобрел, что бы ни говорили тебе ваши Старейшины. А потому иди: ты вольна как ветер и сохранила свое невежество в полной неприкосновенности.

В его голосе была злость: и Ролери испугалась. Рассердившись на себя за этот страх, она спросила дрожащим, но дерзким голосом:

— А прийти еще раз я тоже вольна?

— Да. Когда захочешь. Могу ли я узнать твое имя, дочь Аскатевара?

— Ролери из Рода Вольда.

— Вольд — твой дед? Твой отец? Он еще жив?

— Вольд замыкает круг в Перестуке Камней,— сказала она надменно, стараясь не уронить своего достоинства.

Почему он говорит с ней так властно? Откуда у дальнерожденного, у лжечеловека без роду и племени, стоящего вне закона, такое суровое величие?

— Передай ему привет от Джакоба Агата альтеррана. Скажи ему, что завтра я приду в Тевар поговорить с ним. Прощай, Ролери.

Он протянул руку в приветствии равных, и, растерявшись, она прижала ладонь к его ладони. Потом повернулась и побежала вверх по крутой улице, вверх по ступенькам, натянув меховой капюшон на лоб и отворачиваясь от дальнерожденных, которые попадались ей навстречу. Ну почему они глядят тебе прямо в лицо, точно мертвецы или рыбы? Животные с теплой кровью и люди никогда не пялятся в глаза друг другу. Она вышла из ворот, обращенных к холмам, вздохнула с облегчением, быстро поднялась на гребень в гаснущих красных лучах заходящего солнца, спустилась со склона между умирающими деревьями и торопливо пошла по тропе, ведущей в Тевар. За жнивьем сквозь сгустившиеся сумерки мерцали звездочки очагов в шатрах, окружающих еще не достроенный Зимний Город. Она ускорила шаг — скорее туда, к теплу, еде, людям. Но даже в большом женском шатре ее Рода, стоя на коленях у очага и ужиная похлебкой вместе с остальными женщинами и детьми,

она ощущала в своих мыслях что-то странное и чужое. Она сжала правую руку, и ей почудилось, что она хранит в ладони пригоршню мрака... прикосновение его руки.

2 — Каша совсем остыла! — проворчал он и оттолкнул плетенку, а потом, когда старая Керли покорно взяла ее, чтобы подогреть бхану, мысленно обозвал себя сварливым старым дурнем. Но ведь ни одна из его жен — правда, теперь их всего одна и осталась:— ни одна из его дочерей, ни одна из женщин его Рода не умеет сварить бхановую кашу, как ее варивала Шакатани. Как она стряпала! И какой молодой была... последняя его молодая жена. Умерла в восточных угодьях, умерла молодой, а он все живет и живет — и вот уже скоро опять наступит лютая Зима.

Вошла девушка в кожаной тунике с выдавленным на плече трилистником — знаком его Рода. Внучка, наверное. Немного похожа на Шакатани. Он заговорил с ней, хотя и не припомнил ее имени.

— Это ты вчера вернулась поздней ночью, девушка?

Тут он узнал ее по улыбке и по тому, как она держала голову. Та маленькая девочка, с которой он любил шутить,— такая задумчивая, дерзкая, ласковая, одинокая. Дитя, рожденное не в срок. Да как же ее все-таки зовут?

— Я пришла к тебе с вестью, Старейший.

— От кого?

— Он назвался большим именем — Джакат-абат-больтерра. А может быть, и по-другому. Я не запомнила.

— Альтерран? Так дальнерожденные называют своих Старейшин. Где ты встретила этого человека?

— Это же был не человек, Старейший, а дальнерожденный. Он шлет тебе привет и весть, что придет сегодня в Тевар поговорить со Старейшим.

— Вот как? — сказал Вольд и слегка потряс головой, восхищаясь ее дерзостью.— И ты, значит, его вестница?

— Он случайно заговорил со мной...

— Да-да. А знаешь ли ты, девушка, что у людей Пернмекского Предела незамужнюю женщину, которая заговорит с дальнерожденным... наказывают?

— А как наказывают?

— Ну, не будем об этом говорить.

— Пернмеки едят клоуб и бреют головы. Да и что они знают о дальнерожденных? Они же никогда не приходят на побережье... А в одном из шатров я слышала, будто у Старейшего в моем Роде была дальнерожденная жена. В былые дни.

— Это верно. В былые дни...— Девушка молча ждала, а Вольд вспомнил далекое прошлое, другое время, былое время — Весну. Краски, давно развеявшиеся сладкие запахи, цветы, отцветшие сорок лунокругов назад, почти забытый голос...— Она была молодой. И умерла молодой. Еще до наступления Лета.— Помолчав, он добавил: — Но это совсем не то же самое,

что незамужней женщине разговаривать с дальнерожденным. Тут есть разница, девушка.

— А почему?

Несмотря на свою дерзость, она заслуживала ответа.

— Причин несколько, и не очень важных, и важных. Главная же такая: дальнерожденный берет всего одну жену, а истинная женщина, вступив с ним в брак, не будет рожать сыновей.

— Почему, Старейший?

— Неужто женщины больше не болтают в своем шатре? И ты в самом деле так уж ничего не знаешь? Да потому, что у людей и дальнерожденных детей быть не может. Разве ты об этом не слышала? Либо брак остается бесплодным, либо женщина разрешается мертвым уродом. Моя жена Арилия, дальнерожденная, умерла в таких родах. У ее племени нет никаких брачных правил. Дальнерожденные женщины, точно мужчины, вступают в брак с кем хотят. Но обычай Людей нерушим: женщины делят ложе с истинными мужчинами, становятся женами истинных мужчин и дают жизнь истинным детям!

Она грустно нахмурилась, посмотрела туда, где на стенах Зимнего Города усердно трудились строители, а потом сказала:

— Прекрасный закон для женщин, которым есть с кем делить ложе...

На вид ей можно было дать лунокругов двадцать — значит, она родилась не в положенное Время Года, а в Летнее Бесплодие. Сыновья Весны вдвое и втрое ее старше, давно женаты, и не один раз, и браки их не бесплодны. Осеннерожденные — еще дети. Но кто-нибудь из весеннерожденных еще возьмет ее третьей или четвертой женой, так что ей нечего сетовать. Пожалуй, надо бы устроить ее брак. Но с кем и в каком она родстве?

— Кто твоя мать, девушка?

Она поглядела в упор на застежку у его горла и сказала:

— Моей матерью была Шакатани. Ты забыл ее?

— Нет, Ролери,— ответил он после некоторого молчания.— Я ее не забыл. Но послушай, дочь, где ты говорила с этим альтерраном? Его зовут Агат?

— В его имени есть такая часть.

— Значит, я знал его отца и отца его отца. Он в родстве с женщиной... с дальнерожденной, о которой мы говорили. Кажется, он сын ее сестры или сын ее брата.

— Значит, твой племянник. И мой двоюродный брат,— сказала она и вдруг рассмеялась.

Вольд тоже усмехнулся такому неожиданному выведению родства.

— Я встретила его, когда ходила посмотреть море,— объяснила она.— Там, на песках. А перед этим я видела вестника, который бежал с севера. Женщины ничего не знают. Случилось что-нибудь? Начинается Откочевка на юг?

— Может быть, может быть,— пробормотал Вольд. Он уже опять не помнил ее имени.— Иди, девочка, помоги своим сестрам в полях,— сказал он и, забыв и про нее и про бхану, которой так и не дождался, тяжело поднялся на ноги.

Обойдя сзади свой большой выкрашенный алой краской шатер, он посмотрел туда, где толпы людей возводили стены Зимнего Города и готовили земляные дома, и дальше — на север. Северное небо над оголенными холмами было в это утро ярко-синим, чистым и холодным.

Ему ясно припомнилась жизнь в тесных ямах под крутыми крышами — среди сотни спящих вповалку людей просыпаются старухи, разводят огонь в очагах, тепло и дым забираются во все поры его тела, пахнет кипящей в котлах зимней травой... Шум, вонь, жаркая духота этих нор под замерзшей землей. И холодное чистое безмолвие мира на ее поверхности, то вымятенной ветром, то занесенной снегом, а он и другие молодые охотники уходят далеко от Тевара на поиски снежных птиц, корио и жирных веспри, что спускаются подо льдом замерзших рек с дальнего севера. Вон там, по ту сторону долины, из сугроба поднялась мотающаяся белая голова снежного дьявола... А еще раньше, прежде снега, льда и белых зверей Зимы, была такая же ясная погода, как сегодня — солнечный день, золотой ветер и синее небо, стынущее над холмами. И он... нет, не мужчина, а совсем малыш, вместе с другими малышами и женщинами смотрит на плоские белые лица, на красные перья, на плащи из незнакомого сероватого перистого меха. Лающие голоса, слова, которых он не понимал, но мужчины его Рода и Старейшины Аскатевара сурово приказывали плосколицым идти дальше. А еще раньше с севера прибежал человек с обожженным лицом, весь окровавленный, и закричал: «Гааль! Гааль! Они прошли через наше стойбище в Пекне!»...

Куда яснее любых нынешних голосов он и теперь слышал этот хриплый крик, донесшийся через всю его жизнь, через шестьдесят лунокругов, что пролегли между ним и тем малышом, который смотрел во все глаза и слушал... между этим холодным солнечным днем и тем холодным солнечным днем. Где была Пекна? Затерялась под дождем и снегом, а оттепели Весны унесли кости убитых врасплох, истлевшие шатры, и память о стойбище, и его название.

Но на этот раз, когда гааль пройдет на юг через Пределы Аскатевара, убитых врасплох не будет! Он позаботился об этом. Есть польза и в том, чтобы прожить дольше своего срока, храня воспоминания о былых бедах. Ни один клан, ни одна семья Людей Аскатевара не замешкались в летних угодьях, и их уже не застанут врасплох ни гааль, ни первый буран. Они все здесь. Все двадцать сотен: осеннерожденные малыши мельтешат вокруг, как опавшие листья, женщины перекликаются и пестреют в полях, точно стаи перелетных птиц, а мужчины дружно строят дома и стены Зимнего Города из старых камней на старом основании, охотятся на последних откочевывающих зверей,

рубят и запасают дрова, режут торф на Сухом Болоте, загоняют стада ханн в большие хлева, где их надо будет кормить, пока не прорастет зимняя трава. Все они, трудясь тут уже половину лунокруга, подчинялись ему, Вольду, а он подчинялся древним Обычаям Людей. Когда придет гааль, они запрут городские ворота, когда придут бураны, они затворят двери земляных домов — и доживут до Весны. Доживут!

Он с трудом опустился на землю позади своего шатра и вытянул худые, исполосованные шрамами ноги, подставляя их солнечным лучам. Солнце казалось маленьким и белесым, хотя небо было прозрачно ясным. Оно теперь было вдвое меньше, чем могучее солнце Лета,— даже меньше луны. «Солнце с луной сравнялось, ждать холодов недолго осталось»... Земля хранила сырость дождей, которые лили не переставая почти весь этот лунокруг. Там и сям на ней виднелись бороздки, которые оставили бродячие корни, двигаясь на юг. О чем бишь спрашивала эта девочка? О дальнерожденных... Нет, о вестнике. Он прибежал вчера (вчера ли?) и, задыхаясь, рассказал, что гааль напал на Зимний Город Тлокну на севере у Зеленых Гор. В его словах крылась ложь или трусость. Гааль никогда не нападает на каменные стены. Грязные плосконосые дикари в перьях, бегущие от Зимы на юг, точно бездомное зверье... Они не могут разорить город. Пекна... Это было всего лишь маленькое стойбище, а не город, обнесенный стеной. Вестник солгал. Все будет хорошо. Они выживут. Почему глупая старуха не несет ему завтрак? А здесь тепло, здесь, на солнышке...

Восьмая жена Вольда неслышно подошла с плетенкой бханы, над которой курился пар, увидела, что он уснул, досадливо вздохнула и неслышно вернулась к очагу.

Днем, когда угрюмые воины привели к его шатру дальнерожденного, за которым бежали малыши, с хохотом выкрикивая обидные насмешки, Вольд вспомнил, как девушка сказала со смехом: «Твой племянник, мой двоюродный брат». А потому он тяжело поднялся с сиденья и приветствовал дальнерожденного стоя, как равного — отвратив лицо и протянув руку ладонью вверх.

И дальнерожденный без колебаний ответил на его приветствие как равный. Они всегда держались с такой вот надменностью, будто считали себя ничуть не хуже людей, даже если сами этому и не верили. Этот был высок, хорошо сложен, еще молод и шел свободно, точно глава Рода. Если бы не темная кожа и не темные неземные глаза, его можно было бы принять за человека.

— Старейший, я Джакоб Агат.

— Будь гостем в моем шатре и шатрах моего Рода, альтерран.

— Я слушаю сердцем,— ответил дальнерожденный, и Вольд сдержал усмешку: это был вежливый ответ в дни его отца, но кто говорит так теперь? Странно, как дальнерожденные всегда помнят старинные обычаи и раскапывают то, что осталось

в былом времени. Откуда такому молодому знать выражение, которое из всех людей в Теваре помнит только он, Вольд, да, может быть, двое-трое самых древних стариков? Еще одна их странность — часть того, что люди называют чародейством, из-за чего они боятся темнокожих. Но Вольд их никогда не боялся.

— Благородная женщина из твоего Рода жила в моих шатрах, и я много раз ходил по улицам вашего города, когда была Весна. Я не забыл этого. И потому говорю, что ни один воин Тевара не нарушит мира между нами, пока я жив.

— Ни один воин Космопора не нарушит его, пока я жив.

Произнося свою речь, старый вождь так растрогался, что у него на глазах выступили слезы, и он, смигивая их и откашливаясь, опустился на свой ларец, покрытый ярко раскрашенной шкурой. Агат стоял перед ним выпрямившись — черный плащ, темные глаза на темном лице. Молодые воины, которые привели его, переминались с ноги на ногу, ребятишки, столпившись у откинутой стенки шатра, подталкивали друг друга локтями и перешептывались. Вольд поднял руку, и их всех как ветром сдуло. Стенку шатра опустили, старая Керли развела огонь в очаге и выскользнула наружу. Вольд остался наедине с дальнерожденным.

— Садись,— сказал он.

Но Агат не сел.

— Я слушаю,— сказал он, продолжая стоять.

Раз Вольд не пригласил его сесть в присутствии других людей, он не сядет, когда некому увидеть, как вождь указывает ему на сиденье. Все это сказало Вольду чутье, необычайно обострившееся за долгую жизнь, бо́льшую часть которой ему приходилось руководить людьми и их поступками. Он вздохнул и позвал надтреснутым басом:

— Жена!

Старая Керли вернулась и с удивлением посмотрела на него.

— Садись! — сказал Вольд, и Агат сел у очага, скрестив ноги.— Уйди! — буркнул Вольд жене. Она тотчас исчезла.

Молчание. Неторопливо и тщательно Вольд развязал кожаный мешочек, висевший на поясе его туники, вынул маленький кусок затвердевшего гезинового сока, отломил крошку, завязал мешочек и положил крошку на раскаленный уголь с краю очага. Поднялась струйка едкого зеленоватого дыма. Вольд и дальнерожденный глубоко вдохнули дымок и закрыли глаза. Потом Вольд откинулся на обмазанный смолой плетеный уринал и произнес:

— Я слушаю.

— Старейший, мы получили вести с севера.

— Мы тоже. Вчера прибежал вестник.

(Но вчера ли это было?)

— Он говорил про Зимний Город в Тлокне?

Старик некоторое время смотрел в огонь, глубоко дыша,

словно гезин еще курился, и пожевывая нижнюю губу изнутри. Его лицо (и он отлично это знал) было тупым, как деревянная чурка, неподвижным, дряхлым.

— Я сожалею, что принес дурные вести,— сказал дальнерожденный своим негромким спокойным голосом.

— Не ты. Мы их уже слышали. Очень трудно, альтерран, распознавать правду в известиях, которые доходят к нам издалека, от других племен в других Пределах. От Тлокны до Тевара даже вестник бежит восемь дней, а чтобы пройти этот путь с шатрами и стадами, нужен срок вдвое больше. Кто знает? Когда Откочевка достигнет этих мест, ворота Тевара будут готовы и замкнуты. А вы свой город никогда не покидаете, и, уж конечно, его ворота чинить не нужно?

— Старейший, на этот раз потребуются небывало крепкие ворота. У Тлокны были стены, и ворота, и воины. Теперь там нет ничего. И это не слухи. Люди Космопора были там десять дней назад. Они ждали на отдаленных рубежах прихода первых гаалей, но гаали идут все вместе.

— Альтерран, я слушал, теперь слушай ты. Люди иногда пугаются и убегают еще до того, как появится враг. Мы слышим то одну новость, то другую. Но я стар. Я дважды видел Осень, я видел приход Зимы, я видел, как идет на юг гааль. И я скажу тебе правду.

— Я слушаю,— сказал дальнерожденный.

— Гааль обитает на севере, вдали от самых дальних Пределов, где живут люди, говорящие одним с нами языком. Предание гласит, что их летние угодья там обширны, покрыты травой и простираются у подножия гор с реками льда на вершинах. Едва минует первая половина Осени, в их земли с самого дальнего севера, где всегда Зима, приходят холод и снежные звери, и, подобно нашим зверям, гаали откочевывают на юг. Они несут свои шатры с собой, но не строят городов и не запасают зерна. Они проходят Предел Тевара в те дни, когда звезды Дерева восходят на закате, до того, как впервые взойдет Снежная Звезда и возвестит, что Осень кончилась и началась Зима. Если гаали натыкаются на семьи, кочующие без защиты, на охотничьи стойбища, на оставленные без присмотра стада и поля, они убивают и грабят. Если они видят крепкий Зимний Город с воинами на стенах, они проходят мимо, размахивая копьями и вопя, а мы пускаем два-три дротика в спины последних... Они идут все дальше и дальше на юг, пока не остановятся где-то далеко отсюда. Люди говорят, что там Зима теплее, чем тут. Кто знает? Так откочевывают гаали. Я знаю. Я видел Откочевку, альтерран, я видел, как гаали возвращаются на север в дни таяния, когда растут молодые леса. Они не нападают на каменные города. Они подобны воде — текучей воде, шумящей между камнями. Но камни разделяют воду и остаются недвижимыми. А Тевар — такой камень.

Молодой дальнерожденный сидел, склонив голову, и раз-

мышлял — так долго, что Вольд позволил себе посмотреть прямо на его лицо.

— Все, что ты сказал, Старейший, правда, полная правда, и было неизменной правдой в былые Годы. Но теперь... теперь новое время... Я — один из первых среди моих людей, как ты — первый среди своих. Я прихожу как один вождь к другому, ища помощи. Поверь мне, выслушай меня: наши люди должны помочь друг другу. Среди гаалей появился большой человек, глава всех племен. Они называют его не то Куббан, не то Коббан. Он объединил все племена и создал из них войско. Теперь гаали по пути на юг не крадут отбившихся ханн, они осаждают и захватывают Зимние Города во всех Пределах побережья, убивают всеннерожденных мужчин, а женщин обращают в рабство и оставляют в каждом городе своих воинов, чтобы держать его в повиновении всю Зиму. А когда придет Весна и гаали вернутся с юга, они останутся здесь. Эти земли будут их землями — эти леса, и поля, и летние угодья, и города, и все люди тут... те, кого они оставят в живых...

Старик некоторое время смотрел в сторону, а потом произнес сурово, еле сдерживая гнев:

— Ты говоришь, я не слушаю. Ты говоришь, что моих людей победят, убьют, обратят в рабство. Мои люди — истинные мужчины, а ты — дальнерожденный. Прибереги свои черные слова для собственной черной судьбы!

— Если вам грозит опасность, то наше положение еще хуже. Знаешь ли ты, сколько нас живет сейчас в Космопоре? Меньше двух тысяч, Старейший.

— Так мало? А в других городах? Когда я был молод, ваше племя жило на побережье и дальше к северу.

— Их больше нет. Те, кто остался жив, пришли к нам.

— Война? Моровая язва? Но ведь вы никогда не болеете, вы, дальнерожденные.

— Трудно выжить в мире, для которого ты не создан,— угрюмо ответил Агат.— Но как бы то ни было, нас мало, мы слабы числом и просим принять нас в союзники Тевара, когда придут гаали. А они придут не позже чем через тридцать дней.

— Раньше, если гаали уже в Тлокне. Они и так задержались, ведь в любой день может выпасть снег. Они поспешат!

— Они не будут спешить, Старейший. Они движутся медленно, потому что идут все вместе — все пятьдесят, шестьдесят, семьдесят тысяч!

Внезапно Вольд увидел то, о чем говорил дальнерожденный: увидел неисчислимую орду, катящуюся плотными рядами через перевалы за своим высоким плосколицым вождем, увидел воинов Тлокны — а может быть, Тевара? — мертвых, под обломками стен их города, и кристаллы льда, застывающие в лужах крови... Он тряхнул головой, отгоняя страшное видение. Что это на него нашло? Он некоторое время сидел и молчал, пожевывая нижнюю губу изнутри.

— Я слышал тебя, альтерран.

— Но не все, Старейший!

Какая дикарская грубость! Но что взять с дальнерожденного?! Да и среди своих он — один из вождей... Вольд позволил ему продолжать.

— У нас есть время, чтобы приготовиться. Если люди Аскатевара, люди Аллакската и Пернмека заключат союз и примут нашу помощь, у нас будет свое войско. Оно встретит Откочевку на северном рубеже ваших трех Пределов, и гаали вряд ли решатся вступать в битву с такой силой, а вместо этого свернут к восточным перевалам. Согласно нашим хроникам, в былые Годы гаали дважды выбирали этот восточный путь. А так как Осень на исходе, дичи мало и наступают холода, гаали, встретив готовых к битве воинов, наверное, предпочтут свернуть, чтобы продолжать путь на юг без задержки. Я думаю, что у Куббана есть только одна тактика: нападать врасплох, полагаясь на численное превосходство. Мы заставим его свернуть.

— Люди Пернмека и Аллакската, как и мы, уже ушли в свои Зимние Города. Неужто вы еще не узнали Обычая Людей? С наступлением Зимы никто не воюет и не сражается!

— Растолкуй этот Обычай гаалям, Старейший! Решай сам, но поверь моим словам!

Дальнерожденный вскочил, словно стремясь придать особую силу своим уговорам и предостережениям. Вольд пожалел его, как часто теперь жалел молодых людей, которые не видят всей тщеты страстей и замыслов, не замечают, как их жизнь и поступки пропадают без толку между желанием и страхом.

— Я слышал тебя,— сказал он почти ласково.— Старейшины моего племени услышат твои слова.

— Так можно мне прийти завтра и узнать...

— Завтра или день спустя...

— Тридцать дней, Старейший! Самое большее — тридцать дней!

— Альтерран, гааль придет и уйдет. Зима придет и не уйдет. Что толку в победе, если воины после нее вернутся в недостроенные дома, когда землю уже скует лед? Вот мы будем готовы к Зиме и тогда подумаем о гаале... Но сядь же... — Он снова развязал мешочек и отломил еще крошку гезина для прощального вдоха.— А твой отец тоже был Агат? Я встречал его, когда он был молод. И одна из моих недостойных дочерей сказала мне, что встретила тебя, когда гуляла на песках.

Дальнерожденный быстро вскинул голову, а потом сказал:

— Да, мы встретились с ней там. На песках между двумя приливами.

3 Что вызывало приливы у этих берегов: почему дважды в день к ним стремительно подступала вода, катясь гигантским валом высотой от пятнадцати до пятидесяти футов, а потом опять откатывалась куда-то вдаль? Ни один из Старейшин города Тевара не сумел бы ответить на этот вопрос. Любой ребенок в Космопоре сразу сказал бы: приливы вызывает луна, притяжение луны...

Луна и земля обращаются вокруг друг друга, и цикл этот за-

нимает четыреста дней — один лунокруг. Вместе же, образуя двойную планету, они обращаются вокруг солнца торжественным величавым вальсом в пустоте, длящимся до полного повторения шестьдесят лунокругов, двадцать четыре тысячи дней, целую человеческую жизнь — один Год. А солнце в центре их орбиты, это солнце называется Эльтанин, Гамма Дракона.

Перед тем как войти под серые ветви леса, Джакоб Агат взглянул на солнце, опускающееся в туман над западным хребтом, и мысленно произнес его истинное название, означавшее, что это не просто солнце, но одна из звезд среди мириад звезд.

Сзади до него донесся ребячий голос — дети играли на склоне Теварского холма, и он вспомнил злорадные, только чуть отвернутые лица, насмешливый шепот, за которым прятался страх, вопли у него за спиной. «Дальнерожденный идет! Бегите сюда посмотреть на него!» И здесь, в одиночестве леса, Агат невольно ускорил шаг, стараясь забыть недавнее унижение. Среди шатров Тевара он чувствовал себя униженным и мучился, ощущая себя чужаком. Он всегда жил в маленькой сплоченной общине, где ему было знакомо каждое имя, каждое лицо, каждое сердце, и лишь с трудом мог заставить себя разговаривать с чужими. А особенно — когда они принадлежат к другому биологическому виду и полны враждебности, когда их много и они у себя дома. Теперь он с такой силой ощутил запоздалый страх и муки оскорбленной гордости, что даже остановился. «Будь я проклят, если вернусь туда! — подумал он.— Пусть старый дурень верит чему хочет и коптит себя дымом в своем вонючем шатре, пока не явится гааль. Невежественные, самодовольные, нетерпимые, мучномордые, желтоглазые дикари, тупоголовые врасу! Да пусть они все сгорят!»

— Альтерран?

Его догнала девушка. Она остановилась на тропе в нескольких шагах от него, уперлись ладонью в иссеченный бороздами белый ствол батука. Желтые глаза на матово-белом лице горели возбужденно и насмешливо. Агат молча ждал.

— Альтерран? — повторила она своим ясным мелодичным голосом, глядя в сторону.

— Что тебе нужно?

Девушка отступила на шаг.

— Я Ролери,— сказала она.— На песках...

— Я знаю, кто ты. А ты знаешь, кто я? Я лжечеловек, дальнерожденный. Если тво. соплеменники застанут тебя за разговором со мной, они либо изуродуют меня, либо подвергнут тебя ритуальному опозориванию,— я не знаю, какого обычая придерживаетесь вы. Уходи домой!

— Мои соплеменники так не делают. А ты и я, мы в родстве,— сказала она упрямо, но ее голос утратил уверенность.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Сестра твоей матери умерла в наших шатрах...

— К нашему вечному стыду,— сказал он и пошел дальше. Она осталась стоять на тропе.

У развилки, перед тем, как свернуть налево, к гребню, он остановился и поглядел назад. В умирающем лесу все было неподвижно, и только в опавших листьях шуршал запоздалый бродячий корень, который с бессмысленным упорством растения полз на юг, оставляя за собой рыхлую бороздку.

Гордость истинного человека не позволяла ему устыдиться того, как он обошелся с этой врасу: наоборот, ему стало легче и он снова обрел уверенность в себе. Нужно будет свыкнуться с насмешками врасу и не обращать внимания на их самодовольную нетерпимость. Они не виноваты. В сущности, это то же тупое упорство, как вон у того бродячего корня,— такова уж их природа. Старый вождь искренне убежден, что встретил его со всемерной учтивостью и был очень терпелив. А потому он, Джакоб Агат, должен быть столь же терпеливым и столь же упорным. Ибо судьба обитателей Космопора — судьба человечества на этой планете — зависит от того, что предпримут и чего не предпримут племена местных врасу в ближайшие тридцать дней. Еще до того, как снова взойдет молодой месяц, история шестисот лунокругов, история десяти Лет, двадцати поколений, долгой борьбы, долгих усилий, возможно, оборвется навсегда. Если только ему не улыбнется удача, если только он не сумеет быть терпеливым.

Подхлестываемый ветром, он спустился по светлым каменным улицам Космопора на Площадь и, обогнув арену, где занимались физическими упражнениями школьники, вошел под аркаду увенчанного башней здания, которое все еще носило древнее название — Дом Лиги.

Подобно остальным зданиям вокруг Площади, Дом Лиги был построен пять Лет назад, когда Космопор был столицей сильной и процветающей колонии — во времена могущества. Весь первый этаж представлял собой обширный зал заседаний. Его серые стены были инкрустированы изящными золотыми мозаиками. На восточной стене стилизованное солнце окружали девять планет, а напротив, на западной стене, семь планет обращались по очень вытянутым эллиптическим орбитам вокруг своего солнца. Третья планета в обеих системах была двойной и сверкала хрусталем. Круглые циферблаты с тонкими изукрашенными стрелками над дверью и в дальнем конце зала показывали, что идет триста девяносто первый день сорок пятого лунокруга Десятого местного Года пребывания колонии на Третьей планете Гаммы Дракона. Кроме того, они сообщали, что это был сто второй день тысяча четыреста пятого года по летосчислению Лиги Всех Миров — двенадцатое августа на родной планете.

Очень многие полагали, что никакой Лиги Миров давно нет, скептики же любили задавать вопрос, а была ли когда-нибудь «родная планета». Но часы шли вот уже шестьсот лиголет, самим своим существованием и точностью словно подтверждали, что Лига, во всяком случае, была и что где-то есть родная планета, родина человечества. Они терпеливо отсчитывали время планеты, затерявшейся в бездне космического мрака и столетий. Терпение, терпение...

Наверху, в библиотеке, другие альтерраны уже ждали его возле очага, где горел плавник, собранный на пляже. Когда подошли остальные, Сейко и Элла Пасфаль зажгли газовые горелки и привернули пламя. Хотя Агат не сказал еще ни слова, его друг Гуру Пилотсон, встав рядом с ним у огня, сочувственно произнес:

— Не расстраивайся из-за них, Джакоб. Стадо глупых упрямых кочевников! Они никогда ничему не научатся.

— Я передавал?

— Да нет же! — Гуру засмеялся. Он был щуплым, быстрым, застенчивым и относился к Агату с восторженным обожанием. Это было известно не только им обоим, но и всем окружающим, всем обитателям Космопора. В Космопоре все знали все обо всех, и откровенная прямота, хотя и сопряженная с утомительными психологическим нагрузками, была единственным возможным решением проблемы парасловесного общения.

— Видишь ли, ты явно рассчитывал на слишком многое и теперь не можешь подавить разочарования. Но не расстраивайся из-за них, Джакоб. В конце-то концов они всего только врасу!

Заметив, что их слушают, Агат ответил громко:

— Я сказал старику все, что собирался. Он обещал сообщить мои слова их Совету. Много ли он понял и чему поверил, я не знаю.

— Если он хотя бы выслушал тебя, уже хорошо. Я и на это не надеялась,— заметила Элла Пасфаль, иссохшая, хрупкая, с иссиня-черной кожей, морщинистым лицом и совершенно белыми волосами.— Вольд даже не мой ровесник, он старше. Так разве можно ждать, чтобы он легко смирился с мыслью о войне и всяких переменах?

— Но ему же это должно быть легче, чем другим, ведь он был женат на женщине нашей крови,— сказал Дермат.

— Да, на моей двоюродной сестре Арилии, тетке Джакоба — экзотический экземпляр в брачной коллекции Вольда. Я прекрасно помню этот роман,— ответила Элла Пасфаль с таким жгучим сарказмом, что Дермат стушевался.

— Он не согласился помочь нам? Ты рассказал ему про свой план встретить гаалей на дальнем рубеже? — пробормотал Джокенеди расстроенно.

Он был очень молод и мечтал о героической войне с атаками под звуки фанфар. Впрочем, и остальные предпочли бы встретиться с врагами лицом к лицу: все-таки лучше погибнуть в бою, чем умереть от голода или сгореть заживо.

— Дай им время. Они согласятся,— без улыбки сказал Агат юноше.

— Как Вольд тебя принял? — спросила Сейко Эсмит, последняя представительница знаменитой семьи. Имя Эсмит носили только потомки первого главы колонии. И оно умрет с ней. Она была ровесницей Агата — красивая, грациозная женщина, нервная, язвительная, замкнутая. Когда Совет собирался, она смотрела только на Агата. Кто бы ни говорил, ее глаза были устремлены на Агата.

— Как равного.

Элла Пасфаль одобрительно кивнула.

— Он всегда был разумнее остальных их вожаков,— сказала она.

Однако Сейко продолжала:

— Ну, а другие? Тебе дали спокойно пройти мимо их шатров?

Сейко всегда умела распознать пережитое им унижение, как бы хорошо он его ни замаскировал или даже заставил себя забыть. Его родственница, хоть и дальняя, участница его детских игр, когда-то возлюбленная и неизменный верный друг, она умела уловить и понять любую минуту его слабости, любую боль, и ее сочувствие, ее сострадание замыкались вокруг него точно капкан. Они были слишком близки. Слишком близки — и Гуру, и старая Элла, и Сейко, и все они. Ощущение полной отрезанности, испугавшее его в этот день, на мгновение распахнуло перед ним даль, приобщило к тишине одиночества и пробудило в нем непонятную жажду. Сейко не спускала с него глаз, кротких, нежных, темных, воспринимая каждое его настроение, каждое слово. А девушка врасу, Ролери, ни разу не посмотрела на него прямо, не встретилась с ним глазами. Ее взгляд все время был устремлен в сторону, вдаль, мимо — золотой, непонятный: чуждый.

— Они меня не остановили,— коротко ответил он Сейко.— Завтра они, может быть, придут к какому-нибудь решению. Или послезавтра. А сколько запасов доставлено сегодня на Риф?

Разговор стал общим, хотя то и дело возвращался к Джакобу Агату или сосредоточивался вокруг него. Некоторые члены Совета были старше его, но хотя десятеро, избиравшиеся на десять лиголет, были равны между собой, все же он постепенно стал их неофициальным главой, и они, как правило, полагались на его мнение. Решить, что отличало его от остальных, было бы непросто — может быть, энергия, проглядывавшая в каждом его движении и слове. Но как проявляется способность руководить — в самом ли человеке или в поведении тех, кто его окружает? Тем не менее одно отличие заметить было можно: постоянную напряженность и мрачную озабоченность, порождаемые тяжким бременем ответственности, которое он нес уже давно и которое с каждым днем становилось все тяжелее.

— Я допустил один промах,— сказал он Пилотсону, когда Сейко и другие женщины, входившие в Совет, начали разносить чашечки с горячим настоем листьев батука, церемониальным напитком ча.— Я так старался доказать старику, насколько опасны гаали, что, кажется, начал передавать. Правда, не парасловами, но все равно у него был такой вид, будто он увидел привидение.

— Эмоции ты всегда проецируешь мощно, а контроль, когда ты волнуешься, у тебя никуда не годится. Вполне возможно, что он и правда увидел привидение.

— Мы так долго не соприкасались с врасу, так долго варились в собственном соку, общаясь только между собой, что я не могу полагаться на свой контроль. То я передаю девушке на пляже, то проецирую образы на Вольда... Если так пойдет и

дальше, они снова вообразят, будто мы колдуны, и возненавидят нас, как в первые Годы... А нам нужно добиться их доверия. И времени почти не остается... Если бы мы узнали про гаалей раньше!

— Ну, поскольку других человеческих поселений на побережье больше нет,— сказал Пилотсон с обычной обстоятельностью,— мы хоть что-то узнали только благодаря твоему предусмотрительному совету послать разведчиков на север. Твое здоровье, Сейко! — добавил он, беря у нее крохотную чашечку, над которой поднимался пар.

Агат взял последнюю чашечку с подноса и выпил ее одним глотком. Свежезаваренный чай слегка стимулировал восприятие, и он с пронзительной остротой ощутил его вяжущий вкус и живительную теплоту, пристальный взгляд Сейко, просторность почти пустой комнаты в отблесках пламени, сгущающиеся сумерки за окном. Голубая фарфоровая чашечка в его руке была старинной — изделие Пятого Года. Старинными были и напечатанные вручную книги в шкафах под окнами. Даже стекла в оконных рамах были старинными. Весь их комфорт, все, благодаря чему они оставались цивилизованными, оставались альтерранами, было очень старым. Задолго до его рождения у обитателей колонии уже не хватало ни энергии, ни досуга для новых утверждений человеческого дерзания и умения. Хорошо хоть, что они еще способны сохранять и беречь старое.

Постепенно, Год за Годом, на протяжении жизни по крайней мере десяти поколений, их численность неуклонно сокращалась: детей рождалось все меньше — пусть, казалось бы, совсем не намного, но всегда меньше. Они перестали расширять свои поселения, они начали их покидать. Прежние мечты о большой процветающей стране были полностью забыты. Они возвращались (если только из-за своей слабости не становились прежде жертвами Зимы или враждебного племени местных врасу) в древний центр колонии, в первый ее город — Космопор. Они передавали своим детям старые знания и старые обычаи, но не учили их ничему новому. Их жизнь становилась все более скромной, и простота теперь ценилась больше сложности, покой — больше борьбы, стоицизм — больше успеха. Они отошли на последний рубеж.

Агат, разглядывая чашечку в своих пальцах, увидел в ее нежной прозрачности, в совершенстве ее формы и хрупкости материала как бы символ и воплощение духа их всех. Сумерки за высокими окнами были такими же прозрачно голубыми. Но холодными. Голубые сумерки — неизмеримые и холодные. И Агат вдруг испытал прилив безотчетного ужаса, словно в детстве, до того, как, повзрослев, он нашел ему логическое объяснение: планета, на которой он родился, на которой родились его отец и все его предки до двадцать третьего колена, не была его родиной. Они здесь — чужие. И всегда ощущали это. Ощущали, что они — дальнерожденные. И мало-помалу, с величественной медлительностью, с неосмысленным упорством эволюционного процесса эта планета убивала их, отторгала чужеродный привой.

Быть может, они слишком покорно подчинились этому процессу, слишком, слишком легко смирились с неизбежностью вымирания. С другой стороны, именно готовность подчиняться — неколебимо подчиняться Законам Лиги — с самого начала стала для них источником силы, и они все еще сильны, каждый из них. Но у них недостает ни знаний, ни умения, чтобы бороться с бесплодием и с патологическим течением беременности, которые все больше сокращают численность каждого нового поколения. Ибо не вся мудрость была записана в Книгах Лиги, и день ото дня, из Года в Год крупицы знания теряются безвозвратно, заменяясь полезными сведениями, помогающими существовать здесь и сейчас. И в конце концов они перестали понимать многое из того, чему учат их книги. Что по-настоящему сохранилось от их наследия. Если и правда когда-нибудь согласно былым надеждам и старым сказкам, корабль спустится со звезд на крыльях огня, признают ли их людьми те люди, которые выйдут из него?

Но корабль так и не прилетел... и никогда не прилетит. Они вымрут. Их жизнь здесь, их долгое изгнание не оставят следа, рассыпавшись прахом точно комочек глины.

Он бережно поставил чашку на поднос и вытер пот со лба. Сейко внимательно смотрела на него. Он резко отвернулся от нее и заставил себя слушать то, что говорили Джокенеди, Дермат и Пилотсон. Но сквозь туман нахлынувших на него зловещих предчувствий на миг и без всякой связи с ними, и все же словно объяснение и знамение, перед его мысленным взором возникла светлая и легкая фигура девушки Ролери, испуганно протягивающей к нему руку с темных камней, к которым уже подступило море.

4 Над крышами и недостроенными стенами Зимнего Города разнесся стук камня о камень — глухой и отрывистый, он был слышен во всех высоких алых шатрах вокруг города. Ак-ак-ак-ак... Этот звук раздавался очень долго, а потом вдруг в него вплелся новый стук — кадак-ак-ак-кадак. И еще один — более звонкий, прихотливо прерывистый, и еще, и еще, пока отдельные ритмы не затерялись в лавине сухих дробных ударов камень о камень, уже не отличимых друг от друга в беспорядочном грохоте.

Лавина стука все катилась, оглушая и не смолкая ни на миг. И наконец Старейший из Людей Аскатевара вышел из своего шатра и медленно направился к Городу между рядами шатров и пылающих очагов, над которыми поднимались струи дыма, колеблясь в косых лучах предвечернего предзимнего солнца. Грузно ступая, старик в одиночестве прошествовал через стоянку своего племени, через ворота Зимнего Города, и по узкой тропе, вившейся среди крутых деревянных крыш, единственной надземной части зимних жилищ, вышел на открытое пространство, за которым опять начинались крутые крыши. Там сто с лишним мужчин сидели, упершись подбородком в колени, и, как

завороженные, стучали камнем по камню. Вольд сел на землю, замкнув круг. Он взял меньший из двух лежавших перед ним тяжелых камней, гладко отполированных водой, и, с удовольствием ощущая в руке его вес, ударил по большому камню — клак! клак! клак! Справа и слева от него продолжался оглушительный стук, тупой монотонный грохот, сквозь который, однако, временами прорывался четкий ритм. Он исчезал, возникал снова, на миг придавая стройность хаотической какофонии. Вольд уловил этот ритм, встроился в него и уже не сбивался. Шум словно исчез и остался только ритм. И вот уже сосед слева тоже начал отбивать этот ритм — их камни поднимались и опускались в одном дружном движении. И сосед справа, и сидевшие напротив — теперь они тоже четко били в лад. Ритм вырвался из хаоса, подчинил его себе, соединил все борющиеся голоса в полное согласие, слил их в могучее биение сердца Людей Аскатевара, и оно стучало, стучало, стучало...

Этим исчерпывалась вся их музыка, все их пляски.

Наконец какой-то мужчина вскочил и вышел на середину круга. Грудь его была обнажена, руки и ноги разрисованы черными полосами, волосы окружали лицо черным облаком. Ритмичный стук замедлился, затих, замер вовсе.

— Вестник с севера рассказал, что гааль движется Береговым Путем. Их очень много. Они пришли в Тлокну. Вы все слышали про это?

Утвердительный ропот.

— Тогда выслушайте человека, по чьему слову вы сошлись на этот Перестук Камней,— выкрикнул шаман-глашатай, и Вольд с трудом поднялся на ноги.

Он остался стоять на месте, глядя прямо перед собой, грузный, весь в шрамах, неподвижный как каменная глыба.

— Дальнерожденный пришел в мой шатер,— сказал он надтреснутым старческим басом.— Он вождь в Космопоре. И он сказал, что дальнерожденных стало мало и они просят помощи у людей.

Главы кланов и семей, которые продолжали неподвижно сидеть в круге, подняв колени к подбородку, разразились громкими возгласами. Над ними, над деревянными крышами, высоко в холодном золотистом свете парила белая птица, предвестница Зимы.

— Этот дальнерожденный сказал, что Откочевка движется не кланами и племенами, а единой ордой во много тысяч и ведет ее сильный вождь.

— Откуда он знает? — крикнул кто-то во весь голос.

В Теваре на Перестуке Камней ритуал соблюдался не особенно строго — не так, как в племенах, которые возглавляли шаманы. Но Тевар никогда не подчинялся их влиянию.

— Он посылал лазутчиков на север,— столь же громогласно ответил Вольд.— Он сказал, что гааль осаждает Зимние Города и захватывает их. А вестник сообщил, что так случилось с Тлокной. Дальнерожденный говорит, что воинам Тевара нужно в

союзе с дальнерожденными, а также с людьми Пернмека и Аллакската отправиться на северный рубеж нашего Предела — все вместе мы заставим Откочевку свернуть на Горный Путь. Он сказал это, и я услышал. Каждый ли из вас услышал?

Возгласы согласия прозвучали недружно и смешались с бурными возражениями. На ноги вскочил глава одного из кланов.

— Старейший! Из твоих уст мы всегда слышали правду. Но когда говорили правду дальнерожденные? И когда это люди слушали дальнерожденных? Дальнерожденный говорил, но я ничего не услышал. Если Откочевка сожжет его Город, что нам до этого? Люди там не живут! Пусть погибают, и тогда мы, люди, возьмем себе их Предел.

Говорил Вальмек, дюжий, темноволосый, набитый словами. Вольд его всегда недолюбливал и теперь ответил неприязненно:

— Я слышал слова Вальмека. И не в первый раз. Люди ли дальнерожденные или нет — кто знает?

Может быть, они и правда упали с неба, как повествует сказание. Может быть, нет. В этом Году никто с неба не падал.... Они выглядят как люди, они сражаются как люди. Их женщины во всем походят на наших женщин, это говорю вам я! У них есть своя мудрость. И лучше выслушать их...

Когда он упомянул про дальнерожденных женщин, угрюмые лица вокруг расплылись в усмешках, но он уже жалел о своих словах. Ни к чему было напоминать им об узах, некогда связывавших его с дальнерожденными. И вообще не следовало говорить о ней... как-никак она была его женой...

Вольд удрученно опустился на землю, показывая, что больше он говорить не будет.

Однако многих встревожили рассказ вестника и предупреждение Агата, и они вступили в спор с теми, кто был склонен отмахнуться от новостей или объявить их ложью. Умаксуман, один из весеннерожденных сыновей Вольда, любивший военные набеги и стычки, открыто поддержал план Агата и высказался за поход к северному рубежу.

— Это хитрость! Наши воины уйдут на север, там их задержит первый снег, а дальнерожденные тем временем угонят наши стада, уведут наших жен и опустошат наши житницы! Они не люди, и в них нет ничего, кроме коварства и обмана! — надрывался Вальмек, которому редко выпадал случай дать волю красноречию по столь благородному поводу.

— Они всегда подбирались к нашим женщинам, ничего другого им и не нужно! Как же им не чахнуть и не вымирать, если у них родятся одни уроды! Они подбираются к нашим женщинам, чтобы растить человеческих детей точно собственных детенышей! — возбужденно кричал довольно молодой глава семьи.— Фа!

Вольд что-то проворчал себе под нос, негодуя на эту кашу из глупых небылиц, но не стал вмешиваться: пусть Умаксуман образумит дурака!

— А что, если дальнерожденный сказал правду? — спросил

Умаксуман.— Что, если гаали пройдут через наш Предел всем скопом, тысячами и тысячами? Мы готовы дать им отпор?

— Но стены не кончены, ворота не поставлены, последний урожай еще не убран,— возразил кто-то из пожилых, и этот довод был куда более веским, чем тайное коварство дальнерожденных.

Если сильные молодые мужчины отправятся на север, сумеют ли женщины, дети и старики закончить все необходимые работы в Зимнем Городе до наступления Зимы? Может быть, успеют, может быть, нет. Слишком уж многим должны были они рискнуть, положившись только на слова дальнерожденного.

Даже Вольд ни к какому решению не пришел и ждал, что скажут Старейшины. Ему понравился дальнерожденный, назвавшийся Агатом,— он не казался ни лжецом, ни легковерным простаком. Но как знать наверное? Все люди порой становятся чужими друг другу, а не только чужаки. Как тут разобраться? Возможно, гаали и идут единым войском. Но Зима-то придет обязательно. Так от какого врага защититься сначала?

Старейшины склонялись к тому, чтобы ничего не предпринимать, однако Умаксуман и его сторонники все-таки настояли на том, чтобы послать вестников в соседние Пределы Аллакскат и Пернмек и узнать, что они скажут о плане совместной обороны. Этим все и ограничилось. Шаман отпустил тощую ханну, которую привел на случай, если будет постановлено начать войну — такое решение обретало силу, лишь подкрепленное ритуальным побиением камнями,— и Старейшины разошлись.

Вольд сидел у себя в шатре с мужчинами своего Рода над горшком горячей бханы, когда снаружи послышался шум. Умаксуман вышел, крикнул кому-то, чтобы они убирались подальше, и вернулся в большой шатер с Агатом, дальнерожденным.

— Добро пожаловать, альтерран! — сказал старик, и злокозненно покосившись на двух своих внуков, добавил: — Не хочешь ли сесть и разделить с нами нашу еду?

Он любил ошарашивать людей. Всю жизнь любил. Потому-то в былые дни он так часто и бегал к дальнерожденным. А кроме того, это приглашение рассеяло мучивший его смутный стыд: все-таки не следовало упоминать перед другими мужчинами про дальнерожденную девушку, которая когда-то стала его женой.

Агат, такой же невозмутимый и серьезный, как в прошлый раз, принял приглашение и съел столько каши, сколько требовали приличия. Пока они ужинали, он молчал, и, только когда жена Уквета выскользнула из шатра с остатками трапезы, наконец сказал:

— Старейший, я слушаю.

— Слушать тебе придется немного,— ответил Вольд и рыгнул.— Вестники побегут в Пермек и Аллакскат. Но мало кто согласился на войну. С каждым днем холод растет, и спасение — только внутри стен, только под крышами. Мы не ходим по былым временам, как вы, но мы знаем, каким всегда был Обычай Людей, и следует ему.

— Ваш обычай хорош,— сказал дальнерожденный.— На-

столько хорош, что гаали переняли его у вас. В былые Зимы вы были сильнее, чем гаали, потому что ваши кланы встречали их вместе, а они шли разрозненно. Но теперь и гаали поняли, что сила — в числе.

— Только если эта весть — не ложь! — крикнул Уквет, который приходился Вольду внуком, хотя был старше его сына Умаксумана.

Агат молча посмотрел на него, и Уквет тотчас отвернулся, избегая прямого взгляда темных глаз.

— Если она — ложь, то почему гаали так задержались на своем пути к югу? — спросил Умаксуман.— Почему они медлят? Когда-нибудь прежде они дожидались, пока не будет убрано последнее поле?

— Кто знает? — сказал Вольд.— В прошлом Году они миновали Тевар задолго до того, как взошла Снежная Звезда, это я помню. Но кто помнит Год, бывший до прошлого?

— Может быть, они идут Горным Путем, — вмешался еще один внук,— и вовсе не покажутся в Аскатеваре.

— Вестник сказал, что они захватили Тлокну,— резко возразил Умаксуман.— А Тлокна лежит к северу от Тевара на Береговом Пути. Почему мы не хотим поверить этой вести? Почему мы мешкаем и ничего не делаем?

— Потому что те, кто ведет войну Зимой, не доживают до Весны,— проворчал Вольд.

— Но если они придут...

— Если они придут, мы будем сражаться.

Наступило молчание. Агат больше ни на кого не смотрел, а устремил темный взгляд в пол точно истинный человек.

— Люди говорят,— начал Уквет насмешливо, предвкушая торжество,— будто дальнерожденные наделены колдовским могуществом. Я об этом ничего не знаю, я родился на летних угодьях и до нынешнего лунокруга не видел дальнерожденных и уж тем более не сидел рядом с ними за едой. Но если они чародеи и обладают таким могуществом, почему им нужна наша помощь против гаалей?

— Я тебя не слышу! — загремел Вольд. Его щеки полиловели, из глаз покатились слезы.

Уквет закрыл лицо руками. Разъяренный дерзким обхождением с гостем его шатра, а также собственной растерянностью, заставившей его спорить и с теми и с другими, старик тяжело дышал и смотрел прямо на молодого человека, все еще прятавшего лицо.

— Я говорю! — наконец объявил Вольд голосом громким и звучным, как в молодости.— Я говорю! Вы слушаете! Вестники побегут по Береговому Пути, пока не встретят Откочевку. А за ними на два перехода позади — но только до рубежа нашего Предела — будут следовать воины, все мужчины, рожденные между серединой Весны и Летним Бесплодием. Если гааль идет ордой, наши воины отгонят его к горам, если же нет, они вернутся в Тевар.

Умаксуман радостно захохотал и крикнул:

— Старейший, ведешь нас ты и никто другой!

Вольд что-то проворчал, рыгнул и сел.

— Но воинов поведешь ты,— мрачно сказал он Умаксуману.

Агат прервал свое молчание и произнес обычным спокойным голосом:

— Мои люди могут послать триста пятьдесят воинов. Мы пойдем старым путем по берегу и соединимся с вашими воинами на рубеже Аскатевара.

Он встал и протянул руку. Вольд, сердясь, что его заставили принять решение, и все еще не оправившись после своей вспышки, словно не заметил ее, но Умаксуман стремительно вскочил и прижал ладонь к ладони дальнерожденного. На миг они замерли в отблесках очага, точно ночь и день: Агат — темный, сумрачный, угрюмый и Умаксуман — светлокожий, ясноглазый, радостный.

Решение было принято, и Вольд знал, что сумеет навязать его всем Старейшинам. Но кроме того, он знал, что больше ему уже не придется принимать решений. Послать их на войну он мог, но Умаксуман вернется вождем воинов, а потому — самым влиятельным человеком среди Людей Аскатевара. Приказ Вольда был его отречением от власти. Умаксуман станет молодым вождем. Он будет замыкать круг на Перестуке Камней, он поведет Зимой охотников, он возглавит набеги Весной и великое кочевье в долгие дни Лета. Его Год только начинается...

— Идите все! — проворчал Вольд.— Пусть люди завтра соберутся на Перестук Камней. Умаксуман. И скажи шаману, чтобы он пригнал ханну, но только жирную, с хорошей кровью!

Агату он не сказал ни слова. И они ушли — сильные молодые люди. А он сидел у очага, скорчившись, поджав под себя плохо гнушиеся ноги, и глядел в желтое пламя, словно хотел обрести в нем утраченный блеск солнца, невозвратимое тепло Лета.

5 Дальнерожденный вышел из шатра Умаксумана и остановился, продолжая разговаривать с молодым вождем. Оба смотрели на север и щурились, потому что седой ветер обжигал глаза холодом. Агат протянул руку вперед, словно говорил о горах, и порыв ветра донес два-три слова до Ролери, которая стояла, глядя на дорогу, ведущую к городским воротам. От его голоса она вздрогнула, и по ее жилам пробежала волна страха и тьмы, принеся воспоминание о том, как этот голос говорил в ее мыслях, внутри ее, и звал, чтобы она пришла к нему.

И тут же, точно искаженное эхо, в ее памяти прозвучали злые слова, резкие, как пощечина, когда на лесной тропе он крикнул, чтобы она уходила, когда он прогнал ее от себя.

Она опустила на землю корзины, которые оттягивали ей руки. В этот день они перебирались из алых шатров, в которых прошло ее кочевое детство, под крутые деревянные крыши, в тесноту подземных комнат, переходов и кладовых Зимнего Города, и все ее родные и двоюродные сестры, тетки, племянницы, воз-

бужденно перекликаясь, хлопотливо сновали между шатрами и воротами, нагруженные связками мехов, ларцами, мешками из шкур, корзинами, горшками. Она оставила свои корзины у дороги и пошла к лесу.

— Ролери! Ро-о-олери! — доносились сзади пронзительные голоса, которые вечно звали, наставляли, бранили ее, ни на мгновение не стихая у нее за спиной. Она ни разу не оглянулась и продолжала идти вперед, а очутившись под защитой леса, побежала — и замедлила шаг, только когда все звуки затихли вдали, пропали в полной вздохов и шорохов тишине среди деревьев, стонущих под ветром, и о стоянке людей напоминал лишь легкий горьковатый запах древесного дыма, который доносился и сюда.

Теперь тропа во многих местах была загромождена рухнувшими деревьями, и ей приходилось перебираться через них или проползать под ними, а сухие сучья рвали ее одежду, цеплялись за капюшон. Ходить по лесу при таком ветре было небезопасно — вот и сейчас где-то выше по склону раздался приглушенный расстоянием треск. Еще один ствол не выдержал напора ветра. Но ей было все равно. Сейчас она могла бы вновь спуститься на эти серые пески, чтобы спокойно, совсем спокойно ждать, когда на нее обрушится пенящаяся стена воды в четыре человеческих роста... Она остановилась с той же внезапностью, с какой побежала, и замерла на окутанной сумраком тропе.

Дул ветер, стихал, начинал дуть с новой силой. Мутные мглистые тучи неслись так низко, что почти задевали густое сплетение сухих обнаженных ветвей над головой девушки. Тут уже наступил вечер. Ее гнев угас, сменился растерянностью, и она стояла в боязливом оцепенении, сутулясь от ветра. Что-то белое мелькнуло прямо перед ней, и она вскрикнула, но не шевельнулась. Вновь мелькнула белая молния и вдруг застыла над ней на кривом суку — не то огромная птица, не то зверь с крыльями, совершенно белый и сверху и снизу, с короткими острыми крючковатыми губами, которые то смыкались, то размыкались, с неподвижными серебряными глазами. Вцепившись в сук четырьмя широкими когтями, неведомая тварь неподвижно глядела на нее вниз, а она неподвижно глядела вверх. Серебряные глаза смотрели не мигая. Внезапно развернулись огромные крылья в рост человека и захлопали, ломая ветки вокруг. Тварь била белыми крыльями и пронзительно кричала, а потом взмыла вверх навстречу ветру и тяжело полетела среди сухих древесных вершин под клубящимися тучами.

— Снеговей,— сказал Агат, остановившись на тропе позади нее.— По поверью они приносят снежные бури.

Огромное серебряное чудище так напугало ее, что она утратила способность думать. На миг она ослепла от слез, всегда сопровождающих любое сильное душевное движение у людей этой планеты. Она собиралась встретить дальнерожденного здесь в лесу и осыпать его насмешками, уничтожить презрением: ведь она

заметила, что под маской небрежного высокомерия он был глубоко уязвлен, когда люди в Теваре смеялись над ним и ставили его на место так, как он того заслуживал — лжечеловек, низшее существо. Но белый жуткий снеговей нагнал на нее такой страх, что она закричала, глядя на дальнерожденного в упор, как мгновение назад смотрела на крылатое чудище:

— Я тебя ненавижу! Ты не человек, я тебя ненавижу!

Тут слезы перестали литься, она отвела взгляд, и оба они довольно долго молчали.

— Ролери! — прозвучал негромкий голос.— Посмотри на меня.

Но она не повернула головы. Он подошел ближе, и она отпрянула с воплем, пронзительным, как крик снеговея:

— Не прикасайся ко мне!

Ее лицо исказилось.

— Успокойся,— сказал он.— Возьми меня за руку. Возьми же!

Она снова отпрянула, но он схватил ее за запястье и удержал. Вновь они застыли без движения.

— Пусти! — сказала она наконец обычным голосом, и он сразу разжал пальцы. Она глубоко вздохнула.— Ты говорил... Я слышала, как ты говорил внутри меня. Там, на песках. Ты и опять так можешь?

Не сводя с нее внимательного спокойного взгляда, он кивнул.

— Да. Но ведь я тогда же сказал тебе, что больше не буду. Никогда.

— Я все еще слышу его. Я чувствую твой голос! — Она прижала ладони к ушам.

— Я знаю... И прошу у тебя прощения. Когда я позвал тебя, я не сообразил, что ты врасу... что ты из Тевара. Закон это запрещает. Да это и не должно было получиться.

— Что такое врасу?

— Так мы называем вас.

— А как вы называете себя?

— Людьми.

Она посмотрела вокруг, на стонущий сумеречный лес, на колоннады серых стволов, на клубящиеся тучи почти над самой головой. Этот серый движущийся мир пугал своей непривычностью, но она больше не боялась. Прикосновение его пальцев, подлинное, осязаемое, вдруг смягчило мучительность его присутствия, принесло успокоение, а их разговор окончательно привел ее в себя. Она вдруг поняла, что весь прошлый день и всю ночь была во власти безумия.

— А у вас все умеют... разговаривать вот так?

— Некоторые умеют. Этому надо учиться. И довольно долго. Пойдем вон туда и сядем. Тебе надо отдохнуть.

Он всегда говорил сурово, но теперь в его голосе появился новый оттенок, что-то совсем другое, словно та настойчивость, с какой он звал ее на песках, преобразилась в бесконечно подавляемую бессознательную мольбу, в ожидание отклика. Они сели на упавший ствол батука чуть в стороне от тропы. Она по-

думала, что он ходит и сидит совсем не так, как мужчины ее Рода,— его осанка, все его движения были лишь чуть-чуть иными и все-таки совершенно чужими. Особенно его зажатые между коленями темные руки с переплетенными пальцами. А он продолжал:

— Вы тоже могли бы научиться мысленной речи, но ваши люди не захотели. Сказали, кажется, что это чародейство... В наших книгах написано, что мы сами давным-давно переняли это умение у людей еще одного мира, который назывался Роканнон. Тут нужна не только особая способность, но и долгие упражнения.

— Значит, ты можешь слышать мои мысли, если захочешь?

— Это запрещено,— сказал он так бесповоротно, что ее опасения исчезли без следа.

— Научи меня этому умению,— вдруг совсем по-детски попросила она.

— На это потребовалась бы вся Зима.

— Ты что же, учился ему всю Осень?

— И часть Лета.— Он чуть-чуть улыбнулся.

— Что такое «врасу»?

— Это слово из нашего древнего языка. Оно значит «высокоразумные существа».

— А где тот, другой мир?

— Ну... Их очень много. Там. За луной и солнцем.

— Значит, вы правда упали с неба? А зачем? И как вы добрались из-за солнца сюда, на берег моря?

— Я объясню, если ты хочешь услышать, Ролери, только это не сказка. Многого мы сами не понимаем, но то, что мы знаем о своей истории,— все правда.

— Я слушаю,— прошептала она ритуальную фразу. Однако хотя его слова произвели на нее впечатление, полностью она их не приняла.

— Так вот. Там, среди звезд, есть очень много миров, и обитает на них много различных людей. Они создали корабли, способные переплыть тьму между мирами, и отправились путешествовать, ведя торговлю и исследуя неведомое. Они объединились в Лигу, как ваши кланы объединяются в Предел. Но у Лиги Всех Миров был какой-то враг, появившийся откуда-то из неизмеримой дали. Откуда точно, я не знаю. Книги писались для людей, которые знали больше, чем знаем мы...

Он все время употреблял слова, похожие на настоящие. Только в них не было смысла. Ролери тщетно пыталась понять, что такое «корабль», что такое «книга». Но он говорил с такой задумчивостью, с такой тоской, что она слушала как завороженная.

— Лига копила силы, ожидая нападения этого врага. Более могущественные миры помогали более слабым вооружаться и готовиться к встрече с ним. Ну, почти так, как мы тут готовимся к приходу гаалей. Я знаю, что для этого обучали чтению мыслей, но в книгах говорится и про оружие — про огонь, спо-

собный сжечь целые планеты и взорвать звезды... И в это время мои соплеменники прилетели сюда из своего родного мира. Их было немного. Им предстояло завязать дружбу с людьми этого мира и узнать, не захотят ли они вступить в Лигу и заключить союз против общего врага. Но враг напал как раз в те дни. Корабль, привезший моих соплеменников, вернулся на родину, чтобы присоединиться к военному флоту. На нем улетели многие, а кроме того, он увез... ну, дальноговоритель, с помощью которого люди в одном мире могли говорить с людьми в другом. Но некоторые остались. То ли они должны были оказать помощь этому миру, если бы враг добрался сюда, то ли просто не могли вернуться — мы не знаем. В их записях сказано только, что корабль улетел. Копье из белого металла, длиннее целого города, стоящее на огненном пере. Остались его изображения. Я думаю, они верили, что он скоро вернется... Это было десять Лет назад.

— А война с врагом как?

— Мы не знаем. Мы ничего не знаем о том, что происходило в других мирах после того дня, когда корабль улетел. Некоторые из нас думают, что война была проиграна, а другие считают, что нет, но что победа досталась дорогой ценой и за долгие Годы сражений про горстку оставшихся здесь людей успели забыть. Кто может сказать? Если мы выживем, то когда-нибудь узнаем... Если никто не прилетит сюда, мы сами построим корабль и отправимся на поиски...

Он говорил тоскливо и насмешливо. У Ролери голова шла кругом от неизмеримости распахнувшегося перед ней времени, пространства и собственного непонимания.

— С этим трудно жить,— сказала она немного погодя.

Агат засмеялся, словно удивившись.

— Нет! В этом мы черпаем гордость. Трудно другое: выжить в мире, которому ты чужой. Пять Лет назад мы были многочисленны и могущественны, а погляди на нас теперь!

— Говорят, дальнерожденные никогда не болеют. Это правда?

— Да. Вашими болезнями мы не заражаемся, а своих сюда не привезли. Но если нас ранить, то потечет кровь... И мы стареем, мы умираем совсем как люди...

— Но ведь по-другому и быть не может,— сказала она сердито.

Он оставил насмешливый тон.

— Наша беда в том, что у нас почти нет детей. Столько родится мертвыми и так мало — живыми и крепкими!

— Я об этом слышала. И много думала. У вас такие странные обычаи! Ваши дети родятся и в срок и не в срок — даже в Зимнее Бесплодие. Почему?

— Так уж у нас ведется! — Он снова засмеялся и посмотрел на нее, но она промолчала.

— Я родилась не в срок, в Летнее Бесплодие,— сказала она.— У нас это тоже случается, но очень редко. И вот вы по-

нимаешь, когда Зима кончится, я буду уже стара и не смогу родить весеннего ребенка. У меня никогда не будет сына. Какой-нибудь старик возьмет меня пятой женой. Но Зимнее Бесплодие уже началось, а к приходу Весны я буду старой... Значит я умру бездетной. Женщине лучше вовсе не родиться, чем родиться не в срок, как родилась я... И еще одно: правду говорят, что дальнерожденный берет всего одну жену?

Он кивнул, и она догадалась, что они кивают, когда соглашаются, вместо того чтобы пожать плечами.

— Ну, так неудивительно, что вас становится все меньше.

Он усмехнулся, но она не отступила:

— Много жен — много сыновей! Будь ты из Тевара, ты был бы уже отцом пяти или десяти детей. А сколько их у тебя?

— Ни одного. Я не женат.

— И ни разу не делил ложа с женщиной?

— Этого я не говорил! — ответил он и добавил: — Но когда мы хотим иметь детей, мы женимся.

— Будь ты одним из нас...

— Но я не один из вас! — отрезал он, и наступило молчание. Потом он сказал мягче: — Дело не в обычаях и нравах. Мы не знаем, в чем причина, но она скрыта в нашем теле. Некоторые доктора считают, что здешнее солнце не такое, как то, под которым рождались и жили наши предки, и оно воздействует на нас, мало-помалу меняет что-то в нашем теле. И эти изменения губительны для продолжения рода.

Они вновь надолго замолчали.

— А каким он был — ваш родной мир?

— У нас есть песни, которые рассказывают о нем,— ответил он, но когда она робко спросила, что такое «песня», он промолчал и продолжал после паузы: — Наш родной мир ближе к солнцу, и Год там продолжается меньше одного лунокруга. Так говорят книги. Ты только представь себе: Зима длится всего девяносто дней!

Она засмеялась.

— Огонь развести не успеешь! — сказала Ролери.

Лесной сумрак сгущался в ночную тьму. Уже трудно было различить тропу перед ними, черный проход между стволами, ведущий налево в ее город, направо — в его. А здесь, на полпути — только ветер, мрак, безлюдье. Стремительно приближалась ночь. Ночь, и Зима, и война — время умирания и гибели.

— Я боюсь Зимы,— сказала она еле слышно.

— Мы все ее боимся,— ответил он.— Какая она? Мы ведь знаем только солнечный свет и тепло.

Она всегда хранила бесстрашное и беззаботное одиночество духа. У нее не было сверстников и подруг, она предпочитала держаться в стороне от остальных, поступала по-своему и ни к кому не питала особой привязанности. Но теперь, когда мир стал серым и не обещал ничего, кроме смерти, теперь, когда она впервые испытала страх, ей встретился он — темная фигура на черной скале над морем — и она услышала голос, который звучал у нее в крови.

— Почему ты никогда не смотришь на меня? — спросил он.

— Если ты хочешь, я буду смотреть на тебя,— ответила она, но не подняла глаз, хотя и знала, что его странный темный взгляд устремлен на нее. В конце концов она протянула руку, и он сжал ее пальцы.

— У тебя золотые глаза,— сказал он.— Я хотел бы... хотел бы... Но если бы они узнали, что мы были вместе, то даже теперь...

— Твои родичи?

— Твои. Моим до этого нет дела.

— А мои ничего не узнают.

Они говорили тихо, почти шепотом, торопливо, без пауз.

— Ролери, через две ночи я ухожу на север.

— Я знаю.

— Когда я вернусь...

— А когда ты не вернешься! — крикнула девушка, не выдержав ужаса, который нарастал в ней все последние дни Осени,— страха перед холодом, страха смерти.

Он обнял ее и тихо повторял, что он вернется. А она чувствовала, как бьется его сердце... совсем рядом с ее сердцем.

— Я хочу остаться с тобой,— сказала она, а он уже говорил:

— Я хочу остаться с тобой.

Вокруг них смыкался мрак. Они встали и медленно пошли к темному проходу между стволами. Она пошла с ним в сторону его города.

— Куда нам идти? — сказал он с горьким смешком.— Это ведь не любовь в дни Лета... Тут ниже по склону есть охотничий шалаш... Тебя хватятся в Теваре.

— Нет,— шепнула она,— меня никто не хватится.

6 Вестники отправились в путь, и на следующий день воины Аскатевара должны были двинуться на север по широкой, но совсем заросшей тропе, пересекавшей их Предел, а небольшой отряд из Космопора собирался выступить тогда же по старой береговой дороге. Умаксуман, как и Агат, считал, что им лучше будет объединить силы не раньше, чем перед самой битвой с врагом. Их союз держался только на влиянии Вольда. Многие воины Умаксумана, хотя они не раз принимали участие в набегах и стычках до наступлении Зимнего Перемирия, с большой неохотой шли на эту нарушавшую все обычаи войну, и даже среди его собственного Рода набралось немало таких, кого союз с дальнерожденными возмущал настолько, что они ждали лишь предлога, чтобы дать волю старой ненависти. Уквет и его сторонники открыто заявляли, что, покончив с гаалями, они разделаются и с чародеями. Агат пропустил их угрозу мимо ушей, предвидя, что победа смягчит или вовсе рассеет их ненависть, а в случае поражения все это уже ни малейшего

значения иметь не будет. Однако Умаксуман не заглядывал так далеко вперед и был обеспокоен.

— Наши разведчики ни на минуту не выпустят вас из виду. В конце-то концов гаали не станут дожидаться нас у рубежа.

— Длинная Долина под Крутым Пиком — вот лучшее место для битвы,— сказал Умаксуман, сверкнув улыбкой.— Удачи тебе, альтерран!

— Удачи тебе, Умаксуман!

Они простились как друзья под скрепленным глиной сводом каменных ворот Зимнего Города. Когда Агат повернулся, чтобы уйти, за аркой что-то мелькнуло и закружилось в сером свете тусклого дня. Он удивленно посмотрел на небо, потом обернулся к Умаксуману:

— Погляди!

Теварец вышел за ворота и остановился рядом с ним. Вот, значит, какое оно — то, о чем рассказывали старики! Агат протянул руку ладонью вверх. На нее опустилась мерцающая белая пушинка и исчезла. Сжатые поля и истоптанные пастбища вокруг, речка, темный клин леса, холмы на юге и на западе — все как будто чуть дрожало и отодвигалось под низкими тучами, из которых сыпались редкие хлопья, падая на землю косо, хотя ветер стих.

Позади них среди крутых деревянных крыш раздавались возбужденные крики детей.

— А снег меньше, чем я думал,— наконец мечтательно произнес Умаксуман.

— Я думал, он холоднее. Воздух сейчас словно бы даже немного потеплел...— Агат с трудом отвлекся от зловещего и завораживающего кружения снега.— До встречи на севере,— сказал он и, притянув меховой воротник к самой шее, чтобы защитить ее от непривычного щекотного прикосновения снежинок, зашагал по тропе к Космопору.

Углубившись в лес на полмили, он увидел еле заметную тропинку, которая вела к охотничьему шалашу, и по его жилам словно разлился жидкий огонь. «Иди же, иди!» — приказал он себе, сердясь, что снова теряет власть над собой. Днем у него почти не оставалось времени для размышлений, но это он успел обдумать и распутать. Вчерашняя ночь... она была и кончилась вчера. И ничего больше. Не говоря уж о том, что она все-таки врасу, а он — человек и общего будущего у них быть не может, это глупо и по другим причинам. С той минуты, когда он увидел ее лицо на черных ступеньках над пенистыми волнами, он думал о ней и томился желанием снова ее увидеть, точно мальчишка, влюбившийся в первый раз. Но больше всего на свете он ненавидел бессмысленность, тупую бессмысленность необузданной страсти. Такая страсть толкает мужчин на безумства, заставляет преступно рисковать тем, что по-настоящему важно, ради нескольких минут слепой похоти, и они теряют контроль над своими поступками. И он остался с ней вчера ночью, только

чтобы не утратить этого контроля,— благоразумие требовало избавиться от наваждения. Он снова повторил себе все это, ускорив шаг и гордо откинув голову, а вокруг танцевали редкие снежинки. И по той же причине он еще раз встретится с ней сегодня ночью. При этой мысли его тело и рассудок словно озарились жарким светом, мучительной радостью. Но он продолжал твердить себе, что завтра отправится с отрядом на север, а если вернется, тогда хватит времени объяснить ей, что таких ночей больше не должно быть, что они никогда больше не будут лежать, обнявшись, на его меховом плаще в темноте шалаша в самом сердце леса, где вокруг нет никого — только звездное небо, холод и безмерная тишина... Никогда. Никогда... Ощущение абсолютного счастья, которое она ему подарила, вдруг вновь нахлынуло на него, парализуя мысли. Он перестал убеждать и уговаривать себя, а просто шел вперед размашистым шагом сквозь сгущающиеся лесные сумерки и, сам того не замечая, тихонько напевал старинную любовную песню, которую его предки не забыли и в изгнании.

Снег почти не проникал сквозь ветки. «Как рано теперь темнеет!» — подумал он, подходя к развилке, и это была его последняя связная мысль перед тем, как что-то ударило его по щиколотке и он, потеряв равновесие, упал ничком, хотя успел опереться на руки. Он попытался встать, но тень слева вдруг превратилась в серебристо-белую человеческую фигуру, и на него обрушился удар. В ушах у него звенело, он высвободился из-под какой-то тяжести и снова попробовал приподняться. Он утратил способность думать и не понимал, что происходит — ему казалось, будто все это уже было раньше, а может, этого никогда и не было, а только ему чудится. Серебристых людей с полосками на ногах и руках было несколько, и они крепко держали его, а один подошел и чем-то ударил его по губам. Сомкнулась тьма, пронизанная яростью и болью. Отчаянно рванувшись всем телом, он высвободился и ударил кого-то из серебристых в челюсть — тот отлетел в темноту, но их оставалось много, и второй раз он высвободиться не сумел. Они били его, а когда он уткнулся лицом в грязь тропы и прикрылся руками, начали пинать в бока. Он вжимался в спасительную грязь, ища у нее защиты... потом раздалось чье-то тяжелое дыхание. Сквозь гул в ушах он расслышал голос Умаксумана. И он тоже, значит... Но ему было все равно, лишь бы они ушли, лишь бы оставили его в покое. Как рано теперь темнеет...

Кругом был мрак, густой и непроглядный. Он пытался ползти. Надо добраться домой, к своим, к тем, кто ему поможет. Было так темно, что он не видел своих рук. Бесшумный невидимый снег падал в абсолютной темноте на него, на грязь, на прелые листья. Надо добраться домой. Ему было очень холодно. Он попытался встать, но не было ни востока, ни запада, и, скованный болью, он уронил голову на локоть. «Придите ко мне!» — попытался он позвать на мысленном языке, но было невыносимо трудно звать в непроглядной тьме куда-то вдаль.

Гораздо легче лежать так и не шевелиться. Это легко, очень легко.

В Космопоре, в высоком каменном доме, у пылающего в очаге плавника Элла Пасфаль вдруг подняла глаза от книги. Она совершенно ясно почувствовала, что Джакоб Агат передает ей... Но ни образы, ни слова не возникали в ее мозгу. Странно! Впрочем, у параречи столько странных побочных эффектов, непонятных, необъясненных следствий! В Космопоре многие вообще ей не научились, а те, кто способен передавать, редко пользуются своим умением. На севере, в Атлантике, они с большей свободой общались мысленно. Сама она была беженкой из Атлантика и помнила, как в страшную Зиму ее детства она разговаривала с остальными на параязыке чаще, чем вслух. А когда ее отец и мать умерли во время голода, она потом целый лунокруг вновь и вновь чувствовала, будто они передают ей, ощущала их присутствие в глубинах своего сознания — но не было ни образов, ни слов... ничего.

«Джакоб!» — передала она и повторяла долго, упорно, но ответа не пришло.

В то же самое мгновение Гуру Пилотсон, еще раз проверявший в Арсенале снаряжение, которое утром возьмет с собой отряд, внезапно поддался смутной тревоге, не оставлявшей его весь день, и воскликнул:

— Куда запропастился Агат, черт бы его побрал!

— Да, он что-то опаздывает,— согласился один из хранителей Арсенала.— Опять ушел в Тевар?

— Укреплять дружбу с мучнюмордыми,— невесело усмехнулся Пилотсон и снова нахмурился.— Ну ладно, займемся теперь меховыми куртками.

В то же самое мгновение в комнате, обшитой кремовыми панелями из атласного дерева, Сейко Эсмит беззвучно разрыдалась, ломая руки, мучительно заставляя себя не передавать ему, не звать его на параязыке и даже не произносить его имени вслух — Джакоб!

В то же самое мгновение мысли Ролери вдруг затемнились, и она скорчилась без движения.

Она скорчилась без движения в охотничьем шалаше. Утром она решила, что в суматохе переселения из шатров в подземный лабиринт Родовых Домов ее отсутствие накануне вечером и позднее возвращение остались незамеченными. Но теперь порядок уже восстановился, жизнь вошла в обычное русло, и, конечно, кто-нибудь да увидит, если она попробует ускользнуть в сумерках. А потому она ушла днем, надеясь, что никто не обратит на это внимания — ведь она часто уходила так прежде,— кружным путем добралась до шалаша, заползла внутрь, плотнее закуталась в свои меха и приготовилась ждать наступления ночи и шороха его шагов на тропинке. Начали падать снежинки, их кружение навевало на нее сон. Она глядела на них и сквозь дремоту пыталась представить себе, что будет делать завтра. Ведь завтра он уйдет. А ее клан будет

знать, что она отсутствовала всю ночь. Но до завтра еще далеко. Тогда и будет видно. А сейчас еще сегодня, еще сегодня... Она уснула. И вдруг проснулась, словно ее ударили. Она вся скорчилась, и в ее мыслях была пустая тьма.

Но тут же она вскочила на ноги, схватила кремень и трут, высекла огонь и зажгла плетеный фонарь, который захватила с собой. Его слабый свет неровным пятном ложился на землю. Она спустилась по склону на тропу, постояла в нерешительности и пошла на запад. Потом снова остановилась и шепотом позвала:

— Альтерран!

Деревья вокруг окутывала ночная тишина. Ролери пошла вперед и больше не останавливалась, пока не увидела его. Он лежал на тропе.

Снег повалил гуще, и хлопья неслись поперек смутной полосы света, отбрасываемой фонарем. Теперь они ложились на землю и уже не таяли, белой пылью рассыпались по его разорванному плащу, прилипали к его волосам. Рука, к которой она прикоснулась, была совсем холодной, и она поняла, что он умер. Она села возле него на мокрую окаймленную снегом землю и положила его голову себе на колени.

Он пошевелился и слабо застонал. Ролери сразу очнулась, перестала бессмысленно стряхивать снег с его волос и воротника и сосредоточенно задумалась. Потом осторожно опустила его голову на землю, встала, машинально попробовала стереть с руки липкую кровь и, светя себе фонарем, посмотрела по сторонам. Она нашла то, что искала, и принялась за работу.

В комнату косо падал неяркий солнечный луч. Было так тепло, что он не мог разомкнуть веки и снова и снова соскальзывал в пучину сна, в глубокое неподвижное озеро. Но свет заставлял его подниматься на поверхность, и в конце концов он проснулся и увидел серые стены, солнечный луч, падающий из окна.

Он лежал неподвижно, а бледно-золотой луч погас, снова вспыхнул, перешел с пола на дальнюю стену и начал подниматься по ней, становясь все краснее. Вошла Элла Пасфаль и, увидев, что он не спит, сделала кому-то позади знак не входить. Она закрыла дверь и опустилась рядом с ним на колени. Обстановка в домах альтерранов была скудной: они спали на тюфяках, а вместо стульев обходились плоскими подушками, разбросанными по ковру, застилавшему пол, но и ими пользовались редко. А потому Элла просто опустилась на колени и поглядела на Агата. Красный отблеск лег на ее морщинистое лицо. В этом лице не было ни мягкости, ни жалости. Слишком много ей пришлось перенести в детстве, и сострадание, сочувствие захирели в ее душе, а к старости она и вовсе разучилась жалеть. Теперь, покачивая головой, она спросила негромко:

— Джакоб... Что ты сделал?

Он попытался ответить, но у него невыносимо заломило

виски, а сказать ему, в сущности, было нечего, и он промолчал.

— Что ты сделал...

— Как я добрался домой? — пробормотал он наконец, но разбитые губы не слушались, и Элла жестом остановила его.

— Как ты добрался сюда? Ты это спросил? Тебя притащила она. Эта молоденькая врасу. Соорудила волокушу из сучьев и своей одежды, уложила тебя на нее и тащила через гребень до Лесных Ворот. Ночью, по снегу. Сама она осталась только в шароварах — тунику разорвала, чтобы привязать тебя. Эти врасу крепче дубленой кожи, из которой шьют себе одежду. Она сказала, что тянуть волокушу по снегу легче, чем по земле... А снег весь уже сошел. Ведь это было два дня назад. Вообще-то ты отдыхал довольно долго.

Она налила в чашку воды из кувшина на подносе возле его тюфяка и помогла ему напиться. Ее склонившееся над ним лицо выглядело бесконечно старым и хрупким. Она с недоумением сказала на параязыке: «Как ты мог, Джакоб? Ты всегда был таким гордым!»

Он ответил тоже без слов. Облеченный в слова, его ответ прозвучал бы: «Я не могу жить без нее».

Он передал свое чувство с такой силой, что старая Элла отшатнулась и, словно обороняясь, произнесла вслух:

— Ты выбрал странное время для увлечения, для любовных идиллий! Когда все полагались на тебя...

Он повторил то, что уже сказал ей, потому что это была правда и ничего другого он сказать ей не мог. Она сурово передала:

«Но ты на ней не женишься, а потому тебе лучше поскорее научиться жить без нее».

Он ответил: «Нет»!

Она села на пятки и застыла без движения. Когда ее мысли вновь открылись для него, они были исполнены глубокой горечи. «Ну что же, поступай по-своему! Какая разница? Что бы мы сейчас не делали, вместе или по отдельности, все непременно будет плохо. Мы не способны найти выход, одержать победу. Нам остается только и дальше совершать самоубийство... Малопомалу, один за другим — пока мы все не погибнем, пока не погибнет Альтерра, пока все изгнанники не будут мертвы...»

— Элла! — перебил он вслух, потрясенный ее отчаянием.— А... а они выступили?..

— Кто? Наше войско? — она произнесла это слово насмешливо.— Выступили без тебя?

— Но Пилотсон...

— Если бы Пилотсон их повел, то только на Тевар. Чтобы отомстить за тебя. Он вчера чуть не помешался от ярости.

— А они...

— Врасу? Ну конечно они не выступили. Когда стало известно, что дочка Вольда бегает в лес на свидания с дальнерожденным, Вольд и его сторонники оказались в довольно смешном

в постыдном положении, как ты можешь себе представить. Разумеется, представить себе это после случившегося много проще, но тем не менее мне кажется...

— Элла! Ради бога...

— Ну хорошо. На север никто не выступил. Мы сидим тут и ждем, чтобы гаали явились, когда им это будет удобно.

Джакоб Агат лежал неподвижно, стараясь не провалиться вниз головой в разверзшуюся под ним бездну. Это была пустая бездонная пропасть его собственной гордости, слепого высокомерия, которое диктовало все его прошлое поведение. Самообман и ложь. Если он погибнет — пусть. Но те, кого он предал?

Несколько минут спустя Элла передала: «Джакоб, даже при самых благоприятных обстоятельствах из этого вряд ли что-нибудь могло выйти. Человек и нечеловек неспособны сотрудничать. Шестьсот лиголет неудач могли бы научить тебя этому. Твое безрассудство послужило для них всего лишь предлогом. Если бы не это, они нашли бы что-нибудь другое, и очень скоро. Они — наши враги, такие же, как гаали. Или Зима. Или все остальное на этой планете, на которой мы лишние. У нас нет союзников, кроме нас самих. Мы здесь одни. Не протягивай руки ни одному существу, для которого этот мир родной...»

Он прервал контакт с ее мыслями, не в силах больше выносить беспросветность этого отчаяния. Он попытался замкнуться в себе, отгородиться от внешнего мира, но что-то тревожило его, не давало ему покоя, и он вдруг осознал что. С трудом приподнявшись, он нашел в себе силы выговорить:

— Где она? Вы же не отослали ее назад...

Одетая в белое альтерранское платье, Ролери сидела, поджав под себя ноги, чуть дальше от него, чем недавно Элла. Эллы не было, а Ролери сидела там и что-то старательно чинила... что-то вроде сандалии. Она как будто не услышала, что он заговорил. А может быть, ему только приснилось, что он произнес эти слова... Но тут она сказала своим ясным голосом:

— Старуха тебя встревожила. А зачем? Что ты можешь сделать сейчас? По-моему, никто из них без тебя и двух шагов ступить не сумеет.

На стене позади нее лежали последние багряные отблески солнца. Она сидела и чинила сандалию. Ее лицо было спокойно, глаза, как всегда, опущены.

Оттого, что она была рядом, боль и сознание вины, терзавшие его, вдруг отступили, заняли свое место в истинном соотношении со всем остальным. Возле нее он становился самим собой. Он произнес ее имя вслух.

— Спи! Тебе нехорошо разговаривать,— сказала она, и в ее голосе проскользнула прежняя робкая насмешливость.

— А ты останешься? — спросил он.

— Да.

— Как моя жена! — сказал он твердо.

Боль заставляла его торопиться. Но не только боль. Ее

родичи, наверное, убьют ее, если она вернется к ним. Ну, а его родичи? Что они с ней сделают? Он — ее единственная защита, и надо, чтобы эта защита была надежной.

Она наклонила голову, словно соглашаясь. Но он еще плохо знал ее жесты и не был уверен. Почему она сидит сейчас так тихо и спокойно? До сих пор она была такой быстрой и в движениях, и в чувствах. Но ведь он знает ее всего несколько дней...

Она продолжала спокойно работать. Ее тихая безмятежность укрыла его, и он почувствовал, что к нему начинают возвращаться силы.

7 Над крутыми крышами ярко пылала звезда, чей восход возвестил наступление Зимы,— ярко, но безрадостно, точно такая, какой Вольд запомнил ее с дней своего детства шестьдесят лунокругов назад. Даже огромный серп молодого месяца, висевший в небе напротив нее, казался бледнее Снежной Звезды.

Начался новый лунокруг и новое Время Года, но начались они при дурных предзнаменованиях.

Неужто луна и правда, как рассказывали когда-то дальнерожденные, это мир вроде Аскатевара и других Пределов, но только там никто не живет, а звезды — тоже миры, где обитают люди и звери и Лето сменяется Зимой?.. Но какими должны быть люди, обитающие на Снежной Звезде? Жуткие чудовища, белые, как снег, с узкими щелями безгубых ртов и огненными глазами, теснились в воображении Вольда. Он тряхнул головой и попробовал сосредоточиться на том, что говорили другие Старейшины. Вестники, вернувшись всего через пять дней, принесли с севера всякие слухи, а потому Старейшины развели огонь в большом дворе Тевара и назначили Перестук Камней. Вольд пришел последним и замкнул круг, потому что никто другой не осмелился занять его место, но это не имело никакого значения: он только почувствовал себя еще более униженным. Ибо он объявил войну, а ее не стали вести, он послал воинов, а они не выступили, и союз, который он заключил, был нарушен.

Рядом с ним сидел Умаксуман и тоже молчал. Остальные кричали и спорили, но все попусту. А чего еще было ждать? В Перестуке Камней не родилось единого ритма — был только грохот и разнобой. Так как же они могли надеяться, что придут к согласию? Глупцы, глупцы, думал Вольд, хмурясь на огонь, тепло которого не достигало его. Другие моложе, их греет молодость, они вопят друг на друга и разгорячаются. А он — старик, и никакие меха не могут согреть его здесь, в ледяном блеске Снежной Звезды, на ветру Зимы. Его окоченевшие ноги ныли, в груди кололо, и ему было все равно, из-за чего они кричат и ссорятся.

Внезапно Умаксуман вскочил.

— Слушайте! — загремел он, и мощный звук его голоса («От меня унаследовал!» — подумал Вольд) принудил их притихнуть, однако кое-где еще раздавались насмешливые и злобные

возгласы. До сих пор, хотя все достаточно хорошо знали, что произошло, непосредственный повод или предлог их ссоры с Космопором не обсуждался вне стен Родового Дома Вольда. Просто было объявлено, что Умаксуман не поведет воинов, что похода не будет, что надо опасаться нападения дальнерожденных. Обитатели других домов, даже те, кто не слышал про Ролери и Агата, прекрасно понимали, что подлинная суть происходящего — борьба за власть в самом влиятельном клане. Эта борьба была подоплекой всех речей, произносившихся сейчас на Перестуке Камней, хотя как будто решался совсем другой вопрос: обходиться ли с дальнерожденными как с врагами при встрече вне стен Города или считать, что между ними по-прежнему мир? И вот теперь заговорил Умаксуман:

Слушайте, Старейшины Тевара! Вы говорите то, вы говорите это, но вам нечего сказать. Гаали идут, и через три дня они придут сюда. Так замолчите, возвращайтесь к себе, острите копья, проверьте ворота и стены, потому что идут враги, идут на нас. Глядите! — Он взмахнул рукой, указывая на север, и многие повернулись туда, словно ожидали, что орды Откочевки сию минуту проломят стену — такая сила была в словах Умаксумана.

— А почему ты не проверил ворота, через которые ушла твоя кровная родственница, Умаксуман?

Теперь это сказано вслух, и пути назад нет.

— Она и твоя кровная родственница, Уквет,— с гневом ответил Умаксуман.

Один был сыном Вольда, другой его внуком, и говорили они о его дочери. Впервые в жизни Вольд узнал стыд, ничем не прикрытый, бессильный стыд: его опозорили в присутствии лучших людей племени. Он сидел неподвижно, низко опустив голову.

— Да, и моя! И только благодаря мне наш Род не покрылся позором! Я и мои братья вышибли зубы из грязного рта того, к кому она прибежала тайком, и я поступил бы с ним так, как обычай требует поступать с лжелюдьми, которые не лучше подлой скотины, но ты остановил нас, Умаксуман. Остановил нас своей глупой речью...

— Я остановил вас, чтобы вам не пришлось драться не только с гаалем, но еще и с дальнерожденными, глупец! Она достигла возраста, когда может выбрать себе мужчину, если захочет, и тут не было ничего...

— Он не мужчина, родич, а я не глупец!

— Ты глупец, Уквет, потому что воспользовался этим случаем, чтобы поссорить нас с дальнерожденными, и лишил нас последней надежды повернуть Откочевку на другой путь!

— Я тебя не слышу, лжец, предатель!

С громким кличем они бросились на середину круга, отцепляя от пояса боевые топоры. Вольд поднялся на ноги. Сидящие рядом подняли головы, ожидая, что он, как Старейший и Глава Рода, запретит схватку. Но он этого не сделал. Он молча

отвернулся от нарушенного круга и, тяжело шаркая ногами, побрел по проходу между высокими остроконечными крышами под выступающими стрехами в дом своего Рода.

Он с трудом спустился по ступеням из утрамбованной глины в жаркую духоту огромной землянки. Мальчики и женщины принялись наперебой спрашивать его, что решили на Перестуке Камней и почему он вернулся один.

— Умаксуман и Уквет вступили в бой,— сказал он, чтобы отделаться от них, и сел у огня, почти спустив ноги в очажную яму.

Ничем хорошим это не кончится. Да и вообще ничто уже не может кончиться хорошо. Когда женщины, причитая, внесли в дом труп его внука Уквета и по полу протянулась широкая полоса крови, хлещущей из разрубленного черепа, он только поглядел на них, но ничего не сказал и не попытался встать.

— Умаксуман убил его, убил своего родича, своего брата! — вопили жены Уквета, окружив Вольда, но он не поднял головы. Наконец он обвел их тяжелым взглядом, точно старый зверь, загнанный охотником, и сказал хрипло:

— Замолчите... Да замолчите же...

На следующий день опять пошел снег. Они похоронили Уквета, первенца Зимней Смерти, и белые хлопья легли покрывалом на мертвое лицо прежде, чем его засыпали землей. Вольд подумал об Умаксумане — изгнаннике, бродящем в одиночестве среди холмов: кому из них лучше? И потом еще много раз возвращался к этой мысли.

Язык у него стал очень толстым и ему не хотелось говорить. Он сидел у огня и не всегда мог понять, день снаружи или ночь. Спал он тревожно, и ему казалось, что он все время просыпается. И один раз, просыпаясь, он услышал шум снаружи, на поверхности.

Из боковых каморок с визгом выбежали женщины, хватая на руки осеннерожденных малышей.

— Гааль! Гааль! — вопили они.

Но другие вели себя тихо, как подобает женщинам могущественного дома. Они прибрали большую комнату, сели и начали ждать.

Ни один мужчина не пришел за Вольдом.

Старик знал, что он уже не вождь. Но разве он уже и не мужчина? И должен сидеть под землей у огня с младенцами и женщинами?

Он стерпел публичный позор, но потери самоуважения он стерпеть не мог. Поднявшись, он побрел на негнущихся ногах к своему старому пестрому ларцу, чтобы достать толстую кожаную куртку и тяжелое копье длиной в человеческий рост, которым он убил в единоборстве снежного дьявола — так давно, так давно... Теперь он отяжелел, тело плохо ему повинуется, с той поры миновали все светлые и теплые Времена Года, но он — тот же, каким был тогда, тот, кто убил этим копьем в снегах былой Зимы. Разве он не тот же, не мужчина? Они не

должны были оставлять его здесь, у огня, когда пришел враг.

Глупые женщины кудахтали вокруг него, и он рассердился, потому что они мешали ему собраться с мыслями. Но старая Керли отогнала их, вложила ему в руку копье, которое какая-то девчонка уже выхватила у него, и застегнула на его шее плащ из серого меха корио. Этот плащ она шила для него весь конец Осени. Все-таки осталась одна, которая знает, что такое мужчина. Она молча смотрела на него, и он ощутил ее печаль и горькую гордость. А потому он заставил себя расправить плечи и пошел, держась совсем прямо. Пусть она — сварливая старуха, а он — глупый старик, но они хранят свою гордость. Он медленно поднялся по ступенькам, вышел на яркий свет холодного полудня и услышал за стенами крики чужих голосов.

Мужчины толпились на квадратной платформе над дымоходом Дома Пустоты. Он вскарабкался по приставной лестнице, и они потеснились, давая ему место. Его била дрожь, в груди хрипело, и сперва он словно ослеп. Но потом он увидел... и на время забыл обо всем, пораженный небывалым зрелищем.

Долина, огибавшая подножие Теварского холма с севера на юг, была, точно река в половодье, от края и до края заполнена бурлящим людским потоком. Он медленно катился на юг, темный, беспорядочный, то сжимаясь, то опять расплескиваясь, останавливаясь, вновь приходя в движение под крики, вопли, оклики, скрип, щелканье кнутов, хриплое ржание ханн, плач младенцев, размеренное уханье тех, кто тащил волокуши. Алая полоска свернутого войлочного шатра, ярко раскрашенные браслеты на руках и ногах женщин, пучок алых перьев, гладкий наконечник копья, вонь, оглушительный шум, нескончаемое движение — непрерывное движение, упорное движение на юг, Откочевка. Но ни одно былое время не видело такой Откочевки — единым множеством. Насколько хватал глаз, расширяющаяся к северу долина кишела людьми, а поток все сползал и сползал с седловины, не иссякая. И ведь это были только женщины с малышами, скот и волокуши с припасами... Рядом с этой могучей людской рекой Зимний Город Тевара был ничем. Камешком на берегу в половодье.

Сначала у Вольда все похолодело внутри, но потом он приободрился и сказал:

— Дивное дело...

И оно действительно было дивным — это переселение всех племен севера. Он был рад, что ему довелось увидеть такое. Стоявший рядом с ним Старейшина, Анвильд из Рода Сьокмана, пожал плечами и ответил негромко:

— И конец для нас.

— Если они остановятся.

— Эти не остановятся. Но сзади идут воины.

Они были так сильны, так неуязвимы в своем множестве, что их воины шли сзади...

— Чтобы накормить столько ртов, им сегодня же пона-

добятся наши запасы и наши стада,— продолжал Анвильд.— И как только эти пройдут, воины нападут на город.

— Значит, надо отослать женщин и детей в западные холмы. Когда враг так силен, Город — только западня.

— Я слушаю,— сказал Анвильд, утвердительно пожав плечами.

— Теперь же, без промедления, прежде чем гааль нас окружит.

— Это уже было сказано и услышано. Но другие говорят, что нельзя отсылать женщин туда, где их ждут всякие опасности, а самим оставаться под защитой стен.

— Ну, так пойдем с ними! — отрезал Вольд.— Неужели Люди Тевара не могут ничего решить?

— У них нет главы,— ответил Анвильд.— Они слушают того, этого и никого.— Продолжать — значило бы обвинить во всех бедах Вольда и его родичей, а потому он добавил только: — И мы будем ждать здесь, пока нас всех не перебьют.

— Своих женщин я отошлю,— сказал Вольд, рассерженный спокойной безнадежностью Анвильда, отвернулся от грозного зрелища Откочевки, кое-как спустился по приставной лестнице и пошел распорядиться, чтобы его родичи спасались, пока еще не поздно. Он тоже пойдет с ними. Ведь сражаться против бесчисленных врагов бесполезно, а хоть горстка Людей Тевара должна уцелеть, должна выжить.

Однако молодые мужчины его клана не согласились с ним и не захотели подчиниться ему. Они не убегут, они будут сражаться.

— Но вы умрете,— сказал Вольд.— А ваши женщины и дети еще могут уйти. Они будут свободными... если не останутся тут с вами.

Его язык снова был толстым. А они ждали, чтобы он замолчал, и не скрывали нетерпения.

— Мы отгоним гааля,— сказал молодой внук.— Мы ведь воины!

— Тевар — крепкий город, Старейший,— сказал другой вкрадчиво, льстивым голосом.— Ты объяснил нам, как построить его хорошо, и мы все сделали по твоему совету.

— Он выдержит натиск Зимы,— сказал Вольд.— Но не натиск десяти тысяч воинов. Уж лучше, чтобы женщины моего Рода погибли от холода среди снежных холмов, чем жили наложницами и рабынями гаалей...

Но они не слушали, а только ждали, чтобы он наконец замолчал.

Он вышел наружу, но у него уже не было сил карабкаться по приставным лестницам, и, чтобы никому не мешать в узком проходе, он отыскал укромное место неподалеку от южных ворот, в углу между стеной и подпоркой. Поднявшись по наклонной подпорке, сложенной из ровных кусков сухой глины, можно было увидеть, что делается за стеной, и он некоторое время следил за Откочевкой. Потом, когда ветер забрался под его

меховой плащ, он присел на корточки и прижал подбородок к коленям, укрывшись за выступом. Солнце светило прямо туда. Некоторое время он грелся в его лучах и ни о чем не думал. Иногда он поглядывал на солнце — Зимнее солнце, слабое, старое.

Из истоптанной земли под стеной уже поднималась зимняя трава — недолговечные растеньица, которые будут стремительно набираться сил, расцветать и отцветать между буранами до самого наступления Глубокой Зимы, когда снег уже больше не тает и только лишенные корней сугробники выдерживают лютый холод. Всегда что-нибудь да живет на протяжении великого Года, выжидая своего дня, расцветая и погибая, чтобы снова ждать.

Тянулись долгие часы.

Оттуда, где сходились северная и западная стены, донеслись громкие крики. Воины бежали по узким проходам маленького города, где под нависающими стрехами мог пройти только один человек. Затем оглушительные вопли раздались позади Вольда, за воротами слева от него. Деревянные подъемные створки, которые можно было открыть только изнутри, с помощью сложной системы во́ротов, затряслись и затрещали. В них били бревном. Вольд с трудом выпрямился. Все тело его затекло, и он не чувствовал своих ног. Минуту он простоял, опираясь на копье, а потом привалился спиной к глиняным кирпичам и поднял копье, но не положил его на металку, а приготовился ударить с близкого расстояния.

Наверное, у гаалей были лестницы: они уже перебрались через северную стену и дрались внутри города — это он определил по шуму. Между крышами пролетело копье. Кто-то не рассчитал и слишком резко взмахнул металкой. Ворота снова затряслись. В прежние дни у них не было ни лестниц, ни таранов, и они приходили не десятками тысяч, а крались мимо оборванными семьями и кланами, трусливые дикари, убегающие на юг от холодов вместо того, чтобы остаться жить и умереть в своем Пределе, как поступают истинные люди... И тут в проходе появился один из них — с широким белым лицом и пучком алых перьев в закрученных рогом вымазанных смолой волосах. Он бежал к воротам, чтобы открыть их изнутри. Вольд шагнул вперед и сказал:

— Стой!

Гааль оглянулся, и старик вонзил копье в бок врага под ребра так глубоко, что железный наконечник почти вышел наружу. Он все еще пытался вытащить копье из дергающегося в судорогах тела, когда позади него в городских воротах появилась первая пробоина. Это было жутко — дерево лопнуло, как гнилая кожа, и в дыру просунулась тупая морда толстого бревна. Вольд оставил копье в брюхе гааля и, спотыкаясь, тяжело побежал по проходу к своему Родовому Дому. Крутые деревянные крыши в том конце города пылали дымным пламенем.

8 Самым странным среди всего странного и непонятного в этом жилище были изображения на стене большой комнаты внизу. Когда Агат ушел и все комнаты погрузились в мертвую тишину, она так долго смотрела на изображения, что они стали миром, а она — стеной. Мир этот был сплетениями, сложными и прихотливыми, точно смыкающиеся ветви лесных деревьев, точно струи потока — серебристые, серые, черные, пронизанные зеленью, алостью и желтизной, подобной золоту солнца. И вглядываясь в эти причудливые сплетения, можно было различить в них, между ними, слитые с ними и образующие их узоры и фигуры — зверей, деревья, траву, мужчин и женщин, и разные другие существа, одни похожие на дальнерожденных, другие непохожие. И еще всякие странности: ларцы на круглых ногах, птицы, топоры, серебряные копья, опереннные огнем, лица, которые не были лицами, камни с крыльями и дерево все в звездах вместо листьев.

— Что это такое? — спросила она у дальнерожденной женщины из Рода Агата, которой он поручил заботиться о ней, и та, как всегда, стараясь быть доброй, ответила:

— Картина, рисунок... Ведь твои соплеменники рисуют красками, не так ли?

— Да, немножко. А о чем рассказывает эта картина?

— О других мирах и о нашей родине. Видишь, вот люди... Ее написал очень давно, еще в первый Год нашего изгнания, один из сыновей Эсмита.

— А это что? — с почтительного расстояния указала Ролери.

— Здание... Дворец Лиги на планете Давенант.

— А это?

— Эробиль.

— Я снова слушаю,— вежливо сказала Ролери (теперь она старательно соблюдала все законы вежливости), но, заметив, что Сейко не поняла ритуальной фразы, спросила просто: — А что такое эробиль?

Дальнерожденная женщина чуть-чуть выпятила губы и ответила равнодушно:

— Ну... приспособление, чтобы ездить, вроде... Но ведь вы даже не знаете колеса, так как же объяснить тебе? Ты видела наши повозки — наши волокуши на колесах? Ну, так это была повозка, чтобы на ней ездить, только она летала по воздуху.

— А вы и сейчас можете строить такие повозки? — в изумлении спросила Ролери, но Сейко неверно истолковала ее вопрос и ответила сухо, почти раздраженно:

— Нет. Как мы могли сохранить здесь подобное умение, если Закон запрещает нам подниматься выше вашего технического уровня? А вы за шестьсот лет даже не научились пользоваться колесами!

Чувствуя себя беспомощной в этом чужом и непонятном мире, изгнанная своим племенем, а теперь разлученная и с Агатом, Ролери боялась Сейко Эсмит, и всех, кого она встречала

здесь, и всех вещей вокруг. Но покорно снести пренебрежение ревнивой женщины, женщины старше ее, она не могла.

— Я спрашиваю, чтобы узнавать новое,— сказала она.— Но, по-моему, ваше племя пробыло здесь меньше, чем шестьсот Лет.

— Шестьсот лиголет равны десяти здешним Годам...— Помолчав, Сейко Эсмит продолжала: — Видишь ли, про эробили и про всякие другие вещи, которые придумали люди у нас на родине, мы знаем далеко не все, потому что наши предки перед тем, как отправиться сюда, поклялись блюсти Закон Лиги, запрещавший им пользоваться многими вещами, непохожими на те, какие были у туземцев. Закон этот называется «культурное эмбарго». Со временем мы научили бы вас изготовлять всякие вещи... вроде крылатых повозок. Но Корабль улетел. Нас здесь осталось мало, и мы не получали никаких известий от Лиги, а многие ваши племена в те дни относились к нам враждебно. Нам было трудно хранить и Закон, и знания, которыми мы тогда обладали. Возможно, мы многое утратили. Мы не знаем.

— Какой странный Закон! — сказала Ролери.

— Он был создан ради вас... а не нас,— сказала Сейко своим быстрым голосом, произнося слова жестко, как Агат, как все дальнерожденные.— В Заветах Лиги, которые мы изучаем в детстве, написано: «На планетах, где селятся колонисты, запрещено знакомить местные высокоразумные существа с какими бы то ни было религиозными или философскими доктринами, обучать их каким бы то ни было техническим нововведениям или научным положениям, прививать им иные культурные понятия и представления, а также вступать с ними в парасловесное общение, если они сами это умение не развили. Запреты эти не могут быть нарушены до тех пор, пока Совет региона с согласия Пленума не постановит, что данная планета по степени своего развития готова к прямому контакту или ко вступлению в Лигу...» Короче говоря, это значит, что мы обязаны жить, как живете вы. И в той мере, в какой мы отступили от вашего образа жизни, мы нарушили наш собственный Закон.

— Нам это вреда не принесло,— сказала Ролери.— А вам — особой пользы.

— Ты нас судить не можешь,— сказала Сейко с холодной сухостью, но опять справилась с собой.— Время браться за работу. Ты пойдешь?

Ролери послушно направилась за Сейко к дверям, но, выходя, оглянулась на картину. Она никогда еще не видела ничего столь целостного. Эта мрачная серебристая пугающая сложность действовала на нее почти как присутствие Агата. А когда он был с ней, она боялась его — но только его одного. Никого и ничего другого.

Воины Космопора ушли. Они собирались тревожить идущих на юг гаалей нападениями из засады и партизанскими налетами в надежде, что Откочевка свернет на более безопасную дорогу. Однако никто серьезно не верил в успех, и женщины

заканчивали приготовления к осаде. Сейко и Ролери пришли в Дом Лиги на большой площади, и им вместе с двадцатью другими поручили пригнать стада ханн с дальних лугов к югу от города. Каждая женщина получила сверток с хлебом и творогом из ханьего молока, потому что вернуться они должны были не раньше вечера. Корм оскудел, и ханны теперь бродили на южных пастбищах между пляжем и береговой грядой. Женщины прошли около восьми миль, а потом рассыпались по лугу и повернули обратно, собирая и гоня перед собой все увеличивающееся стадо низкорослых косматых ханн, которые тихо и покорно брели к городу.

Теперь Ролери увидела дальнерожденных женщин по-новому. Прежде их легкие светлые одежды, по-детски быстрые голоса и быстрые мысли создавали ощущение беспомощности и слабости. Но вот они идут среди холмов по оледенелой пожухлой траве, одетые в меховые куртки и штаны, как женщины людей, и гонят медлительное косматое стадо навстречу северному ветру, работая дружно, умело и упорно. А как слушаются их ханны! Словно они не гонят их, а ведут, словно у них есть какая-то особая власть. Они вышли на дорогу, сворачивающую к Лесным Воротам, когда солнце уже село — горстка женщин в море неторопливо трусящих животных с крутыми косматыми крупами. Когда впереди показались стены Космопора, одна из женщин запела. Ролери никогда прежде не слышала этой игры с высотой и ритмом звуков. Ее глаза замигали, горло сжалось, а ноги начали ступать по темной дороге в лад с этим голосом. Другие женщины подхватили песню, и теперь она разносилась далеко вокруг. Они пели об утраченной родине, которую никогда не знали, о том, как ткать одежду и расшивать ее драгоценными камнями, о воинах, павших на войне. А одна песня рассказывала про девушку, которая лишилась рассудка от любви и бросилась в море: «Ах, волны уходят далеко, пока не начнется прилив...» Звонкими голосами творя песню из печали, они гнали вперед стадо — двадцать женщин в пронизанной ветром мгле. Было время прилива, и слева от них у дюн колыхалась и плескалась чернота. Впереди на высоких стенах пылали факелы, преображая Град Изгнания в остров света.

Съестные припасы в Космопоре расходовались теперь очень бережно. Люди ели все вместе в одном из больших зданий на Площади или, если хотели, уносили свою долю к себе домой. Женщины, собиравшие стадо, вернулись поздно. Торопливо поев в странном здании, которое называлось Тэатор: Ролери пошла с Сейко Эсмит в дом женщины Эллы Пасфаль. Она предпочла бы вернуться в пустой дом Агата и остаться одной, но она делала все, что ей говорили. Она больше уже не была незамужней и свободной, она была женой альтеррана и пленницей, хотя они ей этого и не показывали. Впервые в жизни она подчинялась.

Очаг не топился, и все же в высокой комнате было тепло. На стене в стеклянных клетках горели светильники без фитилей. В этом доме, который был больше любого Родового Дома в

Теваре, старая женщина жила совсем одна. Как они выносят одиночество? И как они хранят свет и тепло Лета в стенах своих домов? Весь Год они остаются в этих домах — всю свою жизнь, и никогда не кочуют, никогда не живут в шатрах среди холмов, на просторах летних угодий, кочуя... Ролери рывком подняла голову, которая почти склонилась ей на грудь, и искоса посмотрела на Эллу Пасфаль — заметила ли старуха, что она задремала? Конечно, заметила. Эта старуха замечает все, а Ролери она ненавидит.

Как и все они, эти альтерраны. Старейшины дальнерожденных. Они ненавидят ее, потому что любят Джакоба Агата ревнивой любовью, потому что он взял ее в жены, потому что она — человек, а они — нет.

Один из них что-то говорил про Тевар, что-то очень странное, чему нельзя было поверить. Она опустила глаза, но, наверное, испуг все-таки промелькнул на ее лице, потому что мужчина, которого звали Дермат альтерран, перестал слушать и сказал:

— Ролери, ты не знала, что Тевар захвачен?

— Я слушаю,— прошептала она.

— Наши воины весь день тревожили гаалей с запада,— объяснил дальнерожденный.— Когда гаальские воины ворвались в Тевар, мы атаковали носильщиков и стоянки, которые их женщины разбивали на восточной опушке леса. Это отвлекло часть их сил, и некоторые теварцы сумели выбраться из города, но они и наши люди рассеялись по лесу. Некоторые уже добрались сюда, но про остальных мы пока ничего не знаем... Они где-то в холмах, а ночь холодная...

Ролери молчала. Она так устала, что ничего не могла понять. Зимний Город захвачен, разрушен. Как это может быть правдой? Она ушла от своих родичей, а теперь все они мертвы или скитаются без крова среди холмов в Зимнюю ночь. Она осталась совсем одна. Вокруг звучали и звучали жесткие чужие голоса. Ролери почудилось — и она знала, что это ей чудится,— будто ее ладони и запястья вымазаны кровью. У нее кружилась голова, но она больше не хотела спать. Порой она ощущала, что на мгновение переступает рубеж, первый рубеж Пустоты. Блестящие холодные глаза старухи чародейки Эллы Пасфаль глядели на нее в упор. У нее не было сил пошевелиться. И куда идти? Все мертвы.

И вдруг что-то изменилось. Словно дальний огонек вспыхнул во мраке. Она сказала вслух, но так тихо, что ее услышали только те, кто сидел совсем рядом:

– Агат идет сюда.

– Он передает тебе? — резко спросила Элла Пасфаль.

Ролери несколько мгновений смотрела куда-то рядом со старухой, которой боялась, и не видела ее.

— Он идет сюда,— повторила она.

— Вероятно, он ей не передает, Элла,— сказал тот, которого называли Пилотсоном.— Между ними в какой-то мере существует постоянный контакт.

— Чепуха, Гуру.

— Но почему? Он рассказывал, что на пляже передавал ей с большим напряжением и пробился. По-видимому, у нее врожденный дар. И в результате возник постоянный контакт. Так ведь уже не раз бывало.

— Да, между людьми,— сказала старуха.— Необученный ребенок не способен ни принимать, ни передавать параречь, Гуру. Ну, а врожденный дар — редчайшая вещь в мире. И ведь она даже не человек, а врасу.

Ролери тем временем вскочила, выскользнула из круга, пошла к двери и открыла ее. Снаружи был пустой мрак и холод. Она посмотрела в дальний конец улицы и различила фигуру мужчины, который бежал тяжело и устало. Он вступил в полосу желтого света, падавшего из дверей, и, протягивая руку к ее протянутой руке, тяжело дыша, произнес ее имя. Его улыбка открыла зияющую пустоту на месте трех верхних зубов, грязная повязка выбилась из-под меховой шапки, лицо было серым от усталости и боли. Он ушел в холмы сразу же, как только гаали вступили в Предел Аскатевара — три дня и две ночи тому назад.

Принеси мне воды напиться,— тихо сказал он Ролери, а потом переступил порог, и все остальные столпились вокруг него.

Ролери нашла комнату с очагом для стряпни, а в ней — металлическую тростинку с цветком наверху. В доме Агата тоже был такой цветок: если его повернуть, из тростинки потечет вода. Она нигде ни увидела ни плетенок, ни чаш, а потому налила воду в глубокую складку своей кожаной туники и так понесла ее своему мужу в большую комнату. Он глубокими глотками выпил воду из ее туники. Остальные смотрели с удивлением, а Элла Пасфаль сказала резко:

— В буфете есть чашки.

Но она уже не была чародейкой, ее злоба ранила не больше, чем стрела на излете. Ролери опустилась на колени рядом с Агатом и слушала его голос.

9 После первого снега снова потеплело. Днем светило солнце, иногда накрапывал дождь, ветер дул с северо-запада, ночью слегка подмораживало — словом, погода была такой же, как весь последний лунокруг Осени. Зима мало чем отличалась от того, что ей предшествовало, и не верилось, что действительно бывают снегопады, наваливающие сугробы в несколько десятков футов, как рассказывалось в записях о предыдущих Годах, и что в течение целых лунокругов лед даже не подтаивает. Может быть, так будет позже. А сейчас опасность была одна — гаали...

Словно не замечая воинов Агата, хотя они нанесли несколько чувствительных ударов на флангах их войска, северяне стремительно ворвались в Аскатеварский Предел, разбили лагерь на восточной опушке леса и теперь, на третий день, начали штурмовать Зимний Город. Однако у них, по-видимому, не было намерения

сравнять его с землей — они явно старались уберечь от огня житницы и стада, а возможно, и женщин. Но мужчин они убивали без пощады всех подряд. Может быть, они собирались оставить в городе свой гарнизон — ведь по сведениям, полученным с севера, они проделывали это уже не раз. С наступлением Весны гаали без помех вернутся с юга в покоренные богатые земли.

«Совсем не в духе врасу»,— размышлял Агат, лежа под прикрытием толстого упавшего ствола в ожидании, пока воины его маленького отряда займут позиции, чтобы в свою очередь напасть на Тевар. Он уже двое суток провел под открытым небом — сражался и прятался, сражался и прятался... Ребро, которое ему повредили в лесу, сильно ныло, хотя повязку наложили хорошо, болела полученная накануне неглубокая рана на голове — ему еще повезло, что камень, выпущенный из гаальской пращи, только слегка задел висок. Но благодаря иммунитету раны заживали быстро, и Агат не думал о них — другое дело, если бы была рассечена артерия. Правда, он на минуту потерял сознание и упал, но потом все обошлось. А сейчас ему хотелось пить, тело затекло от неподвижности, но мысли были удивительно ясными: этот короткий вынужденный отдых пошел ему на пользу. Совсем не в духе врасу строить планы так далеко вперед. В отличие от его собственного биологического вида они не воспринимали ни времени, ни пространства в их непрерывной протяженности. Время для них было фонарем, освещающим путь на шаг вперед и на шаг назад, а все остальное сливалось в единую непроницаемую тьму. Время — это Сегодня: вот этот, только этот день необъятного Года. У них не существовало лексики для исторических понятий, а только «сегодня» или «былое время». Вперед они не заглядывали — во всяком случае, не дальше следующего Времени Года. Они не видели времени со стороны, а пребывали внутри его, как фонарь в ночном мраке, как сердце в теле. И так же обстояло дело с пространством. Пространство для них было не поверхностью, по которой проводятся границы, а «пределом», сердцем всех известных земель, где пребывает он сам, его клан, его племя. Вокруг Предела лежали области, обретавшие четкость по мере приближения к ним и сливавшиеся в неясный туман по мере удаления — чем дальше, тем смутнее. Но линий, границ не было. И такое планирование далеко вперед, стремление сохранить завоеванное место через протяженность пространства и времени противоречило всем устоявшимся представлениям. Оно было... чем? Закономерным сдвигом в культуре врасу или нагноением, возникшим под воздействием былых северных колоний Человека?

«В таком случае они впервые заимствовали у нас хотя бы одну идею! — с сардонической улыбкой подумал Агат.— Того гляди, мы начнем подцеплять их простуды. И это нас убьет. Как, вполне возможно, наши представления и идеи убьют их...»

В нем нарастала ожесточенная, но почти неосознанная злоба против теварцев, которые оглушили его, повредили ему ребро, разорвали их союз, а теперь он вынужден смотреть, как их истребляют в их же собственном жалком глиняном городишке прямо у него на глазах. В схватке с ними он оказался беспомощным, а теперь, когда надо спасать их, он тоже почти беспомощен. И он испытывал к ним настоящую ненависть за то, что из-за них так остро ощущал свою беспомощность.

В эту минуту — как раз тогда, когда Ролери пошла назад к Космопору вместе с женщинами, гнавшими стадо,— в овражке у него за спиной среди палой листвы раздался шорох. Шорох еще не успел стихнуть, а он уже навел на овражек свой заряженный дротикомет. Закон культурного эмбарго, который стал для изгнанников основой их этики, запрещал применение взрывчатых веществ, но в первые Годы, когда шли войны с местными врасу, некоторые племена отравляли наконечники стрел и копий. Поэтому врачи Космопора сочли себя вправе составить несколько своих ядов, которыми все еще пользовались охотники и воины. Действовали эти яды по-разному — только оглушали или обездвиживали, убивали мгновенно или медленно. Яд в его дротике был смертелен и за пять секунд парализовал нервные центры крупного животного — даже более крупного, чем гаальский воин. Простой и изящный механизм посылал дротик точно в цель за семьдесят шагов.

— Выходи! — крикнул Агат в мертвую тишину овражка, и его все еще опухшие губы раздвинулись в злой усмешке. Сейчас он даже с удовольствием прикончил бы еще одного врасу.

— Альтерран?

Из серых сухих кустов на дне овражка поднялся врасу и встал прямо, опустив руки. Это был Умаксуман.

— А, черт! — сказал Агат, опуская дротикомет, хотя и продолжал держать палец на спуске. Подавленная ярость разрешилось судорожной дрожью.

— Альтерран,— повторил теварец хрипло,— в шатре моего отца мы были друзьями.

— А потом? В лесу?

Туземец молчал. Широкоплечий, плотно сложенный. В светлых волосах запеклась глина, изнуренное лицо было землистым.

— Я слышал там и твой голос. Если уж вы решили отомстить за сестру, так могли бы не нападать всем скопом, а устроить честный поединок.

Агат все еще не снимал палец со спуска, но, когда Умаксуман заговорил, выражение его лица изменилось: он не надеялся услышать ответ.

— Меня с ними не было. Я догнал их и остановил. Пять дней назад я убил Уквета, моего племянника-брата, который их вел. С тех пор я прячусь в холмах.

Агат поставил дротикомет на предохранитель и отвел взгляд.

— Иди сюда,— сказал он после некоторого молчания, и только тут оба сообразили, что стоят во весь рост и громко разговаривают, а кругом кишат гаальские разведчики.

Когда Умаксуман, упав на землю, заполз под защиту ствола, Агат беззвучно засмеялся.

— Друг, враг, что тут к черту разбирать! На, бери,— добавил он, протягивая врасу ломоть хлеба, который вынул из сумки.— Ролери моя жена вот уже три дня.

Умаксуман молча взял хлеб и начал есть с жадностью изголодавшегося человека.

— Когда вон там слева свистнут, мы все вместе ворвемся в город через пролом в стене у северного угла и попробуем увести еще уцелевших теварцев. Гаали ищут нас у Болот, где мы были утром, а здесь не ждут. Этот наш первый налет на город будет и последним. Хочешь присоединиться к нам?

Умаксуман пожал плечами в знак согласия.

— Оружие у тебя есть?

Молодой теварец поднял и опустил топор. Бок о бок, припав к земле, они молча смотрели на пылающие крыши, на суматошные вспышки движения в узких проходах маленького города на холме перед ними. Серая пелена затягивала небо, ветер приносил едкий запах дыма.

Слева раздался пронзительный свист. Склоны холмов к западу и к северу от Тевара вдруг ожили — маленькие фигурки, пригнувшись, врассыпную перебегали седловину, поднимались по противоположному склону, скапливались у пролома и исчезали в хаосе горящего города.

У пролома воины Космопора объединялись в группы от пяти до двадцати человек, которые затем вступали в бой с рыскавшими по проходам гаалями, пуская в ход дротикометы бола и ножи, или спешно разыскивали теварских женщин и детей и бежали с ними к воротам. Они действовали так быстро и слаженно, что казалось, будто все было заранее отрепетировано. Гаали, занятые истреблением последних защитников города, были застигнуты врасплох.

Агат и Умаксуман кинулись в пролом вместе, и пока они бежали к площади Перестука Камней, к ним один за другим присоединялись космопорские воины. Оттуда по узкому проходу траншее они уже вдесятером пробрались к другой площади, поменьше, и ворвались в один из больших Родовых Домов. Когда они скатились по глиняным ступенькам в подземный сумрак, навстречу им, вопя и размахивая боевыми топорами, бросились белолицые люди с пучками алых перьев в закрученных рогами волосах, готовые защищать свою добычу. Агат нажал на спуск, и дротик влетел прямо в открытый рот одного гааля. И тут же Умаксуман отрубил руку другого, как дровосек отрубает толстый сук. Затем наступила тишина. Женщины молча жались в темном углу. Надрывно заплакал младенец.

— Идите с нами! — крикнул Агат, и несколько женщин пошли к нему, но, разглядев, кто он, остановились как вкопан

ные Возле него в полосе тусклого света, падавшего из открытой двери, возник Умаксуман, сгорбившийся под тяжестью ноши.

— Берите детей, выходите наружу! — загремел он, и, услышав знакомый голос, они послушно двинулись к лестнице.

Агат быстро построил их, поставив своих людей впереди, и подал знак выходить. Они высыпали из Родового Дома и побежали к воротам: странная процессия женщин, детей и воинов во главе с Агатом, который, размахивая гаальским топором, прикрывал Умаксумана, несущего на плечах тяжелую ношу — старого вождя, своего отца Вольда. Ни один гааль не посмел встать у них на пути.

Они выбрались за ворота, проскочили мимо гаалей на склоне, где прежде стояли шатры, и скрылись в лесу, куда устремились и другие группы космопорских воинов вместе со спасенными женщинами и детьми, которые бежали впереди и позади них. Весь налет на Тевар длился не больше пяти минут.

В лесу им повсюду грозила опасность: гаальские разведчики и отряды двигались по тропе к Космопору. Спасенные и спасители, рассыпавшись, поодиночке и по двое углубились в лес южнее тропы. Агат остался с Умаксуманом — молодой воин нес старика и не мог защищаться. Они с трудом продирались сквозь сухой кустарник и бурелом. Но ни один враг не встретился им в серой чащобе древесных скелетов. Где-то далеко позади пронзительно кричала женщина.

Они долго пробирались на юг, а потом на запад, взбираясь и спускаясь по лесистым склонам, и в конце концов по широкой дуге вышли на север к Космопору. Когда Умаксуман совсем обессилел, Вольд попробовал идти сам — медленно, с трудом передвигая ноги. Наконец они выбрались из леса и далеко впереди увидели факелы Града Изгнания, пылающие во мраке над морем, где бушевал ветер. Поддерживая старика под локти, почти волоча его, они поднялись по склону к Лесным Воротам.

Врасу идут! — возвестили часовые, разглядев сперва только светлые волосы Умаксумана. Потом они увидели Агата, и раздались возгласы: — Альтерра! Альтерра!

Навстречу ему бросились люди и проводили в город — друзья, которые сражались с ним бок о бок, подчинялись его приказам и не раз спасали его жизнь все эти три дня засад и стычек в лесах и на холмах.

Они сделали все, что могли. Четыреста человек против орды, движущейся с неумолимым упорством огромной стаи откочевывающих зверей. Не меньше пятнадцати тысяч одних только молодых и здоровых мужчин, решил Агат. Пятнадцать тысяч воинов, а всего от шестидесяти до семидесяти тысяч гаалей с шатрами, грубыми горшками, волокушами, ханнами, постелями из шкур, топорами, наплечными браслетами, досками, к которым привязывают младенцев, кремнями, огнивами — со всем их скудным имуществом и страхом перед Зимой и голодом. Он видел, как гаальские женщины на стоянках сдирали сухой лишайник с упавших стволов и тут же съедали. Ему не

верилось, что маленький Град Изгнания еще цел, еще не сметен этим половодьем свирепости и голода, что над воротами из железа и резного дерева еще пылают факелы и навстречу ему радостно бегут друзья.

Он пытался рассказать им историю этих трех дней. Он говорил:

— Вчера днем мы зашли им в тыл...— Слова падали невесомые, нереальные. И нереальной была эта теплая комната, нереальными были лица мужчин и женщин вокруг, которых он знал всю жизнь.— Земля там... Вся Откочевка двигалась по двум-трем узким долинам, и склоны там обнажены, словно после оползня. Одна глина. И больше ничего. Земля истоптана в пыль. Ничего, кроме глины...

— Но как они могут двигаться такой массой? Что они едят? — пробормотал Гуру.

— Зимние запасы городов, которые захватывают. Все растения в наших краях уже погибли, урожай убран, дичь ушла на юг. Им остается только грабить селения на своем пути и питаться мясом угнанных ханн, чтобы не умереть с голоду, прежде чем они успеют выбраться за границу Зимних снегов.

— Значит, они придут и сюда,— сказал кто-то негромко.

— Наверно. Завтра или послезавтра.

Это было правдой и все равно тоже нереальным. Он провел рукой по лицу и почувствовал под ладонью засохшую грязь, ссадины, распухшие незажившие губы. Раньше его поддерживала мысль, что он обязательно должен прийти в город и рассказать обо всем Совету, но теперь на него навалилась невероятная усталость, он не мог говорить и не слышал их вопросов. Рядом с ним молча стояла на коленях Ролери. Он посмотрел на нее, и она, не поднимая золотистых глаз, сказала очень тихо

— Тебе надо уйти домой, альтерран.

Он не думал о ней все эти бесконечные часы пока сражался, метал дротики, бежал прятался в лесу. Он впервые увидел ее две недели назад, разговаривал с ней по-настоящему не больше трех раз, делил с ней ложе один раз, вступил с ней в брак в Зале Законов рано утром три дня назад, а через час ушел с отрядом в холмы. Он почти ничего о ней не знал, и она даже не принадлежала к его биологическому виду. А через день-другой они почти наверное оба будут убиты. Он беззвучно засмеялся и ласково положил ладонь на ее руку.

— Да, отведи меня домой,— сказал он.

Легкая, изящная, совсем другая, чем все они, она молча встала и ждала в стороне, пока он прощался с остальными.

Он уже сказал ей, что Вольд, Умаксуман и еще двести человек ее племени спаслись из поврежденного Зимнего Города сами или с помощью его отряда и нашли приют в Космопоре. Она тогда не сказала, что хочет пойти к ним. А теперь, когда они поднимались по крутой улице, которая вела от дома Эллы к его дому, она вдруг спросила:

— Для чего вы ворвались в Тевар и спасали людей?

— Для чего? — Вопрос удивил его.— Но ведь они не могли спастись сами.

— Это не причина, альтерран.

Она выглядела робкой женой-туземкой, во всем покорной своему господину. Но он начинал понимать, что на самом деле она упряма, своевольна и очень горда. Голос ее был кроток, но говорила она то, что хотела сказать.

— Нет, это причина, Ролери. Нельзя же сидеть сложа руки и смотреть, как эти дикари режут людей. И я хочу сражаться, ответить на войну войной...

— Ну, а ваш Город? Как вы прокормите тех, кого привели сюда? Если его окружат гаали? Или потом, Зимой?

— Запасов у нас достаточно. Это нас не беспокоит. Нам не хватает воинов.

Он спотыкался от усталости. Но чистый и холодный воздух прояснил его мысли, и в нем затеплился крохотный огонек радости, которой он не испытывал уже давно. Всем своим существом он чувствовал, что эту маленькую передышку среди мрака, эту легкость духа он обрел потому, что рядом с ним идет она. Его так долго давило бремя ответственности за все. А она, посторонняя, чужая, с иной кровью, с иным сознанием, не была причастна его силе, его совести, его знаниям, его изгнанию. Между ними не было ничего общего, но она встретила его и слилась с ним полностью и всецело, как будто их не разделяла непреодолимая стена различий. Казалось, именно эта чуждость, пропастью лежавшая между ними, и толкнула их друг к другу, а соединив, дала им свободу.

Они вошли в незапертую дверь. В высоком узком доме из грубо тесанного камня нигде не горел свет. Этот дом стоял здесь три Года, сто восемьдесят лунокругов. В нем родились его прадед, его дед, его отец и он сам. Он знал его как собственное тело. И входя в этот дом с ней, женщиной из кочевого племени, которой иначе предстояло бы жить то в одном шатре, то в другом, то на одном склоне холма, то на другом, или же в тесной землянке под снегом, он испытал странное удовольствие. Его охватила нежность к ней, которую он не умел выразить, и нечаянно он произнес ее имя, но не вслух, а на параязыке. И сразу же в темноте она обернулась к нему и в темноте посмотрела ему в лицо. Дом и город вокруг них были окутаны безмолвием, И у него в сознании вдруг прозвучало его имя — точно тихий шепот в ночи, точно прикосновение через бездну.

— Ты передала мне! — сказал он вслух, растерянно, изумленно. Она ничего не ответила, но в своем сознании всеми своими нервами, всей своей кровью он вновь услышал ее сознание, которое тянулось к нему: «Агат, Агат...»

10 Старый вождь был крепок. Апоплексический удар, сотрясение мозга, переутомление, долгие часы на холоде, гибель Города — все это он перенес, сохранив в целости не только волю, но и ясность рассудка.

Чего-то он не понимал, что-то лишь изредка вторгалось в его мысли. Он был даже рад, что больше не сидит у огня в душном сумраке Родового Дома, как женщина. Это, во всяком случае, он знал твердо. Ему нравился, всегда нравился возведенный на скалах, полный солнца и ветра город дальнерожденных, который был построен до того, как родился самый старый из ныне живущих людей, и стоит, совсем не изменившись, на своем старом месте. Построен он куда надежнее Тевара. А что случилось с Теваром? Иногда он помнил оглушительные вопли, горящие крыши, изрубленные, изуродованные тела своих сыновей и внуков, а иногда не помнил. Стремление выжить было в нем очень сильно.

До селения дальнерожденных поодиночке, по двое и по трое добирались и другие беженцы — кое-кто даже из захваченных Зимних Городов на севере,— и теперь здесь было уже около трехсот истинных людей. Ощущать свою слабость, свою малочисленность, жить подачками презираемых чужаков было так тягостно и странно, что некоторые теварцы, особенно пожилые мужчины, не могли этого вынести. Они сидели, поджав под себя ноги, пребывая в Пустоте, и зрачки их глаз сжались в крохотные точки, словно они натерлись соком гезина. И женщины тоже — те, кто видел, как их мужей рубили в куски на улицах и у очагов Тевара, те, кто потерял детей,— тяжело заболевали от горя или уходили в Пустоту. Но для Вольда конец Тевара и всего привычного мира сливался с концом его жизни. Он знал, что уже очень далеко ушел по пути к смерти, и с тихим одобрением смотрел на каждый новый день и на всех молодых мужчин, будь то истинные люди или дальнерожденные, ибо сражаться и дальше должны были теперь они.

Солнце лило свет на каменные улицы, на ярко раскрашенные дома, хотя над северными дюнами висела мутно-грязная полоса. На большой площади перед домом, который назывался Тэатор и в котором поселили всех истинных людей, Вольда окликнул какой-то дальнерожденный. Он не сразу узнал Джакоба Агата, а узнав, сказал с хриплым смешком:

— Альтерран! Ты ведь был красивым молодцом! А сейчас у тебя во рту дыра, точно у пернмекских шаманов, которые выламывают себе передние зубы. А где... (он забыл ее имя) где женщина из моего Рода?

— В моем доме, Старейший.

— Ты покрыл себя стыдом,— сказал Вольд.

Он знал, что оскорбляет Агата, но ему было все равно. Конечно, Агат теперь глава над ним, но тот, кто держит в своем доме или шатре наложницу, покрывает себя вечным стыдом. Пусть Агат дальнерожденный, но преступать обычаи не смеет никто.

— Она моя жена. Где же тут стыд?

— Я слышу неверно, мои уши стары,— осторожно сказал Вольд.

— Она моя жена.

Вольд посмотрел прямо на Агата, в первый раз встретившись с ним взглядом. Глаза Вольда были тускло-желтыми, как солнце Зимы, и из-под тяжелых век не проглядывало даже полоски белка. Глаза Агата были темными — темный зрачок, темная радужная оболочка в белой обводке на темном лице: нелегко выдержать взгляд этих странных глаз, неземных глаз.

Вольд отвернул лицо. Вокруг него смыкались большие каменные дома дальнерожденных, чистые, яркие, озаренные солнцем, старые.

— Я взял от вас жену, дальнерожденный,— сказал он наконец,— но я не думал, что кто-то из вас возьмет жену из моего Рода... Дочь Вольда замужем за лжечеловеком и никогда не даст жизнь сыну...

— У тебя нет причины горевать,— сказал молодой дальнерожденный. Он стоял неколебимо как скала.— Я равен тебе, Вольд. Во всем, кроме возраста. Когда-то у тебя была дальнерожденная жена. Теперь у тебя дальнерожденный зять. Тогда ты выбирал сам, а теперь прими выбор своей дочери.

— Это нелегко,— сказал старик с угрюмой простотой и продолжал после некоторого молчания: — Мы не равны, Джакоб Агат. Люди моего племени убиты, а те, кто еще жив, сломлены духом. Ты главный здесь, ты вождь, а я никто. Но я человек, а ты нет. Так разве есть сходство между нами?

— Но между нами хотя бы нет обиды и ненависти,— ответил Агат все так же непреклонно.

Вольд поглядел по сторонам и наконец медленно пожал плечами в знак согласия.

Это хорошо. Значит, мы сможем достойно умереть вместе, сказал дальнерожденный и засмеялся — вдруг, без видимой причины, как всегда смеются дальнерожденные.— Я думаю, гаали нападут через несколько часов, Старейший.

— Через несколько...

— Очень скоро. Возможно, когда солнце будет высоко.— Они стояли возле пустой спортивной площадки, у их ног валялся легкий диск. Агат поднял его и по-мальчишески метнул высоко в воздух. Следя за его полетом, он добавил: — На каждого из нас их двадцать. И если они переберутся через стены или разобьют ворота... Всех дальнерожденных детей я отсылаю с их матерями на Риф. Когда подъемные мосты подняты, взять Риф невозможно, а воды и припасов там достаточно, чтобы пятьсот человек прожили лунокруг. Но оставлять женщин одних не следует. Может быть, ты выберешь несколько своих мужчин и уведешь их туда вместе с теми вашими женщинами, у кого есть дети? Им нужен глава. Ты одобряешь этот план?

— Да. Но я останусь здесь, сказал старик.

— Как хочешь, Старейший,— ответил Агат невозмутимо, и его суровое молодое лицо, все в рубцах, осталось непроницаемым. Но выбери мужчин, которые пойдут вместе с вашими

женщинами и детьми. Уходить надо скоро. Наших женщин поведет Кемпер.

— Я пойду с ними,— сказал Вольд тем же тоном, и Агат словно бы немного растерялся. Значит, и его можно поставить в тупик! Но он тут же невозмутимо согласился. Его почтительность, конечно, лишь вежливое притворство — какое почтение может внушать умирающий, которого не признают вождем даже остатки его собственного племени? Но он оставался почтительным, как бы глупо ни отвечал Вольд. Да, он поистине скала. Таких людей мало.

— Мой вождь, мой сын, мое подобие,— сказал старик с усмешкой, положив ладонь на плечо Агата.— Пошли меня туда, куда нужно тебе. От меня больше нет пользы и мне остается только умереть. Ваша черная скала — плохое место для смерти, но я пойду туда, если ты скажешь...

— Во всяком случае пошли с женщинами двоих-троих мужчин,— сказал Агат.— Надежных, рассудительных людей, которые сумеют успокоить женщин. А мне надо побывать у Лесных Ворот, Старейший. Может быть, и ты пойдешь туда?

Агат стремительно исчез. Опираясь на космопорское копье из светлого металла, Вольд медленно побрел за ним вверх по ступенькам и крутым улицам. На полпути он остановился, чтобы перевести дух, и только тут сообразил, что ему следует вернуться и отослать молодых матерей с их малышами на остров, как просил Агат. Он повернулся и побрел по улице вниз. Глядя на свои шаркающие по камням ноги, он понял, что ему следует послушаться Агата и уйти с женщинами на черный остров здесь он будет только помехой.

Светлые улицы были безлюдны, и только изредка мелькал какой-нибудь дальнерожденный, шагая торопливо и сосредоточенно. Они все знают, что им надо делать, и каждый выполняет свои обязанности, каждый готов. Если бы кланы Аскатевара были готовы, если бы воины выступили на север, чтобы встретить гааля у рубежа, если бы они заглядывали в приближающееся время, как умеет заглядывать Агат... Не удивительно, что люди называли дальнерожденных чародеями. Но ведь на север они не выступили по вине Агата. Он допустил, чтобы женщина встала между союзниками. Знай он, Вольд, что эта девчонка посмела снова заговорить с Агатом, он приказал бы убить ее за шатрами, а тело выбросить в море, и Тевар, возможно, стоял бы и сейчас..

Она вышла из двери высокого дома и, увидев Вольда, застыла на месте.

Хотя она и завязала волосы сзади, как замужняя, он заметил, что одета она по-прежнему в кожаную тунику и штаны с выдавленным трехлепестковым цветком, знаком его Рода.

Они не посмотрели в глаза друг другу.

Она молчала, и в конце концов заговорил Вольд. прошлое это прошлое, а он назвал Агата сыном...

— Ты пойдешь на черный остров или останешься здесь, женщина из моего Рода?

— Я останусь здесь, Старейший.

— Агат отсылает меня на черный остров,— сказал он неуверенно, тяжело переступил с ноги на ногу и сильнее оперся на копье. Холодное солнце освещало его забрызганные кровью меха.

— По-моему, Агат боится, что женщины не пойдут, если ты не поведешь их. Ты или Умаксуман. Но Умаксуман во главе наших воинов охраняет северную стену.

Куда девалась ее шаловливость, ее беззаботная милая дерзость? Она была серьезной и кроткой. И вдруг он ясно вспомнил маленькую девочку, единственного ребенка во всех летних угодьях, дочь Шакатани, летнерожденную.

— Так, значит, ты жена альтеррана? — сказал он, и эта мысль, заслоняя образ непослушной смеющейся девочки, снова сбила его, и он не услышал ее ответа.

— Почему мы все не уйдем из города на остров, раз его нельзя взять?

— Не хватит воды, Старейший. Гаали войдут сюда и мы все умрем на скале.

За крышами Дома Лиги виднелась полоса виадука. Был прилив, и волны поблескивали за черной крепостью на острове.

— Дом, построенный над морской водой,— не жилище для людей,— сказал он угрюмо.— Он слишком близок к стране под морем... Теперь слушай! Я хотел сказать Арилии... Агату. Погоди. Я забыл, о чем. Я не слышу своих мыслей...— Он напряг память, но она оставалась пустой.— Ну, пусть так. Мысли стариков подобны пыли. Прощай, дочь.

Он пошел, тяжело ступая, волоча ноги, через площадь к Тэатору, а там велел молодым матерям собрать детей и идти с ним. Потом он повел свой последний отряд — кучку перепуганных женщин с малышами и трех мужчин помоложе, которых выбрал сопровождать их,— по высокому воздушному пути, где кружилась голова, к черному страшному жилищу.

Там было холодно и тихо. Под сводами высоких комнат перекатывались отголоски плеска и шипения волн на камнях внизу. Его люди сгрудились все вместе в одной огромной комнате. Он пожалел, что с ним нет старой Керли — она была бы надежной помощницей. Но она лежит мертвая в Теваре или в лесу. Наконец две женщины похрабрее заставили остальных взяться за дело. Они нашли зерно, чтобы смолоть его для бхановой каши, и воду, чтобы варить кашу, и дрова, чтобы вскипятить воду. Когда под охраной десяти мужчин пришли женщины и дети дальнерожденных, теварцы могли угостить их горячей едой. В крепости теперь собралось не меньше шестисот человек, и она уже не была пустой: под сводами перекликались голоса и всюду копошились малыши, словно на женской половине Родового Дома в Зимнем Городе. Но за узкими окнами, за прозрачным камнем, который не допускал внутрь ветра, далеко-далеко внизу среди камней вскипали волны, дымясь на ветру.

Ветер повернул, грязная полоса в небе на севере разошлась

туманом, и вокруг маленького бледного солнца повис большой белый круг — снежный круг. Вот оно! Вот что он хотел сказать Агату. Выпадет снег. Не щепотка соли, как в прошлый раз, а снег, настоящий зимний снег. Метель... Слово, которого он так долго не слышал и не произносил, вызвало у него странное чувство. Значит, чтобы умереть, он должен вернуться в унылые однообразные просторы своего детства, он должен вновь вступить в белый мир снежных бурь.

Он все еще стоял у окна, но уже не видел волн, шумящих внизу. Он вспоминал Зиму. Много толку будет гаалям от того, что они захватили Тевар и, может быть, захватят Космопор! Сегодня и завтра они будут обжираться мясом ханн и зерном. Но далеко ли они уйдут, когда повалит снег? Истинный снег, метель с ледяным ветром, которая жнет леса и сравнивает долины с холмами? Как они побегут, когда на всех дорогах их настигнет этот враг! Слишком долго они задержались на севере! Вольд вдруг хрипло засмеялся и отошел от темнеющего окна. Он пережил свое время, своих сыновей, он больше не вождь, от него нет никакой пользы, и он должен умереть здесь, на скале среди моря. Но у него есть великие союзники и великие воины служат ему — они сильнее Агата, сильнее всех людей Метель и Зима вступают в битву на его стороне, и он переживет своих врагов.

Грузно ступая, он подошел к очагу, развязал мешочек с гезином, бросил крошку на угли и трижды глубоко вдохнул. А потом взревел:

— Эй, женщины! Готова каша?

Они послушно подали ему плетенку, и он ел и был доволен.

11 В первый день осады Ролери послали к тем, кто носил воинам на стенах и крышах запасы копий — длинные, почти неотделанные стебли хольна, тяжелые, с грубо заостренным концом. Метко брошенное, такое копье убивало, но и из неопытных рук град таких копий отгонял гаалей, которые пытались приставить лестницу к стене у Лесных Ворот. Она втаскивала бесчисленные связки этих копий по бесконечным ступенькам, на других ступеньках брала их у женщины, стоявшей ниже, и передавала наверх, бежала с ними по улицам, где гулял ветер, и ее ладони и теперь еще горели от тонких, как волоски, колючих заноз. Но сегодня она с рассвета таскала камни для катапулей — похожих на огромные праши камнеметов, которые были установлены у Лесных Ворот. Стоило гаалям подтащить свои тараны, как на них обрушивались тяжелые камни, и они разбегались. Но чтобы кормить катапули, нужно было очень много камней. Мальчики на ближайших улицах выворачивали тесаные каменные бруски, а она и еще семь женщин укладывали их по десять штук в небольшой круглоногий ларец и тащили воинам — восемь женщин, впряженные в веревочную сбрую Тяжелый ларец с каменным грузом не хотел сдвигаться с места, но они налегали на веревки все вместе, и вдруг его круглые ноги поворачивались. Грохоча и дергаясь, он полз за ними

вверх по склону. Они ни на миг не ослабляли усилий, пока не добирались до ворот и не вываливали камни. Тогда они переводили дух, отбрасывали прилипшие к глазам волосы и тащили пустой подпрыгивающий ларец за новым грузом. Снова и снова, и так все утро. Камни и веревки до крови ободрали жесткие ладони Ролери. Она оторвала два широких лоскута от своей тонкой кожаной юбки и примотала их ремешками от сандалий к рукам. Работать стало легче, и другие женщины сделали то же.

— А жалко, что вы не помните, как делать эробили! — крикнула она Сейко Эсмит, когда они бежали вниз по улице, а за ними громыхала неуклюжая повозка.

Сейко не ответила — может быть, она не услышала. Среди дальнерожденных не было слабых духом, и Сейко не щадила себя, но напряжение и усталость сказывались на ней все больше: она двигалась словно во сне. Один раз, когда они возвращались к воротам, гаали начали кидать через стену горящие копья — повсюду на камнях улицы и на черепичных крышах задымились их тлеющие древки. Сейко забилась в постромках, точно попавший в ловушку зверек, пригибаясь и шарахаясь от летящих над головой огненных палок.

— Они погаснут, этот город не загорится,— мягко сказала Ролери, но Сейко, повернув к ней невидящее лицо, пробормотала:

— Я боюсь огня, я боюсь огня...

Однако когда молодому арбалетчику на стене попал в лицо камень из гаальской пращи и он, не удержавшись на узком выступе, сорвался и ударился о землю прямо перед ними, сбив с ног двух женщин в их упряжке и забрызгав им юбки кровью и мозгом, это Сейко бросилась к нему, это она положила разбитую голову себе на колени и прошептала слова прощания.

— Он твой родич? — спросила Ролери, когда Сейко снова впряглась в повозку и они потащили камни дальше.

Дальнерожденная женщина ответила:

— Мы в Городе все родичи. Это был Джокенеди Ли — самый молодой в Совете.

Молодой борец на арене в углу большой площади, сияющий от пота и от торжества, сказавший ей, что в его городе она может ходить, где хочет. Первый дальнерожденный, который заговорил с ней.

Джакоба Агата она не видела с позапрошлой ночи, потому что у всех, кто остался в Космопоре, у каждого дальнерожденного и у каждого человека были свои обязанности и свое место, а место Агата — руководителя пятнадцати сотен защитников города, осажденного пятнадцатью тысячами врагов,— было повсюду. Мало-помалу усталость и голод высасывали ее силы, и ей начало чудиться, будто он тоже лежит распростертый на залитых кровью камнях там, где гаали нападали особенно упорно — у Морских Ворот над обрывом.

Женщины остановились: веселый мальчишка привез им на круглоногой повозке хлеб и сушеные плоды, а маленькая очень серьезная девочка, тащившая на плечах кожаный мешок с водой,

дала им напиться. Ролери ободрилась. Она была уверена, что они все умрут — разве не смотрела она с крыши на холмы, почерневшие от воинов врага? Их столько, что и не сосчитать, а осада едва началась... Но Агата не могут убить, в этом она была уверена еще больше. А раз он будет жить, то будет жить и она. Как смерти осилить его? Ведь он жизнь — ее жизнь. Она сидела на камне и с удовольствием грызла черствый хлеб. Вокруг нее на расстоянии броска копья со всех сторон смыкались ужас, пытки, надругательства, но она сидела и спокойно жевала хлеб. Пока они дают отпор, вкладывая в него все свои силы, все свое сердце, они хотя бы одерживают победу над страхом.

Но скоро все стало очень плохо. Они тянули свой груз к воротам, и внезапно грохот повозки и все звуки вокруг утонули в оглушительном реве по ту сторону ворот — в гуле, точно при землетрясении, таком глубоком и могучем, что его слушали все кости, а не только уши. И створки ворот подпрыгнули на железных петлях, затряслись... Тут она на миг увидела Агата: он бежал во главе отряда лучников и метателей дротиков с того конца города и на бегу выкрикивал распоряжения тем, кто стоял на стенах.

Женщинам было велено укрыться на улицах ближе к площади, и они рассыпались в разные стороны. «Гу-у-у, гу-у-у, гу-у-у»! — ревел голос бесчисленных множеств у Лесных Ворот. Этот гул был таким грозным, что, казалось, вопят холмы, и вот-вот они выпрямятся и сбросят город с утесов в море. Ветер был ледяным. Те, с кем она возила камни, ушли, все запуталось, смешалось... У нее не было никакой работы. Начало темнеть. А день ведь еще не состарился, еще не наступило время ночи. И вдруг она поняла, что действительно скоро умрет, поверила в свою смерть. Застыв на месте, она беззвучно закричала — между высокими пустыми домами, на пустой улице.

В боковом проходе мальчики выворачивали камни и тащили их туда, где улица впадала в главную площадь. Там строили баррикаду перед внутренними воротами. Такие же баррикады росли и на остальных трех улицах. Она начала помогать мальчикам — чтобы согреться, чтобы что-то делать. Они трудились молча — пять-шесть мальчиков, выполнявших почти непосильную для них работу.

— Снег,— сказал один, остановившись рядом с ней.

Она отвела взгляд от камня, который шаг за шагом толкала перед собой, и увидела, что в воздухе кружат белые хлопья, с каждым мгновением становясь все гуще. Остальные мальчики тоже остановились. Ветер больше не дул. Умолк и чудовищный голос у ворот. Снег и темнота пришли вместе и принесли тишину.

— Только поглядите! — ахнул кто-то из мальчиков.

Дальний конец улицы вдруг исчез. Слабое желтоватое сияние было светом в окнах Дома Лиги в сотне шагов от них.

— У нас будет вся Зима, чтобы глядеть на него,— отозвался другой.— Если только мы доживем. Пошли! В Доме уже наверное, подают ужин.

— Ты идешь? — спросил младший у Ролери.

— Мои люди едят не там, а в... в Тэаторе.

— Нет, мы все едим в Доме Лиги, чтобы меньше было возни. Пошли!

Мальчики держались застенчиво, грубовато, по-товарищески. И она пошла с ними.

Ночь наступила рано, день наступил поздно. Она проснулась в доме Агата и увидела серый свет на серых стенах, полоски мути, сочащиеся сквозь щели ставней, которые закрывали стеклянные окна. Кругом стояла тишина, полная тишина. И в доме и снаружи не раздавалось ни единого звука. Откуда такая тишина в осажденном городе? Но осада и гаали словно отодвинулись куда-то далеко, оттесненные этим непонятным утренним безмолвием. Тут было тепло и рядом лежал Агат, погруженный в сон. Она боялась пошевельнуться.

Стук внизу, частые удары в дверь, голоса. Очарование развеялось, лучшее мгновение кончилось. Они зовут Агата. Она разбудила его — это оказалось совсем не легко. Наконец, все еще ослепленный сном, он встал и открыл ставень, впустив в комнату дневной свет.

Третий день осады, первый день метели. Улицы были укрыты глубоким снегом, а он все падал. Иногда густые хлопья опускались спокойно и плавно, но чаще их кружил, бросал и гнал резкий северный ветер. Все было приглушено и преображено снегом. Холмы, лес, поля и луга — все исчезло. Даже небо. Соседние крыши растворились в белизне. Виден был только снег, лежавший и падающий, а дальше не было видно ничего.

На западе вода отступала, откатывалась в бесшумную метель. Виадук изгибался и уходил в ничто. Риф исчез. Ни неба, ни моря. Снег летел на темные утесы, засыпал пляж.

Агат закрыл ставни, опустил крючок и повернулся к ней. Его лицо все еще не утратило сонного спокойствия, голос был хриплым.

— Они не могли уйти,— пробормотал он.

Потому что с улицы ему кричали:

— Гаали ушли! Они сняли лагерь, они бегут на юг...

Как знать? Со стен Космопора были видны только вихри снежных хлопьев. Но не стоят ли чуть дальше за этой завесой тысячи шатров, разбитых, чтобы переждать метель? А может быть, там ничего нет... Со стен на веревках спустились разведчики. Трое вернулись и сказали, что поднялись по склону до леса и не нашли гаалей, однако дальше идти не решились, потому что в двухстах шагах даже города не было видно. Один не вернулся. Захвачен или заблудился?

Совет собрался в библиотеке Дома Лиги. И туда, как обычно, пришли все, кто хотел,— для того, чтобы слушать или принять участие в обсуждении. В Совете теперь осталось восемь человек вместо десяти. Смерть настигла Джокенеди Ли и Гариса, самого

молодого и самого старого. На заседание пришло семеро: Пилотсон нес стражу на стенах. Однако комнату заполнили безмолвные слушатели.

— Они не ушли... Но они не рядом с городом... Кроме... кроме некоторых...

Элла Пасфаль говорила хрипло, на горле у нее билась жилка, лицо стало глинисто-серым. Ей лучше всех дальнерожденных удавалось «слушать мысли», как они это называли. Она была способна улавливать человеческие мысли на очень далеком расстоянии, непосильном для других, и могла слушать их незаметно для того, кто думал.

«Это запрещено!» — сказал Агат так давно... неделю назад? И теперь он говорил против того, чтобы таким способом узнать, ушли ли гаали от Космопора или нет.

— Мы ни разу не нарушили этого закона,— сказал он теперь.— Ни разу за все время Изгнания! — И еще он сказал: — Мы узнаем, где гаали, как только кончится метель. А пока удвоим стражу на стенах.

Но остальные с ним не согласились и поставили на своем. Увидев, что он отступил, смирился с их решением, Ролери растерялась и расстроилась. Он попытался объяснить ей, почему должен был согласиться. Он сказал, что он не Глава Города и не Глава Совета, что десятерых альтерранов выбирают на время и они управляют все вместе, как равные. Но Ролери не могла этого понять. Либо он главный среди них, либо нет. А если нет, то их всех ждет гибель.

Старуха задергалась в судорогах, глядя перед собой невидящими глазами, и попыталась объяснить словами смутные необъяснимые проблески чуждого сознания, мыслящего на неизвестном языке, выразить краткое неясное ощущение чего-то, чего касались чужие руки.

— ...Я держу... я держу... к-канат... в-веревку,— произнесла она, запинаясь.

Ролери вздрогнула от страха и отвращения. Агат отвернулся от Эллы, замкнувшись в себе.

Наконец Элла замерла и долго сидела, опустив голову.

Сейко Эсмит налила церемониальную чашку чая для семи членов Совета и для Ролери. Каждый, едва коснувшись напитка губами, передавал ее соседу, а тот — своему соседу, пока она не опустела. Взяв чашку у Агата, Ролери несколько мгновений изумленно рассматривала ее, прежде чем сделать глоток. Нежно-синяя, тонкая, как цветочный лепесток, она пропускала свет точно драгоценный камень.

— Гаали ушли,— сказала вслух Элла Пасфаль, поднимая измученное лицо.— Они движутся сейчас по какой-то долине между двумя грядами холмов. Это восприняло очень четко.

— Гилнская долина,— пробормотал кто-то.— Милях в десяти за Болотами.

— Они бегут от Зимы. Стены города в безопасности.

— Но закон нарушен,— сказал Агат, и его охрипший голос

заглушил оживленные радостные возгласы.— Стены всегда можно восстановить. Ну, увидим...

Ролери спустилась с ним по лестнице в обширный Зал Собраний, заставленный длинными столами и скамейками, потому что общая столовая помещалась теперь здесь, под золотыми часами и хрустальными шариками планет, обращающихся вокруг своих солнц.

— Пойдем домой,— сказал он, и, надев длинные меховые куртки с капюшонами, которые всем выдавали со склада в подвале Общинного Дома, они вышли на Площадь, навстречу слепящему ветру.

Но не прошли они и десяти шагов, как из валящих хлопьев выскочила нелепая белая фигура, вся в красных разводах, и закричала:

— Морские Ворота! Они ворвались в Морские Ворота!

Агат взглянул на Ролери и скрылся за снежной завесой. И почти сразу с башни вверху донеслись гулкие удары металла о металл, только чуть приглушенные снегом. Эти могучие звуки они называли «колоколом», и еще перед осадой все выучили сигналы. Четыре удара, пять ударов и тишина, потом снова пять ударов, и снова, и снова: все воины к Морским Воротам, к Морским Воротам.

Ролери едва успела оттащить вестника с дороги под аркадами Дома Лиги, как из дверей начали выбегать мужчины, без курток, натягивая куртки на бегу, с оружием и без оружия. Они ныряли в крутящийся снег и исчезли из виду, не успев пересечь Площадь.

Больше из дверей никто не появлялся. Со стороны Морских Ворот сквозь вой ветра доносился шум, но в этом снежном мире он казался очень далеким. Она стояла под аркой, поддерживая вестника. Из глубокой раны у него на шее текла и текла кровь. Он упал бы, если бы она его отпустила. Его лицо было ей знакомо — альтерран, которого зовут Пилотсон, и она повела его к двери, называя по имени, чтобы он пришел в себя. А он пошатывался от слабости и бормотал, словно еще не сообщил своей вести:

— Они ворвались в Морские Ворота, они в стенах города...

12 Высокие узкие створки Морских Ворот гулко захлопнулись, лязгнули засовы. Битва в снежных вихрях кончилась. Но защитники города оглянулись и сквозь сыплющиеся хлопья увидели на улице, за сугробами в красных пятнах, убегающие тени.

Подняв своих раненых и убитых, они поспешно вернулись на Площадь. В такой буран было бессмысленно высматривать осадные лестницы. На стене уже в десяти шагах все сливалось в непроницаемую муть. Гаальский воин, а может быть, и не один, проскользнул в город под самым носом у часовых и открыл Морские Ворота. Нападение удалось отбить, но в любую минуту в любом месте гаали могли начать новый штурм, бросившись на стены всем скопом.

— Я думаю,— сказал Умаксуман, шагая рядом с Агатом к баррикаде между Тэатором и Колледжем,— я думаю, что гаали почти все ушли сегодня на юг.

Агат кивнул.

— Да, конечно. Если они задержатся, то перемрут от голода. Остался только отряд, чтобы занять город, прикончить нас и жить на наших запасах до Весны. Сколько их, как ты полагаешь?

— Там, у ворот, было не больше тысячи,— с сомнением в голосе произнес теварец.— Но могло остаться больше. И если они перебрались через стены... Смотри! — Умаксуман указал на неясную фигуру, которая быстро метнулась в сторону, когда снежная завеса дальше по улице на мгновение раздвинулось.— Ты туда! — буркнул он и бросился налево.

Агат обошел квартал справа и встретился с Умаксуманом у следующего угла.

— Неудача,— сказал он.

— Удача! — коротко ответил теварец и взмахнул гаальским топором с костяной инкрустацией, которого минуту назад у него не было.

В снежном хаосе у них над головой плыл низкий мелодичный звон колокола на башне Дома Лиги — бом, бом-бом, бом, бом-бом, бом... Уходите на Площадь, на Площадь... Все, кто дрался у Морских Ворот, кто нес дозор на стенах и у Лесных Ворот, кто спал у себя дома или пытался следить за врагом с крыш, пришли или еще шли в сердце города, на Площадь, огороженную четырьмя высокими зданиями. Одного за другим их пропускали за баррикады. Умаксуман и Агат тоже, наконец, направились туда. Было бы безумием медлить на опустевших улицах, где прятались неясные тени.

— Идем же, альтерран! — настойчиво сказал теварец, и Агат неохотно внял голосу здравого смысла. Так мучительно было оставлять свой город врагу!

Ветер тем временем стих. И порой в странном безмолвии, полном сложного сплетения звуков, люди на Площади улавливали звон бьющегося стекла, удары топора по двери где-то на улицах, уводивших за завесу метели. Многие дома были оставлены незапертыми, и грабители могли проникнуть в них без всякого труда, но их не ждало там ничего, кроме защиты от снега и ветра. Все съестные припасы до последней крошки были сданы в общий фонд в Доме Лиги еще неделю назад. В прошлую ночь вода и природный газ были отключены во всех домах, кроме четырех зданий на Площади. Фонтаны Космопора больше не били, а на кольца сосулек легли высокие снежные шапки. Склады и зернохранилища помещались глубоко под землей, в подвалах и погребах, много лет назад сооруженных под Общинным Домом и Домом Лиги. Остальные дома в городе стояли пустые, холодные, темные, покинутые, ничего не суля врагам.

— Нашего стада им хватит на целый лунокруг. И корм не понадобится: они зарежут всех ханн, а мясо провялят...— Дермат,

член Совета, прямо на пороге Дома Лиги обрушил на Агата панические упреки.

— Пусть прежде их поймают! — буркнул Агат.

— О чем ты?

— О том, что несколько минут назад, перед тем как уйти от Морских Ворот, мы открыли хлева и выпустили ханн. Со мной был Паул Пастух, и он проецировал панический страх. Они бросились врассыпную как ошпаренные, и буран замел их следы.

— Ты выпустил ханн? Все стадо? А как же мы проживем Зиму? Если гаали уйдут?

— Неужто сигнал паники, который Паул проецировал на ханн, подействовал и на тебя, Дермат? — вспыхнул Агат.— По-твоему, мы не сумеем собрать собственный скот? Ну, а наши запасы зерна? Охота? Сугробники наконец? Да что с тобой, черт побери?

— Джакоб! — тихо сказала Сейко Эсмит, становясь между ними.

Он осознал, что кричит на Дермата, и с усилием взял себя в руки. Но у кого хватит сил, вернувшись после кровавого боя, уговаривать пожилого мужчину, вдруг закатившего истерику? У него отчаянно болела голова. Рана над виском, которую он получил во время одного из налетов на стоянки гаалей, все еще ныла, хотя ей давно было пора затянуться. Из схватки у Морских Ворот он вышел невредимым, но на нем запеклась кровь других людей.

В высокие окна библиотеки, ставни которых были открыты, мягко били снежные хлопья. Наступил полдень, но казалось, что уже смеркается. Внизу была Площадь, защищенная баррикадами с бдительными часовыми, а дальше — покинутые дома, оставленные воинами стены, город снега и теней.

Этот день, день отступления во Внутренний Город и четвертый день осады, они провели за баррикадами, однако ночью, когда метель на время поутихла, по крышам Колледжа наружу выбрались разведчики. К рассвету метель снова разыгралась — а может быть, почти сразу за первым налетел второй буран,— и под прикрытием снегопада и стужи не только мужчины, но и мальчики Космопора начали партизанскую войну на улицах родного города. Они уходили по двое. и по трое, крались по улицам, крышам, комнатам — тени среди теней. Они пускали в ход ножи, отравленные дротики, бола. Они врывались в собственные дома и убивали укрывшихся там гаалей — или гаали убивали их.

Агат, который не знал страха высоты, особенно ловко играл в эту игру на крышах. Занесенная снегом черепица стала коварно скользкой, но оттуда легче всего было поражать гаалей дротиками, и он не мог проти остоять соблазну, тем более что другие такие же забавы — прятки и салочки на улицах, жмурки в домах — обещали ровно столько же шансов уцелеть или погибнуть.

Шестой день осады, четвертый день бурана: в этот день

хлопья сменились снежной крупой — мелкой, редкой, летевшей по ветру горизонтально. Термометры в подвале Общинного Дома, где помещался архив, а теперь был устроен госпиталь, показывали, что температура снаружи равна минус четырем градусам, а анемометр регистрировал порывы ветра со скоростью до шестидесяти миль в час. На улицах творилось что-то ужасное: ветер швырял ледяную крупу в лицо, точно горсти песка, бросал ее в разбитые окна, ставни которых пошли на костры, волнами гнал по расщепленным полам. Если не считать четырех зданий вокруг Площади, в городе не было ни тепла, ни пищи. Гаали пережидали буран, забившись в пустые комнаты, и прямо на полу жгли ковры, разломанные двери, ставни, шкафы. Есть им было нечего — все запасы забрала Откочевка. Они ждали, чтобы погода переменилась — тогда можно будет охотиться, а покончив с защитниками города, благоденствовать на его зимних запасах. Но пока буран не стихал, осаждающие голодали.

Они заняли виадук, хотя пользы им от него не было никакой. Дозорные на Башне Лиги наблюдали их единственную нерешительную попытку захватить Риф — град копий и поднятый подъемный мост сразу же положили ей конец. На песок под обрывом они спускаться не решались: по-видимому, зрелище мчащейся к берегу приливной волны внушило им ужас, а о том, когда ее следует ожидать, они не имели никакого представления, так как пришли сюда из внутренних областей материка. Значит, за Риф можно было не опасаться, и тем, кто особенно хорошо владел параречью, удавалось вступать со своими близкими на острове в достаточно тесный контакт для того, чтобы узнать, что там все идет хорошо и любящие отцы могут не волноваться: все дети здоровы. Да, Рифу ничто не грозило. Но в город враги ворвались и заняли его. Более ста его защитников уже убиты, а остальные заперты в четырех домах как в ловушке. Город снега, теней и крови.

Джакоб Агат, скорчившись, сидел в комнате с серыми стенами. Она была пуста, только на полу валялись присыпанные снегом обрывки войлочного ковра и битое стекло. Дом был погружен в мертвую тишину. Вон там, под окном, раньше лежал тюфяк... Ролери разбудила его на рассвете в тот единственный раз, когда они вместе ночевали в его доме, где он сейчас прячется точно чужой. С горькой нежностью он прошептал ее имя. Когда-то... так давно, так давно — дней двенадцать назад — он сказал, что не может жить без нее, а сейчас у него ни днем, ни ночью не выпадало минуты, чтобы даже вспомнить о ней. «Ну, так я буду думать о ней сейчас, дай мне хотя бы думать о ней!» — яростно бросил он глухой тишине, но подумал только, что они родились не в ту пору, в неположенный срок. Нельзя начинать любить, когда приходит время смерти.

Ветер заунывно свистел в разбитых окнах. Агата пробрала дрожь. Весь день ему было то жарко, то холодно. Термометр продолжал опускаться, и у тех, кто отправлялся на вылазки

по крышам, кожа теряла чувствительность, покрывалась болячками — старики называли это «обмораживанием». Двигаясь, он чувствовал себя лучше. А думать не надо — что толку. По привычке он направился к двери, но тут же спохватился и на цыпочках подошел к окну, через которое влез в комнату. На первом этаже соседнего дома обосновались гаали. Сверху Агату была видна спина одного из них, мускулистая согнутая шея, очень белая под грязью. И волосы у них были светлые, только вымазанные какой-то темной смолой. Странно, что, в сущности, он не знает, как выглядят его враги. Мечешь издалека дротик, наносишь удар и убегаешь или, как в схватке у Морских Ворот, дерешься врукопашную, еле успевая наносить и отражать удары — тут уж некогда разглядывать. А какие у них глаза? Тоже коричневатые или золотистые, как у теварцев? Нет, как будто серые... Но сейчас не время выяснять это. Он вспрыгнул на подоконник, подтянулся на карниз и ушел из своего дома по крыше.

На обычном пути к Площади его ждала засада — гаали тоже начали выбираться на крыши. Он быстро ускользнул от всех преследователей, кроме одного. Но этот, сжимая в руке духовую трубку, следом за ним перемахнул через широкий провал между домами, который остановил остальных. Агату пришлось спрыгнуть в боковой проход. Он упал, вскочил и кинулся по улице Эсмит к баррикаде. Дозорный высматривал появление таких беглецов и сразу сбросил веревочную лестницу. Агат взлетел по ней наверх, но уже на баррикаде ему в правую руку впился дротик. Он спрыгнул за баррикаду, вырвал дротик, высосал ранку и сплюнул. Гаали не отравляли своих дротиков и стрел, но они подбирали и снова использовали дротики космопорцев, в том числе и отравленные. Наглядная демонстрация одной из причин установления Закона о культурном эмбарго. Агат пережил очень скверные две минуты, ожидая, что вот-вот начнутся судороги, потом решил, что ему повезло, и тут же глубокая ранка над запястьем заболела очень сильно. Сможет ли он теперь стрелять как следует?

В Зале Собраний под золотыми часами раздавали обед. Он ничего не ел с рассвета и изнывал от голода, пока не сел за стол с тарелкой горячей бханы и солонины. Тут он почувствовал, что не может проглотить ни куска. Разговаривать ему тоже не хотелось, но это было все-таки лучше, чем есть, и он отвечал на вопросы тех, кто собрался вокруг него, и сам расспрашивал их. Затем на башне над их головой раздался набат — еще один штурм.

Как обычно, гаали бросались то на одну баррикаду, то на другую, и, как обычно, без особого толку. Вести настоящий штурм в такую непогоду было невозможно. И эти короткие налеты в сумерках они устраивали только в надежде, что хотя бы одному-двум воинам удастся проникнуть за баррикаду, воспользовавшись тем, что внимание ее защитников отвлечено, перебежать через Площадь и открыть выходящие на улицу

массивные чугунные двери Общинного Дома. С наступлением темноты нападавшие отступили, и вскоре лучники, стрелявшие из окон верхнего этажа Колледжа и Общинного Дома, крикнули, что на улицах вокруг никого нет. Как обычно, двое-трое защитников баррикады были ранены или убиты — пущенная снизу стрела достала арбалетчика в верхнем окне, мальчик, который взобрался на самый верх баррикады, чтобы точнее попадать в цель, был тяжело ранен в живот копьем с железным наконечником, остальные отделались царапинами и синяками. Каждый день число раненых и убитых увеличивалось, и все меньше оставалось тех, кто охранял баррикады и сражался. Слишком их было мало даже для малых потерь...

Когда Агат вернулся с баррикады, ему опять было жарко и его знобило. Почти все, кого набат оторвал от обеда, вернулись за свои столы, но Агату даже запах еды вдруг стал противен, и, заметив, что ранка на запястье снова начала кровоточить, он воспользовался этим предлогом, чтобы уйти и спуститься в подвал Общинного Дома — пусть костоправ забинтует ее как следует.

В этом огромном зале с низким потолком всегда поддерживалась одна и та же температура, и круглые сутки он освещался мягким ровным светом. Отличное помещение, чтобы хранить старинные инструменты, карты и папки с документами,— и отличное помещение для раненых. Они лежали на тюфяках, разостланных поверх войлочного ковра, крохотные островки сна и боли среди глубокой тишины длинного зала. И он увидел, что надежда его не обманула и между ними на встречу ему идет его жена. Он смотрел на нее — живую, реальную — и не испытывал той горькой нежности, которую вызывали в нем мысли о ней, а просто радовался.

— Здравствуй, Ролери,— буркнул он и, сразу отвернувшись от нее к Сейко и костоправу Воттоку, спросил, как себя чувствует Гуру Пилотсон. Он не знал, что делать с переполнявшим его восторгом, и не мог ни заглушить его, ни справиться с ним.

— Его рана пухнет,— шепотом сказал Вотток, и Агат удивленно посмотрел на него, не сразу сообразив, что он говорит о Пилотсоне.

— Пухнет? — повторил он с недоумением и, подойдя к тюфяку Пилотсона, опустился рядом с ним на колени.

Глаза Пилотсона были устремлены прямо на него.

— Ну, как дела, Гуру?

— Ты совершил опасную ошибку,— сказал раненый.

Они знали друг друга с рождения и были друзьями всю жизнь. Агат сразу понял, о чем думает Пилотсон — о его женитьбе. Но он не нашелся, что ответить.

— Ну, какая разница...— начал он наконец и тут же умолк. Нет, он не станет оправдываться.

— Мало, слишком мало,— сказал Пилотсон.

И только тут Агат понял, что сознание его друга помрачено.

— Все хорошо, Гуру! — сказал он с такой властной твердостью, что Пилотсон глубоко вздохнул и закрыл глаза, словно эти слова его успокоили. Агат встал и вернулся к Воттоку.— Перевяжи мне, пожалуйста, руку, чтобы остановить кровь. А что с Пилотсоном?

Ролери принесла полоску ткани и пластырь. Вотток быстро и ловко забинтовал руку Агата и ответил на его вопрос:

— Я не знаю, альтерран. По-видимому, гаали пользуются ядами, которых наши противоядия не нейтрализуют. Я перепробовал их все. И Гуру Пилотсон не один стал их жертвой. Вот погляди на этого мальчика. С ним то же самое.

Мальчик, которому не минуло и пятнадцати лунокругов, стонал и метался точно в кошмаре. В одной из уличных вылазок его ранили копьем в бедро. Кровь давно остановили, однако под кожей от раны тянулись багровые полосы, а сама она выглядела странно и была очень горячей на ощупь.

— Ты перепробовал все противоядия? — повторил Агат, отводя глаза от искаженного мальчишеского лица.

— Все до единого. А помнишь, альтерран, как в начале Осени ты загнал на дерево клойса и он тебя исцарапал? Эти царапины были похожи на его рану. Может быть, гаали изготовляют яд из крови или желез клойсов. И его рана заживет, как твои царапины. Да, вот шрам...— Вотток повернулся к Сейко и Ролери и объяснил: — Когда он был не старше этого мальчика, он залез на дерево за клойсом, а тот зацепил его когтями. Ранки были пустяковые, но они распухли, рука стала горячей, и он очень плохо себя чувствовал. Однако через несколько дней все зажило.

— Эта рана не заживет,— тихо сказала Ролери Агату.

— Почему ты так думаешь?

— Раньше я... иногда ходила со знахаркой нашего клана. И кое-чему научилась... Полоски у него на ноге... такие полоски называются тропами смерти.

— Значит, ты знаешь этот яд, Ролери?

— Это не яд. Так может случиться с каждой глубокой раной. И даже с самой маленькой, если кровь не течет, а в нее попала грязь. Огонь, зажженный оружием!

— Суеверные выдумки! — гневно перебил старый врач.

— Оружие не зажигает в нас огня, Ролери,— объяснил Агат, бережным движением отводя ее от рассерженного старика.— Мы не...

— Но ведь он горит и в мальчике, и в Пилотсоне! И погляди сюда...

Она повела его к тюфяку, на котором сидел раненый теварец, добродушный пожилой человек. Он охотно позволил Агату осмотреть под волосами место, где было его ухо, которое отрубил гаальский топор. Рана подживала, но она распухла, была горячей и из нее что-то сочилось.

Агат машинально прижал ладонь к виску, к собственной ноющей ране, которую не удосужился даже перевязать.

К ним подошел Вотток. Свирепо поглядев на них в чем не повинного теварца, он сказал:

— Местные врачи называют «огнем от оружия» инфекции, возникающие, когда в кровь попадают микроорганизмы. Ты изучал это в школе, Джакоб. Поскольку люди иммунны к местным бактериям и вирусам, нам опасны только повреждения жизненно важных органов, большая потеря крови или химические яды, но от них у нас есть противоядия...

— Но ведь мальчик умирает, Старейшина,— перебила Ролери с мягким упорством.— Рану зашили, не промыв...

Старый врач задохнулся от бешенства.

— Иди к своим сородичам и не учи меня, как надо лечить людей...

— Довольно! — сказал Агат.

Наступило молчание.

— Ролери! — сказал Агат.— Если ты сейчас здесь не очень нужна, то, может, мы могли бы пойти...— он чуть было не сказал «пойти домой»,— ...поесть чего-нибудь,— закончил он растерянно.

Она еще не обедала и, сидя рядом с ней в Зале Собраний, он тоже съел несколько ложек. Потом они надели куртки и через неосвещенную Площадь, где завывал ветер, пошли к зданию Колледжа. Там они ночевали в классной комнате вместе с двумя другими парами. Большие спальни в Общинном Доме были удобнее, но почти все супружеские пары, если только жена не ушла на Риф, устроились в Колледже, предпочитая хотя бы такое подобие уединения. Одна женщина, укрывшись курткой, уже крепко спала за сдвинутыми партами. К разбитым окнам для защиты от дротиков, стрел и ветра были придвинуты поставленные на ребро столы. Агат и его жена постелили куртки на голый пол. Но Ролери не позволила ему сразу уснуть: она зачерпнула с подоконника чистый снег и промыла им раны у него на голове и руке. Ему было больно, и он, обессиленный усталостью, раздраженно потребовал, чтобы она перестала, но она ответила:

— Ты — альтерран, ты не болеешь, но от этого не будет вреда. Никакого вреда от этого не будет.

13 В холодном мраке пыльной комнаты Агат в бредовом сне иногда начинал говорить вслух, а потом, когда она заснула, он позвал ее из глубины собственного сна, через черную бездну, повторяя ее имя и словно уходя все дальше и дальше. Его голос ворвался в ее дремоту, и она проснулась. Было еще темно.

Утро наступило рано: по краям заслонявших окна столов загорелся серебряный ореол, на потолок легли светлые полосы. Женщина, которая спала, когда они накануне пришли сюда, продолжала спать мертвым сном безмерного утомления, но муж и жена, устроившиеся на одном из столов, чтобы избежать сквозняка, уже проснулись. Агат приподнялся, сел, поглядел по сторонам и хрипло, растерянно сказал:

— Метель кончилась...

Чуть-чуть отодвинув стол, загораживающий ближайшее окно, они выглянули наружу и вновь увидели мир: истоптанный снег на Площади, сугробы, венчающие баррикады, фасады трех величественных зданий справа, слева и напротив, слепо глядящих закрытыми ставнями, заснеженные крыши позади них и кусочек моря. Бело-голубой мир, купающийся в прозрачном свете,— голубые тени в сверкающей белизне повсюду, куда уже достигли лучи раннего солнца.

Этот мир был прекрасен, но они были беззащитны в нем, словно ночью рухнули укрывавшие их стены.

Агат подумал то же, что думала она, так как он сказал:

— Идемте в Дом Лиги, пока еще они не сообразили, что могут спокойно расположиться на крышах и тренироваться на нас в стрельбе по мишеням.

— Можно пользоваться туннелями, соединяющими все здания,— сказал мужчина, спрыгивая со своего стола.

Агат кивнул.

— Мы и будем ими пользоваться, но на баррикады по туннелю не доберешься...

Ролери медлила, пока остальные не ушли, а тогда настояла, чтобы Агат позволил ей еще раз осмотреть рану над виском. Рана выглядела получше.... или, во всяком случае, не хуже На его лице еще не зажили следы ударов ее родичей, а ее руки были все в ссадинах от камней и веревок, в болячках, воспалившихся от холода. Она прижала свои истерзанные руки к его истерзанной голове и засмеялась.

— Мы точно два старых воина,— сказала она.— Джакоб Агат, когда мы уйдем в страну под морем, твои передние зубы ырастут снова?

Он непонимающе посмотрел на нее и попробовал улыбнуться. но у него ничего не получилось.

— Может быть, когда умирает дальнерожденный, он возвращается на звезды... в другие миры, – сказала она и перестала улыбаться.

— Нет,— ответил он и встал. Нет, мы остаемся здесь. Ну, так идем, жена моя.

Хотя и солнце, и небо, и снег сияли ослепительным блеском, воздух снаружи стал таким холодным, что было больно дышать. Они торопливо шли к аркаде Дома Лиги, как вдруг позади них раздался шум. Агат схватился за дротикомет, и они обернулись, готовые броситься в сторону. Странная вопящая фигура словно взлетела над баррикадой и рухнула вперед головой в снег почти рядом с ними. Гааль! С двумя копьями в груди. Дозорные на баррикаде махали руками и вопили. Арбалетчики торопливо натягивали тетиву своего оружия и, задрав головы, смотрели на восточную стену здания над собой — из-за ставней окна на верхнем этаже выглядывал какой-то человек и что-то кричал им. Мертвый гааль лежал ничком на истоптанном окровавленном снегу в голубой тени баррикады.

Один из дозорных подбежал к Агату.

— Альтерран! Они, наверное, сейчас все кинутся на приступ...

Но его перебил человек, выскочивший из дверей Колледжа.

— Нет! Я видел этого! Этот гнался за ним, оттого он и вопил так...

— Кого ты видел? Он что, бросился на приступ в одиночку?

— Он убегал от этого, спасал свою жизнь. А вы там с баррикады разве его не видели? Не удивительно, что он так вопил! Весь белый, бежит, как человек, а шея, альтерран... шея вот такая! Выскочил из-за угла следом за ним, а потом повернул обратно.

— Снежный дьявол,— сказал Агат и посмотрел на Ролери, ища подтверждения. Она кивнула — ведь она не раз слышала рассказ Вольда.

— Белый, и высокий, и голова мотается из стороны в сторону...— она повторила жутковатую пантомиму Вольда, и человек, который видел зверя из окна, воскликнул:

— Да-да!

Агат взобрался на баррикаду взглянуть, не покажется ли снежный дьявол еще раз. Ролери осталась внизу. Она смотрела на мертвеца. В каком же он был ужасе, что, ища спасения, кинулся на вражеские копья! Она впервые видела гааля так близко — пленных не брали, а она почти все время проводила в подземной комнате, ухаживая за ранеными. Гааль был коротконогий и очень худой. Кожа еще белее, чем у нее, и натерта жиром так, что лоснится. В намазанные смолой волосы вплетены алые перья. Не одежда, а одни лохмотья, кусок войлока вместо куртки. Мертвец лежал, раскинув руки и ноги, как застигла его внезапная смерть, уткнувшись лицом в снег, словно все еще старался спрятаться от белого зверя, который гнался за ним... Ролери неподвижно стояла возле него в холодной светлой тени баррикады.

— Вон он! — закричал над ней Агат со ступенчатой внутренней стороны баррикады, сложенной из тесаных брусков уличной мостовой и камней с береговых утесов.

Он спустился к ней, его глаза блестели. Торопливо шагая рядом с ней к Дому Лиги, он говорил:

— На одну секунду он все-таки показался. Перебежал улицу Отейка. На бегу он мотнул головой в нашу сторону. Они охотятся стаями?

Ролери не знала. Она знала только излюбленный рассказ Вольда о том, как он один на один убил снежного дьявола среди мифических снегов прошлой Зимы. Они вошли в переполненную столовую, и Агат, сообщив о случившемся, задал тот же вопрос. Умаксуман сказал твердо, что снежные дьяволы часто бегают стаями, но дальнерожденные, конечно, не могли положиться на слова врасу и пошли справиться со своими «книгами». Книга, которую они принесли в столовую, сказала, что после

первого бурана Девятой Зимы были замечены снежные дьяволы, бежавшие стаей из двенадцати-пятнадцати особей.

— А как говорят книги? У них же нет голоса. Это вроде мысленной речи, вот как ты говоришь со мной?

Агат посмотрел на нее. Они сидели за одним из длинных столов в Зале Собраний и, обжигаясь, пили жидкий травяной суп, который так любят дальнерожденные. Ча — называют они его.

— Нет... А впрочем, да, отчасти. Слушай, Ролери. Я сейчас уйду на баррикаду, а ты возвращайся в госпиталь. Не обращай внимания на воркотню Воттока. Он стар и переутомлен. Но он очень много знает. Если тебе понадобится сходить в другое здание, иди не через Площадь, а по туннелю. Вдобавок к гаальским лучникам еще эти твари...— Он как будто засмеялся.— Что дальше, хотел бы я знать!

— Джакоб Агат, можно, я спрошу...

За то короткое время, которое она его знала, ей так и не удалось распутать, сколько кусков в его имени и какие она должна употреблять.

— Я слушаю,— сказал он очень серьезно.

— А почему ты не говоришь на мысленной речи с гаалями? Вели им, чтобы... чтобы они ушли. Как ты велел мне на песках, чтобы я бежала к Рифу. Как ваш пастух велел ханнам...

— Люди ведь не ханны,— ответил он, и ей вдруг пришло в голову, что из них всех только он и ее соплеменников, и своих соплеменников, и гаалей равно называет людьми.

— Старая... Элла Пасфаль... она же слушала гаалей, когда их большое войско двинулось на юг.

Да. Люди, обладающие этим даром и умеющие им пользоваться, способны даже на расстоянии слышать чужие мысли так, что тот, кто их думает, ничего не замечает. Ну, как в толпе ощущаешь общий страх или общую радость. Конечно, это много проще, чем слышать мысли, но все-таки есть и общее — отсутствие слов. А мысленная речь и восприятие мысленной речи — это совсем другое. Нетренированный человек, если ему передать, сразу замкнет свое сознание, так и не поняв, что он что-то слышит. Особенно если передается не то, чего он сам хочет или во что верит. Обычно те, кто не учился параобщению, обладают полнейшей защитой от него. Собственно говоря, обучение параобщению сводится главным образом к отработке способов разрушать собственную защиту.

— А животные? Ведь они слышат?

— В какой-то степени. Но опять-таки слова здесь отсутствуют. У некоторых людей есть способность проецировать на животных. Очень полезное свойство для охотников и пастухов, ничего не скажешь. Разве ты не слышала, что дальнерожденные — очень удачливые охотники?

— Да. Потому их и называют чародеями. Но, значит, я похожа на ханну? Я слышала тебя.

— Да. И ты передала мне... Один раз в моем доме... Так

иногда бывает между двумя людьми — исчезают все барьеры, вся защита.— Он допил свой ча и задумчиво уставился на узор солнца и сверкающих планет на длинной стене напротив.— В таких случаях необходимо, чтобы они любили друг друга. Необходимо... Я не могу проецировать гаалям мой страх, мою ненависть. Они не услышат. Но если бы я начал проецировать их на тебя, то мог бы тебя убить. А ты меня, Ролери...

Тут прищли и сказали, что его ждут на Площади, и он должен был уйти от нее. Она спустилась в госпиталь, чтобы ухаживать за лежашими там теварцами, как ей было поручено, и чтобы помочь раненому дальнерожденному мальчику умереть. Это была тяжелая смерть, и длилась она весь день. Вотток позволил ей сидеть с мальчиком. Убедившись, что все его знания бесполезны, старый врач то угрюмо и горько смирялся с неизбежным, то впадал в ярость.

— Мы. люди, не умираем вашей мерзкой смертью! — крикнул он один раз в бессильной злобе.— Просто у него какой-то врожденный порок крови!

Ей было все равно, что бы он ни говорил. Все равно было и мальчику, который умер в мучениях, сжимая ее руку.

В большой тихий зал приносили новых раненых — по одному, по двое. Только поэтому она знала, что наверху, на снегу, под яркими лучами солнца идет ожесточенный бой. Принесли Умаксумана. Ему в голову попал камень из гаальской пращи, и он лежал без движения, могучий, красивый. Она смотрела на него с тоскливой гордостью — бесстрашный воин, ее брат. Ей казалось, что его смерть близка, но через некоторое время он сел на тюфяке, встряхнул головой и встал.

— Это что еще за место? — спросил он громким голосом, и, отвечая ему, она чуть не засмеялась. Детей Вольда убить нелегко!

Он рассказал ей, что гаали без передышки осаждают четыре баррикады разом, совсем как у Лесных Ворот, когда они всей толпой ринулись к стенам и лезли на них по плечам друг друга.

— Воины они глупые,— сказал он, потирая большую шишку над ухом.— Если бы у них хватило ума неделю сидеть на крышах вокруг этой Площади и пускать в нас стрелы, у нас не осталось бы людей, чтобы защищать баррикады. Но они только и умеют, что наваливаться всей ордой и вопить...

Он опять потер шишку, сказал: «Куда дели мое копье?» — и ушел сражаться.

Убитых сюда не приносили, их складывали под навесом на Площади, чтобы потом предать сожжению. Может быть, Агата убили, а она об этом не знает... Каждый раз, когда по ступенькам спускались носильщики с новым раненым, в ней вспыхивала надежда: если это раненый Агат, то он жив! Но каждый раз она видела на носилках другого человека. А когда он будет убит, коснется ли его мысль ее мысли в последнем зове? И может быть, этот зов ее убьет?

На исходе нескончаемого дня принесли старуху Эллу Пас-

фаль. Она и еще несколько дальнерожденных ее возраста потребовали, чтобы им поручили опасную обязанность подносить оружие защитникам баррикад. А для этого надо было перебегать Площадь, обстреливаемую врагом. Гаальская стрела насквозь пронзила ее шею от плеча до плеча. Вотток ничем не мог ей помочь. Маленькая черная, очень старая женщина лежала, умирая, среди молодых мужчин. Пойманная ее взглядом, Ролери подошла к ней, так и держа тазик с кровавой рвотой. Суровые, темные, непроницаемые, как камень, старые глаза пристально смотрели на нее, и Ролери ответила таким же пристальным взглядом, хотя среди ее сородичей это было не в обычае.

Забинтованное горло хрипело, губы дергались.

«Разрушить собственную защиту...»

— Я слушаю,— дрожащим голосом произнесла Ролери вслух ритуальную фразу своего племени.

«Они уйдут,— сказал в ее мыслях слабый, усталый голос Эллы Пасфаль.— Попытаются догнать тех, кто ушел на юг раньше. Они боятся нас, боятся снежных дьяволов, домов, улиц. Они полны страха и уйдут после этого последнего усилия. Скажи Джакобу. Я слышу их. Скажи Джакобу... они уйдут... завтра...»

— Я скажу ему,— пробормотала Ролери и заплакала.

Умирающая женщина, которая не могла ни двигаться, ни говорить, смотрела на нее. Ее глаза были как два темных камня.

Ролери вернулась к своим раненым, потому что за ними надо было ухаживать, а других помощников у Воттока не было. Да и зачем идти разыскивать Агата там, на кровавом снегу, среди шума и суматохи, чтобы перед тем, как его убьют, сказать ему, что безумная старуха, умирая, говорила, будто они уцелеют?

Она занималась своим делом, а слезы все катились и катились по ее щекам. Ее остановил один дальнерожденный, который был ранен очень тяжело, но получил облегчение после того, как Вотток дал ему свое чудесное снадобье — маленький шарик, ослаблявший или вовсе прогонявший боль. Он спросил:

— Почему ты плачешь?

Он спросил это с дремотным любопытством, как спрашивают друг друга малыши.

— Не знаю,— ответила она.— Попробуй уснуть.

Однако она, хотя и смутно, знала причину своих слез: все эти дни она жила, смирившись с неизбежным, и внезапная надежда жгла ее сердце мучительной болью, а так как она была всего лишь женщиной, боль заставляла ее плакать.

Тут, внизу, время стояло на месте, но день все-таки, наверное, близился к концу, потому что Сейко Эсмит принесла на подносе горячую еду для нее с Воттоком и для тех раненых, кто был в силах есть. Она осталась ждать, чтобы унести пустые плошки, и Ролери сказала ей:

— Старая Элла Пасфаль умерла.

Сейко только кивнула. Лицо у нее было какое-то сжавшееся и странное. Пронзительным голосом она произнесла:

— Они теперь мечут зажженные копья и бросают с крыш горящие поленья и тряпье. Взять баррикады они не в состоянии и потому решили сжечь здания вместе со складами, а тогда мы все вместе умрем голодной смертью на снегу. Если в Доме начнется пожар, вы здесь окажетесь в ловушке и сгорите заживо.

Ролери ела и молчала. Горячая бхана была сдобрена мясным соком и мелко нарубленными душистыми травами. Дальнерожденные в осажденном городе стряпали вкуснее, чем ее родичи в пору Осеннего Изобилия. Она выскребла свою плошку, доела кашу, оставленную одним раненым, подобрала остатки еще с двух плошек, а затем отнесла поднос Сейко, жалея, что не нашлось еще.

Потом очень долго к ним никто не спускался. Раненые спали и стонали во сне. Было очень тепло: жар газового пламени уютно струился через решетки, словно от очажной ямы в шатре. Сквозь тяжелое дыхание спящих до Ролери иногда доносилось прерывистое «тик-тик-тик» круглолицых штук на стенах. И они, и стеклянные ларцы по сторонам комнаты, и высокие ряды «книг» играли золотыми и коричневыми отблесками в мягком ровном свете газовых факелов.

— Ты дала ему анальгетик? — шепнул Вотток, и она утвердительно пожала плечами, встала и отошла от раненого, возле которого сидела.

Старый костоправ за эти дни словно стал на половину Года старше, подумала Ролери, когда он сел рядом с ней у стола, чтобы нарезать еще бинтов. А знахарь он великий! И видя его усталость и уныние, она сказала, чтобы сделать ему приятное:

— Старейшина, если рану заставляет гнить не огонь от оружия, то что?

— Ну... особые существа. Зверюшки, настолько маленькие, что их не видно. Показать их тебе я мог бы только в специальное стекло, вроде того, которое стоит вон в том шкафу. Они живут почти повсюду. И на оружии, и в воздухе, и на коже. Если они попадают в кровь, тело вступает с ними в бой — от этого раны распухают и происходит все остальное. Так говорят книги. Но как врачу мне с этим иметь дело никогда не приходилось.

— А почему эти зверюшки не кусают дальнерожденных?

— Потому что не любят чужих! — Вотток невесело усмехнулся своей шутке.— Мы ведь здесь чужие, ты знаешь. Мы даже не способны усваивать здешнюю пищу, и нам для этого приходится время от времени принимать особые ферментирующие вещества. Наша химическая структура самую чуточку отклоняется от здешней нормы, и это сказывается на цитоплазме... Впрочем, ты не знаешь, что это такое. Ну, короче говоря, мы сделаны не совсем из такого материала, как вы, врасу.

— И потому у вас темная кожа, а у нас светлая?

— Нет, это значения не имеет. Чисто поверхностные различия — цвет кожи, волос, радужной оболочки глаз и прочее. А настоящее отличие спрятано очень глубоко, и оно крайне мало — одна-единственная молекула во всей цепочке,— сказал Вотток со вкусом, увлекаясь собственными объяснениями.— Тем не менее вас, врасу, можно отнести к Обыкновенному Гуманоидному Типу. Так записали первые колонисты, а уж они-то это знали. Однако такое различие означает, что браки между нами всегда будут бесплодными, что мы не способны усваивать местную органическую пищу без помощи дополнительных ферментов, а также не реагируем на ваши микроорганизмы и вирусы... Хотя, честно говоря, роль ферментирующих веществ преувеличивают. Стремление во всем следовать примеру Первого Поколения где-то начинает превращаться в чистейшей воды суеверия. Я видел людей, возвращавшихся из длительных охотничьих экспедиций... не говоря уж о беженцах из Атлантика прошлой Весной. Ферментные таблетки и ампулы кончились у них за два-три лунокруга до того, как они перебрались к нам, а пищу, между прочим, их организмы усваивали без малейших затруднений. В конце-то концов жизнь имеет тенденцию адаптироваться...

Вотток вдруг умолк и уставился на нее странным взглядом. Она почувствовала себя виноватой, потому что ничего не поняла из его объяснений — всех главных слов в ее языке не было.

— Жизнь... что? — робко спросила она.

— Адаптируется. Приспосабливается. Меняется! При достаточном воздействии и достаточном числе поколений благоприятные изменения, как правило, закрепляются... Быть может, солнечное излучение мало-помалу вызывает приближение к местной биохимической норме... В таком случае все эти преждевременные роды и мертворожденные младенцы представляют собой издержки адаптации или же результат биологической несовместимости матери и изменяющегося эмбриона...— Вотток перестал размахивать ножницами и склонился над бинтами, но тут же опять поднял на нее невидящий сосредоточенный взгляд и пробормотал: — Странно, странно, странно! Это означает, знаешь ли, что перекрестные браки перестанут быть стерильными.

— Я снова слушаю,— прошептала Ролери.

— ...что от браков людей и врасу будут рождаться дети!

Эти слова она поняла, но ей осталось непонятно, сказал ли он, что так будет, или что он этого хочет, или что этого боится.

— Старейшина, я глупа и не слышу тебя,— сказала она.

— Ты прекрасно его поняла! — раздался рядом слабый голос. Пилотсон альтерран лежал с открытыми глазами.— Так ты думаешь, что мы в конце концов все-таки стали каплей в ведре, Вотток? — Пилотсон приподнялся на локте. Темные глаза на исхудалом воспаленном лице лихорадочно блестели.

— Раз у тебя и у некоторых других раны загноились, это надо как-то объяснить.

— Ну, так будь проклята адаптация! Будь прокляты твои перекрестные браки и нормально рождающиеся ублюдки! — крикнул раненый, глядя на Ролери.— До тех пор, пока мы не смешивали своей крови с чужой, мы представляли Человечество. Мы были изгнанниками, альтерранами, людьми! Верными знаниям и законам Человека! А теперь, если браки с врасу будут давать потомство, не пройдет и Года, как наша капля человеческой крови исчезнет без следа. Разжижится, растворится, превратится в ничто. Никто не будет пользоваться этими инструментами и читать эти книги. Внуки Джакоба Агата будут до скончания века сидеть, стуча камнем о камень, и вопить... Будьте вы прокляты, глупые дикари! Почему вы не можете оставить нас в покое, в покое!

Он трясся от озноба и ярости. Старый Вотток, который тем временем наливал что-то в один из своих маленьких пустых внутри дротиков, нагнулся и ловко всадил дротик в руку бедного Пилотсона чуть пониже плеча.

— Ляг, Гуру,— сказал он, и раненый послушался. На его лице была растерянность.

— Мне все равно, если я умру от ваших паршивых вирусов,— сказал он сипнущим голосом.— Но своих проклятых ублюдков держите отсюда подальше, подальше от... от Города...

— Это его на время успокоит,— сказал Вотток со вздохом и замолчал.

А Ролери снова взялась за бинты. Такую работу она выполняла ловко и быстро. Старый доктор следил за ней, и лицо его было хмурым и задумчивым.

Когда она выпрямилась, чтобы дать отдохнуть спине, то увидела, что старик тоже заснул — темная кучка костей и кожи в углу позади стола. Она продолжала работать, размышляя, верно ли она поняла его и правду ли он говорил — что она может родить Агату сына.

Она совсем забыла, что Агат, возможно, уже лежит убитый. Она сидела среди погруженных в сон раненых, под гибнущим городом, полном смерти, и думала о том, что сулила им жизнь.

14 Вечер принес с собой стужу. Снег, подтаявший под солнечными лучами, смерзся в скользкую ледяную корку. Прячась на соседних крышах и чердаках, гаали пускали и пускали свои вымазанные смолой стрелы, и они проносились в холодном сумрачном воздухе точно ало-золотые огненные птицы. Крыши четырех осажденных зданий были медными, стены — каменными, и пламя бессильно угасало. Баррикады уже никто не пытался брать приступом. Прекратился и дождь стрел — и с железными, и с огненными наконечниками. С верха баррикады Джакоб Агат смотрел на пустые темнеющие улицы между темными домами.

Осажденные приготовились к ночному штурму — положение

гаалей, несомненно, было отчаянным. Но холод все усиливался. Наконец Агат назначил дозорных, а остальных отправил с баррикад заняться своими ранами, поесть и отдохнуть. Если им трудно, то гаалям должно быть еще труднее — они хотя бы одеты тепло, а гаали совсем не защищены от такого холода. Даже отчаяние не выгонит северян, кое-как укутанных в обрывки шкур и войлока, под этот страшный прозрачный свет льдистых звезд. И защитники уснули — кто прямо на своих постах, кто вповалку в вестибюлях, кто под окнами вокруг костров, разведенных на каменном полу высоких каменных комнат, а их мертвые лежали, окостенев, на оледенелом снегу у баррикад.

Агат не мог спать. Он не мог уйти в теплую комнату и оставить Площадь. Весь день они сражались здесь не на жизнь, а на смерть, но теперь Площадь лежала в глубоком безмолвии, а над ней горели созвездия Зимы — Дерево, и Стрела, и пятизвездный След, а над восточными крышами пылала сама Снежная Звезда. Звезда Зимы. Они сверкали кристаллами льда в глубокой холодной черноте ночи.

Он знал, что эта ночь — последняя. Может быть, его последняя ночь, может быть, его города, а может быть, осады. Три исхода. Но как выпадет жребий, он не знал. Шли часы. Снежная Звезда поднималась все выше, Площадь и улицы вокруг тонули в безмерной тишине, а в нем росло и росло странное упоение, непонятное торжество. Они спали, враги, замкнутые стенами города, и казалось, бодрствует лишь он один, а город принадлежит ему со всеми спящими, со всеми мертвецами — ему одному. Это была его ночь.

И он не стал коротать ее, запертый в ловушке внутри ловушки. Предупредив сонного часового, он поднялся на баррикаду перед улицей Эсмит и спустился с другой стороны.

— Альтерран! — крикнул кто-то вслед ему хриплым шепотом, но он только обернулся, жестом показал, чтобы они держали веревку наготове к его возвращению, и пошел вперед по самой середине улицы. Он чувствовал себя неуязвимым, и не подчиниться этому ощущению — значило накликать неудачу. И он шагал по темной улице среди врагов так, словно вышел погулять после обеда.

Он прошел мимо своего дома, но не свернул к нему. Звезды исчезали за черными островерхими крышами и снова появлялись, зажигая искры во льду под ногами. Потом улица сузилась, чуть повернула между домами, которые стояли пустые, еще когда Агат не родился, и вдруг завершилась небольшой площадью перед Лесными Воротами. Катапульты еще стояли на своем месте, но гаали начали их ломать и разбирать на топливо. Возле каждой чернела куча камней. Створки высоких ворот, распахнувшиеся в тот день, теперь были снова заперты и крепко примерзли к земле. Агат поднялся по лестнице надвратной башни и вышел на дозорную площадку. Он вспомнил, как перед самым началом снегопада стоял здесь и видел внизу идущее на приступ гаальское войско — ревущую толпу, которая накаты-

валась, точно волна прилива на пески, грозя смести перед собой все. Будь у них больше лестниц, осада кончилась бы тогда же.. А теперь нигде ни движения, ни звука. Снег, безмолвие, звездный свет над гребнем и над мертвыми оледенелыми деревьями, которые его венчают.

Он повернулся и посмотрел на Град Изгнания — на маленькую кучку крыш, уходящих вниз от его башни к стене над обрывом. Над этой горсткой камня звезды медленно склонялись к западу. Агат сидел неподвижно, ощущая холод даже под одеждой из крепкой кожи и пушистого меха, и тихо-тихо насвистывал плясовой мотив.

Наконец запоздалое утомление бесконечного дня нахлынуло на него, и он спустился со своей вышки. Ступеньки оледенели. На предпоследней он поскользнулся, уцепился за каменный выступ, чтобы удержаться, и краем глаза уловил какое то движение по ту сторону маленькой площади.

Из черного провала улицы между двумя домами прибли жалось что-то белое, чуть поднимаясь и опускаясь, словно волна в ночной тьме. Агат смотрел и не понимал. Но тут оно вы скочило на площадь — что-то высокое, тощее, белое быстро бежало к нему в смутном свете звезд, точно человек. Голова на длинной изогнутой шее покачивалась из стороны в сторону Приближаясь, оно издало хрипловатое чириканье.

Дротикомет он взвел, еще когда спрыгнул с баррикады, но рука плохо слушалась из-за раны в запястье, а пальцы в перчатке плохо гнулись. Он успел выстрелить, и дротик попал в цель, но зверь уже кинулся: короткие когтистые передние лапы вытянулись вперед, голова странным волнообразным движением надвинулась на него, разинулась круглая зубастая пасть. Он упал под ноги зверю, пытаясь повалить его и увернуться от щелкающей пасти, но зверь оказался быстрее. Он почувствовал, что когти передних, таких слабых на вид, лап одним ударом разорвали кожу его куртки и всю одежду под ней, почувствовал, что парализован чудовищной тяжестью. Неумолимая сила запрокинула его голову, открывая горло... И он увидел, как звезды в неизмеримой вышине над ним бешено закружились и погасли

В следующий миг он стоял на четвереньках, упираясь ладонями в ледяные камни рядом с вонючей грудой белого меха, которая вздрагивала и подергивалась. Яд в дротике подействовал ровно через пять секунд и чуть было не опоздал на секунду Круглая пасть все еще открывалась и закрывалась: ноги с плоскими широкими ступнями сгибались и разгибались, точно снежный дьявол продолжал бежать. «Снежные дьяволы охотятся стаями»,— вдруг всплыло в памяти Агата, пока он старался отдышаться и успокоиться. Снежные дьяволы охотятся стаями... Он неуклюже, но тщательно перезарядил дротикомет и, держа его наготове, пошел назад по улице Эсмит. Он не бежал, чтобы

не поскользнуться на льду, но уже и не прогуливался. Улица по-прежнему была пустой и тихой — и бесконечно длинной.

Но, подходя к баррикаде, он снова насвистывал.

Агат крепко спал на полу комнаты в Колледже, когда их лучший арбалетчик, молодой Шевик, потряс его за плечо и настойчиво зашептал:

— Проснись, алтерран! Ну проснись же! Скорее идем...

Ролери так и не пришла. Две другие пары, с которыми они делили комнату, крепко спали.

— Что такое? Что случилось? — вскочив, бормотал Агат еще сквозь сон и натягивал разорванную куртку.

— Идем на башню!

Больше Шевик ничего не сказал.

Агат покорно пошел за ним, но тут сон развеялся, и он все понял. Они перебежали Площадь, серую в первых слабых лучах рассвета, торопливо поднялись по винтовой лестнице на Башню Лиги, и перед ними открылся город. Лесные Ворота были распахнуты.

Между створками теснились гаали и толпами выходили наружу.

В рассветной мгле трудно было разглядеть, сколько их — не меньше тысячи или даже двух, говорили дозорные на башне, но они могли и ошибиться: внизу у стен и на снегу мелькали лишь неясные тени. Они группами и поодиночке появлялись за воротами, исчезали под стенами, а потом неровной растянутой линией вновь появлялись выше на склоне, размеренной трусцой удаляясь на юг, и вскоре вовсе скрывались из виду — то ли их поглощал серый сумрак, то ли складки холма. Агат все еще смотрел им вслед, когда горизонт на востоке побелел и по небу до зенита разлилось холодное сияние.

Озаренные утренним светом дома и крутые улицы города были исполнены покоя.

Кто-то ударил в колокол на башне, и прямо у них над головами ровно и часто загремела бронза о бронзу, оглушая, ошеломляя. Зажав уши, они бросились вниз, а навстречу им уже поднимались другие люди. Они смеялись, они окликали Агата, старались его остановить, но он бежал и бежал по гудящим ступенькам под торжествующий звон, а потом очутился в Зале Собраний. И в этой огромной, шумной, набитой людьми комнате, где на стенах плыли золотые солнца, а золотые циферблаты отсчитывали Годы и Годы, он искал чужую, непонятную женщину — свою жену. А когда нашел и взял ее за руки, то сказал:

— Они ушли, они ушли, они ушли...

А потом повернулся и во всю силу легких закричал всем и каждому:

— Они ушли!

Все тоже что-то кричали ему, кричали друг другу, смеялись и плакали. А он опять взял Ролери за руку и сказал:

— Пойдем со мной. Пойдем на Риф.

Волнение, торжествующая радость оглушили его, ему не терпелось пройтись по улицам, убедиться, что город снова принадлежит им. С Площади еще никто не уходил, и когда они спустились с западной баррикады, Агат достал дротикомет.

— У меня вчера вечером было неожиданное приключение,— сказал он Ролери, а она посмотрела на зияющую прореху в его куртке и ответила:

— Я знаю.

— Я его убил!

— Снежного дьявола?

— Вот именно.

— Ты был один?

— Да. И он, к счастью, тоже.

Она быстро шла рядом с ним, но он заметил, каким встревоженным стало ее лицо, и громко засмеялся от радости.

Они вышли на виадук, повисший под ледяным ветром между сияющим небом и темной водой в белых разводах пены

Колокол и параречь уже доставили на Риф великую новость, и подъемный мост-опустился, как только они подошли к нему Навстречу выбежали мужчины, женщины, сонные, закутанные в меха ребятишки, и вновь начались крики, расспросы, объятия

За женщинами Космопора робко и хмуро жались женщины Тевара. Агат увидел, как Ролери подошла к одной из них — довольно молодой, с растрепанными волосами и перепачканным лицом. Почти все они обрубили волосы и выглядели грязными и оборванными — даже трое-четверо их мужчин, оставшихся с ними на Рифе. Их вид был точно темный мазок на сияющем утре победы. Агат заговорил с Умаксуманом, который пришел следом за ним собрать своих соплеменников. Они стояли на подъемном мосту под отвесной стеной черной крепости. Врасу столпились вокруг Умаксумана, и Агат сказал громко, так, чтобы все они слышали:

— Люди Тевара защищали наши стены бок о бок с Людьми Космопора. Они могут остаться с нами или уйти, жить с нами или покинуть нас, как им захочется. Ворота моего города будут открыты для вас всю Зиму. Вы свободны выйти из них и свободны вернуться желанными гостями!

— Я слышу,— сказал теварец, склонив светловолосую голову.

— А где Старейший? Где Вольд? Я хочу сказать ему...

И тут Агат по-новому увидел перепачканные золой лица и грубо обрубленные волосы. Как знак траура. Поняв это, он вспомнил своих мертвых — друзей: родственников,— и безрассудное упоение победой угасло в нем. Умаксуман сказал:

— Старейший в моем Роде ушел в страну под морем вслед за своими сыновьями, которые пали в Теваре. Он ушел вчера. Они складывали рассветный костер, когда услышали колокол и увидели, что гааль уходит на юг.

— Я хочу стоять у этого костра,— сказал Агат, глядя на Умаксумана. Теварец заколебался, но пожилой мужчина рядом сказал твердо:

— Дочь Вольда — его жена и у него есть право клана.

И они позволили ему пойти с Ролери и с теми, кто уцелел из их племени, на верхнюю террасу, повисшую над морем. Там, на груде поленьев лежало тело старого вождя, изуродованное старостью, но все еще могучее, завернутое в багряную ткань цвета смерти. Маленький мальчик поднес факел к дровам, и по ним заплясали красно-желтые языки пламени. Воздух над ними колебался, а они становились все бледнее и бледнее в холодных лучах восходящего солнца. Начинался отлив, вода гремела и шипела на камнях под отвесными черными стенами. На востоке, над холмами Аскатевара, и на западе, над морем: небо было чистым: но на севере висел синеватый сумрак. Дыхание Зимы.

Пять тысяч ночей Зимы, пять тысяч ее дней — вся их молодость, а может быть, и вся их жизнь.

Какую победу можно было противопоставить этой дальней синеватой тьме на севере? Гаали... что гаали? Жалкая орда, жадная и ничтожная, опрометью бегущая от истинного врага, от истинного владыки, от белого владыки Снежных Бурь. Агат стоял рядом с Ролери, глядя на угасающий погребальный костер высоко над морем, неустанно осаждающим черную крепость, и ему казалось, что смерть старика и победа молодого — одно и то же. И в горе и в гордости было меньше правды, чем в радости — в радости, которая трепетала на холодном ветру между небом и морем, пылающая и недолговечная, как пламя. Это его крепость, его Город, его мир. И это — его соплеменники. Он не изгнанник здесь.

— Идем,— сказал он Ролери, когда последние багровые искры угасли под пеплом.— Идем домой.

ГОРОД ИЛЛЮЗИЙ

Фантастический роман

1 Представьте себе тьму. Во тьме, которая противостояла солнцу, пробудился какой-то безгласный дух.

Погруженный всецело в хаос, он не ведал, что такое порядок. Он не знал языка и не знал, что тьма зовется ночью.

По мере того, как разгоралась заря, он шевельнулся, пополз, побежал, то падая на четвереньки, то выпрямляясь во весь рост, но куда он шел, было ему неведомо. Он не знал пути в мире, в котором пребывал, так как само понятие «путь» заключало в себе его начало и его конец. Все, что относилось к нему, было перемешано и запутано, все вокруг противилось ему. Неразбериха бытия усугублялась силами, для которых у него не было названия — страхом, голодом, жаждой, болью.

Сквозь дремучую чащу действительности он брел наугад в тишине, пока его не остановила ночь — самая могучая из этих сил.

Когда вновь забрезжил рассвет, он опять двинулся неизвестно куда. Неожиданно он очутился среди яркого света на поляне, выпрямился и какое-то время стоял неподвижно. Затем закрыл глаза руками и закричал.

Парт увидела его на опушке леса, когда сидела за прялкой в залитом солнцем саду. Она позвала других учащенным биением своего мозга. Но страх ей был неведом, и к тому времени, когда остальные вышли из дома: она уже пересекла поляну и оказалась рядом со страшной фигурой, которая раболепно припала к земле среди высоких созревших трав. Когда они подошли к ней поближе, то увидели, что она положила руки ему на плечи и, низко склонясь над ним, говорила что-то тихое и ласковое.

Она повернулась к ним и удивленно произнесла:

— Вы видите, какие у него глаза?

Они действительно были огромными, радужная оболочка цвета потускневшего янтаря напоминала своей формой вытянутый овал, глазных белков не было видно вовсе.

— Как у кошки,— сказала Гарра.

— Как желток яйца,— вставил Най.

Он высказал при этом некоторую неприязнь, вызванную этой небольшой, но довольно существенной разницей: отличавшей это существо от человека.

Во всем остальном незнакомец был обычным мужчиной: на лице которого и на обнаженном теле бесцельное продирание через лес оставило царапины. Отличала его только чуть более светлая кожа, в то время как у людей, окружавших его, она была коричневой.

Пока он раболепно прижимался к земле, как бы укрываясь от солнечного света и трясясь от страха и истощения, они тихо обсуждали его внешность.

Хотя Парт заглянула прямо в его необычные глаза, она не узрела в них ни искры того, что было свойственно человеку

Он был глух к речи и не понимал их жестов.

— Глупый или немного не в своем уме,— подытожил общее мнение Зоув.— А также истощенный. Но это мы можем легко поправить.

С этими словами Кай и юный Турро то ли затащили, то ли завели волочившее ноги существо в дом. Там им вместе с Парт и Баки удалось накормить и помыть: а потом уложить незнакомца на жесткое ложе, не забыв об уколе снотворного в вену, чтобы тот не мог убежать из этого гостеприимного места.

— А может быть: он синг? — спросила Парт у своего отца

— А ты? Или я? Не будь наивной: моя дорогая,— ответил Зоув.— Если бы я мог ответить на этот вопрос: я смог бы тогда освободить Землю. Тем не менее, я надеюсь все-таки определить безумен он или нет и откуда к нам пришел. Кроме того, может быть мне удастся разгадать тайну его желтых глаз. Разве людей скрещивают с котами или соколами? Такого не было в былые дни до упадка человеческой цивилизации Попроси Кретьян, чтобы она вышла на веранду, дочка

Парт помогла своей слепой двоюродной сестре Кретьян подняться по лестнице на тенистый прохладный балкон, где спал незнакомец. Зоув и его сестра Карел по прозвищу Баки ждали их там Он сидели, поджав под себя ноги и выпрямив спины

Баки возилась со своей рамой, на которую наносила узор. Зоув вообще ничего не делал. Брат и сестра прожили бок о бок много лет и научились легко понимать друг друга. Их коричневые лица были насторожены и в то же время спокойны. Девочки сидели у их ног, не смея нарушить тишину. У Парт был красновато-коричневый цвет кожи и пышные блестящие длинные черные волосы. Из одежды на ней ничего не было, кроме свободных серебристых штанов Кретьян была чуть постарше, смуглая и хрупкая. Красная повязка прикрывала ее пустые глазницы и удерживала на затылке пышные волосы. Как и у матери, на ней была туника из искусно сотканной материи. Было жарко. Летний полдень буйствовал в саду под балконом и дальше в холмистых полях Поляны. Со всех сторон их окружал лес — с одной стороны он так близко подходил к дому что отбрасывал тень своих ветвей на стену дома С других сторон он был так далеко, что казался окутанным глубоватой дымкой.

Все четверо сидели молча. Все вместе и порознь связанные друг с другом чем-то большим, чем слова.

– Янтарные бусы продолжают скатываться неизвестно куда,— сказала Баки

Она улыбнулась и отставила свою работу с пересекавшимися алмазными струнами

— Все твои бусы попадают куда-то в Простор,— сказал ее брат.— Это все подавляемый тобой мистицизм. Ты кончишь так же, как наша мать, со своей способностью видеть узоры в пустой рамке.

— Подавляемая чепуха? — Баки скривилась.— Я никогда ничего не подавляла в себе за всю жизнь.

— Кретьян,— обратился Зоув к племяннице.— У него шевельнулись веки. Он, наверное, сейчас в фазе сновидения.

Слепая девушка подошла к ложу.

Она вытянула руки, и Зоув нежно положил их на лоб незнакомца. Все начали прислушиваться. Но слышать могла только Кретьян.

Через некоторое время она подняла склоненную голову.

— Ничего,— сказала она как-то настороженно.

— Совсем ничего?

— Сплошной беспорядок. У него нет разума.

— Кретьян, дай-ка я расскажу тебе, как он выглядит. Ноги у него когда-то ходили, руки натруженные. Сон и лекарства смягчили сейчас его лицо, но только работающий мозг смог бы быть причиной всех этих морщин.

— Как он выглядел: когда не спал?

— Он был напуган,— сказала Парт,— и смущен.

— Он, возможно, какой-нибудь пришелец,— предположил Зоув,— не землянин... Хотя, как это могло случиться в наше время? Но, может быть: он думает иначе, чем мы. Попробуй-ка еще разок, дочка, пока он еще видит сны.

— Я попробую, дядя. Но я совершенно не ощущаю наличия разума, хоть каких-нибудь чувств или следов мысли. У детей может быть напуганное сознание, но здесь все намного хуже,— тьма и какая-то непонятная мне путаница.

— Что ж, тогда не нужно,— спокойно заметил Зоув.— Негоже разуму оставаться там, где нет другого разума.

— Его тьма похуже моей,— возразила девушка.— Смотрите, на его руке кольцо.

Она на мгновение прикоснулась к нему из чувства жалости или как бы прося у него бессознательного извинения за то, что подслушивала его мысли.

— Да, золотое кольцо без каких-либо отметин или украшений. Это единственное, что было на нем. И разум у него раздет так же догола: как и его тело. И вот бедный зверь выходит к нам из лесу — но кто же все-таки послал его?

Все домочадцы дома Зоува, кроме маленьких детей, собрались в этот вечер в большой комнате внизу, где высокие окна были открыты навстречу ночному воздуху. Свет звезд, деревья вокруг, журчание ручья — все это также присутствовало в тускло освещенной комнате, где было достаточно места для теней: ночного ветерка и тишины.

— Истина, как всегда, сторонится незнакомца,— проникновенно произнес глава дома.— Он поставил нас перед необходимостью выбора нескольких возможностей. Возможно, он таким

идиотом и родился, а забрел к нам по чистой случайности. Но тогда, кто его потерял? Возможно, это человек, ум которого пострадал от несчастного случая или был поврежден умышленно? Может быть, это Синг, скрывающий свой разум под кажущимся слабоумием? А может быть он и не человек, и не Синг? Но тогда кто же он? Мы не можем доказать и не можем опровергнуть ни одно из этих предположений. Что же тогда с ним делать?

— Посмотрим, можно ли его обучить, — сказала жена Зоува, Росса.

Старший сын главы дома Маток возразил:

— Если его можно будет обучить, то тогда доверять ему нельзя. Возможно он подослан сюда специально, чтобы его научили способности проникновения. Он станет кошкой, воспитанной добросердечными мышами.

— Я отнюдь не добросердечная мышь, сын мой, как ты изволил только что выразиться, — усмехнулся Зоув. — Значит, ты думаешь, что он — Синг?

— Или их орудие.

— Мы все орудия Сингов. Дай нам совет мальчик. Как бы ты лично с ним поступил?

— Убил бы до того, как он проснется.

Пронеслось легкое дуновение ветерка, где-то на душной знойной поляне жалобно крикнул козодой.

— Интересно, — пробормотала Старейшая из женщин, — может быть, он жертва, а не орудие. Может быть, Синг разрушил его мозг в наказание за что-нибудь, что он сделал или подумал, а нам было предначертано по хитрости Сингов закончить за них это наказание, а?

— Для него это было бы настоящим милосердием.

— Смерть — ложное милосердие, — с горечью заметила Старейшая из женщин.

Они еще некоторое время поговорили на эту тему, спокойно, с серьезными лицами, выражая свою озабоченность в основном намеками, когда кто-нибудь из них произносил слово «Синг».

Парт не принимала участия в обсуждении, так как ей было всего пятнадцать лет, но старалась не пропустить ни единого слова старших. Она чувствовала симпатию к незнакомцу и хотела, чтобы он остался в живых.

Вскоре ко всем остальным присоединились Раина и Кретьян. Райна выполнила, как умела, психологические тесты на незнакомце, пользуясь помощью Кретьян, которая попыталась уловить рефлексы психики. Пока что им нечем было похвастать, кроме того, что они установили, что нервная система незнакомца в области мозга, связанная с органами чувств и координацией движения, казалась вполне нормальной, хотя внешние физические рефлексы движения были как у годовалого ребенка, а области мозга, выполняющие функции речи, никак не проявлялись вообще.

— Сила мужчины и координация ребенка, мозг его пуст, — сказала в заключение Райна.

— Если мы не убьем его, как дикое животное, — предположила Баки, — то нам придется приручить его.

— Кажется, стоит попробовать, — произнес брат Кретьян Кай. — Пусть те из нас, кто помоложе, возьмут на себя заботу о нем. Посмотрим, что удастся сделать. Нам не придется в конце концов учить его Канонам для Просвещенных! Во всяком случае, его нужно научить прежде всего не мочиться в постель. Я хочу знать, человек ли он. Я пока не составил своего мнения на этот счет. А что думает по этому поводу Глава?

Зоув простер свои большие руки:

— Кто знает? Возможно, анализы крови, которые сделает Райна, скажут нам об этом. Мне не приходилось слышать, чтобы у кого-нибудь из Сингов были желтые глаза или какие-нибудь другие отличия от людей Земли. Но если он не Синг и не человек, то кто же он тогда? Пришельцы из Внешних миров вот уже в течение двенадцати столетий не появляются на нашей планете.

Так началось его обучение.

Парт поднялась из подвала и, проходя мимо старой кухни, увидела, как Фальк, сгорбившись в одном из оконных проемов, смотрит на падавший за грязным стеклом снег. Он был одинок и смотрел на снег, понурив голову. Это был десятый вечер с тех пор, как он ударил Россу и его пришлось запереть, пока он не успокоится. С того времени он замкнулся и ничего не говорил... Было как-то странно видеть его лицо, лицо взрослого человека, сделавшееся тусклым и тупым из-за ребяческого упрямства.

— Иди к огню, Фальк, — позвала Парт.

Она не остановилась, чтобы подождать его.

Возле очага в большой комнате она забыла о нем и стала думать о том, чем поднять собственное слишком плохое настроение.

Делать было решительно нечего. Снег все шел и шел, лица окружающих стали слишком привычными, книги рассказывали о вещах: которые уже давно не существовали или были где-то далеко, а потому и толку от них не было никакого. Вокруг притихшего дома и окружающих его полей стоял лес, молчаливый лес — бесконечный, однообразный и равнодушный. Зима последует за зимой: и она никогда не покинет этот Дом, потому что некуда будет уходить, и ничего нельзя с этим сделать.

На одном из пустых столов Райна забыла свой «теанд» — плоский инструмент с клавишами, который, как говорили, был хейнского происхождения. Парт подобрала грустную мелодию Восточного Леса, затем переключила регистр на его родное звучание и начала все заново. Она не слишком хорошо умела играть на этом инструменте и медленно находила звуки в такт своим словам, растягивала их, чтобы выиграть время для поиска следующей ноты.

За ветрами в лесах,
За штормами в морях,
На залитых солнцем камнях
Дочь Айрека стоит..

Она сбилась с мелодии, затем все же нашла нужную ноту ... стоит.

Молча с пустыми руками.

Эта была древняя легенда, родившаяся на невообразимо далекой планете. Ее слова и мелодия были частью наследства людей в течение веков. Парт пела ее очень нежно, одна в комнате, освещенной огнем очага, а за окном в наступавших сумерках все валил снег.

Она услышала возле себя какой-то звук и, повернувшись, увидела Фалька. В его странных глазах стояли слезы.

— Парт, прекрати,— прошептал он.

— Что-то не так, Фальк?— забеспокоилась девушка.

— Мне больно от этого,— сказал он.

Он спрятал лицо, которое было зеркалом его бессвязного и беззащитного разума.

— Хороша похвала моему пению,— уколола она его.

В то же время она была тронута его словами и больше не пела. Позже этим же вечером она увидела, что Фальк стоял у стола, на котором лежал «теанд». Он не осмеливался прикоснуться к нему, как бы опасаясь выпустить мелодичного и безжалостного демона: заключенного внутри него, который плакал под пальцами Парт и превращал ее голос в музыку.

— Мое дитя учится быстрее, чем твое,— заметила как-то Парт своей двоюродной сестре Гарре,— но твое растет быстрее. К счастью.

— Твое и так уже достаточно велико,— согласилась Гарра.

Она глядела на берег ручья, где Фальк стоял, держа на плечах годовалого ребенка Гарры. Полдень раннего лета звенел трелями сверчков и гудением комаров Черные локоны то и дело касались щек Парт, когда руки ее проворно следовали за нитью прялки. Над челноком уже были видны головы и шеи танцующих цапель, вытканных серебром на черном фоне.

В свои семнадцать лет эта девушка уже считалась самой лучшей ткачихой среди женского населения Дома. Зимой ее руки всегда были выпачканы химическими препаратами, из которых изготовлялись нити и краски, а летом все свое время она уделяла ткацкому станку, приводимому в движение энергией солнечных батарей, воплощая в узоры все, что только приходило в голову.

Мать называла ее «маленьким паучком».

— Маленький паучок,— сказала она,— не забывай, что ты прежде всего женщина.

— И поэтому ты хочешь, чтобы я вместе с Матоком пошла в Дом Катола и выменяла себе мужа за мой ковер с этими цаплями?

— Я этого никогда не говорила, не так ли?— возразила мать.

Она снова принялась выпалывать сорняки между грядками салата.

Фальк поднялся по тропинке, ребенок на его плечах весело улыбался и стрелял глазками.

Он опустил девочку на траву и спросил как будто она была взрослая:

— Здесь жарче, чем внизу, не так ли?

Затем, повернувшись к Парт, с серьезной прямотой, характерной для него, он поинтересовался:

— У леса есть конец, Парт?

— Говорят, что есть. Все карты отличаются друг от друга. Но в этом направлении в конце концов будет море, а вот в этом — прерии. Это такое открытое пространство, которое покрыто травой, как наша поляна, но простирается на тысячи миль аж до самых гор.

— Гор?— спросил он с невинной прямотой ребенка

— Это высокие холмы, на вершинах которых весь год лежит снег. Вот такие.

Парт отложила челнок и сложила свои длинные загорелые пальцы в виде горной вершины.

Внезапно желтые глаза Фалька засветились и лицо напряглось.

— По белым — голубое, а еще ниже — очертания далеких холмов.

Парт взглянула на него, но ничего не сказала. Почти все, что он знал, исходило непосредственно от нее, потому что только она все время обучала его. Переделывание его жизни было действенным и стало частью ее собственного взросления. Их умы были тесно связаны между собой.

— Я вижу их, может быть, когда-то видел Я помню их,— произнес он, запинаясь.

— Изображение?

— Нет. Я видел их в своем уме. Я на самом деле помню их. Иногда перед тем, как заснуть, я вижу их. Я не знаю, как они называются, наверное, просто горы.

— Ты мог бы нарисовать их?

Встав рядом с ней на колено, он быстро набросал на земле контур неправильного конуса, а под ним — две линии холмов, предгорья.

Гарра вытянула шею, чтобы взглянуть на рисунок, и спросила

— И он белый от снега?

— Да. Как будто я вижу их через что-то, может быть, через окно, большое и высокое. Разве это видение из твоего разума, Парт? — спросил он слегка встревоженно.

— Нет,— ответила девушка.— Никто из нас в Доме никогда не видел высоких гор. Я думаю, что никто по эту сторону Внутренней реки не мог любоваться подобной картиной. Эти горы, должно быть, очень далеко отсюда.

Она говорила так, будто схватила простуду.

Сквозь сон послышался звук пилы.

Фальк вскочил и сел рядом с Парт. Оба сонными напряженными глазами смотрели на север, откуда доносился нарастая, а затем вдруг исчезая, этот страшный звук, так похожий на жужжание зубьев пилы. Первые лучи солнца как раз начали высветлять небо над черной массой деревьев.

— Воздухолет,— прошептала Парт.— Такой звук я уже один раз слышала, правда, очень давно.

Она поежилась, Фальк обнял ее за плечи, охваченный тем же беспокойством, ощущением далекого, непостижимого, но впол-

не реально существующего зла, которое двигалось где-то на севере по кромке дневного света.

Звук исчез. В необъяснимой тишине Леса несколько пташек подали свои голоса навстречу заре осеннего дня. Свет на востоке стал ярче.

Фальк и Парт лежали на спине, ощущая тепло и поддержку рук каждого из них.

Проснувшись лишь наполовину, Фальк снова готовился погрузиться в сон, когда она поцеловала его и выскользнула из кровати, чтобы приняться за свою обычную дневную работу. Он прошептал:

— Не уходи, маленький ястреб.

Но она засмеялась и убежала прочь. Он же продолжал дремать, не в силах подняться из сладких ленивых глубин удовольствия и покоя.

Он перевернулся, затем, зевая, сел и стал смотреть на могучие ветви дуба, который как башня, возвышался рядом с верандой, на которой спал Фальк. До него дошло, что, уходя, Парт включила аппарат для обучения во сне, бывший у него под подушкой. Он тихо нашептывал теорию чисел, принятую на одной из планет в созвездии Кита.

От этого ему стало смешно, и прохладца яркого ноябрьского утра разбудила его полностью. Он натянул на себя рубаху и брюки из тяжелой темной мягкой ткани, сотканные Парт, скроенные и приспособленные для него Баки, и стал у деревянных перил на крыльце, глядя на коричневые, красные, золотые деревья, окружавшие Поляну.

Освежающее, еще приятное утро было таким же, как и то, когда первые люди на этой земле проснулись в своих хрупких, заостренных кверху домах и вышли наружу посмотреть на восход солнца, показавшегося над темным лесом. Утро всегда одинаковое, и осень всегда одинаковая, но лет, которым ведут счет люди, много.

На этой земле когда-то была одна раса, а затем пришла другая — завоеватели.

Миллионы жизней канули в Лету. Обе расы ушли за туманные дали горизонтов прошедших времен.

Были завоеваны и вновь утеряны звезды, а годы все шли, и прошло их так много, что Лес древнейших эпох, полностью уничтоженный в течение эры, когда люди творили свою историю, вырос снова.

Даже в туманном необъятном прошлом планеты на это ушло много времени. И не на каждой планете это могло произойти — процесс превращения безжизненного солнечного света в тень и грациозную сложность бесчисленных ветвей, трепещущих на ветру.

Фальк стоял, радуясь утру, и радость его была столь велика, что он даже не мог этого себе представить, ведь до этого утра у него было совсем не много других прекрасных рассветов при столь короткой веренице дней, о которых он помнил, в промежутках между этим днем и темнотой.

Он прислушался к щебету синичек на дубе, чириканью воробьев и стуку дятлов. Через мгновение он потянулся, растрепал

энергично свои волосы, и пошел вниз, чтобы влиться в общее русло реки работ по Дому.

Дом Зоува был беспорядочно выстроенной цепью башен: связанных между собой и образовавших замок-ферму. Башни были сделаны из камня и дерева, одни части их стояли на этой земле около столетия, другие — еще дольше. Этот замок-ферма во многом был примитивным: темные лестницы, каменные очаги и подвалы. Но в нем не было ничего незавершенного. Он был надежно защищен от пожаов и воздействий погоды. При этом некоторые его элементы были в высшей степени сложными устройствами или механизмами: приятные желтоватые лампы: свечение которых было обусловлено ядерным распадом, различные автоматические приспособления для уборки дома и двора, стряпни, стирки и работы в поле.

Здесь было довольно обширное собрание музыкальных записей, книг и фильмов. В восточном крыле Дома находилась довольно приличная механическая мастерская.

Все эти предметы были частью Дома, встроенные в него или сделанные вместе с ним, сработанные в нем или в других Лесных Домах. Механизмы были тяжелы и просты: их легко было ремонтировать: только за ние источников энергии, приводивших их в движение, было очень искусным и незаменимым.

Недоставало, однако, одного из типов технологических приспособлений. В библиотеке можно было получить достаточно знаний по электронике, которые в это время стали почти инстинктивными. Мальчикам нравилось делать миниатюрные переговорные устройства для связи между отдаленными комнатами. Однако телевидения не было. Не было также телефона, радио или телеграфной связи. Поляна не имела достаточного контакта с окружающим ее миром. Способов коммуникации на далекие расстояния в этом мире не существовало. Было, правда, несколько машин на воздушной подушке, самодельного изготовления, стоявших в гараже постоянного крыла Дома, но ими обычно пользовались только мальчишки для своих игр.

В лесу было довольно трудно управляться с этими механизмами, ведь таежные тропы так узки. Когда люди собирались в гости или для торговли с другими домами, они шли пешком, а если путь был очень долог, то отправлялись верхом на лошадях.

Работа по Дому и на ферме была для всех без исключения легкой и необременительно Удобства не простирались дальше тепла и чистоты, а пища была здоровой, но однообразной, жизнь в Доме была скучным постоянством коллективного существования, чистой безмятежной умеренности. Безмятежность и однообразие обусловливались изоляцией. Здесь жили вместе сорок четыре человека. Ближайший к ним Дом Катола находился в тридцати милях к югу.

Вокруг Поляны со всех сторон простирался нерасчищенный, необследованный: равнодушный Лес. Дикая чаща и над нею небо. Здесь не было бесчеловечности, и ничто не укорачивало жизни, как в городах былых веков, переполненных людьми. Вообще,

сохранить нетронутым хоть что-нибудь из сложной цивилизации здесь, среди столь малого числа людей, было исключительным достижением, хотя для большинства из них что-либо другое было просто неведомо.

Фальк все это понимал несколько иначе, чем остальные дети Дома, так как ему всегда приходилось сознавать, что он пришел из этой необъятной и лишенной людей чащи, такой же зловещей и необычной, как и дикие звери, бродившие в ней, и все, чему он научился в Доме Зоува, было подобно единственной свечке, горящей среди необъятной тьмы.

За завтраком — хлеб, сыр из козьего молока и темное пиво. Маток попросил его, чтобы он пошел с ним поохотиться на оленей.

Фальку было приятно. Старший Брат был очень искусным охотником, и таким же становился он сам: во всяком случае, это сближало их обоих.

Но тут вмешался Глава Дома:

— Возьми сегодня Кая, сын мой. Я хотел бы поговорить с Фальком.

Каждый из обитателей Дома имел свою комнату для занятий или работы, а также для сна, когда становилось прохладно. Комната Зоува была маленькой, высокой и светлой, окна ее выходили на запад, на север и на восток. Глядя на осенние скошенные поля и черневший вдали Лес, Глава Дома произнес:

— Вот там, на прогалине Парт увидела тебя. Это было пять с половиной лет назад. Давненько! Не настало ли нам время поговорить?

— Наверное, Глава,— робко произнес Фальк.

— Сказать трудно, но мне кажется, что тебе было около двадцати пяти лет, когда ты объявился здесь. Что есть у тебя от тех двадцати лет теперь?

— Кольцо!

Фальк на мгновение вытянул левую руку.

— И воспоминания о горе?

— Воспоминания о воспоминании.

Фальк пожал плечами.

— Часто. как я вам уже говорил, на какие-то мгновения я нахожу в своей памяти звук голосов, ощущение движения, жеста, расстояния. Эти воспоминания не стыкуются с моими воспоминаниями о жизни с вами. Но они не образуют цельной картины. В них нет какой-либо значимости.

Зоув присел на скамью у окна и кивнул Фальку, чтобы тот сел рядом.

— Тебе не нужно было расти. Координация движения восстановилась у тебя на удивление быстро. И даже, если принять это во внимание, все равно ты учился с поразительной скоростью Меня всегда поражало — а что, если Синги, управляя в былые времена человеческой наследственностью и выдерживая многих из нас в качестве клонистов, отобрали нас за наше послушание и тупость, а ты — отпрыск какой-то мутировавшей человеческой расы, каким-то образом сумевшей избежать генетического контро-

ля. Но кем бы ты ни был, ты в высшей степени умный человек. И вот теперь ты снова один. И мне хочется узнать, а что же ты сам думаешь о своем загадочном прошлом?

Минуту Фальк ничего не говорил. Он был невысоким: худым, хорошо сложенным мужчиной.

Его очень живое и выразительное лицо сейчас было весьма мрачным и полным тревоги. Чувства отражались на нем так же открыто, как и на лице ребенка. Наконец, видимо, решившись: он все-таки сказал:

— Пока я учился прошлым летом вместе с Райной, я понял, чем я отличаюсь от человеческой генетической нормы. Мы изучали тогда хромосомы вида «хомо сапиенс» и для сравнения выбрали меня. И тогда обнаружилось, по крайней мере, для меня, то небольшое отличие — всего лишь один или два витка спирали. Тем не менее, можно безошибочно сказать: что я не человек. Может быть: я какой-нибудь мутант или урод, может быть: я результат случайного или преднамеренного воздействия или, наконец, инопланетянин. Мне кажется, что наиболее вероятным во всем является то, что я неудавшийся результат какого-то эксперимента. Результат генетического эксперемента: выброшенный экспериментаторами за ненадобностью. А может быть... Трудно сказать. Я предпочитаю думать, что я — инопланетянин и прибыл к вам с какой-то другой планеты. Это, во всяком случае, означало бы, что я не одинок в своем роде во вселенной.

— Что вселяет в тебя уверенность, что существуют другие обитаемые миры?

Фальк удивленно поднял брови, придя сразу же по-детски легковерно, но с логикой мужчины, к заключению:

— А разве есть причина полагать: что другие планеты Лиги уничтожены?

— А разве есть причина думать, что они вообще существовали?

— Этому вы сами меня научили по к м, легендам...

— И ты веришь им? Ты веришь всему, что мы тебе рассказали?

— Чему же мне еще верить?—он покраснел.— С какой стати вам говорить неправду?

— Может быть, мы лгали тебе обо всем, день и ночь, по любой из следующих двух причин. Потому что, мы думали, что ты им служишь, или же потому, что ты сам Синг.

— Я, возможно, служил им и никогда об этом не узнаю?— сказал Фальк, потупив взор.

— Может быть,— Глава кивнул.—Ты должен учитывать такую возможность, Фальк. Между нами говоря, Маток всегда был убежден, что у тебя так называемый запрограммированный мозг. И все же он никогда не лгал тебе. Никто из нас преднамеренно не пытался ввести тебя в заблуждение. Один поэт Реки сказал как-то тысячу лет назад, «В истине заключается человечность». Да, мы говорили тебе правду обо всем, что сами знали, Фальк, но, возможно, не все наши предположения и легенды находятся в рамках истины...

— Ну и что?

— Не забывай, что ты по своему разуму еще дитя, Фальк. Мы можем помочь тебе снова стать человеком, но мы не можем предоставить тебе настоящее детство. Оно бывает только раз...

— Среди вас я чувствую себя ребенком,— пробормотал Фальк.

— Но ты не ребенок! Ты — в некотором роде увечный, потому что нет у тебя детства, Фальк. У тебя обрублены корни, потеряны твои истоки. Разве ты можешь сказать, что здесь твой родной дом?

— Нет!— согласился Фальк, вздрогнул и добавил:

— Но я был очень счастлив здесь.

Глава дома немного помолчал, потом возобновил разговор.

— Ты считаешь, что наша жизнь хороша, и что мы ведем здесь подобающий нам, людям, образ жизни?

— Да.

— Тогда скажи мне вот про что. Кто наш враг?

— Синги.

— Почему?

— Они откололись от Лиги Миров, предпочли свободу, уничтожив все деяния и все записи людей. Они остановили эволюцию расы. Они — тираны и лжецы.

— Но они не мешают нам жить здесь по-доброму.

— Мы затаились, мы живем порознь, чтобы они оставили нас в покое. Если бы мы попытались построить какую-нибудь большую машину, если бы мы стали объединяться в группы или города, или народы, для того, чтобы сообща свершить что-нибудь грандиозное, то тогда бы Синги пришли к нам, разрушили содеянное и расселили бы нас по всему миру. Я говорю только то, что вы неоднократно говорили мне, и чему я верю, Глава!

— Я знаю. Я думаю... А что, если за фактами ты ощущаешь какую-нибудь догадку, надежду, предание?

Фальк не ответил.

— Мы прячемся от Сингов. Мы прячемся от самих себя, от тех, какими мы были прежде. Ты понимаешь это, Фальк? Мы по-доброму живем в домах, и нам хорошо, но нами руководит исключительно страх. Было время, когда мы на кораблях путешествовали среди звезд, а теперь не осмеливаемся отойти от Дома даже на сотню миль. Мы храним совсем немного знаний и совершенно ими не пользуемся. Но некогда мы использовали свой разум для того, чтобы ткать образ нашей жизни, как ковер, простертый над ночью и хаосом. Мы увеличивали возможности жизни. Мы делали настоящую работу, достойную людей.

Зоув снова задумался, затем возобновил разговор, глядя на яркое ноябрьское небо.

— Вообрази себе множество планет, различных людей и зверей на них, созвездия их небес, города, выстроенные ими, их песни и обычаи. Все это утрачено, утеряно для нас так, как твое детство потеряно для тебя. Что мы, по существу, знаем о времени нашего величия? Несколько названий планет и имена нескольких героев, обрывки фактов, которыми мы стараемся залатать историю. Закон Сингов запрещает убийство, но они убили

знания, сожгли книги и фальсифицировали то, что осталось. Они погрязли во лжи. У нас нет уверенности ни в чем, что касается Эры Лиги. Сколько документов подделано? Мы должны запомнить, пойми, что бы ни случилось, Синги — наши враги! Можно прожить целую жизнь, так и не увидев ни одного из них, в лучшем случае услышать, как где-то далеко пролетает их воздухолет. Здесь, в лесу, они оставили нас в покое, и, может быть, то же самое происходит повсюду на Земле, хотя этого мы не знаем. Они не трогают нас, пока мы остаемся здесь, в темнице нашего невежества и дикости, пока мы кланяемся, когда они пролетают над нашими головами. Но они не доверяют нам даже после двенадцати сотен лет? У них нет чувства доверия, потому что у них лживое нутро! Они не соблюдают договоров, могут нарушить любое обещание, любую клятву, могут предавать и лгать непрестанно, и некоторые записи времени Лиги намекают на то, что они умеют лгать даже мысленно. Именно ЛОЖЬ победила все расы Лиги и поставила нас в подчиненное положение перед Сингами. Помни об этом, Фальк. Никогда не верь в правдивость того, что сказал Враг.

— Я буду помнить об этом, Глава, и даже встреча с Сингом не заставит меня забыть об этом.

— Ты не встретишься с ним, если только сам не захочешь этого.

— Вы подразумеваете, Глава, что я должен покинуть Дом? — спросил Фальк.

— Ты уже сам подумывал об этом,— как можно спокойнее заметил Зоув.

— Да. Но мне никак нельзя уйти. Я хочу... понимаете, я хочу жить здесь. Парт и я...

Он смутился, и Зоув, воспользовавшись этим, нанес язвительный удар.

— Я уважаю любовь, расцветающую между тобой и Парт. Я преклоняюсь перед твоей преданностью Дому, но ты пришел сюда неизвестно откуда, Фальк. Тебя здесь радушно приняли, к тебе очень приветливо относились. Твой брак с моей дочерью был бы бездетным, но даже и в этом случае я радовался бы ему, но я убежден, что тайна твоего происхождения и появления в этом месте настолько велика, что было бы неразумно отбросить ее в сторону. Ты мог бы указать новые пути, у тебя впереди много работы...

— Какой работы? Кто может мне поведать об этом?

— То, что хранится в тайне от нас, и то, что украли у тебя, известно Сингам. В этом ты можешь быть вполне уверен.

В голосе Зоува была такая полная боли горечь, какой Фальку прежде не доводилось слышать.

— Разве те, кто говорит неправду, скажут мне, кто я, если я их об этом спрошу? Как я узнаю то, что ищу, даже если мне удастся отыскать это?

— Я все больше склоняюсь к мысли, сын мой, что в тебе заключена какая-то надежда для людей Земли. Мне не хочется

отказываться от этой мысли. Но только ты сам сможешь отыскать свою собственную правду. Если тебе покажется, что на этом заканчивается твой путь, то, возможно, это и будет правдой.

— Если я уйду,— неожиданно спросил Фальк,— вы позволите Парт пойти вместе со мной?

— Нет, сын мой.

Глава Дома печально покачал головой.

Внизу по саду шел ребенок, четырехлетний сын Гарры, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу.

Высоко вверху летели стая за стаей на юг дикие гуси, выстроившись клином.

— Я должен был идти с Матоком и Дурро добывать в Дом невесту для Дурро,— заметил, наконец, Фальк.— Мы намеревались отправиться, не дожидаясь, пока изменится погода. Если я пойду по дороге, то продолжу самостоятельный путь из Дома Рапсофеля.

— Зимой?

— К западу от Рапсофеля есть и другие Дома, где я мог бы попросить кров в случае необходимости.

Сам он не сказал, а Зоув не спросил, почему он собирается идти именно на запад.

— Не знаю, может оно и так. Я не знаю, дают ли там путникам пристанище. Но если ты пойдешь, ты будешь один, хотя... тебе нужно быть одному. За пределами этого Дома нет на Земле другого безопасного места для тебя.

Он, как всегда, говорил от чистого сердца и платил за правду внутренней болью и сдержанностью. Фальк заверил его:

— Я знаю, Глава. Не о безопасности я бы жалел...

— Я скажу тебе все, в чем я убежден в отношении тебя. Я полагаю, что ты с одного из затерянных миров. Я думаю, что родился ты не на Земле. Я полагаю, что сюда, на Землю, ты, инопланетянин, вернулся впервые за тысячу или, может быть, даже больше лет, принеся с собой какое-то послание или знак. Сингам удалось заставить тебя молчать, и поэтому они отпустили тебя в Лес, чтобы никто не мог сказать, что они тебя убили. И ты пришел к нам. Если ты уйдешь, я буду печалиться и бояться за тебя, зная, насколько тебе одиноко, но я буду надеяться на тебя и на нас самих! Если у тебя есть известие для людей, то ты в конце концов вспомнишь его. Должна же быть какая-то надежда, какой-то знак, ведь мы не можем жить так вечно!

— Может быть, моя раса никогда не была в дружественных отношениях с человечеством?— Фальк пожал плечами, глядя на Зоува своими желтыми глазами.— Кто знает, ради чего я появился здесь?

— Ты разыщешь тех, кто знает твою тайну. И тогда ты сделаешь то, что тебе предначертано. Я не боюсь того, что может произойти. Если ты служишь Врагу, то и мы все ему служим. Все уже давно потеряно, и больше нечего терять. Если же нет, то тогда у тебя может быть то, что люди потеряли — предназначение! Следуя ему, ты сможешь вселить надежду во всех нас...

2 Зоув прожил шестьдесят лет, Парт — двадцать, но в этот холодный полдень, заставший ее в поле, ей казалось, что она старуха, потерявшая счет годам. Ее вовсе не утешала мысль об отдаленном триумфе порыва к звездам или о торжестве правды. То, что у ее отца было пророческим даром, у нее выражалось просто отсутствием иллюзий. Она знала, что Фальк собирается уйти из Дома. Единственное, что она сказала, было то, что он уже больше сюда не вернется.

— Я вернусь, Парт. Верь мне,— с жаром уверял Фальк, стараясь переубедить д вушку.

Она с плачем обняла его, она заставила себя поверить его обещаниям.

Он продолжал заверять ее в своей искренности, но в телепатическом общении был не очень искусен. Единственным Слухачом в Доме была слепая Кретьян. Никто из обитателей этого Лесного замка больше не был способен на бессловесное общение. Способов обучения мысленной речи очень мало. Великое достоинство этого наиболее сжатого и совершенного способа общения стало рискованным для людей.

Речь между представителями различных разумов могла быть неправильно истолкованной и вследствие этого привести к ошибкам и недоверию, однако ею нельзя было пренебрегать. Между мыслью и сказанным словом существует зазор, куда может попасть намерение, символ может быть отброшен, и тогда появится ложь.

Между мыслью и мысленным посланием этого промежутка нет! Они одновременный акт, и места для лжи здесь не остается!

В последние годы существования Лиги, судя по рассказам и обрывочным записям, с которыми познакомился Фальк, употребление мысленной речи было широко распространено, и телепатическое искусство достигло очень высокой ступени развития.

Это умение на Земле появилось довольно поздно: техника обучения ему была позаимствов на у какой-то иной расы. Одна из книг называлась «Высшее искусство ранхов», и Фальк неоднократно ловил себя на мысл о том, кто же были эти ранхи.

Имелись также намеки на трения и частые перемещения в правительстве Лиги Миров, возникшие, вероятно, вследствие торжества формы общения, которая предотвращала ложь.

Но это было таким же туманным и полумифическим, как и вся история человечества, записанная в книгах Дома. Несомненным было только то, что после прихода Сингов и падения Лиги разобщенные общины людей больше не доверяли друг другу, возвратились к использованию обычной речи. Свободный человек может говорить свободно, но раб или беженец должен уметь скрывать истину или ложь. Вот это-то и узнал в доме Зоува Фальк, и поэтому у него почти не было опыта в приведении своего разума в созвучие сказанным словам. Он старался внушить Парт, что он не лжет:

— Верь мне, Парт, я еще вернусь к тебе!

Но она не могла услышать его.

— Нет, я не буду воспринимать твои мысли,— только и сказала она вслух.

— Значит, ты бережешь свои мысли от меня?

— Да, берегу. Зачем мне передавать тебе свою печаль? Какой толк в правде? Если бы ты солгал мне вчера, я бы все еще верила, что ты просто собираешься к Рапсофелю и через десять дней вернешься назад. Значит у меня еще было бы в запасе десять дней и десять ночей. Теперь же мне ничего не осталось, ни одного дня и ни одного часа. Все утрачено для меня. Так что же хорошего в правде?

— Парт, ты будешь ждать меня?

— Нет.

— Всего один год.

— Через один год и один день ты вернешься верхом на серебряном коне, чтобы увезти меня в свое королевство и сделать меня там властительницей? Нет, я не буду ждать тебя, Фальк. Почему я обязана ждать человека, который будет лежать мертвый в Лесу, или которого застрелят Странники в прериях? А может быть, ты окончательно лишишься к тому времени разума в Городе Сингов или отправишься оттуда в столетнее путешествие к другой звезде? Почему я обязана тебя ждать? Тебе не придется думать, что я выберу в спутники жизни другого мужчину. Нет, я останусь здесь, в отчем доме, выкрашу нитки в черный цвет и сотку для себя черную одежду. Я буду ее носить и умру в ней. Но я не стану никого и ничего ждать! Никогда!

— Я не имею права спрашивать тебя,— сказал он с болью в голосе,— любишь ли ты меня...

Она заплакала.

— О, Фальк, не надо, прошу тебя.

Они долго сидели на пологом склоне, возвышавшемся над Долиной. Между ними и Лесом паслись овцы и козы на огороженном пастбище. Годовалые ягнята сновали между длинношерстными матками.

Дул серый ноябрьский ветер.

Руки их были соединены. Парт прикоснулась к золотому кольцу на его левой руке.

— Кольцо — это вещь, которую дарят,— сказал она.— Временами я думаю, что, возможно, у тебя была жена. Представь себе, ждет ли она тебя...

Она задрожала.

— Ну и что?— спросил он.— Какое мне дело до того, что было со мной, кем я был? Почему мне нужно уходить отсюда? Все, чем я являюсь теперь, это твое, Парт, это исходило от тебя, это твой дар...

— И он был дан по доброй воле,— сквозь слезы сказала девушка.— Возьми его и иди...

Они обняли друг друга, и никто из них не хотел освободиться из этих объятий.

Дом остался далеко позади за подернутыми инеем стволами и переплетенными ветвями, лишенными листьев. Лесные вели-

каны тесно смыкались позади едва заметной тропы, по которой пролегал их путь.

День был серым и холодным, тишину леса нарушал только шорох ветвей на ветру, который, казалось, был повсюду и никогда не прекращался. Впереди широкой легкой походкой шел Маток. За ним следовал Фальк, последним в группе двигался молодой Дурро. Все трое были одеты в легкие теплые куртки и штаны из плохо обработанной шерсти. Эта шерсть была собственного производства. Впрочем, как и вся их одежда. Такая экипировка называлась жителями Леса зимней и так хорошо сохраняла тепло, что даже в снегопад шуба была не нужна. Каждый нес небольшой заплечный мешок, в котором был запас сухих концентратов, подарки, товары для торговли и спальный мешок. Запас пищи был рассчитан почти на месяц. Баки, которая с самого своего рождения никогда не покидала дом, очень опасалась Леса и поэтому снабдила их соответствующим снаряжением. У каждого был лазерный пистолет, а Фальк нес еще дополнительно пару фунтов еды, а также медикаменты, компас, второй пистолет, смену одежды, бухту веревки, небольшую книгу, которую дал ему Зоув год назад. Легкий и не знающий усталости Маток обрубал мешавшие им ветки, простирающиеся над тропой, которой, очевидно, давно не пользовались. Все трое шли легко и бесшумно.

Они должны были добраться к Рапсофелю на третий день. Вечером второго дня они попали в местность, отличающуюся от той, которая окружала Дом Зоува. Лес стал реже, часто попадались кочки. Вдоль склонов холмов виднелись серые прогалины, по которым текли заросшие кустами ручьи.

Они разбили лагерь на одной из таких прогалин, на ее южном склоне, укрывшись от усиливающегося ветра, несшего с собой дыхание зимы. Дурро принес несколько охапок сухого хвороста, а двое других путников очистили место для костра от травы и сложили небольшой каменный очаг.

— Мы пересекли водораздел сегодня днем,— заметил Маток.— Ручей течет здесь на запад и в конце концов впадает во Внутреннюю Реку.

Фальк выпрямился и посмотрел на запад, но невысокие холмы мешали обзору.

— Маток,— сказал он,— я подумал о том, что мне нет смысла идти к Рапсофелю. Я должен пойти своим путем. Кажется, вдоль большого ручья, который мы пересекли сегодня днем, идет тропа, ведущая на запад. Я вернусь туда и пойду по этой тропе.

Маток поднял глаза. Он не владел мысленной речью, но взгляд его был достаточно красноречивым: ты думаешь сбежать домой?

Фальк же на самом деле воспользовался мысленной речью и ответил: «Нет, черт побери!»

— Извини,— вслух произнес Старший Брат.

Он не пытался скрыть того, что был только рад уходу Фалька. Для Матока не имело особого значения все, что не касалось безопасности дома. Каждый незнакомец, пусть даже он

прожил в доме несколько лет, таил для него угрозу, даже незнакомец, с которым он прожил бок о бок целых десять лет, и который был его соратником на охоте, даже незнакомец, который стал возлюбленным его сестры...

Но все-таки он сказал:

— Тебя хорошо примут у Рапсофеля, Фальк. Почему бы тебе не начать свое путешествие оттуда? Впрочем, это твое дело.

— Ну...

Маток установил последний камень, и Фальк принялся разводить огонь.

— Если мы и пересекли тропу, то я не знаю, откуда она и куда ведет. Завтра утром мы пересечем настоящую людскую тропу — старую дорогу Харенда. Ты, наверное, знаешь, Фальк, что Дом Харенда расположен далеко на западе. Идти туда пешком не менее недели. Поэтому за последние шестьдесят-семьдесят лет туда никто не ходил. Но, может быть, была и другая причина. Когда я проходил этим путем прошлым летом, тропа была отчетливо видна. Та же, о которой только что говорил ты, может быть тропой оборотней и заведет тебя в глушь или болото.

— Хорошо,— согласился Фальк.— Я попробую пойти по дороге Харенда.

Наступила пауза, затем Маток спросил:

— Почему ты собираешься идти на запад?

— Потому что Эс Тох находится к западу.

Это имя жители Дома редко произносили вслух, оно казалось каким-то страшным под этим серым небом. Дурро, подошедший с охапкой дров, с тревогой осмотрелся вокруг. Маток больше ничего не спросил, только неодобрительно покачал головой.

Эта ночь на склоне холма у костра была последней для Фалька ночью с теми, кто был для него братьями, кто стал для него соплеменниками. На следующее утро они вновь были в пути и задолго до полудня подошли к широкой заросшей тропе, ведущей налево от тропинки Рапсофеля.

Поворот на нее был помечен двумя огромными соснами. Было сумрачно и тихо, когда они вступили под их огромные кроны.

— Возвращайся к нам назад, Фальк, гостем или братом,— сказал молодой Дурро.

Его приподнятое настроение было обусловлено предстоящим сватовством, но оно несколько упало при виде этого темного неясного пути, по которому должен был идти Фальк. Маток же только произнес:

— Дай мне свою фляжку.

Взамен он протянул свою собственную, выполненную из серебра, со старинной гравировкой.

Затем они разошлись. Двое пошли на север, один — на запад.

Пройдя немного, Фальк остановился и огляделся. Его попутчики уже исчезли из виду.

Тропа Рапсофеля была уже не видна за молодой порослью деревьев и кустарников, которыми заросла дорога Харенда. Похоже было, что этой дорогой все-таки пользовались, хотя и не

часто, ю расчистку не проводили уже много лет. Вокруг, кроме Леса, ничего не было видно. Фальк стоял один в тени бесконечных деревьев.

Земля была мягкой от листьев, падавших на нее добрую тысячу лет. Огромные сосны и кедры закрывали свет, вокруг было темно и тихо. В воздухе кружилось несколько снежинок.

Фальк немного ослабил ремень, на котором держалась его поклажа, и двинулся дальше.

К полудню ему уже казалось, что он ушел бесконечно далеко от Дома и что он всегда был так одинок, как сейчас.

Дни были похожи один на дугой. Серый зимний свет окружал его. Поросший лесом холм и долины, затяжные подъемы и спуски, скрытые в кустах ручьи, болотистые низины... Хотя дорога Харенда сильно заросла, идти по ней еще было можно.

Кроме того, прежние строители этого пути постарались, чтобы он пролегал длинными прямыми участками с плавными поворотами, проходя мимо болот и возвышенностей.

Уже среди холмов Фальк понял, что эта дорога идет строго вдоль какого-то большого древнего пути, так как она была прорублена прямо через холмы, и даже две тысячи лет не смогли сравнять ее. Но деревья росли уже и на ней, и вдоль нее — сосны и кедры, заросли шиповника на обочинах, бесконечные ряды дубов, буков, орешника, ясеней, ольхи, вязов, и над всеми ними возвышались величавые кроны каштанов, которые теперь теряли свои последние темно-желтые листья. По вечерам он готовил себе ужин из белки или кролика, а иногда даже из дикой курицы, которых ему удавалось подстрелить среди деревьев. Он собирал орехи и жарил их на углях. Два кошмара неотступно преследовали его и заставляли просыпаться в ночи. Один из них заключался в том, что ему казалось, что кто-то тайком преследует его во тьме, кто-то, кого он раньше никогда не встречал. Второй кошмар был еще хуже. Ему чудилось, что он забыл что-то взять с собой, что-то очень важное, существенное, без чего он обязательно должен пропасть. Он просыпался от этого сна, и ему страшно не хотелось думать, что это вещий сон. Он уже знал о первой встрече с этим сном, что-то забытое им там, в Доме, был он сам.

Он разводил костер, когда не было дождя, и жался к нему поближе, сонный и слишком уставший от кошмаров, чтобы брать в руки книгу, которую нес, книгу под названием «Старый Канон», и искать утешения в словах, которые провозглашали, что, когда все пути потеряны, настоящий Путь вперед открыт. Одиночество было для человека страшной вещью. И он знал, что он даже не человек, а в лучшем случае что-то вроде разумного существа, которое пытается обрести свою цельность, бесцельно слоняясь по Земле под равнодушными звездами. Дни были все одинаковые, но все же они были облегчением после длинных осенних ночей.

Он еще продолжал вести счет дням и на тридцать первый день своего путешествия подошел к концу дороги Харенда. Некогда здесь была большая поляна. Он нашел дорогу через густые

заросли ежевики и изгородь из берез, примыкающую к четырем обвалившимся башням, которые до сих пор возвышались над зарослями. Они были покрыты диким виноградом, вокруг все было завоевано зарослями чертополоха.

Подойдя ближе, он понял, что это за башни. Это были дымовые трубы рухнувшего Дома.

От Дома Харенда теперь осталось только имя.

Дорога вела к развалинам!

Он задержался в том месте на несколько часов в поисках хоть каких-нибудь следов присутствия людей. Он переворачивал немногие уцелевшие части проржавевших механизмов, разбитые черепки, которые пережили даже человеческие кости. Попавшийся под руку лоскут сгнившей материи моментально распался в прах при одном прикосновении. Наконец он все же набрался духу и стал искать тропу, ведущую на запад от поляны. Он прошел мимо какого-то странного места — квадратного поля со стороной в четверть мили, покрытого совершенно ровным и гладким веществом, напоминающим стекло фиолетового цвета, темное, без малейших трещин. Края этого места были присыпаны землей, на нем были набросаны кое-где ветки и листья, но оно было неповрежденным и непоцарапанным. Как будто на этом куске земли когда-то было пролито некоторое количество расплавленного аметиста. Что это было — пусковая площадка какого-то невообразимого летательного аппарата, зеркало, с помощью которого можно было передавать сигналы на другие планеты, основание неизвестного силового поля? Но что бы это ни было, именно оно наверняка навлекло на Дом Харенда беду. Это было слишком великим начинанием, которое Синги не могли позволить предпринять людям.

Фальк прошел мимо этого места и вошел в лес, теперь уже не следуя тропе.

Лес здесь был редким, в нем росли статные лиственные деревья. Остаток дня он шел быстрым шагом и с такой же скоростью двинулся в путь на следующее утро. Местность снова становилась холмистой, цепи холмов пересекали его путь, вытянувшись с севера на юг, и около полудня он оказался в болотистой долине, полной ручьев, окаймленной двумя грядами холмов.

Он стал искать брод, барахтаясь в болотистых заливных лугах: непрерывно шел сильный холодный дождь. Наконец ему удалось выйти из этой угрюмой долины, на счастье, и погода стала проясняться. Когда он выбрался на гребень, из-за туч вышло солнце и стало своими лучами золотить обнаженные стволы и ветви деревьев. Это согрело его. Он продолжал свой путь, рассчитывая прошагать до самой темноты и только тогда разбить лагерь. Все теперь было ярким и абсолютно спокойным, если не считать падавших с концов ветвей капель и отдаленного свиста синичек. Затем он услышал, точно как в своем сне, шаги, которые следовали за ним немного слева в стороне.

Упавший дуб, которые был препятствием, в одно мгновение стал его крепостью.

Фальк упал, укрывшись за ним, и, держа наготове пистолет, громко крикнул:

— Эй, там! Выходи!

Долгое время все было тихо.

— Выходи!— приказал мысленно Фальк. Внезапно до него донесся слабый, противный запах.

Из-за деревьев вышел огромный дикий кабан.

Он пересек человеческие следы и остановился, низко наклонив голову и обнюхивая землю. Нелепая огромная свинья с могучими плечами, острой спиной, сильными, запачканными грязью ногами находилась невдалеке от человека. Кабан поднял голову, и на Фалька посмотрели крохотные сверкающие глазки.

— Ах, человече,— гнусаво сказало создание.

Мышцы Фалька напряглись, он еще крепче сжал рукоятку лазерного пистолета, но стрельбу решил пока не открывать. Раненый боров может быть быстр и опасен. Фальк крепче прижался к стволу дерева, стараясь не шевелиться.

— Человек,— снова проговорил дикий кабан,— думай для меня. Слова мне трудны.

Рука Фалька, державшая пистолет, задрожала.

Неожиданно для самого себя он громко произнес:

— Ну и не говори тогда. Я не умею передавать мысли Давай, иди своей дорогой, кабан.

— Ах, человече, поговори со мной мысленно.

— Уходи или я выстрелю!

Фальк выпрямился и вскинул пистолет в направлении животного.

Маленькие сверкающие свиные глазки злобно уставились на оружие.

— Нехорошо забирать чужую жизнь, человек!— проскрежетал кабан.

Фальк снова собрался с духом, но на этот раз ничего не ответил, будучи уверен, что зверь не поймет его слов. Он несколько раз повел дулом пистолета из стороны в сторону, потом снова прицелился и опять произнес спокойным голосом:

— Уходи, зверь, и я не сделаю тебе ничего дурного.

Кабан в нерешительности опустил голову, затем с невероятной быстротой, как бы освободясь от связывающей его веревки, повернулся и опрометью кинулся в том направлении, откуда пришел.

Фальк постоял неподвижно некоторое время.

Через несколько минут, успокоившись, он снова продолжил свой путь, но сейчас шел, держа пистолет в опущенной руке, наготове.

Существовали старинные предания о говорящих зверях, но обитатели Дома Зоува считали их просто сказками. Фальк ощутил кратковременный приступ тошноты и такое же желание громко рассмеяться, когда зверь убегал, громко продираясь сквозь чащобу.

— Парт,— прошептал он.

Сейчас ему обязательно нужно было хоть с кем-то поговорить.

— Я сейчас получил неплохой урок этики от дикого кабана. О, Парт, вернусь ли я когда-нибудь к тебе?

Он поднялся по крутому склону, заросшему кустарником. На вершине холма лес был реже, и Фальк увидел между деревьями свет солнца и чистое небо.

Еще несколько шагов, и он вышел из-под ветвей на опушку. Зеленый склон опускался к садам и распаханным полям, окружавшим широкую открытую реку. На противоположном берегу реки на огороженном лугу паслось стадо в полсотни голов, а еще дальше, перед западной грядой холмов располагались сенокосные луга и сады. Чуть южнее от того места, где стоял Фальк, река огибала невысокий бугор, на обрыве которого озаренные низким вечерним солнцем возвышались красные трубы Дома.

Он имел такой вид, как будто был перенесен в эту долину из какого-то другого места, из тех веков, которые раньше назывались золотыми.

Дикость безлюдного и очень близкого к нему Леса, казалось, не могла коснуться его. Он как бы воплощал в себе пристанище, какое-то обещание, вселял уверенность в порядок. Это было произведение Человеческих Рук, гимн их труду. Какая-то слабость охватила Фалька при виде дыма, поднимавшегося из его красных кирпичных труб. Огонь очага...

Он сбежал вниз по земляному склону на тропу, которая вилась вдоль реки среди кустов и золотистых ив. Не было видно ни одной живой души, кроме бурых коров, пасшихся за рекой.

Тишина и покой заполняли залитую солнцем долину. Сбавив шаг, он прошел через огороды к ближайшей двери дома. По мере того, как он огибал обрыв, тропа взбиралась все выше и выше. В спокойной воде реки отражались стены из красного кирпича и камня. В некотором замешательстве, он остановился, собираясь с мыслями, потом пришел к выводу, что лучше всего будет позвать кого-нибудь, прежде чем следовать дальше.

Краем глаза он уловил какое-то движение в открытом окне как раз над глубокой дверной нишей. Он в нерешительности стоял и смотрел вверх, когда вдруг ощутил неожиданно глубокую острую боль в груди чуть ниже ребер. Он зашатался, затем поник, не мог уже ни пошевелиться, ни сказать что-нибудь.

Вокруг него появились люди. Он видел их, хотя и смутно, но почему-то не слышал их голосов. У него появилось такое ощущение, как будто он оглох, а тело полностью оцепенело.

Он силился собраться с мыслями, несмотря на эту потерю чувств.

Его схватили и куда-то понесли, но он не ощущал рук, которые подняли его. Ужасное головокружение ошеломило его. Когда оно прошло, он потерял всякий контроль над своими мыслями, которые куда-то рвались, путались, мешали одна другой. Ему казалось, что какие-то голоса начали возникать в его мозгу. Одни кричали, другие шептали. От такой какофонии звуков он начал сходить с ума, и весь мир поплыл, тусклый и беззвучный, перед его глазами.

«Кто ты? Откуда ты пришел? Человек ли ты?»— эти вопросы сливались с ответами, которые он спешил мысленно составить.

Наконец, ему удалось различить стол, вернее, край стола, освещенный лампой в темной комнате.

Он начал видеть, чувства стали возвращаться к нему.

Он сидел на стуле в темной комнате за столом, на котором стояла лампа. Он был привязан к стулу, он ощущал, как веревка врезается в мышцы груди и рук при малейшей попытке пошевелиться. Какое-то движение — слева от него возник человек, справа — другой. Они сидели так же, как и он, очень близко к столу. Они наклонились вперед и переговаривались друг с другом прямо через него. Голоса их звучали, как будто из-за высокой стены, где-то недалеко, но он не мог, как ни пытался, разобрать слова.

Он поежился от холода. Это чувство холода привело его в соприкосновение с окружавшим миром, и он начал восстанавливать свою способность упорядоченно мыслить. Улучшилась слышимость. Теперь он уже мог двигать языком.

Он произнес что-то, что должно было означать: «Что вы со мной сделали?»

Ответа не последовало, но вскоре человек, который сидел слева от него, приблизил свое лицо вплотную к его лицо и громко спросил:

— Почему ты пришел сюда?

Фальк отчетливо слышал слова и через мгновение понял, что они означали. Еще через мгновение он ответил:

— Ради убежища. Мне нужно было отыскать место для ночлега.

— Убежища? От чего ты искал убежища?

— От Леса, от его одиночества.

Холод все больше пронизывал его. Ему удалось слегка высвободить онемевшие руки, и он попытался застегнуть куртку. Пониже веревки, которой он был привязан к стулу, как раз под грудной гостью он прощупал небольшое болезненное пятно.

— Держи руки внизу, незнакомец,— потребовал человек, сидевший в тени справа от него.— Здесь больше, чем программирование, Аргард. Никакая гипнотическая блокировка не могла бы противостоять этому.

Тот, который сидел слева, крупный мужчина с плоским лицом и живыми глазами, ответил слабым, шипящим голосом:

— Ты не можешь с уверенностью сказать, что мы знаем все их хитрости. Но в любом случае, нам необходимо ответить на вопрос — кто он? Ты Фальк, не так ли? Ответь, где находится то место, откуда ты к нам пришел? Дом Зоува, не так ли?

— Это на востоке. Я ушел...

Число никак не приходило ему в голову.

— Четырнадцать дней назад, как я могу полагать,— наконец-то закончил он свою мысль.

Как им удалось узнать название его Дома, а также его имя? Ощущения быстро возвращались к нему, и его удивление длилось недолго.

Ему приходилось охотиться на оленей с Матоком, стреляя при этом подкожными иглами, с помощью которых можно было убить оленя, только чуть-чуть поцарапав его.

Игла, которая вонзилась в него, или последующая инъекция, сделанная в то время, когда он был беспомощен, содержала какой-то наркотик, который, должно быть, убирал как предварительно заученный контроль, так и основные подсознательные блокировки телепатических центров мозга, оставляя его открытым для допроса. Они рылись в его мозгу, в этом не было сомнения. От этой мысли ощущение холода и слабости еще больше усилилось, дополненное бессильной яростью. К чему такое бесцеремонное вторжение? Почему они сразу же решили, что он будет им лгать? Почему они пришли к такому выводу, даже не заговорив с ним?

— Вы думаете, что я — Синг?— спросил он.

Лицо человека справа, худое, с длинными волосами и бородой, внезапно появилось в свете лампы, его губы были сжаты, и он открытой ладонью ударил Фалька по губам. Голова Фалька откинулась назад и от удара он на мгновение ослеп. В ушах зазвенело, он ощутил во рту привкус крови. Затем ему был нанесен второй удар, третий...

Человек этот продолжал непрерывно шипеть, повторяя много раз одни и те же слова:

— Не упоминай этого имени...

Фальк беспомощно ерзал на стуле, чтобы хоть как-то защититься, чтобы вырваться. Человек слева что-то отрывисто сказал, и на некоторое время в комнате воцарилась тишина.

— Я пришел сюда по-доброму,— сказал, наконец, Фальк.

Он старался говорить как можно спокойнее, несмотря на свой гнев, боль и страх.

— Хорошо,— согласился через некоторое время сидевший слева Аргард.— Выкладывай свою историю, а мы послушаем. Только сначала я задам тебе всего один вопрос. Ради чего ты пришел сюда?

— Попроситься переночевать и спросить, есть ли здесь какая-нибудь тропа, ведущая на запад?

— Для чего ты идешь на запад?

— Зачем вы это спрашиваете? Я же сказал вам об этом мысленно, когда ложь не проходит. Вы ведь уже знаете, что у меня на уме.

— У тебя какой-то странный разум,— слабым голосом произнес Аргард,— и такие необычные глаза. Никто не приходит сюда, чтобы переночевать и узнать дорогу, или еще за чем-нибудь. А если все же слуги тех, других, приходят сюда, мы убиваем их. Мы убиваем прислужников и говорящих зверей. Странников, свиней и всякий сброд. Мы не подчиняемся Закону, который гласит, что нельзя отбирать чужую жизнь. Так, Аренем?

Бородач ухмыльнулся, показав при этом коричневые гнилые зубы.

— Мы люди!— продолжал Аргард.— Свободные люди! Мы —

убийцы! А кто ты такой, со своим наполовину развитым мозгом и совиными глазами, и почему бы нам не убить тебя? Разве ты человек?

На своем коротком веку Фальку не доводилось встречаться лицом к лицу с жестокостью и ненавистью. Те немногие люди, которых он знал, пусть и не были бесстрашными, но и не жили, руководствуясь страхом. Они были великодушны и дружелюбны. Рядом с этими двоими он был беззащитен, как ребенок, и знание этого приводило его в замешательство и ярость.

Он тщетно искал какой-нибудь способ защиты или отговорку, но все было напрасно.

Единственное, что он мог говорить, была только правда.

— Я не знаю, кто я и откуда пришел в этот мир. Я иду на запад, чтобы выяснить это.

— На запад? Почему именно на запад? А ну-ка, смелее, говори, куда идешь?

Фальк посмотрел сначала на Аргарда, затем на Ареннема. Он знал, что ответ им известен, и что Ареннем снова ударит его, едва его губы произнесут это слово.

— Отвечай!— прорычал бородатый.

Он приподнялся и наклонился вперед.

— В Эс Тох,— сказал, наконец, Фальк.

Снова Ареннем ударил его по лицу, и снова он принял этот удар молча и униженно, как ребенок, которого обидели неизвестные люди.

— В этом нет ничего путного. Он не собирается говорить ничего, что отличалось бы от того, что мы выведали, когда он был под воздействием пантона. Пусть он встанет,— вступился за Фалька Аргард.

— А что тогда?

Аргард пожал плечами.

— Он пришел сюда просить пристанища на ночь, и он может его получить. Поднимайся!

Веревку, которой он был привязан к стулу, ослабили. Фальк, шатаясь, поднялся. Когда он увидел низкую дверь и черный колодец лестницы, к которому его подвели, он попробовал сопротивляться и вырваться, но мышцы еще не были готовы ему повиноваться. Удар Ареннема застал его врасплох, и он скрючился.

Этим воспользовались его «провожатые», чтобы с силой пихнуть его через порог. Дверь захлопнулась, как только он попытался, шатаясь, удержаться на лестнице.

Здесь было темно. Дверь была подогнана так плотно, что напрочь закупоривала дверной проем. С внутренней стороны двери не было ручки, и не звук, ни свет не проникали через такую тщательно сделанную преграду. Фальк сел на верхней ступеньке и уткнулся лицом в ладони.

Мало-помалу слабость его тела и растерянность в мыслях стали проходить. Он поднял голову и постарался напрячь зрение.

У него было острое ночное видение. На эту способность давным-давно указала еще Райна, глядя на его глаза с огромными

зрачками. Но сейчас... только какие-то туманные, очевидно, ранее видимые им зрительные образы пробегали в мозгу.

Он был еще не в состоянии что-либо увидеть в такой кромешной тьме. Поэтому встал и, осторожно ступая по ступенькам, начал спускаться вниз.

Двадцать одна ступенька, двадцать две, двадцать три — все. Место стало ровным. Фальк медленно двинулся вперед, вытянув руку и прислушиваясь.

Хотя темнота в некотором смысле давила на него, сковывала его движения, страха в нем не было. Методично, наощупь он определил форму и размеры обширного подвала, в котором он находился, и выяснил, что это только первая комната из многих, которые, судя по звуку, уходили в бесконечность.

Он вернулся к лестнице, сел на этот раз на нижнюю ступеньку и некоторое время не двигался. Его начали мучить голод и жажда, поклажа была у него забрана, ему ничего не оставили.

«Это моя собственная вина»,— горько признался себе Фальк, и в его мозгу зазвучало что-то вроде диалога.

Что я такого сделал? Почему они напали на меня?

Зоув ведь говорил тебе: никому не доверяй. Они вот никому не доверяют и, пожалуй, правы.

Даже если бы к ним кто-нибудь пришел, прося о помощи?

С твоим лицом и твоими глазами? С первого взгляда ясно, что ты не являешься обычным человеческим существом!

Но ведь все равно они могли хотя бы дать мне выпить воды, произнесла детская и поэтому не ведавшая страха часть его мозга.

Тебе чертовски повезло, что они не убили тебя, едва завидя, отвечал интеллект, и возразить на это было нечем.

Все обитатели Дома Зоува, конечно, давно привыкли к его внешности, а гости были очень редки и осторожны, и поэтому ему никогда не приходилось сознавать свои физические отличия от человеческой нормы. Казалось, что эти отличия играют гораздо меньшую роль по сравнению с его невежеством и потерей памяти. Теперь же он впервые понял, что незнакомые люди, взглянув на его лицо, не видят в нем человека.

Тот из его мучителей, котрого звали Аренном, особенно боялся его. Он только потому бил его, что болезненно боялся всего чужого и питал к нему отвращение, считая Фалька непонятным чудовищем.

Именно это пытался растолковать ему Зоув, когда давал серьезное и почти нежное напутствие: «Ты должен идти один, и только один ты сможешь пройти весь свой путь!».

Теперь уже ничего нельзя было сделать и оставалось только одно — заснуть и постараться хорошенько отдохнуть. Он как можно удобнее устроился на нижней ступеньке, потому что пол был серым и грязным, и постарался уснуть.

Через некоторое время, утратив реальное чувство времени, он проснулся.

Совсем рядом с ним сновали мыши, издавая слабые скребущие звуки и писк.

— Нехорошо отбирать чужую жизнь, не убивай нас...

— Я буду!— взревел Фальк.

Мыши тотчас стихли.

Снова уснуть оказалось делом трудным, или, вероятно, трудно было с уверенностью сказать, спит он или бодрствует. Он лежал, размышляя, что сейчас снаружи: день или ночь? Сколько времени его здесь продержат, и намереваются ли чужаки убить его и с помощью наркотического воздействия теперь уже не просто вторгнуться в его мозг, а в конце концов уничтожить его. Сколько времени пройдет до того момента, когда жажда и неудобства превратятся в муку? Как можно ловить в темноте мышей без мышеловки, и сколько времени можно продержаться в живых на диете из серых мышей.

Несколько раз, чтобы отвлечься от этих мыслей, он вставал и производил обследование подвала. Он нашел какую-то большую бочку, и сердце его учащенно забилось в надежде, но бочка оказалась пустой. В его пальцы вонзилось несколько заноз, пока он шарил по ее дну. Обследуя вслепую нескончаемые невидимые стены, он так и не нашел другой лестницы или двери.

В конце концов он заблудился и больше уже не мог отыскать лестницу, по которой спустился в этот подвал. Он сел на землю в сплошной темноте и представил себе, что он в лесу под дождем продолжает свое одинокое путешествие под звуки нескончаемого дождя. Он мысленно перебрал все, что только был в состоянии вспомнить из Старого Канона:

«Путь, который может быть пройден,

Не является вечным путем...»

Во рту у него настолько пересохло, что для того, чтобы остудить его, он даже попытался лизать сырую грязь пола, но к языку прилипала лишь пыль. Мыши временами суетились совсем близко от него и что-то пищали.

Где-то в дальних темных коридорах послышался лязг засовов, и мелькнул яркий отблеск света.

Свет...

Вокруг него возникла тусклая реальность мутных очертаний и теней сводов, арок, бочек, перегородок и проемов. Он с трудом поднялся и нетвердой походкой двинулся на свет.

Он исходил из низкого дверного проема, через который, пройдя ближе, он мог увидеть земляную насыпь, верхушки деревьев и багровое то ли утреннее, то ли вечернее небо, которое ослепило его так, как будто на дворе был летний полдень. Он встал в дверном проеме не в силах сдвинуться с места, так как был ослеплен, кроме того, путь ему преградила неподвижная фигура.

— Выходи!— раздался голос Аргарда.

— Минутку. Я еще ничего не вижу.

— Выходи и иди, не останавливайся! Не оборачивайся, а не то сразу срежу лазером твою идиотскую башку!

Фальк сделал несколько шагов вперед и в нерешительности остановился. Мысли, пришедшие в его голову там, в темноте подвала, теперь сослужили ему добрую службу.

Он решил, что если они отпускают его, то боятся его убить.

— Живее!

Он решил воспользоваться этой мыслью.

— Только со своей поклажей,— твердо произнес он.

Из-за страшной сухости во рту голос его звучал как-то пискляво.

— У меня в руке лазер, желтоглазый, не забывай этого, когда разговариваешь со мной.

— Ну так давай, пускай его в ход. Я не могу тронуться в путь через весь континент без своего собственного пистолета.

Теперь уже заколебался Аргард. Через мгновение он завопил:

— Греттен, принеси сюда хлам этого засранца!

Прошло несколько минут. Фальк стоял и неотрывно смотрел на Аргарда, который, ухмыляясь, играл своим оружием в нескольких шагах от него. По поросшему травой склону сбежал мальчик, швырнул на землю мешок Фалька и исчез.

— Забирай!— приказал Аргард.

Фальк поднял свой скраб и выпрямился.

— А теперь ступай.

— Подожди,— пробормотал Фальк.— Одну минуту.

Он опустился на колени, положил мешок на землю, развязал тесемки и стал рыться в содержимом.

— Где моя книга?— вскричал он через мгновение.

— Что? Книга?

— Старый Канон! Книга для чтения, а не справочник по электронике...

— Ты считаешь, что мы отпустили бы тебя с ней?— перебил его Аргард.

Фальк недоуменно пожал плечами и поднялся на ноги.

— Разве вы не чтите Каноны, по которым следует жить людям? Зачем вы отняли у меня эту книгу?

— Ты не знаешь и никогда не будешь знать того, что известно нам. Если ты не уйдешь сейчас по-хорошему, мне придется подпалить тебе руку.

Фальк скривился.

Аргард удовлетворенно заржал.

— Вот то-то! Поэтому топай-ка прямо, не останавливаясь!

В последних словах снова зазвучали визгливые нотки, и Фальк понял, что шутки кончились. Ненависть и страх, которые сейчас особенно ясно проступали на широком умном лице Аргарда, заставили его поспешно завязать мешок и взвалить его на плечи. Он быстро прошел мимо великана и начал подниматься по травянистому склону, который шел от подвальной двери. Теперь Фальк понял, что опустился вечер, так как солнце уже почти скрылось за горизонтом. Он двинулся вслед за солнцем.

Ему казалось, что его затылок и дуло пистолета Аргарда связаны невидимой нитью неопределенности. Пока он шел, можно было ожидать от Аргарда чего угодно, Фальк не сомневался в том, что великан продолжает держать пистолет в вытянутой руке.

Он медленно пересек заросшую сорняками лужайку, по шатким доскам мостика пересек реку, по тропинке прошел мимо пастбища, а затем и сада. Он выбрался на вершину гряды и только здесь рискнул обернуться. Перед его взором предстала зажатая меж двух цепей холмов долина. Причем сейчас пейзаж был точно такой же, как и в первый раз — залитые золотым светом река и долина мирно погружались в небытие ночи.

Когда он торопливо вошел в окутанный печалью Лес, ночь уже вступила в свои права.

Мучимый жаждой и голодом, упавший духом, Фальк теперь уныло размышлял над своим бесцельным путешествием через Восточный Лес, простиравшийся перед ним. Он потерял даже смутную надежду на то, что хоть где-то на пути ему повстречается дружеский очаг, и встреча с другими людьми скрасит его суровое одиночество. Теперь он должен будет не искать дорог, а всячески избегать их.

Он будет прятаться от людей и мест их обитания, и такое поведение будет сродни повадкам дикого зверя. Только одно чуть-чуть утешало его, если не считать ручья, из которого он напился, и некоторой еды из мешка: мысль о том, что хотя он и сам навлек на себя беду своей неосмотрительностью, он не встал на колени.

Он смело вступил в бой с этими невежественными людьми на их собственной территории и благодаря своей выдержке смог вырваться из плена. От этой мысли ему стало немного легче на душе. Он настолько мало знал себя, что все эти поступки стали актами открытия. Зная, что ему столь многого еще не достает, он был рад узнать, что уж смелостью, во всяком случае, не обделен.

После того, как он напился и поел, а затем снова напился, он двинулся в путь, освещаемый неровным светом луны, которого было вполне достаточно для его глаз, и вскоре между ним и Домом Страха, как он про себя назвал этого место, пролегла добрая миля холмистой местности. Затем совершенно измотанный, он прилег, чтобы выспаться, на краю небольшой прогалины. Костра он решил не разводить, а соорудить хоть какой-то навес над головой у него уже не было сил. Несмотря на усталость, он некоторое время лежал, глядя вверх на озаренное лунным светом зимнее небо. Ничто не нарушало тишины, кроме редких тихих криков охотившейся совы. Эта безмятежность и заброшенность казались ему успокоительными и благословенными после мышиной возни в полном каких-то голосов темном подвале — темнице Дома Страха.

Продвигаясь дальше на запад, он не вел счет дням. Он шел, и шло время.

В Доме Страха он потерял не только книгу.

У него забрали также серебряную фляжку Матока и небольшую коробочку, тоже из серебра, с дезинфицирующей мазью. Они могли оставить у себя книгу, потому что она была очень сильно им нужна, или потому, что считали ее чем-то вроде

кодекса законов или же книгой тайн. Какое-то время потеря книги необъяснимо угнетала его, так как ему казалось, что она была единственным связующим звеном между ним и людьми, которых он очень любил и которым верил.

Однажды он даже сказал себе, сидя у костра, что на следующий день он повернет назад, снова разыщет Дом Страха и заберет, пусть даже силой, свою книгу. Но на следующий день он возобновил свой путь на запад, идя по компасу и по солнцу. Ночью он убедил себя, что не смог бы снова отыскать какое-нибудь пройденное место среди этих необозримых просторов Леса, так надежно скрывавшего свои холмы и долины.

Он наверняка не смог бы уже найти ни укромную поляну Аргарда, ни Поляну, где, наверное, Парт что-то ткет при скудном свете зимнего солнца. Все это осталось позади и было для него утрачено навсегда.

«Возможно, теперь,— думал он,— это даже хорошо, что книга пропала. Что для него должна была означать эта книга, с ее разумным и терпеливым мистицизмом очень древней цивилизации? Этот тихий голос давно забытых войн и бедствий, говоривший из глубины веков?»

Теперь он всецело жил за счет охоты, и это значительно уменьшило его дневные переходы. Даже если дичи было много и она не пугалась выстрелов, охота совсем не состязание, где можно торопиться, ведь потом нужно еще освежевать и сварить добычу, а затем, сидя у костра, обсасывать косточки, наполнив на некоторое время желудок, подремать на зимнем холоде у слабо греющего костра.

Кроме того, нужно было строить шалаш для защиты от дождя и снега, в котором можно провести ночь. Следующий день был точно таким же. Книге не было здесь места, даже этому Старому Канону Бездействия. Он не смог бы сейчас читать его. По существу, он перестал думать. Он охотился, ел, шел, спал в молчаливом Лесу — похожий на серую тень, скользящую на запад через холодную пустыню зимнего леса.

Погода становилась все холоднее.

Часто худые дикие коты, красивые маленькие твари с пятнистым или полосатым мехом и зелеными глазами, ждали неподалеку от его костра, чтобы отведать остатки его трапезы, и выскакивали с осторожной и хищной свирепостью, чтобы утащить кости, которые он им швырял от скуки. Их пища состояла в основном из грызунов, которые уже погрузились в зимнюю спячку, и, похоже, котам было очень трудно переживать очередное холодное время года.

После того, как он покинул Дом Страха, ему не попадались звери, говорившие вслух или хотя бы мысленно. Никто никогда не трогал и не портил зверье в этих прелестных низменных лесах, которые он пересекал. Возможно даже, что животные никогда не видели здесь человека, не чувствовали его запах. И по мере того, как он все больше углублялся в Лес, он все более отчетливо сознавал необычность того Дома, притаившегося в

мирной долине, с необычными подвалами, полными мышей, которые попискивали словами языка людей, его обитателей, обладавших обширными знаниями, наркотиками для извлечения правды и вместе с тем настолько невежественных, что их можно было сравнить разве что с дикарями.

Только сейчас он начал думать, что именно там впервые повстречался с Врагом.

Но то, что Враг притаился здесь, в этом Лесу, было сомнительно. Здесь не было никого, и вряд ли кто-нибудь будет.

На серых ветвях кричали сойки. Покрытые инеем листья хрустели под ногами — листья сотен осеней. Какой-то высокий лось с любопытством смотрел на Фалька, неподвижно стоя в дальнем конце луга, как бы спрашивая у него разрешения на нахождение в этих тихих местах.

— Я не буду стрелять в тебя. Сегодня утром я запасся двумя курицами!— крикнул Фальк.

Он рассмеялся.

Лось-самец с величественным самообладанием посмотрел на него и бессловесно пошел прочь. Здесь ничто не боялось Фалька, никто не заговаривал с ним. Он даже как-то подумал, что в конце концов может забыть речь и снова стать таким, каким он уже был однажды — немым, диким, утратившим все человеческое. Он слишком далеко, очень далеко ушел от людей и зашел туда, где господствует только зверь и где никогда не было человека.

На краю луга он споткнулся о камень и, стоя на четвереньках, прочел выветренные буквы, вырезанные на полупогребенной под землей глыбе:

«С к ... о ... а».

Люди были здесь! Они здесь жили.

Под его ногами, под упругой подушкой из полусгнивших стволов и листьев, под корнями деревьев был когда-то город!

Только он пришел в этот город с опозданием на одно или два тысячелетия.

3 Дни, счет которым Фальк давно потерял, стали понемногу удлиняться, и он понял, что конец года скорее всего уже прошел. Хотя погода сохранялась не такой плохой, как могла быть в это время года, она все же доставляла Фальку довольно много неприятностей. Часто шел снег, не такой сильный, чтобы помешать ходьбе, но достаточный для того, чтобы Фальк мог понять, что если бы у него не было зимней одежды и спального мешка, захваченных из Дома Зоува, он гораздо сильнее ощущал бы все «прелести» этого сезона. Северный ветер дул настолько свирепо, что Фалька все время сбивало немного к югу, и он часто вместо того, чтобы идти против ветра, шел на юго-запад.

Одним пасмурным дождливым днем он спускался вдоль текущего на юг ручья, с трудом продирался сквозь густые кусты, росшие по его берегам. Внезапно кусты исчезли, и он остановился. Перед ним простиралась великая река, поверхность которой

тускло блестела и была испещрена оспинами дождя. Вязкий противоположный берег был наполовину скрыт туманом. Фалька ужаснула ширина реки. Он был потрясен мощью этого величественного молчаливого потока темной воды, несшейся под низким зимним небом на запад. Сначала он решил, что это, должно быть, Внутренняя Река, один из немногих ориентиров внутренней части материка, известных по слухам жителям Домов Восточного Леса. Однако говорили, что он течет на юг, являясь западной границей царства деревьев. Наверное, это был один из ее притоков. Фальк пошел вдоль него, потому что при этом не нужно было пересекать холмистую местность, а сама река обеспечивала его и питьевой водой, и хорошей охотой.

Было приятно временами идти вместо тропинки по песчаному берегу, когда вместо угнетавшей тьмы ветвей над головой было открытое небо.

Утром одного их многих дней, проведенных у реки, ему удалось подстрелить дикую курицу.

Куры здесь водились повсеместно, собираясь в пронзительно кричащие, низко летящие стаи, и куриное мясо стало основной его пищей.

Он перебил крыло этой птице и когда подбирал ее, она была еще жива.

Она билась на земле и кричала пронзительным голосом:

— Брать жизнь... брать жизнь...

Он скрутил ей шею.

Слова звенели в его голове и он, как ни старался, не мог их заглушить.

Последний случай, когда животное заговорило с ним, произошел неподалеку от Дома Страха, и это значило, что где-то среди этих унылых холмов должны жить люди. Какая-то затаившаяся группа, вроде той, к которой принадлежал Аргард. Или дикие Странники, которые непременно убьют его, как только увидят его глаза. А может быть, это люди, которые живут в кабале у своего повелителя и которые отведут его к нему, чтобы тот с радостью превратил его в раба.

Он все же хотел отыскать дорогу к ним тогда, когда это ему самому будет удобно.

«Никому не верь, избегай людей!»

Теперь он хорошо выучил этот урок.

В этот день он осторожно двигался вперед и делал это так тихо, что зачастую водяные птицы, которых было полно на берегах реки, неожиданно взлетали почти из-под его ног.

Однако ему не попадались тропы, и он не видел никаких признаков человеческих существ, которые бы обитали у реки или близко подходили к ней. Только в конце одного короткого дня впереди него взлетела стая бронзово-зеленых уток и полетела над водой, перекликаясь между собой бессвязными словами человеческой речи.

Пройдя еще немного, он остановился, полагая, что в дунове-

нии ветра ему почудился запах горящих дров. Ветер дул с северо-запада, и Фальк еще более осторожно двинулся вперед.

Когда на реку стал опускаться вечер, далеко впереди на заросшем кустарниками берегу мелькнул и исчез огонек, затем вспыхнул снова.

Теперь его остановили не страх и даже не осторожность, а то, что это был первый огонь с тех пор, как он покинул Поляну. Зрелище это чем-то странно тронуло его душу.

Осторожный, как всякое лесное животное, он подождал, пока ночь полночью вступит в свои права, а затем медленно и бесшумно двинулся по берегу реки, стараясь не покидать тень от ив, пока не подошел настолько близко, что различил квадарат окна, через которое был виден очаг. Это была маленькая хижина с острой крышей, на которой было полно снега. Высоко над темным лесом и рекой сияло созвездие Ориона, сейчас наиболее яркое в этой тихой и морозной ночи. Время от времени с ветвей деревьев падал снег, рассыпаясь на отдельные снежинки, плывшие над рекой и вспыхивающие, словно искорки в луче света, падающего из окна.

Фальк стоял, не сводя глаз с огня в хижине.

Он подошел еще ближе, стараясь не производить шума.

Внезапно дверь хижины со скрипом отворилась, земля перед ней озарилась золотым сиянием и вверх поднялась снежная пыль.

— Иди сюда, к огню,— произнес человек.

Он стоял в проеме двери, совсем не заботясь о том, что был совершенно беззащитен, так как находился на свету, лившемся из хижины.

Хоронясь во тьме, Фальк ухватился руками за лазер и замер.

— Я ловлю твои мысли, незнакомец,— снова бросил в темноту хозяин хижины.— Я — Слухач. Иди смелее. Здесь нечего бояться. Или, может быть, ты меня не понимаешь? Ты говоришь на этом языке?

Фальк молчал.

— Ну что ж, будем надеяться, что ты меня понимаешь, потому что я не собираюсь пользоваться при общении с тобой мысленной речью. Здесь нет никого, кроме меня и тебя... Конечно,— опять начал говорить незнакомец,— я без труда слышу тебя, ну, точно так же, как ты своими ушами слышишь меня. Я знаю, что ты здесь и не отваживаешься выйти из темноты ко мне. Подойди, и я тебе клянусь, что ничто не угрожает одинокому путнику у меня в доме. Я сейчас уйду, а ты, если захочешь отдохнуть в тепле, постучись.

Дверь закрылась.

Фальк еще некоторое время постоял, затем пересек несколько ярдов в темноте, которые отделяли его от двери домика и постучался.

— Заходи!

Он открыл дверь и очутился среди тепла и света. Старик,

седые волосы которого падали на спину, стоял на коленях перед очагом, поправляя огонь. Он даже не повернулся, чтобы взглянуть на незнакомца, и продолжал методично засовывать дрова в топку. Затем, немного погодя, он стал громко декламировать чуть нараспев:

Я один, один
Я в смятеньи
И всеми заброшен,
Будто в море плыву,
И нет гавани,
Где бросить мне якорь.
Голова его повернулась.

Старик улыбнулся, узкие, яркие глаза искоса смотрели на Фалька.

Голосом сбивчивым и хриплым, потому что ему уже давно не приходилось пускать его в ход, Фальк ответил:

От всех есть какая-то польза,
Только я один
Ни на что не годен,
И мне некуда притулиться.
Я один, я отличаюсь от всех,
Я чужестранец,
Но я ищу мать,
Вскормившую меня молоком,
И я найду свой путь.

— Ха, ха, ха,— старик рассмеялся.

— Так ли это, желтоглазый? Впрочем, это твое дело. Садись сюда, поближе к огню. Значит, ты чужестранец? И сколько дней ты уже не мылся горячей водой? Кто знает? Где эта чертова кочерга? Сегодня на дворе холодно. Да, холод такой, как поцелуй предателя. А мы здесь. Ну-ка, поднеси мне вот ту вязанку дров, у двери, и я суну ее в огонь. Вот так. Я — человек скромный, и особого комфорта у меня не жди. Но горячая ванна есть, горячая ванна, не все ли равно, от чего греется вода — от расщепления водорода или от сосновых поленьев, не так ли? Да, ты на самом деле чужестранец, парень, и твоя одежда так же нуждается в горячей воде, пусть она и устойчива против дождя. А как насчет кроликов? Хорошо. Завтра мы приготовим пару тушеных зверьков, да еще насыпем туда много зелени, ведь на овощи ты не мог охотиться со своим лазерным пистолетом, а? У тебя нет их в запасе в мешке, разве не так? Я живу здесь один-одинешенек, самый великий Слухач. Я живу один и очень много говорю. Родился я не здесь, не в лесу. Но я никогда не мог закрыться от людских мыслей, от людской суеты, от людской печали, в общем, от всего, что так свойственно именно людям. Мне приходилось продираться сквозь густой лес их мыслей, планов, тревог, и вот поэтому я решил жить здесь, в настоящем лесу, окруженный только зверьем. Слава богу, что есть еще места на Земле, обитатели которых имеют столь куцые и спокой-

ные мозги. В этих мыслях нет смертоносных планов и лжи, так же, как нет этого и в их головах. Садись сюда, парень, ты очень долго шел, и ноги твои устали.

Фальк присел на деревянную скамью у очага.

— Спасибо вам за гостеприимство,— сказал он.

Он уже хотел назвать свое имя, но старик опередил его.

— Не трудись, парень. Я могу дать тебе уйму хороших имен, вполне пристойных для этой части мира. Желтоглазый, Чужеземец, Гость, любое, какое только пожелаешь. Помни о том, что я Слухач, а не мыслепередатчик. Мне не нужны слова или имена. Я сразу ощутил, что где-то там, во тьме, одинокая душа, и я знаю, что мое освещенное окно слепило твои глаза. Разве этого недостаточно? Мне не нужны имена. А мое имя — Самый Одинокий. Верно? А теперь давай двигайся поближе к огню и грейся.

— Мне уже тепло,— запротестовал Фальк.

Седые космы старика скользили по его плечам, когда он, проворный и хрупкий, сновал то туда, то сюда. Плавно текла его гладкая речь. Он никогда не задавал настоящих вопросов и ни на мгновение не останавливался, чтобы услышать ответ. Он не ведал страха, и было невозможно бояться его.

Теперь Фальк впервые отдыхал не в лесу.

Ему не нужно было думать о погоде, о темноте, о зверях и деревьях. Он мог сидеть, протянув ноги к яркому огню, мог есть вместе с кем-то, мог вымыться у огня в деревянной лохани, в которой была горячая вода. Он не знал, что доставляет ему большее удовольствие — тепло воды, смывающей грязь и усталость, или тепло, отмывавшее здесь его душу, быстрая болтовня старика, чудесная сложность людского раговора после долгого молчания в пустыне...

Он принимал на веру все, что говорил старик, так как старик был способен ощущать все эмоции и чувства Фалька, так как он был Эмпатом-сопережевателем. Эмпатия по сравнению с телепатией была тем же, что осязание по сравнению со зрением. Более неясное, более примитивное и более пытливое чувство. Ей не надо было обучаться до такой степени, как телепатии. Непроизвольная сознательная эмпатия не была необычной даже среди нетренированных. Слепая Кретьян путем тренировок научилась воспринимать мысли, имея такой же дар: как этот. Фальк быстро понял, что старик по сути постоянно осознавал до некоторой степени все, что чувствует и ощущает его гость. Почему-то это не беспокоило Фалька, хотя осознание того, что наркотик Аргарда открыл его мозг для телепатического проникновения, привело его в бешенстве. Разница была в намерении и еще кое в чем.

— Сегодня утром я убил курицу,— сказал он, когда старик замолчал на некоторое время, согревая для него полотенце над очагом.

– Она говорила на этом же языке. Некоторые слова были из Закона. Означает ли это, что здесь есть еще кто-нибудь поблизости, кто мог научить зверье и птиц нашему языку?

Даже когда он вымылся в лохани, он не мог расслабиться настолько, чтобы произнести имя Врага, особенно после урока, преподанного ему в Доме Страха.

Вместо ответа старик впервые просто задал вопрос:

— Ты съел эту курицу?

— Нет.

Фальк покачал головой, насухо вытираясь полотенцем так, что кожа его покраснела.

— Я не стал ее есть после того, как она заговорила. Вместо этого я настрелял кроликов.

— Убил ее и не съел?

Старик загоготал.

— Стыдно, парень.

Старик начал кричать, словно дикий петух.

— Есть ли у тебя благоговение перед жизнью? Ты должен понимать Закон. Он гласит, что без нужды, просто так, нельзя убивать. Помни об этом в Эс Тохе. Ты уже сухой? Прикрой свою наготу, Адам из Канона Яхве. Нет, завернись в это. Это, конечно, погрубее, чем твоя одежда. Это всего лишь оленья шкура, выделанная в моче, но, по крайней мере, она чистая.

— Откуда вы знаете, что я собираюсь в Эс Тох?— спросил Фальк.

Он закутался, как в тогу, в мягкий меховой балахон.

— Потому что ты не человек,— сказал старик.— И не забывай о том, что я Слухач. Мне известна направленность твоих мыслей: чужестранец. Север и Юг,— туманные понятия для тебя. Далеко позади на востоке утраченная яркость. На западе лежит тьма, суровая гнетущая тьма. Слушай меня, потому что я не хочу слушать тебя, дорогой гость, идущий во тьме наощупь. Если бы я сам хотел выслушивать людские разговоры: я бы не жил здесь среди диких свиней как дикий кабан. Я должен это сказать: прежде чем пойду спать. Это для тебя должно быть самой главной новостью, мудростью и советом. Помни об этом: когда ступишь в ужасную тьму ярких огней Эс Тоха. Странные обрывки сведений могут всегда пригодиться. А теперь забудь и о востоке, и о западе и ложись-ка спать. Бери себе кровать. Сам я противник показной роскоши и аплодирую простым радостям существования, таким, как кровать для сна. Во всяком случае, пока что. И даже в компании еще какого-нибудь человека раз или два в год... Хотя и не могу сказать, что мне не хватает людского общества, как тебе. Хоть я один, но не одинок.

Он соорудил себе что-то вроде ложа на полу и стал цитировать строки Нового Канона:

«Я одинок не более, чем ручей у мельницы или петух на флюгере, или полярная звезда, или южный ветер, или апрельский дождь, или январская оттепель, или первый паучок в новом доме. Я одинок не более, чем утка в пруду, которая громко смеется, или сам Уолденский пруд...

Здесь он сказал «спокойной ночи» и замолчал.

В эту ночь Фальк спал так крепко и долго, как еще никогда с начала своего путешествия.

В хижине у реки он пробыл еще два дня и две ночи, так как ее хозяин очень радушно принимал, и он обнаружил, что очень трудно покинуть эту маленькую обитель тепла, света и общения. Старик редко прислушивался к его вопросам и никогда на них не отвечал, но среди его поистине непрерывающейся болтовни просматривались и исчезали некоторые факты и намеки. Он знал, каков путь отсюда на запад, и что может на нем повстречаться. Но на каком расстоянии отсюда это может находиться — с уверенностью Фальк не мог разобрать. Как далеко до Эс Тоха? Что находится дальше этого города? Сам Фальк не имел об этом никаких представлений. Единственное, что он знал, это то, что в конце концов можно выйти к Западному Морю, а за ним лежит Великий Континент, и после этого, обойдя вокруг, можно попасть в Восточное Море и в Лес. То, что Мир является круглым, люди знали, но никаких карт у них не осталось.

Фальку казалось, что старик мог бы попробовать нарисовать карту. Но откуда взялось такое предположение, он вряд ли понимал, потому что Слухач никогда прямо не говорил об этом, о том, что он сам делал или видел за пределами своей крохотной прогалины на речном берегу.

— Приглядывайся к курам, идя вниз по реке,— посоветовал как бы между прочим за завтраком старик.— Некоторые из них умеют говорить, другие могут слушать, как мы, а? Я говорю, а ты слушаешь, потому, конечно, что я — Слухач, а ты Вестник. Чертова логика. Помни о курах и не доверяй тому, что они поют. Петухам можно доверять больше — они слишком заняты своим кукареканьем. Иди один. Вреда тебе от этого не будет. Передавай от меня привет всем Правителям и Странникам, которых ты встретишь, особенно Ханстреллам. Между прочим, прошлой ночью мне в голову пришла мысль: что ты достаточно поупражнялся в ходьбе и мог бы взять мой слайдер. Путь длинный, а зачем спрашивается, зря утруждать ноги? Я совсем забыл о том, что он у меня есть. Я не собираюсь его как-то использовать: поскольку не собираюсь покидать это место, кроме как... только после моей смерти. Я надеюсь: что сюда кто-нибудь забредет и похоронит меня или хотя бы оттащит мое тело в лес на съедение зверям и букашкам. Меня не прельщает перспектива сгнить здесь, в этом доме, после всех тех лет, когда я в чистоте содержал это место. В лесу пользоваться слайдером ты: конечно, не сможешь: но если будешь спускаться к реке, он вполне может пригодиться. А для того, чтобы переправиться через Внутреннюю Реку, слайдер будет просто необходим. Если хочешь его взять, он в наклонной башне. Мне он не нужен.

Сходная философия была и у обитателей Дома Катола, ближайшего к Дому Зоува поселения.

Фальк знал, что одним из принципов ее было жить, стараясь по возможности не пользоваться механическими приспособлениями, То, что этот старик, живя гораздо примитивнее, чем

они, разводя птицу и выращивали овощи, потому что у него не было даже ружья для охоты, имеет такой продукт сложной технологии, как слайдер, было для Фалька очень странным и заставило его в первый раз взглянуть на хозяина дома с некоторым сомнением.

Слухач захихикал, чмокая губами.

— У тебя никогда не было оснований доверять мне, парнишка-чужестранец.

Он кивнул головой.

— А у меня — тебе. Ведь в конце концов, многое можно утаить даже от самого чуткого Слухача. Человек может в своем мозгу прятать многое даже от самого себя, так что другие уж и вовсе не смогут пробраться в его мысли. Возьми слайдер. Я уже свое отпутешествовал. Слайдер рассчитан только на одного, а ты как раз идешь один. Я думаю, что тебе предстоит еще очень долгий путь, который ты вряд ли сможешь пройти до конца, если пойдешь пешком. И даже на слайдере...

Фальк не решился задать еще один вопрос, на старик ответил на него:

— Может быть, тебе лучше вернуться домой, малыш?— спросил он.

Расставаясь с ним на заре, Фальк с сожалением и благодарностью предложил ему свою руку, как Главе Дома — так его учили поступать в подобных случаях. Но одновременно с этим он еле слышно произнес слово «Тискной».

— Каким это именем ты назвал меня, Вестник?

— Оно означает... Я думаю, что оно означает «отец».

Слово это нечаянно вырвалось из его уст, он не подумал, когда произносил его. Не был он уверен и в том, что знает, что оно означает, и не имел представления, к какому языку оно принадлежало.

— Прощай, бедный доверчивый дурачок! Говори всегда правду и знай, что в правде твое освобождение. А может быть, и нет, все зависит от случая. Иди один, дорогой дурачок! Так, наверное, будет для тебя лучше. И помни, что мне будет очень недоставать твоих мыслей. Прощай. Рыба и гости начинают попахивать на четвертый день. Прощай!

Фальк поднялся на крыло слайдера и заглянул внутрь аппарата. Внутренняя поверхность кабины была причудливо украшена объемным орнаментом из титановой проволки. Орнамент скрывал все кроме приборов управления, но Фальк уже пользовался аппаратом подобного типа в Доме Зоува, и поэтому сомнения в возможности управления машиной у него не возникало.

Удобно усевшись в кресло водителя, он, после быстрого изучения приборной доски, прикоснулся к левому управляющему сектору, переместил свой палец вдоль него, и слайдер бесшумно поднялся больше чем на полметра.

Следущим своим движением Фальк заставил аппарат заскользить по двору к берегу реки, пока он не стал парить над ледяной пеной заводи, у которой стояла хижина. Он оглянулся,

чтобы попрощаться, но старик уже исчез с порога, закрыв за собой дверь. Фальк направил свой бесшумный челн по широкому темному проспекту реки, над ним сомкнулась величественная тишина.

Ледяной туман собирался густыми клубами впереди и позади него, висел среди деревьев по берегам. И земля, и деревья, и небо — все было серым ото льда и тумана. Только воды, над которыми он скользил, были темными. Когда на следующий день начал идти снег: снежинки казались черными точками на фоне неба и превращались в белые над водой, прежде чем исчезнуть в бесконечном потоке.

Такой способ передвижения был вдвое быстрее, чем ходьба, и намного безопаснее и легче — он был таким легким, что однообразие действовало как гипноз.

Фальк был рад выйти на берег, когда возникала необходимость поохотиться или встать на ночевку. Водяные птицы сами попадались ему в руки, и животные, спускавшиеся к воде на водопой, смотрели на него, как будто он на слайдере был чем-то вроде журавля или цапли, скользящих мимо них, и подставляли свои беззащитные бока и груди под дуло его охотничьего пистолета. Ему оставалось только освежить добычу, разделать на куски, приготовить, поесть и соорудить небольшой шалаш из сучьев и коры на случай снега или дождя, закрыв его сверху вместо крыши слайдером... В нем он спал, на заре съедал оставшееся с вечера мясо, напивался воды из реки и отправлялся дальше в путь.

Он забавлялся слайдером, чтобы скоротать бесконечные часы: поднимал его метров на пять вверх, где ветер и толща воздуха делали ненадежной воздушную подушку, и наклонял почти до точки опрокидывания, а затем компенсировал своим собственным весом и органами управления, или глубоко зарывал аппарат в воду, поднимая за собой дикие буруны, так что слайдер с плеском несся вперед, непрерывно шлепаясь о поверхность воды и, встречая сопротивление, становился на дыбы, как самец оленя во время гона. Несколько падений не отвратили Фалька от таких развлечений, так как он отлично знал, что автоматика машины была настроена таким образом, что в том случае, когда она становилась неуправляемой, всякое движение прекращалось, и машина зависала на высоте в четверть метра, так что Фальку оставалось только взобраться в нее, добраться до берега и развести костер, если сильно продрог, или же просто продолжить свой путь, не обращая внимания на такую пустяковую вещь. Его одежда была водонепроницаемой и от купания в реке он промокал не больше чем от дождя. Одежда сохраняла его тепло, но все-же по-настоящему тепло ему никогда не было. Маленькие костры служили только для приготовления пищи.

После бесконечных длинных дней с дождем и туманом, едва ли во всем Восточном Лесу хватило сухих дров, чтобы развести настоящий костер.

И вот однажды: совершив очередной крутой поворот в возду-

хе и с плеском плюхнувшись в воду, он заметил далеко впереди шедшую ему навстречу лодку.

С этого судна другое было видно, как на ладони, и проскользнуть незамеченным в тени прибрежных деревьев уже не было ни малейшей возможности. Держа пистолет в руке, Фальк распростерся на дне слайдера и повернул его к правому берегу, идя на высоте трех метров, чтобы иметь более выгодное положение, по сравнению с людьми в лодке.

Они спокойно плыли против течения, поставив один небольшой треугольный парус. Когда расстояние между лодками сократилось, несмотря на то, что ветер дул вниз по течению, Фальк смог отчетливо различить звуки их пения.

Они подошли еще ближе, продолжая петь, не обращая на него никакого внимания.

На протяжении всей его короткой памяти музыка всегда и привлекала его, и вызывала страх, наполняя его чувством какого-то мучительного восторга, доставляя наслаждение, близкое к пытке. При звуке поющего человеческого голоса он особенно сильно чувствовал, что он не человек, что эта игра ритма, высоты звука и такта абсолютно чужда ему, что это не что-то забытое им, а совершенно новое для него, что это лежит вне шкалы его представления.

Но именно необычность музыки привлекала его, и теперь он бессознательно замедлил слайдер: чтобы послушать.

Пели четыре или пять голосов, то все вместе, то по отдельности, то в различных сочетаниях, создавая удивительно гармоническое целое, чего ему никогда не доводилось слышать. Слов он не понимал. Казалось, что весь лес, мили серой воды и серого неба слушают вместе с ним это звенящее, берущее за душу чудо человеческого величия.

Песня утихла, сменилась тихим смехом и разговором. Теперь лодка и слайдер были почти на одной линии, разделяемые сотней метров реки. Высокий, очень стройный человек, стоя во весь рост у руля, окликнул Фалька — его чистый голос разнесся звонким эхом над поверхностью вод. Фальк ничего не понял.

В серо-стальном свете зимнего дня волосы рулевого и волосы остальных четырех или пяти человек в лодке отливали красным золотом.

Наклоняя вперед сильные тела, они смеялись и манили его к себе. Он не мог точно разобрать, сколько людей находилось в лодке, на какой-то миг одно лицо стало видно совершенно отчетливо — лицо женщины, пристально следившей за ним.

Как завороженный: Фальк совсем остановил свой слайдер и завис над поверхностью воды. Лодка же, казалось, перестала двигаться.

— Следуй за нами,— снова позвал мужчина.

На этот раз, узнав язык, Фальк понял его.

Это был старый язык Лиги — Галакт.

Как и все обитатели леса, Фальк научился ему с магнитных лент и книг: потому что все документы, сохранившиеся со вре-

мен Великой Эры, были написаны на нем, он служил средством общения людей, говоривших на разных языках. Диалекты, на которых говорили обитатели Леса, также происходили из Галакта, но за тысячи лет очень далеко ушли от него, и теперь языки отдельных Домов могли сильно отличаться друг от друга. Как-то раз к Дому Зоува пришли путешественники с берегов Восточного Леса, говорившие на столь отличном языке, что легче оказалось объясниться с ними при помощи Галакта, и только Фальк услышал его как живой, произносимый человеком. Во всех остальных случаях это был голос звуковых книг или шепот гипнотических лент, раздававшийся в его ушах в темноте долгой зимней ночти или длинного серого вечера. Архаичный, похожий на сон язык звучал сейчас совсем по-другому в звонком голосе рулевого.

— Следуй за нами, мы идем в город.

— В какой город?

— В наш собственный,— отозвался рулевой.

Он рассмеялся.

— В город, который радушно встречает путешественников,— подхватил другой со смехом.

Вслед за ним высокими чистыми голосами рассмеялись еще несколько человек.

— Тем, кто не таит против нас злого умысла, нечего нас бояться!

Женщина тоже рассмеялась и крикнула:

— Выходи из пустыни, путешественник, и послушай наши песни.

— Кто вы?— крикнул он.

Дул ветер, река мощно катила свои воды.

Лодка и слайдер оставались все на тех же местах, как-бы разочарованно глядя друг на друга, разделенные воздухом и водой.

— Мы люди!

С этим ответом исчезло все очарование, как будто его сдул легкий порыв восточного ветерка. Фальк снова испытал то чувство, какое у него было, когда подбитая птица билась в его руках и выкрикивала человечес е слова своим пронзительным нечеловеческим голосом.

Теперь, как и тогда, его пронзил холод, и он, не колеблясь, не раздумывая, прикоснулся к серебристому рычагу управления и послал слайдер на полной скорости вперед.

Хотя теперь ветер дул в его сторону, он не слышал каких-нибудь звуков с той стороны, где была лодка, и через несколько мгновений, когда вся его решительность исчезла, он замедлил судно и оглянулся. Лодки уже не было видно. На поверхности реки вплоть до самого поворота вд ли ничего не было.

После этого Фальк уже больше не предавался шумным играм со своим слайдером и двигался вперед как можно быстрее и тише. Всю ночь он не разводил костра и сон его был тревожным.

И все-таки что-то из испытанного им очарования все же осталось. Сладкие голоса говорили о городе, «алона» на древнем

языке, и скользя вниз по реке, один среди пустынных берегов, в метре над черной водой, Фальк вслух шептал это слово. «Алона» — место человека.

Там собирались вместе неисчислимые мириады людей, не один Дом, а тысячи домов, огромных мест жительства, башен, стен, окон, улиц и тех открытых мест, где встречались улицы, где были расположены, как об этом говорилось в книгах, дома для тороговли. В этих домах производились и продавались самые изощренные творения человеческих рук. Там возвышались правительственные дороги, где сильные мира сего встречались для того, чтобы обсудить свои великие деяния. Там, в этом городе, были огромные поля, с которых корабли стартовали к иным мирам. Разве было на Земле что-нибудь более замечательное, чем эти Места Людей.

Теперь же это все давно исчезло.

Оставался только Эс Тох, обитель Лжи.

Во всем Восточном Лесу не было ни одного города, не было башен из бетона, стекла и стали, наполненных живыми душами, башен, которые бы вздымались над болотами и зарослями ольхи, над кроличьими норами и оленьими тропами, над заброшенными дорогами, обломками и развалинами.

И все же видение города непрерывно стояло перед глазами Фалька, как память о чем-то таком, что он никогда не видел.

Об этом он судил по силе наваждения, по силе той иллюзии, которая слепо толкала его вперед, на запад, и ему казалось, что она исходит из какого-то источника, расположенного именно в том направлении.

Шли дни, река продолжала катить свои воды, и в один из серых дней перед ним стал раскрываться во всю ширь новый мир — необозримая гладь вод под обширным небом — место слияния Лесной Реки с Внутренней Рекой. Неудивительно, что он слышал о Внутренней Реке, даже несмотря на глубокое невежество, порожденное сотнями миль расстояния от этой реки до дальних холмов и Домов Восточного Леса. Река была столь грандиозной, что даже Синги не могли утаить ее. Фальк пёресек место слияния вод, высадился на западном берегу и впервые на своей памяти очутился вне Леса.

К северу, западу и югу простиралась холмистая равнина, покрытая во многих местах группами деревьев и зарослями кустов, но тем не менее, Фальк сразу понял, куда он попал. Напрягая глаза, он вглядывался на запад, стремясь увидеть там горы. Считалось, что эта открытая местность простиралась на большое расстояние, правда, на какое именно — этого в Доме Зоува не знали.

Но гор не было видно, хотя в этот вечер он и увидел край света, где тот соприкасался со звездным миром. Фальк никогда раньше не видел горизонта — в его памяти все было окружено переплетением ветвей и листьев. Но теперь не было ничего, что скрывало бы от него звезды.

Все, что было вокруг, напоминало гигантскую чашу, на дне

которой он находился, а над ним — невообразимый свод неба.

Он провел без сна добрую половину ночи и проснулся на заре, когда восточный край мира озарился первыми лучами солнца.

Теперь ему приходилось двигаться вперед только по компасу. Больше уже не задерживаемый частыми изгибами реки, он держал свой путь напрямик. Управление слайдером теперь перестало быть скучным.

Частые подъемы и спуски, овраги и скалы требовали неослабевающего внимания при управлении. Ему нравилась открытая ширь неба и прерии, его одиночество теперь было источником своеобразного удовольствия, поскольку он был один в таких обширных владениях. Погода стояла теплая и чувствовалось, что зима на исходе.

Мысленно возвращаясь в Лес, он ощущал себя как бы вышедшим из удушливой таинственной мглы на свет и воздух, и прерия казалась ему одной огромной Поляной. Дикий бурый скот стадами в десятки тысяч голов покрывал равнину, словно тени от проплывавших в вышине облаков. Почва повсеместно была темной, на ней росли растения с тонкими узкими жесткими листьями. И повсюду — на земле, над ней и под ней — сновали и рылись маленькие животные: кролики, барсуки, зайцы, мыши, дикие коты, кроты, антилопы, желтые собаки, множество потомков домашних животных рухнувшей цивилизации. Открытое пространство постоянно продувалось ветрами. В сумерки вдоль различных водоемов располагались на ночлег стаи белых журавлей, и в воде гротескно отражались их длинные ноги и вытянутые приподнятые крылья.

Почему люди больше не путешествовали ради того, чтобы посмотреть на мир, в котором живут, удивлялся Фальк, сидя у костра, мерцавшего, как маленький рубин, среди невообразимо огромных сумерек прерии. Почему такие люди, как Зоув и Маток, хоронятся в лесах, никогда не покидая их, чтобы взглянуть на великолепный простор Земли? Теперь он узнал нечто такое, чего они, которые научили его всему, не знали: что человек может сам видеть, как его планета движется среди звезд.

Вот так он и пробивался сквозь холодный северный ветер, управляя слайдером с немалым искусством, теперь уже ставшим для него привычным. К югу от того курса, которого он придерживался, почти половина прерий была покрыта стадами дикого скота, и каждое из тысяч и тысяч животных стояло на ветру, низко опустив свою морду. Между ним и стадами трава гнулась от ветра, и тут он увидел... Да, он увидел, что навстречу ему летит какая-то птица, совершенно не взмахивая крыльями. Этот скользящий полет поразил Фалька. Удивление его еще больше усилилось, когда он немного изменил свой курс для того, чтобы обогнуть небольшой холм. Без единого взмаха крыльев птица тоже изменила свой полет и стала пересекать его путь. Она двигалась очень быстро и стремительно неслась к нему.

Внезапно его охватила тревога и он стал махать рукой, чтобы отпугнуть животное. Поняв, то эти усилия напрасны, он попытал-

ся изменить курс, но было уже поздно. За миг до того, как птица ударила его, он увидел ее лишенную характерных черт голову и был ослеплен блеском чего-то металлического. Затем толчок, скрежет и вызывающее тошноту падение вниз. Фальку казалось, что этому падению не будет конца.

4 — Старуха Кесснекати говорит, что должен пойти снег,— раздался голос его подруги.— Мы должны быть готовы, чтобы не упустить такую возможность. Нам просто необходимо сейчас бежать...

Фальк ничто не ответил и продолжал сидеть, прислушиваясь к шуму стойбища — голоса, говорившие на чужом языке, приглушенные расстоянием, сухой звук скребка о шкуру, крик ребенка, потрескивание огня в шатре.

— Херрассали!

Кто-то снаружи позвал его, он быстро встал, но через мгновение замер.

Подруга схватила его руку и повела туда, его звали — к общему костру в центре круга, образованного шатрами, где праздновали удачную охоту и жарили целого быка. В его руку сунули кусок мяса. Он сел на землю и стал есть. Сок и растаявший жир бежали по его челюстям и подбородку, но он не обращал на такие мелочи никакого внимания. Делать это означало уронить достоинство охотника Общины Схурра племени Баснасска. Несмотря на то, что он был здесь чужаком, слепым пленником, он был охотником и до льно быстро понял, как необходимо себя вести.

Чем больше было запретов в каком-нибудь обществе, тем больше оно состояло из конформистов. Люди, среди которых он оказался, шли узким, извилистым и ограниченным путем по широкому пространству прерии. И пока он находился среди них, он тоже должен слепо следовать всем изгибам их пути. Еда племени Баснасска состояла из свежего полувареного мяса, сырого лука и крови. Дикие погонщики дикого скота, люди этого племени, подобно волкам, отбраковывали слабых, ленивых и непригодных из огромных стад, это было нескончаемое пиршество, жизнь без отдыха. Они охотились с помощью ручных лазеров и обороняли свою территорию от чужаков с помощью птиц-бомб, одна из которых и повредила слайдер Фалька. Это были узкие снаряды, запрограммированные на цель, принцип действия которых основывался на использовании ядерной энергии. Люди племени Баснасска не производили и не ремонтировали сами свое оружие. Они и пользовались-то им только после обряда очищения и длительных заклинаний.

Откуда они его добывали, Фальк пока еще не определил, хотя слышал случайные упоминания о ежегодных паломничествах, которые могли быть связаны с появлением у племени оружия.

Люди племени не знали земледелия и не держали домашних животных. Они были неграмотны и знакомы с историей человечества только по мифам и легендам о героях. Они уверяли Фалька, что он не вышел из Леса, так как в Лесу живут только огромные

былинные змеи. Они практиковали монотеистическую религию, среди обрядов которой были увечья, кастрации и человеческие жертвоприношения.

Только благодаря одному из суеверий их сложной религии они решили оставить Фалька в живых и принять его в племя.

Обычно таким пленникам вырезали желудок и печень, чтобы дать работу жрецам, а тело оставляли женщинам, чтобы они разрезали труп на куски, как им только заблагорассудится. Однако, поскольку при нем был лазер, его статус оказался выше статуса раба. За неделю до его падения в общине Мзурра умер один старик. Поскольку в племени не оказалось безымянного младенца, которому можно было бы дать его имя, им нарекли пленника, который хоть и был слеп, изуродован и только временами приходил в сознание, все же оставался лучше, чем ничего.

Пока старый Херрассали сохранял свое имя, его призрак, носитель зла, как и все призраки, будет возвращаться к племени и беспокоить живущих. Поэтому имя было отобрано у призрака и передано Фальку, а заодно был произведен над ним и обряд посвящения в охотники. Церемония эта включала в себя бичевание, вызывание рвоты, танцы, изложение снов, татуирование, двухголосное пение, совокупление всех мужчин по очереди с одной женщиной, пиршество, и, наконец, длящиеся всю ночь заклинания, чтобы Бог хранил нового Херрассали от всяческих бед. После этого его оставили на лошадиной шкуре в шатре из бычьих шкур в состоянии бреда, не оказывая никакой помощи — он должен был или умереть, или выздороветь. Призрак же прежнего Херрассали в это время, безымянный и обессиленный, уходил в степь, гонимый ветром.

Женщина, которая, когда он впервые пришел в сознание, была занята перевязкой его глаз и уходом за ранами, старалась как можно реже подходить к нему. Он всего лишь несколько раз мельком видел ее, приподняв в уединении шатра повязку, которую она ловко наложила на его глаза, как только его приволокли в племя. Увидели бы эти Баснасски его желтые глаза — тут же отрезали бы у него язык, чтобы он не мог назвать своего имени, а затем сожгли бы живьем. Она рассказала ему об этом, так же как и о многом другом, что полагалось знать, живя в племени. Зато о себе она почти ничего не рассказывала.

По-видимому, она была в племени ненамного дольше, чем он. Он уловил то, что она заблудилась в прериях и решила, что лучше присоединиться к племени, чем умереть с голоду.

Баснасски с удовольствием принимают в племя рабынь для использования мужчинами племени, и поэтому ее милостиво оставили в живых. К тому же она оказалась искусной во врачевании, но это уже было выяснено потом.

У нее были рыжеватые волосы и очень нежный голос. Звали ее Эстрел. Больше ему ничего не было известно о ней, она же сама у него ничего не спрашивала, даже его имени.

При зрелом размышлении он понял, что легко отделался. Топливо, на котором работал его слайдер, полученное при ядерном распаде одного из элементов, не имело тенденции ни гореть,

ни взрываться. В конечном итоге, у аппарата были повреждены только органы управления, и ему, Фальку, здорово досталось. Голова и грудь были сильно изранены, но Эстрел постаралась выходить его. К тому же, у нее было еще и немного медикаментов. Заражения не последовало, и он быстро выздоравливал. Уже через несколько дней после его кровавого крещения он начал планировать побег.

Но дни шли за днями, а возможность все не представлялась. Жизнь была жестоко регламентирована у этих осторожных, ревнивых людей. Все их поступки определялись различными обрядами, обычаями и табу. Хотя у каждого охотника был свой лазер, женщин держали всех вместе, и все, что делал мужчина, делали и все остальные. Это была не столько община, сколько стадо — все были взаимосвязанными членами единого целого. В таких условиях любая попытка добиться независимости или уединения, сразу же вызывала подозрения. Фальку и Эстрел приходилось хвататься за любую возможность поговорить хоть минуту. Она не знала диалекта леса, но они могли говорить на Галакте, который людям племени Баснасска был знаком только в виде ломаного жаргона.

— Теперь попытка,— сказала она однажды,— возможна, если только начнется метель. Тогда снег скроет от преследователей и нас, и наши следы. Но как далеко мы сможем уйти? Правда, у тебя есть компас, но стужа...

У Фалька отобрали его зимнюю одежду вместе с остальными его пожитками, включая и золотое кольцо, которое он всегда носил на руке. Ему оставили только пистолет. Это было неотъемлемой частью его охотничьего снаряжения и поэтому не подлежало конфискации. Но одежда, которую он носил, теперь прикрывала торчавшие ребра и кожу старого охотника Кассиокаши. Компас у Фалька остался только потому, что Эстрел выкрала его и припрятала до того, как они стали рыться в его мешке. И он, и она были одеты в куртки и штаны из оленьих шкур, но этой одежды было недостаточно, чтобы выстоять в метель в прериях, когда ветер сбивает с ног и обдает все тело ледяной крупой. Для этого нужны были стены, крыша над головой и очаг.

— Если это единственная возможность,— заметил Фальк,— то мы обязаны воспользоваться ею.

Он уже не был таким наивным, не был преисполнен надежд и подвержен чужому влиянию, каким был до пленения. Теперь он стал более стойким и непоколебимым. Хотя он сильно пострадал, находясь в заточении, он не питал к людям племени никакой злобы. Они заклеймили раз и навсегда его руку синим узором татуировки, которая должна была свидетельствовать о его родстве с ними, заклеймили его как варвара, но тем не менее, как человека! В этом не было ничего дурного.

Но у них были свои дела, а у него — свои. Суровый характер, воспитанный жизнью в Лесном Доме, требовал освобождения, требовал продолжения путешествия, того, что Зоув называл «мужской работой».

Эти же люди не двигались никуда и неизвестно откуда пришли, потому что обрубили свои корни в человеческом прошлом. И не только чрезвычайная рискованность его существования среди Баснассаков делала его нетерпеливым в стремлении выбраться отсюда. Здесь царствов ло также чувств затхлости и удушливости: то, что он был ограничен в своих передвижениях и поступках, вынести было труднее, чем повязку, которая мешала ему смотреть на окружающий мир.

В это вечер Эстрел пришла к нему в шатер, чтобы сказать, что должен пойти снег.

Они начали шепотом составлять план побега, когда у полога шатра внезапно раздался голос.

Эстрел быстро перевела сказанное:

— Он говорит: «Слепой охотник, ты хочешь на сегодняшнюю ночь Рыжую?»

Она не добавила каких-либо разъяснений, но Фальк уже знал правила и этикет дележа женщин, принятые в племени, но как назло в это время его ум был поглощен только тем, о чем они говорили, и поэтому для ответа он воспользовался наиболее полезным словом из тощего словаря Баснассков: «Мисч!»,— что означало «Нет!».

Мужской голос возле шатра произнес еще что-то повелительным голосом.

— Если снег будет продолжать идти, то, может быть, завтра ночью,— прошептала Эстрел на Галакте, — мы сможем осуществить задуманное.

Все еще размышляя о будущем побеге, Фальк ничего не ответил. Он отметил только про себя, что женщина поднялась и вышла, оставив его одного в шатре. Только после этого он понял, что Рыжей была именно она, и что другой мужчина хотел провести с нею ночь.

Он мог бы просто сказать вместо слова «нет» слово «да». Только тут он понял, асколько он оказался несостоятельным, не сумел избавить ее от этой постыдной обязанности. То, что эта обязанность была для нее постыдной, он знал очень хорошо. Кроме того, только сейчас н понял, что этим словом «нет» он полностью унизил себя в ее глазах и как друг, и как мужчина.

— Мы уйдем сегодня ночью,— сказал он на следующий день.

Он стоял на снегу перед Женским Шатром.

— Приходи ко мне. У меня переждем первую половину ночи, а потом двинемся в путь.

— Коктеки велел мне сегодня прийти к нему в шатер.

— Но ты же сможешь улизнуть?

— Может быть.

— Где его шатер?

— Позади шатра общины Мзурра и чуть левее. У него на пологе пятно крови.

— Если ты не сможешь прийти, я приду туда сам, чтобы увести тебя.

— Может быть, в другой вечер не будет так опасно?

— И не будет снега? Не забывай, что зима кончается. Может быть, это последняя сильная вьюга. Мы просто обязаны уйти завтра. Ты понимаешь, мы обязаны!

— Я приду в твой шатер,— сказала она покорным голосом, в котором прозвучала нотка презрения.

В это утро он сделал небольшую щелку в своей повязке, чтобы видеть происходящее вокруг, и сейчас с интересом посмотрел на нее, но при тусклом свете раннего утра она была серым контуром на сером фоне.

Она пришла поздно ночью, как дуновение ветра вошла в его шатер. Каждый из них приготовил все, что нужно было взять с собой.

Никто из них не разговаривал. Фальк затянул свою куртку из бычьей кожи, натянул на голову капюшон и плотно завязал его. Он наклонился, чтобы открыть полог шатра, и тут же отскочил в сторону, так как снаружи в шатер стал протискиваться, вдвое согнувшись, Коктоки, могучий охотник с бритой головой, который ревниво относился к своему статусу и к своим мужским способностям.

— Херрассали! Эта Рыжая...— начал он при слабом свете угольков, заметив ее в тени. В это же мгновение он увидел, как одеты она и Фальк, и тут же понял их намерения. Он отпрянул назад, чтобы избежать нападения Фалька, и уже открыл было рот, чтобы закричать. Не задумываясь, Фальк быстро и решительно нажал на спуск своего пистолета, и крик так и не сорвался с уст Коктеки. В один момент лазерный луч выжег его рот и мозг, а также и жизнь.

Фальк бросился к женщине, схватил ее за руку и помог переступить через тело только что убитого им мужчины.

Снаружи валил сильный снег. Ветер кружил снежинки. Сильный холод затруднял дыхание. Эстрел тихо всхлипывала. Левой рукой он сжимал ее запястья, а в правой держал лазер. Фальк двинулся на запад, осторожно выбирая путь среди многочисленных шатров. Через несколько минут их уже не было видно, и вокруг них в мире ничего не было, кроме ночи и снега.

Ручные лазеры Восточного Леса были предназначены для выполнения нескольких функций: рукоятка служила зажигалкой, а ствол мог быть превращен в не слишком яркий фонарик. Фальк настроил свой пистолет так, чтобы луч света мог высветить стрелку компаса и окружающее пространство не более чем на несколько шагов вперед.

Они решительно двинулись в путь.

На длинном пологом склоне, где было расположено стойбище Баснасска, снежный покров был сильно сдут ветром, но по мере того, как они продвигались вперед, снег становился все более труднопроходимым, особенно в низинных местах. Метель, казалось, смешала воздух и землю в одну вихрившуюся массу. На их пути попадались сугробы высотой до полутора метров, которые Эстрел приходилось преодолевать так, как будто она плыла по стремнине.

Фальк вытащил ремень из сыромятной кожи, которым был завязан его капюшон, и намотал его на руку, дав другой конец ей, чтобы она держала его в руке. Затем, идя впереди, стал прокладывать ей путь. Один раз она упала, и от рывка натянувшегося ремня он тоже едва не упал. Обернувшись, он вынужден был несколько мгновений шарить фонариком, прежде чем увидел, что она лежит распростершись на его следах, почти у его ног. Он опустился на колени и в бледном прорезаемом снежинками круге света впервые отчетливо рассмотрел ее лицо. Ее губы шевелились в безмолвных словах. Он наклонился к ней и разобрал бессвязные слова:

— Такого я не ожидала...

— Попробуй немного отдышаться. Полежи. Нет, не спеши вставать. В этой впадине мы хоть немного защищены от ветра.

Фальк попытался ее успокоить.

Они оба припали к земле, и вокруг них на многие сотни миль был только вой вьюги во мгле, окутавшей равнину.

Она что-то шептала, и сначала он не понял ее слов.

— Зачем ты убил этого человека?

Фальк был в расслабленном состоянии, чувства его были притуплены, он набирался сил для следующей стадии их медленного трудного побега и ничего не ответил. Только через некоторое время он прошептал:

— Не знаю... Был вынужден.

Лицо ее было бледным и искаженным от напряжения.

Фальк не обращал внимания на то, что она говорила. Она слишком сильно замерзла, чтобы можно было здесь долго отдыхать, и поэтому он поднялся и притянул ее к себе.

— Идем. До реки уже не так далеко.

Но оказалось, что путь туда гораздо дольше, чем он думал. Она пришла к нему в шатер, когда было темно уже несколько часов, хотя на языке Леса значение слова «час» было неточным, в основном качественным, поскольку людям без особых понятий и средств сообщений через пространство и время было ни к чему точное времяисчисление. Тем не менее, Фальк не знал, что впереди еще долгая зимняя ночь. Они упорно шли вперед — и ночь вместе с ними.

Как только первые серые блики стали окрашивать кружившиеся черные снежинки, они с трудом скатились по склону, покрытому мерзлой путаной травой и невысокими камнями. Прямо перед Фальком возникла могучая мычавшая туша и снова легла в снег. Где-то поблизости они услышали мычание еще одной коровы или быка, а через мгновение всюду вокруг них были огромные мычащие создания с белыми мордами и дикими глазами, в которых отражался свет и покрытые снегом бугры. Они прошли сквозь стадо и вышли вниз на берег небольшой речки, которая отделяла территорию племени Баснасска от территории населенной самситами. Река была быстрой, неглубокой, не замерзавшей в большие морозы. Им пришлось перебираться через нее вброд. Течение стремилось повалить их, скинуть со скользких камней, холод

сковывал суставы. Когда вода стала доходить им до пояса, холод, казалось, обжег все тело. Ноги отказывались служить Эстрел, и Фальку пришлось поднять ее над водой и нести так, пока они не вышли на противоположный берег. Здесь они снова распростерлись в изнеможении среди снежных курганов, укрывавших кусты, которыми порос высокий западный берег реки. Фальк отключил свет своего лазера. Постепенно набирал силу день, полный снежного бурана.

— Мы должны идти дальше. А может быть, развести костер и немного погреться?

Она ничего не ответила. Он взял ее за руки и подтянул к себе. Их унты, штаны и куртки замерзли и стали твердыми как камень. Лицо женщины, безвольно лежавшее у него на коленях, было смертельно бледным.

Он назвал ее по имени, пытаясь расшевелить.

— Эстрел, приди в себя. Мы не можем здесь больше находиться. Мы должны пройти еще совсем немного. Это совсем нетрудно. Приди в себя, Эстрел. Проснись, малышка.

От усталости он не заметил, что говорил с ней так, как прежде говорил на рассвете с Парт много дней назад.

Наконец она повиновалась ему и с его помощью с трудом поднялась, одела замерзшие перчатки и шаг за шагом поплелась вперед, поддерживаемая спутником. Они с трудом передвигались вперед, вверх по пологому склону, через девственные сугробы.

Сейчас они шли вдоль русла реки, продвигаясь на юг, как и планировали, когда обсуждали детали своего побега. У него не было особых надежд на то, что они смогут найти что-нибудь в этой белой коловерти, которая была ничуть не лучше черного ночного бурана. Вскоре они вышли к ручью, притоку реки, которую они перешли утром. Идти вверх по течению ручья было очень тяжело, так как местность здесь была пересеченной. Они почти выбились из сил. Фальку казалось, что самым лучшим было бы упасть и заснуть, но он не мог поступить так только потому, что существовал кто-то, кто рассчитывал на него, кто-то где-то очень далеко и очень давно, тот, кто послал его в это путешествие. Он просто не мог лечь, потому что отвечал перед кем-то...

Он услышал хриплый шепот Эстрел. Впереди под снегом возвышалась группа высоких тополей, подобно душам умерших, и Эстрел потянула его за руку. Они начали, спотыкаясь, пересекать северный берег засыпанного снегом ручья, протекающего сразу же за тополями.

— Камень,— не переставая шептала Эстрел.— Камень....

И хотя он не знал, зачем ей понадобился камень, он внимательно соскребал снег с земли, стараясь его отыскать. Они оба ползали на четвереньках, пока, наконец, она не наткнулась на отметку, которую искала — запорошенную снегом каменную глыбу высотой в несколько футов.

Своими замерзшими перчатками она стала отгребать снег с восточной стороны глыбы.

Доведенный до крайней степени усталости Фальк безучастно смотрел на нее, потом начал помогать. Они расчистили метал-

лический прямоугольник, находившийся на одном уровне с удивительно ровной поверхностью камня. Эстрел попыталась нажать на него. Что-то щелкнуло, но края прямоугольника намертво примерзли к камню. Фальк истратил свои последние силы для того, чтобы сдвинуть эту штуку, но все было напрасно. Немного погодя, он пришел в себя и с помощью теплового луча, исходящего из рукоятки лазера, разморозил края люка. Затем они подняли его и увидели уходящую вниз в темноту узкую лестницу. Посветив в глубину, Фальк обнаружил там закрытую дверь. Правильная геометрическая форма всего увиденного показалась им сказочной среди завывавшего хаоса, окружавшего их.

— Все в порядке,— пробормотала его спутница.

Спустившись по ступенькам — ползком, на карачках, будто по приставной лестнице, потому что ноги уже не держали ее — она распахнула дверь и подняла глаза на Фалька.

Заходи,— сказала она.

Он спустился, закрыв за собой крышку люка. Внезапно стало абсолютно темно и, прижавшись к ступенькам, Фальк поспешно включил свет своего лазера. Внизу тускло светилось бледное лицо Эстрел. Он спустился еще ниже и последовал за нею в дверь, которая вела в очень темное просторное помещение, просторное настолько, что его фонарик мог высветить только потолок и ближайшие стены. Было очень тихо, воздух был затхлым и сухим.

— Здесь должно быть немного дров — раздался слева от него мягкий хриплый голос девушки.— Вот. Нам просто необходим сейчас костер. Помоги мне...

Сухие дрова лежали в высоком штабеле в углу поблизости от входа. Пока он разжигал костер среди почерневших, выложенных в круг камней близко к центру помещения, Эстрел уползла куда-то в дальний угол и вернулась, таща за собой пару теплых одеял. Они разделись и обтерлись, затем, завернулись в одеяла, подсели поближе к огню. Костер разгорался, как будто здесь была дымовая труба, которая не только давала хорошую тягу, но и уносила дым. Конечно, обогреть эту огромную пещеру было невозможно, но свет и тепло костра ободряли их и давали возможность отдохнуть.

Эстрел вынула из своей сумки тушеное мясо, и они, сидя, стали жевать его, хотя губы их были покрыты язвами от обморожения и они были слишком усталыми, чтобы чувствовать голод.

Постепенно тепло костра стало отогревать их кости.

— Кто еще пользуется этим местом?

— Я думаю, любой, кто знает о нем.

— Судя по этому подвалу, здесь когда-то был могущественный Дом,— задумчиво заметил Фальк.

Он глядел на игру теней на ближайшей стенке и на непроницаемую черноту в удалении от огня. Очевидно, ему на ум пришли огромные подвалы под Домом Страха.

— Говорят, что когда-то здесь был целый город, но когда это было, я не знаю.

— Откуда ты узнала об этом месте? Разве ты — женщина из племени самситов?

— Нет.

Он больше не спрашивал ее, вспомнив обычаи.

Однако вскоре она сама начала говорить своим всегда покорным голосом.

— Я из Странников. Нам известно о многих подобных местах. Я думаю, что ты слышал о Странниках?

— Немного.

Фальк кивнул, выпрямившись и глядя на свою спутницу, сидевшую по другую сторону костра. Ее рыжевато-коричневые волосы завитками падали на лицо, когда она сидела, сгорбившись в бесформенную массу, и обледенелый нефритовый амулет у нее на шее отсвечивал мерцанием костра...

— В Лесу о нас знают совсем немного.

— До моего Дома не добирался ни один Странник. То, что говорили у нас о них, больше подходит, пожалуй, к Баснасскам — дикари, которые ни о чем не желают знать, кроме как набить свое брюхо. Им нет никакого дела до того, что лежит за пределами их территории. Все эти дикари — кочевники, будь то Баснасски, Самситы или Ароки, все мазаны одним миром.

— Мы же, Странники, совсем другие. На востоке мы доходили до самого Леса, на юге — к устью Внутренней Реки, а на западе — за Великие Горы, потом Западные Горы и так вплоть до самого Моря. Я сама воочию наблюдала, как солнце садится в пучину вод, видела цепи голубых и зеленых островов, которые располагаются довольно далеко от берега, за пределами погруженных в воду после землетрясения долин Калифорнии.

Ее нежный голос постепенно перешел в ритмичный напев какого-то древнего псалма.

— Продолжай!— потребовал Фальк, но она замолчала.

Он не настаивал, в наступившей тишине явственно послышалось ее сонное всхлипывание. Вскоре и он уснул.

Когда он проснулся, она уже сооружала из камней подставку для котелка, наполненного снегом.

— Похоже, что снаружи день клонится к вечеру,— сказала она.

Она заметила, что он открыл глаза.

— Но точно так же это может быть и утром, а может быть, это пасмурный зимний полдень. Буря ничуть не утихает. Это очень хорошо, так как не даст им выследить нас. Даже если они вышли в погоню, то как они смогут добраться до этого места? Этот котелок был вместе с одеялами в тайнике. Там же была сумка с сушеным горохом. У нас здесь всего будет в достатке.

Она повернула к нему свое лицо и улыбнулась.

— Хоть здесь и темно, но это, пожалуй, единственный недостаток нашего убежища. Я не люблю толстые стены и темноту.

— Это все же лучше, чем завязанные глаза. Хотя этой твоей повязке я обязан жизнью. Слепой Хоррассали все же лучше, чем мертвый Фальк.

Он горько рассмеялся, а потом спросил:

— Что заставило тебя спасти меня?

Она пожала плечами, на ее устах была все та же едва заметная улыбка.

— Ты был такой же пленник, как и я... Они всегда говорят, что Странники искусны в хитрости и притворстве. Ты разве не слышал, как они называли меня? Лиса! А сейчас давай-ка я взгляну на твои раны. Я взяла с собой свою сумку с лекарствами.

— Странники еще искусные врачеватели?

— Мы кое-что смыслим в этом деле.

— И тебе известен Старый Язык. Похоже, что вы, Странники, не забыли, как жили люди в прежние времена, в отличие от Баснассков.

— Да, мы все можем изъясняться на Галакте. Посмотрика, внешняя часть твоего уха была вчера обморожена, потому что ты снял завязку своего капюшона, чтобы помочь мне в пургу.

— Но как я могу взглянуть на свое ухо?— Фальк рассмеялся.— Уж лучше ты смотри на него.

Когда она наложила пластырь на все еще не заживший порез на левом виске, она пару раз искоса посмотрела на его лицо и в конце концов осмелилась спросить:

— Наверное, среди обитателей Леса у многих такие странные глаза, а?

— Ни у кого.

Повинуясь обычаю, она ни о чем больше не спрашивала, а он, давно решив никогда никому не открываться, не хотел добровольно ни о чем рассказывать. Но его собственное любопытство все же заставило его задать ей вопрос:

— Значит, ты боишься этих кошачьих глаз?

— Нет,— ответила она.— Ты напугал меня только один раз, когда выстрелил и так сразу... не раздумывая...

— Он поднял бы на ноги все стойбище!

— Я это знаю. Но мы не носим с собой оружия, и поэтому я страшно испугалась. Мне почудилась сцена из моего детства, которую я однажды видела. Один человек убил другого из пистолета, причем все это произошло очень быстро. Я тогда была очень испугана, ведь тот, кто стрелял, был Выскобленным.

— Что? Выскобленным?

— О, с ними иногда можно встретиться в наших горах.

— Я почти ничего не знаю о горах.

Она стала без особой охоты давать разъяснения.

— Ты ведь знаешь закон Повелителей. Они никого не убивают. Тебе это должно быть известно. Когда в Горах объявляется убийца, его не уничтожают, чтобы прекратить цепь трагических последствий. Они просто превращают его в Выскобленного. Они что-то делают с его мозгом, а потом выпускают на свободу. Этот человек начинает новую жизнь, не ведая своей тяжелой вины. Тот человек, о котором я упомянула, был старше тебя, но ум у него был как у маленького ребенка. В его руках оказался пистолет, и его пальцы помнили, как с ним надо обращаться.

Он застрелил с очень близкого расстояния человека, точно так, как и ты...

Фальк задумался. Он молча смотрел сквозь огонь на свой пистолет, лежавший сверху на его мешке — чудесное маленькое оружие, с помощью которого можно разжигать огонь, добывать мясо и двигаться в темноте. В его руках не было знания о том, как пользоваться этой штукой — на самом ли деле не было? Но ведь именно Маток научил его стрелять! Он научился этому у Матока и развил это искусство на охоте. Он был уверен в этом. Он никак не мог быть просто безумцем или преступником, которому дали еще одну возможность по милости надменных Повелителей Эс Тоха.

Тем не менее, может быть, это было гораздо правдоподобнее его собственных смутных догадок и предположений относительно собственного происхождения.

— Как они могут делать это с человеческим разумом?

— Не знаю.

— Они могли бы делать это,— хрипло сказал он,— не только преступникам, но и бунтовщикам.

— Что такое бунтовщики?

Она говорила на Галакте гораздо более бегло, чем он, но никогда не слышала такого слова, которое только что употребил Фальк.

Фальк помолчал, и Эстрел не стала настаивать. Она закончила перевязку раны и аккуратно спрятала свои немногочисленные медикаменты в сумку. Он вдруг повернулся к ней так резко, что она удивленно посмотрела на него и откинулась немного назад.

— Ты видела когда-нибудь такие глаза, как у меня?— резко спросил он.

— Нет.

— О городе ты что-нибудь знаешь?

— Об Эс Тохе? Да, я была там.

— Значит, ты видела Сингов?

— Успокойся.

Она рассмеялась.

— Ты не Синг.

— Я тоже так думаю, но мне надо было обязательно встретиться с одним из них. Но я боюсь...

Эстрел закрыла сумку с медикаментами и положила ее к себе в мешок.

— Эс Тох — очень странное место для людей из Одиноких Холмов и из дальних стран,— наконец произнесла она своим мягким, вдумчивым голосом.— Но я гуляла по улицам и ничего плохого со мной не произошло. Там живет много людей, вовсе не боясь при этом Повелителей. И тебе не нужно страшиться их. Повелители очень могущественны, но большая часть из того, что говорят о них и их городе, Эс Тохе, неправда...

Их взгляды встретились. Внезапно он решился, и, призвав на помощь все свое искусство телепатии, впервые мысленно

обратился к ней: «Тогда скажи мне всю правду об Эс Тохе!»

Она покачала головой и вслух ответила:

— Я спасла тебе жизнь, а ты спас мне. Мы — товарищи и, наверное, на долгое время попутчики. Но я не буду мысленно переговариваться с тобой или еще с кем-либо ни сейчас, ни когда-либо.

— Значит, ты все же думаешь, что я — Синг?— иронически и немного униженно спросил он.

Он понимал, что она права.

— Кто может с уверенностью говорить об этом?— вопросом на вопрос ответила она.

Затем улыбнулась и добавила:

— Хотя я и нахожу, что очень трудно поверить тому, что ты — Синг.

— Снег в котелке уже растаял. Я поднимусь наверх и наберу еще,— сказала Эстрел после недолгого молчания.— Ведь его надо так много, чтобы получить хоть немного воды, а нам обоим хочется пить. Тебя зовут Фальк?

Он кивнул, внимательно рассматривая ее.

— Не подозревай меня, Фальк,— сказала она.— Дай мне самой доказать, что я из себя представляю. Мысленная речь ничего не может доказать. Доверие — это такая штука, которая должна расти на поступках изо дня в день.

— Что ж...— Фальк рассмеялся.— Поливай эти поступки, и я надеюсь, что оно, доверие к тебе, вырастет.

Позже, во время долгой, безмолвной ночи в пещере, он поднялся, проснувшись, и увидел, что она сидит на корточках перед горящим костром, уткнувшись в колени.

Он тихо позвал ее по имени.

— Мне холодно,— откликнулась она.— Мне очень холодно.

— Ложись ко мне,— предложил он и протянул руку.

Она ничего не ответила, но через мгновение поднялась и, переступив догоравший костер, забралась к нему под одеяло. Она была совершенно обнаженной, и только бледный нефритовый камень висел между ее грудей. Она была очень озябшей и дрожала от холода. И хотя во многих аспектах его ум ничем не отличался от ума обычного молодого человека, он решил не трогать ее, ее, которая столько натерпелась от дикарей Баснасска. Но она шепнула ему:

— Согрей меня и дай мне утешение.

Он вспыхнул, как костер на ветру. Вся его решимость была сметена ее присутствием и охватившим его желанием.

Всю ночь она лежала в его объятиях возле догоравшего костра.

Еще три дня и три ночи бушевала метель. Это время Фальк и Эстрел провели, отсыпаясь и предаваясь любви. Она была всегда такой же податливой и покорной, а он, помня только приятную и полную радости любовь, которую разделял с Парт, был сбит с толку той ненасытностью и неистовством, которые возбуждала в нем Эстрел.

Очень часто мысли о Парт сопровождались воспоминаниями об источнике чистой и быстрой воды, который пробивался среди скал в одном тенистом месте в лесу поблизости от поляны.

Но никакие воспоминания не могли утолить эту жажду, и он снова и снова искал удовлетворения в уступчивости Эстрел и находил, во всяком случае, изнеможение. Один раз это даже вызвало в нем неожиданный гнев, и он обвинил ее.

— Ты отдаешься мне только потому, что думаешь, что должна, а если этого не будет, то я все равно бы изнасиловал тебя.

— А ты бы не совершил этого?

— Нет,— отрезал он.

Он и сам верил этому.

— Я не хочу, чтобы ты служила мне... Разве мы оба не нуждаемся в тепле, в человеческом тепле?

— Да,— прошептала она.

Он некоторое время держался подальше, твердо решив, что больше не прикоснется к ней. В одиночку обследовал огромный подвал, пользуясь при этом светом своего лазера. После нескольких сотен шагов пещера сужалась, становилась высокой, как тоннель. Безмолвный и черный, он вел его по абсолютно прямой линии довольно долго, затем повернул. Шаги гудели, отдаваясь в тишине, нарушая царившее здесь безмолвие. В поле зрения Фалька ничего не попадало, он шел, пока не устал и не проголодался, и только после этого повернул назад. Этот туннель, скорее всего, был дорогой в никуда!

Он вернулся к Эстрел, к ее многообещающим, но не выполняющим обещания, объятиям.

Буря улеглась. Ночной дождь поливал голую черную землю, и последние сугробы снега таяли и пропадали в бесчисленных ручейках.

Фальк стоял на верхней ступеньке лестницы, солнце играло на его волосах, лицо обдувал свежий ветер.

Он чувствовал себя кротом, вылезшим после спячки из своей норы.

— Давай пойдем дальше,— крикнул он Эстрел.

Он спустился вниз в пещеру только для того, чтобы помочь ей быстро уложить вещи и убрать начисто помещение.

Он спросил у нее, знает ли она, где сейчас находятся ее соплеменники, и она ответила:

— Теперь, вероятно, они находятся далеко на западе.

— Они знали, что ты в одиночку пересекла территорию Баснасска?

— В одиночку? Это только в сказках из Эры Городов женщины одни продвигались куда угодно. Со мной был мужчина, и Баснасски убили его.

Ее нежное лицо стало печальным и невыразительным.

Фальк попытался объяснить этим ее удивительную пассивность, недостаточность ее ответного чувства. Она столько перенесла, что уже не могла больше откликаться на другие чувства. Кто был тот ее спутник, которого убили Баснасски? Раз она

не хотела этого сказать Фальку — значит, это его не должно было касаться. Но весь гнев его давно остыл, и теперь он время от времени обращался к Эстрел нежно и доверчиво.

— Могу ли я помочь тебе в поисках твоих соплеменников?

Она мягко ответила:

— Ты, Фальк, добрый человек, но они где-то очень далеко отсюда, и мы не сможем в их поисках прочесать всю Западную Равнину...

Последняя терпеливая нота в ее голосе тронула его.

— Тогда идем со мной на запад, пока до тебя не дойдут какие-либо вести о соплеменниках. Ты ведь знаешь, что я рвусь на запад.

Для него до сих пор было трудно произнести слово «Эс Тох». На языке Леса оно было непристойным, вызывавшим отвращение. Он пока еще не привык к той легкости, с какой Эстрел говорила о городе Сингов, как об обычном месте обитания людей.

Она некоторое время колебалась, но когда он стал настаивать, согласилась идти вместе с ним. Это доставило ему удовольствие, потому что он и желал ее, и жалел, потому что он познал, что такое одиночество, и не хотел испытать его еще раз. Но на сердце у Фалька было легко — он снова был свободен и снова продолжал свой путь. Вместе они шли сквозь стужу и ветер. Сегодня для него окончание путешествия еще не имело смысла. День был ясным, над их голововами проплывали огромные облака, идти было хорошо.

Он шел вперед, и рядом с ним шла женщина, понятливая, не знающая усталости женщина.

5 Они пересекли Великую Равнину пешком, о чем легко сказать, но трудно сделать. Дни становились длиннее, весенний ветер — все мягче и теплее. Наконец они впервые еще издали увидели цель своего путешествия: барьер, который от обилия снега и расстояния казался белым. Они увидели стену, пересекавшую материк с севера на юг. Фальк долго стоял неподвижно, глядя на эти горы.

— Эс Тох расположен высоко в горах,— сказала Эстрел.— Там, я надеюсь, каждый из нас найдет то, что ищет.

— Я чаще боюсь за это, чем надеюсь. И все же я рад, что увидел горы.

— Нам следовало бы двинуться дальше в путь.

— Я согласен.

Прежде чем вступить в Горы, он обернулся и долго смотрел на восток, на пустыню, простиравшуюся далеко назад, как будто вспоминал весь пройденный путь, который он и она проделали вместе.

Он теперь уже лучше знал, каким пустынным и таинственным был мир, в котором жил человек в эти более поздние времена своей истории.

Он и его спутница могли идти много дней и не обнаружить никаких следов присутствия людей.

На ранней стадии своего путешествия они шли, осторожно пересекая территорию самситов и других племен, охотившихся на скот. Эти племена — Эстрел знала это — были такими же дикими, как и Баснасски. Затем, очутившись в более засушливых местах, они были вынуждены придерживаться путей, которыми раньше пользовались другие, чтобы находить воду. Однако, когда они обнаруживали следы недавно прошедших людей или живущих где-то поблизости, Эстрел бдительно озиралась по сторонам и иногда изменяла направление их движения, чтобы избежать даже малейшей возможности быть замеченными.

У нее было хорошее — а иногда и на редкость точное — представление об обширных пространствах, которые они пересекали. В тех же случаях, когда местность становилась непроходимой, и у них возникали сомнения, какое направление избрать, она говорила: «Подождем до зари»,— и отходила в сторону, чтобы помолиться, пользуясь при этом своим амулетом. Затем она возвращалась, заворачивалась в свой спальный мешок и безмятежно засыпала.

Путь же, который она избрала на заре, всегда был правильный.

— Инстинкт Странника,— говорила она, когда Фальк восхищался ее интуицией.— В любом случае, пока мы держимся поближе к воде и подальше от людей, мы в безопасности.

Но однажды, через много дней пути после начала их путешествия, огибая глубокий каньон, по дну которого протекал ручей, они неожиданно вышли к поселению, и прежде чем смогли скрыться, кольцо вооруженных людей сомкнулось вокруг них.

Сильный дождь помешал им увидеть или услышать что-либо до того, как они столкнулись глаза в глаза с этими воинами.

Однако над ними не было совершено насилия. Им разрешили отдохнуть в поселке несколько дней, и Фальк этому очень обрадовался, потому что идти дальше или разбивать лагерь под таким дождем было очень неприятно.

Это племя или народ называли себя Пчеловодами. Странные люди, грамотные и вооруженные бластерами, все они, и мужчины, и женщины, были одеты совершенно одинаково — в длинные балахоны из теплой водонепроницаемой ткани желтого цвета, на груди у каждого был вышит коричневый крест. Они были гостеприимны, но не общительны. Они предоставили путешественникам ложе в своих домах — бараках, длинных, низких, но прочных, из дерева и глины. Они давали своим гостям обильную еду за столом, но говорили так мало — как с незнакомцами, так и между собой,— что казались общиной почти немых.

— Они дали обет молчания. У них много всяких клятв, обетов и ритуалов, и никто не знает, для чего все это,— сказала Эстрел с тем спокойным и бесстрастным презрением, с которым она относилась к большинству различных людей.

«Странники, должно быть, гордые люди»,— подумал Фальк.

Но Пчеловодам было совершенно безразлично ее презрение,

они вообще не разговаривали с ней. В первый день они только спросили Фалька:

— Вашей женщине нужна пара новых башмаков?

Как будто она была его лошадью! И они заметили, что ее обувка истопталась.

Их собственные женщины носили мужские имена, и к ним обращались, как к мужчинам. Степенные девы с ясными глазами и беззвучными губами, они жили и работали, как мужчины, среди столь же серьезных и спокойных юношей и мужчин. Немногим из Пчеловодов было сорок лет, и не было никого моложе шестнадцати.

Это было странное сообщество, похожее на зимние квартиры какой-то армии, разбившей лагерь здесь, посреди полного одиночества во время перемирия в какой-то необъяснимой войне. Странные, печальные и восхитительные люди.

Порядок и уверенность их жизни напоминали Фальку его Лесной Дом, и чувство их затаенности, но безупречной преданности друг другу удивительно успокаивало Фалька. Они были всегда уверенными, эти прекрасные бесполые воители, хотя, в чем они были уверены, они ни за что не сказали бы чужаку.

— Они пополняют свою численность за счет того, что разводят племенных женщин-дикарок, как свиноматок, и воспитывают приплод всех вместе, в группах. Они поклоняются чему-то, что называют Мертвым Богом, и задабривают его жертвоприношениями и притом человеческими. Они ни что иное, как пережиток какого-то древнего суеверия,— сказала Эстрел, когда Фальк с похвалой отозвался о Пчеловодах.

Несмотря на всю свою уступчивость, она по-видимому, негодовала, когда встречала обращение, более соответствовавшее обращению с животными. Своей пассивностью она и трогала, и развлекала Фалька, и он позволил себе небольшую колкость:

— Я вот видел, что ты по ночам как будто что-то шепчешь своему амулету. Религии отличаются...

— Они действительно отличаются,— кивнула она, но больше ничего не сказала.

— Интересно, против кого же они вооружены?

— Против своего Врага, несомненно. Они могли бы бороться с Сингами, если только Синги удосужились бы бороться с ними.

— Ты хочешь идти дальше, не так ли?

— Да. Я не доверяю этим людям. Они очень многое прячут от посторонних.

В этот вечер он пошел, чтобы отпроситься у главы общины, сероглазого человека по имени Хиардан, который был, возможно, даже моложе его.

Хиардан коротко принял его благодарность, а затем сказал, как было принято среди Пчеловодов, безо всяких обиняков:

— Я думаю, что вы говорили нам только правду. За это я благодарен вам. Мы бы приняли тебя более раскованно и рассказали бы тебе о многом из того, что нам известно, если бы ты пришел один.

Фальк задумался:

— Я очень сожалею об этом. Но если бы мой проводник и подруга не помогла мне, я бы в жизни не добрался сюда. И... вы живете здесь все вместе, владыка Хиардан. Вы бываете когда-нибудь один?

— Редко. Одиночество — смерть для души. «Человек является человечеством!»— так гласит наша поговорка. Но мы так же говорим: «Не доверяй никому из своих братьев и сородичей, даже тем, которых ты знаешь с детства». Это наше правило. В этом и только в этом заключена безопасность индивидуума.

— Но у меня нет сородичей и нет безопасности, владыка,— сказал Фальк.

Поклонившись по-солдатски, на манер Пчеловодов, он взял из рук Владыки свой пропуск, и на следующее утро он и Эстрел вновь двинулись на запад.

Время от времени они видели и другие селения или стойбища, все небольшие, разбросанные на обширной территории — всего пять-шесть на расстоянии в пятьсот-шестьсот километров. Возле некоторых из них Фальк отваживался останавливаться. Он был вооружен, а они выглядели безвредными: пара шатров кочевников у полузамерзшего ручья или маленький одинокий пастушонок на огромном холме, присматривающий за полудикими коричневыми волами, или же просто голубоватый дымок на фоне беспредельно серого неба. Он покинул Лес только ради того, чтобы искать,— если таковые были — какие либо вести о себе самом, какие-нибудь намеки на то, кем он был на протяжении тех лет, которых не помнил. Как он сможет узнать об этом, если не будет останавливаться и спрашивать?

Но Эстрел боялась останавливаться даже возле самых крохотных поселений в прерии.

— Они недолюбливают Странников,— говорила она,— и вообще всех чужаков. Те, кто живет так долго в одиночестве, полны страха. В страхе они бы впустили нас и дали бы нам пищу и кров на ночь, но затем под покровом темноты они бы пришли, связали нас и убили. Ты не имеешь права ходить к ним, Фальк.

Она смотрела в его глаза.

— Ты не имеешь права говорить им, что я твоя подруга. Они знают, что мы здесь. Они наблюдают за нами. Если только они увидят, что мы тронемся завтра дальше, они нас не потревожат, но если мы не собираемся двигаться в путь или же попробуем сблизиться с ними, они начнут нас бояться! Именно этот страх грозит нам гибелью!

Отбросив назад свой тронутый ветрами капюшон, Фальк сидел у костра, укрытого холмами, и порывы западного ветра шевелили его волосы.

— Ты, пожалуй, права,— согласился он.

При этом его задумчивый взгляд был устремлен туда, откуда дул ветер.

— Возможно, по этой причине Синги никого не убивают.

Эстрел понимала его настроение и хотела утешить его, изменить ход его мыслей.

— А почему?— спросил он.

Он осознал ее намерение, но не откликнулся на ее попытки.

— Потому что они не боятся.

— Может быть...

Она заставляла его задуматься. Вскоре он сказал:

— Что ж, похоже на то, что я должен пойти прямо к ним и задать свои вопросы, и если они убьют меня, то я бы хотел получить удовлетворение в том, что узнаю, что они меня испугались.

Эстрел покачала головой.

— Они не испугаются и не убьют.

— Даже таракана?— резко спросил он.

Он старался выместить на ней свое плохое настроение, вызванное усталостью.

— Как они поступают с тараканами в своем городе — обезвреживают их, а затем выпускают на свободу, как этих Выскобленных, о которых ты мне говорила?

— Не знаю,— призналась Эстер.

Она всегда серьезно воспринимала его вопросы.

— Я знаю только, что их Законом является благоговение перед жизнью, и они строго придерживаются этого в своих поступках.

— Но почему им надо чтить человеческую жизнь, ведь они не люди?

— Но именно поэтому их Законом является почитание всех форм жизни, разве не так? И я узнала, что с тех пор, как пришли Синги, на Земле не было больше войн, и не было войн между планетами. Это люди, вот кто непрерывно убивают друг друга.

— Нет таких людей, которые со мной могли бы сделать то, что сделали Синги. Я чту жизнь, потому что она гораздо более сложная и неопределенная штука, чем смерть. Самым сложным и самым непреодолимым свойством ее является разум. Синги придерживаются своего закона и позволяют нам жить, но зато они убили мой разум! Разве это не убийство? Они убили того человека, каким я был. Они убили того ребенка, которым я когда-то был. Какое же это благоговение перед жизнью? Как можно так играть человеческой личностью? Их закон — ложь, и их благоговение — притворство.

Ошеломленная этой вспышкой гнева, Эстрел встала на колени перед костром, разрезала на части кролика, которого он подстрелил. Ее рыжеватые волосы, покрытые пылью, завитками падали на ее склоненное лицо, которое было терпеливым и отрешенным. Как и всегда, его влекли к ней сострадание и желание, но хоть и были они близки, он все-таки не был в состоянии понять ее.

— Неужели все женщины были такими?

Она была, как заброшенная комната в огромном доме. Она была похожа на шкатулку, от которой у него не было ключа.

Она ничего не таила от него, и все же покров тайны, окружавший ее, оставался нетронутым.

— Готово, Фальк,— раздался ее нежный голос.

Он поднялся и встал рядом с ней возле костра.

— Друг мой, любовь моя,— сказал он.

Он на мгновение взял ее руку. Они сели рядом и разделили сначала приготовленное ею мясо, а немного позже — сон.

Чем дальше они шли на запад, тем суше становилась земля, и тем прозрачнее был воздух. Несколько дней Эстрел вела их на юг, чтобы обойти местность, которая была — а может быть, уже и не была — территорией очень диких кочевников, Всадников.

Фальк доверял ее суждениям, не имея ни малейшего желания повторить свой опыт встречи с Баснасска. На шестой день их путешествия к югу они пересекли холмистую местность и вышли на сухое возвышенное плато, ровное и лишенное деревьев, всегда продуваемое ветром.

Во время дождя овраги здесь наполнялись стремительными потоками, но на следующий день высыхали.

В летнюю пору это была полупустыня, даже весной это место не радовало глаз.

На своем пути они дважды проходили мимо древних развалин,— курганов и возвышенностей, но объединенных пространственной геометрией улиц и площадей.

Вокруг этих мест в пористом грунте было полно черепков посуды, осколков цветного стекла и пластика. С тех пор, как здесь жили люди, прошло двадцать три тысячелетия. Эта обширная местность, пригодная сейчас только под пастбище для скота, больше уже никогда не осваивалась после расселения людей среди звезд, точная дата которого не была известна из отрывочных и фальсифицированных записей, оставшихся у людей.

— Трудно представить,— заметил Фальк,— что здесь когда-то играли дети, женщины развешивали выстиранное белье. Все это было так давно.

Они вышли к окраине второго из погребенных городов.

— Это было в другую эпоху, которая от нас гораздо дальше, чем планеты, вращающиеся вокруг далеких звезд.

— Эпоха городов.

Эстрел кивнула.

— Эпоха войн. Мне не доводилось слышать рассказы об этих местах ни от кого из моих соплеменников. Наверное, мы зашли слишком далеко на юг и направляемся к Южным Пустыням.

Поэтому они изменили свой путь и пошли теперь на запад и чуть-чуть к северу. На следующее утро они вышли к большой реке, оранжевой от мути и ила, с быстрым и бурным течением. Она была неглубокой, но перейти ее было сложно, хотя они провели целый день в поисках брода.

Места на ее западном берегу были еще более засушливыми. Они наполнили свои фляги водой из реки, но поскольку вода была всегда у них в избытке, Фальк почти не обратил на это внимания. Небо теперь было чистым, и солнце сияло весь день.

Впервые за сотни пройденных миль им не нужно было бороться с холодным ветром, и они могли спать в сухом и теплом месте. Весна быстро надвигалась на эту сухую землю. Перед зарей ярко блестела утренняя звезда, и прямо у их ног распускались дикие цветы. Но за три дня после того, как они пересекли реку, им не повстречался ни один родник или ручей.

Борясь с бурным потоком реки, Эстрел подхватила что-то вроде простуды. Она ничего не говорила об этом, но уже не могла без устали идти столь же быстро, как раньше, и лицо ее вытянулось и заострилось.

Затем у нее началась дизентерия.

Они рано сделали в этот день привал и разбили лагерь. Когда она вечером лежала у костра, на ее глазах были слезы.

Фальк неловко пытался ободрить ее, взяв ее руки в свои ладони. Ее лихорадило — руки и лицо горели от жара.

— Не прикасайся ко мне,— прошептала она.— Нет, нет. Я потеряла его... Что же мне теперь делать?

Только теперь он увидел, что цепочки и амулета из бледного нефрита на шее у нее не было.

— Я должно быть потеряла его, когда мы переходили реку,— предположила она.

Она старалась овладеть собой и лишь позволила ему взять свою руку.

— Почему ты не сказала мне об этом раньше?

— Разве это что-нибудь изменило бы?

Ему нечего было ответить.

Она немного успокоилась, но он все же чувствовал ее подавленное лихорадочное беспокойство. Ночью ей стало хуже, а к утру она совсем раскисла.

Она уже не могла есть, и хотя мучилась от жажды, ее желудок не мог принять крови кролика. Это было все, что он мог предложить ей выпить. Он поудобнее уложил ее, насколько это было возможно, а затем, взяв пустые фляги, направился на поиски воды.

Вокруг на много миль простиралась бугристая местность, покрытая жесткой травой, испещренная полевыми цветами и жалкими кустарниками, вплоть до самой кромки горизонта, подернутой маревом. Солнце очень сильно припекало, степные жаворонки заливались в небесной вышине.

Фальк шел быстрой ровной походкой, сначала уверенной, затем упрямой. Он зашел довольно далеко сначала на север от их стоянки, затем на восток. Влага от прошедших на предыдущей неделе дождей ушла глубоко в почву, и нигде не было видно ни ручейка. Делая круг назад с востока, он с беспокойством искал стоянку и неожиданно с пологого невысокого холма в нескольких милях к западу заметил неясное темное пятно, которое могло быть группой деревьев. Мгновением позже он увидел дым от костра и, несмотря на усталость, бегом бросился к нему.

Низкое солнце слепило глаза, рот совершенно пересох.

Эстрел поддерживала костер, чтобы облегчить его возвраще-

ние. Она лежала в своем изношенном спальном мешке и не подняла голову, когда он подошел к ней.

— Неподалеку отсюда на запад видны деревья. Значит, там может быть вода. Сегодня утром я выбрал направление неправильно,— сказал он.

Он собрал их вещи и уложил их в свой мешок. Затем помог Эстрел встать на ноги, взял ее за руку, и они двинулись в путь.

С большим трудом ей удалось пройти мили две.

Оказавшись на одном из пологих холмов, Фальк протянул вперед руку и воскликнул:

— Вот! Видишь? Это деревья. Там вода!

Но Эстрел опустилась на колени, затем тихо легла на траву, скорчившись от боли и закрыв глаза. Похоже, что идти дальше она уже не могла.

— Я думаю, что отсюда самое большее две-три мили. Я разожгу здесь дымный костер, и пока ты будешь отдыхать, я схожу и наполню фляги. Я просто уверен, что там есть люди, а значит, это не отнимет у меня много времени.

Она тихо лежала, пока он собирал сухие ветки кустов и разжигал небольшой костер. Затем он навалил на него зеленых веток так, чтобы он сильнее дымил.

— Я скоро вернусь,— пообещал он.

Он собрался. Она поднялась, побледнев и дрожа, и заплакала.

— Нет! Не покидай меня. Ты не имеешь права оставлять меня одну. Не уходи...

В ее словах не было логики. Она казалась совсем больной и напуганной. Но Фальк любил ее, и поэтому подхватил ее, закинул ее руки себе на шею, и так, полуволоча, полунеся, пошел вперед.

Со следующего холма деревья тоже были видны, но, казалось, ближе до них не стало. Солнце уже садилось, озаряя золотом безбрежный океан земли. Теперь он уже нес Эстрел и через каждые несколько минут вынужден был останавливаться и класть свою ношу на землю. При этом он падал рядом с ней, чтобы перевести дух и набраться сил для следующего броска вперед. Ему казалось, что будь у него хоть немного воды, всего лишь капля, чтобы смочить рот, ему не было бы так тяжело.

— Там Дом,— шепнул он ей сиплым голосом.— Там, среди деревьев. И совсем недалеко отсюда.

Она услышала его и, изогнувшись, стала бессильно бороться с ним, издавая стоны.

— Не ходи туда, милый. Нет, только не в Дом! Ромаррен не должен заходить в Дома, Фальк...

Она тихо заплакала и начала что-то шептать на языке, которого он не знал.

С трудом подхватив ее, он начал свой тяжелый путь вперед.

Сквозь поздние сумерки неожиданно в его глазах сверкнуло золотом отражение света от высоких окон, спрятавшихся позади густых темных деревьев.

С той же стороны, откуда падал свет, донесся резкий воющий

звук, становившийся все громче и постепенно приближающийся к ним. Фальк напряг последние силы, затем остановился, увидев бежавшие к нему из темноты тени, которые издавали эти завывания, мрачные очертания-тени, которые ринулись на него, стараясь укусить. Он стоял, поддерживая потерявшую сознание Эстрел, и никак не мог вытащить свой пистолет. Он даже не отважился шевельнуться. Всего лишь в нескольких сотнях метров от него все так же безмятежно светились высокие окна Дома. Он закричал:

— Помогите!

Но это был всего лишь хриплый стон, сорвавшийся с его губ.

Внезапно раздались громкие человеческие голоса, резкие, несмотря на расстояние. Черные звериные тени отпрянули назад.

К тому месту, где он упал на колени, все еще держа на плечах Эстрел, подошли люди.

— Заберите женщину,— приказал громкий мужской голос.

Другой голос отчетливо произнес:

— Что это? Неужели новая пара рабочих рук?

Фальку приказали встать, но он смог только прошептать:

— Не трогайте ее, она больна.

— Сейчас же встать!

Грубые сильные руки заставили его повиноваться. Ему ничего не оставалось, как позволить им отобрать у него Эстрел.

От усталости у него так кружилась голова, что он не ощущал, что с ним приключилось и где он находится, пока не прошло довольно много времени. Они дали ему досыта напиться холодной воды, и это было единственным, что имело значение для него.

Его посадили. Кто-то, чью речь он не понимал, дал ему стакан, полный какой-то жидкости. Он взял стакан и выпил. Это было жгучее пойло, сильно отдававшее можжевельником.

Стакан — небольшой сосуд из мутноватого зеленого стекла. Это он сразу отметил про себя. Он не пил из стаканов с тех пор, как покинул Дом Зоува. Он встряхнул головой, ощущая, как спиртное прочистило его глотку и разум, и поднял глаза.

Он находился в очень большой комнате.

Широкая поверхность пола из полированного камня отражала дальнюю стену, на которой, или даже внутри которой мерцал мягким желтоватым светом огромный диск. Фальк даже ощущал на своем лице тепло, исходившее из этого диска. На половине расстояния между ним и солнечным кругом света прямо на голом полу стояло высокое массивное кресло, рядом с ним, прижавшись к полу,— неподвижный силуэт какого-то темного зверя.

— Кто ты?

Он видел контур носа и челюсти, черную руку на подлокотнике кресла. Голос был глубоким и твердым, как камень. Слова были произнесены не на Галакте, на котором он так долго говорил, а на его собственном языке, языке Леса, хотя и несколько отличном от того диалекта, к которому он привык. Фальк помедлил и сказал правду:

— Я не знаю, кто я. Мое самосознание было у меня отобрано шесть лет назад. В одном из Лесных Домов я научился обычаям

людей. Я иду в Эс Тох, чтобы попытаться узнать свое имя и естество.

— Ты идешь в обитель Лжи, чтобы найти Истину? Люди оружия и дураки носятся по уставшей земле, выполняя многочисленные поручения, но вся эта суета от недомыслия и пропитана ложью. Что привело тебя в мое Королевство?

— Моя спутница..

— Ты хочешь сказать, что это она привела тебя сюда?

— Она заболела, и я старался найти воду. И вот...

— Попридержи-ка язык. Я рад, что это не она привела тебя сюда. Тебе известно, что это за место?

— Нет.

— Это Владения Канзас, и я его Повелитель.

— Повелитель, моя спутница...

— ...или Синг, или оружие, или просто женщина. Кем ты ее предпочитаешь считать? Остерегись, человек, не спеши отвечать королям. Я знаю, в качестве кого ты ее держишь. Но у нее нет имени, и она не участвует в игре. Женщины моих ковбоев присмотрят за ней, и давай больше не будем о ней говорить.

Повелитель подошел к Фальку, очень медленно выговаривая каждую фразу.

— Имя моего спутника — Гриффон. Ты когда-нибудь слышал о таком животном? Может быть, в старых книгах или легендах. А о таком животном, которое зовется собакой? Так вот, Гриффон — это имя моей собаки. Как видишь, у нее мало общего с теми тяжелыми тявкающими тварями, которые гоняются по степи, хотя они и родня ему. Род Гриффона, как и мой, угасает. Опал, чего бы ты хотел больше всего?

Повелитель задал этот вопрос с хитрой неожиданной сердечностью, глядя прямо в лицо Фалька.

И хотя Фальк был измучен, находился в смятении и не склонен был говорить правду, он ответил:

— Попасть домой!

— Попасть домой...— задумчиво повторил Повелитель Канзаса.

Он был таким же черным, как и его силуэт или тень. Это был старый, черный, как сажа, мужчина семи футов роста с лицом, как лезвие меча...

— Попасть домой...

Повелитель немного отошел, чтобы взглянуть на длинный стол поблизости от стула, на котором сидел Фальк. Вся верхняя часть стола — Фальк теперь видел это — была утоплена на несколько дюймов и окружена рамкой. Она содержала в себе сетку из золотых и серебряных проволочек, на которых были нанизаны шарики с таким диаметром отверстия, что могли переходить с одной проволочки на другую и в некоторых точках с одного уровня на другой. Шариков были сотни, размером от детского кулачка до семечка яблока. Сделаны они были из глины, камня, дерева, металла, кости, пластика и стекла. Многие из них были из таких драгоценных или полудрагоценных камней, как аметист,

агат, топаз, бирюза, опал, янтарь, берилл, хрусталь, гранат, изумруд, бриллиант.

Фальк узнал это сооружение. Это была Моделирующая система, похожая на такие же системы, принадлежавшие Зоуву, Баки и другим обитателям родного Дома. Своим происхождением эта система была обязана великой культуе планеты Давенант. Это был и оракул, и компьютер, и орудие мистических ритуалов, и игрушка. Во второй своей короткой жизни у Фалька не было достаточно времени, чтобы узнать как следует работу Моделирующей системы. Баки как-то заметила, что ей понадобилось лет сорок-пятьдесят только для того, чтобы овладеть умением обращаться с ней, а ее Моделирующая система, доставшаяся ей по наследству, была всего лишь квадратом со стороной в четверть метра и имела не больше тридцати шариков.

Хрустальная призма ударилась в железную сферу с чистым высоким звуком. Бирюза устремилась налево, а связанные между собой полированные костяшки с гранатом скользнули влево и вниз, в то время как огненный опал вспыхнул на миг в самом центре системы. Черные, худые, сильные пальцы мелькали над проволочками, играя с самоцветами жизни и смерти.

— Значит,— сказал Повелитель,— ты хочешь домой. Но взгляни только. Ты умеешь читать узоры? Слоновая кость, бриллиант и хрусталь,— все это относится к огню. И среди них, то пропадая между ними, то вырываясь наружу, мечется опал. Дальше, чем Королевский Дом, дальше, чем холмы и ущелья Коперника, камень этот летит среди звезд. Ты разорвешь путы времени. Только взгляни. Впереди у тебя простор.

В глазах Фалька рябило от скользивших и мерцавших ярких шариков. Он отодвинулся от края огромной системы и прошептал:

— Я не умею в этом разбираться...

— Это игра, участником которой ты являешься, Опал, разбираешься ли ты в ней или нет. Сегодня вечером мои псы лаяли на нищего бродягу, а он оказался в конечном итоге повелителем звезд. Опал, когда я однажды приду попросить воды из твоих колодцев и кров в твоих стенах, ты, пожалуйста, впусти меня. Ночь тогда будет более холодной, чем сегодня. И это может случиться только через много-много лет. Ты пришел в наш мир откуда-то издалека. Я даже смею думать, что из какого-то другого мира. Я стар, но ты еще намного старше меня. Ты должен был умереть еще сто лет назад. Я прошу тебя, чтобы ты помнил о том, что когда-то очень давно там, на Земле, ты однажды встретил в пустыне старого Короля. Я не могу чинить тебе препятствий, незнакомец. Иди своей дорогой. Если тебе что-нибудь нужно, то здесь есть люди, которые послужат тебе.

Фальк пересек длинную комнату и остановился у занавешенного главного входа. Снаружи в вестибюле его ждал мальчик. Когда Фальк отодвинул полог входа, мальчик негромким голосом позвал своих товарищей, таких же детей, как и он, и они, не выказывая ни удивления, ни подобострастия, только почтительно ожидая, когда Фальк заговорит первым, проводили его в отведен-

ную ему комнату, организовали для него ванну, сменили одежду, накормили ужином и уложили в чистую постель.

Он прожил тридцать дней в Большом Доме Владыки Канзаса, пока последний снег и редкие весенние дожди не прошли в пустынных землях, лежавших за пределами садов Повелителя. Эстрел, выздоровевшая за это время, жила в одном из многочисленных домов меньшего размера, которые теснились за Большим Домом. Фальк был свободен настолько, что мог делать все, что ему угодно. Владыка был абсолютным правителем своих владений, но власть эта основывалась вовсе не на принуждении. Скорее всего, она воспринималась как нечто, служить чему почиталось за честь. Его люди предпочитали сами служить ему, возможно, потому, что обнаружив внутреннее, присущее его личности величие, они сами утвердились в мысли, что они люди, а не рабы.

Их было не более двух сотен, погонщиков скота, садовников, ремесленников и рабочих, их жен и детей. Это было очень маленькое Королевство. Но тем не менее у Фалька уже через несколько дней не было никаких сомнений в том, что, живи даже один, Владыка Канзаса все же оставался бы Владыкой. Это был вопрос внутренне присущих ему качеств.

Эта удивительная действительная неповторяемость владений Повелителя настолько очаровала и поглотила Фалька, что он все эти дни почти не думал о том мире, который находился за пределами Дома-Дворца, через который ему пришлось так долго идти, прежде чем он смог попасть в это очаровательное место. Но, упомянув в беседе с Эстрел об их уходе, он начал размышлять о взаимоотношениях Владыки Канзаса с остальным миром. В конце концов свои мысли он попытался сформулировать вслух в одной из бесед с Эстрел:

— Мне казалось, что Синги не допускают возникновения феодальной власти среди людей. Почему же тогда они позволили Владыке или Королю, безразлично, как он себя называет, сохранять свои владения?

— А почему бы и не позволить такой бред? Это Владение Канзас довольно обширное, но пустынное и безлюдное. Зачем повелителям Эс Тоха вмешиваться в дела такого захолустного псевдокоролевства? Я думаю, что для них он просто глупый ребенок, этот честолюбивый Повелитель, хвастливо лепечущий о своей силе.

— Тебе он тоже кажется таким?

— Ты видел, как вчера здесь пролетал корабль?

— Да, видел.

Летательный аппарат, чье жужжание было так хорошо знакомо Фальку, летел прямо над домом и находился так высоко, что был виден всего несколько секунд. Все люди Поместья выбежали из своих садов и стали бить в сковородки и трещотки, дети закричали, собаки завыли, сам Владыка, стоя на верхнем балконе, с торжествующим видом устроил оглушительный фейерверк, паля в небо из старинного дробовика до тех пор, пока корабль не исчез в туманной дымке на западе.

— Они такие же глупые, как Баснасски, а их старик-Повелитель просто безумец,— усмехнулась Эстрел.

Хотя Владыка Канзаса не пожелал лицезреть ее, его люди были добры к ней. Некоторая горечь в ее смехе удивила Фалька.

— Баснасски совершенно забыли, как когда-то жили люди,— сказал он в ответ.— Эти же люди, может быть, слишком хорошо помнят это.

Он рассмеялся.

— В любом случае, корабль действительно был и улетел, не причинив никому вреда.

На мгновение он взглянул на нее. Она, очевидно, не видела никакого поэтического сумасбродства этого фейерверка, который простой аппарат Сингов ставил на один уровень с солнечным затмением. Но почему бы во время всеобщего бедствия не устроить фейерверка?

Фальк не удивился такому поведению Эстрел, ведь с того времени, как она заболела и потеряла свой нефритовый талисман, ее не покидали печаль и тревога.

Временное пребывание здесь, которое доставляло столько удовольствия Фальку, для нее было мучением. Пора было уходить отсюда.

— Я пойду поговорю с Владыкой о нашем уходе,— нежно сказал он ей.

Оставив ее здесь в тени ив, усыпанных темнозелеными почками, он пошел через сад к большому зданию. За ним семенили пять длинноногих псов черного цвета — почетный караул, которого ему скоро будет недоставать.

Повелитель Канзаса что-то читал в своем тронном зале. Диск, который висел на восточной стене помещения, днем светился холодным рассеянным светом, создавая впечатление маленькой домашней луны, и только ночью он сиял мягким солнечным теплом и светом. Трон, сделанный из полированного мореного дерева, росшего в южных пустынях, стоял перед диском.

Фальк единственный раз видел Правителя сидящим на троне. Это было в тот самый первый вечер его пребывания здесь.

Сейчас он сидел в одном из кресел возле Моделирующей системы, и окна за его спиной, выходившие на запад, не были закрыты шторами. Там, на западе, виднелись далекие темные горы, отороченные снегом.

Владыка поднял свое похожее на лезвие меча лицо и выслушал Фалька. Вместо того, чтобы ответить, он положил руку на книгу, которую читал. Это был не один из микрофильмов его необыкновенно богатой библиотеки, а небольшая, написанная от руки книга, завернутая в бумагу.

— Тебе известен этот Канон?

Фальк посмотрел туда, куда указывал Повелитель, и прочел несколько певучих фраз:

Нужно бояться
Страха людского.
О, горе!

Ты все еще не достигло
Своего предела.

— Я знаю эту книгу, Владыка. Перед тем, как отправиться в это путешествие, я получил в подарок один экземпляр такой книги, но кое-что меня смущает. Почему я не знаю того языка, которым написаны четные страницы Канона?

— Это символы языка, на котором книга была написана первоначально, пять или шесть тысяч лет назад — язык Желтого Императора, моего предка. Но куда же делась твоя книга? Неужели ты ее потерял? Тогда возьми ее, когда совершишь Путь. О, горе! Почему ты всегда говоришь только правду, Опал?

— От неуверенности.

По сути, хотя Фальк и пришел постепенно к твердому решению, что он никогда не будет лгать, независимо от того, с кем говорит или насколько невероятной может оказаться правда, он не знал, почему он пришел к такому решению.

— Пользоваться оружием врага, значит, играть по его правилам,— сказал он.

— О, этот враг давным-давно выиграл свою игру. Ну что ж, значит, ты уже уходишь? Что можно на это сказать? Иди, продолжай свой путь. Сейчас самая пора. Но я на некоторое время хотел бы задержать здесь твою спутницу.

— Я обещал ей помочь в поисках соплеменников,— нерешительно сказал Фальк.

— Ее соплеменников?

Суровое испещренное морщинами лицо повернулось к нему.

— А за кого ты ее принимаешь?

— Она из Странников.

— Она такая же Странница, как я — зеленый орешник, ты — рыба, а эти горы сделаны из сушеного овечьего помета! Придерживайся и дальше своих правил, говори правду — и услышишь правду. Набери фруктов из моих цветущих садов перед тем, как двинуться на запад, Опал, и напейся молока из моих колодцев в тени гигантских папоротников. Разве я не правлю королевством чудес? Скажи, что удерживает тебя возле этой женщины — вожделение или верность?

— Мы многое пережили вместе.

— Не верь ей!

— Она помогла мне и вселила надежду. Мы — сотоварищи по несчастью. Мы доверяли до этого момента друг другу. Почему я должен сейчас изменить этому правилу?

— Вот глупец, о горе!

Владыка Канзаса покачал головой.

— Я дам тебе десять женщин, которые будут сопровождать тебя до самой обители Лжи, вместе с флейтами, лютнями, тамбуринами и противозачаточными средствами. Я дам тебе пять дюжих молодцов, вооруженных ракетницами. Я дам тебе собаку — по правде говоря, я такое же ископаемое животное, как и эти собаки. Все они будут твоими спутниками. Кстати, ты знаешь, почему вымерли настоящие собаки, а не эти шавки, слоняющиеся

по степи? Потому что они были верны людям до самого конца! Потому что они слепо доверяли им! Но если ты не пожелаешь моих сопровождающих, то вот тебе мой совет — иди один, человек!

— Но я не могу!

— Тогда что ж, иди, как тебе будет угодно. Здесь игра уже закончена.

Повелитель встал, подошел к трону и уселся в него. Он даже не повернул головы, когда Фальк произносил слова прощания.

6 Поскольку в памяти Фалька слово «гора» ассоциировалось только с одинокой вершиной, он думал, что как только они достигнут гор, то достигнут и Эс Тоха. Он не понимал того, что им предстоит еще вскарабкаться на крышу континента.

Один горный хребет вырастал за другим по мере того, как росли горы. День за днем они ползли все выше и выше в этом мире гор. На их пути то тут, то там нередко попадались небольшие стойбища или деревеньки среди лесов, стремительных потоков на снежных или гранитных склонах. Зачастую они не могли обойти их по склону, а другой тропы не было.

Они проезжали мимо них на своих мулах — царственном даре Владыки, и никто им не препятствовал. Эстрел сказала, что горцы, живя здесь, у самого порога владений Сингов, были людьми осторожными.

Они не досаждали незнакомцам и не приваживали их к себе, потому что основное правило в их жизни было избегать встреч — если это только было возможно — с незнакомцами.

В горах, несмотря на оттепель, ночевки были очень холодными, и поэтому для путешественников очень большим облегчением оказалось, когда однажды их пригласили на ночлег в деревню.

Она была крохотной, четыре деревянных домика у шумного ручья, несущего свои воды по дну каньона, спрятавшегося в тени огромных выветренных вершин. Но у этой деревушки было название Бесдно, и Эстрел уже однажды останавливалась в ней много лет назад, когда была еще маленькой девочкой. Обитатели Бесдно, двое из которых были такими же светловолосыми, как и Эстрел, обменялись с ней несколькими словами, короткими фразами. Они говорили на языке, который употребляли Странники. Фальк же всегда говорил со своей спутницей на Галакте и так и не научился западному языку. Эстрел что-то объяснила встреченным ею соплеменникам, указывая на восток и на запад. Те же сдержанно кивали, тщательно приглядываясь к ней и искоса посматривая при некоторых фразах девушки на Фалька уголками глаз. Они спрашивали совсем недолго, а потом отвели их к главе общины, и тот предложил усталым путникам еду и кров на ночь, правда, без особой щедрости, холодно и безразлично, и от этого Фальку стало немного не по себе.

Хлев, в котором им предстояло спать, был, однако, теплым, согретым живым теплом скота — коз и птицы, которые теснились здесь в мирном, полном запаха и шорохов сотовариществе. Пока Эстрел заканчивала разговор с жителями деревни, Фальк отпра-

вился на сеновал и соорудил там роскошное двойное ложе из сена, расстелив на нем их спальные принадлежности. Когда пришла женщина, он уже почти спал, но все-таки пробормотал сквозь полузабытье:

— Я рад, что ты пришла. Я чую, что здесь что-то спрятано, но не знаю — что.

— Здесь есть только мой запах!

Эстрел рассмеялась.

Именно таким образом она обычно шутила, если только это можно было назвать шуткой.

Фальк от удивления почти проснулся и с недоумением задал вопрос:

— Что это на тебя нашло? Куда делась твоя печаль? Похоже, ты обрадовалась, что находишься совсем неподалеку от города, не так ли? Как бы я хотел побыстрее оказаться там.

— А почему бы мне не радоваться? Я надеюсь отыскать свое племя. Мне сказали, что совсем недавно видели его там. Если же это и не удастся, то Повелитель мне обязательно поможет. Да и ты сможешь найти там то, что ищешь, и тебе будет возвращено твое наследие.

— Мое наследие? Мне казалось прежде, что ты считаешь меня лишенным прошлого.

— Тебя? Никогда! Ты ни в коем случае не думай, Фальк, что именно Синги влезли в твои мозги. Как-то раз, давно, еще на равнине ты сказал это, но тогда я не поняла тебя. Разве ты можешь считать себя Выскобленным или просто обычным человеком? Ты ведь родился не на Земле!

Редко, когда она говорила так убедительно.

То, что она сказала, утешало его, совпадало с его собственными надеждами, но это же несколько и озадачило его, поскольку она до этого времени молчала и казалась не от мира сего. Затем он увидел, что на ремешке, висящем у нее на шее, что-то блестит.

— Они дали мне амулет,— ответила она на его вопрос.

Похоже, что это и было источником ее оптимизма.

— Да,— подтвердила она.

Она с удовлетворением глядела на подарок.

— У нас с тобой одна вера. Теперь я уверена, что у нас все будет хорошо.

Он улыбнулся ее уверенности, но был рад, что это утешило ее. Когда он засыпал, он знал, что она не спит и лежит, глядя в темноту, полную запахов и спокойного дыхания животных.

Когда перед зарей прокричал петух, он сквозь сон услышал, как она шепчет молитвы над своим амулетом на языке, которого он не знал.

Они вышли, избрав тропу, которая вилась к югу от грозных вершин. Оставалось пересечь один горный кряж, и вот через четыре дня они добрались до перевала.

Небо потемнело, на голые скалы повалил снег. На перевале была хижина для путников, и они вместе со своими мулами

теснились в ней, пока не перестал падать снег и можно было возобновить путь.

— Теперь идти будет легко,— заметила Эстред.

Она повернулась к Фальку. Он улыбнулся, но в нем прибавлялось страху по мере того, как они шаг за шагом приближались к Эс Тоху.

Тропа стала постепенно расширяться, и вскоре превратилась в дорогу. На глаза стали попадаться хижины, фермы, дома. Люди встречались редко, потому что было холодно и дождливо.

На третье утро после того, как они прошли перевал, погода стала ясной, и через несколько часов езды Фальк остановил своего мула, вопросительно взглянув на Эстрел.

— Что такое?— поинтересовалась она.

— Мы у цели? Это Эс Тох, не так ли?

Вокруг была ровная местность, хотя со всех сторон горизонт закрывали удаленные горные вершины, а вместо пастбищ и пахотных земель, мимо которых они проезжали раньше, вокруг были дома, множество домов! Повсюду были разбросаны хижины, бараки, лачуги, многоэтажные дома, постоялые дворы, лавки, где производились и обменивались различные изделия.

Повсюду были дети, люди, которые шли пешком, ехали верхом на лошадях или на мулах, проезжали на слайдерах во всех направлениях. Людей было немало, но все-таки и не так уж много. Были здесь и праздно слоняющиеся, и по горло занятые какимнибудь делом. Здесь были грязные, унылые и оживленные под ярким утренним солнцем жители этих лачуг и дворцов.

— До Эс Тоха еще миля, если не больше.

Эстрел рассмеялась.

— Тогда что же это такое?— недоуменно спросил Фальк.

Он взволнованно и испуганно начал озираться. Дорога, по которой он проделал такой длинный путь из Дома в Восточном Лесу, теперь превратилась в улицу и вскоре должна была окончиться. Люди удивленно смотрели на них и на их мулов, расположившихся посреди улицы, но никто не задерживался возле них и не заговаривал с ними. Женщины отворачивались.

Только некоторые из покрытых лохмотьями детей указывали на них, смеялись, а потом убегали, скрываясь в грязных переулках или позади какого-нибудь барака.

Это все было не то, что ожидал увидеть Фальк. Однако, чего он мог ожидать, до этого никогда не видевший в глаза ни одного города?

— Я не знал, что в мире столько людей,— наконец промолвил он.— Они роятся вокруг Сингов, как мухи в навозе.

— Это все из-за того, что личинки мух могут развиваться только в навозе!— сухо сказала Эстрел.

Затем, глядя на него, она протянула руку и похлопала его по плечу.

— Это прихлебатели и отверженные, сброд, который не пускают через городские ворота. Давай проедем еще немного и вой-

дем в город, в истинный Город! Мы прошли долгий путь, чтобы увидеть его, и я думаю, что мы заслужили эту честь!

Они продолжали ехать верхом и вскоре увидели возвышающиеся над убогими крышами домов стены зеленых башен без окон, ярко сверкающие на солнце.

Сердце Фалька учащенно забилось. В этот миг он заметил, что Эстрел заговорила с амулетом, который ей подарили в Бесдно.

— Мы не можем въехать в город верхом на мулах,— сказала она через какое-то мгновение, ответив на недоуменный взгляд Фалька.— Нам нужно оставить их здесь.

Они остановились у ветхой общественной конюшни, и Эстрел начала что-то убедительно втолковывать на западном диалекте подбежавшему к ней прислужнику. Когда Фальк спросил ее, в чем заключается смысл их перебранки, она ответила:

— Я просила взять у нас этих животных в качестве залога.

— Что? Какого залога?

— Если мы потом не оплатим их содержание, он заберет их себе. Ведь у нас нет сейчас денег, не так ли?

— Нет,— робко произнес Фальк.

У него не только никогда не было денег, он даже никогда раньше их не видел.

Хотя на галактическом языке было слово, обозначающее деньги, в диалекте Леса аналогичного эквивалента не было.

Конюшня была последним зданием на краю пустыря, усыпанного булыжниками и мусором, который отделял район лачуг от высокой длинной стены из гранитных глыб.

Пешеходы могли попасть в Эс Тох только одним путем. Огромные конические колонны обозначали ворота. На левой колонне была вырезана надпись на Галакте:

«ПОЧТЕНИЕ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ»

Справа было длинное предложение, написанное буквами, которых Фальк никогда прежде не видел. Через ворота не было никакого движения, и возле них не было стражи.

— Колонна Лжи и колонна Тайны,— сказала громко Эстрел.

Она прошла между ними, ведя за руку озиравшегося Фалька. Он изо всех сил старался не показать, какой благоговейный страх начал овладевать его душой.

Однако, когда он вошел в Эс Тох и увидел его, он долго стоял, не произнося ни слова, и даже Эстрел не могла сдвинуть его с места.

Город Повелителей Земли был выстроен на двух склонах каньона — грандиозной трещины в горах, узкой и фантастически глубокой. Его черные стены были покрыты полосами зелени, спускавшимися вниз на ужасающую глубину, не менее чем в полмили, к серебристой полоске реки, струившейся на самом дне каньона, вечно погруженном в тень. На самых краях, обращенных друг к другу отвесных склонов возвышались башни города, едва опираясь о землю, соединенные через пропасть стройными арками мостов. Затем башни, мосты и шоссе кончались, и стена снова замыкала город перед самым головокружительным изгибом

каньона. Геликоптеры с прозрачными лопастями носились над бездной, а на улицах и стройных мостах мелькали слайдеры. Хотя солнце еще не поднялось над могучими вершинами к востоку от города, казалось, что эти стройные башни вовсе не отбрасывают тени. Эти огромные зеленые башни настолько ослепительно сверкали, что казалось, будто солнечные лучи свободно проходят сквозь них, не встречая при этом никакой преграды.

— Идем,— сказала Эстрел и дернула его за руку.

Фальк очнулся от своих грез и обернулся.

У нее были на удивление сияющие глаза.

— Но нас здесь не ждали. А что может случиться с незваными...— начал было он.

— Здесь нечего бояться,— мягко сказала она.— Идем.

Он последовал за ней. На улице, которая опускалась между двумя высокими зданиями к башням на краю обрыва, не было никого. Он обернулся назад, к воротам, но уже не смог различить открытого прохода между колоннами.

— Куда ты меня ведешь?

— Здесь есть одно место, которое я знаю.

— Что это за место?

— Просто дом, куда обычно приходят наши люди, когда бывают в этом городе.

Она опять взяла его за руку, и пока они проходили по длинной извилистой улице, она шла, опустив взор и тесно прижавшись к нему.

Теперь справа от них неясно вырисовывались высокие дома самого сердца Города, а слева было узкое ущелье без всякой стенки или парапета — головокружительный обрыв, на дне которого было абсолютно темно. Черный пробел между двумя светящимися узкими, как шесты, башнями.

— Но если нам понадобятся здесь деньги...

— О нас позаботятся.

Мимо них на слайдерах проехали ярко и причудливо одетые люди. Высоко наверху на посадочных площадках зданий с отвесными стенками мелькали геликоптеры. Высоко над ущельем ровно гудел набиравший высоту аэрокар — летательный аппарат Сингов.

— И все эти люди — Синги?

— Некоторые.

Подсознательно он держал левую руку на лазере. Эстрел, даже не взглянув на него, произнесла с усмешкой в голосе:

— Не вздумай воспользоваться здесь своим оружием, Фальк. Ты пришел сюда, чтобы получить назад свою память, а не для того, чтобы еще раз потерять ее!

— Куда ты меня ведешь, Эстрел?

— Сюда.

— Сюда? В этот дворец?

Светящаяся зеленоватая стена без окон бесформенно вздымалась вверх, загораживая своей мощью небо. Перед ними возникла открытая многоугольная дверь.

— Здесь меня знают,— сказал Эстрел. Она крепче сжала руку Фалька.— Не бойся. Идем.

Он заколебался. Оглянувшись, увидел на улице несколько человек. Это были первые люди, которые шли пешком, первые люди из всех, которых он здесь видел.

Они праздно шагали по улице, с любопытством поглядывая на Фалька и его подругу.

Это его испугало, и он позволил Эстрел затащить себя внутрь башни. Он прошел через одну дверь, другую, створки которых автоматически раздвигались при их приближении. Уже внутри, обуреваемый чувством того, что совершил непоправимую ошибку, Фальк остановился.

— Эстрел, что это за место?

Они были в высоком зале, наполненном сочным зеленоватым светом, напоминавшим подводную пещеру. В него открывалось много дверей и коридоров, из которых показались спешащие им навстречу люди.

Эстрел отпрянула от него в сторону. В панике он бросился к дверям, через которые они вошли в зал, но они уже не открывались, и дверных ручек у них не было.

Неясные фигуры людей наполнили зал, что-то крича и приближаясь к нему. Он прислонился спиной к зеленым дверям и потянулся к лазеру, но тот куда-то исчез.

Фальк, озираясь, начал высматривать Эстрел и внезапно обнаружил ее. Она стояла с его оружием в руках позади окружавших его людей и смотрела ему прямо в глаза.

Он бросился вперед с целью отобрать пистолет, но тут же был схвачен. Он вырвался, но почувствовал удар и услышал на мйг звук, которого никогда не слышал прежде,— звук ее смеха.

7 В ушах Фалька звенело, рот наполнял неприятный металлический привкус.

В голове все плыло, он не мог сфокусировать глаза, и, казалось, был лишен возможности двигаться. Вскоре он понял, что пришел в сознание, и подумал, что не может двигаться из-за того, что избит и одурманен. Затем он разобрался в том, что кисти его рук скованы кандалами, такие же кандалы были и на ногах.

Когда он наклонял голову вниз, чтобы яснее рассмотреть их, головокружение усиливалось. В ушах возник громовой голос, непрерывно повторяя одно и то же:

— Ромаррен-ромаррен-ромаррен...

Он напряг силы и закричал, пытаясь освободиться от этого громового голоса, который наполнял его ужасом. В глазах у него вспыхнули искры, и сквозь звук, ревевший у него в голове, он услышал, как кто-то кричит его собственным голосом:

— Я не...

Когда он снова пришел в себя, вокруг царила абсолютная тишина. Голова его болела, и он все еще не мог отчетливо видеть, но на руках и ногах кандалов уже не было, как будто их не было никогда, и он уже знал, что его защитят, присмотрят за ним и дадут приют.

Они знали, кто он, и радушно встретили его. За ним пришли свои для него люди, и теперь он был в безопасности. О нем нежно заботились, его любили, и единственное, в чем он теперь нуждался, это сон и отдых. Однако, мягкий, глубокий голос продолжал шептать у него в голове:

— Маррен-маррен-маррен...

Он окончательно проснулся, и ему удалось сесть. Он вынужден был уткнуться головой в колени, потому что она сильно болела, и чтобы преодолеть головокружение, вызванное движением.

Сперва он осознал только то, что сидит на полу какой-то комнаты, пол которой оказался на удивление теплым и податливым, почти мягким, как бок какого-то огромного животного. Затем он поднял голову, сфокусировал зрение и осмотрелся вокруг.

Он находился посреди комнаты, столь жуткой, что у него снова зашумело в голове. Мебели здесь не было. Стены, пол и потолок были из одного и того же прозрачного материала, который на глаз казался мягким и волнистым, как толстая бледно-зеленая вуаль, но на ощупь был жестким и гладким. Странная резьба, завитки и рубцы образовывали сплошной узор по всему полу, но рука, прикасавшаяся к полу, не могла обнаружить их существования. Либо это был обман зрения, либо все это скрывалось под гладкой поверхностью прозрачного пола. Углы, где встречались стены, были искажены оптическим путем, создававшим впечатление перекрестной стыковки. Для того, чтобы представить себе, что стены образуют прямой угол, требовалось усилие воли, хотя возможно, это было все тем же самообманов, поскольку эти углы на самом деле могли быть и не прямыми.

Но ничто из этого назойливого украшательства не могло так дезориентировать Фалька, как сам факт того, что вся комната была полупрозрачной.

Смутно, как будто ему приходилось глядеть вглубь зеленых вод пруда, он видел за ее стенами еще одну комнату. Сверху виднелось пятно света, которое, возможно, было луною, затуманенной одним или несколькими промежуточными потолками.

Сквозь одну из стен комнаты были отчетливо видны полосы и пятна яркого света, и он мог различить перемещение огней геликоптеров и аэрокаров. Через остальные три стены эти наружные огни казались гораздо менее яркими, поскольку были ослаблены другими стенами, коридорами и комнатами. В других комнатах двигались какие-то тени. Он мог видеть их, но не мог разобрать. Черты лиц, одежда, размеры и цвет — все было, как в тумане.

Где-то в зеленых глубинах неожиданно выросла темная тень, затем стала уменьшаться, становилась все более зеленой и расплывчатой, пока совсем не исчезла в туманном лабиринте. Видимость, но неразборчивая, одиночество, но не уединение! Все это было чрезвычайно красивым — эта замечательная игра света и теней сквозь зеленоватые туманные поверхности, но в то же время это все чрезвычайно мешало сосредоточиться.

Внезапно Фальку почудилось, что яркое пятно за ближайшей

стеной слегка зашевелилось. Он быстро повернулся и с ужасом увидел нечто живое, отчетливое — какое-то лицо, испещренное шрамами, дикое лицо, глядевшее на него парой желтых, нечеловеческих глаз.

— Синг,— прошептал он.

Он был всецело охвачен ужасом. Лицо, насмехаясь над ним, изогнуло страшные губы в беззвучном слове «Синг», и он увидел, что это отражение его собственного лица.

Он выпрямился, тяжело дыша, вставать было не очень-то легко, и подошел к зеркалу. Он протянул к нему руку, чтобы удостовериться в своей догадке. Это на самом деле было зеркало, наполовину утопленное в литую раму, выкрашенную таким образом, что она казалась более плоской, чем была на самом деле.

Внезапно раздавшийся звук заставил его обернуться. В другом конце комнаты он не очень отчетливо увидел в тусклом монотонном свете скрытых источников какую-то фигуру. Двери нигде не было видно, но человек вошел в комнату и теперь стоял, глядя на него.

Это был очень высокий человек, на широкие плечи которого была накинута то ли накидка, то ли плащ. У него были светлые волосы и чисто карие проницательные глаза. Человек заговорил. Голос у него был глубокий и очень мягкий.

— Добро пожаловать к нам, Фальк. Мы долго ждали того момента, когда ты к нам придешь. А до этого мы очень долго вели тебя сюда и защищали.

Освещение в комнате стало ярче. В глубоком голосе слышалась нотка восторга.

— Отбрось страх и прими наше гостеприимство, о, Вестник! За твоей спиной долгий темный путь, и ноги твои ступили на дорогу, ведущую домой.

Яркое сияние становилось все более интенсивным и стало слепить Фалька. Он вынужден был непрерывно мигать, а когда поднял взор, щуря веки, то человека уже не было.

Непроизвольно в мозгу зазвучали слова, произнесенные несколько месяцев назад стариком Слухачом в лесу: «Ужасная тьма ярких огней Эс Тоха».

Больше он не позволит, чтобы с ним играли и отравляли наркотиками. Он больше не позволит им вводить себя в заблуждение. Он чувствовал себя дураком из-за того, что пришел сюда, и боялся, что живым ему уже не выбраться, но больше с ним играть уже не будут. Он бросился вперед на поиски потайной двери, чтобы последовать за этим человеком, но голос за его спиной внезапно произнес:

— Подожди еще один миг, Фальк. Иллюзии не всегда лгут. Ты ищешь истину? Ну что ж...

Фальк обернулся и увидел, как тонкая трещина на зеркале, за миг до этого сформировавшаяся на совершенно гладкой поверхности, начала расширяться и вскоре превратилась в дверь. В его комнату вошли две фигуры. Одна, маленькая и тонкая, шагнула к нему. На этой фигуре были штаны с нарочито выступав-

шим вперед гульфиком, короткая кожаная куртка, туго натянутая на голову шапка. Вторая, повыше, была в тяжелой мантии и двигалась небольшими семенящими шагами, какими обычно передвигаются танцоры. К его талии — а это был мужчина — спускались длинные пурпурно-черные волнистые волосы, голос был очень мягким и глубоким.

— Нас сейчас снимают, Стрелла.

— Я знаю,— ответил невысокий человек голосом Эстрел.

Никто из них до сих пор не взглянул на Фалька. Они вели себя так, как будто были совершенно одни.

— Продолжай спрашивать, что хотел, Краджи!

— Я хотел спросить у тебя, почему это отняло так много времени?

— Много? Ты несправедлив, мой Повелитель. Как я могла проследить его путь в Лесу к востоку от Шорга? Там ведь сплошная глушь. А от глупых животных помощи не добьешься. Все, что они могут, это лепетать слова Закона. Когда мне в конце концов сбросили детектор людей, я была в двухстах милях к северу от него. Когда я снова нашла его, он следовал прямо на территорию Баснасска. Ты знаешь, Совет дал им птицбомбы, чтобы они были в состоянии перехватить Странников и других бродяг. Поэтому мне пришлось присоединиться к этому грязному племени. Разве ты не слышал моих сообщений? Я все время делала их, пока не потеряла свой передатчик во время перехода через реку к югу от Владений Канзас. И моя мать в Бесдно дала мне новый.

— Я ни разу не слышал такого сообщения. Но в любом случае, все это время и весь этот риск впустую, так как все эти недели тебе так и не удалось отучить его бояться нас.

— Эстрел!— закричал Фальк.

Нелепая и хрупкая в своем мужском костюме Эстрел не обернулась и не услышала его. Она продолжала разговаривать с мужчиной в мантии.

Давясь от стыда и гнева, Фальк выкрикивал ее имя, но все это было тщетно. Он бросился вперед и схватил ее за плечо... но там ничего не было, только мелькание пятен света в воздухе.

Щелка двери в стене все еще была открыта, и сквозь нее Фальку была видна соседняя комната. Человек в мантии и Эстрел стояли там спиной к нему. Он шепотом произнес ее имя.

Она обернулась и взглянула на него.

Она смотрела в его глаза, и в ее взоре не было ни торжества, ни стыда. Ее взгляд был спокойным, бесстрастным, отчужденным, таким же, как и все то время, когда они были вместе.

— Почему ты лгала мне?— хрипло спросил он.— Зачем ты привела меня сюда?

Он сам знал, почему. Он знал, кем он был и кем всегда оставался в глазах Эстрел.

И не разум его сейчас говорил, а его самоуважение и верность, которые не могли ни вынести, ни принять всю тяжесть истины в его первое мгновение.

— Меня послали, чтобы я привела тебя сюда. Было очень нужно, чтобы ты пришел.

Он попытался взять себя в руки. Неподвижно стоя и даже не пытаясь двигаться ей навстречу, он спросил:

— Ты — из Сингов?

— Я — Синг.

Мужчина в мантии приветливо кивнул головой.

— Я — Синг. Все Синги — лжецы, и я, значит, Синг, который тебе лжет, что в данном случае говорит, что я не Синг, но тут опять выходит, что я лгу, хотя я не Синг. Каково? А может быть, все это одна большая ложь о том, что все Синги лгут? Но я на самом деле Синг и лгу искренне. Земные и другие животные, как известно, тоже лгут. Ящерицы меняют свой цвет, жуки имитируют сучки, камбалы лгут тем, что, лежа неподвижно, принимают окраску песка или гальки в зависимости от того, каков характер дна. Стрелла, этот экземпляр глупее всякого ребенка.

— Нет, Повелитель Краджи, он очень умен,— запротестовала Эстрел своим мягким и бесстрастным голосом.

Она говорила о Фальке так, как люди говорят о животных.

Она шла рядом с Фальком, ела с ним, спала с ним. Она была в его объятиях...

Фальк стоял молча и смотрел на нее.

Она и этот высокий тоже стояли молча, не двигаясь, как будто ждали от него какого-то сигнала для продолжения их беседы.

Он не чувствовал к ней злобы. Он уже к ней ничего не ощущал. Она стала воздухом, пятном, мерцанием света. Все чувства его теперь были обращены вовнутрь, в себя. Он чувствовал телесную усталость от унижения.

«Иди один!»— сказал Владыка Канзаса.

«Иди один!»— говорил Хиардан-Пчеловод.

«Иди один!»— говорил старый Слухач в лесу.

«Иди один, сын мой!»— говорил Зоув.

Как многие другие могли бы направить его, помочь ему в его поисках, вооружить знанием, если бы только он пошел через прерии в одиночку? Сколь многому он мог бы научиться, если бы не доверился душой и телом этой низкой женщине?

Теперь же он ничего не знает, кроме того, что он неизмеримо глуп и что она все время лгала ему. Она лгала ему с самого начала — непрерывно. Она лгала с того самого момента, когда сказала, что она Странница, нет — еще раньше. С того момента, когда впервые увидела его и притворилась, что не знает, кем и чем он является. Она уже давно знала о нем и была послана для того, чтобы противостоять влиянию тех, кто ненавидит Сингов — виновников того, что было сделано с его мозгом, и для того, чтобы помочь ему обязательно добраться до Эс Тоха. «Но тогда почему же,— подумал он мучительно, стоя в этой комнате и глядя на нее, стоящую в другой комнате,— почему же теперь она перестала лгать?»

— То, что я теперь говорю тебе, не имеет никакого значения,— сказала она, как бы прочтя его мысли.

Возможно, так оно и было. Раньше они никогда не пользовались мысленной речью, но если бы она была из Сингов и имела

бы умственные способности Сингов, мера которых среди людей была только предметом слухов и догадок, она, возможно, могла подслушивать его мысли в течение всего их путешествия. Как он мог судить об этом? Спрашивать же у нее об этом почему-то не хотелось.

И все же... Фальк решительно отбросил все сомнения и двинулся в соседнюю комнату к Эстрел. Но попасть к ней он так и не смог. В тот момент, когда он потирал ушибленный лоб,— стена была хоть и мягкой, но удар все же получился довольно ощутимый — позади него послышался какой-то звук. Он обернулся и увидел двоих людей, стоящих в другом конце комнаты возле зеркала. На них были длинные черные одеяния с белыми капюшонами, и они были вдвое выше обычного человеческого роста.

— Тебя так легко провести,— сказал один гигант.

— Ты должен понять, что тебя одурачили.

Другой усмехнулся.

— Ты ведь всего получеловек!

— И как получеловек ты не можешь знать всей правды.

— Ты, который ненавидит, одурачен и высмеян.

— Ты, который убивает, который подвергнут выскабливанию и превращен в орудие.

— Откуда ты явился, Фальк?

— Кто ты, Фальк?

— Куда ты идешь, Фальк?

— Что ты из себя представляешь, Фальк?

Оба гиганта подняли свои капюшоны, показывая, что под ними ничего нет, кроме тени, и отошли к стене. Затем они прошли сквозь нее и исчезли.

Неизвестно откуда в его объятиях оказалась Эстрел. Вцепившись в него руками, она тесно прижалась к нему всем телом и стала жадно и отчаянно целовать.

— Я люблю тебя, Фальк. Я полюбила тебя с того самого момента, как только впервые увидела. Доверяй мне, Фальк, верь мне, дорогой!

Затем она, плачущая и все время кричавшая: «Верь мне!»— была оторвана от него и уведена прочь, как будто ее тащила какая-то могущественная, невидимая сила, как будто ее унес свирепый порыв ветра через дверную щелку, которая бесшумно исчезла за ней, как дверца мышеловки.

— Ты понимаешь,— сказал высокий мужской голос,— что находишься под воздействием галлюциногена?

Он внезапно оказался в комнате рядом с Фальком.

Его шепчущий, выветренный голос содержал нотку сарказма и внутренней опустошенности.

— Доверяй себе меньше всего.

Мужчина рассмеялся и, подняв свою мантию, обильно помочился. После этого он ушел, на прощание обернувшись и помахав Фальку рукой.

Фальк стоял и смотрел, как зеленоватый пол комнаты постепенно поглощал мочу.

Внезапно он заметил, что напротив него в стене образовалась щель, которая, постепенно расширяясь, образовала проход.

Похоже, что это был единственный выход из комнаты, если опять не галлюцинация. Он сбросил с себя сонливость и бросился вон из западни. Ему повезло, и он оказался еще в одной комнате, такой же, как и та, из которой он только что выбежал, может быть только чуть поменьше и потусклее. В дальнем конце ее находилась такая же узкая дверная щель, но она уже медленно закрывалась. Он поспешил к ней через всю комнату и очутился в третьей комнате, которая была точно такой же, как и первые две, только еще меньше и хуже освещенной. Щелка в ее дальнем конце тоже очень медленно смыкалась, и он бегом помчался в следующую комнату, еще меньше и тусклее освещенную, откуда он протиснулся в еще одну маленькую, совсем темную комнатку и в ней вполз в небольшое, тусклое зеркало и стал падать вверх, крича от леденящего душу ужаса. Он падал в направлении белой рубчатой луны, глядевшей на него.

Проснулся он, чувствуя себя отдохнувшим, набравшимся сил, но в состоянии крайнего смятения. Он лежал в удобной кровати в ярко освещенной комнате без единого окна. Он приподнялся и сел на кровати. И тут словно по сигналу из-за перегородки к нему поспешили двое мужчин с немигающими, бычьими взглядами.

— Приветствуем тебя, лорд Агад!— проговорили они один за другим.— Идем с нами, пожалуйста!

Фальк встал, совершенно обнаженный, готовый постоять за себя — единственным четким представлением в его мозгу была борьба и поражение там, во дворце, но Синги почему-то не прибегли тогда к насилию.

— Идем с нами, пожалуйста,— беспрестанно повторял мужчина.

Ему это надоело, и он кивнул головой. Тут же его вывели все еще голого из комнаты, провели по плавно изгибающемуся пустому коридору через зал, стены которого были заставлены зеркалами, вверх по лестнице, которая на самом деле оказалась гладким подъемом, на полу которого были нарисованы ступеньки и наконец ввели в просторную, обставленную мебелью комнату с зеленовато-голубыми стенами, одна из которых сияла солнечным светом. Один из мужчин остался снаружи, второй вошел внутрь вместе с Фальком.

— Вот — одежда, вот — пища, вот — вода. Теперь вы должны поесть. Хорошо?

Человек смотрел на Фалька, не отводя глаз, но без особого интереса.

На столе стоял кувшин с водой, и первое, что сделал Фальк, это до отвала напился, поскольку его мучила страшная жажда. Он осмотрел эту странную, но довольно приятную комнату с мебелью из прочного, чистого, как стекло, пластика с полупрозрачными стенами без окон. Затем он стал с любопытством изучать своего то ли стража, то ли слугу. Большой мужчина с тупым

невыразительным лицом, с пистолетом, пристегнутым к поясу

— В чем заключается Закон?— спросил внезапно, повинуясь какому-то неясному импульсу, Фальк.

— Не отбирать жизнь.

— Тогда зачем тебе пистолет?

— О, этот пистолет, это оружие не может убить. Оно просто делает человека неподвижным, а не мертвым.

Стражник рассмеялся. Интонации его голоса были произвольными, не связанными со значением произносимых им слов, и между словами и смехом была какая-то небольшая пауза.

— Теперь вы поешьте, пожалуйста,— продолжал стражник,— а потом вымойтесь. Вот хорошая одежда. Смотрите, одежда здесь.

— Ты — Выскобленный?

— Нет. Я начальник стражи Повелителей и я подключен к компьютеру номер восемь. Теперь вы должны поесть, попить и помыться.

— Я все это сделаю, когда ты покинешь комнату.

Последовала небольшая пауза.

— О, да, очень хорошо, лорд Агад,— наконец вымолвил здоровяк.

Он снова стал смеяться, словно его щекотали. Возможно, он и чувствовал щекотку, когда компьютер говорил, используя его мозг. Кивнув на прощание, мужчина вышел.

Фальку были видны неясные, неуклюжие силуэты двух охранников, видневшиеся через внутреннюю стену комнаты. Они находились по обе стороны двери и в коридоре снаружи. Фальк нашел умывальную комнату и помылся. Чистая одежда лежала на огромной мягкой постели, заполнявшей один из углов комнаты. Одежда, которую он держал, имела свободный покрой и была расшита кричащими яркими красными и фиолетовыми узорами.

Фальк неодобрительно рассматривал этот балахон, но все же одел его. Его потрепанный мешок с вещами лежал на столе из похожего на стекло пластика. Содержимое его, казалось, было нетронутым, хотя старой одежды и пистолета в наличии не было. На другом конце стола была разложена еда, и он почувствовал голод. Сколько времени прошло с того часа, когда он ступил в этот Дворец? Он не имел ни малейшего представления, но голод говорил, что он здесь уже довольно долго.

Пища была весьма необычной, очень острой, с большим количеством приправ. На вид она была совершенно незнакомой, но он съел все, что было, и не возражал против того, чтобы добавить. Поскольку пищи больше не было, и он сделал все, что его просили, он начал от нечего делать более внимательно осматривать комнату. Неясные тени его стражников сквозь полупрозрачную зеленовато-голубую стену уже не были видны. Он хотел выяснить причину этого, но тут обнаружил, что едва различимая вертикальная щель двери начала расширяться. Постепенно в стене возник высокий овал, через который кто-то вошел в комнату.

Фальк сначала было подумал, что это девушка, но затем увидел, что это парень лет шестнадцати, одетый в такую же свобод

ную одежду, как и он сам. Он не подошел близко к Фальку, а остановился, подняв вверх вытянутые руки, и стал что-то неразборчиво говорить.

— Кто ты?— спросил Фальк.

— Орри,— произнес юноша.

Он снова стал говорить какую-то тарабарщину. Он казался хрупким и возбужденным. В его голосе звучали сильные чувства. Затем он упал на колени и склонил голову. Такой позы Фальк никогда раньше не видел, хотя ее значение было ему совершенно ясно. Это была поза совершеннейшего почтения и преданности.

— Говори на галактическом языке,— резко произнес Фальк.

Он чувствовал себя неловко.

— Кто ты?

— Я Хар Орри, врач Ромаррен,— прошептал паренек.

— Встань. Поднимись с колен. Я не... Ты знаешь меня?

— Врач Ромаррен, разве вы не помните меня? Я ведь Орри, сын Хара Уэдена...

— Как меня зовут?

Мальчик поднял голову, и Фальк взглянул на него. Он посмотрел ему прямо в глаза. Они были серовато-янтарного цвета, кроме больших темных зрачков. Радужная оболочка заполняла всю глазницу, нигде не было видно белого цвета, подобно глазам кошек и собак. Таких глаз Фальк никогда не видел раньше, за исключением, пожалуй, тех, что видел в зеркале прошлым вечером.

— Ваше имя Агад Ромаррен,— испуганным голосом произнес паренек.

— Откуда ты знаешь меня? Почему тебе известно мое имя?

— Я всегда знал вас, врач Ромаррен.

— Разве ты моей расы? Ты хочешь сказать, что мы представители одного и того же народа?

— Я сын Хара Уэдена, врач Ромаррен! Клянусь вам в этом.

На серо-золотых глазах мальчишки на мгновение показались слезы. Фальк сам имел обыкновение реагировать на стрессовые ситуации кратковременными слезовыделениями. Баки как-то упрекнула его за это, так как была обеспокоена этой его чертой. Немного позднее она сказала, что это скорее всего чисто физиологическая реакция, вероятнее всего, расового происхождения.

Смущение, беспокойство, смятение, которые испытал Фальк, как только попал в Эс Тох, сделали его совершенно неспособным трезво разбираться во всем происходящем. Часть его разума твердила: «Это как раз именно то, чего они добиваются. Они хотят таким образом сбить тебя с толку. Они хотят, чтобы ты стал абсолютно доверчивым». Он теперь уже не мог разобрать, была ли Эстрел, которую он так хорошо знал и любил, ему другом, или она одна из Сингов. А может быть, она просто орудие в руках этих Повелителей. Он не знал сейчас, говорила ли она ему правду или всегда лгала. Попала ли она в эту западню вместе с ним или сама создала эту ловушку? Он запомнил ее смех. Но он также помнил и отчаянное объятие, шепот..

Что же он должен делать с этим мальчиком, который с болью и ужасом смотрел на него такими же неземными глазами, как и его собственные? Будет ли этот юноша правдиво отвечать на вопросы или же будет лгать?

Среди всех этих иллюзий, ошибок и оптических обманов, как показалось Фальку, можно было избрать лишь один путь — тот, которым он следовал всегда, покинув Дом Зоува. Он еще раз посмотрел на мальчика и сказал:

— Я не знаю тебя, Хар Орри. В моей жизни, которую я помню в течение последних четырех-пяти лет, тебя не было.

Сказав правду, Фальк отвернулся, сел в высокое вертящееся кресло и дал мальчику знак сделать то же самое.

— Вы помните Верель, врач Ромаррен?

— Кто такой Верель?

— Наш дом. Наша планета.

У Фалька защемило где-то в груди, но он ничего не сказал.

— Вы помните путешествие сюда, врач Ромаррен?— спросил мальчик.

Он заикался. В его голосе было недоверие. Казалось, он не воспринимал того, о чем Фальк только что сказал ему. В голосе его была также гнетущая тоска, уважение и страх.

Фальк покачал головой.

Орри повторил свой вопрос, слегка видоизменив его.

— Вы так и не помните нашего путешествия на Землю, врач Ромаррен?

— Нет. А когда оно было?

— Шесть земных лет назад. Простите меня, пожалуйста, врач Ромаррен. Я не знал... Я был над Калифорнийским Морем, и они выслали за мной аэрокар, автоматический аэрокар. Мне не сказали, для чего я потребовался. Затем Лорд Краджи сказал, что нашел одного из участников нашей экспедиции, и я подумал... Но он ничего не сказал о том, что случилось с вашей памятью. Значит, вы помните только Землю?

Казалось, он умолял Фалька, чтобы тот ответил отрицательно.

— Я помню только Землю.

Фальк кивнул, твердо решив не поддаваться чувствам мальчика, его наивности, искренности его лица и голоса.

Он должен был предполагать, что этот Орри вовсе не был таким, каким хотел казаться.

Но если это действительно так?

«Больше я не позволю, чтобы меня дурачили»,— с горечью сказал себе Фальк.

«Да, но если тебе будет очень хотеться этого, ты позволишь!», — тут же отозвалась другая часть его мозга.— Тебя непременно одурачат, если только захотят этого, и нет способа предотвратить это. Если ты не будешь задавать вопросы этому мальчику, чтобы не выслушивать ложных ответов, то тогда ложь всецело возьмет верх, и результатом всего путешествия в Эс Тох будет только молчание, осмеяние и отвращение. Ты пришел сюда, чтобы узнать свое имя. Какое-то имя было названо. Прими его.»

— Ты мне расскажешь, кто мы такие?

Мальчик снова стал нетерпеливо говорить какие-то непонятные слова. Затем, увидев непонимающее выражение глаз Фалька, он вскоре замолчал и печально покачал головой.

— Вы не понимаете, не помните, как говорить на языке келшак, врач Ромаррен?

Голос его был почти жалобным.

Фальк пожал плечами.

— Келшак — это твой родной язык?— спросил он мгновение спустя у юноши.

— Да!— твердо сказал мальчик.— И ваш тоже, врач Ромаррен!

— Как на этом языке звучит слово «отец»?

— Хьовач, или вава — для детей.

Искренняя улыбка озарила лицо Орри.

— А как вы называете пожилого человека, которого уважаете?

— Для этого есть много слов. Дайте мне подумать, врач. Я так давно не упражнялся в нашем языке. Если это не родственник, то можно сказать «превнотмо» или «тискной».

— «Тискной». Как-то я уже произносил это слово, не зная откуда оно пришло мне на ум:

Это не было проверкой. Он никогда не говорил Эстрел о том, как он побывал у старого Слухача в Лесу, но они могли обшарить все воспоминания в его мозгу, могли узнать все, что он когда-то говорил или думал за то время, когда был в их руках, одурманенный прошлой ночью или даже, может быть, на протяжение нескольких суток.

Он мог не догадываться, что они с ним сделали, и не мог знать, что они еще могут сделать и сделают. Меньше всего он понимал, чего они добиваются. Единственное, что ему оставалось сделать — это продвигаться и дальше, пытаясь выяснить то, что он хотел.

— Ты здесь свободно можешь ходить, куда захочешь?

— О, да, врач Ромаррен. Повелители всегда были очень добры. Они уже давно ищут хоть кого-нибудь из других оставшихся в живых участников экспедиции. Тебе известно что-нибудь на этот счет, врач Ромаррен?

— Ничего!

— Все, что успел мне сказать Краджи, когда я несся сюда несколько минут назад, это то, что ты жил в лесу где-то в Восточной части этого материка, в каком-то диком племени.

— Я расскажу тебе об этом, малыш, если только ты захочешь об этом узнать. Но сначала ты должен рассказать мне вот что. Я не знаю, кто я, кто ты, что это за экспедиция и что такое Верель?

— Мы — Келши,— скованно произнес мальчик.

Очевидно, он был смущен тем, что ему приходилось давать объяснения человеку, которого он считает старше себя, притом не только, разумеется, по возрасту, но и во всех других отношениях.

— Мы из народа Келшак и живем на Вереле,— продолжал Орри.— Сюда мы прибыли на корабле «Альтерра».

— Зачем мы прилетели сюда?— спросил Фальк.

Он наклонился вперед.

Орри стал рассказывать медленно, часто сбиваясь, несколько раз повторяя одно и то же, пока не устал говорить, а Фальк слушать. К тому времени стены комнат уже озарились светом вечернего солнца. Они долгое время молчали, а бессловесные слуги в это время принесли им еду и питье. Все то время, пока они ели и пили, Фальк не переставал в уме смотреть на бриллиант, который мог оказаться фальшивым, но мог быть и бесценным. Он перебирал в уме все подробности, изложенные ему Орри, и терялся в домыслах. Мир, который он принял, все еще был для него загадкой.

8 Вокруг похожего на око дракона желто-оранжевого солнца, смахивающего на огненный опал, кружилось довольно медленно по вытянутым орбитам семь планет. Год на третьей зеленой планете длился шестьдесят земных лет. «Счастлив тот, кто встретит свою вторую весну»,— так гласила одна из приведенных Орри пословиц.

Зимы в северном полушарии планеты были холодными, черными и ужасными, поскольку ось планеты была сильно наклонена к эклиптике. Долгое же лето продолжительностью в полжизни было роскошным.

Гигантская луна, цикл которой составлял четыреста дней, обусловливала грандиозные приливные волны в глубоких морях планеты. Планета была щедра на землетрясения, действующие вулканы, на передвигающиеся растения, на животных, и, что особенно важно, здесь была разумная жизнь.

Здесь были люди, которые говорили и строили города — целые калейдоскопы чудес. В этот волшебный, но отнюдь не необычный мир двадцать лет назад прибыл космический корабль. Двадцать гигантских лет этой планеты — то есть более тысячи двухсот лет назад по земному летоисчислению.

Колонисты, подданные Лиги Всех Миров, прибывшие на этом корабле, посвятили свой труд и свои жизни найденной планете, удаленной от древних центральных миров Лиги, в надежде в конце концов привести разумных обитателей планеты в Лигу в качестве новых союзников в Грядущей Войне. Такова была с самого начала политика Лиги, в течение многих поколений основанная на предупреждении пришельцев из Скопления Гриады об огромной волне завоевателей, которая перемещалась от планеты к планете, одно поколение за другим, все ближе к обширному скоплению из восьмидесяти планет, гордо называющему себя Лигой Всех Миров. Земля, будучи на самом краю этой сердцевинной части Лиги и ближайшей к недавно открытой планете Верель, снарядила первый корабль с колонистами.

Должны были прибыть корабли и с других планет Лиги, но ни один из них так и не осуществил посадку на Верель. Война началась.

Единственным средством связи с Землей и с главной планетой

Лиги — Давенант — и вообще со всеми планетами Лиги был ансибл, мгновенный передатчик энергии, установленный на борту корабля с земными колонистами. Как отметил Орри, никакой корабль не мог перемещаться быстрее скорости света, но здесь Фальк поправил его.

Тем не менее, военные корабли, построенные на принципе ансибла, могли осуществлять такое перемещение в пространстве, но это были всего лишь смертоносные автоматические машины, невероятно дорогие и неспособные перевозить живых существ. Скорость света, с ее эффектом замедлять время для путешественников, была пределом скорости перемещения людей и тогда, и теперь. Поэтому колонисты Вереля оказались очень далеко от своего родного дома и всецело зависели от ансибла при получении известий.

Колонисты провели на Вереле пять лет, когда им сообщили, что нагрянул Враг, и сразу же после этого сообщения стали сбивчивыми, противоречивыми, прерывистыми и вскоре вовсе прекратились. Примерно треть из колонистов решили преодолеть на корабле огромное космическое пространство, отделявшее их от Земли, чтобы участвовать в борьбе своего народа против поработителей. Остальные же остались на планете Верель. В течение своей жизни они так и не узнали, что стало с их родной планетой и с Лигой, которой они служили. Они так никогда и не узнали, что представляет из себя Враг, и удалось ли ему одолеть Лигу или же он был повержен в прах. Они остались в изоляции, не имея ни корабля, ни коммуникатора — маленькая колония, окруженная любопытными и враждебными аборигенами, культура которых была на более низкой по сравнению с ними ступенью развития, но интеллект был одинаков! И они, а затем их внуки ждали, но звезды, мерцавшие над их головами, молчали. Больше не было ни кораблей, ни каких-либо известий. Их собственный корабль, должно быть, был уничтожен, записи о существовании новой планеты утеряны. Все забыли о маленьком желто-оранжевом опале, сверкавшем среди многих мирных звезд.

Колония процветала, все больше распространялась вглубь от берега моря, где был основан первый город, названный Альтеррой. Затем через несколько лет,— Орри остановился и поправил себя,— через шестьсот лет по земному времени, колония стала переживать тяжелые времена.

Тут Орри сказал, что он многого не знает, поскольку только начал изучать историю, и в этом ему очень помогали его отец и сам врач Ромаррен еще до того, как они отправились в это путешествие.

— Так вот, резко уменьшилось число рождений, и еще меньше детей выживало.

Здесь Орри снова сделал передышку, в конце концов сделав объявление:

— Я помню, что вы говорили мне тогда, что альтерране не понимали, что с ними происходит. Они полагали, что это последствия многих лет близкородственных браков, что фактически это было нечто вроде отбора. Повелители, которые сейчас живут здесь,

как-то сказали мне, что этого могло не быть, что независимо от того, сколько времени на планете существует чужая колония, она всегда останется чуждой для этой планеты. С помощью генных манипуляций можно получить потомство от браков с коренными жителями, но это потомство будет всегда стерильно, так что я не знаю, что же в точности случилось с альтеррами — я был всего лишь ребенком, когда вы и отец пытались рассказать мне об этом — я помню, как вы говорили об отборе в направлении к жизнеспособному типу. В любом случае колонисты были на грани исчезновения, когда их остаткам удалось вступить в союз с одной туземной народностью, Тевар. Они вместе пережили зиму, и когда пришла весенняя пора, они вдруг обнаружили, что тевары и альтерране могут воспроизводить потомство в достаточном, во всяком случае, количестве, чтобы основать гибридную расу. Повелители сказали мне, что такое невозможно, но я-то ведь хорошо знаю, что именно так вы говорили мне об этом.*

И мы — потомки этой расы?

Вы являетесь потомком альтерра Агада, врач Ромаррен, который был главой колонии землян в течение всей зимы десятого года. Мы еще в школе узнаем об Агаде. Ваше имя, врач Ромаррен, Агад из Шарена. Я не имею такого известного происхождения, но моя прабабушка была из семьи Эсмит из Кьсу. Это все альтерранские имена. Конечно, для демократического общества Земли такие различия ничего не значат, не так ли?

Орри при этом, казалось, забеспокоился, как будто в его мозгу в это время происходил какой-то неясный конфликт. Фальк снова вернул его к рассказу о дальнейшей истории Вереля, полной детских домыслов и умозаключений, сделанных на основании тех обрывков, которые ему удалось запомнить.

— Новое смешанное племя со смешанной культурой народов тевар-альтерран расцвело за годы, последовавшие после этой опасной десятой зимы. Стали разрастаться небольшие города. На единственном континенте северного полушария установилась торгово-коммерческая культура. В течение нескольких поколений она охватила и примитивные народы южных континентов, где проблема сохранения жизни в суровую зиму стала более легко разрешимой. Население выросло. Наука и технология начали свой экспоненциальный рывок, чему способствовали книги альтерран, находившиеся в библиотеке из первого поселения на этой планете. Тайны этих книг становились все более объяснимыми по мере того, как отдаленные потомки колонистов восстанавливали утраченные знания. Они хранили и копировали эти книги, поколение за поколением, и изучали языки, на которых они были написаны — языки Лиги. В конце концов были исследованы спутники планеты и все ближайшее космическое пространство. Распространение городов и совершенствование нации контролировалось и уравновешивалось могущественной

* Более подробно см. роман У.Ле Гуин «Планета Изгнания», М., Мир, 1980 г.

империей Келшак, расположенной на древнем северном континенте. Находясь на вершине мира и могущества, Империя построила и отправила в космос корабль, способный двигаться со скоростью света. Этот корабль «Альтерра» покинул Верель через восемнадцать с половиной лет после того, как с Земли прибыл корабль с колонистами, то есть через тысячу двести лет по земному летоисчислению. Его экипаж понятия не имел, с чем он столкнется на Земле. На Вереле еще не научились строить ансибл-передатчики, а радиосигналы посылать в космос не осмеливались, чтобы не выдать свое положение какой-нибудь вражеской планете, управляемой врагом, которого так боялась Лига. Для того, чтобы получить необходимые сведения, должны были отправиться живые люди и вернуться, преодолев гигантское расстояние, отделявшее их родную планету от Земли.

— Сколько времени длилось это путешествие?

— Более двух лет по летоисчислению Вереля, возможно, сто тридцать — сто сорок световых лет. Я тогда был еще совсем мальчишкой, врач Ромаррен, и много не понимал тогда, а о многом мне и не рассказывали.

Фальк не понял, почему подобное поведение должно было смущать паренька. Он в гораздо большей степени был ошеломлен тем фактом, что Орри, которому на вид было лет пятнадцать-шестнадцать, прожил выходит, сто пятьдесят лет! А он сам?

— «Альтерра»,— продолжал Орри,— направилась на Землю с базы космического флота, расположенной вблизи прибрежного города Тевар. На корабле было девятнадцать человек — мужчин, женщин и детей, большей частью подданных империи Келшак и считающихся потомками колонистов. Взрослые были отобраны Советом Империи с учетом степени подготовленности, способностей, смелости и готовности к самопожертвованию.

— Что же случилось с кораблем? Что произошло с остальными семнадцатью членами экипажа «Альтерра»?

— Мы были атакованы у Барьера. Синги смогли придти к нам на помощь только после того, как «Альтерра» была разрушена, а атаковавшие рассеялись в разных направлениях. Это были бунтовщики, и пользовались они межпланетными аппаратами. Синги спасли меня, захватив один из них. Они так и не узнали, были ли остальные убиты или взяты в плен бунтовщиками. Они вели поиски по всей планете, и около года назад до них дошел слух о человеке, живущем в Восточном Лесу. Было похоже, что это мог быть один из нас.

— Что ты помнишь из всего этого — нападение и так далее?

— Ничего! Вы же знаете, как околосветовой полет воздействует на психику...

— Я знаю, что для тех, кто находится внутри корабля, двигающегося со скоростью света, время как бы останавливается. Но какие при этом возникают ощущения, в книгах Лесов написано не было.

— Я на самом деле отчетливо ничего не помню. Я был тогда мальчишкой девяти земных лет. И я не уверен, что кто-нибудь

мог бы вспомнить это отчетливо. Невозможно сказать, как все соотносится между собой. Как будто и слышишь, и видишь, только все как-то не стыкуется друг с другом. Все теряет всякое значение. Не могу объяснить: это ужасно, но только все происходит как будто во сне. Но когда затем происходит переход в обычное пространство, вот этот переход Повелители и называют Барьером, то пассажиры теряют сознание, если только готовы к этому переходу. Наш корабль не был к этому готов. Никто из нас не пришел в себя, когда на нас напали — поэтому-то я ничего не помню о нападении, ничего — ничуть не больше, чем вы, врач Ромаррен. Когда я пришел в себя, то был уже на борту корабля Синтов.

— Почему тебя, мальчика, взяли в такую опасную экспедицию?

— Мой отец был ее руководителем, мать тоже была на корабле. Вы же знаете, врач Ромаррен, что когда возвращаются из такого путешествия, то все родные и близкие уже давно умерли. Теперь-то это уже не имеет никакого значения — мои родители погибли, или, может быть, с ними поступили точно так же, как с вами, и они даже не узнали бы меня, если бы мы встретились.

— Какова была моя роль в этой экспедиции?

— Вы были нашим навигатором.

Ирония этих слов заставила Фалька поморщиться, но Орри продолжал в своей уважительной, наивной манере:

— Конечно, это не означало, что вы должны были прокладывать курс нашего корабля, определять его координаты в космосе. Из всех Келди вы были самым великим мастером в математике и астрономии. Вы были по рангу старше всех нас на корабле, кроме, конечно, моего отца Хара Уэдена. У вас была восьмая ступень, врач Ромаррен. Вы помните что-нибудь об этом?

Фальк покачал головой.

Мальчик закончил описание экспедиции и в конце концов с печалью сказал:

— Я не могу поверить в то, что вы ничего не помните. Да еще этот ваш жест...

— То, что я покачал головой?

— На Вереле в знак отрицания мы пожимаем плечами. Вот так.

Простодушие мальчика было неотразимым. Фальк попытался пожать плечами, и ему показалось, что в этом была какая-то правомерность, правильность, которая могла убедить его, что жест этот был давно ему знакомым и привычным. Он улыбнулся, и Орри сразу же стал его утешать.

— Вы так похожи на себя того прежнего, врач Ромаррен, и вместе с тем совсем другой! Простите меня. Но что же с вами такое сделали, что вы столько забыли?

— Они уничтожили меня. Но теперь я и такой себе нравлюсь. Я такой, какой есть. Фальк — мое имя!

Орри наклонил в знак почтения голову.

— Как сильно за тобой здесь следят?— спросил бывший врач Ромаррен.

— Повелители требуют, чтобы я носил при себе коммуникатор, особенно, когда я улетаю куда-нибудь на аэроплане.

Орри притронулся к браслету на левом запястье, который на вид казался простой золотой цепочкой:

— Это может быть опасным — оказаться среди туземцев.

— Пожалуй. Но ты волен ходить куда угодно?

— Конечно. Ваша комната, врач Ромаррен, точно такая же, как и моя, только на другой стороне каньона.

Орри снова смутился.

— Здесь у вас нет врагов, поймите это, врач Ромаррен.

— Нет? Где же они тогда?

— Ну, снаружи, там, откуда вы пришли.

Они взглянули друг на друга, чувствуя обоюдное взаимопонимание.

— Ты думаешь, что земляне наши враги? Ты думаешь, что это они уничтожили мой разум?

— А кто же еще?— тяжело дыша, испуганно прошептал Орри.

— Пришельцы, вот кто! Это наши враги Синги напали на «Альтерру» и сделали с нами то, что мы сейчас есть.

— Но,— кротко возразил мальчик, как бы понимая, насколько его бывший учитель и наставник невежественен и дик,— врага никогда и не было. Я хочу сказать, что Синги — это не пришельцы. И Войны Миров не было во Вселенной!

9 В комнате раздался мягкий дрожащий звук, похожий на звук гонга, и через мгновение бестелесный голос произнес:

— Совет открывается.

Скользнув в сторону, дверь отворилась, и в комнате появилась высокая фигура в длинной белой мантии и богато украшенном парике.

Брови на лице этого человека были сбриты и нарисованы высоко на лбу. Лицо, полностью приглаженное гримом, было лицом сильного человека среднего возраста.

Орри быстро выскочил из-за стола и поклонился, прошептав:

— Добро пожаловать, Лорд Абендабот!

— Хар Орри,— отозвался мужчина голосом, приглушенным до уровня шепота,— приветствую тебя, малыш!

Затем он повернулся к Фальку.

— И вас тоже, Агад Ромаррен. Добро пожаловать к нам. Начинается заседание Совета Земли. Мы соберемся, чтобы ответить на ваши вопросы и рассмотреть ваши требования. Смотрите...

Он только на миг взглянул на Фалька и ни на шаг не приблизился ни к одному из присутствующих в комнате верелиан. Этого человека окружала какая-то странная атмосфера власти, а также полного самозаточения, поглощения собой. Он был как бы в стороне от всего происходящего в этой комнате. Все трое какое-то мгновение стояли неподвижно. Фальк, следя за взглядами остальных, увидел, что внутренняя стена комнаты потускнела и изменилась, став теперь как будто границей прозрачного сероватого студня, в котором линии и формы двигались и трепетали.

Затем изображение приблизилось, и Фальк затаил дыхание. Это было лицо Эстрел, только в несколько раз увеличенное.

Ее глаза смотрели на него с отрешенным спокойствием портрета.

— Я — Стрелла Зиобельель.

Губы изображения зашевелились, но откуда исходил голос, определить было невозможно — холодный абстрактный шепот, дрожащий (от эха?) в комнате.

— Меня послали доставить в Город в целости и сохранности участника экспедиции с планеты Верель. Об этом человеке говорили, что он живет где-то на Восточном континенте номер один. Когда я впервые увидела его, я сразу поняла, что это именно тот человек, который нам нужен.

Ее лицо, постепенно исчезая, уступило место изображению лица Фалька.

Бестелесный голос спросил:

— Хар Орри, узнаете этого человека?

Как только юноша заговорил, на экране появилось его лицо.

— Это Лорд Ромаррен, Повелители. Он был навигатором «Альтерры».

Лицо мальчика поблекло, и экран остался пустым. Зашептало множество голосов, как будто происходило совещание духов, говоривших на неизвестном языке.

Фальк догадался, что, очевидно, таким образом Синги проводят заседание своего Совета: каждый из них находился, вероятно, в своей собственной комнате, окруженный только шепчущими голосами. Пока следовала вся эта неразборчивая абракадабра, Фальк шепнул Орри:

— Ты знаешь этот язык?

— Нет, врач Ромаррен. Со мной они всегда говорят только на Галакте.

— Почему они общаются таким способом, а не лицом к лицу?

— Здесь их очень много. Лорд Абендабот говорил, что на Совете Земли их присутствуют тысячи и тысячи. Они разбросаны по всей планете и для того, чтобы участвовать в заседании Совета, им приходится прибегать к такой церемонии. Повелители находятся почти во всех районах Земли, хотя Эс Тох является единственным городом на этой планете.

Жужжание бесплотных голосов угасло, и на экране начало проявляться лицо мужчины с мертвенно бледной кожей, черными волосами и блеклыми глазами.

— Это Кен Кениек,— шепнул Орри.

Мужчина заговорил:

— Агад Ромаррен, мы собрались на этот совет для того, чтобы вы могли завершить свою миссию на Земле, и, если только пожелаете, вернуться затем на свою планету. Сейчас вам будет передано мысленное послание Лорда Пелле Абендабота.

Стена сразу же погасла, вернувшись к своему обычному полупрозрачному зеленоватому цвету.

Высокий человек в дальнем конце комнаты не сводил глаз

с Фалька. Губы его не шевелились, но Фальк слышал то, что он говорил, не шепотом, а четко и необычайно отчетливо. Фальк не мог поверить в то, что это была мысленная речь, но в то же время это не могло быть и ничем иным. Лишенная особенностей тембра, рафинированная речь. Но в то же время она была абсолютно понятной и простой. Это была чистая логика, адресованная логика.

— Мы пользуемся мысленной речью только для того, чтобы слышать правду, потому что совершенно не соответствует истине то, что мы, называющие себя Сингами, или какие-то другие люди могут исказить или утратить правду при мысленной речи. Ложь, которую люди приписывают нам, является сама по себе ложью. Но если вы предпочитаете говорить вслух, то так и поступайте, но тогда и мы сделаем то же самое.

— Я не владею искусством мысленной речи,— громко произнес Фальк после некоторой паузы.

Его живой голос громко и жестко звучал в тишине комнаты после этого яркого, бессловесного контакта разумов.

— Но я достаточно хорошо все слышу. И я не прошу у вас правды. Кто я такой, чтобы требовать истину? Но мне хотелось бы услышать то, что вы считаете необходимым сообщить мне.

Юный Орри, казалось, был потрясен. На лице же Абендабота ничего не отразилось.

Очевидно, он был настроен одновременно и на мозг Фалька и на мозг Орри — само по себе редчайшее достижение! Фальк это понял по тому напряженному выражению лица, с которым Орри прислушивался к телепатической речи.

— Люди стерли содержимое твоего мозга, врач Ромаррен. Они научили тебя тому, что они хотели, и заставили тебя этому верить. Наученный таким образом, ты не доверяешь нам. Именно этого мы и боялись. Но спрашивай все, что хочешь, Агад Ромаррен с Вереля. Мы будем отвечать тебе правду!

— Долго ли я нахожусь здесь, в Эс Тохе?

— Шесть дней.

— Почему меня накачали наркотиками и пытались, одурманив, ввести в заблуждение?

— Мы пытались восстановить вашу память, но, как видите, нам не удалось это сделать.

— «Не верь ему!»— говорил Фальк сам себе столь упрямо, что Синг, без сомнений, имей он хоть какое-нибудь искусство проникновения, весьма отчетливо воспринял бы эту мысль.

Но Фалька это не заботило. Игра должна быть сыграна, как они того хотят, несмотря на то, что правила ее установлены ими, и они владеют богатым опытом подобных игр. Его неумение не играет никакой роли. Главное — это честность. Он теперь все поставил только на одну истину — нельзя надуть честного человека. Правда, если доводить игру до конца, не отступая от правил, она приведет только к правде.

— Скажите мне, почему я должен вам доверять?—спросил он.

Мысленная речь, чистая и четкая, снова обрушилась на него. Сам же ее передатчик, Абендабот, так же, как и Фальк, и Орри, стоял неподвижно, подобно фигуре на шахматной доске.

— Мы, кого вы знаете как Сингов, являемся людьми. Мы — Земляне. Мы родились на Земле от обычных людей, так же, как и ваш предок Агад Джекоб, житель первой колонии на Вереле. Люди научили вас тому, что, по их мнению, является земной историей за те двадцать веков, которые прошли со времени основания колонии на Вереле. Теперь мы — тоже люди — научим вас тому, что известно нам. Не было никакого Врага, который бы обрушился с далеких звезд на Лигу Всех Миров. Лига была уничтожена революцей, гражданской войной. Она была уничтожена своими собственными коррупцией, милитаризмом и деспотизмом. По всем планетам Лиги прокатились волны переворотов, восстаний, захватов власти. С главной планеты были посланы карательные экспедиции, подвергавшие огню и мечу восставшие планеты, оставляя на них только выжженный песок. Теперь в охваченный войной космос не отправлялись корабли. Космос кишел кораблями-снарядами, опустошителями планет. Земля не подвергалась полному уничтожению, но половина населения ее была уничтожена. Половина ее городов, ее кораблей и ансибл-передатчиков, ее записей, ее культуры тоже погибла. Все это произошло за два ужасных года гражданской войны между противниками и сторонниками Лиги, причем обе стороны были до зубов вооружены невообразимо ужасным оружием, разработанным Лигой для борьбы с пришельцами. Некоторые отчаявшиеся люди, на какой-то миг приостановив борьбу, но зная, что дальнейшие контр-перевороты, разрушения и руины неизбежны, применили новое оружие. Они стали лгать! Они сами себе придумали название, язык. Они выдумали определенные смутные легенды о своем далеком родном мире, откуда они пришли на эту землю. Они распространили по всей Земле слух, как среди собственных приверженцев, так и среди сторонников Лиги, что на Земле появился Враг, что именно он толкнул все разумные расы Лиги на Гражданскую Войну, что именно он покончил с этой Лигой и полностью захватил власть на Земле в свои руки, и что добились они этого с помощью неожиданной, присущей только им одним способности — лгать в мысленной речи! Люди поверили этому. Это вполне соответствовало их панике, их страху, их усталости. Мир вокруг них лежал теперь в руинах, и они покорились Врагу, который — они с радостью поверили в это — имел над ними сверхъестественную власть и поэтому был несокрушим. Они проглотили эту наживку ради установления мира. И с тех пор они живут в мире! Мы, обитатели Эс Тоха, рассказываем небольшой миф, согласно которому в начале всех начал Создатель сказал Великую Ложь, потому что вообще ничего не существовало, но Создатель заговорил, сказав: «Она существует!», и смотрите — для того, чтобы эта ложь Бога доказывала Истинность Бога, сразу же начала свое существование Вселенная. Если мир среди людей зависит от лжи, то тогда должны быть те, кто умышленно поддерживал бы эту ложь. Поскольку люди упорно верили тому, что явился Враг и овладел Землей, мы сами назвали себя Врагами и стали править. Никто не пришел, чтобы

оспорить нашу ложь или нарушить установившееся равновесие, мир. Планеты Лиги были разобщены. Век межзвездных полетов прошел. Возможно, всего лишь раз в столетие какой-то корабль с далекой планеты, подобно вашему, заберется сюда. Но еще остались бунтовщики, которые противятся нашему господству, вроде тех, которые напали на ваш корабль у Барьера. Мы пытались их взять под свой контроль, так как, правы мы или нет, мы несли и несем в течение тысячелетия бремя мира между людьми. За то, что мы сказали Великую Ложь, мы должны теперь поддерживать Великий Закон, вам он известен, который мы — люди среди людей — навязываем каждому индивидууму, один Закон, которому научились в самую ужасную для человечества годину.

Яркая мысленная речь прекратилась. Это было похоже на то, словно неожиданно выключили свет. В наступившей подобно тьме тишине юный Орри прошептал вслух:

— Почтение перед жизнью!

Вновь наступила тишина. Фальк стоял неподвижно, стараясь ни выражением своего лица, ни даже мыслями, которые могли быть подслушаны, не выдавать смятение и нерешительность, охватившие его. Неужели все, что он знал раньше, не соответствует истине? Неужели у человечества действительно не было Врагов?

— Но если эта история правдива,— наконец вымолвил он,— почему вы громко не скажете об этом и не докажете свою правоту людям?

— Мы — люди,— пришел телепатический ответ.— Нас много тысяч, которые знают эту горькую правду. Мы — те, кто располагает в этом мире властью и знаниями и пользуется ими во имя Мира! Наступили темные века. Сейчас длится как раз один из них, один из многих, когда люди считают, что миром правят демоны. Мы играем роль демонов в их мифологии. Когда же люди начнут заменять свою мифологию логикой или разумом, мы придем им на помощь. Тогда-то они и узнают правду!

— Зачем вы обо всем этом рассказали мне?

— Ради истины как таковой и ради вас самих.

— Кто я такой, чтобы заслужить такую честь?— холодно повторил Фальк.

Он глядел на похожее на маску лицо Абендабота.

— Вы — посланец затерянной в космосе планеты, колонии, все записи о которой были утеряны в эпоху Смуты. Вы прибыли на Землю, и мы, Повелители Земли, не смогли оградить вас от опасности. Ведь это люди Земли напали на вас, перебили или подвергли лоботомии весь ваш экипаж. Это были люди Земли, планеты, на которую вы вернулись после многих столетий! Ими оказались повстанцы с континента номер три, который не так примитивен и заселен более густо по сравнению с этим континентом номер один. Они пользуются украденными межпланетными кораблями. Они считают, что каждый корабль, обладающий околосветовой скоростью, может принадлежать только Сингам. Вот только поэтому они и напали на ваш корабль без предупреждения. Это могло быть предотвращено, будь мы более бдительными.

Но сейчас об этом уже поздно говорить, а поэтому мы стремимся произвести любые возмещения, которые только в наших силах.

— Они искали вас и остальных все эти годы,— вмешался в разговор Орри.— Поверьте мне, врач Ромаррен, они искали вас.

Очевидно, ему очень хотелось, чтобы Фальк поверил всему этому и что сделал?

— Вы пытались восстановить мою память?— спросил Фальк.— Зачем?

— Разве не за этим вы пришли сюда? Разве не за своим утерянным «я» вы отважились проникнуть в Эс Тох?

— Да, это так, но я...

Фальк не знал даже, что еще сказать.

Он не мог не поверить в то, что ему только что сказали, но в это же время принимать это за истину... У него не было отправных точек, опираясь на которые он мог бы вынести свое суждение. Для него было недопустимо, что Зоув и все остальные лгали ему. Но, может быть, они сами были жестоко обмануты?

И все же инстинктивно он с недоверием относился ко всему тому, что только что сказал Абендабот. Однако все это было высказано посредством мысленной речи, при которой ложь была невозможна. Но на самом ли деле так уж и невозможна? Если лжец говорит о том, что он не лжет...

Но Фальк сейчас же сдался и не стал углубляться в логические противоречия.

Еще раз взглянув на Синга, он произнес:

— Пожалуйста, больше не пользуйтесь мысленной речью. Я хотел бы слышать вас голос. Вы, значит, обнаружили, что не смогли восстанавить мою память?

После плавности мысленной речи шепот Абендабота показался сбивчивым и скрипучим:

— Да, теми средствами, которыми мы пользовались, нам не удалось этого сделать.

— А другими средствами?

— Возможно, можно было бы совершить. Мы считали, что в вашем мозгу была установлена парагипнотическая блокировка. Однако вместо этого, как мы обнаружили, было просто стерто содержимое вашего мозга. Мы не знаем, откуда повстанцы могли узнать технику этого процесса, которую мы держим в строжайшей тайне. Но еще большей тайной является то, что даже стертый мозг можно восстановить...

На широком, суровом, похожем на маску лице Синга на миг появилась улыбка.

— С помощью нашей психокомпьютерной техники, мы думаем, что сможем восстановить ваш прежний разум. Однако это связано с непременным полным блокированием вашей теперешней личности. Поскольку она имеется, мы не смогли продолжить работы над вашим мозгом без согласия индивидуума с именем Фальк.

Замещающая личность...

Фальк съежился, как будто ему стало холодно. Он осторожно спросил:

— Вы имеете в виду, что для того, чтобы вспомнить, кем я был на самом деле, я должен забыть, кем я являюсь сейчас?

— К несчастью, в данном случае это именно так. Мы очень сожалеем об этом, поверьте мне. Потеря эта, я хочу сказать, что потеря этой новой вашей личности, возраст которой всего лишь несколько лет, хотя и заслуживает всякого сожаления, но, вероятно, все же не слишком высокая цена, которой оплачивается то вступление во владение разумом, который был у вас прежде. Поймите, разве это такая высокая цена, если у вас появится возможность завершения великой космической миссии и возвращения на свою родную планету. Вы обогатитесь знаниями и принесете пользу своему народу.

Несмотря на свой ржавый, необычно звучащий шепот, Абендабот и в обычном раговоре был столь же красноречивым, как и в мысленном. И в то же время несмотря на эту красноречивость, Фальк только с третьего или четвертого раза уловил все значение произнесенных слов.

— Возможность завершения?— повторил он.

Он чувствовал себя дураком и глядел на Орри, как бы пытаясь найти в нем поддержку и помощь.

— Вы имеете в виду то, что послали бы меня, нас, назад на ту планету, с которой, как вы полагаете, я прибыл сюда?

— Мы бы почли это за честь и начало возмещения, предоставив вам околосветовой корабль для обратного путешествия на Верель.

— Мой дом — Земля!— с неожиданной яростью воскликнул Фальк.

Абендабот промолчал. Через минуту заговорил Орри.

— А мой — Верель, врач Ромаррен,— жалобно произнес он.— И я никогда не смогу вернуться туда без вас.

— Почему?

— Я не знаю, где он расположен. Я никогда не смог бы рассчитать курс для возвращения домой.

— Но у этих людей есть субсветовые корабли и навигационные компьютеры! Тебе нужно только знать, возле какой звезды вращается Верель, и дело с концом!

— Но я как раз и не знаю этого, врач Ромаррен.

— Какая чепуха!— откликнулся Фальк.

Его недоверчивость стала перерастать в гнев.

Абендабот поднял руку.

— Пусть мальчик все объяснит, Агад Ромаррен,— прошептал он.

— Объяснит, почему он не знает названия солнца своей родной планеты?

— Это правда, врач Ромаррен,— произнес Орри.

Он дрожал. Его лицо покраснело.

— Если бы вы были собою, вы бы знали это наизусть. Я же был тогда всего лишь в своем девятом лунокруге. У меня была всего лишь Первая ступень. Ступени... Да, наша цивилизация, я полагаю, очень сильно отличается от земной. Теперь я вижу

в свете того, что Повелители пытаются здесь делать и в свете демократических идеалов Земли, что наша планета во многом отстала. Но тем не менее, у нас имеются ступени, которые не зависят от ранга и происхождения и являются базисом Гармонии. Не знаю, как это выразить на Галакте. Знания, может быть, являются базисом нашей жизни на Вереле. По крайней мере, в любом случае я был на Первой ступени, а у вас, врач Ромаррен, была Восьмая. И на каждой ступени имеется многое, что не может быть понято, пока полностью не взойдешь на нее. Я думаю, что истинное имя планеты или ее Солнца можно узнать не раньше, чем на Седьмой ступени. Истинное название — древнее название, оно приведено в восьмом сборнике Книг Альтерры, книг колонии. Эти названия приведены на галактическом языке и поэтому могут быть поняты живущими на Земле Повелителями. Но я не могу назвать их, так как не знаю. Все, что я знаю, это сами понятия «солнце» и «земля». Но это не поможет мне попасть домой до тех пор, пока вы не вспомните то, что прежде знали. Какое солнце? Какая земля? О, вы должны разрешить им, врач Ромаррен, вернуть вам память. Вы должны понять меня.

— Ты хочешь моей смерти, малыш?

Орри заплакал и Фальк промолчал.

Несмотря на все смятение, в котором он пребывал, он вдруг отчетливо увидел сияющее над Поляной Солнце. Он будто бы стоял на продуваемом ветрами балконе Лесного Дома. И тут он понял, что не за своим именем он пришел в Эс Тох, в этот страшный Город, а для того, чтобы узнать название Солнца, истинное название древнего светила свой родной планеты!

10 Странное заседание невидимого Совета Повелителей Земли завершилось. Уходя, Абендабот проскрипел:

— Вы можете поступать по своему усмотрению, Агад Ромаррен. Вы можете остаться Фальком, нашим гостем на Земле или вступить во владение своим наследством и завершить предначертание ваших соотечественников на Вереле. Мы хотим, чтобы вы сознательно совершили свой выбор и тогда, когда вы сами сочтете это нужным. Мы ждем вашего решения и будем терпеливы.

Затем, обернувшись к Орри, он добавил:

— Сделай так, чтобы твой соплеменник чувствовал себя в городе свободным, и дай нам знать, если ты или он захотите вдруг что-то узнать.

Дверь отъехала в сторону перед Повелителем, и он вышел из комнаты. Его высокая могучая фигура мгновенно исчезла. Был ли он здесь на самом деле, во плоти, или это своего рода проекция, Фальк не мог с уверенностью судить об этом. Он даже удивился, подумав — видел ли он хоть раз живого Синга, или все это были только тени, проекции?

— Нам есть куда уйти отсюда?— резко спросил он у маленького соплеменника, устав от бесплотных скрытых способов общения и странных стен этого дворца и одновременно интересуясь, насколько на самом деле простирается их свобода.

— Куда угодно, врач Ромаррен. Мы можем выйти на улицу или, может быть, возьмем слайдер? Или, давайте, пойдем в сад, расположенный прямо здесь, во Дворце?

— В сад так в сад.

Он пошел вниз по огромному пустому, сверкающему коридору через тамбур-шлюз и попал в какую-то небольшую комнатку. Орри вошел за ним следом, закрыл дверь и произнес: «Сад».

Он не ощутил движения, но когда двери открылись, он уже был в саду. Вряд ли это чудо было снаружи Дворца. Через полупрозрачные стены далеко внизу мерцали огни города. Полная луна праздно висела над стеклянным потолком. Все вокруг было полно мягких световых пятен и теней, повсюду были тропические кустарники и лианы, которые вились вокруг шпалер и свисали с беседок. Фальк резко обернулся, чтобы удостовериться, существует ли позади него дорога к выходу. Горячая, тяжелая, полная необыкновенных запахов тишина казалась сверхъестественной. Казалось, что этот сад хранит воспоминания о какой-то далекой, ныне утраченной планете, чуждой всему земному, наполненной запахами и иллюзиями, болотами и неожиданными превращениями.

На тропинке меж мрачных цветов Орри остановился, чтобы взять из висевшей на столбе корзины маленькую белую трубочку и, поместив ее в губах, стал нетерпеливо сосать. Фальк был слишком поглощен другими впечатлениями, чтобы придать этому особое значение, но мальчик, как бы слегка смутившись, сам начал объяснять:

— Это парпита, успокаивающее средство. Все Повелители прибегают к нему. Оно стимулирует работу мозга. Может быть, вы хотите.

— Нет, спасибо. Я хотел бы спросить тебя о многом другом.

Однако он замолчал, колеблясь. Его новые вопросы могли и не быть прямыми.

Все время, пока шел «Совет», и пока Абендабот давал свои объяснения, Фалька не покидало ощущение, что все это было представлением, игрой, такой же, какие он видел на древних магнитных лентах у Владыки Канзаса.

Там он смотрел какую-то пьесу, где старый безумный король Лир рыщет в бурю по вересковым зарослям. Но у Фалька было еще и любопытное ощущение, что эта пьеса разыгрывалась не столько для него, сколько для Орри. Он не понимал причины этого, но снова и снова ощущал, что все то, что говорил ему Абендабот, говорились только для того, чтобы что-то доказать мальчику.

И мальчик верил происходящему.

Для него это было пьесой. Или же он сам был актером и участником в ней.

— Меня смущает вот что, осторожно произнес Фальк.— Ты сказал мне, что Верель находится на расстоянии ста тридцати — ста сорока световых лет от Земли. Но именно на таком расстоянии не должно быть чересчур много планет земного класса, и компьютер мог бы...

— Повелители говорят,— перебил Фалька Орри,— что на расстоянии ста пятнадцати — ста пятидесяти световых лет имеются всего четыре звезды класса «Ж» с планетами, среди которых может оказаться и наша. Но все они находятся в различных направлениях, и если Синги пошлют корабли на ее поиски, то на это, возможно, придется потратить около тысячи трехсот лет реального времени. Вы понимаете, врач Ромаррен, для того, чтобы отыскать нашу родную планету, понадобится около тысячи трехсот лет!

— Хотя ты был всего лишь ребенком, все же мне кажется немного странным то, что ты не знал, сколько времени уйдет на путешествие, и сколько лет тебе будет, когда ты вернешься домой.

— Речь шла о «двух годах», врач Ромаррен, то есть, грубо говоря, о ста двадцати земных годах, но мне казалось ясным, что это не точная цифра, потому что мне это было не нужно.

На какой-то момент возвратившись в своей памяти на Верель, мальчик заговорил с такой трезвой рассудительностью, какой раньше не выказывал.

— Я думаю,— продолжал он,— что, вероятно, не зная, кого и что взрослые собирались обнаружить на Земле, они хотели быть уверенными в том, что мы, дети, незнакомые с техникой блокировки мозга, не смогли бы выдать местонахождение Вереля противнику. Для нас же самих было, возможно, безопаснее оставаться в полном неведении.

— А ты помнишь, как выглядит звездное небо Вереля, какие там созвездия?

Орри пожал плечами в знак отрицания и засмеялся.

— Повелители тоже спрашивали меня об этом. Я был зимнерожденным, врач Ромаррен. Весна только началась, когда мы покинули Верель Я едва ли видел безоблачное небо.

Если все это было правдой, то тогда казалось, что действительно только он — его подавленная личность, только Ромаррен мог бы сказать, где находится планета Верель. Объясняло ли это то, что казалось главной загадкой — интерес, который Синги проявляли к нему, причину, по которой под попечительством Эстрел он был приведен сюда. Объясняло ли это их предложение восстановить его память?

Существовала планета, которая не находилась под их контролем. На ней вновь открыли субсветовой полет.

Именно поэтому Синги хотят узнать ее местонахождение. Если они восстановят его память, он должен будет сказать им все, что знает. Если только они смогут восстановить его память. Если только все из того, что они ему говорили, было правдой.

Он вздохнул. Он устал от этой сумасшедшей жизни, подозрений, суматохи, от избытка не имевших достаточных оснований чудес. Иногда он даже задумывался над тем, а не находится ли он еще до сих пор под влиянием какого-то наркотика. Он чувствовал, что не в состоянии судить о том, что ему следует делать. Он и, вероятно, этот мальчик были игрушками в руках страшных, не имеющих веры игроков.

— Был ли он — тот, которого зовут Абендабот, сейчас в комнате, или это была какая-то иллюзия?

— Я не знаю, врач Ромаррен,— ответил Орри.

Вещество, которым он надышался из трубки, казалось, успокоило его. Обычно похожий на малое дитя, сейчас он говорил весело и непринужденно.

— Думаю, что все же он был там. Но они никогда близко не подходят друг к другу. Скажу вам честно, хотя это и очень странно, но за все время, которое я провел здесь, за все эти шесть лет я еще ни разу не прикоснулся ни к одному из них. Они стараются держаться в стороне, всегда поодиночке. Я не имею в виду того, что они не были добры ко мне,— поспешно добавил он.

Он глядел на Фалька своими чистыми глазами, чтобы у него не сложилось впечатление, что он лжет.

— Они очень добрые. Я очень люблю и Лорда Абендабота, и Кена Кениека, и Парлу. Но они так далеки, всегда далеки от меня. Они так много знают. Они несут слишком тяжелое бремя. Они сохраняют знания и поддерживают мир. Они выполняют много других обязанностей и притом делают это уже в течение тысячи лет, тогда как остальные люди земли не несут никакой ответственности, а живут жизнью диких зверей на воле. Их соплеменники — люди — ненавидят их и не хотят знать правды, которую им предлагают. Поэтому Повелители всегда должны оставаться порознь, оставаться одинокими, чтобы сохранить мир, ремесла и знания, которые, если бы их не было, были бы утрачены за несколько десятков лет среди этих воинственных племен, Домов, Странников и рыщущих по планете людоедов.

— Далеко не все они людоеды,— сухо заметил Фальк. Казалось, что Орри подзабыл немного выученный урок.

— Может быть, и так,— согласился он.

— Некоторые из них говорят, что они опустились так низко потому, что их так держат Синги. Если же они будут искать новые знания, которые им не хотят открыть Синги, знания, которые помогут им начать строить свой собственный город, то Синги уничтожат его и их вместе с ним!

Наступила пауза. Орри закончил обсасывать свою трубку и аккуратно припрятал ее среди корней кустарника с длинными сверкающими красными оттенками цветами. Красными, как плоть, отметил про себя Фальк. Он ждал, что ему ответит на его патетическое высказывание мальчик, но постепенно до него стало доходить, что ответа не будет. То, что он только что сказал, просто не дошло до сознания Орри. Оно просто не имело для него никакого смысла.

Они продолжали молча идти вглубь сада.

— Ты знаешь ту, изображение которой появилось вначале?— спросил Фальк.

— Стреллу Зиобельель?— с готовностью отозвался Орри.— Да, я видел ее и раньше на собраниях Совета.

— Она из Сингов?

— Нет. Она не принадлежит к Повелителям. Я думаю, что она из горцев, но была воспитана в Эс Тохе. Многие люди приводят или присылают сюда своих детей, чтобы их воспитали для службы у Повелителей. А детей с недоразвитым мышлением приводят сюда и подключают к психокомпьютеру для того, чтобы даже они внесли свой посильный вклад в великое дело. Именно их невежественные люди называют «людьми-орудиями». Ты пришел сюда со Стреллой Зиобельель, врач Ромаррен?

— Да, кроме того, я странствовал с ней, делился с ней пищей и спал в одной постели. Она называла себя тогда Эстрел, Странницей.

— Но вы же тогда должны были сами догадаться, что она не Синг! — сразу вырвалось у мальчика.

Он тут же покраснел, замолчал, вытащил еще одну белую трубочку и начал сосать, опустив глаза вниз.

— О, если бы она была из Сингов, то не спала бы тогда со мной? Это ты хотел сказать?

Фальк заинтересовался.

Мальчик, все еще красный от смущения, пожал плечами, выразив на свой манер отрицание. Затем наркотик все же придал ему смелости, и он произнес:

— Они не вступают в физическое соприкосновение с другими людьми, врач Ромаррен. Они словно боги, добрые, умные, но такие холодные и далекие. Они все время держатся порознь.

Речь мальчика была сбивчивой, многосложной, по-детски наивной. Осознал ли он свое одиночество в этом чуждом мире, в мире, в котором он прожил свое детство и в котором вступил в годы юности? Как, должно быть, он был одинок среди всех этих людей, которые всегда старались держаться отдельно друг от друга, которые не дотронулись до него, которые напичкали его словами, но настолько оторвали от реальности, что уже в пятнадцать лет он стал искать утешение в наркотике! Он не осознавал своей изоляции, не имел определенных представлений о многих вещах. Но иногда в его глазах были такие острые тоска и надежда, что Фальк не мог страстно не жалеть бедного юношу. У Орри был взгляд человека, которым тот смотрит на миражи, возникающие перед ним,— пальмы и арыки с прохладной водой.

Фальку хотелось еще о многом расспросить мальчика, но от этого было бы очень мало пользы. Фальк положил руку на хилое плечо Орри. Мальчик вздрогнул от прикосновения, слегка улыбнулся и принялся снова сосать свой наркотик.

Позже, будучи уже в своей комнате, где все было таким роскошным и предназначалось для его удобства — или для того, чтобы ошеломить Орри? — Фальк долго шагал взад и вперед, как волк в клетке, пока в конце концов не лег спать. Ему снилось, что он находится в доме, похожем на Лесные дома, но у обитателей этого дома были глаза цвета янтаря и агата.

Он изо всех сил старался убедить их, что принадлежит к

их племени, но они не понимали его языка, и как-то странно смотрели на него, когда он, запинаясь, искал нужные слова, слова истины, слова правды.

Когда он проснулся, его уже поджидали люди-орудия, чтобы предупредить любое желание. Он отпустил их. Выйти в коридор ему никто не препятствовал. По дороге он никого не встретил. Длинные туманные коридоры казались совершенно пустыми, так же, как и подернутые дымкой полупрозрачные комнаты, мимо которых он шел и которые, казалось, не имели дверей. Однако все это время его не покидало чувство, что за ним наблюдают, следят за каждым его движением.

Когда он, вдоволь нагулявшись по этим длинным коридорам, вернулся к себе в комнату, там его уже поджидал Орри, который горел желанием показать Фальку город.

Целый день они бродили по городу пешком, иногда на слайдере, по его улицам, покрытым висячими садами, среди дворцов, жилых домов и общественных зданий Эс Тоха. Орри был щедро снабжен полосками иридия, которые служили здесь деньгами, и когда Фальк заметил, что ему не нравится модная одежда, в которую его одели хозяева дворца, Орри настоял, чтобы они зашли в лавку, торгующую одеждой, и купили ему все, что было нужно. Фальк стоял среди стеллажей и прилавков, заполненных пышными одеяниями и сотканными, и пластифицированными, сиявшими яркими цветными узорами. Он подумал о Парт, которая ткала на своей маленькой прялке белых журавлей на сером фоне.

— Я сотку черную одежду,— сказала она в момент прощания,— и буду ходить в ней.

Вспомнив об этом, он предпочел бы всей радуге материй и накидок простые черные штаны, темную рубаху и короткую черную меховую куртку.

— Эта одежда немного напоминает мне ту, которую носят у нас дома на Вереле,— сказал Орри.

Он с сомнением глядел на свое собственное огненно-красное одеяние.

— Но у нас там не было зимней одежды из искусственного меха. О, мы могли бы так много взять с собой на Верель. Мы о многом могли бы рассказать и многому научить, если только смогли бы отправиться туда!

Они зашли в помещение для еды, построенное на прозрачном уступе прямо над ущельем. По мере того, как холодный ясный вечер опускался с гор в бездну под ними, дома, которые вздымались прямо над ее краями, стали переливаться всеми цветами радуги, а улицы и висячие мосты засверкали огнями. Пока они ели остро приправленную пищу, они как бы плавали в волнах тихой музыки, окутавшей их, и наблюдали за многочисленными обитателями города.

Некоторые из людей, ходивших по улицам Эс Тоха, были одеты бедно, некоторые — роскошно. Многие были в одежде лиц противоположного пола, безвкусной и кричащей, и это

смутно напоминало Фальку одежды Эстрел, когда он впервые увидел ее после того, как пришел в себя.

Среди жителей Эс Тоха были люди различных физических данных, причем многие из них Фальку никогда раньше не встречались. У одной из групп людей была очень белая кожа, голубые глаза и волосы цвета соломы.

Фальк решил, что они каким-то образом обесцветили себя, но Орри объяснил, что это представители племени, живущего на континенте, чья культура поощрялась Сингами, и которые привозили сюда их вождей и молодых людей на аэрокарах, чтобы те смогли увидеть Эс Тох и рассказать остальным.

— Как видишь, врач Ромаррен, это неправда, что Повелители отказываются учить туземцев. Как раз наоборот, это туземцы отказываются учиться. Все эти люди располагают многими знаниями Сингов.

— И что же им пришлось забыть, чтобы заслужить такую награду? — с иронией справился Фальк.

Орри не понял подоплеку вопроса, а если и понял, то ничего не мог рассказать о так называемых «туземцах». Он не знал, как они живут и что им известно из бывшего культурного и научного наследия когда-то великой цивилизации Земли. С владельцами лавок и официантами он был снисходительно вежлив, старался вести себя, как человек ведет себя с домашними животными.

Это высокомерие он, возможно, привез с Вереля. Судя по его описаниям, общество Империи Келшак было иерархическим, где каждый строго знал свое место на шкале Ступеней или шкале рангов, но кто устанавливал ранги, какие именно достоинства лежали в основе деления на ранги, Фальк так никогда и не смог понять.

Насколько он мог судить, ранг зависел не только от происхождения из той или иной семьи.

Детских воспоминаний Орри не хватало для составления четкой и цельной картины. Кроме того, Фальку очень не нравилось в Орри то, с каким выражением тот произносил слово «туземцы», и он, не выдержав, спросил с оттенком иронии:

— Откуда тебе известно, кому следует кланяться и кто должен кланяться тебе? Я не могу отличить Повелителя от жителей Земли.

— О, да. Туземцы так называют себя сами, потому что они упорствуют в своих представлениях о Повелителях как завоевателях-пришельцах. Я сам не могу их различать.

Мальчик искренне улыбнулся.

— Большинство людей на этих улицах Синги?

— Я считаю, да. Хотя, разумеется, я мог бы отличить по виду всего лишь нескольких.

— Я не понимаю, что удерживает Повелителей — Сингов вдали от людей, если и те и другие — земные люди?

— Ну, знания, власть. Ведь Повелители уже очень долго господствуют на Земле.

— Но почему они держатся как обособленная каста? Ты как-то сказал, что Повелители верят в идеалы демократии.

Это было какое-то древнее слово, которое запало ему в голову, когда он впервые услышал его из уст Орри. Он не был уверен в его значении, но знал, что оно имеет какое-то отношение к участию всех в управлении.

— Да, конечно, врач Ромарреи. Совет правит демократически, для всеобщего блага. Не забывайте, что здесь нет ни королей, ни диктаторов. Может быть, сходим в парпата-холл? Если вам не нравится парпата, там есть другие стимулирующие средства — танцовщицы, мастера игры на теанде.

— Тебе нравится музыка?

— Нет,— чистосердечно признался мальчик.

Он как бы извинялся.

— Она вызывает у меня желание плакать или кричать. Конечно, на Вереле тоже поют, но только маленькие дети и животные. Как-то даже странно слышать, когда это делают взрослые люди. Но Повелителям нравится поощрять местное искусство. А танцы — они иногда очень красивы.

— Нет.

Фальк становился все более неугомонным. Ему не терпелось все понять и покончить с этим делом.

— У меня есть один вопрос к тому, которого зовут Абендабот, если он пожелает нас видеть.

— Пожалуйста. Он был моим учителем в течение целого года. Я могу позвать его с помощью этого.

Орри поднял к губам золотой браслет, охватывающий его запястье. Пока он говорил в него, Фальк тихо сидел, вспоминая, как Эстрел шептала молитвы в свой амулет и удивлялся своей собственной тупости. Любой дурак мог бы догадаться, что это был передатчик. Любой дурак, кроме него.

— Лорд Абендабот говорит, что может принять вас в любое удобное для вас время. Он в Восточном Дворце,— объявил Орри.

Они ушли из столовой, швырнув полоску денег кланявшемуся официанту, увидевшему, что они уходят.

Весенние грозовые тучи скрыли звезды и луну, но улицы были залиты светом. С тяжелым сердцем шел по ним Фальк. Несмотря на все свои страхи, он страстно желал увидеть Город «Элону» — место Людей!

А когда увидел, то еще больше встревожился и устал. И не толпы людей беспокоили его, а нереальность.

Это отнюдь не было местом людей. В Эс Тохе не было ощущения истории, протяженности назад во времени, и вперед в пространстве, хотя он уже в течение тысячелетия господствовал над человеческим миром. В нем было отчетливо заметно отсутствие библиотек, школ, музеев, которых так много насчитывалось в древних городах Земли, судя по телевизионным лентам, хранившимся в Доме Зоува. Здесь не осталось памятников и напоминаний о Великой Эре Человечества. Иссяк поток знаний и товаров. Деньги, которыми пользовались, были просто щедрым даром Сингов, а не порождением экономики, которая могла вдохнуть в них жизненную силу. Хотя говорили, что на земле

очень много Повелителей, они основали почему-то только один Город. Они держались порознь друг от друга так же, как и сама Земля держалась отдельно от других планет, которые некогда образовали Лигу. Эс Тох был замкнутым на себе городом. Все его великолепие, мелькание огней и машин, множество незнакомцев, роскошь улиц и зданий царили над глубокой расщелиной, на пустом месте. Это было Место Лжи. Но все же это был удивительный город, подобно ограненному бриллианту, упавшему с неба на беспокойную пустыню Земли — это был удивительный, чуждый и в то же время вечный город.

Слайдер перенес их через ярко освещенный мост к вздыбленной вверх башне.

Далеко внизу во тьме бежала речка. Гор не было видно из-за грозовых облаков.

У входа в башню Фалька и Орри встретили люди-орудия, и провели их к лифту, а затем в комнату, стены которой как всегда были полупрозрачными и без окон. Их попросили присесть и предложили высокие серебряные кубки с каким-то напитком.

Фальк осторожно попробовал его на вкус и с удивлением обнаружил тот же запах можжевельника, который был у напитка, некогда предложенного ему во Владении Канзас. Он знал, что это крепкое спиртное, и не стал пить.

Орри с наслаждением смаковал каждый глоток. Вошел Абендабот, высокий, в белой мантии. Лицо его было похоже на маску.

Едва заметным жестом он отпустил слуг и встал на некотором расстоянии от Фалька и Орри.

Еще один человек-орудие поставил на маленький столик третий кубок.

Абендабот поднял его, как бы салютуя, выпил до дна и только после этого заговорил сухим шепотом.

— Вы не осушили свой кубок, Лорд Ромаррен. На Земле существует одна старая-престарая поговорка: «Истина в вине».

Повелитель улыбнулся, но через мгновение снова стал серьезным.

— Но вас мучает та жажда, которая утоляется не вином, а истиной.

— Я хочу задать вам один вопрос.

— Всего один?

Что-то насмешливое послышалось Фальку в этих словах настолько отчетливо, что он взглянул на Орри, надеясь, что и тот уловил насмешку, но мальчик, посасывая еще одну трубку парпиты, ничего не уловил.

Его серо-золотые глаза были низко опущены.

— Я бы предпочел переговорить с вами наедине,— резко сказал Фальк.

Услышав эти слова, Орри удивленно поднял взор.

— Разумеется, я всегда готов.

Синг усмехнулся.

— Однако хочу вам заметить, Лорд Ромаррен, что на мой

ответ не повлияет то обстоятельство, будет здесь Хар Орри или нет. У нас нет ничего такого, что мы могли бы рассказать вам, утаив при этом от него, как и нет ничего, что мы могли бы утаить от вас, поставив при этом его в известность. Но если вам угодно, чтобы мы были наедине, то что ж, пусть будет по-вашему.

— Подожди меня в холле, Орри,— попросил Фальк.

Мальчик кивнул и покорно вышел из комнаты.

Когда вертикальные створки двери закрылись за ним, Фальк произнес, вернее, прошептал, потому что все здесь не столько говорили, сколько шептали:

— Я хотел бы повторить еще раз мой вопрос. Вы можете восстановить мою прежнюю память только за счет нынешней личности, не так ли?

— Почему вы спрашиваете у меня? И разве я, ответив вам правду, буду уверен, что вы этому поверите?

— А почему я не должен поверить? — запротестовал Фальк.

Сердце у него защемило, потому что он почувствовал, как играет с ним Синг. Похоже, что в этой игре партнеры отнюдь не равноценны. По крайней мере он был совершенно безвольным и ни в чем не сведущим.

— А разве мы не Лжецы? Вы обязаны не верить всему тому, что мы говорим. Разве не этому учили вас в Доме Зоува? Разве не так вы сейчас думаете?

Фальк осознавал всю тщетность своего упорства.

— Я скажу вам то, что уже говорил раньше, но только немного подробнее, хотя Кен Кениек лучше меня разбирается во всем этом. Он наиболее искусный среди нас в обращении с мозгом. Вы хотите, чтобы я позвал его? Я не сомневаюсь, что он не будет возражать против присутствия своей проекции здесь, среди нас. Нет? Конечно, это не имеет особого значения. Выражаясь грубо, ответ на ваш вопрос таков: содержимое вашего мозга стерто, выскоблено. Это такая хрупкая операция, разумеется, нехирургическая, которая производится с помощью психоэлектрического оборудования, воздействие которого намного эффективнее, чем обычного гипнотического блокирования.

То, о чем вы в данный момент спрашиваете,— это вторичная, добавочная, частичная память, и структура личности, которую вы сейчас считаете своей основой, своим «Я». Но это, конечно, не так. Если взглянуть беспристрастно, ваше вторичное «Я» просто рудимент, эмоционально чахлый и интеллектуально неполноценный в сравнении с истинной личностью, которая очень глубоко упрятана в вашей психике. Поскольку мы не можем ожидать от вас, да и не ожидаем, что вы сможете взглянуть на все это беспристрастно, мы тем не менее, хотим верить, что восстановление личности Ромаррена включит в себя и продолжение существования личности Фалька. Мы имели сильное искушение солгать вам об этом, чтобы рассеять все ваши страхи и сомнения, и тем самым облегчить выбор. Но мы думаем, что вам лучше знать правду. Мы не можем поступить иначе. А истина заключена в следующем: когда мы восстановим

функциональные способности вашего мозга, если только этими словами можно назвать такую сложную и опасную операцию, которую готов провести с помощью своих психокомпьютеров Кен Кениек, то такое восстановление повлечет за собой всеобщую блокировку вторичной синаптической плоскости, которую вы сейчас считаете своим разумом и личностью. Это вторичное целое будет безвредно подавлено, то есть в свою очередь стерто.

— Чтобы оживить Ромаррена, вы, значит, должны убить Фалька?

— Мы не убиваем,— раздался резкий шепот Синга.

Затем эти же слова он с жаром повторил мысленно.

Последовала некоторая пауза, после которой Абендабот прошептал:

— Чтобы добиться великого, мы должны отказаться от малого. Таково всеобщее правило.

— Чтобы жить, нужно согласиться умереть,— произнес Фальк.

Он увидел, что лицо, похожее на маску, поморщилось.

— Очень хорошо. Я согласен позволить убить меня. Мое сознание не играет особой роли, не так ли? Но вы все же хотите его получить?

— Мы не убьем вас.

Шепот стал громче.

— Мы никогда не убиваем. Мы не забираем ничьей жизни. Мы просто восстановим вашу истинную память и сущность. Но вам придется забыть все земное. Такова цена. Здесь не может быть ни выбора, ни сомнения. Чтобы стать Ромарреном, необходимо забыть Фалька. На это придется согласиться. Это единственное, что мы просим у вас.

— Дайте мне еще один день,— попросил Фальк.

Он встал, давая тем самым понять, что разговор окончен.

Он проиграл. В этой игре он бессилен что-либо предпринять.

И все же он заставил эту маску поморщиться, на какое-то мгновение он задел ложь за живое. Все эти мгновения он чувствовал, что истина, будь у него чуть больше сил или умения дотянуться до нее, лежала совсем близко, на поверхности.

Вместе с Орри Фальк покинул башню.

Уже на улице он предложил:

— Давай немного пройдемся. Я хотел бы кое-что обсудить с тобой, но только подальше от этих стен.

Они пересекли ярко освещенную улицу и вышли на край обрыва. Овеваемые холодным ветром, они стояли плечом к плечу и смотрели вниз.

Фонари моста отбрасывали на них свет, прямо с края улицы вниз падали стенки глубокого черного ущелья.

— Когда я был Ромарреном,— медленно произнес Фальк,— имел ли я право просить у тебя о какой-нибудь услуге?

— Вы могли рассчитывать на что угодно,— быстро и спокойно ответил мальчик, как будто вспомнив дни своей первоначальной учебы на Вереле.

Фальк посмотрел ему прямо в глаза, перевел взгляд на золотой браслет на руке Орри и жестом показал, что его необходимо бросить в ущелье.

Орри попытался было что-то сказать, но Фальк приложил палец к губам.

Глаза мальчика вспыхнули. Он немного поколебался, затем все же снял браслет и швырнул его в темноту пропасти.

После этого он повернулся к Фальку.

На лице у него были страх и смущение, но в то же время можно было увидеть, что он всей душой жаждал заслужить одобрение Фалька.

Впервые за все время общения с Орри Фальк мысленно обратился к нему:

— Есть ли у тебя другое такое устройство?

Сначала мальчик ничего не понял.

Мысленная речь Фалька была неумелой и слабой по сравнению с тем, как это умели делать Синги.

Когда же наконец Орри понял, он так же мысленно ответил:

— Нет. У меня был только этот компьютер. Зачем вы приказали мне его выбросить, врач Ромаррен?

— Я хочу поговорить с тобой и только с тобой. Для того, чтобы нас никто не подслушал. Тебе понятно?

Мальчик казался испуганным.

— Повелители могут услышать,— пробормотал он.— Они могут подслушать мысленную речь где угодно, врач Ромаррен, а я только начинаю упражняться в защите своего мозга...

— Тогда мы будем говорить вслух,— заметил Фальк.

Но он сомневался в том, что Синги могут прослушивать мысленную речь «где угодно» без помощи какого-либо рода технических средств.

— Вот что я хочу у тебя спросить. Эти Повелители Эс Тоха привели меня сюда, кажется, для того, чтобы восстановить мою память, память Ромаррена. Но они могут сделать это только ценой моей памяти, принадлежащей мне такому, как я сейчас, ценою всего того, что я узнал на Земле. Они настаивают именно на этом. Я же не хочу, чтобы так случилось. Я не хочу забыть то, что знаю и о чем догадываюсь. Я не хочу стать невежественным орудием в руках этих людей. Я не хочу умереть еще раз до естественной смерти. Я же рассчитываю, что мне удастся воспротивиться им, но я хочу попытаться. Поэтому услуга, о которой я хотел бы попросить тебя, заключается в...

Он замолчал, обдумывая продолжение, поскольку четкого плана у него пока не было.

Лицо Орри, раскрасневшееся поначалу от возбуждения, теперь снова потускнело, в конце концов он спросил:

— Но почему...— и тоже смолк.

— Ну? — потребовал Фальк.

Он видел, что власть, которой он на короткое время добился над мальчиком, стала улетучиваться.

Однако этим своим нетерпеливым «ну» ему все же удалось немного растормошить Орри.

— Ну? — чуть ли не грозно повторил снова Фальк.

— Почему вы не доверяете Повелителям, врач Ромаррен? Зачем им нужно подавлять ваши воспоминания о Земле?

— Потому что Ромаррен не знает того, что знаю я. И ты тоже не знаешь. А раз так, то для того, чтобы не предать планету, пославшую нас сюда, мы должны быть очень осторожны в своих поступках.

— Но вы ведь даже не помните Верель?

— Ты прав, малыш. Но я не хочу служить лицам, которые повелевают здесь. Слушай меня. Вот все, о чем я могу догадываться относительно их намерений. Они восстановят мой прежний разум для того, чтобы узнать местонахождение нашей родной планеты. Едва они узнают об этом, тут же убьют меня, а тебе скажут, что операция потерпела неудачу. Если же они ничего не узнают, то оставят мне жизнь, по крайней мере до тех пор, пока я не скажу им того, что они хотят узнать. А я как Ромаррен не буду располагать достаточными знаниями, чтобы утаить от них всю правду. После этого они пошлют нас назад, на Верель, как единственных уцелевших после великого путешествия. Мы после длительного отсутствия, продолжавшегося несколько земных веков, возвратимся на родную планету, чтобы рассказать о том, что на варварской Земле Синги-люди высоко держат факел цивилизации. Синги, которые вовсе не являются Врагами, а совсем наоборот, они — жертвующие собой Владыки, мудрые Повелители. И не какие-то там пришельцы из глубин Вселенной, а что ни на есть самые обыкновенные люди. Мы должны будем рассказать на Вереле о том, как дружелюбно они отнеслись к нам. И нам охотно поверят, поверят той же лжи, которой поверили мы сами. Поэтому они не будут бояться появления Сингов на Вереле и не придут на помощь людям Земли, истинным её обитателям, которые так жаждут избавления от лжи.

— Но, врач Ромаррен, все это совсем не ложь,— запротестовал Орри.

Фальк долго смотрел на него сосредоточенным ясным взглядом. Сердце его сжалось, но в конце концов он сказал:

— Так ты сделаешь для меня то, о чем я тебя попрошу?

— Да,— прошептал мальчик.

— Не сказав об этом ни одной живой душе?

— Да.

— Все очень просто. Когда ты впервые встретишься со мной как с Ромарреном, если вообще встретишься,— то скажи мне такие слова: «Прочитайте первую страницу книги».

— Прочитайте первую страницу книги,— покорно повторил мальчик и кивнул головой.

Наступила пауза. Фальк стоял, чувствуя, что его все больше охватывает безысходность, ощущая себя мухой, запутавшейся в паутине.

— И это все, о чем вы хотели меня попросить, врач Ромаррен? — нарушил наконец тишину Орри.

— Это все.

Мальчик склонил голову и пробормотал какую-то фразу на своем родном языке, очевидно, какую-то формулу обещания. Затем он спросил:

— А что мне следует сказать о браслете-коммуникаторе Повелителям, врач Ромаррен?

— Скажи им правду. Это не имеет никакого значения, если ты сохранишь другую тайну.

Кажется, они уже научили мальчишку лгать, но и не научили отличать правду от лжи.

Орри провел Фалька назад через мост к слайдеру, и они вернулись в сиявший дворец с полупрозрачными стенами, куда Эстрел в первый раз привела его.

Оставшись в комнате наедине с собой, Фальк дал выход страху и ярости, осознав, что он полностью одурачен и беспомощен. Когда ему все же удалось укротить свой гнев, он продолжал метаться по комнате, как волк в клетке, борясь со страхом смерти.

Если он отклонит их требования, могут ли они оставить его в живых, как Фалька, пусть бесполезного для них, но и безвредного?

Нет, не оставят. Это было ясно, как день, и только трусость заставила его рассматривать этот вариант. Надежды не было никакой! Может ли он сбежать от них?

Кажущаяся пустота этого здания могла быть ловушкой или, наоборот, подобно многому другому здесь, иллюзией. Он чувствовал, догадывался, что за ним неотступно следят, подслушивают и подглядывают с помощью скрытых автоматических устройств.

Как он уже успел отметить, все реальные двери охранялись здесь или людьми-орудиями, или электронными мониторами.

Но даже если ему и удастся сбежать из Эс Тоха, что тогда?

Может ли он совершить обратный путь через горы и равнины, через реки и леса, чтобы вернуться в конце концов на Поляну к Парт... Нет!

Он гневно остановил ход своих мыслей.

Он не может вернуться назад. Он уже столь далеко зашел, что теперь просто обязан идти до самого конца, пусть даже через смерть, если ее не удастся миновать, ко второму рождению — рождению чужого ему человека с чужой душой.

Но здесь уже больше никого не будет, никого, кто сказал бы этому незнакомцу всю правду, потому что здесь нет никого, кому бы Фальк мог довериться, кроме себя самого, и, следовательно, Фальку не только придется умирать, но и смерть его должна будет послужить намерениям Врага, а этого Фальк не мог выдержать. Это было невыносимым.

Он шагал вдоль и поперек по тихому зеленоватому полумраку своей комнаты. Он не должен, не может оказывать услугу лжецам, не должен рассказывать им того, что они хотят узнать.

И не судьба Вереля беспокоила его — исходя из всего того,

что он знал, все его догадки шли в никуда, а сам Верель казался такой же ложью. То же самое можно было сказать об Орри и еще с большей уверенностью об Эстрел. Но он любил Землю, хотя и был чужаком на ней. Земля для него означала Дом в Лесу, залитую Солнцем Поляну, девушку Парт. Вот их-то он и не имел права предавать! Он должен верить в то, что найдет какой-нибудь способ остаться самим собой, несмотря на все ухищрения и силу Врага. Снова и снова он пытался представить себе, каким образом он, Фальк, мог бы оставить послание самому себе, но уже Ромаррену.

Проблема эта сама по себе выглядела столь нелепой, что притупляла воображение и казалась неразрешимой. Если Синги не заметят, как он будет писать такое послание, они, конечно, тут же обнаружат его, когда оно будет написано. Сначала он думал воспользоваться Орри как посредником, приказав ему сказать Ромаррену: «Не отвечайте на вопросы Сингов...», но он не был уверен в преданности мальчика. Он не надеялся, что Орри будет повиноваться его приказам и сохранит все в тайне от захватчиков. Синги так манипулировали сознанием этого бедного ребенка, что он фактически стал их орудием. Даже лишенное смысла послание, которое он передал Орри, могло быть уже известно Сингам.

Нет никакого устройства или уловки, никакого средства или способа, чтобы выбраться из создавшегося положения.

Была только надежда, да и та очень слабая, что он выстоит, что бы с ним ни сделали, что он останется самим собой и откажется забыть, откажется умереть. Единственное, что ему давало основание надеяться на это, было то, что Синг сказал, что это невозможно.

Он хотел, чтобы он поверил в то, что это невозможно.

Иллюзии, видения и галлюцинации его первых часов или дней в Эс Тохе скорее всего имели целью привести его в состояние смятения. Он должен был запутаться, сбиться с толку и потерять веру в себя. Вот чего они добивались!

Они хотят, чтобы он не верил в свои убеждения, свои знания, в свою силу. Все их рассуждения о стирании содержимого мозга были в равной степени запугиванием и шантажом с целью убедить его, что он, вероятно, не сможет противостоять их парагипнотическим операциям.

Ромаррен не выдержал их...

Но у Ромаррена не было подозрения или предубеждения против их способности или о том, что они попытаются сделать с ним, в то время как у Фалька только это и держится в голове. Вот в чем разница. Поэтому, вероятно, память Ромаррена и оказалась уничтоженной. По их уверениям, то же ожидает и память Фалька. Однако лучшим доказательством их лжи было то, что они все же пытались восстановить память Ромаррена!

Очень слабая надежда. Все, что он мог сделать,— это внушить себе: «Я все выдержу»,— в надежде, что это окажется возможным.

Если удача будет на его стороне, так может случиться. Если же удача от него отвернется...

«Надежда — еще более хрупкая, более трудная вещь, чем вера»,— подумал он, шагая по комнате, под отблески беззвучных молний весенней грозы, различимых сквозь полупрозрачные стены, грозы, разразившейся высоко над его головой. В хорошую погоду верят в жизнь, в плохую — только надеются. Но суть при этом одна и та же. В этих категориях необходима связь одного разума с другим, с миром и со временем. Без веры человек живет, но не человеческой жизнью. Без надежды он погибает. Когда же нет взаимосвязей, когда руки не соприкасаются с другими руками, чувства атрофируются, разум кажется бесплотным и одержимым, и связь между людьми становится такой, какая связывает хозяина и раба, убийцу и жертву.

Законы существуют для того, чтобы подавлять побуждения, которых люди сами в себе боятся.

«Не убий!» было единственным хвастливым законом Сингов. Все остальное было дозволено. Это означало скорее всего, что существует не так уж много такого, что бы они на самом деле хотели сделать.

Страшась своего собственного глубоко заложенного влечения к смерти, они проповедовали почтение к жизни, дурача в конце концов и самих себя собственной ложью!

У него не оставалось бы ни малейшей надежды на победу, если бы не одно качество, с которым ни один лжец не может справиться — человеческая честность. Вероятно, им и в голову не придет, что человек может так сильно жаждать остаться самим собой, что, возможно, устоит, даже будучи абсолютно беспомощным.

Все возможно...

Успокоив наконец свои мысли, он взял книгу, которую подарил ему Владыка Канзаса и которую, наперекор его предсказанию, он до сих пор не потерял, и читал ее очень внимательно, пока не уснул.

На следующее утро, возможно, последнее в жизни Фалька, Орри предложил продолжить осмотр достопримечательностей города с аэрокара. Фальк согласился, ответив, что он очень хотел бы взглянуть на Западный океан.

Подчеркнуто вежливо двое из Сингов, Абендабот и Кен Кениек, справились, можно ли им сопровождать почетного гостя и постараться ответить на все возникшие у того по ходу полета вопросы. У Фалька была смутная надежда, что ему удастся как можно больше узнать о том, что они собираются сделать с его мозгом, и тем самым подготовиться к сопротивлению. Но из этого ничего не получилось. Кен Кениек разразился бесконечным потоком терминов, непрерывно говоря о нейронах и синапсах, блокировании и разблокировании, о наркотиках, гипнозе и парагипнозе, о подключенных и неподключенных к мозгу компьютерах. Все это было для Фалька бессвязным набором слов, но слов устрашающих. Он вскоре пре-

кратил все попытки что-либо узнать о предстоящей операции.

Аэрокар, пилотируемый бессловесным человеком-орудием, который казался всего лишь продолжением органов управления, поднялся над горами и устремился на запад над пустынями, яркими от краткого весеннего цветения. Через несколько минут они уже были лицом к лицу с суровым гранитом Западного Хребта. Несмотря на катаклизмы, горы Сиерры все так же вздымали в небо свои зазубренные пики, выраставшие из занесенных снегом ущелий. За пределами хребта лежал океан, ярко отражая солнечный свет. Темными пятнами над его волнами выделялись затонувшие участки суши.

Когда-то там были города, ныне уже забытые — так же, как и в его собственном мозгу забытые города, имена и...

Когда аэрокар повернул, чтобы направиться на восток, Фальк сказал:

— Завтра будет землетрясение, и то, что было Фальком, может уйти под воду.

— Поверьте, мне будет очень жаль, если такое случится, Лорд Ромаррен.

Абендабот печально кивнул. Фальку показалось, что в его голосе промелькнула нотка удовлетворения. Всякий раз, когда этот Синг выражал какие-то свои чувства словами, это было настолько фальшивым, что, казалось, подразумевало прямо противоположное. Но, возможно, у Абендабота полностью отсутствовали какие-либо чувства и волнения. Кен Кениек, с бледным лицом и водянистыми глазами, которые ничего не говорили о его возрасте, в отличие от своего напарника, Абендабота, не выказывал никаких чувств и не притворялся, что они у него есть.

Вот и сейчас он сидел, не двигаясь, без всякого выражения на лице, всецело замкнутый, ушедший в себя, отрешенный.

Аэрокар стрелой мчался над пустынями, отделявшими Эс Тох от моря. На всем этом огромном пространстве не было никаких признаков обитания людей. Они совершили посадку на крыше здания, в котором была расположена комната Фалька. После нескольких часов, проведенных в обществе холодных бесстрастных Сингов, он страстно желал хотя бы этого призрачного уединения. И они позволили Фальку получить его.

Остаток дня он провел в своей комнате, опасаясь, что Синги могут снова одурманить его или навязать какие-то иллюзии, чтобы рассеять внимание и ослабить волю. Но, по-видимому, они почувствовали, что уже нет необходимости предпринимать какие-либо меры предосторожности относительно его личности. Его оставили в покое — пусть себе шагает по полупрозрачному полу, сидит или читает свою книгу. Что, в общем-то, он может совершить против их воли?

Снова и снова в течение этих долгих часов он возвращался к книге. Он не осмеливался делать на ее полях никаких заметок или отметок, даже ногтем.

Он только читал ее, хотя, пожалуй, и так знал наизусть. Он был полностью поглощен чтением, страница за страницей

вникал он в ее слова, повторяя их про себя, что бы он ни делал — расхаживал или сидел, или лежал. Вновь и вновь его мысли возвращались к самому началу этой книги, к первым словам Старого Канона на первой странице:

«Путь, который может быть пройден,
Это не есть вечный Путь.
Имя, которое может быть названо,
Это не есть вечное Имя».

Поздно ночью, под гнетом усталости и голода, мыслей, которые он непрерывно гнал от себя, мыслей о страхе смерти, которым он не позволил овладеть собой, ум его наконец пришел к такому состоянию, которого он искал. Стена пала, душа отделилась от бренного тела, и он стал ничем. Он стал словом. Словом, произносимым во тьме, которое некому было услышать. Его личность отделилась от него, и он всецело стал вечно собой — безымянным и одним единственным во Вселенной.

Постепенно чувство времени вернулось, и вещи снова получили имена, а стены поднялись вокруг него. Он прочел первую страницу книги еще раз, затем лег и постарался уснуть.

Восточная стена его комнаты под ранними лучами солнца стала ярко-изумрудной, когда за ним пришли двое людей-орудий и повели вниз через дымчатый коридор и нижние этажи здания на улицу, усадили в слайдер и повезли по тенистым улицам. Переехав через глубокую расщелину, они попали в другую башню.

Эти двое не были слугами, которые обслуживали его. Это были могучие бессловесные стражники, на лица которых даже психокомпьютер не смог наложить отпечаток индивидуальности. Помня методичную жестокость избиения, которому он был подвергнут, когда впервые очутился в Эс Тохе, первый урок неверия в себя, который ему преподнесли Синги, он предположил, что они боятся, как бы он не скрылся в последнюю минуту, и приставили к нему этих стражников, чтобы охладить любой подобный порыв.

Его провели через лабиринт комнат, заканчивавшийся в ярко освещенных подземных палатах, стены которых представляли собой экраны и блоки какого-то огромного вычислительного комплекса. В одну из таких комнат и вошел Кен Кениек, чтобы встретить его.

Фальк удивился, почему Синг один. У него мелькнула мысль, что за все время пребывания в Эс Тохе он видел от силы двух Сингов одновременно. Сингов во плоти и крови, не считая иллюзий. Но сейчас у него уже не было времени ломать себе голову над подобной проблемой, хотя где-то в закоулках мозга промелькнуло какое-то неясное воспоминание, объяснение.

— Вы не пытались прошлой ночью совершить самоубийство,— сказал Кен Кениек своим безразличным шепотом.

Было непонятно — вопрос это или просто констатация факта.

Такой выход даже не приходил Фальку в голову.

— Я думал о том, что позволил бы только вам проделать это,— с вызовом ответил Фальк.

Кен Кениек не обратил внимания на эти слова, хотя отлично их понял.

— Все готово,— прошептал он.— Это те же запоминающие устройства и точно такие же связи, которые были использованы для блокирования вашей первоначальной структуры сознания и подсознания шесть лет назад. Если вы в душе согласны на этот опыт, то устранение блокировок подсознания не будет сопряжено с какими бы то ни было затруднениями или нанесением умственных травм. Согласие очень существенно для восстановления, хотя совершенно не нужно для подавления сознания. Вы готовы?

Почти одновременно с произнесенными вслух словами он обратился к Фальку при помощи мысленной речи: «Вы готовы?»

— Да,— едва слышно пробормотал Фальк.

Как бы удовлетворившись ответом и сопровождающими этот ответ эмоциональными обертонами, Синг кивнул и произнес своим монотонным шепотом:

— Я начну прямо сейчас же, без применения наркоза. Наркотики затуманивают ясность гипнотического и парагипнотического процесса. Без них мне легче работать. Садитесь.

Фальк повиновался молча, стараясь изгнать из мозга какие-либо мысли.

По какому-то неслышимому сигналу в комнату вошел ассистент и наклонился над Фальком, в то время как сам Кен Кениек расположился перед лицевой панелью одного из компьютеров.

В его позе было что-то от музыканта, сидящего перед своим инструментом. На мгновение Фальк вспомнил огромную систему в тронном зале Властителя Канзаса, быстрые черные пальцы, парившие над ней, которые чертили и перечеркивали определенные изменяющиеся узоры камней, звезд, мыслей. Тьма нахлынула на него, как шторы на глаза и разум. Он сознавал, что к его черепу что-то приспосабливают, нечто вроде колпака. Затем он перестал что-либо ощущать, кроме черноты, бесконечной черноты, кромешной, всеобъемлющей тьмы!

В этой тьме чей-то голос произнес одно слово, которое он почти что понял. Снова и снова этот голос произносил одно и то же слово, какое-то имя...

Подобно языку пламени вспыхнула его воля к жизни, и он провозгласил, собрав все свои силы, ломая все препятствия, в тишине тьмы, которая обволакивала его мозг:

— Я — Фальк!

Но тьма все же поглотила его.

11 Место было темное и тихое, как в дремучем лесу. Слабый, он долго блуждал где-то между сном и пробуждением.

Ему часто снились какие-то сны или фрагменты снов, когда-то ранее виденных им. Затем он снова крепко уснул и снова проснулся среди тусклой зелени и тишины.

Кто-то шевельнулся рядом с ним. Повернув голову, он увидел какого-то юношу, совершенно ему незнакомого.

— Кто вы?

— Я Хар Орри.

Имя это упало как камень на спокойную поверхность его мозга и исчезло. Только круги от него становились все шире и шире, пока мягко и медленно самое внешнее кольцо не коснулось берега и не исчезло. Орри, сын Хара Уэдена, один из Путешественников, мальчик, ребенок, зимнерожденный.

По спокойной поверхности его мозга прошла легкая рябь.

Он прикрыл глаза, и ему захотелось снова нырнуть в глубь успокаивающей темноты.

— Мне снилось,— пробормотал он с закрытыми глазами,— что...

Через мгновение он опять заговорил:

— Мне очень много привиделось...

Он понял, что от действительности уйти нельзя. Он открыл глаза и смело взглянул в испуганное нерешительное лицо юноши. Это был Орри, сын Уэдена.

О чем он позабыл?

— Что это за место?

— Пожалуйста, лежите спокойно, врач Ромаррен. Вам еще нельзя разговаривать. Пожалуйста, лежите тихо.

— Что со мной случилось?

Головокружение заставило его послушаться мальчика, и он опустил голову на подушку.

Тело его, даже мышцы губ и языка, когда он произносил слова, не повиновались ему должным образом. Это была не слабость, а странное и страшное отсутствие управляемости. Чтобы поднять руку, ему требовалось прибегнуть к усилию воли, как будто он поднимал не свою, а чужую чугунную руку.

Чью-то чужую руку... Он довольно долго смотрел на свою вытянутую вперед руку, которая была покрыта на удивление темным загаром.

От локтя до запястья следовала серия голубоватых параллельных шрамов, образующих легкий пунктир, словно нанесенный повторяющимися уколами игл. Кожа на ладони огрубела и обветрилась, как будто долгое время он провел на открытом воздухе, а не в лабораториях и вычислительном центре Управления путешествием.

Внезапно что-то заставило его приподняться и оглядеться. Комната, в которой он находился, не имела окон, но почему-то он мог видеть солнечный свет внутри ее, пробивавшийся сквозь полупрозрачные — это он понял уже позднее — зеленоватые стены.

— Что? Произошла авария? — вымолвил он с трудом.— При запуске или когда... Но мы все же совершили полет. А может быть, мне все это снится?

— Нет, врач Ромаррен, мы действительно совершили этот полет.

Вновь в комнате воцарилась тишина. Через несколько минут как-будто про себя он начал говорить вслух:

— Я припоминаю полет, как одну ночь, одну долгую, последнюю ночь. Но длилась она столько, что ты превратился из ребенка почти в мужчину. Значит, мы в чем-то ошиблись, определяя время полета.

— Нет, полет здесь ни при чем...

Орри запнулся.

— А где же все остальные?

— Пропали без вести.

— Погибли? Говори прямо, Орри.

— Возможно, что и погибли, врач Ромаррен.

— Где мы сейчас находимся?

— Пожалуйста, успокойтесь...

— Отвечай!

— Эта комната находится в городе, который называется Эс Тох, что на планете Земля,— без запинки ответил мальчик. Затем он разразился чем-то вроде рыданий.

— Вам ничего об этом неизвестно? Вы не помните этого? Ничего не помните? Значит, сейчас еще хуже, чем прежде...

— Откуда мне помнить Землю? — прошептал Ромаррен.

— Я должен был сказать вот что. Прочтите первую страницу книги.

Ромаррен не только не обратил внимания на сбивчивую речь мальчика. Теперь он знал, что все пошло вкривь и вкось, и о том, что произошло за эти годы, он ничего не знал. Но пока ему не удалось побороть эту необычную слабость своего тела, он ничего не сможет сделать. Пока не прошло головокружение, он решил не делать резких движений и начал отрешенно цитировать монологи Пятого Уровня. Когда это успокоило его разум, он стал засыпать.

Снова ему привиделся сон, запутанный и страшный, но он пробивался в его успокоившееся сознание, как лучи солнца пробиваются сквозь тьму страшного леса.

Когда он заснул еще крепче, эти фантастические видения исчезли, и во сне всплыло одно простое, отчетливое воспоминание: он стоит рядом с каким-то крылатым аппаратом, чтобы вместе с отцом отправиться в город. Вплоть до самого подножия горы Чара леса уже сбросили свои листья, но воздух все еще оставался темным, чистым и спокойным. Его отец, Агад Кароен, худощавый, подвижный, пожилой человек, облаченный в парадное одеяние, со шлемом на голове, держа в руках жезл, медленно идет по лужайке вместе со своей дочерью, и оба они смеются, когда он поддразнивает ее упоминаниями о ее первом поклоннике.

— Гляди в оба за этим парнем, Парт, он будет немилосердно свататься к тебе, стоит только тебе позволить...

Слова эти, легкомысленно произнесенные давным-давно, в яркий солнечный день долгой золотой осени его молодости, он снова услышал теперь так же, как и ответный смех девушки. Сестра, сестренка, любимая Ариан... Каким это именем назвал ее отец? Не настоящим ее именем, а как-то иначе, чем-то вроде Нарт...

Ромаррен проснулся. Он сел на кровати, с определенным

усилием пытаясь подчинить себе свое тело, и хотя оно еще не должным образом отозвалось, он все же ощутил, что это определенно его тело, а ведь какое-то мгновение при пробуждении у него было чувство, что он какой-то призрак в чужой плоти, насильно помещенный в нее и потерянный.

Теперь же он вполне прилично себя чувствовал. Он — Агад Ромаррен, рожденный в доме из серебристого камня среди широких лугов, раскинувшихся у седой вершины Чара — Единственной Горы. Он был наследником Агада, рожденным осенью, и поэтому всю свою жизнь вынужденным прожить осенью и зимой. Весну он никогда не увидит, так как корабль «Альтерра» начал свой полет к Земле в первый день весны. Но долгие зима и осень, все время его взрослой жизни, юности и детства, простирались в глубь его памяти ярко и полно.

Он помнил все до мелочей, память его была подобна реке, по которой можно было подняться до самого истока.

Орри в комнате не было.

— Орри! — громко позвал он мальчика.

Теперь он уже был настроен решительно. Он готов был узнать, что же произошло с ним, с его спутниками, с «Альтеррой» и целью их великого Путешествия.

На его крик никто не отозвался. Комната, казалось, не имела не только окон, но и дверей. Он сдержал свой порыв мысленно обратиться к мальчику. Он не знал, настроен ли до сих пор на его мозг Орри, и чувствовал также, что его собственный мозг, очевидно, перенес то ли какое-то повреждение, то ли вмешательство. Поэтому он решил, что лучше действовать осторожно и не синхронизировать свой мозг с каким-либо другим, пока он не узнает, не угрожает ли ему контроль над его волей извне.

Он встал, преодолевая тошноту и кратковременный острый приступ боли в затылке, несколько раз прошелся по комнате, чтобы размяться и обрести координацию движений. Заодно он рассмотрел более внимательно диковинную одежду, которая была на нем, и ту странную комнату, в которой он находился. Здесь было много мебели — кровать, столы, места для сидения,— все на длинных тонких ножках. Полупрозрачные и в то же время мрачные зеленые стены были покрыты явно обманчивыми, чередовавшимися узорами, один из которых маскировал дверь-диафрагму, а другой — высокое зеркало. Он остановился на миг и взглянул на себя. Он показался себе похудевшим, обветренным и, вероятно, гораздо более старше, насколько, сейчас сказать было трудно. Глядя на себя, он ощущал удивительную неловкость. Чем она была вызвана? Что случилось? Он повернулся и еще раз внимательно осмотрел комнату.

В ней было много предметов. Два из них были обычной формы, хотя детали их непривычно терзали взгляд — чашка для воды на столе и рядом с ней книга, состоявшая, очевидно, из страниц. Он подошел и взял книгу. Что-то, о чем недавно сказал Орри, промелькнуло у него в голове и вновь исчезло.

Название этой Книги было для него совершенно лишено всякого смысла, хотя отдельные буквы были очень похожи на буквы алфавита Языка Книг. Он открыл ее, стал листать страницы. Листы слева были исписаны столбцами причудливых и очень сложных узоров, которые могли быть религиозными символами, иероглифами, а может быть, стенографическими знаками. Листы справа были, похоже, тоже написаны от руки, но буквы напоминали буквы книг, буквы Галактического Алфавита. Книга-шифр? Он не успел как следует поломать голову над первыми предположениями, как дверь ушла в сторону, как штора, и в комнату вошла женщина.

Ромаррен смотрел на нее с нескрываемым любопытством, беспечно и без всякого страха, и только почувствовав себя уязвимым, он сделал свой взгляд несколько более твердым и уверенным, взглядом, который должен был соответствовать его происхождению и достигнутой им Ступени. Этот взгляд не смутил женщину, она тоже твердо смотрела на него.

Некоторое время они так и стояли, не издавая ни звука. Она была красивой и стройной, одетой в фантастические одежды. Волосы ее были то ли обесцвечены, то ли пигментированы. Глаза казались темными кругами, оправленными в белый овал.

На фресках Зала Лиги в Старом Городе ему уже встречались подобные глаза, принадлежащие темнокожим высоким людям, которые были первыми колонистами на Вереле и которые построили Старый Город.

Теперь Ромаррен знал точно, без всяких сомнений, что он на самом деле находится на Земле, что он совершил полет! Он отбросил гордыню и инстинкт самозащиты и встал перед женщиной на колени.

Для него, для всех людей, которые послали его в путешествие через восемьсот двадцать пять триллионов миль пустоты, она была представительницей расы, которую время и память наделили божественными качествами.

Она стояла перед ним сама по себе, как отдельный индивидуум, однако она была из расы людей и смотрела на него глазами этой расы, и он почтил историю, легенды и долгое изгнание своих предков, склонив голову, стоя перед ней на коленях.

Через мгновение он встал и протянул раскрытые ладони, как было принято у народа Келшак приветствовать близких. Она начала что-то говорить ему. Эта речь была очень странной, потому что, хотя ему никогда и не доводилось видеть ее прежде, голос этой женщины был бесконечно знаком, и хотя он не знал этого языка, все же он понял сначала одно слово, затем другое. На мгновение это испугало его своей естественностью и вызвало в нем боязнь того, что она пользуется какой-то из форм мысленной речи, способной проникнуть через его барьер несинхронизированного мышления. В следующее мгновение он осознал, что понял ее, потому что она заговорила на Языке Книг, на Галакте, только ее акцент и беглость речи помешали ему сразу осознать это.

в состоянии душевного расстройства, и он почувствовал себя в сложившихся обстоятельствах слишком уязвимым и слишком неуверенным, чтобы продолжать и дальше общение с ней. Он и сам ощущал себя потрясенным, поэтому постарался избавиться от присутствия ее голоса, воздвигнув в своем мозгу блокаду. Ему необходимо было собраться с мыслями.

С ним происходило что-то очень страшное. Какое-то наркотическое воздействие, последствий которого он не ощущал.

Но глубокий душевный сдвиг и неустойчивость психики были сейчас гораздо хуже, чем любое из стимулированных безумий, которые он прошел для достижения Седьмой ступени.

Голос позади него перешел в пронзительный, злобный крик. Он уловил в этом крике ярость и вместе с тем почувствовал, что в комнате присутствует еще кто-то. Он быстро обернулся.

Женщина начала вытаскивать из своей одежды что-то, что скорее всего было оружием, но тут же замерла, глядя не на него, а на высокого человека, появившегося в дверях.

Не было произнесено ни слова, но прибывший направил в сторону женщины телепатический сигнал столь ошеломляющей силы, что Ромаррен вздрогнул. Оружие упало на пол, а женщина, пронзительно визжа, выбежала из комнаты, пытаясь убежать от уничтожающей категоричности мысленного распоряжения. Ее туманная тень вызвала на мгновение игру красок на стене и исчезла.

Высокий человек перевел взгляд своих окаймленных белым цветом глаз на Ромаррена и с обычной интенсивностью телепатически обратился к нему:

— Кто вы?

Ромаррен спокойно ответил:

— Агад Ромаррен.

Больше он ничего не сказал и не поклонился.

Все сложилось гораздо хуже, чем он сначала представлял себе. Что это за люди? Судя по противоборству, свидетелем которого он только что стал, здесь царствовали безумие, жестокость и ничего больше. Определенно, здесь не было ничего, что могло бы вызвать почтительность и доверие.

Высокий человек подошел ближе с улыбкой на суровом, напряженном лице и вежливо произнес на Языке Книг:

— Я Пелле Абендабот и я говорю вам: добро пожаловать на Землю, наш родственник, сын долгого изгнания, посланец Затерянной колонии.

Ромаррен, услышав эти слова, отвесил очень сдержанный поклон и спустя довольно продолжительное время вымолвил:

— Похоже, что я уже был на Земле какое-то время и нажил себе врага в лице этой женщины, а также заработал несколько шрамов. Вы мне должны рассказать, как это произошло. Кроме того, я хотел бы знать, что произошло с моими соотечественниками. Если хотите, обращайтесь ко мне мысленно. Я не говорю на Галакте столь же хорошо, как вы.

Высокий мужчина кивнул.

Она уже сказала несколько фраз, говоря удивительно быстро, бесстрастно и как-то безжизненно.

— ...не знает, что я здесь,— произнесла она конец фразы, который он смог уловить.— Теперь скажи мне, кто из нас лжец. Скажи, кто из нас оказался неправым? Я прошла вместе с тобой весь этот бесконечный путь, я спала с тобой добрую сотню ночей, а теперь ты даже не знаешь моего имени. Так, Фальк? Тебе известно мое имя? Знаешь ли ты свое собственное?

— Меня зовут Агад Ромаррен, женщина,— сказал он.

Собственное его имя звучало как-то странно для его слуха.

— Кто тебе это сказал? Ты — Фальк! Разве тебе не известен человек по имени Фальк? Он прежде был в твоей плоти. Кен Кеннек и Кражи запретили мне говорить тебе твое имя, но мне уже давно тошно от их вечных игр и невозможности жить той жизнью, какой хочется. Мне пора разыгрывать свою собственную игру. Неужели ты не помнишь свое имя, Фальк? О, ты сейчас такой же слабый и глупый, каким был всегда, глядя на меня, как выброшенная на берег рыба.

Он сразу же опустил глаза. Смотреть прямо в глаза другому человеку было очень болезненно для обитателей Береля, и поэтому строго регламентировалось различными табу и предписаниями. Это был его единственный отклик на ее слова. Он не смог отреагировать иначе. Поскольку, с одной стороны, она была под воздействием слабой дозы наркотика, скорее всего стимулирующего галлюцинации. Его натренированная восприимчивость сказала ему об этом со всей определенностью, независимо от того, понравилось бы ему то, что под этим подразумевалось, или нет, когда дело касалось расы людей. С другой стороны, он не был уверен, что понимал все, что она говорила, и не имел понятия о том, о чем она говорила. Но ее намерения были по природе своей агрессивными и имели целью какое-то разрушение. И эта агрессивность была действенной. Несмотря на всю непостижимость того, что она только что ему сказала, ее загадочные колкости и произнесенное неизвестное имя потрясли и смутили его разум.

Он немного отвернулся в сторону, чтобы дать понять ей, что он не станет встречаться с ней взглядом, если только она сама этого не захочет, и произнес на архаичном языке, который его народ знал только по древним книгам Колонии:

— Вы из расы людей или расы Врага, женщина?

Она рассмеялась.

— Из обоих, Фальк. Здесь нет Врага, и я работаю на него. Слушай, скажи Абендаботу, что твое имя Фальк. Скажи Кену Кеннеку! Скажи всем Повелителям, что твое имя — Фальк! Это заставит их немного побеспокоиться, Ф а л ь к...

— Хватит!

Голос его был таким же мягким, как и раньше, но теперь он вложил в него всю властность, которая была ему обычно присуща.

Она замолкла на полуслове, в недоумении открыв рот и тяжело дыша. Она явно находилась временно или даже постоянно

— Врач Ромаррен...

Очевидно, он перенял это обращение от Орри просто как выражение почтения и не имел представления, чем устанавливается взаимоотношение врачнизма.

— Сначала простите меня за то, что я заговорил вслух. Мы пользуемся мысленной речью только в самых неотложных случаях или при общении с низшими по положению. Кроме того, извините нас за вторжение этого создания, прислуги, которую безумие побудило преступить закон. Обещаю Вам, что мы обязательно приведем ее рассудок в нормальное состояние. Больше она вас беспокоить не будет. Что же касается ваших вопросов, то на все из них будет дан ответ. Если говорить коротко, то это очень невеселая история, которая сейчас вопреки всему завершается относительно счастливым концом. Ваш корабль «Альтерра» подвергся нападению со стороны наших врагов в околоземном пространстве. На вас напали бунтовщики, поставившие себя вне Закона. Они успели забрать с собой по меньшей мере двоих, если не больше, из вашего экипажа, в свои небольшие корабли, прежде чем появилась наша дежурная команда. Когда же она прибыла, то они уже успели уничтожить «Альтерру» со всеми, кто находился на ее борту, и рассыпались в разные стороны на своих маленьких аппаратах. Мы поймали один из них, в котором пленником был Хар Орри, но вас, похоже, увезли на другом — не знаю, с какой целью. Они не убили вас, но стерли вашу память вплоть до языкового периода вашего детства, а затем отпустили вас в диком лесу, где вас могла ожидать только смерть. Но вы выжили и были приняты в среду лесных варваров. В конце концов наши поисковики обнаружили вас и привезли сюда. С помощью парагипнотической техники нам удалось восстановить вашу память. Вот и все, что мы могли сделать. Безусловно, это немного, но большего нам не удалось.

Ромаррен внимательно слушал. Рассказ ошеломил его, и он не сделал попытки скрыть охватившие его чувства. Но он ощущал также что-то похожее на тревогу и подозрение, и эти чувства он попытался скрыть. Высокий незнакомец, отрекомендовавшийся Абендаботом, обратился к нему, хотя и на очень короткое время, телепатически и таким образом сумел произвести определенную настройку на разум Ромаррена. Затем он прекратил свои телепатические посылки и установил защиту от мысленного проникновения верелианина.

Однако она не была совершенна. Ромаррен, очень чувствительный и прекрасно натренированный, ощутил смутное противоречие с тем, что говорит этот человек вслух, что намекало либо на слабоумие, либо, что было вполне вероятно, на ложь. Но, может быть, он сам настолько выбит из седла — возможно, в результате испытанного им парагипноза — что на его чувствительное восприятие просто нельзя было положиться?

— Как давно? — спросил он наконец.

Он заглянул наконец на мгновение в эти чужие для него глаза.

— Шесть лет по земному летоисчислению, врач Ромаррен.

Длительность земного года приблизительно была равна длительности одного лунокруга.

— Как долго,— прошептал он.

Он был не в состоянии переварить это.

Его друзья, его соратники по полету, выходит, были уже давно мертвы. И он был один на Земле.

— Шесть лет?

— Вы ничего не помните об этих годах?

— Ничего.

— Мы вынуждены были стереть рудименты памяти, которые вы, возможно, имели об этом времени, для того, чтобы восстановить вашу первоначальную память и истинную личность. Мы очень сожалеем об этой потере, об этих шести годах, но воспоминания о них не были ни нормальными, ни приятными. Преступные злодеи сделали из вас создание еще более жестокое, чем они сами. Я рад, что вы ничего не помните, врач Ромаррен.

Он был не только рад, но и полон ликования.

У этого человека, видимо, очень ограниченные чувственные способности, либо нет приличной тренировки. В противном случае его защита была бы получше.

У самого же Ромаррена телепатическая блокировка была безупречной. Все больше и больше увлекаясь подслушанными обертонами разума этого человека, которые служили свидетельством фальши или неискренности того, что говорил Абендабот, вследствие продолжавшегося отсутствия ясности собственного мышления Ромаррен вынужден был мобилизовать все свое умение анализировать и делать правильные выводы. Как могло пройти шесть лет, не оставив ни одного воспоминания? Однако прошло сто сорок лет, пока их корабль со скоростью света летел с Вереля на Землю, и из всего этого вспомнился только один момент, к тому же ужасный, длившийся целую вечность...

Как назвала его эта безумная женщина?

Она выкрикивала какое-то имя. Какое?

— Как меня звали в течение этих шести лет?

— Звали? Вы имеете в виду — среди туземцев, врач Ромаррен? Я не знаю, какое имя они вам дали, не говоря уже о том, что они могли не дать вам никакого.

«Фальк! Она назвала меня Фальк!» — мелькнула в его голове мысль.

— Друг мой! — неожиданно он произнес на Галакте верельскую форму обращения.— Если вы позволите, я хотел бы немного побыть один, а поэтому попросил бы вас покинуть меня ненадолго.

— Конечно, врач Ромаррен. Ваш молодой друг Орри с нетерпением ждет встречи с вами. Послать его сюда?

Но Ромаррен, высказав свое пожелание и услышав, что оно будет исполнено, был уже где-то не здесь. Он отключился от реальности, воспринимая ее просто как шум.

— Мы тоже хотели бы узнать о вас побольше, и нам не

терпится сделать это теперь, когда вы уже чувствуете себя вполне поправившимся.

Наступила тишина. Затем шум возобновился.

— Наши слуги ждут, чтобы чем-нибудь вам угодить. Если вы захотите освежиться или пообщаться с кем-нибудь, вам нужно только подойти к двери и сказать об этом.

Снова наступила тишина, и наконец назойливое присутствие этого человека перестало мучить Ромаррена.

Но он думал не об этом.

Он слишком был поглощен собой, чтобы беспокоиться о странной манере поведения своих хозяев. Суматоха внутри его мозга нарастала с каждым мгновением. У него было ощущение, будто его волокут на встречу с кем-то или чем-то, чего он не сможет выдержать, и в то же самое время он сам страстно хотел увидеть это, обнаружить и идентифицировать. Самые горькие дни тренинга Седьмой ступени были всего лишь бледной тенью этого расплывчатого чувства, так как то расстройство рассудка было стимулированным, тщательно контролируемым, это же полностью вышло из-под его влияния. Или же... Он, может быть, сам вел себя к этому, принуждая достичь критической точки?

Но кто же был этот «он», который принуждал сам и которого принуждали? Он был убит и возвращен к жизни. Но была ли смертью та смерть, о которой он не в состоянии вспомнить?

Чтобы совершенно не впасть в панику, он стал осматриваться в поисках предмета, гдядя на который мог бы сосредоточиться, возвращаясь к некогда пройденному курсу обучения технике выхода из трудных положений, которая базировалась на сосредоточении на одной конкретной вещи с целью восстановления правильности анализа и способности к умозаключению. Но все вокруг было чуждым, необычным и обманчивым. Даже пол под его ногами был мрачным листом тумана. Он опять обратил свое внимание на книгу, которую уже просматривал, когда вошла та женщина.

Книга... Он держал ее в своих руках, она была реальной. Он опять очень осторожно взял ее и взглянул на страницу, на которой она была открыта. Столбцы красивых, лишенных значения знаков, строчки наполовину понятной рукописи, буквы которой сильно отличались от тех, которые он изучал когда-то давным-давно по Сборнику Первых Текстов. Он смотрел на эти знаки и не мог прочитать их. И слово, значение которого было для него непонятным, складывалось из них. Первое слово:

П у т ь...

Он перевел взгляд с книги на собственную руку, которая держала книгу. Чья это рука, которая загорела под чужим солнцем и покрылась шрамами чужой жизни?

Чья она?

Путь, который можно пройти,

Не есть вечный путь.

Имя...

Он не мог вспомнить имя, он бы не мог прочесть его. Во сне он читал эти слова. В том долгом сне в то время, когда был мертв.

Имя, которое нельзя назвать,

Не есть вечное имя.

Вместе со сном над ним поднялась какая-то огромная волна и обрушилась на него.

Он стал Фальком, но продолжал быть и Ромарреном. Он был глупцом, и он был мудрецом.

Он стал единым человеком. Он был рожденным дважды.

12 В эти первые полные страха часы он молился тому, чтобы его избавили то от одного «Я», то от другого. Один раз, когда он мучительно громко выкрикнул что-то на своем родном языке, родном ему, он совсем не понял произнесенных им же самим слов, и это было настолько ужасно, что он даже заплакал, ощущая собственное бессилие.

Он был Фальком, когда не понял этих слов, и Ромарреном, когда заплакал.

В это самое мгновение своих непрекращающихся страданий он в первый раз дотронулся всего на какой-то миг до уравновешивающего шеста в середине своей личности и на мгновение стал «собой». Затем он снова потерял ощущение этого равновесия, но в нем затеплилась надежда, что мгновение равновесия и гармонии повторится.

Гармония!

Когда он был Ромарреном он цеплялся за это понятие, и, возможно, то, что он мастерски владел этой доктриной своего родного народа Келшак, удерживало его от падения в бездну Безумия. Но пока еще не было воссоединения или равновесия двух разумов, которые разделяли его черепную коробку. Он вынужден был метаться между ними, вытесняя одну личность другой. Он едва ли был в состоянии передвигаться, будучи подвержен галлюцинациям владения двумя телами. По сути он был двумя физически разными людьми. Он не отваживался спать, хотя и устал до изнеможения,— он очень боялся пробуждения.

Была ночь, и он был предоставлен самому себе. «Самим себе»,— заметил Фальк. Поначалу он был сильнее, поскольку был некоторым образом подготовлен к этому испытанию. Именно Фальк был первым, именно он затеял диалог с Ромарреном, а не наоборот.

«Мне нужно хоть немного поспать, Ромаррен, ты понимаешь?»— сказал он.

Ромаррен воспринял его слова как мысленно произнесенные, и без какого-либо раздумия, искренне ответил:

«Я боюсь уснуть».

Некоторое время Ромаррен бодрствовал и воспринимал сны Фалька, подобно теням и эху в своем мозгу.

Он прошел сквозь это первое, самое худшее время, и к тому времени, когда утро осветило мрачные стены его комнаты, страхи прошли, и он начал постепенно овладевать контролем над мыслями и действиями обеих личностей, заключавшихся в нем.

Конечно, не было настоящего перекрытия между двумя комплектами его воспоминаний. Сознание Фалька возникало благодаря огромному количеству нейронов, оставшихся незадействованными в высоко развитом интеллекте на вспаханных полях разума Ромаррена. Основные двигательные функции и сенсорные пути никогда не были заблокированы и в определенном смысле использовались обоими разумами, хотя и возникали трудности, обусловленные двойным набором двигательных привычек и образов восприятия. Любой предмет представлялся сейчас по-разному, в зависимости от того, Фальк или Ромаррен рассматривали его. Хотя в перспективе это раздвоение могло иметь следствием увеличение его интеллектуальной мощи и повышение восприимчивости, в настоящее время от такой неразберихи голова у него шла кругом.

Кроме того, была ощутима разница в эмоциональных оттенках, что во многих случаях приводило к противоборству испытываемых им чувств. Поскольку воспоминания Фалька так же, как и воспоминания Ромаррена, полностью покрывали собственную часть жизни, они никак не могли выстроиться в надлежащей последовательности и имели склонность восприниматься синхронно по времени. Личности Ромаррена было трудно смириться с тем, что он потерял где-то шесть лет своей жизни. Он не знал, кем он был хотя бы десять дней назад. Это его очень беспокоило.. Он ехал на спине мула среди заснеженных гор Земли? Фальку это было известно точно. Но Ромаррен помнил, что как раз в это же время он расставался со своей женой в доме на покрытой высокой травой равнине Вереля. К тому же догадки Ромаррена относительно Земли часто вступали в противоречие с тем, что знал его напарник — Фальк. Но в то же время невежество этого напарника в отношении всего, что касалось Вереля, накладывало странный отпечаток легендарности на собственное прошлое Ромаррена.

Но даже в этой путанице было все же семя взаимодействия, семя согласованности, к которой он изо всех сил стремился, потому что было фактом, что телом и хронологически он был одним человеком. Его проблемой было не воссоздание единства, а только постижение его.

Но до согласованности было еще очень далеко.

Пока что доминировала то одна, то другая структура памяти. Если ему нужно было действовать правильно и умело, брал верх Ромаррен, поскольку навигатор «Альтерры» был решительным и сильным человеком.

Фальк в сравнении с ним чувствовал себя ребенком, маленьким и неопытным ребенком.

Он мог предложить только те знания, которыми он располагал, поэтому сейчас он решил полагаться на силу и опыт Ромаррена. Фальк отлично понимал, что сейчас не время ссориться и бороться за обладание телом. Разум должен быть единым, потому что человек с двумя разными мнениями находится в очень неясном и даже опасном положении.

Больше всего его беспокоил один вопрос.

Сам по себе он был очень простым — можно доверять Сингам или нет? Потому что, если Фальку просто внушен беспочвенный страх перед Повелителями Земли, то опасности и неясности окажутся беспочвенными. Поначалу Ромаррен думал, что, возможно, так оно и есть. Но думал он так совсем недолго.

Его двойная память уловила уже и открытую ложь, и противоречия. Абендабот отказался мысленно говорить с Ромарреном, заявив, что Синги избегают телепатического общения. Фальк же знал, что это ложь. Почему тогда Абендабот пошел на это? Очевидно, потому, что солгал, изложив версию Сингов о том, что случилось с «Альтеррой» и ее экипажем, и не хотел или не осмеливался сделать это телепатически.

Но Фальку он рассказал точно такую же историю посредством мысленной речи.

Если бы это была ложь, если эта версия была фальшивой, значит Синги в состоянии лгать в мысленной речи и пользуются этим. Но была ли она фальшивой?

Ромаррен обратился к памяти Фалька.

Сначала эта попытка общения была для него непостижимой, но когда он приложил все свое умение, связи начали налаживаться, и постепенно возникла ясность. Он мог воспринимать звенящую тишину, сопровождающую слова Абендабота: «Мы, кого вы называете Сингами, являемся людьми». Слыша ее даже в памяти, Ромаррен понял, что это была ложь.

Это было невероятным, но тем не менее не вызывало сомнения. Синги умели лгать телепатически. Предположения и страх униженного человечества были обоснованными. Синги были истинным Врагом.

Они не были людьми. Они были пришельцами, наделенными чужим даром, и, без сомнения, это они раскололи Лигу и добились господства над Землей. Именно они напали на «Альтерру», когда она вошла в околоземное пространство. Все разговоры о бунтовщиках были вымыслом. Они убили всех членов экипажа или подвергли их разум обработке, пощадив при этом только ребенка Орри. Ромаррен был в состоянии догадаться, почему: потому что они обнаружили, испытывая его или кого-нибудь другого из хорошо натренированных телепатов из состава команды, что верелиане могут обнаружить ложь в мысленной речи. Это устрашило Сингов, и они разделались со взрослыми, оставив в живых только безвредного ребенка в качестве источника информации.

Для Ромаррена его спутники по полету погибли только вчера, и, перенеся этот удар, он пытался представить себе, что, может быть, где-нибудь на Земле спасся еще кто-нибудь так же, как и он.

Но если такие существуют,— а ведь ему, очевидно, везло все время — то где же они сейчас? Сингам оказалось очень трудно отыскать даже одного, когда они обнаружили, что нуждаются в нем.

Но для чего он им был нужен? Почему они приложили столько усилий, чтобы разыскать его и вернуть ему память, которую прежде так непредусмотрительно уничтожили?

Факты, имевшиеся в его распоряжении, не давали этому объяснения, за исключением, правда, одного — того, что он пришел сюда, как Фальк.

Сингам он был нужен для того, чтобы сказать им, откуда пришла «Альтерра».

Это дало Фальку-Ромаррену первую порцию развлечения. Если это на самом деле так просто, то просто смешно. Они оставили Орри в живых, потому что он был столь юным, нетренированным, уязвимым, послушным, отличным орудием и источником информации. Он определенно был всем этим, одно только Орри не знал — откуда он прибыл на Землю. К тому времени, когда они обнаружили это, информация уже начисто была стерта из сознания тех, кто располагал ею. Синги, вероятнее всего рассеяли все свои жертвы по дикой, лежавшей в руинах Земле, обрекая их на смерть от несчастного случая или голода, или нападения диких животных или людей.

Он мог предположить, что Кен Кениек, манипулируя его мозгом с помощью компьютера, пытался заставить его выдать галактическое название солнца планеты Верель. Он мог предположить, что, если бы он разгласил эти сведения, то был бы уже мертв или лишен разума. Он, Ромаррен, им не нужен. Им нужны только его знания. Но похоже, что они так и не получили их.

Это само по себе должно было изрядно их обеспокоить. Способы сохранения тайн, выработанные народом Келшак, развивались нога в ногу с техникой охраны мозга от телепатического вторжения.

Эта мистическая секретность, или, вернее, замкнутость, выросла за долгие годы из ревностного контроля за развитием научно-технических знаний, практиковавшегося первыми колонистами и имевшего в основе своей Закон Лиги о Культурном Эмбарго, который запрещал импорт достижений культуры и техники на колонизируемые планеты. К нынешнему времени цельная концепция сдержанности и замкнутости стала краеугольным камнем верелианской культуры, и стратификация общества на Вереле обусловливалась убеждением, что знания и техника должны оставаться под разумным контролем. Такие детали, как Истинное Имя Солнца, были формальными символами, но формализм этот воспринимался серьезно, с беспредельной серьезностью, ибо у народа Келшак знание было религией, религиозным знамением. Для охраны неосязаемых мест в человеческом разуме были разработаны неуловимые и неуязвимые средства защиты. Если только он не находился в одном из Мест Тишины, и к нему не обращался один из его сотоварищей, достигших такой же Ступени, Ромаррен был абсолютно не способен на то, чтобы предать — будь то устный разговор, письмо или телепатический обмен — истинное имя Солнца своей родной планеты.

Он располагал, разумеется, эквивалентными знаниями — комплексом астрономических знаний, которые давали ему возможность проложить курс между Верелем и Землей, знанием точного расстояния между солнцами этих двух планет, точной астро-

номической картой звездного неба, каким оно видится с Вереля.

Очевидно, Синги пока что не получили от него этих знаний, скорее всего, вследствие того, что мозг его находился в слишком хаотичном состоянии, когда был восстановлен посредством манипуляции Кен Кениека, или, может быть, потому, что продолжал функционировать его парагипнотический усиленный защитный блок и специфические барьеры. Зная, что на Земле до сих пор еще может быть Враг, экипаж «Альтерры» не позволил себе быть неподготовленным к этому. Если только научные достижения Сингов в области изучения мозга не превосходят уровень, достигнутый верелианцами, они так и не сумеют вынудить его что-либо рассказать им. Они надеялись внушить ему, убедить его рассказать все. Так что, по крайней мере пока, он в безопасности, пока они не узнают, что он помнит о своем существовании тогда, когда был Фальком.

Когда эти логические умозаключения были закончены, по коже его пробежал мороз. Раньше это как-то не приходило ему в голову. Как Фальк, он был для Сингов бесполезен и безвреден. Как Ромаррен, он был полезен и тоже безвреден. Но как Фальк-Ромаррен, он представлял угрозу, и они не потерпят этого.

Они не могут допустить существования такой угрозы!

Кроме того, необходимо было ответить еще на один вопрос — зачем им так нужно узнать, где находится Верель?

Какое им дело до Вереля?

Снова память Фалька старалась рассказывать разуму Ромаррена, на этот раз о спокойном, жизнерадостном, ироничном голосе. Старый Слухач в дремучем лесу, человек на Земле, еще более одинокий, чем даже Фальк. Так вот этот человек когда-то сказал: «Сингов совсем не так уж много».

В памяти Фалька было много сведений, мудрости и советов. Многие из них были истинны в буквальном смысле. Согласно старинным преданиям, с которыми Фальк познакомился в Доме Зоува, Синги были пришельцами из очень отдаленного района Вселенной, расположенного за скоплением Риалы, на расстоянии нескольких тысяч световых лет. Если это было так, то, вероятно, не очень большое их число пересекло столь невообразимую бездну пространства и времени. А отсюда следует вывод, что их число было все же достаточным, чтобы внедриться в Лигу и уничтожить ее то ли посредством телепатической лжи и других скрытых способов, то ли с помощью какого-то оружия, которым они располагали.

Но было ли их достаточно много, чтобы править всеми теми планетами, которые они разъединили и завоевали? Планеты были обширны по любой мерке, исключая только протяженность космического пространства между ними. Сингам, должно быть, пришлось рассеяться и много внимания уделять тому, чтобы покоренные планеты не воссоединились. Орри сказал как-то Фальку, что похоже на то, что Синги слишком много путешествуют или торгуют, используя для этого корабли с околосветовой скоростью.

Еще он сказал Фальку, что за все время его пребывания на Земле он ни разу не видел такого корабля. Было ли это следствием того, что они боялись своих собственных соплемен-

ников на других планетах, которые могли во многом превзойти их за прошедшие столетия?

Или, возможно, Земля была единственной планетой, которой они еще не правили, защищая от исследований со стороны других планет? Об этом нельзя было сказать точно, но, скорее всего, на Земле их, действительно, было не очень много.

Они отказывались верить рассказу Орри о том, что земляне на Вереле видоизменились и таким образом смешались с туземными гуманоидами.

Они говорили, что это невозможно.

Это означало лишь то, что с ними этого не произошло. Смешение их с землянами оказалось невозможным. Они до сих пор оставались чужаками, все эти двадцать веков продолжали оставаться на Земле в изоляции. На самом ли деле они правили человечеством из этого единственного города?

Еще раз Ромаррен обратился за советом к Фальку и получил отрицательный ответ.

Они управляли с помощью обычаев, хитрости, страха и оружия. Они были в состоянии, пользуясь этим, предотвратить возникновение какого-либо сильного племени или накопление знаний, которые могли бы им угрожать. Они не давали человечеству возможности что-либо сделать.

Но и сами ничего не делали. Они не правили, а наносили вред.

Теперь было ясно, почему Верель представлял для них смертельную опасность.

Им до сих пор удавалось сохранить свою тонкую, но разрушительную власть над человеческой культурой, которую они давным-давно сломали и переориентировали. Но сильная, многочисленная, технологически передовая раса, сохранившая легенды о своем кровном родстве с землянами, располагающая развитой наукой о мозге и оснащенная оружием, не уступавшим их собственному, могла сокрушить их одним ударом и освободить людей от их власти.

Если они узнают от него, где находится Верель, вышлют ли они туда корабль-бомбу, подобно длинному бикфордову шнуру, протянувшемуся через световые годы, чтобы уничтожить опасную планету прежде, чем на ней узнают о их существовании.

Да, такая опасность существовала.

Но против говорили два факта: во-первых, их тщательная подготовка юного Орри, как будто они хотят, чтобы он был их послом, а во-вторых, их Закон.

Фальк-Ромаррен был не в состоянии решить, было правило уважения к жизни единственной подлинной верой Сингов, их единственным мостом над пропастью самоуничтожения, которая таилась под их поведением, подобно черному каньону, над которым был выстроен их город? Или же это было самой огромной ложью из всего того количества лжи, которое они принесли на эту планету? Они, казалось, избегали убивать разумные существа. Они оставляли их в живых, как и другие живые существа. Их тщательно скрываемая пища была растительной. Для того, чтобы сдерживать рост населения, они натравлива-

ли одно племя на другое, начинали войны, но оставляли людям возможность самим уничтожать друг друга. Согласно легендам, в первые годы их господства они прибегали к евгенике в перенаселенных местах, а не к геноциду, для того, чтобы укрепить свое главенствующее положение. Это могло быть правдой, и тогда значит, что они в самом деле повиновались этому Закону, но на свой лад.

В этом случае их забота об Орри служила доказательством того, что он должен быть их послом. Единственному спасшемуся участнику полета предстояло вернуться через бездну космического пространства на Верель и рассказать соотечественникам, что Синги внушили ему на Земле — чирик, чирик, подобно птицам, чирикающим: «Нельзя отнимать жизнь»— подобно высокоморальному борову или попискивающим мышам в подвалах Дома Страха.

Будучи лишенным разума, честным, но одурманенным, Орри принесет ложь и на Верель.

Почитание и память о Колонии были очень сильными на Вереле, и зов помощи с Земли мог получить на нем отклик. Но если обитателям Вереля расскажут, что нет и никогда не было Врага, что Земля всего лишь древний счастливый рай, вряд ли им захочется проделывать такое длительное путешествие, чтобы взглянуть на это. Если же они все-таки решатся проделать это, то отправятся невооруженными, так же, как и Ромаррен со своими товарищами.

Еще один голос всплыл в его памяти, услышанный очень давно в глубинах Леса: «Мы не можем так жить вечно. Должна быть какая-нибудь надежда, знак».

Он не был отправлен с посланием человечеству, как говорил Зоув. Надежда была гораздо более непрочной, знак более неясным. Он должен был переправить послание человечества, по существу, его вопль о помощи, об избавлении.

— Я должен отправиться домой. Я должен рассказать им всю правду»,— подумал он, зная, что Синги не допустят этого, что будет послан только Орри, а его задержат здесь или убьют.

Совершенно измотавшись в своих продолжительных попытках думать последовательно и ясно, он весь обмяк, его раскованный контроль над своим измученным сомнением и тревогой двойным разумом сломался. Он упал в изнеможении на кушетку и уткнул лицо в ладони. «Если бы я только мог отправиться домой,— думал он.— Если бы я смог еще раз пройтись вместе с Парт по Поляне...»

Так оплакивал свою печальную долю мечтатель Фальк. Ромаррен же пытался уйти от этой безысходной тоски, думая о своей жене — темноволосой, золотоглазой женщине в платье, расшитом тысячью крохотных серебряных цепочек, о своей жене Адрис. Но его обручальное кольцо пропало, и Адрис была мертва. Она умерла очень давно. Она выходила замуж за Ромаррена, зная, что вместе они будут не больше одного лунокруга, так как он уже готовился к полету на Землю. И за время этого единственного, ужасного мгновения этого полета она прожила всю свою жизнь, состарилась и умерла. Ее уже больше не существовало, скорее всего, не менее сотни земных лет прошло со дня ее смерти.

«Тебе следовало умереть столетием раньше»,— сказал как-то

Властитель Канзаса ничего не понимающему Фальку, видя, либо чувствуя, либо зная, что внутри его находится еще один человек, заброшенный, рожденный очень давно. Теперь, если Ромаррену суждено вернуться на Верель, это произойдет почти через три столетия. Около пяти больших лет Вереля пройдет с тех пор, как он его покинул. Все изменится настолько, что на Вереле он будет таким же чужаком, каким был на Земле.

Было только одно место, где он мог быть действительно дома, где его ждали и любили — это Дом Зоува. Но он никогда больше не увидит его. Если и ведет его путь куда-то, то только прочь от Земли. Он должен был полагаться на себя и должен был совершить единственное — изо всех сил стараться следовать своему предначертанию до конца.

13 День уже давно наступил, и, осознав, что он очень голоден, Ромаррен подошел к искусно замаскированной двери и громко попросил на галактическом языке пищу.

Ответа не последовало, однако вскоре человек-орудие принес еду и обслужил Ромаррена. Когда он заканчивал трапезу, снаружи прозвучал слабый сигнал зуммера.

— Войдите,— сказал Ромаррен на языке Келшак.

В комнату вошли Хар Орри, вслед за ним высокий Синг Абендабот и двое других, которых Ромаррен не знал, и все же их имена звучали у него в голове: Кен Кениек и Краджи. Их представили ему. Вся церемония была очень вежливой. Ромаррен обнаружил, что он в состоянии весьма прилично владеть собой. Необходимость полностью скрыть и подавить личность Фалька фактически только пошла на пользу, позволив держаться легко и непринужденно. Он осознавал, что психолог Кен Кениек пытался произвести настройку на его мышление, причем с определенным искусством и напором, но это его не беспокоило.

Если его барьеры выдержали испытание даже под парагипнотическим колпаком, они, безусловно, не подведут его и сейчас.

Никто из Сингов не разговаривал с ним телепатически. Они стояли поодаль в своих странных напряженных позах, как бы опасаясь чьего-то прикосновения, и обо всем говорили шепотом.

Ромаррен задал несколько вопросов, которые можно было от него ожидать, касавшихся Земли, человечества и Сингов. Он с самым серьезным видом выслушивал каждый ответ и удовлетворенно кивал головой. Раз он попытался синхронизироваться с юным Орри, но это ему не удалось. Мальчик, по сути, не имел какой-либо защиты мозга, что, вероятнее всего, указывало на какую-то обработку, которая свела к нулю то небольшое искусство фазовой настройки, которому он научился, еще будучи ребенком.

Кроме того, мальчик находился, причем добровольно, под действием наркотика, к употреблению которого был приучен.

Даже когда Ромаррен послал ему слабый привычный сигнал об их родстве по врачнизму, Орри продолжал сосать трубку с наркотиком.

Благодаря яркому, отвлекающему миру полугаллюцинаций,

который обеспечивал ему наркотик, восприятия мальчика были притуплены, и мозг его не мог ничего воспринимать.

— Вы на Земле пока что ничего не видели, кроме одной этой комнаты,— хриплым шепотом произнес один из Сингов, одетый словно женщина, Синг по имени Краджи.

Присутствовавшие вселили тревогу в сердце Ромаррена, но Краджи возбуждал еще и инстинктивный страх, и антипатию. Было что-то омерзительное в этом тучном теле под ниспадающими одеждами, в этих длинных пурпурно-черных волосах, в хриплом, выветренном шепоте.

— Мне хотелось бы, разумеется, увидеть больше.

— Мы обязательно покажем вам все, что вы пожелаете увидеть. Земля открыта для почетного гостя.

— Я не помню, видел ли я Землю с борта «Альтерры»,— задумчиво произнес Ромаррен.— Не помню я и нападения на корабль. Вы мне можете объяснить, чем это вызвано?

Вопрос заключал в себе определенный риск, но он был очень заинтересован в ответе. Это было единственным пробелом в его удвоенной памяти.

— Вы были в состоянии, которое мы называем ахронией,— ответил Кен Кениек.— Вы вышли из полета со скоростью света непосредственно у Барьера, поскольку ваш корабль не был оборудован устройствами для облегчения перехода из состояния с различными масштабами времени, так называемым ретемпоризатором. В этот миг вы были либо без сознания, либо безумны.

— Эта проблема нам не известна. Правда, полеты со световой скоростью до этого были не так продолжительны.

— Чем дольше и дальше полет, тем сильнее Барьер.

— Это очень храбрый поступок,— добавил Абендабот характерным для него скрипучим шепотом и с не менее характерной напыщенностью.— Путешествие на сто двадцать пять световых лет в едва опробованном корабле...

Ромаррен принял комплимент, не поправив цифры.

— Давайте, Лорды мои, покажем нашему гостю город Земли.

Одновременно со словами Абендабота Ромаррен уловил обрывок телепатического разговора между Краджи и Кен Кениеком, но не понял смысла. Он был слишком поглощен поддержанием своей собственной защиты, чтобы быть в состоянии подслушивать мысленную речь или даже просто ощущать ее присутствие.

— Корабль, на котором вы возвратитесь на Верель,— сказал Кен Кениек,— будет, конечно, оснащен ретемпоризатором, и вы не испытаете расстройства психики при выходе в околопланетное пространство родной планеты.

Ромаррен поднялся, причем весьма неуклюже, в отличие от Фалька, который привык к стульям и не ощущал неудобства от сидения как бы на насесте, но теперь стоял уверенно и спустя мгновение спросил:

— Корабль, на котором мы вернемся?

В затуманенном взоре Орри промелькнула искра. Краджи кивнул, показав при этом свои большие желтые зубы.

— Когда вы увидите все, что хотели бы увидеть на Земле,—

сказал он через мгновение,— и узнаете все, что вы хотели бы узнать, мы приготовим для вас околосветовой корабль, на котором вы, Лорд Агад и, конечно же, Хар Орри сможете вернуться домой. Сами мы путешествуем среди звезд очень мало. У нас нет больше войн. Нет и необходимости торговать с другими планетами. Мы не хотим снова разбить нашу бедную Землю гигантскими расходами на постройку кораблей только для того, чтобы еще раз утолить свое любопытство. Мы, люди Земли, теперь относимся к старым расам. Мы остаемся дома, присматриваем за своим садом и не лезем в чужие дела. Но ваша миссия, Лорд, должна быть завершена. Для ее завершения необходимо совершить обратный полет. В нашем космопорту вас будет дожидаться корабль, который мы с гордостью назвали «Новая Альтерра». Мы надеемся, что Верель будет рад вашему возвращению. Очень жаль, что вашей цивилизации не удалось заново открыть принцип связи с помощью ансибла, и мы поэтому не можем прямо сейчас послать на Верель дружественное послание. Но сейчас, возможно, после стольких лет вашего отсутствия, на Вереле все же появились установки мгновенной связи. Но мы не можем наладить контакт с вашими соотечественниками, так как не располагаем координатами Вереля...

— В самом деле?— удивленно перебил Синга Ромаррен.

Возникла небольшая напряженная пауза.

— Не думаю, что я понял...— первым начал Ромаррен.

— Ансибл — это...

— Я понимаю, что такое ансибл-передача,— Лорд Агад поднял руку ладонью вперед,— хотя я не знаю, как она осуществляется. Как вы уже сказали, к тому времени, когда я покинул Верель, мы повторно не открыли принципы мгновенной связи. Но я не понимаю, что мешало вам попытаться отправить сигналы на Верель?

Он встал на скользкий путь.

Теперь он был весь внимание, полностью владея собой.

Он чувствовал себя игроком в игре, где играют совсем не языками. Поэтому в собеседниках он чувствовал прямо-таки электрическое напряжение.

— Врач Ромаррен,— сказал Абендабот,— поскольку Хар Орри был слишком молод, чтобы знать точное расстояние до вашей планеты, мы никогда не имели чести знать точное расположение Вереля, хотя имеем все же общее представление. Так как его почти не учили Галактическому языку, Хар Орри не мог назвать нам имя солнца Вереля на Галакте, что было бы нам, конечно, понятным, поскольку мы вместе с вами приняли в наследство этот язык времен Лиги. Поэтому мы были вынуждены ждать помощи от вас, прежде чем смогли бы попытаться установить ансибл-контакт с Верелем и подготовить программу автоматического полета с четкими координатами вашей родной планеты.

— Так, если я вас правильно понял, вы не знаете названия звезды, вокруг которой вращается Верель?

— К несчастью, в этом вся загадка. Если вам угодно сказать нам...

— Но я не могу сказать вам этого.

Это не удивило Сингов. Они были слишком самоуглублены, слишком эгоистичны.

Абендабот и Кен Кениек никак не отреагировали на это.

Краджи же произнес странным печальным выветренным шепотом:

— Вы хотите сказать, Лорд Агад, что тоже не знаете?

— Я не могу назвать вам подлинное Имя Нашего Солнца,— торжественно произнес Ромаррен.

На этот раз он уловил мысленный посыл, обращенный Кен Кениеком к Абендаботу:

«А что я говорил!»

— Простите, врач Ромаррен, мое невежество. Я не знал, что это запрещено. Вы простите меня, не так ли? В свое оправдание могу только сказать, что нам неизвестны ваши обычаи, и, хотя невежество является плохим извинением, это все, о чем я вас молю,— трещал и трещал Абендабот, когда его неожиданно перебил Орри, проснувшийся в испуге:

— Врач Ромаррен, вы... мы не сможем полететь назад на Верель, так как вы не сможете задать координаты кораблю? Но вы же должны помнить это, вы должны знать координаты, вы ведь навигатор!

Ромаррен повернулся к нему и тихо спросил:

— Ты очень хочешь вернуться домой?

— Да!

— Через двадцать или двадцать пять дней, если это доставит удовольствие Лордам, щедро предложившим нам столь великий дар, мы отправимся на их корабле к Верелю.

Он снова повернулся к Сингам.

— Извините меня,— продолжал он,— что мой рот и мой разум закрыты и не дают ответа на ваш вопрос. Мое молчание — плохая благодарность за вашу искренность.

«Если бы они пользовались мысленной речью,— подумал он,— этот обман был бы ГОРАЗДО МЕНЕЕ вежливым». Он, в отличие от Сингов, не умел мысленно лгать и, следовательно, не мог бы сказать ни единственного слова из этой вежливой речи.

— Не беспокойтесь, Лорд Агад. Не столько наши вопросы, сколько ваше благополучное возвращение, вот что важно! Если только вы в состоянии запрограммировать корабль — а все наши записи и компьютеры в вашем распоряжении, стоит вам только что-либо затребовать — то нас вполне устроит тот ответ, который вы дали.

Это действительно было так, поскольку, если они захотят узнать где расположен Верель, им нужно будет всего лишь проверить, каким курсом запрограммирован корабельный компьютер. После этого, если они по-прежнему не доверяют ему, они повторно сотрут содержимое его мозга, объяснив Орри, что восстановление памяти в конце концов привело к полному расстройству психики. Затем они отправят Орри с посланием на Верель. Они по-прежнему не доверяли ему, так как им было известно, что он может обнаружить мысленную ложь. Если и был какой-то выход из этой западни, то он его еще до сих пор не отыскал.

Они все вместе прошли через окутанные туманом коридоры, спустились вниз по наклонной галерее и вышли из дворца на улицу. То, что в двойном мозгу оставалось Фальком, теперь было почти полностью подавлено, и Ромаррен двигался, думал и говорил совершенно свободно, чего и следовало ожидать от Ромаррена. Он ощущал постоянную настороженную готовность Сингов, особенно Кена Кениека, которые только и ждали момента, чтобы поймать его на малейшей ошибке и проникнуть сквозь защитные барьеры его мозга. Напряжение заставило быть бдительным вдвойне. Поэтому он, как Ромаррен, чужак, взглянул вверх на небо, и увидел там желтое солнце Земли.

Он остановился, охваченный внезапной радостью, потому что он видел на протяжение одной жизни свет двух солнц. Свет оранжево-золотого солнца Вереля и светло-золотой — Земли. Он смог бы теперь сопоставить их, как человек, державший два самоцвета, сравнить их красоту ради того, чтобы воздать еще большую хвалу каждому в отдельности.

Мальчик стоял рядом с ним. Ромаррен начал бормотать первые слова приветствия, которому учат маленьких детей народа Келшак и которые они произносят при виде солнца на заре или после затяжных зимних бурь:

«Добро пожаловать, звезда жизни,
средоточие жизни...»

Орри подхватил слова гимна и стал нараспев вторить ему. Впервые между ними возникло согласие, и Ромаррен был рад этому, поскольку ему очень нужен был Орри, нужен был прежде, чем игра будет окончена.

Вызвали слайдер и поехали по улицам города. Ромаррен задавал соответствующие вопросы, Синги отвечали на них так, как считали для себя нужным. Абендабот стал подробнее описывать, как был построено все в Эс Тохе тысячу лет назад, построено за одну ночь. Все его башни, мосты и улицы и дворцы. Как только у них появилось намерение, Повелители Земли призвали на помощь свои удивительные машины и орудия для того, чтобы переместить целый город на новое место, в большей степени удовлетворяющее их прихоти. Это был очень красивый рассказ, и Орри, оглушенный наркотиками и сладкими речами, верил всему напропалую.

Верил ли этому Ромаррен, мало интересовало Сингов. Абендабот, очевидно, рассказывал эту ложь просто для собственного удовольствия.

Возможно, это было единственным удовольствием, известным ему. Через некоторое время за этими чудесами последовали другие, подробные описания того, как управляется Земля, как много Сингов проводят свою жизнь среди обычных людей, замаскировавшись простыми туземцами, но работая по единому плану, исходившему из Эс Тоха. Абендабот рассказывал о беззаботном и удовлетворенном человечестве, живущем сознанием того, что Синги будут сохранять мир и нести бремя власти, о том, как осторожно поощряются науки и искусства и как осторожно обращаются с бунтовщиками или дестабилизирующими

элементами. Планета скромных, смиренных людей, живущих в своих скромных домиках, на которой нет городов, войн, убийств, перенаселенности.

Старые достижения и притязания забыты. Почти что раса детей, защищенных твердым, но добрым руководством и неуязвимой техникой Сингов...

Рассказ все продолжался и продолжался все время об одном и том же, с небольшими вариациями, утешающий и ободряющий.

Неудивительно, что бедный мальчик Орри верил этому. Ромаррен тоже поверил бы почти всему, не будь у него воспоминаний Фалька о Лесе и Равнинах, которые показывали тонкую, трудно отличимую, однако полную фальшь всего этого. Фальк жил на Земле совсем не среди детей, а среди людей, огрубевших, ожесточившихся, страждущих и пылких.

В этот день они водили Ромаррена по всему Эс Тоху, который ему, живущему раньше среди старинных улиц Бегеста и в гигантских зимних Домах Каспула, показался призрачным городом, ненастоящим, впечатляющим только своим фантастическим естественным расположением. Затем ему и Орри начали показывать планету с борта аэрокара и с межпланетных кораблей во время однодневных поездок, которыми по-прежнему руководили Абендабот и помогавший ему Кен Кениек. Они совершили вылазку на каждый из материков Земли и даже на пустынную давным-давно заброшенную Луну. Дни шли за днями. Они продолжали вести свою игру, в основном ради Орри, обхаживая Ромаррена до тех пор, пока им не удастся заполучить то, что им было нужно. Конечно же, они за ним наблюдали визуально или телепатически, либо с помощью электронных устройств, но никоим образом не ограничивали ни в чем. Очевидно, они почувствовали, что теперь им нечего бояться его.

Возможно, даже, что его отпустили бы домой вместе с Орри. Вероятно, они считали его достаточно безвредным в своем неведении.

Но он мог купить себе возможность бегства с Земли, только снабдив их желанной информацией, выдав месторасположение Вереля. Но пока что они ничего об этом не говорили, а он ничего не спрашивал.

Ну, а имело ли слишком большое значение, в конце концов, то, что Сиги узнают, где находится Верель?

Имело. Хотя они, возможно, и не планировали какое-то немедленное нападение на потенциального противника, но могли выслать робот-монитор прямо вслед «Новой Альтерре» с ансибл-передатчиком на борту, чтобы он передавал мгновенные сообщения на Землю о любых приготовлениях к новому межзвездному полету на Вереле.

Ансибл дал бы им преимущество перед верелианами продолжительностью в сто сорок лет. У них бы появилась возможность упредить экспедицию на Земле еще до ее старта. Единственное техническое преимущество перед Сингами, которыми обладал Верель, было незнание Сингов о его точном местонахождении. А на

то, чтобы его определить, у них могло уйти несколько столетий. Ромаррен мог купить возможность освобождения только ценой риска для планеты, за которую он был ответственен.

Поэтому он тянул время, стараясь разработать способ решения возникшей дилеммы, летая вместе с Орри и с одним из приставленных к нему Сингов в самые различные места на Земле, которая простиралась под ним подобно гигантскому прекрасному саду, предоставленному сорнякам и запустению.

Всем своим натренированным умом он искал какой-нибудь способ, с помощью которого можно было бы изменить ситуацию и самому стать игроком, а не пешкой.

Так во всяком случае все это дело представлялось его складу ума, воспитанному в традициях народов Келшак. Если выбрать правильную точку зрения, то любое положение, даже хаос или западня, должно проясниться и само собой привести к единственно правильному выводу, поскольку при достаточно глубоком рассмотрении, с учетом далекой перспективы в основе всего лежит не дисгармония, а понятия возможности и невозможности существуют только для невежественного разума.

Так думал Ромаррен и вместе с ним его вторая душа, Фальк, не оспаривая этот вывод и не тратя времени на то, чтобы его всесторонне обдумывать. Потому что Фальку, который видел, как тусклые и яркие камни скользят по полочкам машин-оракулов, который жил среди людей в их разоренных владениях, с королями в изгнании в их собственных земных королевствах, казалось, что ни одному человеку не дано управлять своей судьбой, либо изменить ход игры. Единственное, что оставалось — это ждать, когда сверкающий бриллиант удачи соскользнет на подходящий виток времени. Гармония существует, но вот понимания еще нет, и Путь не может быть пройден. Поэтому, пока Ромаррен изнурял сверх всякой меры свой разум, Фальк залег где-то в глубинах мозга и выжидал. Когда появится возможность, они ее не упустят!

Или, может быть, так обернется, что шанс подхватит его.

Но пока что ничего особенного не происходило. Они были вместе с Кен Кениеком на борту аэрокара, оборудованного автопилотом. Это была одна из красивых умных машин, с помощью которых Синги могли столь эффективно контролировать всю планету и поддерживать навязанные ими порядки. Они возвращались в Эс Тох после продолжительного полета к островам Западного Океана, на одном из которых они сделали остановку на несколько часов. Это оказался остров, населенный красивыми, уверенными в себе людьми, всецело поглощенными хождением под парусом, плаванием и сексом на берегу лазурного теплого моря. Это был великолепный образец человеческого счастья и культурной отсталости, как бы нарочно созданный для того, чтобы быть показанным верелианам.

Здесь не о чем было беспокоиться, нечего было бояться.

Орри дремал, не выпуская из пальцев трубку с парпитой. Кен Кениек переключил автопилот на автоматический режим и вместе с Ромарреном, как всегда, метрах в двух от него, поскольку

Синги никогда ни к кому не приближались близко, смотрел через стеклянный колпак кабины аэрокара на голубое море, простиравшееся во все стороны от них на триста-четыреста километров. Погода стояла великолепная.

Ромаррен устал и позволил себе немного расслабиться в эти приятные мгновения праздности.

— Не правда ли, прекрасная планета,— заметил Синг.

Он искоса взглянул на Ромаррена.

— Да, это так.

— Бриллиант среди других планет. Может быть, Верель красивее?

— Нет, он посуровее.

— Да. Слишком продолжительный год обусловливает более суровый климат. Сколько он длится — шестьдесят земных лет?

— Да.

— Вы родились осенью, не так ли? Это значит, что вы так и не увидели свою планету летом, до того как покинули ее.

— Всего один раз, когда я летал в южном полушарии. Но лето там холоднее, а зима теплее, чем в Келшти. Но мне так и не довелось увидеть Великое Лето Севера.

— Вы еще сможете это увидеть. Если вы вернетесь через несколько месяцев, какое время года будет на Вереле?

Несколько секунд Ромаррен подсчитал в уме, после чего ответил:

— Позднее лето. Возможно, что-то вроде двенадцатого лунокруга лета.

— По моим подсчетам должна была бы быть осень. Если только я правильно подсчитал длительность полета. Кстати, сколько времени он длится?

— Сто сорок два земных года,— ответил Ромаррен.

Небольшой порыв паники промчался по его рассудку и тут же исчез. Он почувствовал присутствие сознания Кена Кениека в своем разуме.

Пока он говорил, Синг незаметно подобрался к его рассудку, обнаружил, что уровень защиты ослаб и захватил фазовый контроль над его мозгом. Но это не очень-то беспокоило Ромаррена. Он даже не удивился той невероятной терпеливости и телепатическому искусству, которые продемонстрировал в данной ситуации Кен Кениек.

Раньше он, если говорить честно, побаивался возникновения такой ситуации, но теперь, когда это все-таки случилось, все было в полном порядке.

Теперь Кен Кениек разговаривал с ним только мысленно и не трескучим тихим шепотом, а чистой, отчетливой, отлично воспринимаемой речью.

— Теперь все в порядке. Очень даже неплохо. Разве это не приятно, что мы наконец-то произвели сквозную настройку?

— Очень приятно!— согласился Ромаррен.

— Действительно. Теперь, когда мы можем оставаться в созвучии друг с другом, все наши тревоги в прошлом. Что ж, расстояние в сто сорок два световых года — это значит, что ваше

солнце, Лорд Агад, должно быть одной из звезд созвездия Дракона. Как оно называется на галактическом языке? Нет, все правильно, вы не можете сказать его здесь ни вслух, ни мысленно... Альтаир — вот оно название вашего солнца?

Ромаррен никак не откликнулся на это.

— «Альтаир»— Око Дракона. Да, очень хорошо. Другие звезды, которые мы рассматривали, несколько ближе. Теперь же это знание позволит нам сэкономить уйму времени. Мы уже почти...

14 Быстрая, ясная, насмешливая, убаюкивающая мысленная речь внезапно оборвалась, и Кен Кениек конвульсивно дернулся.

В то же самое мгновение судорога свела члены Ромаррена.

Синг резко рванулся к органам управления аэрокара, но тут же отпрянул назад. Он как-то странно наклонился вперед, очень сильно вперед, как небрежно управляемая кукла на веревочке. Затем он соскользнул на пол кабины и так и остался лежать там, лицом вверх.

Орри внезапно пробудился от своей дремоты и смотрел на Ромаррена, широко раскрыв глаза.

— Что случилось? Что-то не так?

Ответа он не услышал. Ромаррен сидел так же неподвижно, как лежал Синг, и глаза его были устремлены в глаза Кен Кениека неподвижным двойным невидящим взглядом. Когда он наконец зашевелился, с его губ сорвалось несколько слов на непонятном для Орри языке. Через мгновение Ромаррен с трудом произнес на Галакте:

— Сделай так, чтобы этот корабль завис.

Теперь он говорил на галактическом языке, но с характерным верелианским акцентом, на его испорченном диалекте, употребляемом земными туземцами. Хотя язык был и не совсем тот, настойчивость и авторитетные интонации звучали довольно ясно. Орри автоматически повиновался приказу.

Маленький стеклянный пузырь завис посреди океана к востоку от солнца.

— Это же...

— Не двигайся!

Молчание. Кен Кениек лежал, не шевелясь, на полу кабины. Очень медленно напряжение, которым был охвачен Ромаррен, стало ослабевать.

То, что случилось во время борьбы умов между ним и Кеном Кениеком, сводилось к засаде и внезапному нападению из-за угла на противника. В физическом смысле Синг одним броском проник в сознание Ромаррена, полагая, что он захватил в плен одного человека, но и сам был захвачен врасплох другим, находившимся в засаде, разумом Фалька. Только на один миг Фальк был в состоянии захватить контроль и только вследствие неожиданного нападения, но и этого мига вполне хватило Ромаррену для того, чтобы освободиться от фазового контроля со стороны Синга.

Сделал он это мгновенно, а вот разум Кен Кениека все еще оставался синхронизированным с его мышлением, а потому оста-

вался уязвимым. Освободившись, Ромаррен, в свою очередь, овладел сознанием Синга. Для этого потребовалось все его искусство и мощь разума, чтобы удержать мозг Кен Кениека, беспомощный и соглашающийся со всем, в одной фазе с его мозгом, в том состоянии, в котором он сам находился мигом раньше.

Но у него было большое преимущество: он все еще оставался человеком с двумя разумами, и пока Ромаррен удерживал Синга в беспомощном состоянии, Фальк был свободен в своих мыслях и поступках.

Именно сейчас выдался тот случай, тот момент, которого так терпеливо он ждал.

Второй такой возможности может и не быть.

Фальк произнес вслух:

— Где находится приготовленный к полету космический корабль, подготовленный для нас?

Было очень интересно слышать ответ Синга, как обычно произнесенный шепотом, и знать со всей определенностью, что он не лжет.

— В пустыне к северо-западу от Эс Тоха.

— Он охраняется?

— Да.

— Людьми?

— Нет.

— Вы должны отвезти меня туда.

— Я отвезу вас туда.

— Направь корабль туда, куда он скажет, Орри

— Я ничего не понимаю, врач Ромаррен. Разве мы не...

— Мы собираемся покинуть Землю прямо сейчас, мальчик. Ты понимаешь — сейчас! Займись управлением.

— Займись управлением,— мягко прошептал Кен Кениек.

Орри повиновался, следуя указаниям Синга относительно курса полета.

На полной скорости аэрокар устремился на восток, но пока что казалось, что он все еще висит над безбрежными океанскими просторами.

Затем появились Западные Острова, которые, казалось, плыли им навстречу по морщинистой поверхности океана.

Потом перед ними возникли остроконечные белые вершины прибрежных хребтов, которые через мгновение уже стали мелькать под аэрокаром.

Теперь они находились над мрачной пустыней, изрезанной линиями влаги извилистыми цепями гор, отбрасывающих длинные тени на восток.

Продолжая следовать произносимым шепотом указаниям Кена Кениека, Орри снизил скорость аэрокара и стал кружить над одним из этих горных кряжей.

Он переключил управление на маяк для автоматической посадки и позволил, чтобы корабль был захвачен силовым полем.

Высокие безжизненные горы вздымались перед ними, надвигались, словно стена, когда аэрокар садился на тусклое покрытое зеленью плато.

Не было видно ни космопорта, ни посадочного поля, ни дорог, ни зданий, но какие-то неясные очень большие тени, как миражи, дрожали над песком и зарослями солончаковой пустыни.

Фальк смотрел на них и не мог сосредоточиться.

Но Орри уже кричал во все горло:

— Корабли!

Это были межпланетные корабли Сингов, их флот или часть его, замаскированные светоотражающими сетками.

Сначала Фальк увидел небольшие корабли.

За ними в поле его зрения попали и другие, которые он сперва принимал за остроконечные холмы.

Аэрокар каким-то непостижимым образом сел рядом с маленьким разрушенным бараком без крыши, доски которого побелели и потрескались под воздействием ветра пустыни.

— Что это за барак?

— Вход в подземные помещения находится у одной из его стен.

— Там что, находятся компьютеры?

— Да.

— Готов ли какой-нибудь из кораблей к полету?

— Они все готовы. Это полностью автоматизированные корабли обороны.

— Есть ли среди них хотя бы один, который может пилотироваться людьми?

— Да. Тот, который предназначается для Хара Орри.

Ромаррен не ослаблял телепатическую хватку, которой он держал под контролем мозг Синга, в то время, как Фальк приказывал тому показать этот корабль.

Кен Кениек сразу же повиновался, хотя Фальк-Ромаррен не совсем ожидал этого.

Так же, как и для обыкновенного гипнотического внушения, существовали пределы и для управления разумом.

Тяга к самосохранению зачастую сопротивляется даже самому сильному внушению и иногда расстраивает всю настройку.

Однако, измена, которую вынужден был сейчас совершить Синг, по-видимому, не возбуждала инстинктивного сопротивления в нем.

Он провел их к звездолету и послушно отвечал на вопросы Фалька-Ромаррена.

Затем он отвел их назад в полуразрушенную хижину и как звуком своего голоса, так и телепатически открыл в песке дверь-западню, которая находилась рядом с дверью в хижину.

Они вошли в открывшийся перед ними туннель.

У каждой подземной двери или защитного устройства Кен Кениек подавал соответствующий сигнал, и в конце концов они очутились в защищенных от нападения, катаклизмов и грабителей помещениях, находившихся глубоко под землей.

Здесь размещались устройства автоматического управления и наведения, вычислительные устройства, позволяющие проложить курс среди звезд во Вселенной.

Со времени инцидента в аэрокаре прошло уже более часа.

Кен Кениек, покорный и подобострастный, напоминающий временами больную Эстрел, стоял рядом обезвреженный, пока Ромаррен сохранял полный контроль над его разумом.

В то мгновение, когда этот контроль ослабнет, Синг тут же отправит мысленный призыв о помощи в Эс Тох, если только найдет на это силы, либо активизирует какую-нибудь систему сигнализации, что приведет к тому, что Синги и их люди-орудия буквально через несколько минут появятся здесь.

Несмотря на это, Ромаррен все же должен был ослабить этот контроль, ибо ему был нужен именно его мозг, мозг истинного Ромаррена, чтобы целиком оценить всю сложившуюся ситуацию.

Фальку было неведомо, как программировать компьютер для вычислений курса полета на Верель, планету системы звезды Альтаир.

Только Ромаррен мог это сделать.

Однако у Фалька были свои способы решения этой проблемы.

— Отдайте мне свой пистолет.

Кен Кениек тут же вручил ему свое маленькое оружие, которое скрывал под ниспадающими одеждами. Орри с ужасом смотрел на все происходящее.

Фальк не собирался ослабить потрясение мальчика.

Фактически он еще больше растравил его.

— Почтение к жизни?— холодно спросил Фальк.

Он небрежно подбросил в руке оружие.

Как он и подозревал, это был не пистолет и не лазер, а только парализатор, причем очень слабого действия.

Фальк направил оружие на Кен Кениека, жалкого в отсутствии всякого сопротивления, и выстрелил.

Орри вскрикнул и рванулся вперед, но Фальк направил парализатор и на него.

Затем он отвернулся от двух распростертых на полу парализованных тел и дал волю Ромаррену.

К данному моменту он уже сделал свое дело.

У Ромаррена не было времени на угрызения совести или беспокойство.

Он сразу же направился к компьютерам и принялся за работу.

Он уже знал по опыту проверок бортовых устройств корабля, что действие компьютеров не базировалось на обычной математике, которую применяли земляне и которую унаследовали со времен Колонии и обитатели Вереля. Некоторые из операций, которыми пользовались Синги и которые были заложены в их компьютеры, были абсолютно чужды земной логике и математическому мышлению.

Ничто больше не могло столь твердо убедить Ромаррена в том, что Синги действительно были на Земле пришельцами, а для всех планет древней Лиги — завоевателями с какой-то очень далекой планеты, как этот чуждый всему человеческому характер их математики и логики.

Он никогда раньше не был уверен в подлинности старых земных легенд об этом, но теперь воочию убедился в этом сам.

Он ведь был, в конце концов, довольно неплохим математиком.

И как раз хорошо, что он был математиком, иначе он быстро бы опустил руки, безуспешно пытаясь ввести координаты Вереля в компьютер Синтов.

Как таковая, эта работа отняла у него пять часов.

Все это время он был вынужден буквально занимать половину своего мозга наблюдением за Кен Кениеком и Орри.

Оставить мальчика без сознания было проще, чем объясниться с ним или что-то приказать.

Но было просто жизненно необходимо, чтобы Кен Кениек оставался все это время полностью без сознания.

К счастью, парализатор хотя и был небольшим по размеру, но оказался очень эффективным прибором и, обнаружив в конце концов его настройку, Фальк всего лишь один раз после этого прибегнул к нему. Затем он был просто волен существовать в разуме Ромаррена, который весь ушел в вычисления.

Смотреть Фальку было не на что, пока работал Ромаррен, и не ослабляя контроля за окружающим пространством, он размышлял.

Он думал об Эстрел.

Его страшно интересовало, где она сейчас и кем она является в настоящее время.

Держат ли они ее под стражей, а может быть, стерли память или убили?

Нет, они не убивают.

Они боятся убивать и боятся умереть, поэтому назвали свой страх почтением к Жизни.

Синги. Враги. Лжецы...

Лгали ли они на самом деле?

Возможно, что это было не совсем так.

Возможно, сутью их лжи было глубокое, непоправимое отсутствие понимания.

Они не были способны допустить соприкосновения с людьми.

Они использовали к собственной выгоде, превратив ее в грозное оружие, мысленную речь.

Но, в конце концов, стоили ли этого те жалкие результаты, которых они добились?

Двадцать столетий лжи с тех пор, как они впервые появились на Земле...

Изгнанники или пираты, может быть, просто авантюристы мечтавшие о создании собственной империи

Выходцы с какой-то далекой планеты решившие добиться господства над всеми расами, разум которых они не могли постичь, и чья плоть навечно оставалась стерильной.

Одинокие, изолированные, «глухонемые», правившие «глухонемыми» в мире иллюзий.

Ромаррен завершил свой труд.

После пяти часов изнурительной работы и восьми секунд действия компьютерной системы в его руке оказалась крохотная иридиевая полоска, выданная выходящим устройством компью-

тера, готовая осуществить программирование бортового компьютера, следящего за курсом корабля.

Он обернулся и нерешительно посмотрел на Орри и Кена Кениека.

Что делать с ними?

Очевидно, им придется отправиться вместе с ним.

«Сотри записи расчетов в компьютере»,— пронеслось в его голове; голос — знакомый, его собственный — голос Фалька.

У Ромаррена кружилась голова от усталости, но постепенно до него дошел смысл требования, и он молча повиновался.

После этого он уже ничего не мог придумать, что же нужно делать дальше.

Поэтому, в конце концов, он впервые сдался, не делая больше никаких усилий доминировать, и позволил себе раствориться... в себе.

Фальк-Ромаррен сразу же принялся за работу.

Он энергично вытащил Кена Кениека на поверхность земли и понес его по залитому лунным светом песку к кораблю, очертания которого дрожали в прозрачном ночном воздухе пустыни. Он загрузил неподвижное тело в горизонтальное кресло, дал лишнюю дозу парализующего облучения и отправился назад к Орри.

По дороге к кораблю Орри начал приходить в себя и ухитрился забраться в корабль без посторонней помощи.

— Врач Ромаррен,— хрипло произнес он, вцепившись в руку Фалька-Ромаррена,— куда это мы направляемся?

— На Верель.

— Кен Кениек тоже с нами?

— Да. Он сможет рассказать на Вереле свою версию происходящего на Земле, ты — свою, а я — свою. Всегда существует более, чем один путь к истине. Пристегнись. Вот так.

Фальк-Ромаррен вставил маленькую металлическую полоску в устройство корабельного компьютера.

Через три минуты корабль стартует.

Последний раз взглянув на пустыню и звезды, он закрыл все люки и поспешил, трясясь от усталости и напряжения, пристегнуться рядом с Орри и Сингом.

Взлет обеспечивали ракеты. Привод световой скорости начинал действовать только на самом внешнем краю околоземного пространства.

Корабль мягко оторвался от земли и через несколько секунд оказался за пределами атмосферы. Автоматически включились видеоэкраны, и Фальк-Ромаррен увидел, как быстро уменьшается в размерах Земля.

Покидает ли он свой дом, или же, наоборот, направляется домой?

На экранах в последний раз мелькнул золотой отблеск Солнца на поверхности Восточного Океана.

Земля вспыхнула, как драгоценный камень на фоне мириадов звезд, и исчезла.

Барьер был преодолен. Маленький корабль вырвался из слоев времени и помчался сквозь тьму космоса.

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

Из архива Хейна. Копия записи по ансиблу, документ 01-01101-934-2-Гетен: отчет Дженли Ая, Первого мобиля на Гетене, Зиме, Хейнский Цикл 93, Экуменийский год 1490—97.

Я пишу отчет так, будто сочиняю рассказ — еще ребенком меня научили, что истина во многом — дело воображения. Самые неоспоримые факты могут толковаться по-разному в зависимости от стиля рассказа, подобно органическому драгоценному камню наших морей: когда его носит одна женщина, он становится ярче, а когда другая, он тускнеет и даже распадается в порошок. Факты не прочнее, чем жемчуг. И то, и другое зависит от восприятия.

Не весь рассказ принадлежит мне, не я один его излагаю. В сущности я не знаю, кому он принадлежит: вы можете судить лучше. Но сам рассказ один и даже если иногда кажется, что с изменением голоса рассказчика меняются факты, это не так: все факты остаются истинными и все составляют единое повествование.

Оно начинается в сорок четвертый день 1491 года, который на планете Зиме кархиды называют Одхархахад Туза, или двадцать второй день третьего месяца весны Первого года. Здесь всегда первый год. С каждым новым годом лишь меняются даты прошлых событий, номера прошедших и будущих годов, отсчитываемых назад и вперед от первого года.

В Эрхенранге, столице Кархида, жизнь моя находилась в опасности, но я этого не знал.

Шел парад. Я двигался вслед за госсиворами, чтобы предстать перед королем. Дождило. Черные тучи над темными башнями, дождь, падающий на улицы, серый, подверженный бурям каменный город, медленно извивающаяся золотая лента...

Шли купцы, вельможи и художники Эрхенранга, ряд за рядом, все роскошно одетые. Под дождем они чувствовали себя так привычно, как рыба в море. Лица их были спокойны. Они не шагали в ногу. Это был не военный парад и даже не его имитация.

Шли лорды, мэры и представители — по одному, пять, сорок пять или четыреста — от каждого домейна Кархида, длинная, пестрая процессия, двигающаяся под звуки металлических рогов, барабанов и электрических флейт. Многочисленные разноцветные знамена домейнов свешивались, сплетаясь с желтыми вымпелами, украшавшими путь, а музыка каждой группы отличалась различными ритмами, отдаваясь эхом в глубоких каменных улицах.

Шли группы жонглеров с полированными золотыми шарами, которые они высоко подбрасывали — будто на улице взрывались яркие фонтаны. Вдруг солнце пробилось сквозь облака и все шары ослепительно блеснули, поймав свет.

Шли сорок человек в желтом, играющие на госсиворах. Госсиворы, на которых играют только в присутствии короля, издавали нелепый дисгармонический рев. Когда звучали одновременно сорок госсиворов, то тряслись башни Эрхенранга и последние капли дождя падали из уносимых ветром облаков. Если такова королевская музыка, не удивительно, что все короли Кархида безумцы.

Дальше шла королевская группа: стражники, сановники города и двора, депутаты, сенаторы, послы, лорды королевства — никто не соблюдал равнения, но все шли с большим достоинством и среди них в белой тунике, куртке и брюках, в сапогах из шафрановой кожи, в островерхой желтой шапке — король Аргавен XV. Золотое кольцо на пальце было его единственным украшением и знаком сана. За этой группой восемь крепких солдат несли королевские носилки, сплошь усаженные желтыми сапфирами, в которых уже много столетий не ездили короли — это был церемониальный реликт древнего прошлого. У носилок было восемь охранников, вооруженных «мародерскими ружьями» — тоже реликтом варварского прошлого, но стволы ружей не пустовали, они были заряжены пулями из мягкого железа. Смерть шла за королем.

За смертью шли ученики школы искусств, различных колледжей, торговых школ — длинные ряды детей и молодых людей в белом, красном, золотом и зеленом. И наконец множество бесшумных медлительных темных карет завершало парад.

Королевская группа, в которой находился и я, собралась на новом деревянном помосте у арки Речных Ворот. Поводом для парада служило завршение сооружения этой арки. С ней заканчивалось строительство новой дороги к речному порту Эрхенранга — грандиозная операция, которая прославит правление Аргавена XV в анналах Кархида.

Мы толпились на помосте, давя друг друга в мокрой обширной яркой массе.

Дождь кончался, пробивалось солнце, великолепное, яркое, предательское солнце Зимы. Я заметил, обращаясь к стоявшему слева:

— Жарко. Очень жарко.

Стоявший слева от меня приземистый, смуглый кархидец в тяжелом плаще зеленой кожи, украшенной золотом, в тяжелой белой куртке, брюках с серебряной цепью из тяжелых звеньев в ладонь величиной, обильно потея, ответил:

— Да, жарко.

Нас, сжатых в толпе, окружали лица жителей города, похожие на коричневые бутылки, сверкающие тысячами глаз.

Король по сходням из розового туфа поднимался к платформе на вершине арки. Её разъединенные пилоны возвышались над толпой, верфями и рекой. Когда он поднялся, толпа зашевелилась, разнесся гулкий крик: «Аргавен!» Король не отвечал. Зрители не ждали ответа. Госсиворы, издав громогласный нестройный рев, смолкли. Тишина. Солнце светило на город, реку,

толпу, короля. Каменщики внизу включили электролебедку, и мимо короля почти беззвучно проплыл и лег на свое место между двумя пилонами арки ключевой камень.

Большой блок весом в тонну замкнул арку, превратив ее в единое целое. На лесах короля ждал каменщик с мастерком и ведром, а все остальные рабочие, словно пауки, спустились по веревочным лестницам.

Король и каменщик остались одни высоко на узком помосте между рекой и солнцем.

Король взял у каменщика мастерок и принялся якобы заделывать длинные стыки ключевого камня. Он даже не коснулся камня, передав тут же мастерок каменщику, который методично принялся за работу. Цемент, который он использовал, был розового цвета и отличался от остальной клади. Спустя пять или десять минут я спросил у стоявшего слева:

— Ваше ключевые камни всегда крепятся розовым цементом?

На всех арках Старого Моста, перебросившего свою дугу через реку, отчетливо выделялись розовые пятна.

Вытирая пот с темного лица, мужчина — я вынужден так называть его, употребляя местоимения «он» и «его» — ответил:

— Когда-то цемент для ключевых камней замешивали на крови, на человеческой крови. Понимаете, без крови арка обязательно упадет. Сейчас мы используем кровь животных.

Он говорил откровенно, но осторожно, иронично, как будто всегда знал, что я вижу и сужу обо всем как чужак. Мой собеседник был одним из самых влиятельных людей в стране. Мне трудно подобрать историческую параллель его должности: визирь, премьер-министр или канцлер. По-кархидски он назывался Королевское Ухо, лорд домейна и лорд королевства, деятель крупного масштаба, Терем Харт рем ир Эстравен.

Король вроде закончил свою работу каменщика, и я с облегчением вздохнул. Но пройдя под аркой по паутине планок, король начал с противоположной стороны ключевого камня, который действительно имел две стороны. В Кархиде не следует быть нетерпеливым. Его жители вовсе не флегматичны, они упрямы, неуступчивы и они обязательно кончают начатое. Толпа удовлетворенно созерцала королевскую работу, а мне было скучно и жарко. На Зиме мне еще ни разу не было жарко и не будет жарко, но тогда я этого не оценил.

Одет я был в расчете на Ледяной Век, а не на солнце. На мне была одежда со множеством слоев: плетеное растительное волокно, искусственное волокно, шерсть, мех, кожа — мощное вооружение против холода, в котором я теперь завяз, как лист капусты. Я принялся для развлечения рассматривать толпу и участников парада. Многочисленные знамена домейнов и кланов повисли в воздухе, ярко освещенные солнцем. Я стал расспрашивать Эстравена об этих знаменах. Он знал все, хотя их были сотни, и некоторые из очень отдаленных районов, домейнов, очагов и поселений, из земель Перинга и Керна.

— Я сам из земель Керна,— заметил он, когда я восхитил

ся его познаниями.— И вообще моя обязанность знать все домейны. Они и составляют Кархид. Управлять этой землей — значит управлять ее лордами. Но, впрочем, это никому не удавалось сделать. Знаете поговорку: Кархид не нация, а семейная ссора?

Я не знал, но заподозрил, что ее сочинил сам Эстравен.

В этот момент через толпу протиснулся другой член Кноремми — высшей палаты или парламента, возглавляемого Эстравеном. Он подошел к нам и заговорил. Это был двоюродный брат короля Пеммер Харт рем ир Тайб. Говорил очень тихо, но держался вызывающе и все время улыбался. Эстравен потел, как лед на солнце, но оставался холодным, как лед, отвечая на шепот Тайба громко и с вежливостью, которая выставляла собеседника дураком.

Я слушал, глядя, как король заливает цементом стык, но ничего не понял, кроме явной враждебности между Эстравеном и Тайбом. Ко мне, во всяком случае, это не имело отношения, я просто интересовался поведением людей, которые правят нацией, правят будущим двадцати миллионов других людей. На Экумене власть столь скрытна, что только очень проницательный человек может увидеть ее в действии. Здесь же она проявляется открыто. В Эстравене, например, власть чувствуется как выражение его характера. Он не может сделать простого жеста или сказать обыкновенного слова, чтобы все не прислушались. Он сам знает об этом, и это знание придает ему еще большую уверенность в себе. Я не доверяю Эстравену, мотивы поведения которого для меня не ясны, он мне не нравится, однако я чувствую исходящую от него власть как теплоту солнца.

Пока я так размышлял, солнце зашло за вновь образовавшиеся облака, и скоро на город, реку и толпу обрушился поток дождя. Когда король спускался по сходням, солнечный луч прорвался в последний раз, и белая фигура короля и высокая арка на мгновение высветились на фоне потемневшего неба. Облака сомкнулись, подул холодный ветер, река посерела, деревья закачались. Парад кончился. Полчаса спустя пошел снег.

Когда экипаж короля двинулся по улице ко дворцу, толпа исчезла, как груда гальки, перекатываемая медленными приливами. Эстравен снова повернулся ко мне и спросил:

— Не хотите ли поужинать со мной сегодня вечером, мистер Ай?

Я согласился, больше удивленный, чем обрадованный. За последние шесть или восемь месяцев Эстравен многое сделал для меня, но я совсем не ожидал такого проявления благосклонности, как приглашение в дом. Харт рем ир Тайб все еще стоял поблизости, слушая нас, и я чувствовал, что он подслушивает сознательно.

Раздраженный запахом назревающей интриги, я спустился с платформы и затерялся в толпе, пригибаясь к земле. Я немного выше гетенианской нормы, но в толпе эта разница бросалась в глаза. «Это он, смотрите, это посланник».

Конечно, это часть моей работы, но с течением времени она раздражает все сильнее. Все чаще тосковал я по анонимности, подобно другим, мне хотелось быть таким же, как и все.

Пройдя несколько кварталов по улице Бревери, я повернул к своему жилищу и неожиданно обнаружил, что рядом со мной идет Тайб.

— Великое событие,— произнес брат короля.

Он улыбнулся мне. Длинные желтые зубы обнажились и исчезли, когда он заговорил.

Хотя он был еще не стар, его лицо покрывала густая сеть морщин.

— Хорошее предзнаменование успеха нового порта,— согласился я.

— Да, конечно.

Снова демонстрация зубов.

— Церемония укладки ключевого камня весьма впечатляющая.

— Да, конечно. Она восходит к очень древним временам, но, несомненно, лорд Эстравен все это вам уже объяснил.

— Лорд Эстравен весьма любезен.

Я старался говорить просто и прямо, но все, что я говорил, Тайбу казалось имеющим двойное значение.

— О, да, конечно,— сказал он.— Лорд Эстравен известен своей добротой к иноземцам.

Он снова улыбнулся. Каждый его зуб, казалось, приобретал особое значение — тридцать два различных значения.

— Здесь мало иноземцев, таких иноземцев, как я, лорд Тайб. Я очень признателен за доброту.

— Да, конечно! Благодарность — редкое и благородное чувство, воспетое поэтами. Особенно редкое здесь, в Эрхенранге, несомненно, из-за своей непрактичности. Век, в котором мы живем, жестокий и неблагодарный. Все совсем не так, как в дни наших предков.

— Не могу судить, сэр, но подобные жалобы я слышал и во многих других мирах.

Тайб некоторое время смотрел на меня, как бы в припадке безумия. Потом снова показал свои длинные желтые зубы.

— О да, конечно! Я все время забываю, что вы прибыли с другой планеты. Вы никак не можете забыть об этом. Хотя проще и безопаснее сделать это. Да, конечно! Вот мой экипаж, я с удовольствием подвез бы вас к вашему острову, но вынужден отказаться от этой чести, меня ждут мои обязанности в королевском дворце.

Он прыгнул в небольшой черный электрический экипаж, блестя зубами и глазами в сети морщин.

Я пошел домой к своему острову. Снег в саду растаял, а зимняя дверь в десяти футах над землей была убрана осенью до возвращения глубоких снегов.

Кархеш — остров — обычное название для жилых домов, в которых живет большая часть городского населения Кархида.

Острова содержат от двадцати до двухсот отдельных комнат, еда совместная, одни питаются в отелях, другие в кооперативных коммунах. Иногда эти типы объединяются. Это, несомненно, приспособление к городам фундаментального кархидского института очагов, хотя, конечно, им недостает местной и генеалогической устойчивости очагов.

У стены здания в грязи и воде среди весенней растительности сада стояла, разговаривая, молодая пара. Правые руки их были сжаты. Они находились в первой фазе кеммера. Большие мягкие снежинки падали на них, а они стояли босиком в ледяной воде, сжимая руки и глядя друг другу в глаза.

Весна на Зиме.

Я пообедал у себя на острове и, когда колокола на башне Ремни пробили четвертый час, поспешил во дворец. Кархидцы основательно едят четыре раза в день: завтрак, ленч, обед и ужин, не считая многочисленных перекусываний между этими основными приемами пищи. На Зиме нет животных и молочных продуктов! Единственным видом высокопротеиновой пищи служат яйца, рыба, орехи и гигантское зерно. Скромная диета для такого сурового климата заставляет часто подкрепляться. Мне казалось, что я привык есть через каждые несколько минут. Только позже я узнал, что гетенианцы в совершенстве овладели умением не только есть, но и голодать.

Снег продолжал идти, мягкий, весенний снег, гораздо приятнее безжалостного дождя, только что кончившегося. Я прокладывал свой путь ко дворцу в спокойных бледных сумерках снегопада, только раз потеряв направление. Дворец Эрхенранга находился во внутреннем городе, в окруженной стенами путанице дворцов, башен, садов, дворов, крытых мостиков, маленьких крепостей и темниц — продукт столетней паранойи в огромном масштабе. Над всем этим возвышались огромные, угрюмые, сложенные из красного материала стены королевского дворца, в котором, хотя он использовался постоянно, жил только король. Все остальные: слуги, работники, лорды, министры, парламентарии, стражники и прочие спали в другом месте — крепостях, домах, казармах внутри стен. Домом Эстравена — знак высокой королевской милости — был Дом Красного Угла, построенный четыреста лет назад для Харма, возлюбленного кеммеринга Зарана, чья красота все еще прославлялась, и которого похитили, искалечили и отослали назад наемники Фракции Внутренней Земли. Заран умер лишь спустя сорок лет, все эти годы мстя своей несчастной стране, за что его и прозвали Заран Злополучный.

Трагедия столь древняя, что ужас забылся, крашеные стены и тени домов внушали сейчас только легкую меланхолию.

Сад при доме был маленький, окруженный стенами, над прудом склонялись деревья — серемы. В тусклых столбах света, падавших из окна дома, я видел, как снежные хлопья и нитевидные белые споры деревьев мягко падали в темную воду.

Эстравен ждал меня. Он стоял с обнаженной головой и без плаща на холоде, смотрел на бесконечное падение снега в ночи.

Он спокойно приветствовал меня и ввел в дом. Других гостей не было. Я удивился этому, но мы медленно прошли к столу, а за едой не говорят о делах, к тому же мое внимание было отвлечено пищей, которая оказалась превосходной. Даже вечные хлебные яблоки были приготовлены так, что я восхитился искусством повара. В мире, где одной из принадлежностей стола является специальное приспособление, которым переламывают лед, образующийся между глотками, горячие напитки ценятся высоко.

За столом Эстравен еще дружески разговаривал. Теперь же, сидя у очага, он молчал.

Хотя я провел на Зиме около двух лет, я все еще не в состоянии был взглянуть на ее жителей их собственными глазами. Я пытался, но все сводилось к тому, что я видел в гетенианце вначале мужчину, а потом женщину. То есть мыслил категориями, немыслимыми для них, но совершенно естественными для меня. Я отхлебывал дымящееся кислое пиво и думал, что за столом поведение Эстравена было женским — очарование, искусность и отсутствие показного. Неужели от этого оттенка женственности, который мне в нем нравился, я ему не доверял? Невозможно было думать, как о женщине, об этом смуглом, ироничном и властном человеке, сидевшем около меня в полутьме у очага, и все же, когда я думал о нем, как о мужчине, я тоже чувствовал оттенок фальши и обмана — в нем или в моем отношении к нему? Голос у него был мягкий и звучный, но не глубокий — не мужской голос, но в то же время и не женский... Но о чем он говорит?

— Простите,— начал он,— что я так долго откладывал удовольствие видеть вас у себя в доме, но сейчас я по крайней мере рад, что между нами больше не возникает вопроса о покровительстве.

Я слегка удивился его словам. До сегодняшнего дня он, несомненно, был моим покровителем при Дворе. Неужели он думает, что аудиенция у короля, которой он для меня добился и которая состоится завтра утром, делает нас равными?

— Не думаю, чтобы я понял вас,— признался я.

Он помолчал, очевидно, тоже удивленный.

— Ну, вы понимаете,— сказал он, наконец.— Будучи здесь... вы понимаете, что я больше не смогу говорить от вашего имени перед королем.

Он говорил так, будто стыдился — не меня, а себя. Несомненно, в его приглашении и в моем согласии придти было какое-то значение, но я его не уловил. Ошибка моя заключалась в непонимании не нравов, а манер. Я не впервые подумал, что правильно делал, не доверяя Эстравену. Он был властен, но в то же время неверен. В эти месяцы в Эрхенранге именно он слушал меня, отвечал на мои вопросы, посылал медиков и инженеров для установления чуждости моей физиологии и моего корабля, представлял меня нужным людям и постепенно поднял меня из моего первоначального положения довольно странного чудовища до нынешнего статуса таинственного посланника, которого

ожидает сам король. Теперь он неожиданно холодно заявляет, что больше не поддерживает меня.

— Я привык рассчитывать на вас.

— И поступали неверно.

— Вы хотите сказать, что после моей встречи с королем вы больше не будете выступать в поддержку моих предложений? Как вы

Я вовремя остановился, не сказав «обещали».

— Я не могу.

Я был разгневан, но в нем не чувствовалось ни гнева, ни вины.

Немного погодя он бросил:

— Да,— потом снова надолго замолчал.

Во время этой паузы я подумал, что беззащитный чужак не должен требовать объяснений у всесильного премьер-министра. Тем более, что он, видимо, никогда не поймет основ власти и деятельности правительства в этом королевстве. Вне всякого сомнения, это было вопросом шифгретора — престижа, достоинства, чести, гордости — непереводимого и вездесущего принципа социальных отношений в Кархиде и во всех цивилизациях Гетена. И именно этого я не понимал.

— Вы слышали, что сказал мне сегодня король на церемонии?

— Нет.

Эстравен склонился к очагу, поднял с горячих углей кувшин с пивом и наполнил мою кружку. Он больше ничего не сказал, поэтому я добавил:

— Король не говорил с вами в моем присутствии.

— И в моем.

— Я уверен, что снова чего-то не понял.

Проклиная все эти хитрости — женские хитрости — я спросил:

— Вы пытаетесь сообщить мне, лорд Эстравен, что вышли из милости у короля?

Я думал, что он разгневается, но он только ответил:

— Я ничего не стараюсь вам сообщить, мистер Ай.

— Клянусь господом, я хотел бы, чтобы вы постарались.

Он с любопытством взглянул на меня:

— Что ж, тогда скажем так. При дворе есть личности, которые, пользуясь вашим выражением, находятся в милости у короля и которым не нравится ваше пребывание и ваша миссия здесь.

«Поэтому ты и торопишься присоединиться к ним, продать меня, чтобы спасти свою шкуру»,— подумал я. Впрочем, что толку сожалеть? Эстравен — придворный политик, а я — глупец, поверивший ему. Даже в двуполом обществе политики — это не совсем нормальные люди.

Приглашение на обед свидетельствовало, что он думает, будто я так же легко восприму его предательство, как он со-

вершил его. Ясно, что внешние приличия здесь важнее честности. Поэтому я сказал:

— Мне жаль, что ваша доброта ко мне причинила вам неприятности.

Глядя на горящие угли, я радовался чувству морального превосходства, но, впрочем, ненадолго: его действия были слишком непредсказуемы.

Он откинулся назад, так что красные отсветы легли на его колени, на красивые и сильные маленькие руки, на серебряную кружку, но лицо его оставалось в тени — смуглое лицо, всегда затененное густыми бровями и ресницами. Лицо его почти всегда казалось лишенным выражения. Можно ли разгадать выражение морды кошки, тюленя, выдры? Многие гетенианцы похожи на этих животных с глубокими яркими глазками, не меняющими выражения.

— Я сам причинил себе неприятности,— произнес он,— действием, которое не имеет никакого отношения к вам, мистер Ай. Вы знаете, что между Кархидом и Оргорейном идет спор из-за полоски земли вдоль нашей границы в высоких Северных Холмах вблизи Сассинота. Дед Аргавена объявил долину Синота принадлежащей Кархиду, но Сотрапезники не признавали этого. Я помог некоторым кархидским фермерам переселиться подальше к востоку от границы, решив, что можно просто оставить эту полоску орготам, которые владели ею несколько тысячелетий. Я работал в администрации Северных Холмов несколько лет назад и знал многих из этих фермеров. Мне не хотелось, чтобы их убили в пограничных стычках или отправили на добровольные фермы Оргорейна. Почему бы не убрать сам предмет спора? Но это, оказывается, не патриотическая мысль. В сущности — это трусость и оскорбление самого короля.

Его ирония и эти тонкости пограничного конфликта с Оргорейном были безразличны мне. Я вернулся к тому, что меня больше интересовало. Веря ему или нет, я все же мог извлечь из него кое-какую пользу.

— Простите,— оборвал его я,— жаль, что история с несколькими фермерами может помешать моей важнейшей миссии. Речь идет о гораздо большем, чем несколько миль спорной территории.

— Да, о гораздо большем. Но, может быть, Экумен, у которого от границы до границы сотни световых лет, отнесется к нам с пониманием и сочувствием.

— Стабили Экумена очень терпеливые люди, сэр! Они будут ждать и сто, и пятьсот лет, пока Кархид и остальной Гетен не решат, присоединиться ли им ко всему человечеству. Я сейчас говорю о личной надежде. И личном разочаровании. Я думаю, что с вашей поддержкой...

— Я тоже. Что ж, ледник не тает за одну ночь.

Поговорки легко соскальзывали с его губ, но мысленно он был где-то в другом месте. Он думал. Я представил себе, как он передвигает меня вместе с другими пешками по шахматной доске.

— Вы появились в моей стране,— сказал он, наконец,— в необычное время. Жизнь меняется, мы куда-то поворачиваем. Впрочем, не очень в сторону от обычного пути. Я думаю, что ваше присутствие и ваша миссия помогут нам выбрать нужный путь и в нужном месте. Все это очень ненадежно, мистер Ай.

Раздраженный этими общими словами, я произнес:

— Вы считаете, что сейчас неподходящий момент? Вы советуете мне отказаться от аудиенции?

Я сознательно допустил оплошность, но Эстравен даже не улыбнулся, не мигнул.

— Боюсь, что только король может сделать это,— спокойно ответил он.

— О боже, я не это имел в виду.

Я обхватил голову руками. Выросший на Земле, с ее открытым обществом и свободой обращения, я никогда не овладею бесстрастием, столь ценным в Кархиде. Я знал, что такое король — история Земли полна ими,— но у меня не было должного преклонения перед ними, не было такта. Я поднял кружку и сделал большой глоток.

— Придется говорить королю меньше, чем я собирался, рассчитывая на вашу поддержку.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Что ж, мистер Ай, вы не безумец. И я тоже. Но, видите ли, ни вы, ни я — не король. Я полагаю, что вы собираетесь разумно объяснить Аргавену, что ваша миссия здесь в том, чтобы попытаться заключить союз между Гетеном и Землей. И он знает об этом. Я уже говорил ему. Я обсуждал с ним ваше предложение, старался заинтересовать его. Это было неверно сделано, неверно рассчитано. Я забыл, будучи сильно заинтересованным, что он король и видит все не рационально, а по-королевски. Все, что я говорил ему, для него значило просто, что его власти угрожают, что его королевство — это лишь точка в пространстве и лишь игрушка для людей, правящих сотней миров.

— Но Экумен не правит, он координирует. Его сила — это сила членов Союза, государств и миров. В союзе с Экуменом Кархид станет менее уязвимым и более могучим, чем до сих пор.

Эстравен некоторое время не отвечал.

Он сидел, глядя на огонь, который отражался в кружке и на широкой яркой серебряной цепи у него на груди. В старом доме было тихо. Стол накрывал слуга. Но в Кархиде нет рабства или личной несвободы, поэтому, выполнив свои обязанности, все слуги разошлись по домам. Такой человек, как Эстравен, должен был иметь телохранителей, потому что убийства встречаются в Кархиде, но я не видел и не слышал ничего. Мы были одни.

Я был один с чужаком в стенах темного дома, в чужом, заметенном снегом городе, в сердце Ледяного Века, в чужом мире.

Все, что я говорил сегодня вечером и вообще со времени высадки на Зиме, вдруг показалось мне глупым и невероятным.

Как я мог ожидать, что этот человек или кто-нибудь другой

поверит моим рассказам о других мирах, других расах, благосклонном правительстве где-то далеко в небе? Все это ерунда. Я физически кое-чем отличался от гетенианцев. Это требовало объяснения. Но мои собственные объяснения были нелепы. В этот момент я и сам в них не верил.

— Я верю вам,— задумчиво произнес чужак-незнакомец, находившийся со мной.

Во мне было так сильно чувство отчуждения, что я с удивлением взглянул на него.

— Но он вам не доверяет. Отчасти потому, что не доверяет мне, больше не доверяет. Я допускал ошибки, был беззаботен и неосторожен. Я поставил вас в опасное положение и больше не могу просить вас о доверии. Я забыл, кто такой король. Забыл о том, что король в собственных глазах и есть Кархид, забыл, что существует патриотизм, и что в необходимых случаях король самый горячий патриот. Позвольте мне спросить, мистер Ай, знаете ли вы по своему опыту, что такое патриотизм?

— Нет,— признался я. Я был потрясен внезапной страстностью, приоткрывшейся в нем.

— Но если под патриотизмом вы понимаете любовь к миру, где я родился, тогда знаю.

— Нет, говоря о патриотизме, я не имею в виду любовь. Я имею в виду страх. Страх перед другими. И проявляется он не в поэзии, а в политике. Этот страх в нас все время растет. Он растет год за годом. И мы слишком зашли по дороге страха. А вы, пришедший к нам из мира, который уже много столетий назад перерос нации, едва ли понимаете, о чем я говорю, вы, который понимаете и показываете нам новую дорогу... холодно и вежливо. Именно из-за страха я не могу больше обсуждать ваше предложение с кораблем. Но не из-за страха за себя, мистер Ай. Я действую не из-за патриотизма в конце концов. На Гетене есть и другие нации.

Я понятия не имел, к чему он клонит.

Из всех этих загадочных, неуловимых темных душ, которые я встретил в этом мрачном городе, он был самой темной. Я не хотел участвовать в игре в лабиринт.

Я ничего не ответил.

Немного погодя он осторожно продолжал:

— Если я вас правильно понял, ваш Экумен заботится об интересах всего человечества. Например, у орготов есть опыт в подчинении местных интересов общим, а у Кархида такого опыта нет. И Сотрапезники Оргорейна — в большинстве здравомыслящие люди, высокоинтеллектуальные, в то время как король Кархида не только безумен, но и глуп.

Ясно, что у Эстравена верность совершенно отсутствует. С некоторым отвращением я заметил:

— В таком случае ему трудно служить.

— Я не уверен, что когда-либо служил королю — сказал королевский премьер-министр.— Или собирался служить. Я не слуга. Человек должен отбрасывать собственную тень...

Колокола на башне Ремни пробили шестой час, полночь, и я воспользовался этим как поводом для ухода. Когда я одевался, он сказал:

— Сейчас у меня больше не будет возможности, так как вы, вероятно, покинете Эрхенранг. Но я надеюсь, наступит день, когда я смогу подробнее расспросить вас. Мне так много хочется узнать. О вашей мозговой речи, в особенности. Вы так и не успели объяснить мне, что это такое.

Его любопытство, казалось, было совершенно искренним. Но он обладал бесстыдством человека, облеченного властью. Его прошлые обещания помогать мне тоже казались искренними. Я заверил: да, конечно, когда он только захочет. На этом вечер кончился. Он провел меня через сад, где тонким слоем лежал снег в свете большой тусклой луны. Я вздрогнул. Температура была гораздо ниже нуля. Он спросил меня с вежливым удивлением:

— Вам холодно?

Для него, конечно, это была теплая ночь, весенняя ночь. Я устал, был удручен и потому ответил:

— Мне холодно с того самого момента, когда я появился в вашем мире.

— Как вы называете наш мир на своем языке?

— Гетен.

— Вы не дали ему собственного названия?

— Первые исследователи дали. Они назвали его Зима.

Мы остановились у калитки. Снаружи виднелись башни и крыши дворцов, кое-где блестели освещенные окна. Стоя под узкой аркой, я взглянул вверх, размышляя, укреплен ли и здесь ключевой камень на кровле.

Эстравен попрощался и повернул назад, он никогда не был щедр на прощания и приветствия. Я пошел тихим двором и переулками дворца. Башмаки мои оставляли след на тонком слое снега. Я замерз, чувствовал неуверенность, был расстроен вероломством.

Мне было одиноко и страшно.

Двести лет назад в очаге Шат в области Перинг были два брата, которые дали обет кеммеринга друг другу. В те дни, как и сейчас, кровным братьям разрешалось вступать в кеммер, пока один из них не зачинал ребенка. После этого они должны были расстаться. Потому давать обет кеммеринга на всю жизнь им не разрешалось. Но они сделали это. Когда был зачат ребенок, лорд Шата приказал им разорвать обет и больше никогда не вступать в кеммер. Услышав это, один из них, тот, который носил ребенка, впал в отчаяние, и, не слушая советов и утешений, он принял яд, покончил жизнь самоубийством. Люди очага поднялись против другого брата и изгнали его из очага и домейна, возложив на него позор самоубийства. И поскольку собственный лорд изгнал его, и рассказ о нем распространился повсюду, никто не хотел принимать его, после трех гостевых дней его отовсюду изгоняли, как стоявшего вне закона.

И так он бродил от одного места к другому, пока не узнал, что нет для него доброты в этом мире и что его преступление не будет прощено. Молодой и неопытный, он вначале не верил в это. Убедившись, что так оно и есть, он вернулся в землю Шат и как изгнанник встал у входа во внешний очаг. И сказал главному сожителю по очагу:

— У меня нет лица среди людей. И меня не видят. Я говорю, но меня не слышат. Я вхожу, но меня не приглашают. Нет у меня места у огня, нет для меня еды на столе, нет постели, где бы я мог поспать спокойно. Но у меня есть еще имя. Гетерен зовут меня. И это имя я, как проклятый, возлагаю на очаг, храните его для меня. А я, безымянный, буду искать свою смерть.

Тут многие жители очага вскочили с криками и суматохой, намереваясь убить его, потому что убийство бросает меньшую тень на дом, чем самоубийство. Он бежал от них и ушел на север, к землям, пограничным со льдом. Преследователи уныло вернулись в Шат. Но Гетерен продолжал идти и пришел на ледник Перинг. Ледник Перинг — ледяной щит, покрывающий северную часть Кархида. Зимой, когда замерзает залив Гутен, он соединяется с Ледником в Оргорейне.

Еще два дня он продвигался на север по льду. У него не было с собой ни пищи, ни укрытия. На льду ничего не растет и нет никаких животных. Был месяц Сасми, и первый большой снег шел днем и ночью. Гетерен один шел сквозь бурю. На второй день он почувствовал, что слабеет. На вторую ночь ему пришлось лечь и немного поспать. Проснувшись на третье утро, он заметил, что руки у него обморожены, что ноги тоже обморожены, хотя он и не мог снять ботинок, чтобы осмотреть их: руки не повиновались ему. Он пополз вперед на четвереньках. У него не было для этого никаких причин: какая разница, в каком месте умирать, но он чувствовал, что должен двигаться на север.

Много времени спустя прекратились снег и ветер. Светило солнце. Гетерен не мог видеть, что у него впереди, потому что капюшон сполз ему на глаза. Не чувствуя больше холода в руках и ногах, он решил, что они онемели от мороза, но он мог продолжать ползти. Снег, покрывающий лед, показался ему странным: как будто изо льда росла белая трава. Она сгибалась под его тяжестью и снова распрямлялась за ним. Он перестал ползти, сел и откинул капюшон, чтобы осмотреться. Повсюду, насколько хватало глаз, лежали диковинные белые и сверкающие поля снежной травы. Видны были рощи белых деревьев с белыми листьями на них. Светило солнце, было безветренно и бело.

Гетерен снял варежки и посмотрел на руки. Они были белы как снег, но не были обморожены, и он мог двигать пальцами и стоять на ногах. Он не чувствовал ни боли, ни холода, ни голода.

Гетерен увидел впереди белую башню, похожую на башню домейна. Оттуда кто-то шел по направлению к нему. Спустя какое-то время стало видно, что этот человек, совершенно нагой, с белой кожей и белыми волосами. Он подошел к Гетерену, и Гетерен спросил его:

— Кто ты?

Белый человек ответил:

— Я твой брат и кеммеринг Ход.

Ходом звали его брата, убившего себя.

Гетерен увидел, что этот человек действительно его брат лицом и телом. Но в теле не было жизни, а голос звучал как треск льда.

Гетерен спросил:

— Что это за место?

Ход ответил:

— Это место внутри бури. Здесь живут те, кто убил себя Здесь мы с тобой продолжим наш обет.

Гетерен испугался и заявил:

— Я не останусь здесь. Если бы ты ушел со мной из нашего очага в южные земли, мы могли бы остаться вместе и хранить наш обет всю жизнь, и никто не знал бы о нашем проступке. Но ты нарушил наш с тобой обет, отбросив его вместе со своей жизнью. Ты не можешь теперь называть меня по имени.

И правда, Ход пошевелил губами, но не смог произнести имени брата.

Он быстро подошел к Гетерену и схватил его левой рукой. Гетерен высвободился и побежал. Он бежал на юг и увидел перед собой стену падающего снега, а когда он вошел в нее, снова не смог держаться на ногах и пополз.

На девятый день его нашли в своем домейне люди очага Орхоч, который расположен на юге Шата.

Они не знали, кто он и куда идет.

Когда его нашли, он, обмороженный и умирающий от голода, полз по снегу. От солнечного света он ослеп, лицо его почернело. Вначале он не мог говорить. Но особого вреда мороз ему не причинил, только левая рука у него онемела и ее пришлось ампутировать. Некоторые говорили, что это Гетерен из Шата, о котором они слышали, другие заявляли, что этого не может быть, потому что Гетерен в самом начале осени ушел на лед и теперь давно мертв. Сам он отрицал, что его зовут Гетерен. Оправившись, он покинул Орхоч и границу бури и ушел в южные земли, называя себя Энноч.

Состарившись, Энноч встретил в долине Гор человека со своей родины и спросил его:

— Как поживает домейн Шат?

Тот ответил, что Шат живет плохо. Ничего не растет на полях, люди болеют, весенние посадки вымерзают, и так продолжается уже много лет. Тогда Энноч сказал ему:

— Я Гетерен из Шата.

Он рассказал, как ушел на лед и с кем там встретился. В конце своего рассказа он сказал:

— Скажи всем в Шате, что я беру назад свое имя и свою тень.

Вскоре Гетерен заболел и умер. Путешественник принес его слова в Шат и с того времени домейн снова стал процветать,

и все в домах, полях и в очагах стало хорошо.

3 Я проснулся поздно и остаток утра провел, перечитывая заметки об этике дворца, наблюдения над гетенианской психологией и манерами, сделанные моим предшественником-исследователем. Я плохо понимал, что читаю. Впрочем, это не имело значения: все это я уже знал и читал, чтобы заглушить внутренний голос, говоривший мне, что все идет плохо.

Не сумев заглушить его, я начал с ним спорить, утверждая, что без Эстравена было бы еще хуже, чем с ним. В конце концов, моя работа — это работа одного человека.

Первый корабль всегда один. Первые известия об Экумене в любой мир приносит лишь один человек.

Он может быть убит, как Пелледж на Таурусе-4, или заключен в сумасшедший дом, как первые три мобиля на Гао, один за другим. Но подобная практика продолжалась, потому что она оказалась действенной.

Один голос, говорящий правду, обладал большей силой, чем флоты и армии, но для этого нужно время, много времени, а времени у Экумена предостаточно. Не спорь, произнес внутренний голос, но я продолжал спорить в молчании и прибыл во дворец на аудиенцию к королю во втором часу, полный спокойствия и решимости. И все улетучилось еще до того, как я увидел короля.

Стражники и чиновники дворца провели меня в приемную по длинным залам и коридорам королевского дома. Меня попросили подождать и оставили одного в высокой комнате без окон. Там я и стоял, одетый соответственно предстоящему свиданию с королем. Я продал свой четвертый рубин. Исследователи сообщили, что гетенианцы высоко ценят эти драгоценные камни, поэтому я захватил их с собой целую сумку, чтобы расплачиваться за все необходимое. Треть полученных денег я потратил на одежду для вечернего парада и сегодняшней аудиенции — все новое: серые брюки, длинная нижняя рубашка, новая шапка, новые перчатки, заткнутые под соответствующим углом за пояс, и новые сапоги. Уверенность в том, что я хорошо одет, увеличила мои спокойствие и решительность. Я спокойно и мужественно смотрел по сторонам.

Подобно всему королевскому дому, комната эта была высока, красна и стара, в ней было холодно, как будто сквозняки дули не из других залов, а из прошедших столетий.

В очаге горел огонь, но тепла он не давал.

Огонь в Кархиде согревает скорее душу, чем тело. Индустриальный век в Кархиде длится уже три тысячи лет, и за эти тридцать столетий кархидцы создали много великолепных экономичных устройств центрального отопления, использующих пар, электричество и другие принципы, но в домах они не устанавливаются.

Возможно, кархидцы не хотят утратить свою естественную приспособленность, подобно арктическим птицам, которые, пожив

в тепле, отмораживают затем лапы. Я, однако, тропическая птица, и мне было холодно на улице и холодно в доме. Чтобы согреться, я принялся ходить взад и вперед. Кроме меня и огня в очаге, в приемной почти ничего не было: табуретка и стол, на котором стоял один резной кувшин и древний радиоприемник в резном деревянном корпусе. Он говорил шепотом и я увеличил громкость, слушая дворцовый бюллетень, сменивший однообразную песню-лай, которая передавалась перед этим.

Кархидцы, как правило, предпочитают слушать новости, а не читать о них. Книги и телевизоры распространены гораздо меньше радио, а газета вообще отсутствует. Я пропустил утренний бюллетень и тут мое внимание привлекло несколько раз повторенное имя. Я теперь перестал расхаживать. Что там было с Эстравеном? Сообщение повторили: «Терем Харт рем ир Эстравен, лорд Эстра в Карме, этим указом лишается своего титула и места в ассамблее королевства и приговаривается к изгнанию из королевства и всех домейнов Кархида. Если через три дня он окажется в королевстве или любом из домейнов, или впоследствии вернется в Кархид, любой подданный обязан предать его смерти без всякого судебного разбирательства. Ни один подданный Кархида не должен разговаривать с Хартом рем ир Эстравеном, впускать его в свой дом или свою землю под угрозой тюремного заключения. Ни один подданный Кархида не должен давать Харту рем ир Эстравену взаймы деньги или вещь и не должен возвращать взятые в долг вещи или деньги под угрозой тюремного заключения и штрафа. Да знают все подданные Кархида, что преступление, за которое Харт рем ир Эстравен осужден за изгнание, есть предательство: он открыто под предлогом верной службы королю вел дело к тому, чтобы уничтожить независимость Кархида и подчинить его чужой власти. Он хотел, чтобы Кархид стал подчиненным и зависимым членом некоего Союза народов, утверждал, что подобный Союз существует, хотел ослабить власть короля в Кархиде с выгодой для настоящих и будущих врагов королевства. Одгир из Тува, восьмой час, дворец в Эрхенранге. Аргавен Харт».

Первый мой импульс был прост. Я выключил радио, как будто оно обвиняло меня, и заторопился к двери. Тут я, конечно, остановился и вернулся к столу у очага. Спокойствия и решительности как не бывало, мне хотелось открыть сумку, достать ансибл и послать срочное сообщение. Но я подавил и этот импульс — он был еще глупее первого. К счастью, у меня не оказалось времени для следующих импульсов. Двойная дверь в дальнем конце приемной открылась, появился чиновник:

— Дженри Ай!

Меня зовут Дженли, но кархидцы не произносят звука «л». Он впустил меня в красный зал, где находился Аргавен XV.

Красный зал королевского дома — огромная, высокая и длинная комната. До очага полмили. До снабженного стропилами и увешанного пыльными знаменами потолка тоже полмили. Узкие разрезы окон в толстых стенах. Света мало, тусклая полутьма.

Мои новые сапоги стучали. Я шел к королю по длинному залу.

В зале было три очага. Перед центральным, самым большим из них, на низком помосте или платформе стоял Аргавен — низкорослый, очень прямой и смуглый. На нем не было видно никаких царских знаков, кроме золотого кольца на пальце.

Я остановился у края помоста и, как мне было сказано, молчал.

— Поднимитесь, мистер Ай! Садитесь.

Я повиновался, сев в правое от очага кресло. Всему этому меня обучили. Аргавен не садился. Он стоял в десяти футах от меня у ревущего яркого пламени. Наконец он сказал:

— Говорите, мистер Ай, то, что собирались сказать. Уверяют, вы принесли какое-то сообщение.

Лицо его покраснело от жара. Оно было плоское и грубое, как луна, тусклая коричневато-красная луна Зимы. Аргавен вблизи был менее похож на короля и мужчину, чем на расстоянии и среди придворных. Голос у него был тонкий, а безумная голова высоко и высокомерно поднята.

— Ваше величество, все, что я знал, вылетело у меня из головы. Я только что узнал об опале Эстравена.

Аргавен резко рассмеялся, как разгневанная женщина, делающая вид, что ей забавно.

— Будь проклят этот гордый, позирующий, лжесвидетельствующий предатель! Вы с ним ужинали вчера вечером? И он вам говорил, какой он могущественный, как он правит королем, как легко пойдут ваши дела теперь, когда он со мной поговорил о вас? Да? Он говорил вам так, мистер Ай?

Я колебался.

— Я скажу вам, что он говорил мне о вас, если вам интересно это услышать. Он советовал мне отказать вам в аудиенции, заставить вас ждать, может быть, выслать вас в Оргорейн или на острова. Все полмесяца он твердил мне это, будь проклята его дерзость! Это он выслан теперь в Оргорейн. Ха-ха-ха!

Снова резкий фальшивый хохот. Смеясь, он хлопнул в ладоши. Немедленно среди занавесей в конце помоста появились стражники. Аргавен фыркнул на них, те исчезли. Все еще смеясь и фыркая, Аргавен подошел ближе и уставился на меня. Темные зрачки его глаз слегка отливали оранжевым. Я гораздо больше испугался его, чем ожидал, и не видел иного выхода из этих несуразностей, кроме искренности.

— Могу спросить вас, сэр, считаюсь ли я причастным к преступлению Эстравена?

— Вы? Нет.

Он еще пристальней посмотрел на меня.

— Не знаю, мистер Ай, что вы за дьявол: сексуальный урод, искусственно созданное чудовище или посетитель из домейна Небо,— но вы не предатель, вы были лишь орудием предателя. Я не наказываю орудия. Они причиняют вред только в руках плохого рабочего. Позвольте мне дать вам совет...

Аргавен изрек это очень подчеркнуто и с явным удовлетворением, мне тотчас пришло в голову, что за два года никто не

не давал мне советов. На вопросы отвечали, но никогда не пытались советовать. Даже Эстравен, явно старавшийся помочь мне. Это, видимо, имело какое-то отношение к шифгретору.

— Пусть никто не использует вас, мистер Ай,— говорил король.— И держитесь подальше от фракций. Говорите собственные слова, совершайте собственные поступки и никому не верьте. Поняли? Никому. Будь проклят этот лживый, хладнокровный предатель. Я ему верил, я надел серебряную цепь на его проклятую шею. Повесить бы его на той же цепи. Никогда я не доверял ему. Никогда. Никому не доверяйте. Пусть он сдохнет в помойных ямах Мцинори, выпрашивая подаяние, пусть сжигают его кишки.

Король Аргавен затрясся, задыхаясь, схватился за грудь и повернулся ко мне спиной. Он пинал большое полено в очаге, пока из него не полетели искры.

Не оборачиваясь, он потребовал резким и болезненным тоном:

— Говорите, мистер Ай.

— Могу ли я задать вопрос, сэр?

— Да.

Он глядел на огонь, раскачиваясь с ноги на ногу. Я обращался к его спине.

— Верите ли вы в то, что я говорю о себе?

— По приказу Эстравена врачи посылали мне бесконечные сообщения о вас. Еще больше докладов инженеров о вашем корабле. Все они могут быть лжецами, но все они утверждают, что вы не человек. Так кто же вы?

— Существуют и другие, подобные мне. А я представитель....

— Этого союза, этой власти, да, очень хорошо. Зачем они послали сюда вас, чего они хотят от меня?

Хотя Аргавен мог быть и безумным, и не очень проницательным, но у него была долгая практика в уклонениях, вызовах, риторических тонкостях, используемых в разговорах с теми, чья главная цель в жизни заключается в достижении и укреплении отношений шифгретора на высшем уровне. Многие аспекты этих отношений были не ясны мне, но я знал о том, какие словесные дуэли могут возникать на этой основе. Я не собирался спорить с Аргавеном, я хотел общаться с ним.

— Я не делаю из этого тайны, сэр. Экумен хочет союза с нациями Гетена.

— Зачем?

— Материальная выгода. Увеличение знаний. Расширение поля разумной жизни. Обогащение гармонии и большая слава. Приключения. Радость.

Я не говорил языком, которым пользуются те, кто правит людьми: короли, завоеватели, диктаторы, полководцы. На их языке нет ответа на вопрос короля. Аргавен неподвижно и угрюмо продолжал смотреть в огонь.

— Как велико королевство в Небе, этот Экумен?

— В сфере Экумена находятся восемьдесят три обитаемых планеты, а они содержат около трех тысяч наций и антропологических групп.

— Три тысячи? Понятно. А теперь скажите мне, что мы, одни, можем иметь общего с тысячами чудищ, живущих в небе?

Он снова повернулся ко мне. Он продолжал дуэль, задавал риторические вопросы, он почти шутил. Но шутка была неглубокой. Он был — Эстравен предупреждал меня об этом — обеспокоен, встревожен.

— Три тысячи наций на восьмидесяти трех мирах, сэр. Но ближайший находится в семнадцати годах пути от Гетена на кораблях, которые летят со скоростью света. Если вы считаете, что Гетен может быть вовлечен в пограничные конфликты с соседями, подумайте о разделяющем вас расстоянии. Через такое расстояние всякий набег теряет разумность,— я не говорил о войне и не без причины — на кархидском языке нет такого слова.— Торговля же, разумеется, выгодна. Торговля идеями, усовершенствованиями, передаваемыми по ансиблу. И торговля товарами и изделиями, которые доставляют корабли с экипажами и без него. Сюда могут прибывать послы, ученые, купцы и, в свою очередь, ваши люди смогут отправиться в космос. Экумен не королевство, а координирующий центр, обменный пункт для торговли и знаний. Без него сообщения между населенными пунктами стали бы случайными, а торговля — очень рискованной. Жизнь человека слишком коротка для прыжков между мирами, если не существует опорной сети и определенности, если нет контроля, если не ведется постоянная работа, поэтому все миры становятся членами Экумена. Мы все люди, вы знаете, сэр. Все мы. Все миры были заселены много лет назад из родного мира — Хейна. Мы различаемся, но мы все дети одного очага.

Ничто из сказанного не вызывало любопытства короля. Я продолжал некоторое время, подчеркивая, что его инфрегот Кархида лишь усилится, если они вступят в Экумен, но ничего не добился. Аргавен стоял мрачный, угрюмый, как старая выдра в клетке, покачиваясь взад и вперед с ноги на ногу, скаля зубы в улыбке боли.

Я замолчал.

— Они все черные, как вы?

Гетенианцы в основном желто-коричневые или красно-коричневые, но я видел многих не менее смуглых, чем я.

— Некоторые чернее,— сказал я,— мы приобрели разные цвета.

Я открыл сумку (вежливо осмотренную охранниками дворца четырежды при моем продвижении к Красному залу), в которой находился мой ансибл и несколько картинок. Фильмы, фотографии, движущиеся изображения — это была маленькая галерея людей — жителей Хейна, Чиффердвера, Сети, Земли, Альтерры, Кэмтэйна, Олдула, Тауруса-4, Роканнона, Знебе, Сайма и других.

Король посмотрел их без интереса.

— Что это?

— Человек с Сайма, женщина.

Я вынужден был использовать слова, которыми гетенианцы обозначают только человека в кульминационном периоде кеммера, причем такого, который выполняет функции женщины.

— Постоянно?

Он опустил куб и стоял, покачиваясь с ноги на ногу, глядя на меня или немного ниже меня. Отблески огня падали на его лицо.

— Они все подобны этому, подобны вам?

Этот барьер я не мог понизить для него. К этому им в конце концов придется привыкнуть.

— Да. Гетенианская половая психология, насколько мы можем судить, совершенно уникальна среди человеческих существ.

— Значит, все они на этих планетах постоянно находятся в кеммере? Общество извращенцев? Так утверждает и лорд Тайб. Я думал, он шутит. Может, так оно и есть. Но это отвратительно, мистер Ай, и я не вижу, для чего нам общаться с существами, так чудовищно отличающимися от нас.

— Выбор Кархида принадлежит вам, сэр.

— А если я вышлю вас?

— Что ж, я уйду. Может быть, попытаюсь снова в следующем поколении.

Это подействовало. Он выпалил:

— Вы бессмертный?

— Вовсе нет, сэр. Но прыжки в пространстве сказываются на времени. Если я сейчас вылечу с Гетена к ближайшему миру, Силлулу, то проведу в пути семнадцать лет планетного времени. Это одно из следствий полета со скоростью света. Если я просто поверну и вернусь назад с Силлулу, мои несколько часов, проведенные на борту корабля, здесь будут равны тридцати четырем годам и я смогу начать все сначала.

Мысль о прыжках во времени, которая давала видимость бессмертия, очаровывала всех: от рыбаков острова Хордена до премьер-министра. Но короля она оставила равнодушным.

Он спросил своим резким, хриплым голосом:

— Что это?

Он указал на ансибл.

— Мгновенный коммуникатор, сэр.

— Радио?

— Он не использует ни радиоволны, ни другие виды энергии. Принцип его работы, дающий мгновенную связь, основан на использовании гравитации.

Я снова забыл, что говорю не с Эстравеном, который читал все отчеты обо мне и внимательно выслушивал мои объяснения, а со скучающим королем.

— Ансибл дает мгновенную связь между двумя любыми пунктами. Один пункт должен быть закреплен и находиться на планете определенной массы, другой пункт подвижен. Это и есть мой ансибл. Я установил координаты Первичного мира Хейна. Кораблю типа «Нафал» потребуется шестьдесят семь лет, чтобы добраться до Хейна с Гетена, но если я наберу здесь на клавишах

сообщение, оно будет получено на Хейне в тот момент, когда я его пишу. Не хотите ли связаться со стабилями?

— Я не говорю по-небесному,— запротестовал король со своей тусклой улыбкой.

— Там находится специальный человек — я их предупредил,— который может переводить с кархидского.

— Как это?

— Ну, вы знаете, сэр, что я не первый чужак на Гетене. Мне предшествовал отряд исследователей, которые не сообщили о своем присутствии: они выдавали себя за гетенианцев и изъездили в течение года весь Кархид, Оргорейн и Архипелаг. Они сделали доклад Совету Экумена около сорока лет назад, в правление вашего деда. Доклад их был чрезвычайно благоприятен. Я изучил собранную ими информацию, записанные ими языки и прибыл сюда. Не хотите ли посмотреть ансибл в действии?

— Я не люблю фокусы, мистер Ай.

— Это не фокус, сэр. Ваши собственные ученые осматривали...

— Я не ученый.

— Вы повелитель, сэр. Равные вам на Первичном мире Экумена ждут вашего слова.

Он свирепо посмотрел на меня. Стараясь заинтересовать его, я завлек его в престижную ловушку.

— Ладно. Спросите вашу машину, что делает человека предателем.

Я медленно набрал на клавишах, где были обозначены кархидские буквы: «Король Аргавен спрашивает стабилей Хейна, что делает человека предателем?» Надпись появилась на маленьком экране и поблекла.

Аргавен ждал, прекратив свое покачивание.

Наступила пауза, долгая пауза. Где-то там, в семидесяти двух световых годах, несомненно, лихорадочно посылали запросы в кархидский компьютер, а может и в компьютер, содержавший сведения по философии. Наконец на экране загорелись яркие буквы, повисли и медленно поблекли: «Приветствуем короля Кархида Аргавена на Гетене. Я не знаю, что делает человека предателем. Ни один человек не считает себя предателем, поэтому на ваш вопрос ответить трудно. С уважением, Дж. Ф. Спаймолл, от имени стабилей, Сари, Хейн 91/1491/45.»

Оторвав ленту с записью, я протянул ее Аргавену. Он бросил ее на стол, снова подошел к центральному очагу и принялся пинать полено, ловя искры руками.

— Такой полезный ответ я мог бы получить от любого предсказателя. Этот ответ меня не удовлетворяет, мистер Ай. Так же, как ваш ящик, эта ваша машина и ваш корабль. Мешок с фокусами и фокусник. Вы хотите, чтобы я поверил в ваши сказки. Но почему я должен вам верить? Что с того, что среди звезд существует восемьдесят тысяч миров, населенных чудовищами? Нам ничего от них не нужно. Мы выбрали свой путь в жизни и давно идем по нему. Кархид на пороге новой эпохи нового великого века. Мы пойдем своим путем.

Он остановился, как будто потерял нить рассуждений, может быть, не своих: если Эстравен больше не был Королевским Ухом, его место занял кто-то другой.

— И если бы этот ваш Экумен чего-нибудь хотел от нас, он не послал бы вас одного. Это обман, подлог. Чужаки хлынули бы сюда тысячами.

— Но для того, чтобы открыть дверь, не нужно тысячи человек, милорд.

— Ее нужно держать открытой.

— Экумен может подождать, пока вы откроете ее, сэр. Мы никого не принуждаем. Я послан один, чтобы вы не боялись нас.

— Бояться вас! — воскликнул король. Он повернул свое искаженное тенями лицо, улыбнулся и заговорил громко и резко:

— Но я боюсь вас, посланник. Я боюсь тех, кто послал вас. Я боюсь лжецов, фокусников, а больше всего боюсь правды. И поэтому я хорошо правлю страной. Только страх правит людьми. Ничто иное не действует. И ничто иное не продержится достаточно долго. Вы тот, за кого себя выдаете, и в то же время вы — обман. Между звездами нет ничего, кроме ужаса и тьмы, и вы явились оттуда, стараясь испугать меня. Но я уже испуган, и я король. Страх — вот король! Забирайте ваши рисунки и фокусы и уходите. Я приказал, чтобы вам предоставили свободу в пределах Кархида. Больше нам не о чем говорить.

Я пошел по длинному залу, сапоги мои стучали, и двойные двери отделяли меня от короля.

Я потерпел неудачу. Но когда я покинул королевский дом и возвращался домой, меня больше всего беспокоила собственная неудача, а также участие в ней Эстравена. Почему король изгнал его за защиту Экумена (так, во всяком случае, утверждал приказ)? Если в соответствии со словами самого короля, он действовал как раз в противоположном направлении? Когда он начал советовать королю избавиться от меня и почему? Не потому ли он изгнан, а мне предоставлена свобода? Кто из них лгал больше, и какого дьявола они вообще лгали?

Эстравен — чтобы спасти свою шкуру, решил я, а король — чтобы спасти свое лицо. Объяснение как будто подходило. Но на самом ли деле Эстравен лгал мне? Я понял, что не знаю этого.

Я проходил мимо дома в Красном Углу.

Ворота в сад были открыты. Я увидел деревья, склонившиеся над темным прудом, тропинку розового кирпича в безмятежном сером свете солнца, и по-прежнему снег на берегах пруда.

Я вспомнил, как ждал меня здесь под снегом Эстравен прошлым вечером, и почувствовал прилив острой жалости к человеку, который только вчера находился на вершине своего могущества, а сегодня пал, изгнан, исчез, бежит к границе, а смерть идет по пятам и никто не разговаривает с ним. Смертные приговоры редки в Кархиде: жизнь на Зиме тяжела, и люди предоставляют право убивать природе, а не закону. Я гадал, куда направится Эстравен. Экипажа у него нет, они все представляют

дворцовую собственность. Ни один корабль или грузовик не подберет его. Он идет пешком по дороге и несет с собой то немногое, что смог захватить. Кархидцы в своем большинстве передвигаются пешком. У них нет верховых животных, нет летательных аппаратов, большую часть года погода не благоприятствует движению машин, а гетенианцы не торопятся. Я представил себе, как этот гордый человек бредет в изгнание — маленькая согнутая фигура на дороге, ведущей к западу от залива.

Все эти мысли мелькали в моем мозгу, когда я проходил мимо дома на Красном Углу. В то же время я продолжал обдумывать действия Эстравена и короля. В обращении с ними я потерпел неудачу. Что же делать дальше?

Я должен отправиться в Оргорейн — соседнее с Кархидом государство, соперничающее с ним. Но оттуда мне трудно будет вернуться в Кархид, а я еще не закончил тут дела. Я напомнил себе, что вся моя жизнь может пройти в осуществлении миссии Экумена. Не торопиться, не бежать в Оргорейн, прежде чем я узнаю больше о Кархиде, и особенно о предсказателях.

Два года я отвечал на вопросы, теперь я сам буду задавать их. Но не в Эрхенранге. Я наконец-то понял, что Эстравен предупреждал меня, и хотя я не могу доверять его предупреждению, не учитывать его тоже нельзя. Он сказал, хотя и не прямо, что мне следует удалиться от двора и уехать из города. Я почему-то вспомнил о зубах лорда Тайба.

Король предоставил мне свободу в своей стране, я воспользуюсь ею. Как говорит в Экуменийской школе, если действия невыгодны, собирай информацию; когда информация становится невыгодной, спи. Я еще не хотел спать. Я отправлюсь на восток и буду собирать информацию о предсказателях.

4 Лорд Ферости рем ир Айн прибыл в крепость Тангеринг и предложил сорок беррилов и половину дохода от урожая своих садов, как плату за предсказание.

Его условия были приняты. Он задал свой вопрос Ткачу Одрену и вопрос его был: «В какой день я умру?»

Собрались предсказатели и ушли во тьму.

Когда кончилась тьма, Одрен дал ответ: «Ты умрешь в Одстрет» (девятнадцатый день любого месяца).

— Какого месяца? Через сколько лет? — воскликнул Ферости.

Но связь была разорвана, и ответа не было. Лорд вбежал в круг, схватил Одрена за горло и начал душить его, крича, что если он не получит ответа, то сломает Ткачу шею. Его оттащили, хотя он и был сильным человеком. Он бился в их руках и кричал:

— Дайте мне ответ!

Одрен сказал:

— Ответ дан, и цена уплачена. Иди.

Разгневанный Ферости рем ир Айн вернулся в Гарут, третий домейн своей семьи, бедную местность на севере Осноринера, которую он сделал еще беднее, выжимая из нее плату за пред-

сказание. Он закрылся в крепости, в самой высокой башне очага, и не выходил оттуда ни к другу, ни к врагу, ни в посев, ни в жатву, ни для кеммера, ни для набега. И прошел месяц и девять месяцев, а он продолжал жить и ждать. А в Однотерхат и в Одстрет — в восемнадцатый и девятнадцатый дни месяца — он не ел, не пил и не спал.

Его кеммерингом по любви и обету был Харбор из клана Геганнер. Этот Харбор в месяц Гренде пришел в крепость Тангеринг и сказал Ткачу:

— Мне нужно предсказание.

— Чем ты заплатишь? — спросил Одрен.

Он видел, что пришедший плохо одет и плохо обут, его сани стары, а все его снаряжение нуждалось в замене.

— Я заплачу своей жизнью,— сказал Харбор.

— У вас больше ничего нет, милорд? — поинтересовался у него Одрен. Он говорил теперь с ним, как с благородным человеком.

— Вы больше ничего не можете предложить?

— Ничего,— заявил Харбор.— И я не знаю, ценна ли для вас моя жизнь?

— Нет,— сказал Одрен.— Для нас она не ценна.

Тогда Харбор упал на колени, сраженный любовью и стыдом, и воскликнул:

— Я умоляю ответить на мой вопрос! Спрашиваю я не для себя!

— А для кого?

— Для моего лорда и кеммеринга Ферости,— признался Харбор и заплакал.— С тех пор, как он вернулся от вас с ответом, у него нет любви и радости. Он умрет от вашего ответа, который вовсе не является ответом.

— Человек умирает только от смерти,— сказал Ткач Одрен. Но страсть Харбора его тронула. Наконец он сказал:

— Я поищу ответ на ваш вопрос, Харбор, и не спрошу за это плату. Но помните, что плата есть всегда. Вопрощающий всегда платит.

Тогда Харбор прижал руки Одрена к своим глазам в знак благодарности. Собрались предсказатели и ушли во тьму.

Харбор был с ними и задал свой вопрос, а вопрос его был: «Долго ли проживет Ферости рем ир Айн», ибо Харбор хотел узнать день, месяц и год, чтобы любящее сердце его кеммеринга успокоилось. Предсказатели ушли во тьму, и вот Одрен закричал, как от великой боли, как будто его жгли на огне:

— Дольше, чем Харбор из Геганнера!

Харбор отправился домой в Герут через снега Гренде. Он поднимался на башню.

Здесь сидел его кеммеринг Ферости, мрачный и хмурый.

— Аше,— сказал Харбор,— я был в крепости и получил от предсказателя ответ. Я спросил, долго ли ты проживешь, и он ответил: дольше, чем Харбор.

— Значит, ты спросил у них, когда я умру? — спросил Фе-

рости и медленно поднял голову, как будто она у него непомерно тяжела.

— Я спросил, долго ли ты будешь жить?

— Долго ли? Глупец! Ты мог и не спрашивать у них, когда я умру, в какой день, месяц, год. Сколько дней мне осталось. Ты спросил: «Долго ли?» О, глупец! Дурак! Конечно, дольше, чем ты!

Ферости поднял стол из красного камня и бросил его в голову Харбора. Харбор упал.

Ферости увидел, что разбил Харбору череп и поставил стол на место. Он лег рядом с мертвым и обхватил его руками, как будто они были в кеммере. Так их и нашли. Ферости сошел с ума, и его держали под замком, так как он повсюду искал Харбора, думая, что тот где-то в домейне.

Он прожил еще месяц и повесился в Одстрет, в девятнадцатый день месяца Терн.

5 Моя хозяйка, разговорчивый человек, организовала мое путешествие на восток.

— Если человек хочет посетить крепости, он должен пересечь Каргаз, затем попасть через горы в старый Кархид, к Рену, старому королевскому городу. Мой сожитель по очагу водит караваны грузовиков через проход Зенар. За чашкой орша он рассказал мне, что завтра они отправятся в первый переход. Весна теплая, дороги расчистились до самого Энгожера. Еще несколько дней и снегоочистители совсем расчистят их. Меня не заставишь пересекать Каргаз.

Эрхенранг — мой дом и крыша над головой, но я Йомешта, да будет благословенно молоко Меши, а Йомештой можно быть где угодно. Мы вновь прибывшие: лорд Меша родился две тысячи двести два года назад, а Старый Путь Хандадара уходит в прошлое еще на десять тысяч лет. Если вы интересуетесь Старым Путем, вам нужно вернуться на Старую Землю. Послушайте, мистер Ай, я сохраню вашу комнату до вашего возвращения, но вы мудрый человек и на время должны уехать из Эрхенранга, потому что все знают, что предатель всем демонстрировал свою дружбу с вами. Теперь, когда старина Тайб стал Королевским Ухом, все опять будет хорошо. Если вы пойдете в Новый порт, найдете там моего товарища по очагу и скажете ему, что я вас послал...

И так далее. Как я сказал, он был разговорчив, и, обнаружив, что у меня нет ингретора, принялся давать мне советы, правда, маскируя их словами «если» и «как если бы».

Он был управляющим моего острова. Я мысленно называл его хозяйкой, так как у него были толстые ягодицы, которые раскачивались при ходьбе, мягкое толстое лицо, а по характеру он был добр и любил подглядывать, шпионить и разнюхивать. Он хорошо относился ко мне, но за маленькую плату показывал мою комнату любителям острых ощущений, когда я отсутствовал: смотрите комнату загадочного Посланника! Он был так женоподобен по внешности и манерам, что я однажды спросил, много ли у него детей. Он удивленно взглянул на меня.

Оказывается, он не родил ни одного, хотя был отцом четверых — одно из маленьких потрясений, которые я постоянно получал. И культурный шок ничто по сравнению с биологическим шоком, который получал я как мужчина, находясь в обществе тех, кто пять шестых времени был не мужчиной и не женщиной, а чем-то средним.

Радиобюллетени были полны деяний нового премьер-министра Пеммер Харг рем ир Тайба.

Большинство из этих новостей касалось событий на Севере в долине Синот. Тайб постоянно поддерживал претензии Кархида на этот район — именно такие действия на любой другой планете на данном этапе цивилизации привели бы к войне, но не на Гетене. Ссоры, убийства, феодальные распри, набеги, вендетты, пытки, похищения — весь знакомый человечеству набор. Только без войн, как будто у них не было способности к войне. В этом смысле они вели себя как женщины, но не как мужчины или муравьи. Во всяком случае, до сих пор. Все, что я знал об Оргорейне, указывало, что последние пять-шесть столетий он превратился в способное к войне общество, в настоящую нацию.

Соперничество, главным образом экономическое, побуждало Кархид тоже превращаться в нацию, развить, как говорил Эстравен, патриотизм. Если это произойдет, у гетенианцев появится отличный шанс для изобретения войны.

Я хотел отправиться в Оргорейн и проверить, верны ли мои догадки, но раньше мне нужно было покончить с Кархидом, поэтому я продал еще один рубин ювелиру с улицы Энг и, захватив с собой все деньги, ансибл, несколько инструментов и смену одежды, выехал как пассажир торгового каравана в первый день первого месяца лета.

Грузовики тронулись на рассвете от нового грузового порта. Они проехали под аркой и повернули на восток — двадцать громоздких, тихоходных, похожих на баржи грузовиков на гусеничном ходу, двигавшихся цепочкой по глубоким улицам Эрхенранга сквозь утренние тени. Они везли ящики с линзами, катушки звукозаписей, медную и платиновую проволоку, ткани, ящики с сушеной рыбой с залива, шарикоподшипники и другие детали машин. Десять грузовиков перевозили орготкое зерно картик. Все это было закуплено для Перинга, самой северной области страны.

Перевозки на великом континенте осуществлялись главным образом на этих электрических грузовиках, а когда было возможно, на барже по рекам и каналам. Во времена месяцев глубоких снегов медлительные тракторы и снегоочистители, механические сани и ледовые корабли — единственный транспорт, кроме лыж и саней, которые тащат люди. Во время оттепели вообще никаких сообщений организовать было невозможно, поэтому перевозки осуществлялись почти исключительно летом. На дороге тогда появлялось множество караванов.

Движение контролируется, каждый караван или отдельная машина поддерживают постоянную радиосвязь с контрольными

пунктами по всему пути, движение осуществляется со скоростью двадцать пять миль в час (земной). Машины гетениандев способны двигаться быстрее, но никогда этого не делают. Если гетениандев спрашивают об этом, они отвечают:

— А зачем?

Когда землян спрашивают, почему их машины двигаются быстро, они отвечают: «А почему бы и нет?»

О вкусах не спорят.

Земляне постоянно стремятся вперед, они считают движение прогрессом. Люди Зимы, всегда живущие в первом году, считают, что прогресс менее важен, чем присутствие. У меня земные вкусы, и, покинув Эрхенранг, я испытывал раздражение от медлительности каравана. Мне хотелось, чтобы он двигался быстрее. Я был рад избавиться от длинных каменных улиц с черными крутыми крышами, бесчисленными башнями, избавиться от бесконечного города, где все мои усилия оказались бессильными и напрасными из-за страха и предательства.

Взбираясь на Каргаз, караван останавливался ненадолго, но часто для еды в придорожных гостиницах. Вскоре после полудня мы смогли бросить взгляд на весь хребет с вершины предгорья. Мы видели Костор с четырех миль высоты от подножья до вершины, гигантский западный склон горы скрывал от нас северные пики. Некоторые из них достигали тридцати тысяч футов. Южнее Костора один пик за другим вздымались белыми громадами на фоне бесцветного неба. Я насчитал их тридцать, а дальше виднелось лишь неразличимое мерцание в туманной дымке. Водитель назвал мне все тридцать вершин. Он рассказал мне о лавинах, о грузовиках, запертых на недели, и о прочем в дружеской попытке напугать меня.

Он рассказал, как однажды грузовик, шедший перед ним, соскользнул с дороги и полетел вниз, в тысячеметровую бездну.

— И что замечательно,— сказал он,— так это медлительность, с которой все это происходило. Казалось, целый час грузовик падал, и удивительно, что он беззвучно исчез в сорокаметровом слое снега на дне пропасти.

В третьем часу мы остановились для обеда в большой гостинице с обширными ревущими очагами, высокими комнатами, множеством столов, уставленных хорошей пищей, но на ночь мы не остановились. Наш караван был рассчитан на движение по ночам, он торопился (по-кархидски, конечно), чтобы первым в сезоне добраться до области Перинг и снять пенку прибыли с рынка.

Аккумуляторы грузовиков подзарядили. На работу заступила новая смена водителей, и мы двинулись дальше. Один из грузовиков каравана служил в качестве спальни для водителей. Для пассажиров спальных мест не было. Я провел ночь в холодной кабине на жестком сидении. В полночь была сделана короткая остановка у маленькой гостиницы высоко в горах. Кархид не приспособлен для комфорта. Проснувшись на рассвете, я увидел лишь скалы, свет и узкую дорогу, поднимав-

шуюся все вверх и вверх под гусеницами наших грузовиков. Я с дрожью заставил себя вспомнить, что есть вещи важнее удобства, если только ты не старая женщина или кошка.

Дальше гостиниц не было. К обеду грузовики остановились один за другим на покрытой снегом гряде. Все выбрались из кабин и собрались вокруг спальной машины.

Из нее выносили чашки с горячим супом, раздавали ломти сухого хлебного яблока и кружки с кислым пивом. Мы стояли в снегу, ели и пили, повернувшись спинами к резкому ветру, который нес сухую снежную пыль. Потом снова сели в грузовики и поехали дальше вверх. В полдень на высоте четырнадцати тысяч футов было восемьдесят два градуса по Фаренгейту на солнце и тридцать в тени. Электродвигатели работали так тихо что слышно было, как где-то далеко, милях в двадцати срывались в пространство лавины.

После полудня на высоте пятнадцати тысяч футов мы миновали вершину.

Глядя на южный склон Костора, по которому мы бесконечно ползли весь день, я заметил странную скальную формацию в четверти мили над дорогой, напоминающую замок.

— Видите там крепость? — спросил водитель.

— То здание?

— Крепость Арискостор.

— Но так высоко невозможно жить.

— Старые люди могли и могут. Прошлым летом я вел грузовик в караване, который доставил им пищу из Эрхенранга. Конечно, десять или одиннадцать месяцев в году они не могут оттуда выходить, но это их не беспокоит. Здесь, в горах, семь или восемь таких поселений.

Я смотрел на одинокое здание на огромной высоте и не мог поверить водителю. Затем подавил свое недоверие. Если кто-либо и может выжить в таком суровом климате, то только кархидцы.

Дорога спускалась по краю пропасти, извиваясь. Восточный склон Каргаза более крут, чем западный, и падает к равнинам внизу ступенями большой лестницы — остатками бурного горообразования. На закате мы увидели цепочку крохотных точек, ползущих в обширной белой тени на семь тысяч футов ниже нас. Это был караван грузовиков, вышедших из Эрхенранга на день раньше нас. На следующий день мы тоже спустились по этому склону, очень медленно, стараясь не дышать, чтобы не вызвать лавины. Отсюда уже смутно виднелись в пятнах облаков и в серебряных нитках рек обширные равнины Рер.

В сумерках на четвертый день после выхода из Эрхенранга мы прибыли в Рер.

Между двумя городами лежит расстояние в одиннадцать сотен миль, горная стена в несколько миль высотой и две-три тысячи лет.

Караван остановился у западных ворот, где он будет перегружен на баржи. Ни один грузовик не может войти в Рер. Он

был построен до того, как кархидцы начали использовать машины, а они использовали их уже двадцать столетий. В Рере нет улиц. Вместо них — крытые, подобные туннелям, переходы. В них можно идти и внутри, и по крыше. Дома, острова и очаги разбросаны хаотично, в удивительной и изобильной путанице, которая внезапно сменяется великолепными кроваво-красными башнями дворца Ан, лишенными окон.

Построенные семнадцать столетий назад, эти башни служили в течение тысячи лет резиденцией королей Кархида, пока Аргавен Харт, первый в своей династии, не пересек Каргаз и не поселился на обширной равнине к западу от гор. Все здания в Рире фантастически массивны, на высоких мощных фундаментах, оборудованы для защиты от непогоды и воды. Зимой ветер с равнины выдувает снег из города, но в сильные бураны улицы могут быть полностью завалены.

Над снегом торчат крыши домов, зимние двери под карнизами, как слуховые окна. Оттепель — плохое время на этой равнине. Туннели превращаются в бурлящие сточные трубы, каналы или озера, жители Рера отправляются по своим делам в лодках, отталкиваясь веслами от льдин. И всегда над пылью лета, над снегами зимы, над весенними разливами возвышаются красные башни — пустое сердце города.

Я остановился в дорогой гостинице вблизи башен, ночью спал плохо, видел множество кошмаров, на рассвете уплатил владельцу за постель, завтрак, путаное объяснение, как добраться до нужного места, и пошел к Стерхеду, древней крепости недалеко от Рера. Отойдя от гостиницы ярдов на пятьдесят, я заблудился. Стараясь, чтобы башня осталась за мной, а огромная белая стена Каргаза была справа, я выбрался из города.

Встретившийся по дороге мальчишка, сын фермера, указал мне поворот на Стерхед.

Я пришел туда в полдень. Впрочем, я не был уверен, туда ли я попал. Меня окружал лес толстых деревьев. Лес этот казался еще более тщательно расчищенным, чем остальные на этой планете аккуратных лесов.

Тропа проходила по холму среди деревьев.

Справа от себя заметил деревянный домик, потом слева увидел несколько больших деревянных зданий. Откуда-то доносился запах жареной рыбы.

Я медленно, слегка беспокоясь, шел по тропе. Откуда мне знать, как Жанндары относятся к туристам? Я вообще очень мало знал о них. Жанндара — это религия без организации, без жрецов, без иерархии, без обетов и вероучений. Я не могу даже сказать, признает ли она существование бога. Единственным видимым ее проявлением служат крепости-убежища, в которых верующие могут провести ночь или всю жизнь.

Я не стал бы любопытствовать по поводу тайн этого культа, если бы я не хотел получить ответ на вопрос, на который не ответили мои предшественники-исследователи, а именно: кто такие предсказатели и чем они, в сущности, занимаются? Я прибыл в

Кархид и пробыл в нем дольше исследователей и все же не знал, есть ли правда в рассказах о предсказателях и их пророчествах. Легенды о предсказателях распространены на всех заселенных людьми планетах.

Боги предсказывают, духи предсказывают и компьютеры предсказывают. Неопределенность советов оракулов и статистическая вероятность представляют многочисленные увертки, а противоречия уничтожаются верой. Однако, если даже легенды достойны расследования, я не убедил еще ни одного кархидца в существовании телепатической связи. Он не убедится, пока сам не «увидит». Точно такая же и моя позиция по отношению к предсказателям Жандарам.

Идя по тропе, я понял, что в тени леса размещается целый поселок. Здания его разбросаны, как и в Рере, но выглядит этот поселок мирным и деревенским. Над крышами и тропой свисали ветви хеммена, самого распространенного на Зиме дерева, крепкого хвойного растения с толстыми бледно-алыми иглами. Шишки хеммена усеивали ветвящиеся тропы. Ветер приносил запах пыльцы хеммена и все дома были построены из древесины. Я остановился, гадая, в какую бы дверь постучать, но тут какой-то человек вышел из леса и вежливо поздоровался со мной.

— Вы ищете место для ночлега? — спросил он.

— Я пришел с вопросом к предсказателям.

Я решил по крайней мере в первое время выдавать себя за кархидца. Подобно исследователям, я никогда не имел неприятностей, выдавая себя за туземца, если это было нужно. Среди множества кархидских диалектов мой акцент проходил незамеченным, а сексуальная ненормальность скрывалась под тяжелой одеждой. Мне недоставало толстой волосяной кисточки, у меня был несколько другой разрез глаз, я был смуглее и выше большего числа гетенианцев, но все это оставалось в пределах нормальной формации.

Бороду мне удалили совсем, прежде чем я покинул Оллул. В то время мы не подозревали о волосатых племенах Перунтера, которые не только носили бороды, но вообще полностью заросли волосами.

Изредка меня спрашивали, где я сломал нос. У гетенианцев сильно выступающие узкие носы со стягивающимися ноздрями, прекрасно приспособленные к вдыханию морского воздуха. Человек на тропе Стерхорда с любопытством взглянул на мой нос и продолжил расспросы:

— Тогда, может быть, вы хотите поговорить с Ткачем? Он ниже на поляне, если не поехал куда-нибудь. Или вначале предпочитаете поговорить с кем-нибудь другим, из холостяков?

— Не знаю, я крайне невежественен...

Молодой человек насмешливо поклонился:

— Я польщен! — сказал он.— Я прожил здесь три года, но не приобрел еще достаточно невежества, чтобы оно было достойно упоминания.

Он явно забавлялся, но манеры его оставались вежливыми, вспомнив открытки из сказаний Жанндары, я понял, что безбожно хвастал: все равно, как если бы я сказал ему: «Я исключительно красив».

— Я хотел сказать, что ничего не знаю о предсказателях.

— Завидую,— заявил юный житель Стерхеда.— Но если мы хотим прийти куда-нибудь, нужно оставить на снегу след. Я покажу вам дорогу на поляну. Меня зовут Росс.

— Дженри,— представился я.

Я отказался от своего «л». Вслед за Россом я углубился в лесную тень. Узкая тропа часто меняла направление, извиваясь по склону. Тут и там поближе и подальше от тропы среди массивных деревьев виднелись маленькие дома. Все было красным и коричневым, влажным, ароматным и тусклым.

Из одного домика доносились мягкие свистящие звуки кархидской флейты. Росс шагал легко и быстро как девушка, в нескольких ярдах впереди меня. Вот его белая куртка сверкнула на солнце, и мы оказались на широком пологом лугу.

В двадцати футах от нас стояла фигура: прямая и неподвижная. Алый хоб и белая куртка, инкрустированная яркой эмалью, отчетливо выделялись на фоне высокой зеленой травы В ста ярдах от нас стояла еще одна статуя в голубом и белом. За все время пока мы разговаривали с первым, второй не шевельнулся и не оглянулся. Они упражнялись в жанндарском умении (они называют это присутствием), которое является разновидностью транса, включая самоутрату, путем крайнего обострения чувственного восприятия. Росс заговорил с человеком в алом. Тот шевельнулся, взглянул на нас и медленно подошел.

Он был так же высок, как и я, строен, с чистым, открытым и прекрасным лицом. Когда наши взгляды встретились, я почувствовал желание мысленно поговорить с ним, постараться донести до него мозговую речь. Я никогда раньше не испытывал этого желания на Зиме и не должен был испытывать. Оно было так сильно, что я начал мысленно говорить с ним.

Ответа не было. Контакта не состоялось.

Он продолжал смотреть прямо на меня. Мгновение спустя он улыбнулся мне и справился высоким голосом:

— Вы ведь Посланник?

Запинаясь, я ответил:

— Да.

— Меня зовут Фейкс. Вы оказываете нам честь, посетив нас. Вы хотите провести некоторое время в Стерхеде?

— С удовольствием. Я хочу побольше узнать о ваших предсказателях. Если вас интересуют мои рассказы, я мог бы рассказать, откуда я прибыл.

— Как вам будет угодно,— сказал Фейкс. Он безмятежно улыбнулся. Прекрасно, что вы пересекли океан, а потом добавили тысячу миль и пересекли Каргаз, чтобы прибыть сюда.

— Я пришел в Стерхед из-за славы его предсказателей.

— Тогда, возможно, вы захотите увидеть, как мы предсказываем. Или у вас есть собственный вопрос?

Его ясные глаза излучали правду

— Не знаю,— признался я.

— Иусут,— сказал он.— Неважно. Может быть, пробыв у нас немного, вы найдете свой вопрос. Вы знаете, что предсказатели способны собираться только в определенное время, так что вам все равно придется провести у нас несколько дней.

Я так и поступил, и это были приятные дни. Время было свободное, за исключением коммунальных работ на полях, в садах и в лесу. К таким работам в случае необходимости приглашали и пришедших. Помимо этих работ целые дни могли проходить без единого произнесенного слова. Впрочем, я разговаривал с Россом и Фейксом, чей необычный характер, прозрачный и глубокий, как колодец с чистой водой, был копией характера этого места. По вечерам происходили собрания у очага в одном из одиноких, окруженных деревьями домов. Здесь шли беседы, можно было выпить вина, звучала энергичная музыка Кархида: мелодически простая, но ритмически сложная, всегда импровизированная. Однажды вечером начали танцевать два человека, таких старых, что их волосы поседели, а тела высохли. Танец был медленным, четким и строго контролируемым, чаровал глаз и рассудок. Они начали танец во время третьего часа после обеда. Музыканты присоединялись к игре или бросали ее, когда угодно, лишь барабанщик не прекращал своих ритмичных ударов. В шестом часу в полночь, спустя пять земных часов, старые танцоры все еще продолжали танцевать.

В первый раз тогда я увидел феномен сознательного контролируемого использования того, что мы называем «мистической силой». После этого я стал с большим доверием относиться к рассказам о Старых Людях Жанндары.

Это была сосредоточенная на самой себе жизнь, самонадеянная, застывшая, погруженная в то единственное «невежество», которое превыше всего ценится Жанндарами, жизнь, которая полностью подчиняется их правилу пассивности и невмешательства. Это правило (выраженное в слове иусут, которое я приблизительно перевел как «неважно») — сердце культа, и я не стану делать вид, что понял его. Но после полумесяца, проведенного в Стерхеде, я начал лучше понимать кархидцев.

Под политикой и страстями лежит старая тьма, пассивная, анархистская, молчаливая и плодотворная тьма Жанндары.

Из этой молчаливой тьмы необъяснимо доносится голос предсказателя.

Юный Росс, которому нравилось быть моим гидом, объяснил, что вопрос предсказателям может касаться чего угодно и формулироваться в любой форме.

— Чем более точно сформулирован вопрос и чем более он ограничен, тем точнее ответ,— заверил он.— Неясность порождает неясность. Ну и, конечно, на некоторые вопросы дать ответ нельзя.

— А что, если я задам именно такой вопрос? — спросил я.

Эта преграда, хотя и усложненная, была мне знакома. Но я не ожидал услышать в ответ:

— Ткач отвергнет его. Вопросы, на которые нельзя дать ответ, вредят предсказателям.

— Вредят?

— Разве вы не знаете истории лорда Шорта, который заставил предсказателей крепости Асен ответить на вопрос: «В чем смысл жизни?» Это было несколько тысяч лет назад. Предсказатели оставались во тьме шесть дней и ночей, в конце все холостяки впали в кататонию, все дураки умерли, извращенец убил лорда Шорта камнем, а Ткач... Им был человек по имени Меше...

— Основатель Комештского культа?

— Да,— сказал Росс.

Он рассмеялся, но я не понял, смеялся он по поводу Комешты или надо мной.

Я решил задать вопрос, требующий ответа лишь в виде «да» или «нет». Такой вопрос, по крайней мере, покажет степень скрытности или истинности ответа. Фейкс подтвердил сказанное Россом: вопрос может касаться и таких предметов, о которых предсказатель ничего не знает. Я мог спросить, хорош ли будет урожай хулма в западном полушарии, и они ответили бы, даже не подозревая, где находится это полушарие. Это, по-видимому, ставило их гадание на уровень обычной вероятности в одном ряду с гаданиями на лепестках ромашки или по костям. Нет, вероятность тут ни при чем.

— Предсказание дается точное и от вероятности не зависит,— ответил Фейкс.

— Значит, вы читаете мысли?

— Нет,— сказал Фейкс.

Он опять безмятежно улыбнулся.

— Может быть, вы читаете мысли, сами того не подозревая?

— Что хорошего в этом? Если спрашивающий заранее знает ответ, он не станет за него платить.

Я выбрал вопрос, на который определенно не знал ответа. Только время покажет, правы ли предсказатели, если, конечно, это не будет одним из тех восхитительных профессиональных пророчеств, что применимы к любому исходу.

Вопрос был не тривиальный. Я отказался от банальных вопросов типа «Когда прекратится дождь?», узнав, что любой вопрос труден и опасен для девяти предсказателей Стерхеда. Цена высока для спрашивающего — два моих рубина перекочевали в сокровищницу Стерхеда. Но еще выше она была для отвечающих. Я хорошо узнал Фейкса, и мне трудно было поверить, что он сознательный или бессознательный лжец. Разум его был тверд, ясен и отшлифован, как мои рубины. Я не решился ставить ему ловушку. Я спросил именно то, что больше всего хотел узнать.

В Однотерхад, восемнадцатый день месяца, девять предсказателей собрались в большом здании, которое обычно было закрыто. Это был высокий зал, холодный, с каменным полом, тускло освещенный светом из нескольких узких окон. В одном конце зала в очаге горел огонь. Они сели на каменный пол кружком, все

в длинных плащах с капюшонами. Грубые неподвижные фигуры, похожие на статуи первобытного прошлого. Росс среди нескольких других жителей Стерхеда и врач из ближайшего домейна молча смотрели на них с сидений у очага, а я пересек зал и вошел в круг.

Все испытывали сильное напряжение. Одна из фигур подняла голову, и я увидел странное лицо с резкими чертами и дерзкими глазами.

Фейкс сидел, скрестив ноги, неподвижный, напряженный, полный поднимающейся силы, которая сделала его чистый и мягкий голос резким, как электрический заряд.

— Спрашивайте,— бросил он.

Я задал свой вопрос:

— Будет ли спустя пять лет Гетен членом Экумена?

Молчание. Я стоял, пойманный в паутину молчания.

Все почувствовали облегчение. Камни в капюшонах шевельнулись, тот, который показался мне таким странным, начал шептаться с соседями. Я оставил круг и присоединился к наблюдателям у очага.

Двое предсказателей оставались молчаливыми и не реагировали на окружающее.

Один из них время от времени поднимал левую руку и слегка хлопал по полу десять-двенадцать раз, потом вновь замирал. Ни одного из них я раньше не видел.

Это дураки, по определению Росса, душевнобольные, безумные. Росс называл их «разделителями времени». Возможно, он имел в виду шизофрению. Кархидские психологи, хотя и не обладали мозговой речью и поэтому действовали, как слепые хирурги, хорошо знали наркотики, гипноз, шоки, лечение холодом и различные виды умственной терапии. Я спросил, можно ли вылечить этих психопатов.

— Вылечить? — переспросил Росс.— Станете ли вы лечить певца от его голоса?

Пять других в круге были жителями Стерхеда, адептами жанндарской науки присутствия. Росс сказал, что пока они считаются предсказателями, они будут холостяками, то есть в период сексуальной потенции они не вступают в кеммер. Один из этих холостяков был во время предсказания в периоде кеммера. Я видел признаки в его фигуре, которые говорили о первой фазе кеммера.

Рядом с ним сидел извращенец.

— Он пришел из Опрева с врачом,— сказал мне Росс.— Некоторые группы предсказателей искусственно вызывают извращения, вводя мужские и женские гормоны в дни перед встречей. Но лучше иметь естественного. Этот сам пожелал придти. Ему нравится известность.

Росс использовал местоимение, обозначающее самца животного, а не человеческое существо в мужской роли в период кеммера. Он выглядел несколько смущенным. Кархидцы свободно обсуждают сексуальные проблемы и с удовольствием говорят о кеммере, но неохотно вступают в разговоры об извращенцах. По крайней мере, общаясь со мной. Чрезмерная продолжитель-

ность периода кеммера с постоянным преобладанием гормонального равновесия в сторону мужчины или женщины — это они называют извращением. Оно встречается нередко, три-четыре процента взрослых обычно относятся к психологическим извращенцам. Их не исключают из общества. Но относятся к ним с некоторым отращением. Извращенцы стерильны. Извращенец группы после первого странного взгляда не обращал внимания ни на кого, кроме соседа в кеммере, чья увеличенная сексуальная активность должна была перейти в высшую женскую стадию кеммера под влиянием преувеличенной мужественности извращенца. Извращенец продолжал негромко шептать, склонившись к кеммерингу, который почти не отвечал и, казалось, испытывал отвращение. Остальные молчали и слушали шепот извращенца. Фейкс внимательно следил за одним из дураков. Извращенец положил свою руку на руку кеммеринга. Тот торопливо отпрянул, как бы в страхе взглянув на Фейкса. Фейкс не шевельнулся. Кеммеринг вернулся на место и оставался неподвижным, когда извращенец снова коснулся его. Один из дураков поднял голову и рассмеялся долгим фальшивым хриплым хохотом:

— Ах-ах-ах...

Фейкс поднял руку. Немедленно все в круге повернули к нему лица, как будто он собирал их взглядом в пучок.

Когда мы вошли в зал, был вечер и шел дождь. Серый свет вскоре потускнел в узких высоких окнах. Теперь полосы света расстилались, как фантастические паруса, длинные треугольники его падали на пол, на лица девяти. Это над лесом всходила луна. Огонь в очаге погас, стало темно, только лунный свет вырывал из тьмы то лицо, то руку, то неподвижную спину. Некоторое время я сидел не шевелясь, видел неподвижный, как из бледного камня, профиль Фейкса. Диагонали лунного света медленно ползли и вскоре осветили темную фигуру кеммеринга: голова склонена к коленям, руки прижаты к полу, тело дрожит в регулярных приступах, сопровождаемых хлопаньем ладоней о пол. Все они были связаны, соединены, как части паутины. Я чувствовал, хотел я этого или нет, связь, коммуникацию: бессловесную и необычную. Она проходила через Фейкса и Фейкс старался проконтролировать ее и придать ей какую-то форму.

Фейкс был ткачом, центром этой паутины.

Тусклый свет переполз на восточную стену.

Паутина силы, направления, молчания росла.

Я старался не вступать в контакт с сознанием предсказателей. Молчаливое электрическое напряжение вызывало во мне сильное беспокойство. Такое чувство, будто меня втягивают, будто я становлюсь частью общего рисунка, звеном в паутине. Но когда я почувствовал себя отрезанным от всего мира и замкнутым в собственном мозгу, я понял, что установил барьер. Я был подавлен зрительными галлюцинациями, мешаниной каких-то образов, гротескных и сексуально обусловленных — черно-красных проявлений эротического гнева. Я был окружен гигантскими зияющими ямами, полными разорванных губ, ног и грудей. Я терял

равновесие, я падал туда. Если это не прекратится, я действительно упаду и сойду с ума. Действовали могучие первобытные силы, вызывающие извращения и раздражения пола, силы, настолько мощные, что намного превосходили мои возможности контроля. Проходили секунды и часы, луна освещала стену, но в середине была лишь тьма и в центре тьмы — Фейкс, ткач, женщина, одетая в свет.

Этот свет был серебряным. Одетая в серебряную броню женщина с мечом.

Свет горел резко и невыносимо, свет вокруг ее тела, огонь, и она закричала от ужаса и боли.

— Да-да-да!

Хриплю захохотал дурак:

— Ах-ах-ах!...

Его хохот перешел в крик, который все тянулся и тянулся. В круге послышалось движение, кто-то зашевелился.

— Свет, свет,— донесся неверный голос откуда-то из другого мира.— Свет, разожгите огонь в очаге.

Это был врач из Опрева. Он вошел в круг. Круг был разорван. Врач склонился над дураками, которые служили предохранителями. Оба неподвижно лежали на полу. Кеммеринг уткнулся головой в колени Фейкса, тяжело дыша и дрожа всем телом.

Извращенец, мрачный и угрюмый, скорчился в углу.

Сессия закончилась, время шло обычно, паутина снова рассеялась. Где же мой ответ, загадка оракула, двусмысленное пророчество? Я склонился над Фейксом. Он посмотрел на меня ясными глазами. На мгновение я снова увидел его таким, каким видел во тьме, в виде женщины, окруженной броней света, горящей и кричащей.

Мягкий голос Фейкса прервал видение.

— Ты получил ответ, спрашивающий?

— Да, Ткач.

Я и в самом деле получил ответ. Пять лет спустя Гетен станет членом Экумена. И никаких загадок и двусмысленностей. Мне казалось, что ответ этот не пророчество, а итог наблюдения.

Я не мог избавиться от ощущения, что ответ этот правильный. У него была повелительная ясность предчувствия.

У нас есть корабль «Нафал», мгновенная связь, мозговая речь, но мы не сумели обуздать предчувствия. Чтобы научиться этому, придется обратиться к гетенианцам.

— Я служу в качестве волокна,— признался мне Фейкс день или два спустя после предсказания.— В нас растет энергия, все растет, пока не прерывается, образуя свет вокруг меня. Я сам становлюсь светом. Старик в крепости Арбин говорил мне, что если бы Ткача в момент ответа поместить в вакуум, он горел бы сотни лет. Поэтому мы, йомешта, верим в Меше. Верим, что он ясно видел прошлое и будущее и не только на мгновение, на всю жизнь после вопроса Шорта. Трудно поверить. Сомневаюсь, может ли человек это вынести. Но неважно...

Иусут, вездесущее и неуловимое отрицание Жанндары.

Мы шли рядом, и Фейкс смотрел на меня.

Его лицо, одно из самых красивых лиц, которые я видел, казалось вырезанным из камня.

— Во тьме было десять, а не девять,— сказал он.— Был незнакомец.

— Да, был. У меня не было против вас барьера. Вы слушатель, Фейкс, типичный эмфаш. Вероятно, вы и превосходный естественный телепат. Поэтому вы и Ткач, вы собираете в один центр излучения мозга всех предсказателей и организуете его определенным образом так, чтобы устремиться на поиски ответа.

Он слушал с неподдельным интересом.

— Странно видеть чудеса моей профессии со стороны, через ваши глаза. До сих пор я видел лишь изнутри, как участник.

— Если позволите... если хотите, Фейкс, я попытаюсь общаться с вами с помощью мозговой речи.

Теперь я был уверен, что он естественный коммуникатор Его согласие и небольшая практика снимут неосознаваемый им барьер.

— Если вы сделаете это, я услышу, что думают другие?

— Нет. Мозговая речь — это общение.

— Тогда почему бы не говорить вслух?

— В мозговой речи нельзя лгать сознательно.

Фейкс немного подумал.

— Эта наука может вызвать интерес королей, политиков и деловых людей.

— Деловые люди боролись против использования мозговой речи, когда стало известно, что ей можно научиться. Они на несколько десятилетий поставили ее вне закона.

Фейкс улыбнулся:

— А короли?

— У нас больше нет королей.

— Да, понимаю. Что ж, благодарю вас, Дженри. Но не мое дело учиться. И я не хочу учиться искусству, которое перевернет весь мир.

— По вашему собственному предсказанию, этот мир изменится в течение пяти лет.

— Я изменюсь вместе с ним, Дженри. Но я не хочу менять его.

Шел дождь, долгий приятный дождь гетенианского лета. Мы шли под хемменами над крепостью. Троп тут не было. И среди темных ветвей падал серый свет, чистая вода капала с алых игл.

Воздух был прохладен и полон звуков дождя.

— Ответьте мне, Фейкс. Вы, Жанндары, обладаете даром, о котором страстно мечтают люди всех планет. У вас он есть. Вы можете предсказывать будущее. И все же вы живете, как и все остальные. Как будто этот ваш дар не имеет никакого значения.

— А какое он может иметь значение, Дженри?

— Но послушайте. Например, это соперничество между Кархидом и Оргорейном, ссора из-за долины Синот. За эти

последние несколько недель Кархид сильно ухудшил свои позиции. Почему бы королю Аргавену не посоветоваться с предсказателями, какой ход действий выбрать или какого члена кноремми назначить премьер-министром, или еще что-нибудь в этом роде?

— Трудно задавать вопросы.

— Не понимаю, почему? Он может просто спросить: «Кто будет моим лучшим премьер-министром?»,— и поступить в соответствии с ответом.

— Может. Но он не знает, что это значит — «быть лучшим». Может, это значит, что назначенный им человек отдаст долину Оргорейну, или отправится в изгнание, или убьет короля. Это выражение может означать многое, чего не примет король. Он должен очень точно сформулировать свой вопрос.

— Да. Но в таком случае ему придется задать несколько вопросов. Даже король должен платить за вопросы. И вы дорого спросите с него?

— Очень дорого,— спокойно согласился Фейкс.— Вопрошающий платит в соответствии со своими возможностями. Короли обращались к предсказателям, но не очень часто.

— А что, если один из предсказателей и сам влиятельный человек.

— У жителей крепости нет ни ранга, ни положения. Я могу быть послан в Эрхенранг в кноремми. В таком случае я получаю обратно свой статус и свою тень, и моим предсказаниям наступает конец. Если у меня, пока я нахожусь в кноремми, возникает вопрос, я пойду в крепость, заплачу свою цену и получу ответ. Но мы Жанндары, и мы не хотим ответов. Этого трудно избегать, но мы пытаемся.

— Фейкс, мне кажется, я понял.

— Мы поселяемся в крепости главным образом для того, чтобы узнать, каких вопросов не нужно задавать.

— Но ведь вы отвечающие.

— Разве вы еще не поняли, Дженри, почему мы практикуем предсказания?

— Нет.

— Чтобы показать абсолютную бесполезность знания ответа на неверно поставленный вопрос.

Я размышлял над этим, пока мы шли под темными ветвями стерхедского леса.

Лицо Фейкса в белом капюшоне было усталым и спокойным, свет его ослабел, но он по-прежнему внушал мне благоговейный страх.

Когда он смотрел на меня своими ясными добрыми и искренними глазами, на меня как будто смотрела традиция в тринадцать тысяч лет, образ мысли и жизни такой древний, такой устоявшийся, такой согласованный, что придавал человеку чувство, будто он дикое животное.

— Неизвестно,— продолжал Фейкс своим мягким голосом,— непредсказуемо — вот на чем основана жизнь. Бездоказатель-

ность — вот почва действия. Если бы было доказано, что бога не существует, не было бы религии. Ни жанндарских, ни йомештских, ни очаговых богов не существует. Но если было доказано, что бог есть, религии тоже не стало бы. Скажите мне, Дженри, что известно? Что же неизбежное, предсказуемое, обязательно единственное вы знаете о своем будущем и о моем?

— Что мы умрем.

— Да. Есть единственный вопрос, на который можно отвечать, Дженри, но мы уже знали на него ответ. Единственное, что делает жизнь возможной, это постоянная неопределенность. Никто не знает, что его ждет впереди.

6 Повар, всегда приходивший очень рано, разбудил меня. Спал я крепко, он долго тряс меня и говорил:

— Проснитесь, лорд Эстравен, пришел вестник из королевского дома!

Наконец я понял его слова, торопливо встал и подошел к двери, где меня ждал вестник.

Так, обнаженным и глупым, я вступил в свое изгнание.

Читая бумагу, поданную мне вестником, я думал, что ожидал этого, хотя и не так скоро. Но когда я смотрел, как этот человек прикалывает указ к дверям моего дома, я почувствовал, что он как будто прокалывает мне глаза. Я отвернулся от него и стоял потерянный, чувствуя боль.

Но это прошло. Я быстро сообразил, что нужно действовать, и к девятому часу уже выходил из дома. Ничто меня не задерживало. Я взял то, что мог унести.

Вклад в банк и немного бумаг я не мог получить, не навлекая опасности на людей, с которыми пришлось бы иметь дело. Причем, чем ближе был мне человек, тем большей опасности он подвергался. Я написал записку своему старому кеммерингу Аше с советами, как использовать для нашего сына драгоценности, но просил его не посылать денег. Я знал, что Тайб будет следить за границами. Письмо я не подписал. Позвонить кому-либо по телефону — значит отправить его в тюрьму, и я поторопился уйти, прежде чем какой-нибудь невинный знакомый придет повидаться со мной и утратит деньги и свободу в оплату за свою дружбу.

Я пошел по городу на запад. Остановившись на перекрестке, я задумался: почему бы не пойти на восток, через горы и равнины к земле Керм, и придти домой в Эстре, где я родился в каменном доме у подножия горы? Почему бы мне не вернуться домой? Три или четыре раза я останавливался и оглядывался, и каждый раз видел за собой, среди множества знакомых, вероятных шпионов. Глупо пытаться идти домой, все равно, что убить себя. Я осужден жить в изгнании и могу вернуться домой только мертвым. Поэтому я двинулся на запад и больше не оборачивался.

Трехдневная отсрочка позволяла мне в случае удачи добраться максимум до Кьюбена на заливе в восьмидесяти пяти милях. Большинство изгнанников получало предупреждение накануне вечером и имело возможность воспользоваться кораблем, прежде

чем хозяин откажет им в страхе перед наказанием. Но такая любезность не в духе Тайба. Ни один корабельщик не возьмет меня теперь. Все они видели меня в порту, который я построил для Аргавена. Ни один грузовик не подвезет меня, а до наземных границ от Эрхенранга четыреста миль. У меня не было выбора. Нужно добраться до Кьюбена пешком.

Повар предвидел это. Я немедленно отослал его, но, уходя, он упаковал еду, какую смог найти, для трех дней пути. Его доброта спасла меня. Каждый раз, когда я в дороге ел фрукты, я думал:

«Есть человек, не считающий меня предателем. Он дал мне еду».

Я обнаружил, что трудно называться предателем, очень трудно. А ведь как легко назвать другого человека. Это название бьет, оно убеждает. Я сам был наполовину убежден.

На третий день в сумерках я пришел в Кьюбен, сбив ноги и измучившись. Годы в Эрхенранге я провел в роскоши и утратил привычку к ходьбе. И здесь у ворот маленького городка меня ждал Аше.

Семь лет назад мы были кеммерингами и имели двоих сыновей. Будучи детьми его плоти, они носили его имя Форот рем ир Соботи и воспитывались в его клане. Три года назад он ушел в крепость Оргин и теперь носил золотую цепь холостяка-предсказателя. За эти три года мы ни разу не виделись, и теперь, увидев в полутьме его знакомое лицо, я почувствовал себя так, как будто наш обет любви разрушен лишь вчера. Я понял, что верность вынудила его разделить со мной мое поражение. И чувствуя связывающие нас узы, я рассердился — любовь к Аше всегда заставляла меня действовать вопреки разуму.

Я прошел мимо него. Если я вынужден быть жестоким, нечего скрывать эту жестокость.

— Терем,— позвал он меня.

Он пошел за мной. Я быстро шел по крутому склону к верфям Кьюбена. С моря дул южный ветер и сквозь теплую летнюю бурю я бежал от него, как от убийцы. Он догнал меня, потому что я сильно устал.

— Терем, я иду с тобой.

Я не отвечал.

— Десять лет назад в этот же месяц Тува мы дали обет...

— И три года назад ты убил его, оставив меня одного. Ты поступил мудро.

— Я никогда не нарушал наш обет, Терем.

— Верно. Нарушения не было. Сам обет был фальшив. Он был вторичен. Единственный правильный обет верности так и не был произнесен, а человек этот мертв, и обещание нарушено давным-давно. Ты ничего не должен мне, я — тебе. Пропусти меня.

Пока я говорил, гнев и горечь обернулись против меня самого и моей жизни, которая лежала позади, как разбитое обещание. Но Аше не знал этого, и слезы стояли в его глазах. Он сказал:

— Возьми это, Терем. Я ничего тебе не должен, но я люблю тебя.

Он протянул мне небольшой сверток.

— Нет, у меня есть деньги. Пусти меня, я должен идти один.

Я пошел и он не последовал за мной.

За мной пошла тень моего брата. Не следовало разговаривать с ним вообще, многого не следовало бы делать.

В гавани меня ждала неудача. Ни один корабль не отходил в Оргорейн до полуночи.

На верфях было мало людей, да и те торопились домой. Я попытался заговорить с рыбаком, чинившим мотор в своей лодке, но тот отвернулся от меня. Его предупредили.

Наемники Тайба опередили меня, они должны меня задержать в Кархиде дольше трех дней.

До тех пор меня одолевали боль и гнев, но не страх. Я не думал, что приказ об изгнании может послужить поводом для казни. И когда пробьет шестой час, я стану легкой добычей для людей Тайба, и никто не закричит «убийство!», а скажет: «Правосудие свершилось».

Я сидел на мешке с песком в ветреной мгле порта. Море плескалось у пирса, рыбачьи лодки теснились у причалов, а на дальнем конце пирса горела лампа. Я сидел и смотрел на эту лампу и дальше в море.

Некоторых опасность возбуждает, но не меня. Мой дар — точный расчет и предвидение.

Сидя на мешке с песком, я рассуждал, сможет ли человек доплыть до Оргорейна.

Лед сошел с залива месяц или два назад, можно остаться живым в воде. До берега Орготы сто пятьдесят миль. Я не умею плавать. Оглянувшись на улицы Кьюбена, я понял, что ищу Аше в надежде, что он последует за мной. Стыд вывел меня из оцепенения, и я вернул себе способность рассуждать.

Подкуп и насилие — вот мой выбор, если я решусь иметь дело с рыбаком, который по-прежнему работал в своей лодке.

Впрочем, у него все еще не работал мотор. Далее — воровство. Но все лодочные моторы на замках. Вскрыть замок, завести мотор, вывести лодку из дока при свете ламп пирса и плыть в Оргорейн тому, кто никогда в жизни не управлял моторной лодкой, казалось глупым и отчаянным предприятием. Некогда я занимался греблей на озере Айсфут в Карме. Недалеко от меня стояла гребная лодка. Я побежал по пирсу, прыгнул в эту лодку, отвязал веревку, вставил весла и начал грести вглубь гавани, где свет лампы отражался в черных волнах. Отплыв достаточно далеко, я остановился, чтобы поправить весло в уключине. Я надеялся, что наутро меня подберет какой-нибудь орготский патрульный или рыбачий корабль. Но до этого предстояло немало погрести. Когда я склонился к уключине, слабость охватила все мое тело. Я подумал, что теряю сознание, и лег на корму. Меня победила слабость трусости. Я не знал, что трусость так глубоко лежит во мне. Подняв глаза, я увидел на конце пирса две фигуры, мечущиеся в электрическом освещении и понял, что мой паралич объясняется не страхом, а действием ружья на пределе дальности.

Я видел, что один из них держит мародерское ружье. Если бы была полночь, он выстрелил бы и убил меня, но мародерское ружье стреляет очень громко, а звук выстрела потребовал бы объяснений, потому они использовали ультразвуковое ружье.

Я видел и знал, что это ружье дает заметный эффект в пределах ста ярдов. Я не знаю, на каком расстоянии оно поражает насмерть, но я, видимо, был близок к этому, потому что корчился на корме в страшных болях. Мне трудно было дышать. Ослабленное поле ударило в грудь. Но поскольку сейчас за мной, несомненно, вышлют из гавани катер, мне нельзя было сидеть, согнувшись над веслами. Тьма лежала перед моей лодкой, и в этой тьме я должен скрыться.

Я греб ослабевшими руками, все время глядя на них, чтобы удостовериться, что весла остаются в них: я не чувствовал рук. Наконец я выбрался на открытую воду с большими волнами. Здесь мне пришлось остановиться. С каждым гребком онемение моих рук усиливалось. Сердце колотилось, легкие, казалось, забыли как вдыхать воздух. Я пытался грести, но не был уверен, что руки мои движутся. Когда прожектор патрульного катера выловил меня из ночи, как снежинку на саже, я не мог отвести взгляд от света.

Они оторвали мои руки от весел, вытащили из лодки и положили, как выпотрошенную черную рыбу, на палубу патрульного корабля. Я чувствовал, что они смотрят на меня, но не понимал ни слова, разобрав только, как один из них заметил:

— Еще нет шестого часа.

Другой ответил:

— Какое мне дело? Король изгнал его, а я следую приказу короля.

Вопреки приказам по радио людей Тайба, оставшихся на берегу, вопреки возражениям своего напарника, боявшегося наказания, офицер кьюбенского патруля перевез меня через залив Чарисьон и высадил на берег в оргорейнском порту Шелт. Сделал это он в отместку людям Тайба, пытавшимся убить безоружного, или же по доброте, я не знаю, Иусут. «Восхитительное необъяснимо».

Я встал на ноги, когда серый орготский берег выступил из утреннего тумана, и с трудом пошел по улице Шелта, но, отойдя немного, упал. Очнулся я в сотрапезнической больнице четвертого района береговой линии Чарисьон. Двадцать четвертое сотрапезничество, Сепнетти.

Я убедился в этом, прочитав надпись, выгравированную орготским шрифтом в изголовии постели, на настольной лампе, на металлической чашке у постели, на столике, на одеяле и простыне. Подошел врач и осведомился:

— Почему вы противодействовали доте?

— Я не был в доте,— ответил я.— Это ультразвуковое поле.

— Ваши симптомы полностью соответствовали тому, кто отказался от релаксационной фазы доте.

Это был деспотический старый врач, и в конце концов он заставил меня согласиться с тем, что я использовал доте во время гребли, не сознавая, что делаю. Затем утром во время фазы тангеи, когда полагается лежать, я поднялся, тем самым чуть не убив себя. Когда все это было установлено к его удовлетворению, он сказал мне, что я выпишусь через один-два дня, и направился к следующей кровати. Затем зашел инспектор.

За каждым человеком в Оргорейне заходит инспектор.

— Имя?

Я не спросил о его имени. Я должен научиться жить без тени, как живут в Оргорейне. Я не буду оскорбляться, это тоже бесполезно. Но я не назвал ему своего имени по местности: до него никому в Оргорейне нет дела.

— Терем Харт? Это не орготское имя. Какое сотрапезничество?

— Кархид.

— Это не сотрапезничество Оргорейна. Где ваша въездная виза и удостоверение?

Где мои документы?

Я, должно быть, немало побродил по улицам Шелта, прежде чем меня доставили в больницу. Там я оказался без документов, имущества, плаща, башмаков и денег.

Узнав об этом, я не рассердился, а рассмеялся: на дне сточной ямы гнева это бывает. Инспектора рассердил мой смех.

— Вы понимаете, что вы нуждающийся и незарегистрированный чужеземец? Как вы намерены вернуться в Кархид?

— В гробу.

— Воздержитесь от необдуманных ответов официальному лицу. Если у вас нет намерения возвратиться в вашу страну, вас отправят на добровольную ферму, где место преступным подонкам, чужакам и незарегистрированным, в Оргорейне нет другого места для подрывных элементов. Вам следует заявить о своем намерении в трехдневный срок вернуться в Кархид, иначе я...

— Я изгнан из Кархида.

Врач при звуках моего голоса начал прислушиваться к нашему разговору. Он отвел инспектора в сторону и что-то сказал ему. У того вид стал кислый, как у плохого пива, и он, тщательно выговаривая каждое слово, сказал мне:

— Тогда я надеюсь, что вы обратитесь ко мне с просьбой передать прошение разрешить вам постоянное поселение в Великом Сотрапезничестве Оргорейна.

— Да,— ответил я.

Через пять дней я получил разрешение на постоянное жительство в Мишпори (о чем я просил), а также временное удостоверение для поездки в этот город. Все пять дней мне пришлось бы голодать, если бы не старый врач, который поддержал меня в госпитале. Ему нравилось иметь в числе своих пациентов бывшего премьер-министра Кархида, и этот премьер-министр был ему благодарен.

Я проделал путь до Мишпори в качестве грузчика каравана

со свежей рыбой из Шанта. Быстрое, хотя и не самое ароматное, путешествие, кончилось на большом рынке Южного Мишпори.

Вскоре я нашел здесь работу в холодильнике. В таких местах, где приходится разгружать и хранить скоропортящиеся продукты, летом всегда много работы. Мы разгружали рыбу на острове, находившемся невдалеке от рынка, его называли Рыбий остров.

Работал я с несколькими напарниками и от нас всегда пахло рыбой, но мне эта работа нравилась, потому что позволяла большую часть дня находиться в помещении холодильника. Мишпори летом очень жаркий город. Двери закрыты, от рек идет пар, люди потеют. В месяце Окре было десять дней и ночей, когда температура не опускалась ниже шестидесяти градусов, а однажды поднялась до восьмидесяти восьми. Выходя из своего прохладного рыбачьего убежища, я уходил в Кундерер, где растут деревья и можно посидеть в их тени. Там я оставался допоздна и возвращался на Рыбий остров только ночью.

В этом районе Мишпори уличные фонари разбиты, чтобы не было видно, чем жители занимаются по ночам, но экипажи инспекторов рыскают по темным улицам, забирая у бедняка его единственное имущество — ночь.

Новый закон о регистрации иноземцев, принятый в месяце Кус, как шаг к разрыву отношений с Кархидом, сделал недействительным разрешение и лишил меня работы. Я провел полмесяца в приемных многочисленных инспекторов. Товарищи по работе дали мне взаймы немного денег и крали рыбу, которой я питался, поэтому я дождался перерегистрации и не умер с голоду. Но я усвоил урок. Мне нравились эти простые верные люди, но они жили в ловушке, из которой не было выхода, а мне предстояла работа среди гораздо менее приятных людей, поэтому я сделал то, что откладывал в течение трех месяцев — позвонил кое-кому по телефону.

На следующий день я стирал одежду в прачечной во дворе Рыбьего острова вместе с несколькими другими обитателями. Все мы были раздеты. И тут сквозь вонь рыбы и плеск воды я расслышал, как кто-то окликает меня именем по местности: в прачечной стоял сотрапезник Еджей. Он выглядел точно так же, как на приеме у посла Архипелага в Зале Церемоний дворца в Эрхенранге семь месяцев назад.

— Идемте отсюда, Эстравен,— сказал он высоким громким голосом в нос, как говорят все мишпорские богачи.— Оставьте эти грязные тряпки.

— У меня нет других.

— Тогда выловите их из этого супа и идемте. Здесь жарко.

Все смотрели на него с любопытством, узнав в нем богача. Но то, что это сотрапезник, они не знали. Мне не понравилось, что он пришел сам. Он должен был послать кого-нибудь. Мне хотелось поскорее увести его отсюда. Уплатив долги, сунув документы в карманы хеба, я ушел с острова вместе с Еджеем и направился в район, где живут богачи.

Как его «секретарь», я снова перерегистрировался и получил документы не пальца (пальцем назывались все работающие на Оргорейне), а подчиненного. В Оргорейне множество ярлыков, и прежде чем посмотреть на вещь, орготы смотрят на ярлык. В данном случае ярлычок соответствовал. Я был подчиненным и вскоре начал ощущать проклятие, заставившее меня есть хлеб другого человека. В течение месяца не было и признака, что я ближе к своей цели, чем на Рыбьем острове.

Однажды в дождливый вечер последнего летнего дня Еджей вызвал меня к себе в кабинет. Там он разговаривал с сотрапезником района Секив Оболе, которого я знал, когда он возглавлял торговую делегацию Оргота в Эрхенранге. Низкорослый, горбатый, с маленькими треугольными глазками на плоском лице, он представлял собой полный контраст утонченному худому Еджею. Старая карга и щеголь. Но не только.

Эти двое принадлежали к числу тридцати трех, что правили Оргорейном. Но их объединяло еще что-то.

После обмена любезностями и глотка огненной воды Оболе вздохнул и спросил:

— Скажите мне, Эстравен, почему вы так действовали в Сассиноте? Если есть человек, не способный ошибиться в расчете времени и в делах шифгретора, то это вы.

— Страх победил во мне осторожность, сотрапезник.

— Какого дьявола! Чего вы боялись, Эстравен?

— Того, что происходит сейчас. Продолжения борьбы за долину Синот, уничтожения Кархида, гнева, вызванного этим уничтожением, использования этого гнева кархидским правительством.

— Использования? Для чего?

Оболе был бесцеремонен. Еджей, вежливый, но колючий, прервал его:

— Сотрапезник, лорд Эстравен — мой гость, и он не должен подвергаться расспросам.

— Лорд Эстравен будет отвечать на вопросы, поняв, что это ему на пользу,— возразил Оболе, улыбнувшись.— Он знал, что находится среди друзей.

— Я принимаю дружбу, когда нахожу ее, сотрапезник. Но дружба бывает недолгой.

— Понятно. Но ведь можно тащить сани вдвоем, не будучи кеммерингами, как мы говорим в Сениве. Какого черта, я знаю, мой дорогой, за что вы изгнаны. Вы любите Кархид больше, чем короля.

— Скорее за то, что я люблю короля больше, чем его двоюродного брата.

— Или за то, что любил Кархид больше, чем Оргорейн,— сказал Еджей.— Я ошибаюсь, лорд Эстравен?

— Нет, сотрапезник.

— Вы думаете, следовательно,— продолжал Оболе,— что Тайб хочет править Кархидом, как мы Оргорейном — эффективно?

— Да. Я думал, что Тайб, используя спор о долине Синот в качестве стрекала и заостряя его по мере надобности, может за год больше изменить Кархид, чем он изменился за последнюю тысячу лет. У него перед глазами есть образец — Сарф. И он знает, как играть на страхах Аргавена. Это легче, чем пытаться пробудить храбрость Аргавена, как делал я. Если Тайб добьется успеха, перед вами будет достойный противник.

Оболе кивнул.

— Откладывая в сторону шифгретор,— сказал Еджей,— к чему вы ведете, Эстравен?

— Вот к чему: сможет ли великий континент выдержать два Оргорейна?

— Ай-ай-ай, та же самая мысль,— воскликнул Оболе.— Вы давно вложили ее мне в голову, Эстравен, и я никогда не мог от нее избавиться. Наша тень слишком выросла. Она закрывает и Кархид. Вражда между двумя кланами — да, набеги между городами — да, пограничный спор, сожжение амбаров, несколько убийств — да, но вражда между двумя нациями? Набег, в котором участвуют пятьдесят миллионов? Клянусь сладким молоком Меше, эта картина снится мне по ночам и заставляет потеть. Мы в опасности. Вы знаете это, Еджей, вы сами много раз говорили об этом. Я тринадцать раз голосовал против продолжения спора о долине Синот. Но что толку? У господствующей фамилии двадцать голосов, и каждый ход Тайба укрепляет власть Сарфа над этими двадцатью. Тайб строит ограду вдоль всей долины, ставит на ней стражников, вооруженных мародерскими ружьями! Наверное, их держали в музеях. Он бросает господствующей фракции вызов, в котором она нуждается... и тем самым укрепляет Оргорейн. Но и Кархид тоже. Каждый ответ на его провокации, каждое унижение Кархида, каждый наш выигрыш в престиже делают Кархид сильнее, и в конце концов он будет полностью контролироваться из центра, как сейчас Оргорейн.

Еджей налил еще по глотку огненной воды.

Верхушка Оргорейна пьет драгоценный огонь, привозимый за пять тысяч миль из туманных морей у Сита, как будто это просто пиво. Оболе вытер рот.

— Ну,— вздохнул он,— все, как я и думал. Нам предстоит вместе тащить сани. Но прежде чем мы впряжемся, я хотел задать вопрос, Эстравен. Вы совершенно закрыли мне глаза капюшоном. Теперь скажите: что это за оттяжки, сбивание с толку и болтовня по поводу посланника Дальней Стороны Луны?

— Значит, Дженри Ай просил разрешения посетить Оргорейн?

— Посланник? Он тот, за кого себя выдает?

— То есть?

— Он посланник другого мира?

— Да, он с неба.

— Эстравен, мне не нужны ваши проклятые кархидские метафоры. Отбросим шифгретор. Вы ответите мне?

— Я уже ответил.

— Он — чуждое существо? — спросил Оболе.

— И у него была аудиенция у короля Аргавена? — прибавил Еджей.

Я ответил «да» на оба вопроса. Они молчали с минуту, потом одновременно заговорили, не пытаясь скрыть свой интерес. Еджей пустился в рассуждения, но Оболе прямо перешел к делу.

— Каковы же были ваши планы? Вы, по-видимому, делали на него ставку и потерпели неудачу. Почему?

— Потому что Тайб поймал меня в ловушку. Я смотрел на звезды и не видел грязи у себя под ногами.

— Вы интересовались астрономией, мой дорогой?

— Скоро нам всем придется интересоваться астрономией, Оболе.

— Он представляет для нас угрозу, этот посланник?

— Думаю, нет. Он принес от имени своего народа предложение общаться, торговать, вступить в союз. Он пришел один и без оружия, у него ничего нет, кроме устройства связи с его кораблем, которое он разрешил всесторонне изучать. Я думаю, его нечего бояться. Но с собой он принес гибель королевства и сотрапезничества.

— Почему?

— Можем ли мы общаться с чужаками порознь? Может ли Гетен разобщенным вступить в контакт с восемьюдесятью мирами?

— Восемьдесят миров? — повторил Еджей. Он невесело рассмеялся.

Оболе искоса взглянул на меня и сказал:

— Я склонен думать, что вы слишком много времени провели с сумасшедшим в его дворце и заразились безумием. Во имя Меше, что за болтовня о союзе с солнцами и договорах с лунами? Как он прибыл сюда: на комете, на метеоре? Что за корабль, который может плыть по воздуху или небесному своду? Но вы, Эстравен, если и безумец, то мудрый безумец. Все кархидцы безумны. Продолжайте, лорд. Я следую за вами, давайте.

— Я никуда не могу придти, Оболе. А вот вы — другое дело. Если вы прислушаетесь к посланнику, он сможет указать вам выход из дела о долине Синот, из того зловещего тупика, куда вы попали.

— Хорошо, займусь на старости лет астрономией. Куда это меня только приведет!

— К величию, если вы будете мудрее меня. Сотрапезники, много времени провел с посланником, и я видел его корабль, который пересек небесный свод, и знаю, что он говорит правду. Он действительно посланник других миров. Невозможно судить об истине его описания других миров, об искренности послания, но если бы он был один из нас, я назвал бы его правдивым человеком. Вы сами сможете судить об этом. Но несомненно одно: в его присутствии линии, проведенные на карте, больше

не служат ни границей, ни обороной. Перед Оргорейном больший вызов, чем тот, который бросает Кархид. Люди, которые примут вызов, которые первыми откроют ворота в иной мир, станут лидерами всех нас, всех трех континентов, всего мира. Наши границы теперь пролягут между планетами. Теперь ставить шифгретор на меньший шанс — поступок глупца.

На Еджея мои слова подействовали, но Оболе сидел, погрузившись в свой мир, и смотрел на меня маленькими глазками.

— Не меньше месяца нужно, чтобы принять это всерьез,— произнес наконец он.— И если бы это говорили не вы, Эстравен, я решил бы, что все это чистейший обман, сеть, сотканная из звездных лучей. Но я знаю вашу крепкую шею. Слишком толста она, чтобы согнуться для простого обмана. Я не могу поверить, что вы говорите правду, и в то же время знаю, что вы не лжете. Ну-ну. Будет ли он говорить с нами, как говорил с вами?

— Этого он и хочет: говорить, чтобы быть услышанным. Тут или там. Тайб наверняка заставил его молчать, если бы он снова заговорил в Кархиде. Я боюсь за него: он, кажется, не понимает опасности.

— Вы расскажете нам то, что знаете?

— Да. Но почему бы ему не рассказать самому?

Еджей сказал, слегка покусывая палец:

— Он попросил разрешения посетить сотрапезничество. Кархид не возражает. Просьба рассматривается.

7 1448, день 81. Весьма вероятно, что они появились в результате эксперимента.

Неприятная мысль. Но теперь, когда существуют доказательства, что земная колония была экспериментом, пересадкой Хейнской нормальной группы в мир, где существовали собственные протогомониды, эту возможность нельзя игнорировать. Генетические эксперименты на людях, несомненно, практиковались колонистами. Ничто иное не может объяснить существование хилфов на планете С или дегенерировавших крылатых гоминидов на Роканноне. Что еще может объяснить гетенианскую сексуальную психологию? Случайность — возможно, естественный отбор — вряд ли.

Их сексуальность не имеет приспособительной ценности.

Почему для эксперимента был выбран такой суровый мир? Ответа нет. Тайнибоссел считает, что колония появилась в период между оледенениями. В первые сорок или пятьдесят тысяч лет условия на планете были скорее всего весьма хорошими.

Ко времени нового наступления льда хейнский отход завершился, и колонисты оказались предоставленными сами себе. От продолжения эксперимента отказались.

Я строю теорию о происхождении гетенианской сексуальной психологии. Что, в сущности, я о ней знаю? Сообщения Оти Нима из Оргорейна разъяснили некоторые из моих преды-

дущих заблуждений. Позвольте изложить то, что я знаю, а потом мою теорию.

Сначала факты.

Сексуальный цикл длится от двадцати шести до двадцати восьми дней (они предпочитают говорить о двадцати шести днях в соответствии со своим лунным месяцем). В течение двадцати или двадцати двух дней индивидуумы находятся в стадии сомер — отсутствие сексуальной активности. Примерно на восемнадцатый день начинаются гормональные изменения, вызываемые гипофизом, а на двадцать второй или двадцать третий индивидуум вступает в кеммер, период течки. В первой фазе кеммера (по-кархидски сехер) он остается двуполым. Пол или потенция не достигаются в изоляции.

Гетенианец в первой фазе кеммера в одиночестве или с другими не способен к сситию, но сексуальный импульс в этой фазе исключительно силен, подчиняет себе личность и определяет все ее стремления.

Когда индивидуум находит себе партнера в кеммере, гормональная секреция делает следующий шаг. Пока у одного из партнеров не установится гормональное превосходство мужского или женского рода. Половые органы соответственно увеличиваются или сокращаются. Партнер, приводимый в действие этими изменениями, принимает противоположную сексуальную роль. Это вторая фаза кеммера (по-кархидски торхармен) — процесс взаимного приспособления полов и потенции — занимает время от двух до двадцати часов.

Если один из партнеров находится в полной фазе кеммера, то приспособительная фаза второго партнера очень коротка. Если двое входят в кеммер одновременно, он длится дольше. Нормальные индивидуумы не имеют предрасположения к определенной роли в кеммере. Они не знают того, кем станут — мужчиной или женщиной,— и не имеют возможности выбора (Оти Ним сообщает, что в Оргорейне использование гормональных добавок для достижения предпочитаемой половой роли принято, а в аграрном Кархиде я этого на наблюдал).

После того, как пол установится, он не может быть изменен в течение кеммера. Кульминационная фаза кеммера (по-кархидски текеммер) длится от двух до пяти дней, во время нее половое влечение и возможности максимальны. Этот период обрывается очень резко, и если не произошло зачатие, индивидуумы возвращаются в фазу сомер в течение нескольких часов (примечание: Оти Ним считает это четвертой фазой кеммера, аналогичной менструальному периоду) и цикл начинается снова. Если индивидуум исполняет женскую роль и зачал, то гормональная активность продолжается в течение 3-4 месяцев (беременность — шесть-восемь месяцев). Индивидуум остается женщиной. Мужские половые органы находятся в сокращенном состоянии (как будто в фазе сомер), груди значительно увеличиваются и тазовый пояс расширяется. С прекращением лактации (вскармливания) женщина возвращается в сомер и снова

становится двуполым существом. Физиологическая привычка вырабатывается, и мать может родить еще нескольких.

Социальные наблюдения весьма своеобразны. Я усиленно занималась этой проблемой.

Обычно кеммер проводят парами. Это самый распространенный случай, но в кеммер-домах поселков и городов могут сформироваться группы, тогда между мужчинами и женщинами группы наблюдается промискуитет.

Крайним развитием парного кеммера является обет кеммеринга. Это во всех отношениях и целях не что иное, как моногамный брак. У него нет законного статуса, но в социальном и эстетическом отношении — это весьма древний и живучий институт кархидских кланов, очагов и домейнов. Вся структура кархидских кланов, очагов и домейнов основана на институте моногамного брака. Я не осведомлена о существовании правил развода. Здесь, в Осориере, развод существует, но после него или смерти одного из партнеров вторичный брак невозможен, обет кеммеринга заключается лишь один раз.

Происхождение, разумеется, по всему Гетену ведется от матери, «родителя по плоти» (по-кархидски амха).

Что я еще установила с несомненностью?

Одна особенность этой необычной половой организации может иметь приспособительную ценность. Поскольку кеммер происходит только в период плодовитости, вероятность зачатия очень высока, как у всех млекопитающих. В трудных условиях, где значительна детская смертность, это важно для выживания всей расы.

В настоящее время ни детская смертность, ни уровень рождаемости не поднимаются высоко в цивилизованных странах Гетена. Тайпибоссел оценивает население всех трех континентов в сто миллионов и считает, что оно стабильно уже в течение тысячелетия.

По-видимому, в установлении этой стабильности сыграли основную роль ритуальные и этические воздействия, а также использование противозачаточных средств.

Существуют такие аспекты двуполости, о которых мы только догадываемся, и, вероятно, никогда не узнаем полностью. Разумеется, всех нас, исследователей, чарует феномен кеммера. Нас он чарует, но гетенианцами он правит. Структура их общества, организация промышленности, сельского хозяйства, торговли, внешний вид поселений, темы рассказов — все устроено так, чтобы соответствовать циклу сомер-кеммер. У всех есть ежемесячный отпуск. Никто, какое бы положение он ни занимал, не должен работать в период кеммера. Никому — ни бедняку, ни чужеземцу — не воспрещен вход в кеммер-дома, все отступает перед периодической бурей и праздником страсти. Это нам относительно легко понять. Но гораздо труднее вообразить, что четыре пятых времени жизнь этих людей сексуально не мотивирована.

Для пола предоставлены особые помещения. Общество Ге-

тена в своем обычном функционировании лишено пола.

Следствие: любой может заниматься чем угодно. Звучит очень просто, но психологический эффект не поддается учету. И тот факт, что всякий в возрасте от семнадцати до тридцати пяти лет может быть, как пишет Ним, связан вынашиванием ребенка, означает, что никто — ни психологически, ни физически — не находится в положении женщины. Обязанности, привилегии распределяются совершенно поровну, перед всеми одинаковые возможности и одинаковый выбор, поэтому здесь никто не свободен так, как свободны в других мирах мужчины.

Следствие: ребенок не имеет психосексуальных взаимоотношений с матерью и отцом.

Миф об Эдипе на Зиме не существует.

Следствие: здесь нет полового насилия, нет изнасилований. Как у всех крупных млекопитающих, за исключением человека, соединение может происходить только по личному согласию, в противном случае оно невозможно. Обольщение, видимо, возможно, но оно должно быть очень тщательно рассчитано по времени.

Следствие: человечество не делится на сильную и слабую половину, нет защищаемых, господствующих — подчиненных, владельцев собственности, активных — пассивных членов общества. В сущности, тенденции к дуализму, преобладающие в человеческом мышлении, ослаблены или изменены на Зиме.

Нижеследующее, возможно, будет включено в мой окончательный отчет. Встречая гетенианца, вы приписываете ему роль мужчины или женщины и начинаете вести себя соответственно. Но наши социально-сексуальные взаимоотношения здесь не существуют. Жители Гетена не видят в себе мужчину или женщину. Наше воображение не в состоянии понять это. Какой первый вопрос мы задаем о новорожденном?

Но к гетенианцам неприменимо местоимение «оно». Они не среднего рода. Они потенциально и он, и она. Поскольку у меня отсутствует кархидское «человеческое местоимение», применимое к индивидууму в период сомер, я должна говорить «он» по той же причине, по которой мы применяем местоимение мужского рода и к трехликому богу. Оно менее определенно, менее специфично, чем местоимение женского или среднего рода. Но само использование этого местоимения заставляет меня забывать, что кархидец — это не мужчина, а мужчина-женщина.

Если будет послан первый мобиль, то его следует предупредить, что, если он не крайне самоуверен или стар, его гордость будет страдать. Мужчина хочет, чтобы его мужественность была подтверждена, женщина — чтобы ее женственность оценили, как бы ни были косвенно слабы эти подтверждения. На Зиме всего этого не существует, каждый оценивается только как человеческое существо.

Вернемся к моей теории. Размышляя о причинах этого эксперимента, если бы он был осуществлен, и стараясь оправдать

наших хейнских предков от обвинения в плохом отношении к людям, я сделала несколько предположений о том, чего они добились.

Цикл сомер-кеммер поражает нас, как деградация, как возвращение к периодам течки у высших млекопитающих, как подчинение человеческого существа механическому влечению пола. Возможно, эксперимент пытался установить, останутся ли человеческие существа, лишенные постоянной сексуальности, разумными и способными к созданию культуры.

С другой стороны, ограничение сексуального влечения определенными периодами и «приравнение полов» должно было предотвратить эксплуатацию полов и разочарование, связанное с полом. Конечно, все сказанное о половом влечении существует, но оно кончается, когда кончается кеммер.

Конечно, в период кеммера бывают приступы безумия, но не в сомер. Что же заменяет им пол? Чего достигает общество евнухов?

Впрочем, они, конечно, не евнухи, скорее их можно сравнить с подростками.

Есть еще одно предположение о причинах эксперимента: прекращение войн. Считали ли древние хейнцы, что постоянная сексуальная активность ведет к агрессивным, не свойственным никому из низших млекопитающих, кроме человека, проявлениям? Или же, подобно Тумассу Сонг Анготу, они считали войну проявлением мужского начала, огромным изнасилованием, и поэтому стремились в своем эксперименте ограничить как мужественность, которая насилует, так и женственность, которая подвергается насилию?

Бог знает. Но факт: гетенианцы, хотя и очень склонны к соперничеству — оно осуществляется по многим социальным каналам и связано с престижем,— но не агрессивны. У них, во всяком случае, нет того, что можно назвать войной. Они способны к убийству по одному и по двое, редко десятками, но никогда сотнями и тысячами. Так почему?

Возможно, что это не имеет ничего общего с их двуполостью. В конце концов, их немного. И еще климат. Погода на Зиме так безжалостна, так близка к пределам выживания, что ее жители вынуждены, несмотря на свою адаптацию к холоду, направлять все усилия для борьбы с ним.

Окраинные народы, расы, удерживающиеся на краю существования, редко бывают воинственными. И в конце концов, на Гетене доминирует не пол или какое-нибудь свойство жизни, а окружение: холодный и жестокий мир. Здесь перед человеком более страшный враг, чем он сам.

Я женщина с мирного Чиффевера, а не специалист по насилию и войне. Кто-нибудь другой еще займется этими вопросами. Но я думаю, что мечтать о воинской славе и победе следовало бы, проведя зиму на Зиме и посмотрев в глаза Льду.

8 Я провел лето скорее как исследователь, чем как мобиль.

Я бродил по Кархиду от поселка к поселку, от домейна к домейну, наблюдая и слушая. Мобиль в первое время, будучи и чудом, и чудовищем, не может всего этого делать. Я говорил своим хозяевам в деревенских очагах и в деревнях, кто я. Большинство из них немного слушало обо мне по радио и смутно представляло себе, кто я такой. Они были любопытны, одни больше, другие меньше.

Меньшинство пугалось, очень немногие не скрывали отвращения.

Враг в Кархиде — это не незнакомец. Незнакомец — гость. Враг в Кархиде — это сосед.

Месяц Куш я прожил на восточном побережье в очаге Коринхеринг — в доме поселке-крепости, построенном на холме над вечными туманами ходаминского океана. Тут жило около пятисот человек.

Четыре тысячи лет назад я застал бы их предков, живших на том же самом месте в таком же доме. За эти четыре тысячелетия были созданы электродвигатели, радио, машины и все остальное, но машинный век шел неторопливо, без промышленной революции, вообще без революций. Зима за тридцать столетий не достигла того, чего достигла Земля за тридцать лет. Но Зима и не платила ту цену, которую заплатила Земля.

Зима — враждебный мир, наказание за неправильный поступок наступает быстро и определенно — смерть от холода или голода. Никаких промежуточных мер, никаких отсрочек. Человек может довериться своей удаче, но общество не может. Изменения в культуре, подобно мутациям, могут вызвать неожиданный результат. Поэтому они происходят очень медленно. Торопливый наблюдатель в любом пункте истории Гетена мог бы заявить, что всякий технологический прогресс остановился, но это не так. Сравните водопад и ледник: оба текут, но по-разному.

Я много разговаривал со стариками в Коринхеринге, а также с детьми. У меня впервые появилась возможность общаться с гетенианскими детьми, потому что в Эрхенранге они постоянно содержатся в частных или общественных очагах и школах. От четверти до трети взрослого населения занято уходом за детьми и обучением их. Но здесь, в клане, каждый сам заботится о себе и никто, в частности, не отвечал за детей. Они носились по окутанным туманом холмам и берегам. Когда мне удавалось задержать кого-нибудь для разговора, они оказывались стыдливыми, гордыми и невероятно правдивыми.

Родительский инстинкт, как и повсюду, варьируется в Кархиде, как правильно я сделал вывод. Обобщения невозможны. Я никогда не видел, чтобы ребенка ударили. Лишь однажды кархидец при мне гневно ругал ребенка. Их нежность к своим детям очень глубока, но совершенно лишена чувства собственничества. Этим, видимо, она отличается от так называемого материнского инстинкта.

Однажды я слышал в Коринхеринге по радио дворцовый

бюллетень. Король Аргавен объявил, что ждет наследника. Не сына кеммеринга, а наследника по телу, королевского сына.

Король был беременен.

Я находил это забавным, жители Коринхеринга тоже, но по другим причинам. Они говорили, что король слишком стар, чтобы носить ребенка, шумно веселились и изрекали всякие непристойности. Старики хихикали и болтали об этом целые дни.

Они смеялись над королем, но не очень интересовались им. «Кархид — это домейн»,— как-то сказал Эстравен, и эти его слова, как и многое другое, сказанное им, часто приходили мне в голову по мере того, как я узнавал все больше и больше. То, что внешне казалось нацией, единой уже несколько столетий, на самом деле было мешаниной княжеств, городов, деревень и псевдо-феодальных племенных экономических союзов — варевом из яростно соперничающих, склонных к ссорам индивидуумов, над которыми не очень тяготело бремя центральной власти. Ничто, думал я, не сможет превратить Кархид в нацию. Повсеместное распространение связи, которое предположительно повсеместно должно было с неизбежностью нарождать национализм, здесь этого не делало. Экумен не может обращаться к этим людям, как к социальному единству, скорее нужно учитывать их сильное, хотя и неразвитое чувство человечности, человеческого единства. Мысли об этом приводили меня в возбуждение. Конечно, я ошибался, но узнавал кое-что о гетенианцах. Впоследствии эти знания оказались полезными.

Я не хочу провести целый год в старом Кархиде, мне нужно вернуться на запад до того, как закроются переходы через Каргаз. Даже здесь, на побережье, в последний месяц лета было два небольших снегопада. Честно говоря, с неохотой я двинулся назад на запад и в начале Гора — первого месяца осени — достиг Эрхенранга. Аргавен находился в своем летнем дворце в Верревере и на время своего уединения назначил Пеммера Харт рем ир Тайба регентом. Тайб использовал свою власть, и через несколько часов после своего прибытия я понял, что допустил немало ошибок в анализе положения. В Эрхенранге я чувствовал себя неуютно. По-видимому, мне грозила опасность.

Аргавен был безумен, зловещее расстройство мозга накладывало отпечаток на столицу, он питался страхом. Все хорошее в его правление было достигнуто благодаря министрам и кеммери. Но он не причинял много вреда. Его ночные кошмары не приносили ущерба королевству. Двоюродный брат короля Тайб был совсем иным. В его безумии была логика, и Тайб знал, как действовать и когда действовать, он не знал лишь, когда нужно остановиться.

Тайб часто выступал по радио. Эстравен, находясь у власти, никогда этого не делал, и вообще это было не в кархидских обычаях. Их правительство, как правило, действует скрытно и

не прямо. Тайб, однако, ораторствовал. Слыша его голос, я снова видел длиннозубую улыбку и лицо, покрытое сетью морщин. Речи его были длинными и громкими — восхваления Кархида и пренебрежительные замечания об Оргорейне, поношение «неверных друзей», крики о неприкосновенности кархидских границ, экскурсии в историю, этику, экономику — и все в напыщенном, манерном, эмоциональном тоне, перемешанном бранью и низкой лестью. Он много говорил о гордости за свою страну и любви к отечеству, но мало о шифгреторе, личной гордости и престиже. Неужели Кархид так утратил свой престиж в деле с долиной Синот, что от этой проблемы невозможно отступиться.

Нет, но Тайб часто говорил о престиже и о долине Синот. Я решил, что он сознательно избегает разговоров о шифгреторе, поскольку хочет возбудить эмоции на более элементарном, неконтролируемом уровне. Он хотел расшевелить нечто, замещением и улучшением чего был шифгретор. Он хотел, чтобы его слушатели были испуганы и рассержены. Темами его были не твердость и любовь, хотя он постоянно употреблял эти слова. Когда он их упоминал, они означали хвастовство и ненависть. Он много говорил о правде, утверждая, что готов заглянуть под внешний лоск цивилизации.

Это была вездесущая, повсеместная и удобная метафора — насчет лоска, скрывающего под собой реальность. Она сразу скрывала дюжину ошибок. Одна из самых опасных: цивилизация, будучи искусственной, неестественна, она является противоположностью примитивности. Конечно, нет никакого лоска. Происходит процесс роста. И примитивность, и цивилизация являются ступеньками этого процесса. Если у цивилизации и есть противоположность, то это война. Разумеется, эти противоположности исключают друг друга. Либо те, либо другие, но не обе сразу.

Когда я слышал трескучие напыщенные речи Тайба, мне казалось, что он снова хочет, чтобы его народ сделал выбор, который он уже сделал в начале своей истории. Время для этого, казалось, уже настало.

Медленно, как и их материальный и технологический прогресс, они в конце концов в последние пять, десять, пятнадцать столетий забежали вперед по сравнению с природой. Они больше не зависели полностью от капризов своего безжалостного климата. Плохой урожай не приводил к голодной смерти целые области, а суровая зима не изолировала целые города. На этой основе материальной стабильности Оргорейн постепенно создал объединенное и эффективно действующее централизованное государство. Кархид двигался по тому же пути и вот, чтобы ускорить это, требовалось развивать торговлю, улучшать дороги, фермы, колледжи и тому подобное. Все это цивилизация, лоск. И всё это Тайб презрительно отвергал. Он стремился к более уверенному, быстрому превращению своего народа в нацию — к войне. Его идеи относительно войны были не

слишком точны и определенны, зато очень громки. Другим способом объединения в нацию могла бы стать религия, но ее под рукой не оказалось, и он все поставил на войну.

Я отправил регенту письмо, в котором процитировал вопрос, заданный предсказателям, и их ответ на него. Тайб не ответил. Тогда я отправился к орготскому послу и попросил разрешения на посещение Оргорейна.

Официальных лиц, представляющих стабилей на Хейне в Экумене, меньше, чем работников посольства одной маленькой страны в другой, и все они были вооружены метрами звуковых и обычных записей.

Они были медлительны и основательны. Ни следа поспешного высокомерия или внезапной хитрости, которыми отмечены официальные лица Кархида.

Я ждал, пока они заполнили бумаги. Ожидание становилось тревожным. Число дворцовых стражников и городских полицейских на улицах Эрхенранга, казалось, увеличивалось с каждым днем. Они были вооружены, и у них появилось нечто вроде мундира. Настроение в городе оставалось унылое, хотя всеобщее процветание и хорошая погода должны были его улучшить. Никто не хотел иметь со мной никакого дела. Мой «хозяин» больше не показывал зевакам мою комнату, но постоянно жаловался, что его изводят «люди из дворца», и обращался со мной с гораздо меньшим уважением. Тайб произнес речь о набеге в долине Синот: «Храбрые кархидские фермеры, истинные патриоты перешли границу к югу от Сассинота, напали на орготскую деревню и сожгли ее. Убили девять жителей и утащили тела с собой, чтобы утопить их в реке Эй». «Подобную могилу,— заявил регент,— найдут все враги нашей нации!» Я слушал эту речь в обеденном зале своего острова.

Некоторые слушали угрюмо, другие незаинтересованно, третьи удовлетворенно, но у всех было что-то общее, какое-то выражение, которого я не замечал раньше — выражение беспокойства.

Вечером ко мне пришел человек, первый посетитель за время моего пребывания в Эрхенранге. Кожа у него была гладкая, манеры стыдливо-испуганные, а на шее он носил золотую цепь предсказателя-холостяка.

— Я друг того, кто подружился с вами,— заявил он неожиданно резко.— Я прошу вас об одолжении для него.

— Вы имеете в виду Фейкса?

— Нет. Эстравена.

После недолгого молчания незнакомец продолжил:

— Эстравен — предатель. Вы его помните?

Гнев сменил робость, и он начал играть со мной в шифгретор. Если бы и я принял игру, мне следовало сказать что-нибудь вроде: «Не уверен, расскажите мне о нем», но я не хотел играть и уже привык к вулканическому темпераменту кархидцев. Я осуждающе встретил его гнев и сказал:

— Конечно, помню.

— Но вы вспоминаете о нем не с дружбой.

Темные глаза гостя смотрели прямо и проницательно.

— Скорее с благодарностью и разочарованием. Он послал вас ко мне?

— Нет.

Я ожидал объяснений.

Он сказал:

— Простите, я вижу, что осуждение опередило меня.

— Я не знаю, кто вы и чего хотите.

Я не отказался от разговора, я просто хотел разъяснений.

— Вы должны до продолжения разговора признать за мной право на разумную осторожность. Эстравена изгнали за то, что он поддерживал мою миссию здесь.

— Вы считаете себя перед ним в долгу за это?

— В некотором смысле. Однако моя миссия важнее всякого личного долга и верности.

— В таком случае,— с яростной уверенностью заявил незнакомец,— это аморальная миссия.

Заявление меня остановило, я долго не мог найти ответ, затем, наконец, сказал:

— Это не так. Недостаток не в миссии, а в исполнителе. Но, пожалуйста, скажите мне, что вы хотите от меня.

— У меня с собой деньги, то, что я сумел собрать после крушения карьеры моего друга. Слыша, что вы собираетесь отправиться в Оргорейн, я решил попросить вас отвезти ему эти деньги. Возможно, это бесполезно, может быть, он в Мишпоре или на одной из этих проклятых ферм, или мертв. Я не смог ничего узнать. У меня нет друзей на Оргорейне, а здесь я никого не смею просить. Я думал, что вы над политикой, что вы можете свободно уезжать и приезжать. Я не думал, конечно, что у вас есть своя политика. Прошу прощения за свою глупость.

— Что ж, я возьму для него деньги. Но если он мертв или я не найду его, кому я должен их вернуть?

Он посмотрел на меня. Лицо его изменилось, он едва сдержал рыдание. Большинство кархидцев легко плачут, не стесняясь слез, как и смеха. Он сказал:

— Спасибо. Меня зовут Форен, я живу в крепости Оргии.

— Вы из клана Эстравена?

— Нет. Форен рем ир Осбот. Я был его кеммерингом.

У Эстравена не было кеммеринга, когда я знал его, но этот незнакомец не вызывал у меня подозрений. Возможно, он был чьим-то орудием, но сам выглядел искренним. Он только что преподал мне урок: в шифгретор можно играть на уровне этики, и опытный игрок обязательно выиграет. Он загнал меня в угол в два хода. Деньги были у него с собой: солидная сумма в кредитных билетах королевской кархидской торговли. Ничто не дает возможности заподозрить меня, но ничто не помешает мне и истратить их.

— Если вы найдете его...

— Именно?

— Нет. Только если бы я узнал...
— Если я найду его, постараюсь сообщить вам.
— Спасибо,— сказал он.

Он протянул мне обе руки — жест дружбы, который не часто увидишь в Кархиде.

— Желаю успеха вашей миссии, мистер Ай. Он, Эстравен, верил в это, он верил, что вы посеете добро.

Ничто в мире не существовало для этого человека, кроме Эстравена. Он принадлежал к тем, кто осужден на единственную любовь.

Я снова спросил его:
— Я могу что-нибудь передать ему от вас?
— Скажите, что дети здоровы.

Он поколебался, затем добавил:
— Иусут, неважно.

Он вышел.

Два дня спустя я вышел из Эрхенранга.

На этот раз я пошел пешком по северо-западной дороге. Разрешение посетить Оргорейн пришло гораздо быстрее, чем я мог надеяться, судя по деятельности чиновников в посольстве. Они, по-видимому, сами этого не ожидали. Когда я явился за документами, они общались со мной с каким-то ядовитым уважением, как будто для меня были нарушены правила и порядки.

Поскольку в Кархиде нет определенных правил отъезда из страны, я сразу выступил в путь. За лето я узнал, как принято ходить по Кархиду пешком. Дороги и гостиницы приспособлены не только для движения на грузовиках, но и пешком, и в любой гостинице можно рассчитывать на нерушимый кодекс гостеприимства.

Жители любого района, фермеры и лорды, дадут путнику приют и еду на три дня.

Этот срок определен неписаным кодексом гостеприимства, но практически можно жить гораздо дольше, и самое хорошее, что вас встречают без суеты и расспросов, как будто ожидали.

Я неторопливо шел между Сессом и Зем, изредка по утрам работал и в домейнах, и на фермах, где все жители были заняты уборкой урожая. Золотое зерно должно быть убрано до наступления осени. Эта неделя ходьбы вся была золотая и плодоносная, и по вечерам перед сном я выходил из фермерских домов или освещенных залов и очагов, шел по сухой стерне в поле и смотрел на звезды, горящие как далекие города в ветреной осенней тьме.

В сущности мне не хотелось покидать эту землю. Она была равнодушна к посланнику, но добра к незнакомцу. Мне страшно было начинать все сначала, повторять все на новом языке новым слушателям и снова, может быть, потерпеть неудачу. Я двигался больше на север, чем на запад, оправдывая свой путь любопытством: мне хотелось взглянуть на долину Синот — причину соперничества между Кархидом и Оргорейном. Хотя погода оставалась ясной, становилось холодно, и я, наконец, повернул

на запад, не доходя до Сассинота. Я помнил, что здесь вдоль границы тянется изгородь и мне, возможно, не позволят так легко покинуть Кархид.

Граница проходила по Эю, маленькой, но бурной реке, питаемой ледниковыми водами, подобно большинству рек Великого Континента. Пройдя несколько миль на юг, я нашел мост, связывающий два небольших поселка: Пассерар в Кархиде и Снувенсин в Оргорейне. Они сонно смотрели друг на друга через шумный Эй.

Стражники с кархидской стороны спросили только, собираюсь ли я вернуться сегодня, и пропустили меня. Но на Оргорейнской стороне мне заявили, что мои документы изучаются инспектором. Он делал это в течение часа, потом сказал, что паспорт мне вернут утром, и дал разрешение на ночлег и еду в сотрапезничестве в приемном доме Снувенсина. Еще час я провел в этом доме, пока управляющий читал мои бумаги и проверял подлинность разрешения, позвонив инспектору сотрапезнической пограничной станции, откуда я только что пришел.

Я не могу точно определить значение орготских слов, которые перевожу как «сотрапезник», «сотрапезничество». Первоначальное их значение — «питаться вместе».

Сейчас они включают в себя все национальные правительственные институты Оргорейна, от государства, через тридцать три района, до отдельных поселков, ферм, шахт, фабрик и так далее: «Сотрапезничество» может означать господствующую верхушку или любую власть. Сотрапезники — это обычно те тридцать три главы районов, которые составляют правительство — «Великое сотрапезничество Оргорейна», законодательное и исполнительное. Но это слово может означать также граждан, сам народ. В своеобразном отсутствии различия между общим и частным применением этого слова, в использовании его для обозначения как целого, так и части, в этой неточности и заключается его точное значение.

Наконец мои документы и мое присутствие были одобрены, и я получил возможность впервые поесть после раннего завтрака. Это была похлебка из кадика и ломоть хлебного яблока. Несмотря на свою официальность, Снувенсин был лишь маленьким поселком, погруженным в деревенскую апатию.

Сотрапезнический приемный дом был меньше своего названия. В его гостиной стоял один стол, пять стульев и не было огня.

Пищу приносили из деревенского трактира.

Остальное помещение занимала спальня: шесть кроватей, множество пыли и немного плесени. Поскольку все снувенсианцы, по-видимому, сразу после ужина ложились спать, я поступил так же. Уснул я в такой совершенно деревенской тишине, что в ушах звенело. Спал я около часа и проснулся в кошмаре взрывов, вторжения, убийств и пожаров.

Похоже было на дурной сон, в котором вы бежите по темным

улицам, а встречные не имеют лиц, дома за вами вспыхивают, и кричат дети.

Окончательно я пришел в себя в открытом поле на сухой стерне у черной ограды. Тускло-красный лунный полумесяц и несколько звезд виднелись сквозь разрывы облаков над головой. Ветер был жгуче холодный, и возле меня в темноте виднелось что-то большое, похожее на амбар или сарай, за ним в воздух поднимались струйки искр.

Я стоял босиком, без хлеба и плаща, но узелок был со мной. В нем была не только запасная одежда, но также рубины, деньги, документы и ансибл. Во время путешествия я спал на нем, как на подушке.

Очевидно, даже в кошмаре я схватился за него. Достав башмаки, брюки и зимний, подбитый мехом хеб, я оделся в холодной, темной тишине. В полумиле от меня догорал Снувенсин. Я побрел в поисках дороги и скоро нашел ее, а с нею и других людей.

Все они были беженцами, подобно мне, и не знали, куда идут. Я последовал за ними. В пути я узнал, что Снувенсин пострадал от набега из Пассерара.

Нападающие ударили, подожгли и отступили. Борьбы не было. Но вот впереди вспыхнул свет. Сбежав с дороги, мы смотрели на караван из двадцати грузовиков, шедших на предельной скорости в сторону Снувенсина.

Со свистом колес, повторяющимся двадцать раз, караван прошел мимо. Снова вернулись тишина и тьма.

Скоро мы добрались до коммунального фермерского центра, где нас задержали и допросили. Я старался присоединиться к группе, с которой шел, но безуспешно.

Всех, у кого не было документов, и меня, как чужестранца без паспорта, отделили от толпы и увели на ночь в большой склад — обширный каменный подвал с одной дверью, запертой за нами, и без окон. Время от времени дверь открывалась, и новые беженцы появлялись в сопровождении полицейских, вооруженных гетенианскими ультразвуковыми ружьями. Когда дверь закрылась, стало совершенно темно. В глазах плавали радужные пятна. Было холодно, пахло пылью и зерном.

Ни у кого не оказалось фонарика.

Всех этих людей, подобно мне, набег застал в постели. Было несколько буквально нагих, другие делились с ними одеялами, но в Оргорейне лучше не иметь одежды, чем документов.

Они сидели порознь в этой огромной, пыльной яме в полной тьме. Иногда двое начинали негромко разговаривать, но не было никаких жалоб.

Я слышал, как слева от меня кто-то говорил:

— Я видел его на улице перед самой моей дверью. У него была разбита голова.

— Тиенна сказал, что они из Пассерара, а из домейна Оверд приехали на грузовиках.

— Но между Овердом и Снувенсином нет вражды.

Они не жаловались, не говоря уже о протесте, когда их закрыли на ночь в холодном складе. Они не понимали, что с ними происходит. Мало-помалу шепот затихал. В темноте слышался лишь плач ребенка.

Когда дверь отворилась, в глаза ударил яркий солнечный свет. Я механически пошел за остальными, не осознав сначала, что меня зовут и не узнав своего имени: орготы могут произносить звук «л».

Кто-то с перерывами выкрикивал мое имя с момента открытия дверей.

— Пожалуйста, сюда, мистер Ай,— сказал человек в красном.

Я перестал быть беженцем. Меня отделили от тех безымянных, с которыми я брел ночью по дороге и чье отсутствие уверенности я разделял в темном складе.

У меня было имя, я существовал.

Какое невероятное облегчение. Я с радостью пошел за человеком в красном.

Контора местного сотрапезничества фермерского центра была в смятении, но и у чиновников нашлось время заняться мной и извиниться за неудобства прошлой ночи.

— Если бы только вы не решили проходить через сотрапезничество Снувенсин,— жаловался один толстый инспектор,— если бы вы избрали обычный путь!

Они не знали, кто я и почему со мной надо обращаться по-особому. Их невежество было очевидным, но какая разница? Дженри Ая, посланника, надо было принимать с почетом, и они так и поступили.

В полдень я уже направлялся в Мишпори в экипаже, предоставленном в мое распоряжение сотрапезническим фермерским центром Восточного Хомсвашема, район восемь. У меня был новый паспорт, разрешение пользоваться всеми приемными домами в дороге и телеграфное приглашение Мишпорского Первого Сотрапезничества, районного комиссара дорог и портов Ута Шуегиса.

Когда заработал мотор, в маленьком экипаже заработало и радио. Всю вторую половину дня, минуя обширные зерновые поля восточного Оргорейна без единой изгороди — на Гетене нет животных, которых надо было бы выгонять на пастбища,— я слушал радио.

Оно сообщало о погоде, об урожае, о состоянии дорог и предупреждало о необходимости соблюдать на дорогах осторожность, давало самые разнообразные новости из тридцати трех районов, о производствах на многочисленных факториях, информацию о морских и речных судах, о портах. Оно передавало исмештские гимны и снова говорило о погоде. Все было очень мило, особенно по сравнению с тем, что я слышал по радио в Эрхенранге. Ни одного упоминания о набеге на Снувенсин не было слышно.

Орготское правительство, очевидно, не хотело возбуждать

волнения. Короткое официальное сообщение, часто повторявшееся, утверждало, что на всей восточной границе свободного Оргорейна спокойно.

Мне это нравилось. В этом сообщении были какая-то уверенность и спокойствие, которыми я постоянно восхищался в гетенианцах. Я радовался, что вырвался за пределы Кархида, несовершенной страны, которую склоняют к насилию параноидальный беременный король и маньяк регент. Я радовался, спокойно двигаясь со скоростью в двадцать пять миль в час по обширным зерновым полям под серым небом к столице государства, чье правительство верило в порядок.

На дороге, в отличие от дорог Кархида, где приходилось постоянно останавливаться и расспрашивать о направлении, было множество указателей, предупреждающих о необходимости остановиться у очередного инспектора поста такого-то такой-то сотрапезнической области или района. Тут обязательно предъявлялись документы и все проезжавшие регистрировались. Мои документы внушали почтение, и после минутной задержки мне разрешали ехать дальше, вежливо подсказывая, где находится ближайший приемный дом, если я хочу есть или спать. На скорости в двадцать пять миль в час путешествие от границы Мишпори довольно значительное, и я провел в пути две ночи. Пища в приемных домах однообразна, но изобильна, постели вполне приличные, не хватает только уединения. Впрочем, путники в этих домах проявляли большую сдержанность. Ни на одной из остановок не удавалось мне завести знакомства или завязать разговор, хотя я неоднократно пытался это сделать.

Орготы казались не враждебными, а просто нелюбопытными. Они были бесцветны, однообразны и аккуратны. Мне они нравились. С меня хватило двух лет цвета, гнева и страсти в Кархиде. Я с радостью принял перемену.

Двигаясь по восточному берегу великой реки Кундерер, я на третье утро прибыл в Мишпори, самый большой город на планете.

В лучах солнца, светивших между осенними ливнями, это был странный город. Сплошные каменные стены с немногими узкими окнами, посаженными слишком высоко, с широкими улицами, заполненными народом, с уличными фонарями на нелепых высоких столбах, с крышами, задранными круто, как руки молящихся — все в неправильных пропорциях, какой-то гротескный город. Он не был построен для солнечного света. Он был создан для зимы. Зимой, когда улицы на десять футов заполнены плотным слежавшимся снегом, когда крутые крыши не удерживают снега, а под навесами стоят сани, когда сквозь снегопад виднеется желтый огонь в узких окнах, только тогда становится понятной экономичность и красота города, его уместность.

Мишпори был чище, больше и светлее Эрхенранга, в нем преобладали большие здания из желтовато-белого камня, простые

прямоугольники одинакового размера. В них помещались конторы и правительственные учреждения, а также храмы Йомештского культа, считавшегося государственным в сотрапезничестве. В них не было суматохи и путаницы, не было чувства, что над тобой что-то возвышается, как в Эрхенранге. Все было просто, удобно и аккуратно. Мне показалось, что я вышел из темного века, и я пожалел, что провел два года в Кархиде. Эта страна выглядела так, будто готова была вступить в Экуменийский век.

Я немного поездил по городу, потом вернул экипаж в соответствующее бюро и пешком направился в резиденцию первого сотрапезника и комиссара дорог и портов.

Не знаю, было ли полученное мной телеграфное приглашение просьбой или вежливым приказом. Иусут. Я прибыл в Оргорейн, чтобы говорить об Экумене, и мог начать с любого места.

Мои наблюдения по поводу флегматичности и самоконтроля орготов были совершенно опровергнуты комиссаром Шуегисом, который надвигался на меня со смехом и выкриками. Он схватил обе мои руки жестом, который кархидцы берегут для моментов высшего выражения эмоций, начал дергать мои руки вверх и вниз, как будто стараясь включить мой мотор, и проревел приветствие послу Экумена на Гетене.

Это было сюрпризом, так как ни один из десятков инспекторов, проверявших мои бумаги, не проявил и признака того, что им известно мое имя и слова «Экумен» и «посланник».

Я решил, что кархидцы не передали сообщения обо мне на орготские станции, сделали из меня свой национальный секрет.

— Не посол, мистер Шуегис. Всего лишь посланник.

— Значит, будущий посол. Да, клянусь Мешe!

Шуегис осмотрел меня сверху донизу и снова рассмеялся.

— Я не таким вас себе представлял, мистер Ай. Говорили, что вы высоки, как уличный фонарь, худы, как полоз саней, темнокожи и косоглазы. Я думал, что увижу чудовище, людоеда со льдов. Ничего подобного. Вы лишь немного темнее большинства из нас.

— Земной цвет,— сказал я.

— Вы были в Сувенсине накануне набега? Клянусь грудями Мешe, в каком мире мы живем! Вас могли убить на мосту через Эй после того, как вы проделали такой большой путь в пространстве. Ну-ну! Здесь многие хотят видеть вас, говорить с вами и приветствовать вас в Оргорейне.

Не слушая моих возражений, он поместил меня в своем доме. Высокопоставленный чиновник и богатый человек, он жил так, как никто в Кархиде, даже лорды самых больших домейнов. Дом Шуегиса был целым островом, вмещавшим сотни слуг, помощников, советников и тому подобное. Но никаких родственников.

Система семейных кланов, очагов и домейнов, черты которой еще проступали кое-где в сотрапезничестве, была «национали-

зирована» в Оргорейне несколько столетий назад. Дети в возрасте более года не жили со своими родителями, а воспитывались в сотрапезнических очагах. Не существовало ни рангов, ни наследования.

Завещания были объявлены незаконными.

Все умирающие оставляли свое имущество государству. Все начинали с равного, но, очевидно, дальше равенство кончалось. Шуегис был богат и пользовался своим богатством.

В моей комнате обнаружились такие предметы роскоши, о существовании которых я даже не подозревал на Зиме. Например, душ. Был также электрообогреватель, помимо отличного очага. Шуегис смеялся:

— Мне сказали: содержи Посланника в тепле, он из горячего мира, не мир, а печь, он не любит нашего холода. Обращайся с ним, как будто он беременный, положи меха на его постель и поставь обогреватель в его комнату, согревай воду, которой он умывается и держи его окна закрытыми! Как я все это выполнил? Вам удобно? Скажите, пожалуйста, чего вам не хватает?

Удобно! В Кархиде я ни разу, ни при каких обстоятельствах не был спрошен, удобно ли мне.

— Мистер Шуегис,— с чувством произнес я,— я себя чувствую, как дома.

Он не удовлетворился, пока не положил на постель еще одно одеяло из шерсти пестри и не подбросил дров в очаг.

— Я знаю, каково это,— сказал он,— когда я был беременным, мне все время было холодно, ночи были, как лед. Всю зиму я просидел у огня. Давным-давно, конечно, но я помню.

Гетенианцы стремятся иметь детей в молодости, большинство из них после двадцати четырех лет живут вольно и используют контрацептивы. Они перестают быть плодовитыми в женской роли в возрасте сорока лет.

Шуегису было около пятидесяти, поэтому его «давным-давно» звучало правдоподобно. В нем трудно было увидеть юную мать. Это был искусный политик, действовавший в собственных интересах, а интерес у него был только один — он сам.

Такой тип человека распространен повсеместно. Я встречал его на Земле, на Хейне и на Олдуле.

— Вы хорошо осведомлены о моей внешности и вкусах, мистер Шуегис. Я удивлен. Не думал, что моя характеристика опередила меня.

— Нет,— сказал он.

Он прекрасно понял меня.

— Там, в Эрхеранге, вас готовы были держать в сугробе, а? Но они вас выпустили, и только тут мы поняли, что вы не очередная кархидская ложь, что вы говорите правду.

— Мне кажется, что я вас не совсем понял.

— Аргавен и его окружение боялись вас, мистер Ай, и рады были увидеть вашу спину. Боялись, что, если плохо обойдутся

с вами или заставят вас молчать, придет возмездие. Набег из космоса. Поэтому они не осмелились тронуть вас. Они пытались заставить вас замолчать, потому что боялись вас и того, что вы принесли с собой на Гетен!

Он преувеличивал. В Кархиде новости обо мне не замалчивались, во всяком случае, пока у власти был Эстравен. Но у меня было впечатление, что эти новости не проникали в Оргорейн, и Шуегис подтвердил мое предположение.

— Значит, вы не боитесь того, что я принес на Гетен?

— Нет, сэр.

— А я иногда сам боюсь.

Он весело рассмеялся. Я не подбирал выражений. Я не торговец. Я не продаю прогресс аборигенам. Мы должны встретиться, как равные, со взаимопониманием и искренностью, прежде чем моя миссия сможет начаться.

— Мистер Ай, много людей хотят встретиться с вами, и среди них есть такие, с кем вы сами захотите говорить. Это те, кто делает мир таким, каков он есть. И я просил чести поселить вас у себя. Потому что у меня большой дом и я известен, как нейтральное лицо. Я буду держать вас открыто, и давать возможность говорить с вами всем желающим.

Он рассмеялся:

— Это значит, что вам придется съесть немало обедов.

— Я в вашем распоряжении, мистер Шуегис.

— Тогда сегодня вечером мы поужинаем с Венайком Слове, сотрапезником с Кувера, третий район. Разумеется, я проделал кое-какую подготовительную работу перед приездом вас сюда.

Он восхитился снисходительностью, которую я проявил, изучая его страну. Манеры здесь были совершенно отличные от кархидских. Там его поведение подорвало бы его шифгретор и оскорбило меня.

Во время набега на Снувенсин я потерял свой Эргенрангский костюм, и мне была нужна одежда, поэтому после обеда я сел в такси и поехал в нижний город. Хеб был такой же, как в Кархиде, но вместо легких летних брюк орготы круглый год носили зимние, мешковатые и нескладные.

Цвета одежды у них варьировались между синим и красным. И материал, и покрой, и изготовление — все было довольно плохим. Стандартная работа. Одежда показала мне, чего не хватало этому большому городу — элегантности. Отсутствие элегантности — дешевая плата за просвещение, и я с радостью уплатил бы ее. Я вернулся в дом Шуегиса и принял горячий душ, бивший со всех сторон, как колючий туман. Я вспомнил о холодных и мелких мисках в восточном Кархиде, в каких я мылся этим летом, о бассейне в моем кархидском доме, обросшем до крыши льдом.

Это элегантность? Да здравствует комфорт!

Надев новый красный костюм, я вместе с Шуегисом поехал на прием в его личном экипаже с особым шофером. В Оргорейне гораздо больше слуг, чем в Кархиде. Это потому, что

все орготы являются служащими государства. Государство должно найти работу для граждан и находит ее. Таково по крайней мере общепринятое объяснение, хотя, подобно большинству экономических объяснений, оно, возможно, обходит главную из причин.

В ярко освещенной высокой белой приемной зале сотрапезника Слове находилось около тридцати гостей. Трое из них были сотрапезниками, остальные — высокопоставленными чиновниками. Это была не просто группа орготов, любопытствующих взглянуть на «чужака». Я был не «диковинкой», как все два года в Кархиде, не уродством, я был ключом.

Какие двери предстояло мне открыть?

Вероятно, чиновники, приветствовавшие меня, знали об этом, но я не знал.

И не узнал во время ужина. По всей Зиме, даже в суровом варварском Перунтере, считается крайне вульгарным говорить о делах за едой. Поскольку ужин был накрыт очень быстро, я отложил свои вопросы и занялся клейким рыбным супом, наблюдая за хозяином и гостями. Слове оказался хрупким моложавым человеком, с необыкновенно светлыми, яркими глазами и резким голосом. Он выглядел идеалистом, преданным какой-то одной мысли. Слева от меня сидел еще один сотрапезник, толстолицый человек по имени Оболе. Он казался добродушным и любопытным. После третьей порции супа он принялся расспрашивать меня, в каком мире я родился.

— Говорят,— предположил он,— что он теплый, теплее, чем Зима, но насколько?

— Ну, на Земле на этой самой широте никогда не бывает снега.

— Не бывает снега?

Он рассмеялся с искренней радостью, как смеется ребенок хорошей сказке, ожидая дальнейших невероятных рассказов.

— Наши субарктические зоны подобны вашей обитаемой зоне. Мы дальше ушли от последнего оледенения, чем вы, но оно еще не кончилось. В основном Земля и Гетен очень похожи. Все обитаемые миры похожи друг на друга. Человек может существовать только в определенном окружении. Гетен — один предел выносимых человеком условий.

— Значит, есть более теплые планеты, чем ваша?

— Большинство из них теплее, некоторые горячи — Илк, например, преимущественно песчаная и скалистая пустыня. С самого начала она была теплой планетой, а ее цивилизация нарушила естественное равновесие пятьдесят-шестьдесят тысяч лет назад, она сожгла на топливо леса. Там сейчас живут люди. Туда ссылают преступников.

Это вызвало у Оболе улыбку, спокойную и одобрительную улыбку, которая вдруг заставила меня пересмотреть оценку этого человека.

— Некоторые наши мистики учили, что потусторонний мир действительно существует на других планетах во Вселенной.

Встречались ли вы с этой мыслью, Ай?

— Нет, меня описывали по-разному. Но еще никто не называл меня привидением.

Говоря это, я случайно взглянул направо и увидел привидение. Темный, в темной одежде, мрачный и спокойный, он неподвижно сидел за столом, как зритель не пиру.

Внимание Оболе было отвлечено другим гостем, и большинство слушало сидевшего во главе стола Слова. Я негромко сказал:

— Не ожидал увидеть вас здесь, лорд Эстравен.

— Неожиданности делают жизнь более привлекательной.

— У меня есть сообщение для вас.

Он вопросительно взглянул на меня.

— Оно приняло форму денег, ваших собственных денег. Их послал вам Форет рем ир Осбот. Они в доме Шуегиса. Я передам их вам.

— Вы очень добры, мистер Ай.

Он был спокоен и покорен, изгнанник, в чужой земле. Казалось, он не расположен разговаривать со мной, и я рад был прекратить беседу. Но время от времени в течение этого длинного роскошного ужина, в разговорах с этими влиятельными орготами, которые хотели подружиться со мной или использовать меня, я ощущал его присутствие, замечал его смуглое лицо. И мне пришла в голову мысль, которую я отверг, как совершенно безосновательную, что я не по своей воле появился в Оргорейне, чтобы есть жареную рыбу с сотрапезниками. Он привел меня сюда.

9 Давным-давно, до дней короля Аргавена Первого, который превратил Кархид в единое королевство, существовала кровавая вражда между домейном Стоки и домейном Эстре в земле Карм. Вражда в виде набегов и засад велась три поколения и не прекращалась, потому что спор шел из-за земли. Плодородные земли редки в Карме, а гордость домейна — в длине его границ.

Лорды в земле Карм горды и обидчивы, они отбрасывают черные тени.

Случилось так, что один юноша, наследник лорда Эстре, охотясь на озере Айсфут на пестри в месяце Иррем, вступил на подтаявший лед и провалился в воду. Хотя ему удалось при помощи одной лыжи выбраться на лед, положение его было очень тяжелым, а стоял Курем (Курем — влажная погода с температурой от нуля до минус двадцати градусов) и приближалась ночь. Он понял, что ему не пройти восемь миль вверх по холму до Эстре, и потому отправился в деревню Эбос на северном берегу озера.

Когда наступила ночь, с ледника спустился туман и покрыл все озеро, так что юноша не видел даже своих лыж. Он шел медленно, опасаясь снова провалиться.

Холод пробирал его до костей. Он понимал, что скоро не сможет двигаться. Наконец сквозь туман и ночь он увидел впе-

реди свет. Берег был неровным и местами лишенным снега, поэтому юноша отбросил лыжи, ноги его уже не держали, но он упрямо шел на свет. Он ушел далеко в сторону от Эбоса, пока наткнулся на маленький одинокий домик в лесу из деревьев торе.

Леса земли Карм сплошь состоят из этих деревьев, они кольцом окружали дом. Юноша постучался в дверь и крикнул.

Ему открыли и ввели его в дом.

В доме оказался только один человек.

Он помог юноше раздеться — одежда была, как из железа — уложил под меха и согревал собственным телом. Он дал ему горячего чая. Наконец, юноша пришел в себя и посмотрел на своего спасителя.

Тот оказался тоже молод. Они смотрели друг на друга. Оба были миловидны, сильны, с красивыми телами и смуглыми лицами, и один увидел в лице другого пламя кеммера.

Он сказал:

— Я Арек из Эстре.

— А я Терем из Стоки,— ответил второй.

Тогда Эстравен рассмеялся, потому что был еще слаб, и сказал:

— Ты вернул меня к жизни, чтобы убить, Стоквен?

Тот ответил:

— Нет.

Он взял Эстравена за руку, как бы желая проверить, вышел ли из нее холод. И хотя до кеммера Эстравену оставалось день или два, при этом прикосновении он почувствовал, как в нем самом просыпается огонь.

Некоторое время они сидели, взявшись за руки.

— Одинаковые,— сказал Стоквен.

Он указал на свою ладонь и ладонь Эстравена. И действительно, их руки были одинаковыми по величине и форме, как будто один человек сложил свои ладони.

— Я никогда не видел тебя раньше,— сказал Стоквен.— Мы смертельные враги.

Он встал, подбросил в очаг дров и вернулся к Эстравену.

— Мы смертельные враги,— повторил Эстравен.— Я дам тебе клятву кеммеринга.

— А я тебе,— ответил тот.

И они дали обет кеммеринга друг другу, а в земле Карм, как и сейчас, этот обет не мог быть ни нарушен, ни заменен другим. Эту ночь и следующий день они провели в лесном доме у замерзшего озера. На следующий день к дому подошел отряд из Стоки. Один из прибывших узнал Эстравена. Не говоря ни слова, он ударил ножом в его грудь, и молодой человек упал мертвым.

— Он был наследником Эстре,— проговорил убийца.

Стоквен сказал:

— Положите его на сани и отвезите в Эстре для погребения.

Он вернулся в Стоки. Люди положили тело Эстравена в сани, но увезли его в лес и оставили там на съедение зверям, а сами вернулись в Стоки. Терем стоял рядом со своим родителем по плоти, лордом Хариш рем ир Стоквен. Он спросил:

— Вы сделали то, что я велел?

Они ответили:

— Да.

— Вы лжете,— заявил Терем.— Вы никогда бы не вернулись из Эстре живыми. Эти люди не выполнили мое приказание и солгали, чтобы скрыть свою неправду, свою неповиновение. Я требую для них наказания.

И лорд Хариш изгнал их из очага и объявил вне закона.

Вскоре после этого Терем покинул свой домейн, сказав, что хочет немного пожить в крепости Ротерер, и целый год не возвращался в Стоки.

В домейне Эстре долго искали Арека в горах и на равнине и горевали о нем все лето и всю осень, потому что он был единственным ребенком лорда по плоти.

Но в конце месяца Терк, когда стояла глубокая тьма зимы, с гор на лыжах спустился человек и отдал привратнику у ворот сверток в мехах, сказав:

— Это Терем, сын сына Эстре.

Он исчез, быстрый, как падающий камень, и никто не сумел задержать его.

В свертке лежал новорожденный ребенок.

Его отнесли к лорду Эстре и передали ему слова незнакомца. Старый лорд, полный горя, увидел, что ребенок, как две капли воды похож на его сына Арека. Он приказал, чтобы ребенка растили во внутреннем очаге, и назвали его Терем, хотя это имя и не использовалось в клане Эстре.

Ребенок рос красивым и сильным. Он был смуглым и молчаливым, и все видели в нем сходство с пропавшим Ареком. Когда он вырос, лорд Эстре назвал его своим наследником, но сыновья кеммеринга лорда разгневались. Это были все сильные люди, они долго ждали наследства. Они устроили засаду на юного Терема, когда он отправился охотиться на пестри в месяц Иррем. Но он был вооружен, и они не сумели застать его врасплох. Двоих братьев он застрелил в тумане, который густым покрывалом окутал озеро Айсфут, а с третьим сразился на ножах и убил его, хотя и сам был жестоко изранен. Он стоял над телами братьев в тумане на льду и видел, что приближается ночь. Он слабел, кровь текла из его ран, и он подумал, что найдет помощь в деревне Эбос, но в сгущавшейся тьме он сбился с пути и забрел в лес торе на восточном берегу озера. Увидев заброшенный дом, он вошел в него и, слишком слабый, чтобы разжечь огонь, упал на холодные камни очага.

Ночью в дом пришел человек. Он остановился у входа и молча смотрел на окровавленного юношу, лежавшего у очага, потом торопливо вошел, уложил раненого в постель, разжег огонь в очаге, промыл раны Терема и перевязал его. Увидев,

что молодой человек смотрит на него, он сказал.

— Я Терем из Стоки.

— А я Терем из Эстре.

Наступило молчание. Наконец, молодой человек улыбнулся и сказал:

— Ты перевязывал мои раны, чтобы убить меня, Стоквен?

— Нет,— ответил старший.

Эстравен спросил:

— Как случилось, лорд Стоквен, что ты тут один, на этой спорной земле?

— Я часто прихожу сюда,— признался Стоквен.

Он взял руку молодого человека, чтобы проверить его пульс, и увидел, что руки у них одинаковые.

— Мы смертельные враги,— сказал Стоквен.

Эстравен ответил:

— Мы смертельные враги. Но я никогда не видел тебя раньше.

Стоквен ответил:

— Однажды я видел тебя давным-давно,— сказал он.— Я хочу, чтобы между нами и нашими домами был мир.

Эстравен сказал:

— Я дам тебе клятву мира.

Они дали клятву мира и больше не разговаривали. Раненый уснул. Утром Стоквен ушел, а из Эбоса пришли люди и унесли Эстравена в Эстре. Теперь больше никто не мог противиться воле старого лорда. Все видели три тела на льду озера, и после смерти лорда Терем стал лордом дома Эстре. Он немедленно прекратил старую вражду, отдав половину спорной земли домейну Стоки. За это и за убийство своих братьев он был прозван Эстравен-предатель, но его имя — Терем — по-прежнему дают детям этого домейна.

9 На следующее утро, когда я кончал завтракать в своей комнате в доме Шуегиса, звякнул домашний телефон. Я включил его, оттуда послышался голос, говоривший по-кархидски:

— Говорит Терем Харт. Могу ли я войти?

— Пожалуйста.

Я хотел быстрее отделаться от него.

Ясно, что никаких отношений между Эстравеном и мной не может быть. Даже если его разжалование и изгнание частично можно было отнести на мой счет, я не чувствовал себя виноватым. Ни его поступки, ни их мотивы не были мне ясны в Эрхенранге, и я не мог доверять ему. Я бы не хотел, чтобы он связывался с теми орготами, которые, как я считал, одобряли мою миссию. Его присутствие было осложнением и помехой.

Один из многочисленных слуг ввел его в мою комнату. Я усадил его в мягкое кресло и предложил выпить эля. Он отказался. Его манеры были не то чтобы сдержанными, а какими-то напряженными.

— Первый настоящий снег,— сказал он, заметив, что я

смотрю на плотно занавешенное окно.— Вы еще не смотрели на улицу?

Я выглянул и увидел густой снег. Улицы и крыши были укутаны им. За ночь снег выпал толщиной 2-3 дюйма. Был Одарха Гор — одиннадцатый день первого осеннего месяца.

— Ранний снег,— проговорил я, очарованный этим зрелищем.

— Он предсказывает суровую зиму.

Я оставил занавес незадернутым. Тусклый свет падал на смуглое лицо Эстравена. Он выглядел состарившимся с тех пор, как я его в последний раз видел в доме в Красном Углу во дворце Эрхенранга. Он, должно быть, узнал трудные времена.

— Вот то, что меня просили передать вам, Эстравен,— сказал я.

Я отдал ему сверток с деньгами, который после его звонка я выложил на стол. Он взял его и серьезно поблагодарил меня. Я не садился. Немного погодя, по-прежнему держа сверток в руках, он встал.

Что-то говорило мне, что я поступаю неверно, но я не обратил на это чувство внимания. Я не хотел, чтобы он приходил ко мне.

Он посмотрел на меня. Конечно, он был ниже ростом и плотнее, но в этот момент мне не казалось, что он смотрит снова снизу вверх. Я не встретился с его взглядом. Я с абстрактным интересом рассматривал радиоприемник на столе.

— Не следует верить всему, что передают здесь по радио,— вежливо сказал он.— Мне кажется, что здесь, в Мишпори, вы будете нуждаться в помощи и совете.

— Похоже, здесь много людей, готовых помочь мне.

— И в их количестве безопасность? Десять человек более достойны доверия, чем один? Но простите, мне не следовало говорить по-кархидски.

Он перешел на орготский.

— Изгнанник не должен говорить на родном языке. В его устах этот язык горек. А орготский язык больше подходит для предателя: он похож на сладкий сироп. Мистер Ай, вы оказали услугу мне и моему старому другу и кеммерингу Аше Форгету, и его именем и своим собственным я прошу о своем праве. Моя благодарность примет форму совета.

Он помолчал. Я ничего не сказал.

Раньше я никогда не слышал о такой местной вежливости. И я понятия не имел, что она означает. Он продолжал:

— Здесь, в Мишпори, вы не то, чем были в Эрхенранге. Здесь вы орудие фракционной борьбы. Советую вам быть осторожным и не позволять им использовать себя. Советую не доверять ни одной фракции. Они могут использовать вас лишь во зло.

Он замолчал, я уже хотел попросить его выразиться с большей определенностью, но он сказал:

— Прощайте, мистер Ай!

Повернулся и вышел. Я стоял, ошеломленный. Этот человек подобен электрическому угрю — не за что ухватиться и не знаешь, что тебя ударило.

Он окончательно испортил настроение мирного самоудовлетворения, в котором я пребывал за завтраком. Я подошел к узкому окну и выглянул. Снег немного поредел, и картина была прекрасна. Хлопья снега напоминали лепестки вишни, падающие под порывами ветра на моей родине: на Земле, на зеленой теплой Земле весной деревья покрываются цветами. Я почувствовал тоску по родине. Два года я провел на этой планете, начинается третья зима — месяцы безжалостного холода, снега, льда, ветра, холода снаружи и внутри, холода до костей и до мозга костей. И все это время я один, совершенно один, не могу доверять ни единой душе. Бедный Дженри, может быть, мы поплачем? Я видел, как на улицу из дома вышел Эстравен — темная фигура на фоне белого снега — осмотрелся, плотнее затянул пояс своего хеба — пальто у него не было — и пошел по улице, двигаясь грациозно и быстро, как будто был единственным живым существом в Мишпори.

Я отвернулся от окна. В теплой комнате было душно и тесно: обогреватель, мягкие кресла, кровать со множеством теплых одеял, ковры, занавеси.

Надев зимнее пальто, я вышел погулять.

Настроение у меня было плохое, и окружающий мир казался ужасным.

В этот день я обедал с сотрапезниками Оболе, Еджеем и еще несколькими, с которыми познакомился накануне. Обычно обедают здесь стоя, чтобы не создавалось впечатления, что человек целый день проводит за столом. Однако в этом случае были приготовлены сидения. Стол был разнообразным — восемнадцать или двадцать горячих и холодных блюд, в основном вареных яиц и хлебного яблока. Не начиная есть, чтобы не нарушать общепринятого табу на деловые разговоры за едой, но накладывая себе на тарелку жареные яйца, Оболе заметил:

— Вон тот парень по имени Мерсен — эрхенрангский шпион, а вот этот Гаум, агент Сарфа.

Он говорил негромко и смеясь, как будто удачно пошутил. Я понятия не имел, кто такой Сарф.

Когда все усаживались за стол, к хозяину Еджею подошел молодой человек и что-то сказал. Еджей громко произнес:

— Новости из Кархида. У короля Аргавена сегодня утром родился ребенок и через час умер.

Наступила пауза, потом все разом заговорили, а красивый человек, которого Оболе назвал Гаумом, поднял свою пивную кружку:

— Пусть все короли Кархида проживут так же долго! — воскликнул он.

Некоторые выпили вместе с ним, но большинство не стало этого делать.

— Во имя Меше, смеяться над смертью ребенка! — уко-

ризненно воскликнул толстый старик в пурпурном, сидевший рядом со мной.

Лицо его исказилось от отвращения.

Начался спор о том, кого из детей своих кеммерингов Аргавен назовет наследником, ему уже сорок лет, и, конечно, детей по плоти у него уже не будет, и как долго Тайб еще будет регентом.

Некоторые считали, что регентству приходит конец, другие сомневались.

— Как вы думаете, мистер Ай? — спросил человек по имени Мерсен, которого Оболе назвал кархидским шпионом. Вероятно, это был человек Тайба.— Вы ведь только что из Эрхенранга. Говорят, что Аргавен в сущности отрекся от престола, передав сан своему двоюродному брату.

— Я слышал такие разговоры.

— Вы считаете, что для них есть основания?

— Не знаю,— отрезал я.

Тут вмешался хозяин, заговорил о погоде. Гости начали есть.

После того, как слуги унесли тарелки и горы рыбьих костей, мы остались за длинным столом. Принесли маленькие чашки с огненной жидкостью. Меня начали расспрашивать.

С тех пор, как меня в Эрхенранге осматривали врачи и ученые, мне никто не задавал вопросов. Мало кто из кархидцев, даже рыбаки и фермеры, среди которых я провел первые месяцы, стремились удовлетворить свое любопытство. Они избегали прямых вопросов. Вопросы и ответы им не нравились. Я вспомнил, что говорил мне о вопросах Ткач Фейкс в крепости Стерхед. Даже специалисты ограничивались в своих вопросах чисто физиологическим аспектом, главным образом интересуясь действием желез внутренней секреции. В этом отношении я больше всего отличался от гетенианцев. Они никогда не спрашивали о том, как постоянная сексуальность всей расы влияет на социальную организацию, как мы справляемся с нашим постоянным кеммером. Психологи слушали, когда я говорил им о мозговой речи, но ни один из них не задал общих вопросов, чтобы представить себе картину земного или экуменийского общества. Пожалуй, исключением был только Эстравен.

Здесь, по-видимому, люди не так связаны соображениями гордости и престижа, и вопросы не оскорбляли ни спрашивающего, ни отвечающего. Однако скоро я заметил, что некоторые спрашивающие пытались поймать меня, доказать, что я обманщик. Это на минуту вывело меня из равновесия. Конечно, и в Кархиде я встречался с недоверием, но никогда с таким откровенным. Тайб пытался намекать на обман в день парада в Эрхенранге, но теперь я знаю, что это была часть игры, рассчитанной на свержение Эстравена. Я думаю, что на самом деле Тайб верил мне.

В конце концов, он видел мой корабль — маленькую посадочную шлюпку, которая доставила меня на планету. Он читал

доклады инженеров о корабле и ансибле. Никто из орготов не видел мой корабль, даже если бы я показал им свой ансибл, это не очень убеждает. Его настолько трудно совместить с реальностью, что скорее он покажется доказательством мошенничества.

Старый закон о культурном эмбарго не разрешал на этой стадии ввоз доступных для анализа и воспроизведения предметов культуры, и поэтому со мной не было ничего, кроме корабля и ансибла, ящика с фотографиями, несомненной странности моего тела и неопровержимой уникальности разума, фотографии передавались вдоль стола и рассматривались с тем непроницаемым выражением, с которым рассматривают фотографии чьей-либо семьи.

Расспросы продолжались.

— Что такое Экумен? — спросил у меня Оболе.— Мир, союз миров или столица?

— Все и в то же время ничего из этого. Экумен — это наше земное слово, на всеобщем же языке оно означает дом, по-кархидски могу сказать — очаг. Я не знаю, как сказать по-орготски. Я еще плохо владею вашим языком. Не сотрапезничество, мне кажется, хотя есть несомненные параллели между сотрапезническим правительством и Экуменом. Но Экумен — это вовсе не правительство. Это попытка объединить мистику с политикой, и, конечно, эта попытка едва не потерпела неудачу. Но неудача дала нашему обществу больше выгод, чем удачи наших предков. Это сообщество, имеющее свою культуру. Это форма образования, в некотором аспекте это союз или лига миров, обладающих некоторой центральной организацией. В этом аспекте я и представляю эту лигу. Экумен как политическая организация функционирует через координацию, а не по закону. Он не издает законы, решения принимаются советом. Как экономическая организация Экумен исключительно активен, он укрепляет коммуникации между мирами, поддерживает равновесие в торговле среди восьмидесяти миров. Точнее восьмидесяти четырех, если Гетен вступит в Экумен.

— Что это значит — не издает никакого закона? — спросил Оболе.

— Их нет. Государства — члены руководствуются собственными законами. Когда эти законы вступают в противоречие, Экумен служит посредником, пытаясь найти компромисс, приспособить эти законы друг к другу в юридическом и политическом отношении. Экумен должен был служить силой, поддерживающей мир, но в этом не было необходимости. Центральные миры все еще оправляются от разрушительной войны, шедшей много столетий назад, возрождая утраченные умения и идеи, учась жить заново.

Как мог, я объяснил им, что такое Вражеский Век и каковы его последствия. Но как это объяснишь людям, у которых никогда не было войны.

— Все это исключительно интересно, мистер Ай,— сказал

хозяин, сотрапезник Еджей, деликатный, щегольски одетый человек с пронзительными глазами,— но я не понимаю, чего они хотят от нас. То есть, я хочу узнать, какой им смысл присоединять к себе восемьдесят четвертый мир? К тому же, не очень-то мудрый мир. У нас нет звездных кораблей и всего прочего, что есть у них.

— Ни у кого из нас их не было, пока не появились хейнцы, и до сих пор у многих их не было бы, если бы Экумен не установил правила, которые вы, я думаю, могли бы назвать правилами открытой торговли.

Это вызвало у окружающих громкий смех. Оказывается, так называлась фракция Еджея в сотрапезничестве.

— Именно открытую торговлю я и стараюсь ввести у вас. Торговлю не только товарами, но и знаниями, технологией, идеями, философией, искусством, медициной, наукой, теорией. Думаю, что вряд ли у Гетена будет много путешествий к другим мирам. Мы находимся в семнадцати световых годах от ближайшего экуменийского мира Оллула, планеты звезды, которую вы называете Аеномс, а самые далекие миры — в двухстах пятидесяти световых годах, и вы даже не видите света их звезды. При помощи ансибла вы можете общаться с мирами, как по радио с соседними городами. Но я сомневаюсь, что вы встретитесь когда-либо с его людьми. Торговля, о которой я говорю, может быть очень выгодна, но это скорее коммуникация, чем транспортировка. В сущности, мое задание — установить, хотите ли вы общаться с остальной частью человечества.

— «Вы»,— повторил Оболе, напряженно наклонившись вперед.— Означает ли это Оргорейн или весь Гетен в целом?

Я поколебался: такого вопроса я не ждал.

— Сейчас это означает Оргорейн, но договор не может быть исключительным. Если Сит или остров Наций, или Кархид решат вступить в Экумен, они смогут это сделать. Каждый раз это вопрос индивидуального выбора. Обычно на высокоразвитых планетах типа Гетена дело кончается объединением всех наций и образованием центрального координирующего органа, осуществляющего связь с другими планетами. По нашей терминологии, это местная Стабильность. Такая организация сберегает много времени и денег. Объединившись, легче, например, построить космический корабль.

— Клянусь молоком Меше! — воскликнул толстый Хумери рядом со мной.— Вы хотите, чтобы мы улетели в небо? Уф!

Он с отвращением и негодованием фыркнул.

Гаум спросил:

— А где ваш корабль, мистер Ай?

Вопрос он задал негромко, улыбаясь, как будто он был совершенно незначительным и случайным. Гаум был исключительно красив по любым стандартам, и я не мог удержаться, чтобы не посмотреть на него, отвечая. И снова подумал, что же такое Сарф.

— Это не секрет, об этом много раз говорилось по кархидскому радио. Ракета, высадившая меня на острове Хорден, сейчас в королевских мастерских в школе ремесел, вернее, то, что от нее осталось. Когда ее исследовали, вероятно, немало деталей было снято.

— Ракета? — переспросил Хумери.

Я использовал орготское слово, обозначающее пиротехническую ракету, шутиху.

— Это слово неплохо передает принцип движения моей шлюпки, сэр.

Хумери опять фыркнул. Гаум лишь улыбнулся и осведомился:

— Значит, у вас нет способа вернуться... словом, туда, откуда вы пришли?

— Почему же? Я могу связаться по ансиблу с Оллулом и оттуда вышлют за мной корабль типа «Нафал». Правда, ему потребуется семнадцать лет, чтобы добраться сюда. Или я могу вызвать по радио тот корабль, который доставил меня в вашу солнечную систему. Он сейчас находится на орбите вокруг нашего солнца. Через несколько дней он будет здесь.

Слова мои вызвали совершенно явную сенсацию, и даже Гаум не смог скрыть своего изумления. Этот факт я никому не сообщал, даже Эстравену в Кархиде.

— Где же этот корабль? — спросил Еджей.

— Он кружит вокруг солнца где-то между Гетеном и Кухурком.

— Не шутите,— сказал старый Хумери.

— Совершенно верно. Мы не приземляемся в межзвездных кораблях, пока не устанавливается сообщение. Я прибыл в маленькой ракетной лодке и высадился на острове Хорден.

— И вы можете связаться с большим кораблем при помощи обычного радио? — поинтересовался Оболе.

— Да.

Я не стал упоминать о маленьком спутнике, выпущенном мною с ракеты. Мне не хотелось, чтобы у них сложилось впечатление, что все их небо занято моим металлическим хламом.

— Нужен достаточно мощный передатчик, но у вас такие есть.

— Значит, и мы можем вызвать ваш корабль по радио?

— Да, если у вас есть соответствующий шифр. Люди на борту находятся в состоянии, которое мы называем статисом или гибернацией. Они не тратят время своей жизни, пока я здесь выполняю свое задание. Соответствующий сигнал на нужной волне приведет в движение механизмы, которые выведут людей из статиса. После этого они свяжутся со мной по радио или ансиблу, используя Оллул в качестве постоянного центра.

Кто-то тревожно спросил:

— Сколько их?

— Одиннадцать.

Все с облегчением вздохнули, кто-то даже рассмеялся. Напряжение спало.

— А что, если вы не свяжетесь с ними? — спросил Оболе.

— Через четыре года они автоматически выйдут из статиса.

— Тогда они явятся за вами?

— Нет, пока не поговорят со мной. Они проконсультируются со стабилями на Оллуле и Хейне по ансиблу. Вероятнее всего, они решат сделать еще одну попытку — послать другого посланника. Второму посланнику часто бывает легче работать, чем первому. Ему приходится меньше объяснять, и люди охотнее ему верят.

Оболе улыбнулся, большинство остальных выглядело задумчивыми и настороженными, а Гаум слегка кивнул мне, как бы одобряя быстроту ответа. Слове о чем-то напряженно думал. Вдруг он резко повернулся ко мне:

— Почему, мистер посланник, вы никогда не упоминали об этом другом корабле за все два года в Кархиде?

— Откуда нам знать, что он этого не делал? — перебил его Еджей.

Он улыбнулся.

— Не делал,— подтвердил я.— И вот почему. Корабль, ждущий где-то наверху, может испугать. Вероятно, некоторые из вас чувствуют это. В Кархиде мне никогда не удавалось дойти до такой степени доверия, чтобы я мог упомянуть об этом корабле. Но здесь вы меня охотно слушаете, и не втайне, а открыто и публично. Вами не так правит страх, как в Кархиде. Я пошел на риск, потому что считаю его необходимым. И Оргорейн — самое подходящее место.

— Вы правы, мистер Ай! — с воодушевлением заверил Слове.— Через месяц вы вызовете ваш корабль, и его встретят здесь в Оргорейне как добрый знак новой эры. Тогда у всех откроются глаза!

Так продолжалось до самого ужина. Потом мы ели, пили и разошлись по домам. Я очень устал, но был доволен тем, как идут дела.

Конечно, остаются кое-какие препятствия.

Слове хочет сделать из меня новую религию. Хочет доказать, что я обманщик. Мерсен, по-видимому, стремится доказать, что он не кархидский агент, намекая, что таким агентом являюсь я. Но Оболе, Еджей и некоторые другие действуют на самом сносном уровне. Они хотят общаться со стабилями и привести на землю Оргорейна корабль «Нафал», чтобы убедить все сотрапезничество присоединиться к Экумену. Они считают, что, поступив так, Оргорейн одержит победу на Кархидом и что сотрапезники, организовавшие эту победу, получат соответствующий престиж и власть в своем правительстве. Их фракция открытой торговли, находящаяся в меньшинстве среди тридцати трех, противилась продолжению конфликта из-за долины Синот и в основном представляла консервативную на-

ционалистическую политическую линию. Фракция уже давно потеряла власть и считала, что может вернуть ее на пути, указанном мной.

То, что они не способны были заглянуть дальше и увидеть, что мои мысли и моя миссия означает конец их фракции, меня устраивало. Ступив на дорогу, они начнут понимать, куда она ведет. Оставаясь недальновидными, они все же были реалистичны.

Оболе, убеждая других, говорил:

— Либо Кархид испугается силы, которую этот союз даст нам — а Кархид всегда боится всего нового,— отступит и останется позади, либо правительство Эрхенранга наберется храбрости и попросит разрешения присоединиться к союзу вслед за нами. В обоих случаях шифгретор Кархида пострадает, в обоих случаях мы будем править санями. Если у нас хватит разума воспользоваться этим случаем, он обеспечит нам преимущество. И надолго!

Потом он повернулся ко мне.

— Но Экумен должен помочь нам, мистер Ай. Нам нужно показать своему народу кое-что еще, кроме вас, одного человека, к тому же уже известного в Эрхенранге.

— Понимаю, сотрапезник. Вам необходимо хорошее убедительное доказательство, и я с радостью предоставлю его. Но я не могу вызвать корабль, пока не обеспечены его безопасность и ваше единодушие. Мне нужно согласие вашего правительства и гарантии. Я считаю, что такой гарантией будет публичное оповещение всего сотрапезничества.

Оболе кисло посмотрел на меня, но сказал:

— Ну, конечно.

Когда мы ехали домой, я спросил:

— Мистер Шуегис, кто такой Сарф?

— Он глава постоянного бюро Внутренней Администрации, занимается подложными документами, торговлей без разрешения, регистрацией, контрабандой.

— Значит, инспекторы — агенты Сарфа?

— Да, многие.

— И полиция тоже находится в его распоряжении до какого-то предела?

Я задал вопрос осторожно и получил такой же осторожный ответ.

— Возможно. Сам я состою во внешней администрации и не знаю подробностей, как у них там во внутренней.

— Но они должны пересекаться. Так, например, с инспекцией вод.

Я, как мог осторожнее, отошел от вопроса о Сарфе. То, что сказал Шуегис, могло ничего не значить для жителя Хейна или, скажем, для жителя счастливого Чифферса. Но я родился на Земле. Не всегда плохо иметь преступных предков. Дед, испытавший ожог, передает внуку по наследству нос, который издалека чувствует запах дыма.

Было удивительно найти здесь, на Гетене, столько совпадений с древней историей Земли: монархия, крайне бюрократическое правительство.

Итак, старающийся представить меня лжецом не был агентом тайной полиции Оргорейна. Знал ли Гаум, что Оболе считает его таковым? Несомненно, знал.

Не был ли он в таком случае агентом-провокатором? И действительно ли он номинально с фракцией Оболе или против нее?

Какую же фракцию в правительстве тридцати трех контролировал Сарф или какая контролировала его? Мне следовало выяснить все это, хотя задача могла оказаться нелегкой. Мой курс, который совсем недавно казался ясным и обнадеживающим, вдруг начал выглядеть сомнительным и полным тайн, как в Эрхенранге. Все шло хорошо, подумал я, пока рядом со мной вчера вечером не появился, как привидение, Эстравен.

— Какова позиция лорда Эстравена здесь, в Мишпори? — спросил я Шуегиса, который забился в угол плавно двигающегося экипажа и как будто уснул.

— Эстравена? Его здесь зовут Харт, у нас в Оргорейне нет титулов, все отменено Новой Эпохой. Он подчиненный сотрапезника Еджея.

— Он здесь живет?

— Я думаю, да.

Я уже собирался спросить: не странно ли, что я увидел его вчера у Слове и не увидел сегодня у Еджея, но тут же понял, что в свете нашего короткого утреннего свидания это совсем не странно. Но мысль о том, что его сознательно не допускали ко мне, была тревожной.

— Его отыскали,— сказал Шуегис, поудобнее усаживаясь на мягком сидении,— где-то на южной стороне на консервном заводе или на фабрике клея — в общем, в каком-то таком месте,— и вытащили из грязи. Кто-то из фракции открытой торговли, я думаю. Конечно, он был полезен для них, когда был премьер-министром и членом кноремми, поэтому они поддержали его сейчас. Главным образом для того, я думаю, чтобы досадить Мерсену. Ха-ха! Мерсен — шпион **Тайба**, и, конечно, думает, что об этом никто не знает, но знают все, он не выносит вида Харта, думает, что тот предатель или двойной агент и бог знает, кто еще.

— А как вы думаете, мистер Шуегис, кто такой Харт?

— Предатель, мистер Ай. Просто и ясно. Отказался от требования своей страны на долину Синот в надежде помешать Тайбу захватить власть, но ничего не добился. У нас его ждало бы худшее изгнание, клянусь сосками Мешe! Если играешь против своей страны, рискуешь проиграть все. Этого не понимают те, кто лишен патриотизма. Впрочем, думаю, Харта не слишком беспокоит его положение, пока он может рассчитывать хоть на какую-то видимость власти. Он неплохо прожил эти пять месяцев здесь.

— Наверное, неплохо.

— А вы ему не доверяете?

— Нет.

— Я рад это слышать, мистер Ай. Не понимаю, что Еджей и Оболе нашли в нем. Он явный предатель, всегда заботится лишь о себе и старается править нашими санями. Я так во всяком случае считаю, мистер Ай. Не думаю, чтобы я дал ему волю, если бы это от меня зависело.

Шуегис яростно кивнул, одобряя собственное мнение, и улыбнулся мне, как один добродетельный человек другому. Экипаж плавно двигался по широкой, ярко освещенной улице. Утренний снег стаял, лишь вдоль обочины лежали продолговатые сугробы. Шел холодный мелкий дождь.

Большое здание Центрального Мишпори, правительственные учреждения, школы, йомештские храмы в дожде жалко блестели и, казалось, тоже таяли. Углы их слились, фасады прогнулись. В тяжелой каменности города было что-то жидкое, непостоянное, как и в монолитности всего государства, где целое и часть назывались одним словом. И в Шуегисе, моем веселом хозяине, тяжелом и устойчивом человеке, тоже было что-то расплывчатое, неуловимо смутное, немного нереальное.

С самого начала своего путешествия по золотым горам Оргорейна четыре дня назад, начиная свое движение к святая святых Мишпори, я что-то упустил. Но что?

Комнаты теплые, еда безвкусная, но какая в этом беда? Почему и люди, которых я встретил, тоже кажутся мне безвкусными? Среди них были яркие личности — Оболе, Слове, прекрасный Гаум. И все же каждому из них не хватало какого-то качества, какого-то измерения, свойственного живым существам.

Они были неубедительны. Они казались какими-то нереальными.

Как будто, подумал я, они не отбрасывают тени.

Размышления такого типа составляют существенную часть моей работы. Без определенной способности к ним я не получил бы квалификацию мобиля. Впоследствии я развил эти способности, обучаясь на Хейне и зарабатывая звание Проницательного.

Я никогда не был выдающимся проницательным, а в этот вечер вообще усомнился в своих способностях. Оказавшись в своей комнате, я искал утешения в горячем душе. Но даже здесь я чувствовал себя неспокойно, как будто сама горячая вода была нереальной. И ее не следовало принимать в расчет.

11 Мишпори. Стрет Саоми. Развитие событий внушает некоторую надежду. Оболе торгуется с другими сотрапезниками, Еджей произносит льстивые речи, Слове обращает других в свою веру и силы их последовательно растут. Они проницательные люди и крепко держат в руках свою фракцию. Только семеро из тридцати трех открыто причисляют себя к фракции открытой торговли. Что касается остальных, то Оболе рассчитывает за-

воевать поддержку еще десятерых, получив тем самым большинство.

Один из них, по-видимому, всерьез интересуется посланником — сотрапезник Инспен из района Эйньен, который работает с Сарфом и занимается передачами, которые мы вели из Эрхенранга. Очевидно, они подействовали на его сознание.

Он предложил Оболе, чтобы Тридцать Три объявили о своем приглашении звездного корабля не только в своей стороне, но и в Кархиде, предложив Аргавену решительно присоединиться к этому приглашению. Благородный план, но его не приняли. Они не хотят, чтобы Кархид в чем-то присоединялся к ним.

Люди Сарфа среди Тридцати Трех противятся любому соображению о присутствии посланника и его миссии. Что касается равнодушных и осторожных, кого Оболе надеется склонить на свою сторону, я думаю, они боятся посланника не меньше, чем Аргавен, с той лишь разницей, что Аргавен считает его сумасшедшим, как он сам, а они лжецом, как они сами. Они боятся поддаться обману, изобретенному Кархидом. Они пригласили посланника, пригласили публично, каков же будет их шифгретор, если никакого звездного корабля не окажется.

Несомненно, Дженли Ай требует от нас необычной доверчивости.

Оболе и Еджей думают, что сумеют уговорить большинство из Тридцати Трех. Не знаю, почему я меньше надеюсь на это. Возможно, в глубине души я не хочу, чтобы Оргорейн оказался более просвещенным, чем Кархид, чтобы он пошел на риск, выиграл бы, обогнал бы Кархид и оставил его в тени. Если эта ревность патриотическая, то она пришла слишком поздно. Как только я понял, что Тайб скоро одолеет меня, я начал делать все возможное, чтобы посланник оказался в Оргорейне, а в изгнании делал всё, чтобы убедить их в его правдивости.

Благодаря деньгам, которые он принес от Аше, я снова живу независимо, не встречаюсь открыто с Оболе и другими сторонниками посланника, а самого посланника не видел уже полмесяца, с его второго дня в Мишпори.

Он отдал мне деньги Аше, как отдают наемному убийце его плату. Я не часто бывал так разгневан и сознательно оскорбил его.

Он знал, что я рассержен, но я не уверен, что он понял, что его оскорбили.

Похоже, что он принял мой совет, несмотря на форму, в которой его преподнесли. Когда я остыл и увидел это, я забеспокоился. Неужели в Эрхенранге он ждал моего совета, не зная, как попросить об этом? Если так, значит он неверно понял половину того, что я сказал ему в последний вечер в моем доме, и совсем не понял остального. Его шифгретор, видимо, основан совсем на иных принципах, чем наш, и когда я думал, что говорю с ним наиболее откровенно, он считал, что я наиболее скрытен и уклончив.

Его бестолковость — невежество. Его высокомерие — невежество. Он не знает нас, а мы — его. Он бесконечно чужд нам, а я — глупец, позволивший, чтобы моя тень пересекла свет принесенной им надежды.

Мне нужно сдерживать свое тщеславие. Мне нужно уйти с его пути. Ясно, что он этого хочет, и он прав. Изгнанный кархидский предатель недостоин доверия.

В соответствии с орготским законом, которому каждый присоединившийся обязан следовать, я с восьмого часа до полудня работаю на фабрике пластмасс. Работа легкая. Я управляю машиной, которая из кусков пластика сваривает маленькие прозрачные ящики. К полудню, устав, я должен обратиться к старой школе, которую изучил в Ротерере. Я рад тому, что не утратил умения собирать силы. Но ведь я выдержал лишь один день, а все тело болит у меня неделю! Месяц!

Ночью холодно. Сегодня вечером резкий ветер принес ледяной дождь. Весь вечер я думал об Эстре. Я написал длинное письмо сыну. Снова и снова ощущаю я присутствие Арека. Казалось, стоит мне обернуться, и я увижу его. Зачем я это пишу? Для сына? Мало хорошего принесет эта запись. Может быть, я пишу, чтобы писать на родном языке.

Хархарад Саоми. По-прежнему, по радио ни одного упоминания о посланнике. Интересно, понимает ли Дженли Ай, что в Оргорейне, несмотря на всю видимость публичности, ничего не делается публично и открыто? Машинисты скрываются за машиной.

Тайб хочет научить Кархид лгать. Он берет уроки у Оргорейна — хорошая школа, но думаю, у него будут затруднения.

Большой орготский набег вчера через Эй, сожженный Текенбар. Именно этого хотят и Сарф, и Тайб. Но чем все это кончится?

Слове, обратив утверждение посланника в Йомештский мистицизм, заявил, что приход Экумена — начало правления Меше среди людей.

— Мы должны прекратить соперничество с Кархидом до прихода новых людей,— говорит он.— Мы должны очистить души перед их приходом, должны простить все акты насилия и объединиться без вражды, как братья в одном очаге.

Но как сделать, чтобы они пришли? Как разорвать круг?

Гирни Саси. Оболе возглавляет комитет, который собирается запретить непристойные игры в общественных кеммердомах.

Вероятно, они похожи на кархидские хухуд. Слове против них, потому что они тривиальны, вульгарны и святотатственны.

Противостоять чему-либо — значит, поддерживать его.

Здесь говорят: «Все дороги ведут в Мишпори». Даже, если повернешься спиной к Мишпори и пойдешь от него, все равно будешь на дороге к Мишпори. Противостоять вульгарности, значит, неизбежно быть вульгарным. Нужно идти куда-то еще, нужно иметь другую цель. Только тогда пойдешь по другой дороге.

Еджей в зале Тридцати Трех сказал сегодня:

— Я неизменно выступаю против блокады экспорта кархидского зерна и против того духа соперничества, который вызывает эту блокаду.

Верно, но таким способом не уйдешь с дороги, ведущей в Мишпори. Он должен предложить альтернативу. Оргорейн и Кархид вместе должны сойти с дороги, по которой идут, и пойти в другом направлении. Они должны разорвать круг. Я думаю, Еджей имеет в виду посланника.

Быть атеистом — значит, укреплять бога.

Его существование или несуществование означает одно и то же в плане доказательства. Слово «доказательство» не часто употребляется Жанндарами, они не склонны общаться с богом, как с субъектом или доказательством веры. Они разорвали круг и освободились.

Знать, на какие вопросы нет ответа, и не отвечать на них — в эпоху напряжения и тьмы этого самого нужного знания.

Торменвод Саоми. Мое беспокойство увеличивается: по-прежнему ни слова о посланнике по радио. Даже сообщения о нем, которые мы делали в Эрхенранге, не повторялись здесь, а слухи, возбуждаемые нелегальным подслушиванием нашего радио и приносимые торговцами и путешественниками, по-видимому, распространяются крайне узко.

Сарф более надежно контролирует все линии связи, чем я думаю. Эта возможность отвратительна. В Кархиде король и кноремми могут неплохо контролировать то, что делают люди, но мало — то, что они слышат, и совсем не могут контролировать то, что они говорят. Здесь правительство следит не только за каждым действием, но и за каждой мыслью. Ни один человек не должен иметь такой власти над остальными.

Шуегис и другие открыто принимают Дженли Ая в городе. Понимает ли он, что эта открытость маскирует его, что скрыт.

Никто не знает, что он здесь. Я спрашивал своих товарищей по работе на фабрике. Они ничего не знают и решили, что я говорю о каком-то сумасшедшем йомештском сектанте.

Никакой информации, никакого интереса, ничего, что могло бы помочь Аю или защитить его жизнь.

Жаль, что он внешне так похож на нас.

В Эрхенранге люди часто указывали на него на улице, потому что слышали о нем и знали, что он в городе. Здесь, где его присутствие хранится в тайне, его никто не замечает. Они, несомненно, видят его, как увидел впервые я: необычайно высокий, сильный, смуглый юноша, только входящий в фазу кеммера. В прошлом году я изучил отчеты врачей о нем: его отличия от нас глубоки, но не лежат на поверхности.

Нужно знать о них, чтобы увидеть в нем чужака.

Почему они скрывают его? Почему ни один из сотрапезников не упоминает его в своих речах или выступлениях по радио?

Почему молчит даже Оболе? Из страха?

Мой король боялся посланника, эти боятся друг друга.

Я думаю, что Оболе доверяет только мне, иностранцу. Он получает удовольствие в моем обществе (как и я в его) и несколько раз, отбрасывая шифгретор, откровенно просил моего совета. Но когда я советую ему объявить о присутствии посланника, вызвать к нему общественный интерес, он словно не слышит меня.

— Если глаза всего Сотрапезничества будут устремлены к посланнику, Сарф не посмеет тронуть его,— говорю я.

Оболе отдыхает.

— Да, но мы не можем так сделать, Эстравен. Радио, печатные бюллетени, научные доклады — все это в руках Сарфа. Что же мне, произносить речи на углу улицы, как фанатичному жрецу?

— Но можно поговорить с людьми, пустить слухи. Я проделал нечто подобное в прошлом году в Эрхенранге. Пусть люди знают и задают вопросы, а ответом на них будет сам посланник.

— Если бы только он вызвал этот проклятый корабль, чтобы у нас было что показать людям! Но пока...

Он не вызовет корабля, пока не убедится, что вы действуете с добрыми намерениями.

— А разве нет? — воскликнул Оболе.— Разве я не уделяю много часов этому делу? Божья вера! Он ждет от нас, что мы поверим ему на слово, но не отвечает нам тем же!

— А должен ли он верить?

Оболе фыркнул и не ответил.

Он ближе к честности, чем любой правительственный деятель Оргорейна, насколько мне известно.

Олгетени Сасми. Чтобы стать высшим чиновником при Сарфе, нужно, по-видимому, проявить определенную глупость. Пример этому — Гаум. Он считает меня кархидским агентом, пытающимся лишить Оргорейн престижа, вовлекая его в грандиозный обман посланника Экумена. Он считает, что, будучи премьер-министром, я готовил этот обман. Клянусь богом, у меня были более важные дела! Он не способен понять это.

Теперь, когда Еджей, очевидно, выставил меня, Гаум решил, что меня можно подкупить, и попытался сделать это на свой манер.

Он внимательно следил за мной и знал, что я должен войти в кеммер в Росте или в Торменбод. И вот прошлым вечером в стадии полного кеммера, несомненно вызванного гормональными инъекциями, он решил соблазнить меня. Произошла как бы случайная встреча на улице Пикафен.

— Харт, я не видел вас полмесяца. Где же вы прятались? Выпьете со мной эля?

Он выбрал ресторан с сотрапезническим общественным кеммер-домом и заказал не эль, а воду жизни: решил не тратить времени. После первого же стакана, он взял меня за руку и прошептал:

— Мы встретились не случайно. Я ждал вас и прошу быть сегодня моим кеммерингом.

Он назвал меня по имени.

Я не отрезал ему язык: после ухода из Эстре я не ношу с собой нож. Я только сказал ему, что в изгнании решил придерживаться воздержания. Он продолжал ворковать, держа меня за руки. Он быстро входил в женскую роль кеммера. Гаум прекрасен в кеммере и рассчитывал на свою красоту и половую привлекательность, зная, что я, будучи Жанндаром, не использую наркотические вещества для воздержания. Но он забыл, что цель может служить лучшим наркотиком. Я высвободился, хотя его прикосновение, конечно, произвело на меня свое действие, и посоветовал ему поискать партнера в соседнем кеммер-доме. Он посмотрел на меня с ненавистью и сожалением, все же он, какими бы ни были его намерения, действительно находился в кеммере и был глубоко возбужден.

Неужели он думал, что я продамся за такую плату?

Будь они прокляты, эти грязные люди!

Среди них нет ни одного настоящего человека.

Орсордни Сасми. Сегодня Дженли Ай выступил в зале Тридцати Трех. Посторонние не допускались, не велась передача по радио, но позже Оболе показал мне собственную запись этой сессии. Посланник говорил хорошо, с трогательной искренностью и убежденностью. В нем есть невинность, которая мне кажется чуждой и глуповатой, но иногда эта невинность приоткрывает такую дисциплину ума и величия цели, которые внушают благоговение.

Через него говорят проницательные и величественные люди, владеющие глубочайшей древней мудростью и невероятно разнообразным жизненным опытом, но сам он молод, нетерпелив и неопытен. Он стоит выше нас, видит дальше, но все же он только человек.

Сейчас он говорит лучше, чем в Эрхенранге, проще. Он учится в процессе работы, как и все мы.

Его речь часто прерывалась выкриками членов господствующих фракций, требовавших, чтобы Президент остановил сумасшедшего. Наиболее шумным был сотрапезник Кменбей.

— Неужели вы проглотили эту чушь? — крикнул он Оболе.

Вот отрывок из записи:

Альшель (президент): Мистер Ай, мы находим эту информацию, переданную нам Оболе, Слове, Итеманом, Еджеем и другими, весьма интересной. Однако нам нужны кое-какие разъяснения (смех). Поскольку ваш экипаж, на котором вы прибыли, остался в Кархиде, и мы не можем осмотреть его, не смогли бы вы вызвать ваш звездный корабль? Так вы его называете?

Ай: Звездный корабль — хорошее название.

Альшель: Да? А как вы называете его сами?

Ай: Технически это надзвездный корабль с экипажем «Нафал-20».

Голос: А не сани святого Петета?

Смех.

Альшель: Прошу тишины. Да. Если бы вы могли вызвать корабль, чтобы он приземлился здесь, чтобы мы могли иметь несомненно...

Голос: Несомненную чушь!

Ай: Я очень хочу вызвать корабль, мистер Альшель, как доказательство и свидетельство нашей доброй воли. Я жду только предварительного публичного извещения об этом событии.

Кахаросайл: Разве вы не понимаете, сотрапезник, что это такое? Это не просто глупая шутка. Это преднамеренное публичное издевательство над нашей доверчивостью, над нашим легковерием, над нашей глупостью, издевательство, подготовленное с необычной наглостью тем, кто стоит сегодня перед нами. Вы знаете, что он кархидский агент. Вы видите перед собой отклонение того типа, что появилось в Кархиде под влиянием Темного Культа, которое там не лечат, но даже вызывают иногда искусственно для оргий предсказателей. И все же, когда он говорит: «Я из космоса»,— кое-кто из вас закрывает глаза и верит! Никогда не представлял я себе такой возможности.

И так далее.

Судя по записи, Ай противостоял насмешкам и оскорблениям с терпением. Оболе тоже сказал, что он держался хорошо.

Я слонялся вокруг зала, ожидая, когда они выйдут после сессии Тридцати Трех. У Ая был задумчивый и угрюмый вид. И не зря.

Моя беспомощность невыносима. Я пустил эту машину в ход и теперь не могу контролировать ее. Я брожу по улицам, склонив голову, пытаясь увидеть посланника. Ради этой жизни я отбросил власть, деньги, друзей. Какой же ты дурак, Терем!

Почему ты не мог заставить себя быть как все?

Одене Саоми. Устройство связи, которое Дженли Ай продемонстрировал по просьбе Оболе Тридцати Трем, не изменило их настроения.

Несомненно, оно действует, но королевский математик Корот сказал только:

— Я не понимаю принципов его работы.

И ни один орготский физик или математик не добьется большего, и ничто не будет доказано или опровергнуто.

Я еще не пробовал уговорить Оболе, чтобы он убедил Ая вызвать по радио корабль, разбудить экипаж на борту и попросить его связаться по радио с сотрапезниками в зале Тридцати Трех. На этот раз у Оболе был готовый ответ, почему этого нельзя сделать.

Послушайте, мой дорогой Эстравен, вы теперь знаете, что радио под контролем Сарфа. Даже я не знаю, кто именно из людей Сарфа управляет связью. Несомненно, что их большинство, потому что они руководят приемом и передачей на всех уровнях, включая техников и рабочих. Они могут заблокировать или искажить любую передачу, даже если мы получим ее. Можете представить себе сцену в зале? Мы, жертвы великого

обмана, слушаем с затаенным дыханием статистические разряды и ничего больше, никакого ответа, никакого послания.

— И у вас нет денег, чтобы нанять или подкупить техников? — спросил я. Бесполезно. Он боялся за свой престиж. Его отношение ко мне изменилось. Если он отменит свое приглашение посланника на вечер, дела плохи

Одархед Саоми. Он отменил приглашение.

Наутро я решил увидеться с посланником в лучшем оргот-ском стиле. Я не пошел к дому Шуегиса, где, должно быть, все кишело ищейками Сарфа, а окликнул его на улице — случайная встреча.

— Мистер Ай, не выслушаете ли вы меня?

Он удивленно оглянулся, узнав меня, забеспокоился, потом спросил:

— Что хорошего в этом, мистер Харт? Вы знаете, что я не могу полагаться на ваши слова после Эрхенранга.

Искренне, но и благородно. Он знал, что я хочу предложить ему совет, а не просить его о чем-нибудь, и заговорил, чтобы спасти мою гордость.

Я сказал.

— Это Мишпори, а не Эрхенранг. Но опасность та же самая. Вы не сможете убедить сотрапезников объявить по радио, а они не могут уговорить вас вызвать корабль. Вы в большой опасности, мистер Ай, и опасность станет меньше, если вы вызовете корабль.

— Дебаты сотрапезников, касающиеся моей миссии, хранятся в тайне. Откуда вы об этом знаете, мистер Харт?

— Дело моей жизни — знать.

— Но это не ваше дело. Это дело сотрапезников Оргорейна.

— Я говорю, вашей жизни угрожает опасность, мистер Ай.

Он ничего не ответил, и я ушел.

Мне следовало поговорить с ним раньше, сейчас слишком поздно. Страх победит его миссию и мою надежду. У орготов не хватит разума увидеть действительно великое и нужное. Они смотрят на человека из другого мира и видят... что? Шпион из Кархида, подобный им самим.

Если он немедленно не вызовет корабль, будет слишком поздно, может быть, уже поздно.

Это моя вина. Я все делал неверно.

12 Меше есть центр времени. Прозрение его наступило тогда, когда он прожил на земле тридцать лет, после этого он прожил на земле еще тридцать лет, так что момент прозрения пришелся на центр его жизни. И все века до прозрения длились столько же, сколько будут длиться после прозрения, которое совпадает с центром времени. И в Центре нет ни прошлого времени, ни будущего. В нем все прошедшее и все будущее, все, чего не было, и все, что было.

Ничто не остается невидимым.

Бедняк из Шени пришел к Меше, жалуясь, что у него нет

пищи для ребенка его плоти и нет зерна для посева, потому что дожди сгноили его урожай. И весь народ очага умирает с голоду. Меше сказал:

— Выкопай яму на каменистом поле в Туеррене и найдешь там клад из серебра и драгоценных камней. Я вижу короля, закапывающего клад десять тысяч лет назад, когда соседний король совершил на него нападение.

Бедняк из Шени копал в моренах Туеррена и там, где указал Меше, нашел клад древних драгоценностей и, увидев его, закричал от радости. Но стоявший рядом Меше заплакал и сказал:

— Я вижу человека, убивающего своего товарища по очагу из-за этих камней. Это будет через десять тысяч лет, и кости убитого будут лежать там, где лежит сокровище. О, человек из Шени, я знаю, где и твоя могила. Я вижу тебя в ней.

Жизнь человека находится в центре Времени, в момент прозрения Меше, в его глазах. Мы — зрачки его глаз. Наши деяния есть его Прозрение, наше Бытие — его знание.

Дерево Хеммена в сердце Эрненского леса длиной и шириной в сто миль было старым и росло долго. У него было сто ветвей, и на каждой ветви по тысяче прутьев, а на каждом прутике по сто листьев. И дерево сказало:

— Все мои листья видны, кроме одного, который скрывается в тени других. И этот лист я храню в тайне. Кто увидит его во тьме моих листьев? Кто сочтет их число?

Меше, проходя по Эрненскому лесу в своих скитаниях, сорвал с дерева этот лист.

Осенью идут дожди, и шли, и будут идти.

Меше видит каждую каплю, которая падала, падает и будет падать.

Отвечая на вопрос лорда Шорта в момент прозрения, Меше увидел все небо, как будто это было одно солнце. Над землей и под землей все было ярко, как солнечная поверхность, и не было тьмы. Он увидел то, что есть, и то, что было, и то, что будет.

Улетающие звезды, которые забирают с собой свой свет, все были в его глазах и весь их свет сиял в один момент (Жанндара).

Тьма была лишь в глазах смертных.*

Они думают, что видят ее, хотя на самом деле не видят ничего. Во взоре Меше тьмы нет.

Поэтому те, кто призывает тьму — глупцы и выплюнуты изо рта Меше, потому что они называют Истоком и Концом то, чего не существует.

---

* Это мистическое выражение одной из теорий, объясняющей гипотезу расширяющейся вселенной, впервые предложенной математической школой Сити свыше четырех тысяч лет назад и принятое всеми позднейшими космогонистами, хотя метеорологические условия на Гетене не способствуют сбору наблюдательных данных по астрономии. Темп разбегания может быть определен по наблюдению звезд на ночном небе. Дело в том, что если бы вселенная не расширялась, ночное небо не было бы темным.

Нет ни источника, ни конца, потому что все находится в центре времени. Как звезды могут отразиться в круглой дождевой капле, падающей в ночи, так и капля отражает все звезды. Нет ни тьмы, ни смерти, все существует в момент прозрения, и начало и конец всего — одно и то же.

Один центр, одно прозрение, один закон и один свет. Смотрите в глаза Меше!

13 Встревоженный неожиданным появлением Эстравена, его знакомством с моими делами и яростной убежденностью его предупреждения, я нанял такси и отправился прямо к острову Оболе, собираясь спросить сотрапезника, откуда Эстравен знает так много, почему он внезапно выскочил откуда-то и советует мне сделать именно то, чего не советует Оболе. Сотрапезник отсутствовал, привратник не знал, где он и когда вернется. Я пошел к дому Еджея, но результат оказался не лучше. Шел густой снег. Мой шофер отказался везти меня дальше, чем до дома Шуегиса, так как у него не было подходящих для такого снега шин. Вечером мне не удалось связаться с Оболе, Еджеем или Слове по телефону.

За обедом Шуегис объяснил, что идет йомештский праздник — торжество Святых и Держателей Трона — и все высшие сановники Сотрапезничества должны находиться в храмах.

Он даже достаточно проницательно объяснил поведение Эстравена: человек, когда-то находившийся у власти, теперь цепляется за всякую возможность управлять событиями, цепляется все более отчаянно и безнадежно по мере того, как проходит время и он все более погружается в безвестность. Я согласился, что это объясняет беспокойное, почти истерическое поведение Эстравена. Однако его беспокойство заразило меня. Весь долгий обед я чувствовал нарастающую тревогу.

Шуегис говорил со мной, с многочисленными помощниками и подчиненными, сидевшими за столом. Я никогда не думал, что он так безжалостно разговорчив. Когда обед кончился, было уже слишком поздно, чтобы выходить, и в любом случае все сотрапезники были заняты, как сказал Шуегис, и освободятся не раньше полуночи. Я решил не ужинать и рано отправился спать. Где-то между полночью и рассветом меня разбудили незнакомцы, сообщившие, что я арестован. Вооруженные охранники доставили меня в тюрьму Кундершаден.

Кундершаден — одно из самых древних зданий в Мишпори. Я часто видел его, когда уходил гулять по городу. Это был длинный угрюмый и зловещий дом со множеством башен, стоявший особняком среди бледных корпусов сотрапезнических зданий. Это реальная вещь, то, что обозначается словом «тюрьма».

Охранники, приземистые и крепкие, провели меня по коридорам и оставили в маленькой комнате, очень грязной и ярко освещенной. Через несколько минут прибыла еще одна группа охранников как эскорт человека с худым лицом и властным

выражением. Он отпустил всех, кроме двоих. Я спросил его, можно ли мне связаться с сотрапезником Оболе.

— Сотрапезник знает о вашем аресте.

Я глупо повторил:

— Знает о нем?

— Мои начальники действуют, конечно, по приказу Тридцати Трех. Вы подвергнетесь допросу.

Охранники взяли меня за руки. Я сопротивлялся, гневно говоря:

— Я и так могу отвечать на ваши вопросы, оставьте ваши запугивания!

Узколицый человек не обратил внимания на мои слова, только позвал других охранников.

Вошли еще трое. Меня привязали к столбу, раздели и ввели какое-то вещество, вероятно, заставляющее говорить правду.

Я не знаю, долго ли продолжался вопрос и о чем меня допрашивали, потому что все время находился под действием наркотиков и ничего не помню. Придя в себя, я мог лишь предположить, сколько времени меня продержали в Кундершадене — четыре или пять дней — судя по физическому состоянию, но я не был уверен в этом, и не знал, какой сегодня день и какой месяц, я вообще очень медленно начинал воспринимать окружающее.

Я находился в грузовике, очень похожем на тот, что вез меня через Кархид в Рер, но на этот раз не в кабине, а в фургоне. Со мной было двадцать или тридцать человек — сколько именно, сказать трудно, поскольку в фургоне не было окон и свет пробивался только в узкую щель в двери, забранной толстой стальной решеткой. Должно быть, мы уже ехали некоторое время, когда я пришел в себя. У каждого было свое место, а запах экскрементов, рвоты и пота достиг высшей концентрации и больше не увеличивался и не уменьшался. Все были не знакомы, никто не знал, куда нас везут. Разговоров почти не было. Вторично я был заперт в темноте с потерявшими надежду жителями Оргорейна.

В первую ночь моего пребывания в этой стране я получил предупреждение, но проигнорировал его.

Я чувствовал, что грузовик движется на восток, и не мог избавиться от этого ощущения, даже когда стало ясно, что он движется на запад, все дальше углубляясь в Оргорейн. Ощущение направления и влияния магнитных полей сказывается поразному на разных планетах, и когда разум не может компенсировать это различие, появляется впечатление, будто все буквально перевернулось.

Один из запертых в фургоне ночью умер.

Его били дубинками или ногами в живот, и у него шла кровь изо рта и ушей.

Никто ничего для него не сделал, да и делать было нечего. За несколько часов до этого к нам просунули пластиковый кувшин с водой. Но кувшин этот давно был пуст. Умирающий

оказался моим соседом справа, и я положил его голову к себе на колени, чтобы ему было легче дышать. Так он и умер.

Все мы были обнажены, и мои руки, ноги и бедра покрылись кровью.

Становилось холоднее, и мы жались друг к другу, чтобы согреться. Поскольку труп не давал тепла, его оттащили в сторону.

Всю ночь мы теснились, раскачиваясь вместе, когда грузовик подскакивал на неровностях дороги. За нами не было других грузовиков. Даже прижавшись лицом к решетке, ничего нельзя было разглядеть, кроме тьмы и смутного ощущения падающего снега.

Падающий снег, вновь выпавший снег, давно выпавший снег, снег после дождя, снег, схваченный морозом. В орготском и кархидском языках были особые слова для каждого вида снега. В кархидском — я знал его лучше орготского — можно насчитать шестьдесят два различных слова, обозначавших снег. Имеется много слов для обозначения различного вида льда, свыше двадцати обозначений разных типов осадков. Я сидел, стараясь мысленно составить списки этих слов.

Каждый раз, вспоминая новое слово, я пересматривал записи, вставляя его на нужное по алфавиту место.

Прошло немало времени после рассвета, когда грузовик остановился. Заключенные закричали в щель, чтобы из фургона убрали труп. Мы били кулаками в дверь, в стены, превратив внутренность стального ящика в такой гремящий ад, что сами не могли выдержать. Никто не пришел. Грузовик простоял несколько часов. Наконец снаружи послышались голоса, грузовик дернулся, скользя по обледенелым камням дороги и двинулся дальше. Через щель в двери можно было рассмотреть солнечное утро и лесистые холмы вдоль дороги.

Грузовик шел еще два дня и три ночи — всего четыре со времени моего пробуждения.

Он не останавливался у инспекторских постов, мне кажется, ни разу не проезжал через города или поселки. Путь его был окольным. Он притормаживал, чтобы сменить батареи или шофера. Были и более долгие остановки, причину которых изнутри фургона установить было невозможно. Два дня грузовик двигался при свете, а потом — только ночью.

Однажды через дверцу в большой двери просунули кувшин с водой.

Вместе с мертвецом нас было двадцать шесть, два раза по тринадцать. Гененианцы часто считают по тринадцать, двадцать шесть и пятьдесят два. Несомненно, из-за двадцатишестидневного лунного цикла, составляющего неизменный месяц и приблизительно соответствующего их половому циклу. Труп был отброшен к самой решетке, которая образовывала заднюю стену нашего ящика.

Остальные сидели или лежали каждый на своем месте, на своей территории, в своем домейне до ночи. Когда становилось

холодно, мы постепенно сближались, образуя единую группу, в середине ее было тепло, а по краям холодно.

Доброта. Я и некоторые другие — старик, человек со зловещим кашлем — хуже всех сопротивлялись холоду, и каждую ночь мы оказывались в центре группы, где было теплее.

Мы не дрались за теплые места, мы просто оказывались в них каждую ночь.

Ужасно, что человек не теряет добро. Мы оказались обнаженными во тьме и холоде, и нам нечего было дать друг другу, кроме доброты.

Несмотря на скученность и на то, что по ночам жались друг к другу, мы не сходились, не сближались друг с другом. Некоторые были одурманены наркотиками, другие казались умственно дефективными, все были оскорблены и испуганы, но может показаться странным, что среди двадцати пяти человек никто не разговаривал, даже не ругался. Доброта и терпимость, но все в молчании, всегда в молчании. Стиснутые в зловонной тьме, мы постоянно сталкивались друг с другом, падали друг на друга, наше дыхание смешивалось. Я так и не узнал, как зовут моих спутников. Мы оставались чужими друг другу.

Однажды — мне кажется, это было на третий день, когда грузовик надолго остановился и я подумал, что нас бросили в холодной пустыне — один из них заговорил со мной. Он рассказал мне длинную историю о фабрике в Южном Оргорейне, где он работал, и как поссорился с надсмотрщиком. Он говорил мягким, тусклым голосом и держал меня за руку, как бы желая привлечь внимание. Светило солнце, и мы стояли на обочине дороги, и один солнечный луч неожиданно пробился в щель, стало светло.

Я увидел девушку, грязную, хорошенькую, глупую и усталую девушку, глядевшую мне в лицо, робко улыбаясь в поисках утешения. Юный орготец находился в кеммере, и его тянуло ко мне. Я встал и подошел к двери, как бы для того, чтобы глотнуть свежего воздуха. Я долго не возвращался на свое место.

Всю ночь грузовик спускался по пологим террасам. Время от времени он неожиданно останавливался. На каждой остановке вокруг стального ящика воцарялась морозная нерушимая тишина обширной пустыни, тишина гор. Находившийся в кеммере по-прежнему пытался коснуться меня. Я встал и долго стоял, прижавшись лицом к щели, вдыхая чистый воздух, который как бритва резал мне горло и легкие. Руки мои, прижатые к решетке, онемели. Я понял, что скоро они будут обморожены. Дыхание мое образовало ледяной мостик между губами и решеткой. Прежде чем обернуться, я должен был сломать этот мостик пальцами.

Втиснувшись между остальными, я трясся от холода. Ничего подобного я не испытывал раньше, прыгающие спазмы, похожие на конвульсию лихорадки. Грузовик снова двинулся. Шум и движение создавали иллюзию тепла, нарушая ледя-

ное молчание, но я все же слишком замерз, чтобы спать этой ночью.

Мне кажется, что большую часть ночи мы провели на большой высоте, но точно сказать трудно: дыхание, пульс и энергетический уровень слишком относительные показатели и зависят от обстоятельств.

Как я узнал позже, этой ночью мы пересекли Самбенсен на высоте в девять тысяч футов.

Голод не очень мучил меня. Последняя еда, которую я помнил — это длинный тяжелый обед в доме Шуегиса. Должно быть, в Курденшадене меня кормили, но мой ум не сохранил воспоминания об этом.

Еда, казалось, не была частью существования в этом стальном ящике, и я не часто думал о ней. С другой стороны, жажда была одним из постоянных условий этой жизни. Раз в день, во время остановки, открывали дверцу в задней стене, один из нас просовывал в нее пластиковый кувшин, который скоро возвращался полный воды вместе с ледяным воздухом. Не было возможности разделить эту воду на всех.

Кувшин передавали друг другу, и каждый успевал сделать три-четыре хороших глотка. Никто не распределял и не охранял воду, никто не следил, чтобы ее оставили для кашляющего, хотя тот горел в лихорадке. Я предложил дать ему воду, окружающие кивнули, но ничего не было сделано. Вода делилась более или менее поровну. Никто не пытался получить больше других. Кончалась она через несколько минут. Однажды трое, сидевшие у стены фургона, не получили ничего. Кувшин пришел к ним пустым. На следующий день двое из них потребовали чтобы они встали первыми в очереди. Так и было. Третий неподвижно лежал в углу, и никто не позаботился, чтобы ему досталась его доля.

Почему не позаботился я? Не знаю.

Это был четвертый день в грузовике.

Я чувствовал жажду остальных, как и свою, но не способен был как-то уменьшить страдания и принимал их, как и все остальные, терпеливо.

Я знаю, что люди ведут себя по-разному в одинаковых обстоятельствах. Но это были орготы, с детства их учили послушанию, повиновению приказам сверху. Независимость и решительность ослабли в них.

Они не сердились. Ночью они объединялись, и я с ними. Это было убежищем и утешением — чувствовать себя частью единого целого, черпать жизнь у других, отдавая им свою.

Но это целое было молчаливо, пассивно.

Может быть, люди с сильной волей вели себя по-иному, больше разговаривали бы и более справедливо делили воду, заботились бы о больных и сохраняли храбрость.

Не знаю. Знаю только, как это было в грузовике.

На пятое утро того дня, как я очнулся, если только мой счет правилен, грузовик остановился. Мы услышали голоса снаружи.

Стальная дверь широко раскрылась. Один за другим пробирались мы к выходу из стального ящика, кое-кто на четвереньках, спрыгивали или сваливались на землю.

Вышло двадцать четыре человека. Двоих мертвых — первого умершего и второго, который не пил два дня — вытащили наружу.

Снаружи было холодно, так холодно и ярко от сияния дневного света на белом снегу, что выйти из зловонного убежища оказалось трудно, и некоторые из нас заплакали. Мы стояли, сбившись в кучу, у большого грузовика, все обнаженные и грязные. Нас построили в линию и повели к зданию в нескольких сотнях ярдах от нас. Металлические стены, покрытые снегом крыши зданий, снежная равнина вокруг, огромные горы под восходящим солнцем, обширное небо — все, казалось, дрожало и раскалывалось от излишка снега и света.

Мы по очереди вымылись в большом корыте в клепаной постройке. Каждый начинал с того, что пил эту воду. После этого нас отвели в главное здание, где выдали белье и серую одежду. Охранник проверил нас по списку, после чего мы прошли в большое помещение и вместе с несколькими сотнями других людей в сером сели за прикрепленные к полу столы и поели. После этого все — и новые заключенные, и старые — были разделены на группы по двенадцать человек. Мой отряд двинулся к лесопилке, находившейся внутри ограды в нескольких сотнях ярдов за главным зданием. За оградой начинались лесистые холмы, тянувшиеся до самого горизонта.

Под командой охранника мы таскали доски с лесопилки и складывали их в большой сарай.

После нескольких дней в грузовике это было нелегко: ходить, нагибаться и поднимать тяжести. Нам не позволяли бездельничать, но и не очень подгоняли. В середине дня раздали по чашке перебродившего черного напитка, а перед заходом солнца отвели обратно в бараки, где нам дали обед: овощную похлебку и пиво. На ночь нас закрыли в спальном помещении, где всю ночь горел яркий свет. Мы спали на двухъярусных нарах вдоль стен: там было теплее.

Каждый взял себе спальный мешок из груды, лежавшей у дверей. Мешки были тяжелые. Однако мне они были коротки. Среднего роста гетенианец может легко укрыться с головой, я не мог. Я даже не мог вытянуться в полный рост на нарах.

Это место называлось Пулафенская Сотрапезническая третья добровольная ферма и агенство по переселению. Пулафен, тридцатый район, расположен на крайнем северо-западе обитаемой зоны Оргорейна и ограничен Самбенсенскими горами, рекой Истель и побережьем. Область слабо заселена и больших городов здесь нет.

Ближайший к нам поселок назывался Туруф и находился в нескольких милях к юго-западу. Я никогда не видел его. Ферма находилась на краю огромного ненаселенного района Терреппет, района лесов.

Так далеко на севере большие деревья: хеммен, серен или черный войс — не росли, лес состоял из искривленных хвойных деревьев с серыми иглами, называющимися торе. На Зиме количество туземных видов растений и животных очень невелико, зато каждый вид очень многочисленен. Этот лес, покрывающий тысячи квадратных миль, состоял только из деревьев торе. Даже в такой дикой местности за лесом ухаживали. В нем не было выгоревших мест, вырубленных полян или обезлесенных оврагов. Было подсчитано каждое дерево, и даже опилки с нашей лесопилки использовались. На ферме была небольшая фабрика, и когда погода не позволяла отправляться в лес, мы работали там, используя для различных целей щепки, опилки и кору, приготовляя из хвои смолу, которая шла на производство пластмасс.

Работа была настоящая, и мы не перетруждали себя. Если бы давали немного больше еды и хорошую одежду, она была бы даже приятной, а так мы большую часть времени слишком мерзли и были голодны, чтобы чувствовать удовольствие. Охранники были флегматичны, тяжеловаты и, на мой взгляд, женственны, но не в смысле утонченности, а наоборот — в смысле тяжеловесности и мясистости. Среди товарищей по заключению, как и вообще в первое время на Зиме, я чувствовал себя единственным мужчиной среди женщин-евнухов. Заключенные, как и охранники, отличались той же медлительностью и неотделанностью.

Их трудно было отличить друг от друга, эмоциональный тонус всегда был низок, разговоры банальны. Вначале я относил эту безжизненность на счет голода и холода, но скоро понял, что это результат применения наркотиков, которые предохраняют их от вступления в кеммер.

Я знал, что существует средство, которое может значительно ослабить или совершенно уничтожить активную фазу гетенианского сексуального цикла. Его используют, когда обычаи, мораль или медицина требуют воздержания. Один или несколько периодов кеммера могут быть пропущены без всяких последствий. Использование этого средства широко распространено. Но мне не приходило в голову, что его могут применять принудительно.

Для этого были причины. Гетенианец в кеммере — это разрушительный элемент. Если освободить его от работы, что он будет делать, особенно если в тот момент никто больше не находится в кеммере? А это вполне возможно, так как нас было всего сто пятьдесят.

Провести кеммер без партнера гетенианцу очень трудно. Лучше устранить это состояние и обходиться без него. Так они и поступали.

Заключенные, находившиеся на ферме в течение нескольких лет, психологически и, как мне кажется, до некоторой степени физически адаптировались к химической кастрации. Они были бесполы как волы.

Подобно ангелам, они не знали ни стыда, ни желаний. Но человеку несвойственно жить без стыда и желаний.

Будучи строго ограниченными и определенными по природе, половые стремления гетенианцев почти не подвержены общественному влиянию. Здесь меньше угнетений секса, запретов, связанных с ним, чем в бисексуальном обществе. Воздержание исключительно добровольное. Терпимость распространена повсеместно. Сексуальный страх, сексуальные расстройства встречаются крайне редко. На ферме я впервые встретился с вмешательством общества в вопросы пола, и это вмешательство порождало не извращения, а нечто более зловещее — пассивность.

На Зиме нет общественных насекомых.

Если бы на Зиме существовали муравьи, гетенианцы, возможно, занимались бы тем, что копировали их оригинальную жизнь. Режим добровольных ферм появился лишь недавно и ограничен пределами одной страны. В остальных частях планеты он совершенно неизвестен. Но это зловещий указатель того направления, в котором пошло общество, такое уязвимое с точки зрения контроля секса.

Как я сказал, на Пулафенской ферме кормили недостаточно, а одежда, особенно обувь, совершенно не соответствовала зимним условиям. Охранники, в большинстве своем заключенные с испытательным сроком, находились не в лучших условиях. Впрочем, ферма преследовала карательные, а не уничтожительные цели, и я думаю, что режим ее можно было вынести, если бы не наркотики и осмотры.

Большинство заключенных проходило осмотры группами по десять или двенадцать человек. Они просто повторяли нечто вроде исповеди или катехизиса, получали порции антикеммера и освобождались от работы.

Остальные — политические заключенные — каждые пять дней должны были подвергаться допросу с применением наркотиков.

Не знаю, какие наркотики они использовали. Не знаю, с какой целью проводились допросы. Не представляю, какие вопросы задавали мне. Я пришел в себя спустя несколько часов на нарах среди шести или семи заключенных, некоторые уже пришли в себя, другие еще находились под действием наркотиков. Когда все встали, охранники повели нас на работу, но после третьего или четвертого допроса я уже не мог встать. Мне позволили лежать, лишь на следующий день я отправился на работу со своим отрядом, хотя чувствовал себя очень слабым. После следующего допроса я был беспомощен и оставался таким уже два дня. Очевидно, антикеммер как лечебное средство оказался очень токсичным для моего негетенианского организма и эффект его был кумулятивным.

Я помню, что решил упросить инспектора на следующем допросе. Я хотел начать с обещания правдиво отвечать на все вопросы без наркотика. Потом сказать ему:

— Сэр, разве вы не видите, что бесполезно требовать ответа на неверно поставленные вопросы?

Вдруг инспектор превратился в Фейкса с золотой цепью Предсказателя на шее, и я долго беседовал с ним, следя за поступлением кислоты в чан с древесиной. Конечно, когда я явился в маленькую комнатку, где нас осматривали, помощник инспектора без разговоров вкатил мне дозу наркотика, и все, что я помню из следующего, это молодой оргот с усталым лицом и грязными ногтями, уныло повторяющий:

— Вы должны отвечать на мои вопросы по-орготски и не использовать другие языки. Говорите только по-орготски.

На ферме не было больницы. Заключенные работали или умирали. Но на практике проявлялось снисхождение — промежуток времени между работой и смертью, которому не препятствовали охранники. Как я говорил, они не были жестоки, но не были и добры.

Они были неряшливыми и ни о чем особенно не заботились, лишь бы не иметь неприятностей.

Меня и еще одного заключенного, как бы по недосмотру, оставили на нарах, когда стало ясно, что мы не можем встать. Я был совершенно болен после очередного осмотра, а другой, средних лет гетенианец с какой-то болезнью печени, умирал.

Поскольку он умер не сразу, ему позволили лежать на нарах.

Я помню его более ясно, чем все остальное на Пулафенской ферме. Физически он был типичным гетенианцем с Великого Континента, плотного сложения, коротконогий и короткорукий, с солидной жировой прослойкой, сообщавшей его телу женскую гладкость и округлость. У него были маленькие руки и ноги, широкие бедра и большие груди, значительно более развитые, чем у мужчин моей расы. Кожа у него была смуглая, волосы черные, похожие на шерсть, лицо широкое и плоское, с мелкими чертами, с выдающимися скулами.

Он очень походил на представителя некоторых изолированных групп, живущих на высокогорье и в арктических районах земли. Звали его Аора. Он был плотником.

Мы разговорились.

Аора боялся смерти и хотел отвлечься от мысли о ней.

У нас не было ничего общего, кроме близости смерти, но об этом мы не хотели говорить, поэтому большую часть времени не очень хорошо понимали друг друга.

Я, как более молодой и менее доверчивый, хотел бы больше понимания и объяснений, но объяснений не было. Мы просто разговаривали.

По ночам бараки становились сверкающими, переполненными и шумными. Днем свет выключали, и большое помещение становилось пустым и тихим. Мы лежали рядом на нарах и негромко разговаривали. Аора предпочитал длинные разговоры о днях своей молодости на сотрапезнической ферме в долине Кундерер, широкой плодородной равнине, через которую я проезжал по пути в Мишпори. Он говорил на диалекте, многие

слова я не понимал, так что обычно улавливал лишь общий ход его мыслей. Когда нам становилось легче, а это было к полудню, я обычно просил его рассказать миф или сказку. Большинство гетенианцев хорошо знают свой фольклор. Их литература, хотя и существует в письменной форме, опирается на живую устную традицию. В этом смысле все они имеют отношение к литературе. Аора знал сказание о Меше, сказку о Персиде — часть большого эпоса.

Кроме того, он рассказал мне отрывки из местного фольклора, запомнившиеся ему с детства, а когда уставал, просил, чтобы рассказал я.

— Что рассказывают в Кархиде — спрашивал он, растирая мучительно болевшие ноги и поворачивая ко мне лицо с терпеливой улыбкой.

Однажды я сказал:

— Я знаю рассказ о людях, живущих в другом мире.

— Что это за мир?

— Он похож на этот, но вращается вокруг другого солнца. Его солнце — это звезда, которую вы называете Селсми.

— Это учение Санови о других мирах. Когда я был маленьким, в наш очаг приходил сановийский жрец и рассказывал мальчишкам о том, куда уходят после смерти жрецы, а куда—лжецы, самоубийцы и воры. Мы с вами тоже уйдем в это место?

— Нет, я говорю не о мире привидений. Это существующий мир. Там живут настоящие люди, такие же, как здесь. Но они очень давно научились летать.

Аора улыбнулся.

— Они не машут руками,— продолжал я,— а летают на машинах, похожих на экипажи.

По-орготски трудно объяснить, на этом языке нет слова «летать», ближе всего подходит слово «скользить».

— Они научились делать машины, которые скользят по воздуху, как сани на снегу. Они научились передвигаться все быстрее и быстрее, пока не научились нестись, как камень из пращи над Землей, над облаками к другому солнцу. И в других мирах они тоже находили людей.

— Скользящих по воздуху?

— Иногда да, иногда нет. Когда же они появились в нашем мире, мы уже знали, как подниматься в воздух, но не научились перелетать с одного мира на другой.

Аора был удивлен включением рассказа в сюжет сказки. Я бредил и уже не следил за ходом рассказа.

Продолжай,— просил он, стараясь понять.— А что еще они умеют делать?

О, они многое умеют. Но они все время находятся в кеммере.

Он захихикал. Конечно, скрыть что-нибудь в таких условиях невозможно, и я неизбежно получил среди заключенных и охранников прозвище «итиранецец». Но там, где нет стыда и желаний, даже непормальных, значение этого прозвища во многом выветривается. Я думал, Аора не сопоставил рассказ с моими

особенностями. Немного посмеявшись, он сказал:

— Все время в кеммере. Это вместо вознаграждения или наказания?

— Не знаю, Аора. А этот мир?

— Ни то, ни другое, малыш. Это просто мир. Ты родился в нем, и все здесь, как и должно быть.

— Я не родился в нем. Я приехал в него. Я его выбрал.

Наступило молчание. Лишь изредка доносился звук пилы.

Аора что-то бормотал, вздыхая, растирая ноги. Изредка он начинал стонать.

— Никто из нас его не выбирал,— наконец сказал он.

Через один или два дня он потерял сознание и вскоре умер.

Не знаю, за что он попал на добровольную ферму: за преступление, ослушание начальства или какую-то неправильность в документах? Знаю только, что он пробыл на Пулафенской ферме меньше года.

На следующий день после смерти Аоры, меня вызвали на осмотр. На этот раз меня туда несли, и больше я ничего не помню.

14 Когда Оболе и Еджей одновременно покинули город, а привратник Слове отказался впустить меня, я понял, что настало время обращаться к врагам, потому что друзья ничего хорошего не принесут.

Я шантажировал Шуегиса. Поскольку у меня не было денег, чтобы подкупить его, пришлось рискнуть репутацией.

Среди всех вероломных поступков главное — предательство. Я заявил Шуегису, что являюсь в Оргорейне агентом кархидской фракции благородных, которые планировали убийство Тайба. Он должен был служить для меня связью с Сарфом. Если он откажется давать мне информацию, я вынужден буду сообщить своим друзьям в Эрхенранге, что он двойной агент, служащий в то же время фракции открытой торговли. Это известие, конечно, дойдет до Мишпори и Сарфа. Проклятый дурак поверил мне. И тут же рассказал все, что было нужно. Он даже рискнул осведомиться, доволен ли я.

Мне не грозила немедленная опасность среди моих друзей — Оболе, Еджея и других. Они купили свою безопасность, принеся в жертву посланника. До моего посещения Шуегиса никто из сторонников Сарфа, кроме Гаума, к счастью, не считал меня достойным внимания, но теперь они скоро пойдут по моим следам. Я должен закончить свои дела и скрыться. Не имея возможности послать сообщение кому-нибудь в Кархиде, так как почта просматривается, а радио и телефон прослушиваются, я пошел в королевское посольство. Послом был Сарден рем ир Ченевич, которого я хорошо знал при дворе. Он согласился немедленно отправить письмо Аргавену с сообщением о том, что произошло с посланником и где он находится в заключении. Ченевич был умный и честный человек, я верил, что сооб-

щение достигнет короля, но как поступит Аргавен, предсказать будет невозможно. Я хотел, чтобы Аргавен получил эту информацию до того, как звездный корабль Ая неожиданно упадет из-за облаков, потому что у меня тогда еще сохранялась надежда, что он послал сигнал на корабль до ареста.

Теперь я уж точно находился в опасности, а если кто-нибудь видел, как я входил в посольство, то в немедленной опасности.

Прямо из посольства я отправился к месту отправки караванов и еще до полудня в тот же день Одстрег Сасми покинул Мишпори, как и пришел в него, грузчиком каравана. Со мной было старое разрешение, немного измененное, чтобы соответствовать новой работе. Подделка документов в Оргорейне связана с сильной опасностью, пятьдесят два раза в день их проверяют инспекторы, но из-за опасности она не становится более редкой, и один из моих знакомых на Рыбьем острове показал мне кое-какие приемы. Пришлось принять вымышленное имя.

Это уязвляло мою гордость, но больше ничто не могло спасти меня и позволить через весь Оргорейн добраться до Западного моря.

Пока караван грохотал по мосту через Кундерер, выбираясь из Мишпори, мысли мои устремлялись на запад. Кончалась осень. Я должен добраться до цели раньше, чем закроются дороги быстрого движения и пока еще надежда на благополучный исход оставалась.

Я видел добровольную ферму в Коматоме, когда входил в администрацию Синота и разговаривал с бывшими заключенными. Увиденное и услышанное заставляло меня тревожиться. Посланник, такой уязвимый для холода, что даже в теплую погоду носил пальто, не переживет зиму в Пулафене. Необходимость заставляла меня спешить, но караван двигался медленно, тащился от города к городу, разгружался и нагружался, так что мне потребовалось полмесяца, чтобы добраться до Этвена в устье реки Исагель.

В Этвене мне повезло. Один человек в доме для приезжих рассказал мне об охотниках за мехами, которые бродят вниз и вверх по реке на санях, охотятся в терапитском лесу и добираются до самого Льда. Я тут же составил свой план.

Мне знакома охота на пестри. Эти животные живут поблизости от ледников, и я охотился на них в земле Карм, когда был молод.

Почему бы не повторить то же в лесах Путоре вблизи Пулафена?

Здесь, далеко на северо-западе Оргорейна, люди могут приходить и уходить по своей воле, потому что не хватает инспекторов. Кое-какие остатки прежних свобод сохранились тут, несмотря на Новую эпоху.

Этвен — серый рабочий порт, построенный на серых скалах залива Исагель.

Влажные морские ветры царствуют на его улицах. Население — угрюмые моряки.

Я с благодарностью вспоминаю об Этвене, где мне повезло. Я купил лыжи, снегоступы, капканы и провизию и получил разрешение для охоты. Затем подготовил другие необходимые документы и вышел пешком вверх по Исагель в отряде охотников под предводительством старика по имени Мавриза. Река еще не замерзла, и движение по дороге еще осуществлялось на колесах, так как дождь шел чаще, чем снег в этот последний месяц года.

Большинство охотников ждало, пока установится зима, и старалось вверх по Исагель отправиться на ледовых санях, но Мавриза хотел пораньше забраться на север и захватить пестри в самом начале их миграции, когда они спускаются в леса. Мавриза хорошо знал Хитерленд и северный Самбесен с Огненными Холмами, и в эти дни, идя вверх по реке, я многое у него узнал. Впоследствии это спасло мне жизнь.

В поселке Туруф я отстал от отряда, разыграв болезнь. Отряд ушел на Север, а я в одиночку двинулся на северо-восток в предгорья Самбесена. Здесь я провел несколько дней, изучая местность и пряча все свое снаряжение в укромной долине в двенадцати-тринадцати милях от Туруфа. Затем я вернулся в поселок, вошел в него с юга и направился в дом для приезжих. Как будто готовясь к охоте, я купил лыжи, снегоступы, провизию, меховой спальный мешок, зимнюю одежду — все заново, купил также печь Чейба, пластиковую палатку и легкие сани, на которые погрузил все имущество.

Теперь оставалось только ждать, пока снег не сменит дождь и грязь не замерзнет. Ждать пришлось недолго. В Архед Терн установилась зима, пошел сильный снег.

Вскоре после полудня я миновал электрическую ограду Пулафенской фермы, и снег сразу скрыл мои следы. Спрятав сани в овраге к востоку от фермы, с мешком на спине я шел к ферме по дороге.

Я открыто подошел к воротам и предъявил документы, подделанные в Туруфе. В них говорилось, что я Терет Барт, освобожденный под честное слово преступник, на два года назначенный в охрану Пулафенской сотрапезнической третьей добровольной фермы. Внимательный инспектор заподозрил бы эти документы в подлоге, но здесь не было внимательных инспекторов.

Войти в тюрьму легко, а вот насчет выхода я не был уверен.

Дежурный начальник охраны выругал меня за то, что я прибыл на день позже срока, указанного в документах, и отправил в бараки. Обед кончился, и, к счастью, было слишком поздно получать мундир и сдавать мою хорошую одежду. Пистолет мне не дали, но я раздобыл его на кухне, куда пошел поесть: украл пистолет повара, висевший над жаровней. У него не было смертельного поражения. На ферме охранники не убивают заключенных, а предоставляют их холоду, зиме и отчаянию.

На ферме насчитывалось тридцать или сорок охранников и около ста пятидесяти заключенных.

Большинство из них улеглось спасть, хотя был всего лишь четвертый час. Я попросил одного молодого охранника показать мне, где спят заключенные. Я увидел их в ослепительном блеске ламп в большом помещении, и моя надежда на успех в первую же ночь, до того, как я вызову подозрения, почти угасла. Все они лежали в мешках, укрывшись с головой. Все, кроме одного. Этот был слишком длинен. У него было худое лицо, глаза закрыты, волосы спутаны.

У меня есть лишь одно достоинство: я знаю, когда нужно действовать. Мне казалось, что за последний год в Эрхенранге я утратил этот дар, но теперь я снова почувствовал, что владею им.

Поскольку я продолжал бродить, изображая любопытного тупоумного парня, меня назначили в позднюю смену. К полуночи все, кроме меня и еще одного охранника за дверью, спали. Я продолжал время от времени прохаживаться вдоль нар. Обдумывая план действий, я начал готовиться к вхождению в доте. Перед рассветом я еще раз вошел в спальное помещение и выстрелил из пистолета в Дженли Ая, установив самый слабый уровень поражения, затем поднял его вместе с мешком и понес на плече в караульную.

— Что случилось? — спросил второй охранник сонным голосом.

— Он мертв.

Он взглянул в лицо посланника.

— А, это извращенец. Клянусь Глазом, я не верил во все эти рассказы о кархидцах, пока не увидел его. Что за урод! Он всю неделю провел на нарах, но я не думал, что он так быстро кончится. Неси его наружу. Не стой здесь, как грузчик с мешком рыбы.

Я пошел в кабинет инспектора. Никто не остановил меня. В кабинете я увидел стенд, контролирующий все ограды и тревожные сигналы. Кнопки не были подписаны, но сами охранники нацарапали рядом с ними обозначения, не доверяя своей памяти. Найдя кнопку с буквой «о», я выключил ток в наружной ограде и вышел, неся Ая на плечах. Проходя мимо караульной, я сделал вид, что с трудом тащу тело. Во мне начала оживать сила доте, и я не хотел чтобы заметили, с какой легкостью я несу человека, который тяжелее меня. Я сам обратился к караульному.

Мертвый заключенный. Мне велели вынести его из барака. Куда его деть?

Не знаю. Положи его под навесом, чтобы не занесло снегом, иначе в следующую оттепель он выплывет. Идет педедка.

Он хотел сказать, что идет густой влажный снег, и это была для меня лучшая новость.

— Хорошо, — сказал я.

Вытянув труп наружу, я свернул за угол и исчез из виду. Снова подняв Ая на плечи, я пошел на север. Через несколько

сот ярдов добрался до ограды, перелез через нее и перетащил тело Ая. Затем снова поднял его на плечо и как можно быстрее пошел к реке.

Я не очень удалился от ограды, когда взревела сирена и вспыхнули прожектора.

Густой снег скрывал меня, но все же его было недостаточно, чтобы за несколько минут начисто замести следы. Когда я спустился к реке, преследования еще не было. Я двинулся на север по ровной тропе под деревьями. Временами я шел прямо по воде. Речка, торопливый маленький приток Исагеля, все еще не замерзла.

Становилось светлее, и я еще ускорил шаги.

В состоянии доте посланник не казался мне тяжелым. Двигаясь вдоль ручья, я добрался до того места, где спрятал свои сани. На них я уложил посланника, сверху разместил груз, так что он совершенно скрыл Ая, а поверх всего набросил полотно палатки. Потом я переоделся и немного поел, потому что меня начал мучить голод, всегда преследующий в долгом доте.

После этого я двинулся на север по лесу. Вскоре меня догнали два лыжника.

Я был одет и снаряжен, как охотник, и сказал им, что догоняю отряд Мавризы, который в последние дни Гренде ушел на север. Они знали Мавризу и, бросив торопливый взгляд на мое снаряжение и разрешение, поверили моему рассказу. Они не думали, что бежавший направится к северу, потому что севернее Пулафена ничего нет, кроме леса и льда. Вообще они, видимо, были не очень заинтересованы в поимке бежавшего. Зачем им это? Они прошли дальше и час спустя снова встретились со мной, возвращаясь на ферму. Один из них был тем самым парнем, с которым я дежурил ночью.

Полночи мое лицо у него было перед глазами и все же он меня не узнал.

Когда они ушли, я свернул с дороги и целый день шел по лесу, широким полукругом возвращаясь к ферме. Наконец с востока, из дикой местности, я пришел к долине под Туруфом, где прятал свое снаряжение. Идти по пересеченной местности, таща за собой груз, было нелегко, но снег лег толстым слоем и подмерз, а я находился в доте. Мне нужно было поддерживать это состояние. Если бы я из него вышел, я ни на что бы не годился. Раньше я никогда не впадал в доте больше, чем на час, но знал, что старые люди могли выдерживать доте сутки и даже больше, а необходимость вместе с тренировкой помогла мне. В доте не особенно заботишься о себе, но я беспокоился о посланнике, который должен был очнуться от легкой дозы ультраизлучения.

Он не шевелился, а у меня не было времени ухаживать за ним. Неужели организм его настолько чужд, что доза, которая у нас вызывает лишь кратковременный паралич, для него смертельна? Когда поворачиваешь колесо, следи за своими руками.

Я дважды назвал его мертвым и нес как мертвого. Мне пришла в голову мысль, что он на самом деле мертв, что я тащу по лесу труп, и что моя удача и его жизнь кончилась. При этой мысли я покрылся потом и задрожал, а сила доте, казалось, вытекла из меня, как вода из разбитого кувшина, но я продолжал идти и силы не изменили мне, пока я не достиг долины в предгорьях, не разбил палатку и не сделал все, что можно, для Ая. Я открыл ящик с кубиками высококалорийной пищи, большую часть их я проглотил, но из нескольких приготовил для него похлебку, потому что он выглядел как умирающий от голода. На его груди и руках были язвы, от постоянного трения о грязный мешок они воспалились. Я очистил эти язвы, уложил его в тепло. Наступила ночь, и меня поглотила великая тьма. Это была плата за крайнее напряжение сил.

Я должен был доверить и себя, и его тьме.

Мы спали, шел снег. Все время шел снег, не метель, а первый настоящий зимний снегопад. Когда я, наконец, встал и заставил себя выглянуть наружу, палатка оказалась наполовину погребенной под снегом. На снегу лежали голубые нитки солнечного света. Далеко на востоке в небо поднимался серый столб дыма — это был Уденуштреке, ближайший к нам из Огненных Холмов. Горы, холмы, склоны, овраги — все было в снегу.

Все еще находясь в периоде восстановления, я был еще слаб и хотел спать, но время от времени я давал Аю глоток похлебки. На второй день он начал проявлять признаки жизни, но сознание еще не вернулось к нему. В редкие минуты просветления он садился и начинал с ужасом кричать. Когда я наклонялся к нему, он пытался убежать, а так как для этого требовалось слишком много сил, он снова терял сознание. Ночью он много говорил, но я не понимал языка.

Странно было в тишине дикого леса слышать, как он произносит слова другого мира.

Следующий день был очень тяжелый. Он, по-видимому, принимал меня за охранника и боялся, что я дам ему какой-то наркотик. На орготском и кархидском языках он просил меня не делать этого и с силой отчаяния отбивался. Это повторялось снова и снова, и, поскольку я еще находился в периоде танген, я не мог справиться с ним. В тот день я подумал, что он не только испытал действие наркотиков, но и лишился рассудка. Тогда я пожалел, что он не умер на санях в лесу торе, что я выбрался из Мишпори, а не был сослан на какую-нибудь ферму.

Когда я проснулся в следующий раз, он смотрел на меня.

— Эстравен,— произнес он слабым измученным шепотом.

Сердце мое ожило. Я смог успокоить его и позаботиться о нем. В эту ночь мы спали спокойно.

На следующий день ему стало гораздо лучше, и он смог поесть сидя. Язвы на его теле заживали. Я спросил, от чего они.

— Не знаю, думаю, что от наркотиков. Мне постоянно делали уколы.

— Чтобы предотвратить кеммер? Я слышал об этом от человека, бежавшего с добровольной фермы.

— Да. И другие. Я не знаю, какие именно. Наверное, заставляющие говорить правду. Я от них болел, а они все делали и делали их мне. Не знаю, что они хотели от меня узнать.

— Они не столько спрашивали, сколько приручали вас.

— Приручали?

— Человек, привыкший к наркотику, становится послушным. Такая практика известна и в Кархиде. Или они проводили над вами и остальными эксперимент. Мне говорили, что они испытывают разные виды наркотиков на заключенных на фермах. Узнав об этом, я не поверил, теперь верю.

— В Кархиде тоже есть такие фермы?

— В Кархиде? Нет.

Он раздраженно потер лоб.

— Наверное, в Мишпори также утверждают, что в Оргорейне таких мест нет.

— Наоборот. Они хвастают этим, демонстрируют записи и снимки добровольных ферм, где получают убежище отклоняющиеся от обычного поведения и небольшие племенные группы. Они даже могут показать добровольную ферму Первого района совсем рядом с Мишпори. Отличное место для показа. Если вы считаете, что у нас в Кархиде есть такие фермы, мистер Ай, вы нас сильно переоцениваете.

Он долго лежал молча и смотрел на горящую печь Чейба, которую я включил и которая давала живительное тепло. Потом он посмотрел на меня.

— Вы разговаривали со мной сегодня утром, я знаю, но мозг мой еще болен. Где мы и как сюда попали?

Я снова все рассказал ему.

— Вы просто ушли со мной?

— Мистер Ай, любой заключенный мог уйти оттуда. Если бы вы не были голодны, истощены, деморализованы и пропитаны наркотиками, если бы у вас была зимняя одежда, если бы у вас было куда идти... Вот что главное: куда идти? В город? Нет документов. В дикую местность? Нет убежища. Летом, я думаю, на Пулафенской ферме бывает больше охранников. Зимой же сама зима сторожит заключенных.

Он почти не слушал.

— Вы не смогли бы пронести меня и сотни футов, Эстравен, а бежать несколько миль во тьме, таща меня...

— Я был в доте.

Он колебался.

— Сознательно вызванном?

Да.

— Вы жанндара?

— Я два года провел в крепости Ротерер. В земле Карм большинство населения жанндара.

— Я думал, что после доте, требующего крайнего напряжения сил, наступает упадок.

— Да. Мы называем его танген — черный сон. Он длится значительно дольше периода доте, и когда входишь в восстановительный период, очень опасно сопротивляться ему. Я проспал почти двое суток. Я и сейчас еще в периоде танген. Ходить я не могу, а из-за голода, который сопровождает период танген, я съел то, что рассчитывал растянуть на неделю.

— Хорошо,— торопливо проговорил он.— Верю вам. Что еще я могу сделать, как только поверить вам? Вот я, вот вы, но я не понимаю, зачем вы все это проделали?

Тут я не выдержал и долго смотрел на ледоруб в руке, а не на него, чтобы не выдать свой гнев. К счастью, у меня не было сил для действий, и я сказал себе, что он — невежественный человек, чужеземец, большой и испуганный. Поэтому я вернулся к справедливости и наконец произнес:

— Я чувствовал, что отчасти это моя вина, что вы оказались в Оргорейне и на Пулафенской ферме. Я стараюсь исправить свою вину.

— Вы не имеете никакого отношения к моему приезду в Оргорейн.

— Мистер Ай, мы видим одни и те же события разными глазами. Я неверно считал, что мы смотрим одинаково. Позвольте мне вернуться к последней весне. Я начал подбадривать Аргавена, подталкивать его к принятию решения относительно вас примерно за полмесяца до церемонии ключевого камня. Аудиенция была назначена, и я считал, что нужно пройти через нее, хотя никаких конкретных результатов пока не ожидал. Я думаю, что вы все это понимаете, и в том была моя ошибка. Я слишком многое считал само собой разумеющимся, я не хотел оскорблять вас советом. Я думал, что вы понимаете опасность неожиданного усиления власти Пеммера Харт рем ир Тайба в кноремми. Если у Тайба будут причины опасаться вас, он обвинит вас в служении фракции, и Аргавен, который очень легко поддается приступам страха, вполне мог приказать убить вас. Я хотел, чтобы вы были в безопасности, пока у власти находится Тайб. Так случилось, что мы с вами пали вместе. Я ожидал этого, но не думал, что это произойдет в ту ночь, когда мы с вами разговаривали в последний раз. Но ни один из премьер-министров Аргавена не удерживается надолго. Получив приказ об изгнании, я уже не мог общаться с вами, не подвергая вас опасности. Я бежал сюда, в Оргорейн. Я убеждал тех из Тридцати Трех, кому верил меньше, чем остальным, пригласить вас в Оргорейн. Вы не попали бы сюда без их содействия. Они увидели — я помог им увидеть — в вас путь к власти, выход из усиливающегося соперничества с Кархидом, возврат к установлению открытой торговли, возможность вырваться из тисков Сарфа. Но они сверхосторожные люди, они боятся действовать. Вместо того, чтобы публично объявить о вас, они вас спрятали и тем самым упустили возможность. А потом они продали вас Сарфу, чтобы спасти собственные шкуры. Я слишком многого ожидал от них, и поэтому вся вина на мне.

— Но зачем все эти интриги, заговоры и попытки захватить власть? Что вам до этого, Эстравен, чего вы хотите?

— Я хочу того же, что и вы: союза вашего мира с нашим. А вы что думали?

Мы смотрели друг на друга через горящую печь, как два деревянных идола.

— Вы хотите сказать, что даже если бы Оргорейн вступил в союз....

— Даже если бы это был Оргорейн. Кархид вскоре бы последовал за ним. Вы думаете, я играл в шифгретор, рискуя всем? Какая мне разница, какая страна первая вступит в союз?

— Но разве я могу поверить вам! — взорвался Ай. Если это правда, вы должны были раньше объяснить мне все и избавить от поездки в Лулефен. Ваши попытки направить мое поведение...

— Не удались и принесли вам боль, позор и опасность. Но если бы вы попытались бороться с Тайбом, вы были не здесь, а в могиле в Эрхенранге. Но и в Кархиде, и в Оргорейне есть люди, которые прислушиваются ко мне. Они поверили вам и еще могут принести вам пользу. Самая большая моя ошибка в том, что я не поговорил с вами откровенно и совершенно ясно. Я не привык так делать. У нас не принято давать или принимать советы. Это вежливое оскорбление.

— Я не хочу быть несправедливым, Эстравен...

— Однако вы несправедливы. Странно. Я единственный человек на Гетене, который целиком поверил вам, и мне, единственному на Гетене, вы отказались доверять.

Он опустил голову на руки и после некоторого молчания сказал:

— Мне жаль, Эстравен.

Это было одновременно и извинение, и признание.

— Дело в том,— сказал я— что вы просто не могли поверить в то, что я верю вам.

Я встал, потому что у меня затекли ноги, и почувствовал, что дрожу от гнева и слабости.

— Научите меня мозговой речи,— сказал я, стараясь говорить мягче и без злобы,— вашему языку, который не лжет. Научите, а потом спрашивайте, зачем я это сделал.

— С удовольствием, Эстравен.

15 Я проснулся. До сих пор необычно просыпаться в тусклом коконе тепла и слышать, как разум говорит мне, что это палатка и что я лежу в ней живой, что я больше не на Пулафенской ферме. На этот раз в моем пробуждении не было странности. Сидя, я зевнул и принялся расчесывать пальцами спутанные волосы. Я посмотрел на Эстравена, шумно спавшего в нескольких футах от меня. Он не укрылся, ему было жарко.

Во сне Эстравен выглядел немного глуповато, как и все во сне: круглое сильное лицо, расслабленное, ненапряженное, круглые капельки пота над верхней губой и над густыми бровями.

Я вспомнил, как он стоял, потел в своей роскошной одежде на параде в Эрхенранге. Сейчас я впервые увидел его в холодном свете таким, каков он есть: беззащитным, полуобнаженным.

Он проснулся поздно и с трудом. Зевая, оделся, высунул голову наружу, чтобы посмотреть, какая погода, и спросил меня, хочу ли я чашку орша. Когда он увидел, что я согрел воду на печи, он принял чашку, неловко поблагодарил и выпил.

— Куда мы пойдем отсюда, Эстравен?

— Это зависит от того, куда вы хотите идти, мистер Ай, и какой путь вы сможете выдержать.

— Каков кратчайший путь из Оргорейна?

— На Запад. К берегу около тридцати миль.

— А дальше что?

— Гавани скоро замерзнут, если уже не замерзли. В любом случае ни один корабль не выйдет в море зимой, придется спрятаться и ждать следующей весны, когда большие торговые суда пойдут в Сил и Перунтер. В Кархид не возьмет курс ни один корабль, если продлится политика торгового эмбарго. Мы могли бы уплыть на торговце. К сожалению, у меня нет денег.

— Есть ли другая возможность?

— В Кархид по суше.

— Не далеко ли? Ведь это тысяча миль.

— Да, по дороге. Но мы не можем идти по дорогам. Первый же инспектор задержит нас. Наш единственный путь на север — через горы по восточной части Гобрина и вниз до границы по заливу Гутон.

— Через Гобрин? Ледяной щит?

Он кивнул в ответ.

— Разве это возможно зимой?

— Думаю, да. Если повезет. Впрочем, это условие всех зимних путешествий. В некоторых отношениях ледник лучше пересекать именно зимой. Над ледниками обычно удерживается хорошая погода. Лед отражает солнце, бури проходят по периферии. Отсюда легенда об области внутри бурь. Это нам благоприятствует. Впрочем, лишь немного.

— Вы серьезно думаете...

— Иначе не было бы смысла уносить вас с Пулафенской фермы.

Он по-прежнему был скован, сдержан, угрюм. Вчерашний разговор потряс нас обоих.

— И вы считаете, что пересекать лед менее рискованно, чем ждать весны и пытаться уплыть по морю?

Он кивнул.

— Одиночество,— лаконично пояснил он.

Я немного подумал.

— Вы приняли во внимание мою неприспособленность? Я не так привык к холоду, как вы. Я плохо хожу на лыжах, и я не в лучшей форме. Впрочем, в последние дни я чувствую себя гораздо лучше.

Он снова кивнул.

— Думаю, что сможем,— заключил он с той простотой, которую я так долго принимал в нем за иронию.

— Хорошо.

Он посмотрел на меня и отпил чай из своей кружки. Орш вполне можно назвать чаем, он готовился из зерна. Это коричневый кисло-сладкий напиток с большим количеством витаминов А и С и сахара. Он оказывает стимулирующее действие. На Зиме, если нет пива, пьют орш, там, где нет пива и орша, нет и людей.

— Будет трудно, очень трудно,— он поставил кружку.— Без удачи мы не справимся.

— Я готов скорее умереть во льдах, чем на этой помойке, из которой вы меня вытащили.

Он разрезал сушеное хлебное яблоко, предложил мне кусочек и сам стал сосредоточенно жевать.

— Нам потребуется много пищи,— сказал он.

— Что случится, если мы доберемся до Кархида... с вами, я хочу спросить? Ведь вы изгнаны.

Он повернул свое смуглое лицо ко мне.

— Да. Я думаю остаться на той стороне.

— А если они узнают, что вы помогли бежать заключенному?

— Не узнают,— он улыбнулся и задумчиво протянул: — сначала нужно пересечь лед.

Я решился.

— Послушайте, Эстравен, простите мои вчерашние слова.

— Иусут.

Он встал, продолжая зевать, надел хеб, пальто, сапоги и выскользнул через клапан палаточной двери. Затем снова просунул голову в палатку.

— Я могу задержаться или прийти даже завтра. Продержитесь здесь?

— Да.

— Хорошо.

Он исчез.

Я не встречал еще человека, который бы так быстро и точно реагировал на изменение обстоятельств, как Эстравен. Я восстанавливал свои силы и согласен был идти, а он вышел из периода танген и, как только все прояснилось, начал действовать.

Он никогда не суетился, не торопился, но всегда был готов. Несомненно, в этом заключалась тайна его исключительной политической карьеры, которой он рискнул ради меня. В этом же было объяснение его веры в меня и в мою миссию.

Когда я пришел в их мир, он оказался готов к этому. Только он один на всей Зиме.

Но сам он считал себя медлительным и нерешительным в крайних ситуациях.

Однажды он сказал мне, что, будучи тугодумом, руководствуется в своих действиях интуицией, которая редко подводит его.

Он говорил серьезно. Возможно, что это и правда. Предсказатели в крепостях не единственные на Зиме, кто может заглядывать вперед. Они лишь усовершенствовали это умение. В словах йомештских легенд глубокий смысл. Дело не просто в предсказании, дело в возможности — пусть хоть на мгновение—видеть все.

Я увеличил до максимума подачу тепла, пока Эстравен отсутствовал, и впервые по-настоящему согрелся.

Должно быть, шел уже Ферн, первый месяц зимы и нового первого года, но я утратил счет дням в Пулафене. Печь принадлежала к тем великолепным и экономичным приспособлениям, которые создали гетенианцы в своих тысячелетних попытках победить холод. Ее батареи действовали в течение четырнадцати месяцев, выход тепла был очень значительным. Это одновременно печь, обогреватель и светильник, а весит она всего около четырех фунтов. Без нее мы не прошли бы и пятидесяти миль. На нее ушли почти все деньги Эстравена, те самые деньги, которые я так высокомерно вручил ему в Мишпори.

Палатка была сделана из пластика, хорошо выдерживающего зимние условия, и поглощающего конденсируемую внутри влагу,— бич палаток в холодную погоду.

Спальные мешки были из шкур пестри. Одежда, лыжи, сани, запасы пищи — все было высшего качества, легкое, прочное и дорогое. Если Эстравен отправился за пищей, то как он надеялся добыть ее?

Он не возвращался до вечера следующего дня. Я несколько раз выходил в снегоступах, набираясь сил и опыта, карабкался по склонам оврага, скрывающего нашу палатку. Лыжами я владел неплохо, но не был знаком со снегоступами. Далеко я не уходил, опасаясь заблудиться. Местность была дикой, полной оврагов, ручьев, склонов и ущелий. Она быстро повышалась на восток к видневшимся там горам. У меня было достаточно времени подумать, что я буду делать в этом заброшенном месте, если Эстравен не вернется.

Он пронесся по склону холма — Эстравен был великолепным лыжником — и затормозил около меня, грязный, усталый, тяжело нагруженный. На спине у него был большой заплечный мешок, полный свертков — дед Мороз, выскочивший из камина на Старой Земле, да и только. В свертках находились сушеные хлебные яблоки, кадик, орш и пластинки твердого красного с земляным привкусом сахара, который гетенианцы получают из местного растения.

— Как вы раздобыли все это?

— Украл,— ответил бывший премьер-министр Кархида.

Он держал руки над печью и не уменьшал накала. Даже он замерз.

— Я был в Туруфе, поблизости.

Это было все, что я от него узнал. Он не гордился своим поступком. И не способен был смеяться над ним. Кража считается самым низким преступлением на Зиме, более презирается только самоубийство.

— Все это используем в первую очередь,— говорил он, пока я ставил на печь кастрюлю со снегом.— Все тяжелое.

То, что Эстравен заготовил заранее, было денатурированной плотной высококалорийной пищей в форме кубиков, которую по-орготски называют гичи-мичи. И мы называли ее так, хотя говорили по-кархидски. При минимальном рационе фунт в сутки нам хватило бы ее на шестьдесят дней. Вечером, умывшись и поев, Эстравен долго сидел у печки и подсчитывал наши запасы. У нас не было весов, и он ограничивался приблизительной оценкой, используя в качестве стандарта фунтовый кубик гичи-мичи. Как и большинство гетенианцев, он знал калорийность и питательность каждого вида пищи, собственные потребности в различных условиях, знал, как приблизительно оценить мои потребности. Такие знания жизненно важны на Зиме.

Рассчитав, наконец, наш режим питания, он заполз в мешок и уснул. Ночью я слышал, как он во сне продолжает вычислять вес, дни и расстояние.

По очень приблизительной оценке нам нужно было преодолеть около восьмисот миль. Первые сто миль на север и северо-восток — через лес по северным отрогам хребта Самбесен к ледяному щиту, покрывающему великий континент повсюду севернее сорок пятой параллели, и кое-где опускающемуся до тридцать пятой. Один из таких выдававшихся на юг языков льда находился в районе Огненных Холмов — последних вершин Самбесена. Этот район был нашей первой целью. Здесь, в горах, как считал Эстравен, мы легче попадем на ледяной щит, либо опустившись на него с горного склона, либо поднявшись по языку льда. Дальше мы двинемся по самому льду на восток и пройдем около шестисот миль.

Там, где ледник подходит к берегу залива Гутон, мы спустимся с него и, пройдя пятьдесят-сто миль по Пенсайским высотам и болотам, которые будут покрыты десятью или двадцатью футами снега, выйдем на Кархидскую границу.

Весь маршрут проходит по необитаемым местам. Здесь мы не встретим ни одного инспектора. Несомненно, это самое важное.

У меня совсем не было документов, а документы Эстравена при самом поверхностном осмотре говорили, что они поддельные. К тому же я только внешне напоминал гетенианца и не хотел подвергаться осмотру. С этой точки зрения план Эстравена был очень практичен. В остальных отношениях он казался чистейшим безумием.

Это мнение я хранил про себя. Если уж нам все равно придется умирать в попытке бегства, я предпочитал умереть при попытке к бегству. Эстравен, однако, все еще раздумывал над другими возможностями. На следующий день, который мы провели, тщательно упаковывая на санях наши запасы, он сказал:

Если вы вызовете звездный корабль, то как быстро он прилетит?

— От восьми дней до полумесяца, в зависимости от того, где

находится корабль относительно планеты. Он может оказаться на противоположной точке орбиты.

— Не быстрее?

— Не быстрее. Двигатель «Нафал» нельзя использовать в пределах солнечной системы. Корабль пойдет на обычном ракетном двигателе, а это займет не менее восьми дней. А что?

Он крепко затянул веревку и завязал ее, прежде чем ответить.

— Я думал о том, чтобы попросить помощи у вашего мира, раз уж наш не может ее оказать. В Туруфе есть радиопередатчик.

— Мощный?

— Не очень. Ближайший мощный передатчик в Кухумее, около четырехсот миль к югу отсюда.

— Кухумей большой город?

— Четверть миллиона жителей.

— Мы должны будем каким-то образом воспользоваться передатчиком, а потом более чем на восемь дней скрыться. Вероятность удачи очень мала.

Он кивнул.

Я вынес из палатки последний мешок с кадиком, уложил его на сани и сказал:

— Если бы я вызвал корабль в тот вечер, когда вы говорили со мной, накануне моего ареста... Но мой ансибл был у Оболе, да и сейчас у него, вероятно.

— Он может его использовать?

— Нет. Даже случайно не может. Установка координат исключительно сложна. Если бы я воспользовался им!

— Если бы я тогда знал, что игра кончена,— посетовал Эстравен.

Он улыбнулся, он не привык сожалеть.

— Вы старались, но я вам не поверил.

Когда сани были нагружены, он настоял на том, чтобы остаток дня мы провели в палатке, ничего не делая, сберегая энергию. Он, лежа, писал в маленькой записной книжке своим мелким быстрым вертикальным кархидским почерком. Эта запись составляет содержание предыдущей главы. У него не было возможности на протяжение предыдущих месяцев вести свой дневник, и это его раздражало. В этом смысле он оставался очень педантичен. Я думаю, что дневники для него были и обязанностью, и связью с его семьей в очаге в Эстре. В те времена я не знал, что он пишет.

Пока он писал, я намазал воском лыжи, потом вообще ничего не делал. Начал было насвистывать танцевальный мотив, но оборвал себя на середине. У нас одна палатка, и если мы хотим делить ее, не сводя друг друга с ума, необходима сдержанность в манерах и поведении.

Услышав свист, Эстравен поднял голову и сонно взглянул на меня.

— Я хотел знать о вашем корабле еще в прошлом году. Почему вас послали сюда одного?

— Первый посланник всегда приходит один. Один чужак — любопытный каприз, два — уже вторжение.

— Дешево ценится жизнь первого посланника.

— Нет, Экумен ничью жизнь не ценит дешево, но лучше подвергнуть опасности одну жизнь, чем две или двадцать. К тому же очень дорого посылать людей в больших кораблях. Да и я сам просил об этой работе.

— «В опасности честь»,— процитировал он какую-то строку.

Потом он добавил:

— Мы будем достойны чести, когда достигнем Кархида.

Слушая его, я верил, что мы доберемся до Кархида, преодолеем восемьсот миль гор, ущелий, провалов, вулканов, ледников — сплошную пустыню, без убежища, без жизни, среди зимних бурь ледяного века.

Он продолжал писать с какой-то упрямой основательностью, которую я подметил еще в безумном короле, когда тот занимался кладкой камня.

Его «когда» опиралось на расчет. Он собирался добраться до Кархида на четвертый день четвертого месяца зимы — Архад Аннер.

Выступить мы должны были завтра, в тринадцатый день первого месяца зимы — Термебенд Терн. Наших запасов должно было хватить на три месяца — семьдесят восемь дней. Итак, делая по двенадцать миль в день, мы достигли бы Кархида в Архад Аннер. Все было готово. Осталось только выспаться.

Мы выступили на рассвете. Шел небольшой снег. Снежный покров на холмах был мягкий, не слежавшийся. Земные лыжники называют его «дикий» снег.

Сани были тяжело нагружены. Эстравен считал, что их общий вес превышает триста фунтов. Тащить их по мягкому снегу было трудно, хотя они прекрасно приспособлены к езде: полозья великолепные, покрытые особым полимером, который сводил сопротивление почти к нулю, но и они застревали в снегу. Вскоре мы поняли, что по такому снегу, да еще каждый раз спускаясь в овраги и выбираясь из них, легче идти, когда один тянет сани, а другой толкает их сзади. Весь день шел снег. Мы дважды останавливались, чтобы поесть. В холмистой местности было совершенно тихо.

Мы продолжали идти до самых сумерек.

На ночь мы остановились в долине, точно такой же, как и оставленная нами утром. Я так устал, что пошатывался, но не мог поверить, что день кончился. По измерителю расстояния, укрепленному на санях, мы проделали пятнадцать миль.

Если по мягкому снегу и неровной дороге с тяжелым грузом мы смогли за день пройти столько, то, конечно, будем еще быстрее двигаться по льду, где поверхность ровнее и тверже, а груза к тому времени станет меньше. Теперь я поверил в план Эстравена. Через семьдесят дней мы будем в Кархиде.

— Вам приходилось раньше так путешествовать? — спросил я его.

— Санями? Часто.

— И далеко?

— Однажды осенью несколько лет назад мне пришлось проделать несколько сотен миль по Кармскому льду.

Нижний край земли Карм, гористый южный полуостров Кархидского полуконтинента, как и на севере, покрыт ледниками.

Человечество Великого континента Гетена живет на полосе земли между белыми стенами. По расчетам гетенианцев уменьшение солнечного излучения на восемь процентов привело бы к тому, что эти стены сомкнулись. Тогда не было бы ни людей, ни земли — только лед.

— Зачем? Что отправило вас в столь длительное путешествие?

— Любопытство, любовь к приключениям,— он поколебался и слегка улыбнулся,— «Расширенные сложности и напряженности — цель жизни»,— процитировал он одно из моих экуменийских высказываний.

— Ага, вы сознательно усиливали эволюционную сущность, заложенную в каждом человеке.

Мы оба были очень довольны собой, сидя в теплой палатке, попивая горячий чай и ожидая, пока закипит похлебка из кадика.

Примерно,— согласился он.— Нас было шестеро. Мой брат и я из Эстре и четверо друзей из Стоки. У нашего путешествия не было особой цели. Мы хотели взглянуть на Теремандер — гору, выступающую изо льда. Мало кто видел ее с земли.

Похлебка была готова — совсем не то, что месиво из отрубей на Пулафенской ферме. У нее был вкус жареных орехов, и она великолепно обжигала рот. Наслаждаясь, я сказал:

— Лучшую еду я пробовал на Гетене всегда в вашем обществе, Эстравен.

— Но не на банкете в Мишпори.

— Верно, не там. Вы ненавидите Оргорейн?

— Орготы не умеют готовить. Ненавидеть Оргорейн? Нет. Зачем же? Можно ли ненавидеть или любить страну? Тайб рассуждает об этом, но я не понимаю. Я знаю людей, города, фермы, холмы, реки, скалы, знаю, как светит солнце. Но как можно любить или ненавидеть все это в целом? Пока я люблю жизнь, я люблю и холмы Эстре, но эта любовь не имеет ничего общего с ненавистью. Надеюсь, я невежественен.

Невежественен в жанндарском смысле, невежество по отношению к абстракции, тяготение к реальности. В этом учении было что-то женственное, отказ от абстракции, от идолов, подчиненность реальному. Это мне не нравилось.

Однако он добавил:

— Человек, который не чувствует отвращения к плохому правительству глупец. Если бы на земле существовало хорошее правительство, какое удовольствие было бы служить ему!

В этом мы понимали друг друга.

— Я знаю такое удовольствие,— заметил я ему.

— Да, так я и думал.

Я вымыл наши чашки горячей водой и вылил ее за палаткой. Снаружи было совершенно темно. Продолжал идти снег, снежинки пролетали в пятне света у входа в палатку. Закрывшись в ее тепле, мы забрались в спальные мешки. Он сказал что-то вроде: «Дайте чашки мне, мистер Ай».

Я ответил:

— Так и будет «мистер»? Через весь лед?

Он посмотрел на меня и рассмеялся.

— Не знаю, как вас называть.

— Меня зовут Дженли Ай.

— Знаю. А зачем вы используете мое имя по местности?

— А как же вас еще называть?

— Харт.

— Тогда я Ай. Кто использует первые имена?

— Братья по очагу или друзья,— сказал он.

При этом голос его звучал отдаленно, как будто из-под толстого слоя снега. Было в этом высокомерие или гордость?

Я забрался в меховой мешок и сказал:

— Спокойной ночи, Харт.

Друг. Что такое друг в мире, где любой может быть любовником? Я не мог быть другом ни Терему Харту, ни кому-либо из его расы. Не мужчины и не женщины, подчиненные своим безумным циклам, меняющиеся при прикосновении рук, они не были мне друзьями, и любви между нами не могло быть никакой.

Мы спали. Среди ночи я проснулся и ощутил, как снег толстым слоем покрывает нашу палатку.

На рассвете Эстравен приготовил завтрак.

День был ясный. Когда солнце позолотило верхушки кустов, покрывавших склоны долины, мы двинулись в путь. Эстравен тянул сани, а я подталкивал их сзади.

Начал образовываться наст. На склонах мы спускались вниз бегом. В тот день мы вошли в лес, который окружает Пулафенскую ферму — лес из изогнутых деревьев, обросших ледяными бородами — деревьев торе. Мы не осмеливались воспользоваться главной дорогой на север, но поскольку в лесу не было упавших деревьев, идти было легко. Мы находились в Тарреннете — местности более ровной и с меньшим количеством ущелий и оврагов. Вечером измеритель расстояния показал двадцать миль, а мы устали меньше, чем накануне.

Одно преимущество зимы на Зиме — дни здесь остаются светлыми. У планеты очень небольшой наклон к плоскости эклиптики, недостаточный, чтобы давать значительные отличия в длительности дня по временам года на высоких широтах.

Времена года определяются лишь эллипсоидностью орбиты. На дальнем конце орбиты, афелии, еще достаточно солнечного излучения. Зима — самое сухое время года и самое

приятное, если бы не было так холодно. Солнце, когда его видно, стоит высоко, нет медленного перехода от света к темноте, как в полярных районах Земли, где холод и ночь приходят вместе. Гетен — яркий мир, жгучий, ужасный и яркий.

Три дня мы шли по лесу Тарреннет. На третий день Эстравен собирался поставить ловушки, поэтому мы остановились рано.

Он хотел поймать пестри. Это было одно из самых больших животных Зимы размером с лисицу, яйцекладущее, травоядное, с великолепным мехом. Пестри съедобны, и Эстравену они нужны были именно для этого. В больших количествах они мигрируют на юг, но настолько хитры и проворны, что за все время мы видели только двух или трех, хотя снег на всем пути был испещрен их следами. Следы вели на юг. Ловушки Эстравена были готовы через час. Он поймал шесть зверьков, освежевал их и повесил, чтобы тушки замерзли. Одного решено было съесть вечером. Гетенианцы не охотники, у них почти нет дичи, нет больших травоядных животных, а следовательно, и хищников, за исключением морских.

Гетенианцы рыбачат и возделывают земли. Раньше я никогда не видел гетенианцев с кровью на руках.

Эстравен взглянул на белые шкуры.

— Теперь время охоты на пестри.

Он протянул мне одну шкуру. Мех был таким мягким и глубоким, что трудно было определить, в какой момент рука касается его. Наши спальные мешки, верхняя одежда, капюшоны — все было на таком меху, великолепно изолирующем и внешне красивом.

— Вряд ли годятся для жаркого,— усомнился я.

Эстравен посмотрел на меня и ответил:

— Нам нужен протеин.

Он выбросил внутренности.

— За ночь Рассни, маленькие злобные крысозмеи, пожрут их и вылижут окровавленный снег.

Он был прав, он вообще всегда был прав.

В пестри фунт или два съедобного мяса, и вечером я съел свою порцию жаркого, а на следующее утро почувствовал себя вдвое сильнее.

В этот день мы начали подниматься.

Мягкий снегопад и кроксет — безветренная погода с температурой от нуля до двадцати градусов по Фаренгейту — остались позади, сменившись дождем со снегом. Я начал понимать, почему гетенианцы жалуются, когда зимой повышается температура, и радуются, когда она падает. Для горожанина дождь — неудобство, для путника — катастрофа.

Мы тащили сани по отрогам Самбесена все утро, проваливаясь в глубокое вязкое холодное месиво из дождя и снега.

К полудню снег на склонах почти полностью сошел. Водопады дождя, мили грязи и гравия. Мы сняли полозья, поставили сани на колеса и потащили их дальше. На колесах сани

оказались очень неустойчивыми и каждую минуту грозили опрокинуться. Тьма наступила раньше, чем мы успели найти укрытие или поставить палатку, так что, несмотря на все старания, вещи промокли. Эстравен говорил, что наша палатка будет служить нам в любую погоду, пока мы сохраним ее сухой изнутри.

Если мешки промокли, ночью тратишь много тепла тела и плохо спишь. А запасы пищи у нас слишком малы для лишней траты энергии. Мы не можем рассчитывать на солнце, чтобы просушить вещи, поэтому нужно держать их в сухости.

Я прислушался к его словам и так же тщательно держал вход в палатку на запоре от снега и дождя, как и он, так что внутри лишь скапливалась неизбежная влага от нашего дыхания и приготовления пищи. Но в тот вечер все промокло до того, как мы поставили палатку. Мы жались к печи Чейба, вскоре было готово жаркое из пестри, горячее и достаточно вкусное, чтобы компенсировать все неприятности. Измеритель расстояния, вопреки нашей изнурительной работе по вытягиванию саней на склоны, показал лишь девять миль.

— Первый день, когда мы не выполнили свое задание,— сказал я.

Эстравен кивнул, раскалывая кость, чтобы добраться до мозга. Он снял с себя мокрую одежду и сидел в коротких брюках, с босыми ногами. Я слишком замерз, чтобы снимать с себя хеб и обувь. Он сидел, колол кости, крепкий, аккуратный, выносливый. Его густые волосы не принимали влагу, как перья птицы. Вода лишь немного капала с волос ему на плечи, как с карниза крыши, он даже не заметил этого. Он не был обескуражен. Он сам принадлежал к этому миру.

Первый раз, когда я ел мясо, я почувствовал спазмы в желудке. На этот раз они были гораздо сильнее. Я лежал без сна, слушая шум дождя.

За завтраком Эстравен спросил:

— Вы плохо спали ночью?

— Откуда вы знаете?

Сам он спал крепко и не шевелился, даже тогда, когда я выходил из палатки.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Так что же случилось?

— Несварение желудка.

Он мигнул и угрюмо сказал:

— Это мясо.

— Вероятно.

— Моя вина. Я должен был...

— Все в порядке.

— Вы можете идти?

— Да.

Дождь все лил и лил. Западный ветер с моря принес тепло даже сюда на высоту в три-четыре тысячи футов. Видимость в сером тумане и дожде была не больше, чем на четверть мили. Я не видел вершины склонов, поднимавшихся вокруг. Кроме

дождя ничего не было видно. Мы шли по компасу, стараясь держаться северного направления.

Сотни тысяч лет назад ледник двигался по этим горам. На гранитных склонах остались его следы, длинные прямые разрезы У-образной формы. Вдоль этих разрезов иногда можно было тащить сани, как по дороге.

Я предпочитал тащить сани. Мне легче было идти нагнувшись, и работа согревала меня. Когда мы остановились в полдень, чтобы поесть, я промок, озяб и не хотел есть. Мы продолжали подниматься. Дождь шел и шел. Вскоре Эстравен остановился под большим выступом черной скалы.

Прежде чем я выбрался из упряжки, он уже расставил палатку. Потом предложил войти в нее и лечь.

— Я здоров,— запротестовал я.

— Нет,— ответил он.— Ложитесь.

Я повиновался, но его тон мне не понравился. Когда он тоже вошел, я начал готовить еду, потому что была моя очередь. Тем же тоном он велел мне лежать спокойно.

— Не нужно мне приказывать,— сказал я ему.

— Простите.

В тоне его не чувствовалось извинения.

— Я не болен, вы знаете.

— Нет, не знаю. Если вы не говорите откровенно, я вынужден судить по вашему внешнему виду. Вы еще не оправились, а дорога предстоит трудная. Я не знаю пределов вашей выносливости.

— Я скажу, когда достигну их.

Это покровительство уязвило мою гордость. Он был на голову ниже меня, и по сложению больше походил на женщину, чем на мужчину. Когда мы шли рядом, мне приходилось укорачивать шаг, чтобы он не отставал.

— Значит, вы больше не больны?

— Нет, конечно, я устал. И вы тоже.

— Да. Я беспокоюсь о вас. Впереди долгий путь.

Он не покровительствовал мне, он считал меня больным, а больной должен слушаться. Он был откровенен со мной и ожидал от меня ответной откровенности. В конце концов, у него не было представления о мужественности.

Но, с другой стороны, если он мог отбросить принцип шифгретора, как он сделал со мной, возможно, и мне следовало сдержать свою мужскую гордость. Он это чувство понимал так же мало, как я его шифгретор.

— Сколько мы прошли сегодня?

Он оглянулся и слегка улыбнулся:

— Шесть миль.

Назавтра мы прошли семь миль, послезавтра — двенадцать, а еще через день вышли за пределы обитания человека. Шел девятый день нашего путешествия. Мы находились на высоте в пять-шесть тысяч футов над уровнем моря на высоком плато, полном следов недавнего горообразования и вулканизма. Плато

постепенно сужалось и переходило в долину между длинными горными цепями. Дождевые облака разошлись. Холодный северный ветер совершенно прогнал их, справа и слева от нас обнажились горные вершины, сверкающие в лучах солнца. Впереди лежала извивающаяся долина, полная снега, льда и скал. Поперек долины возвышалась ледяная стена. Подняв глаза к вершине этой стены, мы увидели ледник Гобрин, уходящий на север и белый настолько, что глаз не выдерживал этой белизны.

Тут и там из долины поднимались черные пики. С их вершин били в небо струи пара и дыма. Из щелей ледника тоже тянулся дым.

Эстравен стоял рядом со мной, глядя на эту величественную пустыню.

— Я рад, что дожил до этого,— проговорил он.

Я понимал его чувства.

Дождя больше не было. Дно долины покрывал снег. Мы сняли колеса, снова поставили сани на полозья, надели лыжи и пустились на север, в молчаливую обширность огня и льда, которая огромными черно-белыми буквами писала поперек всего континента: «Смерть». Сани казались легкими как перышко.

16 Одирни Терн. Ай спрашивает из своего спального мешка:

— Что вы пишете, Харт?

— Дневник.

Он смеется.

— Я должен был бы вести отчет для Экумена, но без звукозаписи не могу этого делать.

Я объяснил ему, что веду записи для моего рода в Эстре. Если они найдут нужным, то включат их в записи домейна. Упоминание дома обратило мои мысли к очагу и сыну. Я хотел забыть о них и спросил:

— Ваш родитель... родители... они живы?

— Нет,— ответил Ай.— Они мертвы уже семьдесят лет.

Я удивился. Аю было не больше тридцати.

— Ваш счет лет отличается от нашего?

— Нет... А, понимаю. Это все прыжки через время. Двадцать лет от Земли до Хейна, а оттуда пятьдесят лет до Оллула, от Оллула сюда семнадцать. Я жил вне Земли лишь семь лет, но родился там сто двадцать лет назад.

Еще в Эрхенранге он объяснил мне, как сокращается время в полете на корабле между звездами со скоростью света, но я не прилагал этот факт к длине человеческой жизни, или к жизням, которые он оставил в своем мире. Пока он проживал несколько часов на этих невообразимых кораблях, летящих от планеты к планете, все, что он оставлял за собой, старело и умирало.

Наконец я сказал:

— Я только себя считал изгнанником.

— Вы стали изгнанником ради меня, я — ради вас,— поды-

тожил он и рассмеялся мягким веселым смехом в тяжелой тишине.

Последние три дня прошли в тяжелом труде, но Ай был в хорошем настроении и очень терпелив со мной. Может быть, прекращалось действие наркотика, а может, мы привыкли друг к другу.

Этот день мы провели, спускаясь с базальтового уступа, на который взбирались в течение вчерашнего дня. Со дна долины этот уступ казался удобной дорогой на лед, но чем выше мы поднимались, тем больше каменистых осыпей и голых каменных стен встречали, склоны становились все круче. Вскоре мы даже без саней не могли продвигаться дальше. К вечеру спустились в долину. Здесь ничего не росло. Обломки скал, булыжники, глина, грязь. Пятьдесят или сто лет назад отсюда отступил рукав ледника, обнажив кости планеты — никакой почвы, никакой растительности. Тут и там из фумарол клубился желтоватый дым. В воздухе пахло серой.

Было двадцать градусов, сыро. Я надеялся, что тяжелые снега не выпадут до тех пор, пока мы не выберемся из этой земли. Казалось, широкая ледяная рука спускается с плато между двумя горами-вулканами. Над обеими вершинами поднимался пар и дым. Если мы сможем попасть на эту реку льда со склона ближайшего вулкана, она может оказаться хорошей дорогой на ледяное плато.

Мы решили попытаться добраться до ледника между вулканами, хотя поворот на запад по крайней мере дня на два уводил нас от цели.

Одросте Терн. Пессарет (легкая метель). Двигаться невозможно. Целый день спали. Мы провели в пути уже полмесяца, и отдых был необходим.

Одторменвой Терн. Пессарет. Ну, хватит спать. Ай научил меня земной игре с маленькими камушками, называемой «го».

Игра исключительно трудная. Как заметил Ай, здесь хватает камней, чтобы играть в «го».

Он неплохо выносит холод. Странно видеть, как он сидит, укутавшись в хеб, пальто и надев капюшон, когда температура ниже нуля, но когда мы идем и светит солнце, а ветер не слишком резок, он снимает пальто и потеет, как и мы, и нам приходится идти на компромисс с температурой в палатке. Он хочет жары, а я — холода, и то, что для одного комфорт, для другого пневмония. Мы выбрали середину, и он дрожит в своем мешке, а я потею в своем. Но если вспомнить, как велики различия между нами, поймешь, что уживаемся мы неплохо.

Гетени Танери. Ясно, ветра нет, температура весь день около пятнадцати градусов. Наш лагерь разбит на нижнем западном склоне ближайшего вулкана — Дроменгола, по моей карте Оргорейна. Второй вулкан через ледяную реку называли Дрампер. Карта была сделана очень плохо, расстояния указаны на ней неточно, а к востоку от нас виднеется гора, со-

вершенно не указанная на карте. Очевидно, орготы не часто бывают в Огненных Холмах.

Впрочем, сюда и незачем приходить. За день мы прошли двенадцать миль. Тяжелая работа. Сплошные скалы. Ай немедленно уснул. Я повредил ногу, попав между двух булыжников. Ночной отдых излечит ее. Завтра мы начнем спуск на лед.

Наши запасы пищи сокращаются угрожающе, но это потому, что мы едим самое громоздкое и тяжелое. У нас было от девяносто до ста фунтов грубой пищи, половина груза, украденного мной в Туруфе.

После пятнадцатидневного путешествия шестидесяти фунтов не стало. Я рад, что тяжелый груз из Туруфа кончается. Сани стали легче.

Сордни Танери. Двадцать градусов, холодный дождь, ветер из долины, как ледяной сквозняк. Лагерь на плоском выступе в четверти мили от края. Путь вниз по Дроменголу был труден и крут. Голые стены скал и каменные поля. Край ледника окружен ущельями, а лед так густо покрыт камнями, что нам пришлось поставить сани на колеса.

Через сто ярдов сломалось колесо и согнулась ось. Снова полозья. За день сделали всего лишь четыре мили, все еще не в том направлении. Ледник, казалось, представляет длинную дугу, уходящую к вулканам, к западу от плато Гобрик. Здесь он около четырех миль шириной, и по центру его идти будет легче, хотя поверхность его более неровная, чем я думал.

Дрампер живет. Снег на его склонах пахнет дымом и серой. Весь день на западе висит туман. Время от времени все вокруг закрывают облака. Ледяной дождь, лед. Воздух становится тускло-красным, потом краснота медленно блекнет. Ледник слегка дрожит у нас под ногами.

Эскичье рем ир Гор. Предположим, что вулканическая активность на северо-западе Оргорейна и в Архипелаге увеличивается на протяжение последних десяти-двадцати тысяч лет, что указывает на конец льда или по крайней мере на сокращение его и отступление ледникового периода.

Углекислый газ, выделяемый вулканами в атмосферу, послужит изолятором, удерживая тепловую энергию, отраженную от земли, и в то же время пропуская без задержки солнечные лучи.

Ай утверждает, что среднегодовая температура повысится почти на тридцать градусов, достигнув в конце концов семидесяти двух градусов (семьдесят два градуса по Фаренгейту равны двадцати двум по Цельсию).

Я рад, что не буду свидетелем этого. Ай сказал, что аналогичная теория выдвигается и земными учеными, чтобы объ-

яснить продолжающееся отступление ледников. Все подобные теории оказываются недоказуемыми, никто точно не знает, почему наступают и отступают ледники.

Снег невежества остается нетронутым.

Над Дрампером в темноте тускло светится красное облако.

Эпс Танери. По измерителю сегодня мы прошли одиннадцать миль, но по прямой мы не более, чем в восьми милях от ночного лагеря. Мы все еще на полоске льда между двумя вулканами. Дрампер извергается, языки огня рвутся из его черных боков, огни хорошо видны, когда ветер разгоняет дым, пепел и белый пар.

Слышится непрерывный свист, очень высокий, почти недоступный восприятию.

Ледник дрожит, трещит и щелкает, подпрыгивая под нашими ногами.

Сугробы сброшены вниз со стен пропастей. Мы движемся в разных направлениях, ища концы трещины, способной поглотить наши сани, потом ищем конец другой трещины, пытаемся двигаться на север, но вынуждены идти то на восток, то на запад. Над Дроменголом, сочувствующим работе Дрампера, висят столбы черного дыма.

Ай сильно обморозил лицо. Когда я случайно посмотрел на него, нос, уши и веки у него были серого цвета. Массаж предотвратил беду, но мы должны быть осторожнее. Со льда дует жесткий ветер, и нам нужно идти навстречу ему.

Я был рад выбраться из щели между двумя ревущими чудовищами. Горы нужно видеть, а не слышать.

Архад Танери. Небольшой снег, температура между пятнадцатью и двадцатью. За день прошли двенадцать миль, но из них лишь пять в нужном направлении. Край Гобрина заметно приблизился к нам. Теперь мы видим широкую ледяную реку, рукав между Дрампером и Дроменголом — лишь ее приток.

Позади мы видим расколотый, разорванный черными дымящимися вершинами лед. Впереди ледовая река изгибается, поднимаясь к ледяной стене далеко над пеленой пара и дыма. Шлак и пепел сыплются сверху вместе со снегом, лед покрыт толстым слоем шлака.

Для ходьбы поверхность хорошая, но тащить по ней сани плохо. Постепенно приходится сменить полозья. Несколько раз рядом с нами падали вулканические бомбы. Они громко свистели и с шипением погружались в расплавленный лед.

Трещит падающий со снегом шлак. Мы ползем на север сквозь грязный хаос мира в процессе его создания.

Хвала незавершенному созиданию.

Петерхад Танери. С утра идет снег, ветрено, около пятнадцати градусов. Огромный ледник, на который мы должны подняться, спускается в долину с запада. Мы на восточном краю этой долины. Дроменгол и Дрампер теперь за нами, хотя острая вершина Дроменгола все еще возвышается к востоку

от нас почти на уровне глаз. Теперь нам предстоит сделать выбор: либо следовать по пологому извиву на запад и постепенно подняться на ледяное плато, либо взобраться на ледяные утесы в миле к северу от лагеря и ценою риска сберечь двадцать или тридцать миль.

Ай предпочел риск.

В нем есть какая-то хрупкость. Он очень уязвим. Даже половые органы у него всегда находятся снаружи. Но в то же время он невероятно силен. Не уверен, что он может тащить сани дольше, чем я, но он сможет тащить их вдвое быстрее. Он может приподнять сани спереди или сзади, чтобы высвободить их из щели. Я могу приподнять такой вес только в доте. В соответствии с хрупкостью и силой у него характер, легко поддающийся отчаянию. Быстрый и несдержанный, он обладает яростной и нетерпеливой храбростью. Медленный, трудный путь, проделанный за последние дни, так истощил его тело и волю, что, принадлежи он к моей расе, я счел бы его трусом. Но он не трус.

Никого храбрее я не видел. Он готов рисковать жизнью на каждом крутом обрыве.

«Огонь и страх — хорошие слуги, но плохие хозяева». Он заставил страх служить себе. Я предпочел бы более длинный путь.

Но храбрость и разум за него. Какой смысл искать безопасный путь в таком путешествии, как наше? Существуют бессмысленные пути — таким я не пойду — но безопасных путей нет.

Стрет Танери. Не везет. Поднять сани невозможно, хотя мы весь день пытались сделать это.

Порывы ветра несут снег с пеплом.

Весь день темно, как будто дующий с запада ветер окружил нас дымом Дрампера.

Здесь, наверху, лед трясется меньше, но когда мы взбирались на утес, нас настигло землетрясение. Сани покатились вниз, я вслед за ними, но сила Ая спасла нас от падения к подножию утеса. Если один из нас сломает ногу или плечо, это будет, вероятно, означать конец для нас обоих.

Долина под нами полна пара. Ее коснулась лава. Мы не можем возвращаться. Завтра попытаемся подняться дальше к западу.

Берни Танери. Не везет. Пойдем еще дальше на запад. Темно, как в поздние летние сумерки.

Мы кашляем, но не от холода (даже ночью температура около нуля), а от пепла и дыма. Два дня прошли в напряженных попытках подняться. Всюду мы встречали непреодолимую стену. Ай истощен и рассержен. Он как будто готов заплакать, но не плачет. Я думаю, он считает плач постыдным.

В первые дни, когда он был очень слаб, он прятал от меня свое лицо. Причины личные, расовые, социальные, половые — откуда мне знать? Но имя его — это крик боли. Я ясно помню,

как впервые увидел его давным давно в Эрхенранге. Наслушавшись разговоров о чужаке, я спросил, как его зовут, и услышал в ответ крик боли: «Ай». Теперь он спит. Руки его дрожат и дергаются от усталости, и все вокруг нас: лед и скалы, пепел и снег, огонь и тьма — тоже дрожит и дергается. Выглянув из палатки, я увидел тускло-красный отсвет вулкана на облачном небе.

Орни Танери. Не везет. Сегодня двадцать второй день путешествия, и с десятого дня мы не продвинулись на восток, наоборот, ушли на двадцать-двадцать пять миль на запад. С восемнадцатого дня мы вообще могли бы с тем же успехом сидеть на месте. Даже если нам удастся подняться на лед, хватит ли нам теперь пищи? Трудно не думать об этом. Дым и пепел от извержений мешают смотреть далеко, поэтому мы не можем выбирать путь.

Ай предлагает попробовать каждый подъем, даже самый крутой. Он нетерпелив и раздражен моей осторожностью. Нам следует сдерживаться. Через день или два я буду в кеммере, и напряжение возрастет...

А тем временем мы бьемся головами о ледяные утесы в полной пепла тьме. Если бы я писал новый йомештский канон, то посылал бы воров после смерти сюда. Воров, которые крадут ночью продовольствие в Туруфе, воров, которые крадут сердце и имя человека и высылают его, пристыженного и изгнанного.

Голова у меня гудит, и я не в состоянии даже прочесть написанное.

Хардахад Танери. Мы на Гобрине. Двадцать третий день пути, и мы на леднике Гобрин.

Утром, пройдя лишь несколько сотен ярдов от ночного лагеря, мы увидели дорогу на лед, широкую, мощеную шлаком. Мы прошли по ней, как по главной улице Эрхенранга, и вот мы на льду. Мы движемся на восток домой.

Чистейшая радость, испытываемая Аем от нашей победы, заразила и меня. Впрочем, вверху так же мрачно, как и внизу.

Мы на самом краю плато. Расщелины, некоторые достаточно широки, чтобы поглотить целую деревню, не дом за домом, а всю сразу, уходят на север и скрываются из вида. Большинство из них пересекает наш путь, поэтому нам постоянно приходится идти не на восток, а на север. Идти трудно. Мы тащим сани меж огромных складок льда, образовавшихся от напора ледяного щита на Огненные Холмы. Изуродованные давлением, ледяные утесы приобретают диковинные формы: опрокинутые башни, безногие гиганты, катапульты. На протяжение многих миль лед все вздымается, стараясь затопить горы и заглушить огонь, заставить замолчать вулканы. В нескольких милях к северу изо льда поднимается пик — острый голый конус молодого вулкана, на много тысячелетий моложе этого ледяного щита, который шеститысячефутовой толщей покрывает невидимые склоны.

Весь день, оглядываясь, мы видели пепельно-серое облако

над Дроменголом, которое кажется серым продолжением льда.

Дует сильный ветер и разгоняет дым и пар, которыми мы дышали все последние дни.

Облако дыма за нами как черная крышка закрывает ледник, горы, каменную долину и всю землю. Здесь ничего нет, кроме льда. Но молодой вулкан к северу от нас думает по-другому.

Снега нет, пасмурно. В сумерки на плато — минус четыре градуса. Под ногами новый лед, предательский и скользкий. Мы часто падаем. Падая, я еду на животе не менее пятнадцати футов. Ай в упряжке сгибается от хохота. Он извиняется и объясняет, что считал себя единственным человеком на Гетене, способным поскользнуться на льду.

За день прошли тринадцать миль, но если мы и дальше будем придерживаться такого темпа среди утесов и расщелин, то скоро замучаемся и попадем в худшую беду, чем езда на животе.

Убывающая луна стоит низко, она тускла, как засохшая кровь, большое коричневое радужное облако окружает ее.

Орни Танери. Снег. Вязкий снег и резкий ветер. Температура падает. Сегодня снова тринадцать миль, что составляет общее расстояние в двести пятьдесят четыре мили с момента выхода из первого лагеря. В среднем мы делаем десять с половиной миль в день. Но тяжелый путь не приблизил нас к цели. Мы сейчас не ближе к Кархиду, чем в начале пути, просто теперь у нас больше возможности попасть туда.

После ужина мы по вечерам снова разговариваем в палатке. В состоянии кеммера я предпочел бы не замечать присутствия Ая, но это не так-то легко сделать в двухместной палатке. Беда, конечно, в том, что он на свой манер тоже в кеммере, он всегда в кеммере. Должно быть, несильное желание, если оно растянуто на все дни года. Вечером мне трудно скрывать свое физическое состояние.

Он наконец спросил, не оскорбил ли он меня чем-нибудь?

Я с некоторым замешательством объяснил свое молчание. Я боялся, что он будет смеяться надо мной. В конце концов это не более, чем сексуальный каприз.

Здесь, наверху, на льду, каждый из нас единичен, изолирован, и я так же отрезан от мне подобных, от всего общества и его правил, как и он от своего. Нет других гетенианцев, которые объясняли и поддерживали бы мое существование. Мы, наконец, равно чужды и одиноки. Он, конечно, не стал смеяться, наоборот, заговорил с мягкостью, которую я раньше не замечал в нем. Немного погодя он тоже начал говорить об изоляции и одиночестве.

— Ваша раса ужасающе одинока в своем мире. Нет других млекопитающих. Нет других двуполых видов. Нет животных, достаточно разумных, чтобы одомашнить их, хотя бы и в качестве игрушки. Эта уникальность должна воздействовать на ваш образ мысли. Я имею в виду не только научное мышление,

хотя вы и великолепные создатели гипотез. Поразительно, что вы выработали концепцию эволюции, не имея никакого переходного звена между вами и низшими животными. Но философия нации: быть одинокими во враждебном мире. Это должно отразиться на всем вашем мировоззрении.

— Йомешта сказал бы, что одиночество человека есть его назначение.

— Конечно. Другие культы на других мирах пришли к такому же заключению. Это культы динамичных, агрессивных, нарушающих эволюцию культур. Некоторым образом их примером мог бы быть Оргорейн. По крайней мере, он, кажется, движется в этом же направлении. А что говорят жанндары?

— Жанндара, как вы знаете, это не теория и не догма... Она меньше замечает пропасть между людьми и животными, обращая внимание на их сходство, на связи, которые делают все живое частями единого целого.

У меня в голове целый день звучало Термора и я процитировал:

— Свет — это левая рука Тьмы.

А Тьма — это правая рука Света.

Два есть одно: жизнь и смерть

Лежат рядом, как пара в кеммере.

Как соединение руки.

Как конец и начало.

Голос мой дрожал, когда я читал эти строки. Я помнил, что они были в письме, которое мой брат написал мне перед смертью.

Ай подумал и сказал:

— Вы изолированы и в то же время неразделены. Возможно даже, что вы страдаете целостностью, как мы дуализмом.

— Мы тоже дуалисты. Дуализм существует, пока существует «я» и «другие».

— «Я» и «ты»,— сказал он.— Да, в конце концов это заложено глубже, чем пол...

— Скажите, как другой пол вашей расы отличается от вас?

Он посмотрел удивленно, меня тоже удивил собственный вопрос. Это во мне неожиданно заговорил кеммер.

— Я не думал об этом,— сказал Ай.— Вы ведь никогда не видели женщин.

Он использовал слово земного языка, которое я знал.

— Я видел ваши фотографии. Женщины похожи на наших беременных гетенианцев, но с большими грудями. Отличаются ли они в умственном отношении и поведении? Похожи ли на два различных вида?

— Нет, конечно, но различия очень важны. Я думаю, что важнейший фактор человеческой жизни — рожден ли он мужчиной или женщиной. В обществе пол определяет деятельность, мировоззрение, этику, манеры — все. Слова, обычаи, одежду, даже пищу. Женщины обычно едят меньше. Очень трудно отделить внутренние различия от внешних. Даже если женщины обладают в обществе равными правами с мужчинами, на них

все равно падает обязанность рождения и воспитания детей.

— Значит, равенство не общее правило? Они отстают в умственном отношении?

— Не знаю. Они часто занимаются математикой, сочиняют музыку, изобретают, но они не абстрактно-мыслящие. И не потому, что они глупы. Физически они менее мускулисты, но намного выносливее мужчин. Психологически...

После этого он долго смотрел на горящую печь, а потом покачал головой.

— Харт, я не могу вам сказать, на что похожи женщины. Я никогда не думал об этом, а сейчас — о, боже,— я почти забыл о них. Я здесь уже два года. Вы же знаете, в некотором смысле женщины более чужды мне, чем вам. Ведь с вами я даже один пол...

Он посмотрел в сторону и рассмеялся печально и беспокойно. Я испытывал сложные чувства, и мы оставили эту тему.

Гирни Танери. Сегодня прошли восемнадцать миль на лыжах в северо-восточном направлении. В первый же час выбрались из пограничного района утесов и ущелий.

Оба шли в упряжке. Я — впереди, чтобы испытывать лед, но в этом не было необходимости. На ископаемом льду лежит слой нового льда в несколько футов толщиной, а на нем слой слежавшегося снега.

Идти было легко, сани казались такими легкими, что трудно было поверить, что в них еще несколько сотен фунтов веса. После полудня тащили сани по очереди. Один человек вполне справлялся с ними на этой прекрасной поверхности. Жаль, что нам пришлось проделать самую тяжелую часть пути с грузом. Теперь идти легко.

Я понял, что слишком часто думаю о пище.

Ай говорит, что мы едим мало. Весь день мы быстро шли по ровному ледяному плато.

Лишь несколько далеких от нас пиков разрывали лед, а сзади висело темное облако дыхания Дрампера. И больше ничего.

Только солнце и лед.

17 В начале не было ничего, кроме льда и солнца. За много лет сияющее солнце выплавило во льду большую расщелину. По бокам расщелины — большие ледяные утесы, а дна у нее не было. На боках утесов таял снег, и капли падали вниз.

Первый из ледяных утесов сказал:

— У меня идет кровь.

Второй заметил:

— Я плачу.

А третий отозвался:

— Я потею.

Ледяные утесы выбрались из пропасти и стояли на ледяной равнине. Тот, который сказал: «У меня идет кровь»,— дотянулся до солнца, набрал полные руки испражнений из солнечных

кишок и сделал из них холмы и долины земли. Тот, который сказал: «Я плачу»,— дохнул на лед, растопил его и создал моря и реки. Тот, который заметил: «Я потею»,— смешал землю и морскую воду и сделал из смеси деревья, травы, зерно на полях, животных и людей. Растения росли на полях и в море, звери бегали по земле и плавали в воде, но люди не просыпались. Их было тридцать девять. Они спали на льду и не двигались.

Тогда ледяные утесы сели, согнув колени, и солнце растопило их. Они таяли молоком, и молоко текло в рты спящих, и спящие проснулись. Только дети людей пьют молоко, иначе они не просыпаются к жизни.

Первым проснулся Эдендурат. Он был так высок, что, встав, расколол головой небо, и пошел снег. Он увидел, как шевелятся и просыпаются другие и испугался. Поэтому он убивал их одного за другим ударом кулака. И убил их, все тридцать шесть. Но тридцать седьмой, предпоследний, убежал.

Его звали Хахерет. Побежал он по льду и по земле. Эдендурат погнался за ним, поймал и убил. Затем он вернулся к месту рождения на льду Гобрин, где лежали тела остальных, но последнего там уже не было. Он убежал, пока Эдендурат гнался за Хахеретом.

Эдендурат построил дом из замерзших тел своих братьев и стал ждать возвращения последнего. Каждый день один из трупов спрашивал: «Он горит?» И все остальные трупы мертвыми замерзшими языками отвечали:

— Нет.

Потом Эдендурат во сне вступил в кеммер, зашевелился и громко заговорил, а когда он проснулся, все трупы говорили: «Он горит!» И последний из собратьев, самый юный из них, услышав это, вошел в дом из тел и совокупился с Эдендуратом.

От них и пошли все люди, от плоти Эдендурата, из чрева Эдендурата. Имя младшего брата — отца — неизвестно. За каждым ребенком следовал клок тьмы, когда он ходил при дневном свете. Эдендурат спросил:

— Почему за моими сыновьями следует тьма?

Его кеммеринг ответил:

— Они рождены в доме из тел. И по пятам за ними следует тень-смерть. Они в середине времени. В начале было солнце и лед, и не было тени. В конце солнце пожрет себя, тень съест свет, и не останется ничего, кроме льда и тьмы.

18 Иногда, засыпая в темной тихой палатке, я на мгновение вижу перед собой картины прошлого. Слышно, как трется о них падающий снег. Ничего не видно. Свет печи Чейба погашен, и она существует только как теплый шар, сердце тепла. Слабый шелест спального мешка, звук снега, еле слышное дыхание спящего Эстравена, тьма, и больше ничего. Мы вдвоем внутри, в убежище, в центре всех предметов. Снаружи, как всегда, лежит огромная тьма, холодное смертельное одиночество.

В такие отчетливые моменты, засыпая, я знаю, что все прошлое существует в настоящем и что здесь, в середине тепла, истинный центр моей жизни.

Не хочу сказать, что я был счастливым в эти недели изнурительного труда, когда мы тащили сани по ледяному щиту среди смертоносной зимы. Я был голоден, измучен, обеспокоен, и чем дальше, тем становилось хуже. Я, несомненно, не был счастлив. Счастье имеет причину, и только причина дает счастье. То, что было дано мне, невозможно заслужить или удержать, часто даже невозможно узнать вовремя. Я имею в виду радость.

Я всегда просыпался первым, обычно перед рассветом. Уровень обмена веществ у меня выше средней нормы гетенианца, как рост и вес. Эстравен учитывал эту разницу при расчете режима пищи, и с самого начала я получал в день на несколько унций пищи больше, чем он. Протесты против несправедливости замолкали перед очевидностью такого деления. Впрочем, увеличенная порция все же была мала. Я был голоден постоянно и ежедневно.

И просыпался я от голода.

Если было еще темно, я включал свет печи Чейба и ставил кастрюлю со льдом, принесенным с вечера и уже растаявшим за ночь, на печь. Эстравен тем временем вел свою обычную яростную молчаливую борьбу со сном, как будто боролся с ангелом. Победив, он садился, сонно смотрел на меня, тряс головой и просыпался. К тому времени, когда мы были уже одеты, обуты, а наши мешки были свернуты, готов был завтрак: кружка кипящего орша и кубик гичи-мичи, превращенный горячей водой в маленькую тестообразную булочку. Мы жевали медленно, торжественно, подбирая все крошки.

Пока мы ели, печь остывала. Мы упаковывали ее вместе с кастрюлей и кружками, надевали верхнюю одежду, капюшоны, рукавицы и выползали наружу. Холод снаружи был невыносим. Каждое утро я заново должен был свыкаться с ним.

Иногда шел снег, иногда долгий зимний день был удивительно золотым и голубым на протяжение многих миль льда, но чаще он был серым.

На ночь мы брали термометр с собой в палатку, а когда выносили его наружу, было интересно следить, как указатель быстро скользит вправо (шкалы гетенианцев рассчитаны на чтение против часовой стрелки), спускаясь на двадцать, пятьдесят, восемьдесят градусов, пока не достигал отметки где-нибудь между нулем и минус шестьдесят градусов.

Один из нас снимал палатку и сворачивал ее, а другой в то же время грузил на сани печь, мешки и прочее. Палатка клалась поверх всего, и мы были готовы встать на лыжи и надеть упряжь. В нашем снаряжении мало металла, но на упряжи были пряжки из алюминиевого сплава, их нельзя застегнуть в рукавицах, при морозе они обжигали руки, как будто были раскалены докрасна. Мне приходилось быть очень осторожным при температуре ниже двадцати градусов, особенно при ветре, потому

что я весьма легко обмораживался, особенно страдали пальцы. Ноги мои никогда не страдали — исключительно важное обстоятельство в зимнем путешествии, где обморожение может стоить недели пути или всей жизни. Эстравену пришлось угадывать мой размер, и снегоступы оказались мне немного велики, но промежуток заняли лишние носки. Мы надевали лыжи, как можно быстрее впрягались в упряжку, раскачивали сани, если полозья примерзли, и трогались.

После сильных снегопадов приходилось тратить время на то, чтобы выкопать палатку и сани из-под снега.

Свежий снег убирать было легко, хотя он и наметал вокруг нас внушительные сугробы. Эти сугробы оказывались единственным препятствием, единственным выдающимся над ровной поверхностью льда предметом на сотни миль.

Мы двигались на восток по компасу.

Ветер обычно дул с севера на юг, с ледника.

День за днем он дул слева, когда мы шли. Капюшон спасал мало, и я надевал лицевую маску, чтобы защитить нос и левую щеку. И все же однажды я обморозил левый глаз и даже решил, что больше не смогу им видеть. Даже когда Эстравен дыханием и языком растопил покрывающий глаз лед, я некоторое время не видел им. В солнечную погоду мы оба надевали тетеньянские защитные очки и никто из нас не страдал от снежной слепоты. Впрочем, для этого у нас было мало возможностей. Эстравен говорил, что над центральной зоной льда удерживается область высокого давления, где тысячи квадратных миль белой поверхности отражают солнечный свет. Мы, однако, были не в центральной зоне, а на самом краю ее, между ней и зоной воздушных волнений, зоной выпадения осадков, откуда на прилегающие зоны срывались сильные бури. Когда ветер менялся, он приносил с собой снег, похожий на песчаную бурю. Тогда на поверхности появлялись движущиеся снежные змеи и все становилось белым в белом воздухе — не видно ни солнца, ни теней из-под наших ног.

В полдень мы останавливались и, если дул сильный ветер, вырубали блоки льда и строили из них защитную стену, а потом согревали воду, растворяя в ней гичи-мичи, запивали их горячей водой с кусочком сахара, надевали упряжку и двигались дальше.

В пути или за едой мы редко разговаривали. Губы у нас растрескались, а рот нужно было держать закрытым и дышать через нос, по крайней мере тогда, когда температура была ниже минус сорока—пятидесяти градусов.

Мы тащили сани, пока не уставали или пока не становилось темно, затем останавливались, ставили палатку, привязывали к колышкам сани, если угрожал сильный ветер, и устраивались на ночлег. Обычно за день мы шли одиннадцать-двенадцать часов и проходили от двенадцати до восемнадцати миль.

Это не очень много, но условия были нелегкими. Наст на снегу редко подходил для лыж и санных полозьев. Когда он

был тонким и новым, сани шли легко, но когда он подмерзал, сани начинали срываться, и двигаться приходилось рывками. Часто встречались на пути заструги — длинные, нанесенные снегом волны, достигающие четырех футов в высоту. Нам приходилось каждый раз втаскивать сани на такой заостренный конус, затем осторожно спускать их с него и переходить к следующему.

Заструги всегда шли перпендикулярно нашему курсу. Я представлял себе ледяное плато Гобрин как замерзший пруд, на самом деле это были сотни миль внезапно застывшего в бурю моря.

Ставить палатку, укреплять ее, удалять снег с внутренней полости,— все это было очень утомительно. Иногда казалось, что не стоит этого делать. Было так холодно, мы так уставали, что хотелось закутаться в спальные мешки, лечь в санную колею и не беспокоиться о палатке. Я помню, как негодовал на методическую тираническую настойчивость своего компаньона, который заставлял все проделывать тщательно и правильно. В такие минуты я его ненавидел. Я ненавидел все то, что приходилось делать во имя жизни.

Закончив все, мы заползали в тепло печи Чейба.

Чудесная вещь окружала нас — тепло.

Смерть и холод оставались снаружи. Мы ели и пили, потом разговаривали. В сильные холода даже великолепная изоляция палатки не помогала, и мы лежали в мешках как можно ближе к печи. В метель через вентиляционные отверстия в палатку набивался снег, и воздух внутри становился туманным. По ночам бури издавали странные звуки и не давали нам разговаривать, так что приходилось кричать.

В другие ночи было так тихо, что казалось, будто весь мир перестал существовать.

Через час после ужина Эстравен уменьшал нагрев печи, если это было возможно, и выключал свет. Делая это, он бормотал короткую строчку — единственное ритуальное заклинание, которое я услышал у жанндара: «Хвала тьме и несовершенному творению». И наступала тьма. Мы засыпали. Утром все начиналось сначала.

Так продолжалось свыше сорока дней.

Эстравен продолжал вести свой дневник, хотя на протяжение недели на льду он мог записать лишь погоду и пройденное за день расстояние. Среди этих записей встречаются упоминания о собственных мыслях и наших разговорах. Но там нет ни слова о тех серьезных беседах, которые мы вели между ужином и сном на протяжение всего первого месяца на льду, пока у нас оставалась энергия для разговоров. Кроме того, несколько дней из-за бури мы провели в палатке. Я сказал ему, что мне не запрещено использовать паравербальную речь на планетах, не входящих в союз, но делать этого не рекомендуется, и я прошу его сохранить это в тайне, пока я не посоветуюсь

об этом со своими коллегами на корабле. Он обещал и сдержал свое слово.

В его записях нет и слова о наших молчаливых беседах.

Мозговая речь — единственное, что я мог дать Эстравену из всей нашей цивилизации, которой он так глубоко интересовался. Я мог рассказывать и описывать бесконечно, но дать мог только мозговую речь. В сущности это было единственное существенное, что мы могли дать Зиме. Но не могу сказать, что нарушил закон и культурное эмбарго из благодарности. Я не платил ему долг. Такие долги остаются неоплаченными.

Эстравен и я просто оказались в таких отношениях, когда делишь все, чем обладаешь.

Думаю, что половое сношение между двуполым гетенианцем и однополым человеком с Хейна возможно, хотя такие отношения неизбежно будут стерильными, но это требует доказательства, и мы с Эстравеном лишь вскользь коснулись этой темы. Самый критический момент в наших сексуальных влечениях наступил в самом начале пути, во вторую ночь на льду.

День был тяжелый, мы пересекли покрытый трещинами район к востоку от Огненных Холмов. В этот вечер мы были усталы, но возбуждены, понимая, что скоро перед нами откроется ровная поверхность. После ужина Эстравен стал неразговорчив и обрывал разговоры. После очередного отпора я спросил:

Харт, я что-то неверно сделал? Скажите, что?

Он молчал.

— Я допустил ошибку в шифгреторе? Простите, никак не могу научиться. Я так и не понял истинного значения этого слова.

— Шифгретор? Он происходит от старого слова, означающего «тень».

Некоторое время мы оба молчали, затем он прямо и искренне посмотрел на меня.

Его лицо слегка покраснело от жара печи, оно казалось таким уверенным, таким отдаленным, как лицо женщины, которая смотрит на вас, задумавшись, и молчит.

Я снова увидел то, что старался не замечать, боялся увидеть: что он женщина в такой же степени, как и мужчина. До сих пор я не воспринимал его полностью, отрицал его сущность. Он — единственный человек на Гетене, который поверил в меня, кто понял во мне человека, кто увидел во мне личность, и поэтому был вправе ожидать от меня такого же отношения. А я боялся ответить ему тем же. Я не хотел давать свою дружбу, свою верность мужчине, который был женщиной, и женщине, которая была мужчиной.

Он просто и коротко объяснил, что находится в кеммере и старается избегать меня. Я тоже должен избегать его.

— Я не должен касаться вас,— непринужденно добавил он.

Говоря это, он смотрел в сторону от меня.

— Понимаю, совершенно верно,— ответил я ему.

Мне казалось,— я думаю, и ему тоже,— что из-за сексуального напряжения, принятого и понятого, но не успокоенного,

возникла уверенность в дружбе между нами, в дружбе, так необходимой нам обоим в этом изгнании и так помогавшей нам в дни и ночи тяжелого пути. Это может быть названо и любовью. Но любовь исходила не из сходства, а из различия между нами.

Она была мостом, соединявшим нас.

Сексуальная встреча поставила бы нас в положение чужаков. Мы соприкоснулись единственным возможным для нас путем. И так все и осталось. Не знаю, были ли мы правы.

В этот вечер мы еще немного разговаривали, и я помню, как тщетно пытался объяснить ему, что такое женщина. В следующие несколько дней мы общались друг с другом с осторожностью. Любовь между другими людьми означает, кстати, возможность наносить друг другу глубокие раны. До этой ночи мне никогда не приходило в голову, что я могу ранить Эстравена.

Теперь, когда исчезли барьеры, ограничения, наложенные на наше общение, казались мне невыносимыми. Очень скоро, два или три дня спустя, после праздничного ужина — добавочной порции похлебки из кадика, которой мы отметили пройденные за день двадцать миль, я сказал:

— Весной, в нашу последнюю встречу в вашем доме, вы говорили, что хотите больше узнать о мозговой речи.

— Да.

— Хотите я научу вас ей?

Он рассмеялся.

— Пытаетесь уличить меня во лжи?

— Если вы даже когда-то лгали мне, это было давным-давно и в другом мире.

Он был честным человеком, но вряд ли прямым. Мои слова, видимо, обрадовали его, и он сказал:

— В другом мире я могу по-другому лгать вам. Но я думал, вам запрещено учить мозговой речи туземцев, пока мы не присоединены к Экумену.

— Не запрещено. Просто так не делают. А я сделаю, если хотите. И если смогу. Я не Выявитель.

— Значит, есть специальные преподаватели этого искусства?

— Да. Но не на Альтерре, где у жителей естественная восприимчивость и где, как утверждают, матери разговаривают со своими неродившимися детьми. Не знаю, что отвечают им дети. Но большинство из нас можно обучить иностранному языку. Или, скорее, родному языку, которому начинаешь учиться поздно.

Я думаю, он понял, почему я предлагаю обучать его этому искусству, и очень захотел научиться. Нужно было начинать. Я вспомнил, как меня самого учили в двенадцатилетнем возрасте. Я велел ему очистить мозг, впустить в него пустоту. Он сделал это быстро и тщательно, лучше, чем я когда-либо; не зря он был адептом жанндары.

Я начал как можно яснее мысленно говорить с ним. Никакого результата. Я попытался снова. Я старался в течение получаса, пока мозг у меня не «охрип». Он уныло посмотрел на меня.

— Я думал, для меня это будет легко,— сознался он.

Мы оба устали. Я отложил попытки. Следующие тоже были безуспешными.

Я пытался проникнуть в мозг Эстравена, когда он спал, вспомнив, что говорил мой Выявитель о «посылке» снов, встречающийся у дотелепатических народов, но тоже безуспешно.

— Наверное, мы лишены этой способности,— уныло предположил Эстравен.— У нас много сказаний и слухов о словах власти, но никаких доказательств существования телепатии.

— Так было и с моим народом в течение тысячелетий. Несколько естественно воспринимающих, но не осознающих свой дар, и никого, кто сознательно общался бы с ними. Все в латентном состоянии. Я говорил вам, что за исключением прирожденных воспринимающих, эта способность является психологической производной культуры, побочным результатом использования мозга. Дети умственно отсталые, члены примитивных обществ не могут пользоваться мозговой речью. Вначале должна развиться определенная степень сложной организации мозга. Невозможно создать аминокислоты из атомов одного водорода. Вначале они должны сами создать сложную структуру. Здесь такая же ситуация. Абстрактное мышление, сложная специальная организация, усложненная культура, эстетические и этические концепции — все это должно достичь определенного уровня, прежде чем окажется возможной мысленная связь, хотя потенциально она всегда возможна.

— Может быть, гетенианцы еще не достигли такого уровня?

— Вы превзошли его. Но необходима и удача. Как в случае с аминокислотами. Или возьмем аналогию культурного плана — только аналогию, но очень подходящую. Научный метод, например, использование конкретной экспериментальной техники в науке. В Экумене есть народы, обладающие высокоразвитой культурой, сложной социальной организацией, философией, искусством, этикой, огромными достижениями во всех сферах, и все же они не умеют точно взвесить камень. Конечно, они могут научиться этому. Но в течение полумиллиона лет они обходились без этого. Есть народы, вообще не знающие высшей математики, ничего, кроме простейших правил арифметики. Они могут научиться этому, научиться делать расчеты, но сами по себе этого не делают. Кстати, мой собственный народ, земляне, очень долго не подозревали о существовании нуля.

Эстравен заморгал.

— Что касается гетенианцев, то мне очень любопытно узнать, обладаем ли мы их способностью к предсказанию, является ли эта способность результатом эволюции, можно ли ей научиться.

— Вы думаете, это полезное свойство?

— Точные пророчества? Конечно!

— Со временем вы поймете, что практически они бесполезны.

— Ваша жанндара очаровывает меня, Харт, но временами я недоумеваю, как мог развиться такой парадоксальный способ мышления.

Мы снова попытались использовать мысленную речь. Раньше

мне никогда не приходилось обращаться к совершенно невосприимчивому. Опыт оказался разочаровывающим.

Я чувствовал себя как молящийся атеист.

Вскоре Эстравен зевнул и сказал:

— Я глух, как скала. Лучше ляжем спать...

Я согласился. Он выключил свет, пробормотал свою короткую похвалу тьме, мы закутались в мешки и через минуту окунулись в сон, как пловец погружается в темную воду. Я чувствовал его сон, как свой собственный. Между ними установилась амфатическая связь, и я мысленно обратился к нему сквозь сон, назвав его по имени:

— Терем!

Он мгновенно сел, во тьме громко прозвучал его голос:

— Арек! Это ты?

— Нет. Это Дженли Ай. Я мысленно говорю с вами.

У него перехватило дыхание. Тишина.

Он завозился у печи Чейба, включил свет, посмотрел на меня темными глазами, полными страха.

— Мне снилось, что я дома.

— Вы слышали мою мозговую речь.

— Вы позвали меня. Это был мой брат. Я слышал его голос. Он мертв. Вы назвали меня Теремом? Я... Это ужаснее, чем я думал.

Он покачал головой, как человек, прогоняющий ночной кошмар, и обхватил лицо руками.

— Харт, простите.

— Нет, зовите меня по имени. Если вы мысленно можете разговаривать со мной, да еще голосом мертвого человека, значит, можете называть меня по имени! Он не называл меня «Харт». О, теперь я понимаю, почему в мозговой речи не бывает лжи. Это ужасно... Ладно, поговорите со мной еще.

— Подождите.

— Нет, начинайте.

Ощущая на себе его яростный и в то же время испуганный взгляд, я снова мысленно заговорил с ним.

— Терем, друг мой, нам нечего опасаться друг друга.

Он продолжал смотреть на меня, и я даже подумал, что он не понял. Но он понял.

— Ах, есть чего опасаться.

Немного погодя, справившись с собой, он уже спокойно сказал:

— Вы говорите на моем языке.

— Конечно. Вы ведь не знаете моего.

— А я думал, что мозговая речь, понимание...

— Нет.

— Объясните мне это позже. Но почему вы говорите голосом моего брата?

Голос Эстравена был напряжен.

— Не могу ответить. Не знаю. Расскажите мне о нем.

— Иусут. Мой полный брат, Арек Харт рем ир Эстравен, был на год старше меня. Он стал лордом Эстре. Мы.. Я оста-

вил дом из-за него. Он уже четырнадцать лет как мертв.

Некоторое время мы оба молчали. Я не знал, что скрывается за этими словами, но не стал спрашивать. Ему и так слишком много стоили сказанные им немногие слова.

Наконец я предложил:

— Попытайтесь мысленно говорить со мной, Терем. Назовите меня по имени.

Я знал, что он сможет это сделать: раппорт был налицо, или, как говорят специалисты, установилась совместная связь, и все же он, конечно, понятия не имел, как сознательно снимать барьер.

Будь я Слушателем, я бы услышал его мысли.

— Нет,— сказал он.— Еще нет...

Но ни шок, ни страх, ни ужас больше не могли сдерживать его ненасытный расширяющийся мозг. После того, как он снова выключил свет, я неожиданно услышал, как он, заикаясь, внутренней речью произнес:

— Дженри.

Даже в мысленной речи он не смог произнести звук «л».

Я немедленно ответил. Во тьме послышались нечленораздельные восклицания, в которых смешивались страх и удовлетворение.

— Больше не нужно,— попросил он вслух

Немного погодя мы уснули.

Ему это никогда не давалось легко.

Не то, чтобы у него не было способностей или он не мог учиться, но иностранная речь всегда глубоко трогала его.

Он быстро научился воздвигать барьеры, но я чувствовал, что он не может на них полагаться. И мы, вероятно, были в таком же положении, когда несколько столетий назад прибыли первые Выявители с Роканнона и начали учить нас «последнему искусству». Возможно, гетенианцы воспринимали мозговую речь как нарушение своей целостности, как трудно переносимую брешь в своей сущности. А может, виноват характер Эстравена, в котором были сильны искренность и сдержанность. Каждое слово вырывалось у него из глубокого молчания.

Он воспринимал мой мысленный голос как голос мертвого. Я не знаю, что, кроме любви и смерти, лежало между ним и его братом, но я чувствовал, что, когда я мысленно говорю с ним, что-то в нем вздрагивает, как будто я касаюсь открытой раны. И связь, установившаяся между нами, оказалась открытой и суровой, и не пролила свет (как я надеялся), а показывала глубокую тьму.

День за днем мы продвигались на восток по ледяной поверхности равнины. Середина запланированного пути, тридцать третий день, Одорни Аннер, застала нас далеко от средней точки маршрута.

По измерителю расстояния мы действительно покрыли около четырехсот миль, но лишь три четверти из них были реальным продвижением вперед, и мы лишь очень приблизительно

могли оценить, сколько нам еще предстоит пройти. Эстравен не беспокоился, как я, из-за сотен лежавших впереди миль.

— Сани легки,— говорил он.— К концу пути они станут еще легче, а в случае необходимости мы можем сократить рацион. До сих пор мы питались очень хорошо.

Я думал, он иронизирует, но мне следовало лучше знать его.

Весь сороковой день и два последующих дня нас заносила метель. Долгие часы Эстравен почти непрерывно спал и ничего не ел, хотя бы половину нормы.

— У вас нет опыта в голодовке,— говорил он.

Я почувствовал себя уязвленным.

— А у вас есть такой опыт, лорд домейна и премьер-министр?

— Дженри, мы практикуем лишения, пока не привыкаем к ним. Я научился голодать еще ребенком в Эстре. Меня учили этому жанндары в крепости Ротерер. Конечно же, в Эрхенранге у меня не было такой практики, но в Мишпори я снова начал привыкать. Пожалуйста, мой друг, делайте, как я говорю.

Я повиновался.

Через четыре дня мы снова двинулись в путь. Стояли сильные холода, температура никогда не поднималась выше минус двадцати пяти градусов. Потом с востока нам в лицо снова ударила метель. После первого порыва ветра пошел такой густой снег, что я не видел Эстравена в шести футах от себя. Чтобы не задохнуться, я повернулся к ветру спиной, а когда минуту спустя повернулся, ни Эстравена, ни саней не было, ничего не было.

Я сделал несколько шагов в том направлении, где они должны были быть, и упал. Я закричал, но не услышал собственного голоса. Я был нем и одинок во вселенной, полной жалящего снега и ветра. В панике я слепо побрел вперед, мысленно крича: «Терем».

Он оказался рядом со мной:

— Дайте мне руку. Вот палатка.

Я больше никогда не вспоминал об этом приступе паники.

Метель продолжалась два дня. Потрачено было пять дней, а сколько их еще предстоит. Аннер и Ниммер — месяцы сильных бурь.

— Продуктов совсем мало,— сказал я однажды утром.

Я отмерил порцию гичи-мичи, чтобы смешать ее с кипятком.

Он посмотрел на меня. Его широкое лицо казалось осунувшимся, глаза глубоко запали, губы потрескались. Бог знает, на кого был похож я, если так выглядел он, но он лишь улыбнулся.

— Если повезет, доберемся.

То же самое он говорил и вначале.

Я со всеми своими бедами, со своей отчаянной решимостью поставить все в последней игре, оказался недостаточно реалистичен и не поверил ему. Даже теперь, когда мы так напряженно трудились...

Впрочем, Лед не знал, как мы трудились. Какое ему до этого дело.

— Часто ли вам везло, Терем? — спросил я наконец.

На это он не улыбнулся, только помолчал и ответил:

— С самого начала я думаю об этом.

С самого начала значило юг, мир без льда, земля, люди, дороги, города — все то, что здесь трудно представить себе реально существующим.

— Вы знаете, покидая Мишпори, я отправил королю касающееся вас сообщение. Я сообщил ему то, что рассказал мне Шуегис: что вас отправили на Пулафенскую ферму. У меня тогда не было ясных намерений, я действовал импульсивно. С тех пор я обдумывал этот мой импульс. Может случиться вот что. Король увидит возможность сыграть в шифгретор. Тайб будет возражать против этого, но к этому времени король начнет уставать от Тайба и не обратит на его совет внимания. Он будет оскорблен: «Где посланник, гость Кархида?». Мишпори солжет: «Он умер осенью от лихорадки хоры, мы весьма сожалеем». «Тогда почему же наш посол информирует, что он сослан на Пулафенскую ферму?» «Его там нет, можете проверить сами». «Нет, конечно, мы верим слову сотрапезников Оргорейна». И вот спустя несколько недель после этого обмена нотами посланник появляется в Северном Кархиде, сбежав с Пулафенской фермы. Ужас в Мишпори, негодование Эрхенранга. Сотрапезники потеряли лицо, их уличили во лжи. Для короля Аргавена вы станете сокровищем Дженри, дороже брата по очагу. На некоторое время. При первой же возможности вы должны будете вызвать звездный корабль. Призовите своих людей и завершите миссию раньше, чем Аргавен увидит в вас возможного врага, прежде чем Тайб или какой-нибудь другой советник снова испугает его, играя на его безумии. Если он заключит с вами договор, то выполнит его. Нарушить договор — значит, нарушить свой шифгретор. Короли династии Харт держат свои обещания. Но вы должны будете действовать быстро, прежде всего, как можно быстрее посадить корабль.

— Я так и поступлю, если получу хоть малейшее доказательство, что его появление приветствуется.

— Нет. Простите за совет, но вы не должны ждать доказательства. Я знаю, что ваше заявление будут приветствовать. Как появление корабля. За последние полгода Кархид испытал сильное унижение. Вы дадите Аргавену возможность отыграться. Думаю, что он воспользуется ею.

— Хорошо. А вы тем временем...

— Я Эстравен-предатель. Я не должен иметь с вами ничего общего.

— Вначале.

— Вначале,— согласился он.

— Вы сможете спрятаться, если будет опасно?

— О, конечно.

Ужин был готов, и мы начали есть. Еда была таким важным и всепоглощающим занятием, что мы никогда не разговаривали за ней. Табу действовало в своей полной, вероятно, перво-

начальной форме. Пока не съедена последняя крошка, не произносилось ни слова. Когда мы поели, Эстравен сказал:

— Надеюсь, я все рассчитал верно. Вы должны... Простите меня...

— Вы дадите мне прямой совет? — наконец, я начал кое-что понимать.— Конечно, я так и сделаю, Терем. Неужели вы сомневаетесь? И вы знаете, у меня нет шифгретора.

Это позабавило его, но он продолжал размышлять:

— Почему вы пришли один, почему вас послали одного к нам? — спросил он, наконец.— Все теперь зависит от появления корабля. Почему вы сделали вступление таким трудным для нас и для себя?

— Таков экуменийский обычай, и для него есть основания. Хотя теперь я сомневаюсь, правильно ли я его понимал. Я думал, что ради вас я прихожу один, такой одинокий и такой уязвимый, что сам по себе не могу представить угрозу, нарушить равновесие — не вторжение, а всего лишь послание. Но в этом заключается и нечто большее. Один я не могу изменить ваш мир, но могу быть измененным. Один я должен не только говорить, но и слушать. Отношения, которые я устанавливаю, относятся не только к политике. Они индивидуальны и личностны, а это и больше, и меньше, чем политика. Не «мы» и «они», не «я» и «он», нет «я» и «ты». Отношения не политические, не прагматические, а мистические. В определенном смысле и сам Экумен — не политическая, а мистическая организация. Он считает начала чрезвычайно важными. Начала и средства. Его доктрина резко противостоит утверждению, что цель оправдывает средства. Он действует необычными путями, которые могут показаться и странными, и рискованными. Так действует эволюция, и Экумен в некотором смысле — ее модель. Послан я один из-за вас или из-за себя? Не знаю. Да, это делает вступление более трудным. Могу спросить вас, почему вы не изобрели самолет? Один маленький украденный аэроплан избавил бы нас с вами от всех затруднений.

— Нормальному человеку не может придти в голову мысль о полете,— строго выговорил мне Эстравен.

Это был честный ответ. В мире, где нет крылатых животных и где ангелы йомештской иерархии не летят с неба, а падают, как снежинки, как семена, переносимые ветром на этом лишенном цветов мире.

В середине Ниммера после многих холодных встреных дней мы вступили в район спокойной погоды. Бури остались далеко на юге, мы находились в районе, где лишь небо было постоянно затянуто облаками.

Вначале облачный слой был тонким, так что рассеянный солнечный свет отражался от облаков и снега, сверху и снизу. Наутро облака сгустились, яркость исчезла, не оставив ничего. Мы ступили из палатки в ничто. Сани и палатка были на месте.

Рядом со мной стоял Эстравен, но ни он, ни я не отбрасы-

вали тени. Повсюду был тусклый свет. Когда мы двинулись по скрипучему снегу, за нами не оставалось следов. Ни солнца, ни неба, ни горизонта, ни мира.

Серовато-белый свод. Мы в нем как будто висим. Иллюзия настолько полная, что я с трудом удерживаю равновесие. Мое внутреннее чувство привыкло получать сведения о моем положении. Теперь этих сведений не стало, я как будто ослеп. Грузить еще было несложно, но идти, когда глазу не на чем остановиться, когда вокруг ничего нет, крайне утомительно. Мы шли на лыжах, поверхность была ровная, наст крепкий, под нами пять-шесть тысяч футов льда. Казалось бы, можно идти быстро, но мы двигались очень медленно, чуть ли не наощупь, и нам нужны были большие усилия, чтобы идти нормальным шагом. Любая, самая ничтожная неровность поверхности воспринималась как что-то невероятное как какая-то лестница, продолжения которой мы не видим.

Мы снова брели вперед с открытыми глазами. День за днем ничего не менялось, и с каждым днем мы проходили все меньше. Уже к полудню мы дрожали от усталости и напряжения. Я начал мечтать о буре, о метели, о чем угодно. Но каждое утро, выползая из палатки, я видел все тот же свод, все ту же серую белизну, которую Эстравен называл Лишенной Тени.

На шестьдесят первый день путешествия Одерни Ниммер, тупое слепое ничто вокруг нас стало течь и дергаться. Я решил, что глаза обманывают меня, и не обращал внимания на бессмысленные движения, пока вдруг не увидел над головой маленькое, тусклое, мертвое солнце. Посмотрев вперед, я увидел, что из свода выступает какая-то огромная черная форма. Изгибаясь, тянулись черные щупальца. Я замер, чуть не сбив Эстравена. Мы оба были в упряжке.

— Что это?

Он посмотрел на чудовищную фигуру, притаившуюся в тумане, и сказал, наконец:

— Утесы. Должно быть, утесы Эшерхота.

Он снова потянул сани. Мы были во многих милях от таинственных форм, а мне казалось, что они на расстоянии вытянутой руки. Незадолго до захода солнца они стали виднее — вершины огромных гор, как айсберги в океане, затонувшие во льду, мертвые в течение тысячелетий.

Если судить по нашей плохой карте, мы оказались намного севернее кратчайшего из путей. На следующий день мы впервые повернули на юго-восток.

19 Мы продолжали идти, приободрившись при виде утесов Эшерхота — первого предмета, кроме льда, снега и неба, увиденного нами за семь недель. Судя по карте, эти утесы находились недалеко от Шенвейских болот, к северу от них и к востоку от залива Гутон. Но картам района Гобрин не следовало доверять. А мы уже очень устали.

Мы оказались ближе к южному краю ледника Гобрин, чем

указывала карта, потому что на второй день после поворота на юг начали встречаться трещины и щели с торосами, и лед не был таким неровным, как в районе Огненных Холмов, но оказался непрочным. В нем были скрыты пустоты. Вероятно, летом они превращались в озера. Иногда лед проваливался, и мы оказывались в яме, а иногда поверхность была испещрена небольшими ямами и трещинами. Все чаще и чаще встречались большие расщелины, старые каньоны во льду. Некоторые достаточно широкие, другие шириной всего в фут или два, но очень глубокие. В Одирни Ниммер (это по дневнику Эстравена, я не вел записей) подул сильный северный ветер, небо очистилось, появилось солнце. Мы тащили сани по снежному мосту над трещиной и могли заглянуть налево и направо, в голубые пропасти, в которые падали тронутые полозьями саней куски льда. Они падали медленно и вызывали слабые звуки, как будто трогали серебряные струны. Я до сих пор помню пустую, как во сне, утреннюю кружащуюся голову, радость от этого перехода над пропастью. Но вот небо начало белеть, воздух помутнел. На снегу выросли голубые тени.

Мы не подозревали опасности белой погоды на такой поверхности. Поскольку лед был неровным, я толкал сани сзади, а Эстравен тащил. Я не отрывал взгляда от саней, и толкал, думая лишь о том, что нужно толкать, как вдруг они дернулись вперед, чуть не вырвавшись у меня из рук. Я инстинктивно крепче ухватился за них и закричал, чтобы Эстравен шел медленнее. Но сани замерли, наклонившись вперед, а Эстравена не было.

Я чуть не выпустил сани из рук. Чистейшая удача, что я этого не сделал, а продолжал удерживать их, глупо осматриваясь. Только тут я увидел край пропасти, в которую провалился разбитый снежный мост.

Эстравен тоже упал туда, и сани не последовали за ним только потому, что их удерживал мой вес. Две трети саней оставались на прочном льду, но под тяжестью Эстравена, висевшего в упряжке, сани медленно скользили к пропасти.

Я изо всех сил потянул их назад, оттаскивая от пропасти. Они поддавались с трудом, но я налегал всем весом и тащил. И они неохотно двинулись и откатились от трещины. На краю ее появились руки Эстравена. Теперь его вес помогал мне. Он выбрался из пропасти и ничком упал на лед.

Я склонился над ним, пытаясь отстегнуть упряжь. Губы его посинели, одна сторона лица была исцарапана и кровоточила.

Он неуверенно сел и прошептал свистящим шепотом:

— Синее, все синее... Башни в глубине.

— Что?

— В пропасти все синее, полно света.

— Что с вами?

Он начал расстегивать упряжь.

— Идите вперед на веревке, с палкой в руках,— выдохнул он,— проверяйте дорогу.

Много часов спустя после этого один из нас тащил сани, а другой шел впереди, ступая осторожно, по-кошачьи, ощупывая дорогу палкой. В белую погоду невозможно разглядеть пропасть, пока не упадешь в нее, а тогда уже будет поздно. К тому же края пропасти непрочны и выдаются вперед.

Каждый шаг мог вызвать падение. Никаких теней. Ровный белый и беззвучный пар. Мы двигались внутри огромного замерзшего стеклянного шара. В нем не было ничего. Но в стекле оказывались трещины.

Ощупывание и шаг. Ощупывание невидимых трещин, через которые можно выпасть из невидимого шара и падать, падать.

Постоянное напряжение мало-помалу истощило наши силы. Все труднее давался каждый следующий шаг.

— Что случилось, Дженри?

Я стоял в середине ничего. На глазах у меня замерзли слезы. Я сказал:

— Боюсь упасть.

— Но вы на веревке.

Подойдя, он увидел, что никакой пропасти нет, посмотрел на меня и сказал:

— Разбиваем лагерь.

— Еще не время, мы должны идти.

Но он уже расставлял палатку.

Позже, после еды, он сказал:

— Самое время было остановиться. Не думаю, чтобы мы могли идти так дальше. Лед медленно опускается, но он очень неровен, весь в трещинах. Если бы мы видели, то могли бы идти, но не в безтеневом мире.

— Как же мы спустимся в Шенвейские болота?

— Если мы повернем на восток, вместо того, чтобы двигаться на юг, то можем оказаться на ровном льду в районе залива Гутон. Я видел лед летом с лодки. Он спускается с Красных Холмов и ледяной рекой течет в залив. Может, оттуда легче по берегу добраться в Кархид. Но этот путь длиннее миль на тридцать-сорок. Нужно подумать. Каково ваше мнение, Дженри?

— Мое мнение? Я и двадцать миль не пройду в белую погоду.

— Но если мы выберемся из района трещин...

— О, если мы выберемся из района трещин, я буду в порядке. А если еще и солнце выглянет, садитесь в сани, я подтолкну и вы поедете до самого Кархида.

Типичная для этого путешествия шутка. Глупые шутки, конечно, но все же они заставили улыбаться.

— Со мной ничего,— продолжал я,— кроме острого хронического страха.

— Страх очень полезен. Как тьма или тени.

Улыбка Эстравена расколола его потрескавшиеся и обветрившиеся губы.

— Странно, что дневного света недостаточно, чтобы идти, нам нужны тени.

— Дайте на минутку ваш блокнот.

Он как раз делал ежедневную запись в своем дневнике и подсчитывал, сколько продовольствия осталось. Над печью Чейба он протянул мне блокнот и угольный карандаш.

На чистой странице, прикрепленной изнутри к переплету: я начертил двойную дугу в круге, зачернил половину символа и протянул блокнот обратно.

— Вы знаете этот знак?

Он долго смотрел на него странным взглядом, потом сказал:

— Нет.

— Его находят в земле на Хейне, на Чиффеворе. «Свет — это левая рука Тьмы»... Как дальше? Свет и Тьма, страх и мужество, холод и тепло, женщина и мужчина. Это вы, Терем. Оба в одном. Тень на снегу.

Весь следующий день мы брели на север через белое ничто. Наш рацион составлял теперь две трети первоначального. Так мы надеялись продержаться дольше. Мне казалось, что разницы между немногим и ничто нет, но Эстравен верил в свою удачу. Он шел, руководствуясь интуицией, хотя, вероятно, на самом деле, это был опыт. Четыре дня мы шли на восток, делая ежедневно от восемнадцати до двадцати миль, потом нулевая погода кончилась, поднялся ветер, пошел снег, стало темно.

Три дня мы лежали в палатке, а вокруг ревел буран.

— Мне хочется закричать в ответ,— сказал я Эстравену.

Он не совсем уверенно ответил:

— Бесполезно. Все равно не ответит

Мы спали, немного ели, лечили обмороженные и натертые места, мысленно говорили, снова спали. На третий день рев перешел в хрип, потом во всхлипывания, затем наступила тишина. Сквозь открытый дверной клапан мы увидели яркое небо. На сердце у нас полегчало, но мы слишком устали, чтобы проявить радость в движениях. Мы собрались — на это потребовалось почти два часа, потому что мы двигались подобно старикам — и пошли дальше. Поверхность, несомненно, поднималась. Наст великолепно держал лыжи. Светило солнце. Утром термометр показал минус десять. Казалось, что от ходьбы у нас прибавляется сил, и мы шли быстро и легко. В этот день мы шли до появления звезд.

На ужин Эстравен выдал полный рацион.

При таком расходе продовольствия оставалось всего на семь дней.

— Колесо поворачивается,— серьезно сказал он.— Чтобы хорошо повернуть его, мы должны хорошо поесть.

— Ешь, пей, веселись,— сказал я.

Меня еда привела в хорошее настроение. Я рассмеялся собственным словам.

— Все то же: еда, питье, веселье. Можно ли веселиться без еды?

Это казалось мне таким же чудом, как и полузачерненный круг. Но что-то в выражении лица Эстравена разочаровывало меня. Я посмотрел на него и заплакал. Эстравен оказался слабее меня, он уснул, опустив голову на колени. Впрочем, это хорошая мысль — спать.

На следующее утро мы проснулись поздно, плотно позавтракали и впряглись в сани, потащив их к краю мира.

А за краем мира, который круто обрывался вниз, лежал замерзший залив Гутон, замерзший от берега до берега, от Кархида до северного полюса.

Два дня у нас занял спуск на морской лед через многочисленные трещины, разбитые льды и уступы. На второй день мы бросили сани и сделали две связки: большую составляла палатка, меньшую — спальные мешки. Пищу мы разделили поровну.

Получилось по двадцать пять фунтов груза за плечами каждого. Я добавил к своему грузу еще печь Чейба и все же сверток весил всего лишь тридцать фунтов. Хорошо было идти налегке, не тащить сани, не подталкивать их, не перетягивать через трещины и торосы. Я сказал об этом Эстравену. Он оглянулся на сани — маленькое пятнышко среди льда и красноватых скал — и ответил:

— Они хорошо нам послужили.

Его верность распространялась и на вещи, на терпеливые, послушные, удобные вещи, которые мы использовали и которые спасли нам жизнь. Ему было очень жаль саней.

Вечером на семьдесят пятый день путешествия в день Архад Аннер мы спустились с ледника Гобрин на ледяное море залива Гутон. Снова шли мы долго, дотемна.

Было очень холодно, но тихо. Идти по ровной поверхности без саней на лыжах было легко. Вечером, когда мы легли спать, было странно подумать, что под нами не мили льда, а всего несколько футов, а ниже — соленая вода. Но думали мы об этом недолго. Мы поели и уснули.

На рассвете снова было ужасно холодно, ниже минус сорока, но день был ясный. Посмотрев на юг, мы увидели береговую линию, из которой кое-где выдвигались в море языки льда. Вначале мы шли вдоль берега, но когда проходили мимо долины, оттуда подул такой сильный ветер, что мы упали. Пришлось отойти подальше в море. Там по крайней мере можно было идти.

Лед Гобрина выплюнул нас изо рта,— сказал я.

На следующий день берег резко повернул на восток. Справа от нас был Оргорейн, а голубой изгиб впереди — Кархид.

В этот день мы съели последние крошки орша и кадика. У нас оставалось лишь два фунта гичи-мичи и шесть унций сахара.

Не могу подробно описать последние дни нашего путешествия, потому что помню их очень смутно. Голод может обострять восприятие, но не в соединении с крайней усталостью. Мне кажется, что все мои чувства омертвели. Я помню спазмы от голода, но не помню, чтобы они причиняли мне страдания. Все время у меня было ощущение освобождения, выхода за пределы радости. К тому же мне ужасно хотелось спать. Мы достигли берега двенадцатого, в день Росте Аннер, выбрались из

замерзшего залива и оказались в скалистой снежной пустыне берега Гутон.

Мы были в Кархиде. Мы достигли своей цели. Пришлось отпраздновать прибытие кипятком.

На следующее утро мы пустились в поиски дороги, поселка. Это пустынный район, и у нас не было его карты. Дороги скрывались под пятью-десятью футами снега, и мы могли уже несколько раз пересечь их, даже не заметив. Ни следа цивилизации. Весь этот день мы шли на юго-запад, и весь следующий, а к вечеру этого дня мы увидели во тьме сквозь снегопад далекий огонек. Никто из нас ничего не сказал. Мы просто стояли и смотрели. Наконец мой товарищ прохрипел:

— Это свет?

Уже в глубокой тьме мы пришли в кархидскую деревушку: несколько темных домов с высокими крышами, с плотно утоптанным снегом перед зимними дверями. Через щели в ставнях из трактира струился желтый свет.

Мы открыли дверь и вошли.

Шел Одсорни Аннер, восемьдесят первый день пути. Наше путешествие длилось на одиннадцать дней дольше, чем рассчитывал Эстравен. Он очень точно рассчитал наши запасы пищи. Их хватило на семьдесят восемь дней. Мы прошли восемьсот сорок миль по измерителю расстояния на санях и плюс расстояние за последние дни. Многие из этих миль были потрачены на блуждания и возвращения. Если бы нам на самом деле пришлось преодолеть восемьсот миль, мы не смогли бы сделать этого. Получив хорошую карту, мы увидели, что расстояние между Пулафенской фермой и этим местом было меньше семисот тридцати миль. Все же эти мили пролегали по безлюдной пустыне: скалы, лед, небо и молчание — больше ничего в течение восьмидесяти одного дня.

Мы вошли в большую, теплую, ярко освещенную комнату, полную пищи и запаха пищи, людей и голосов людей. Я ухватился за плечо Эстравена. Незнакомые лица повернулись к нам. Незнакомые глаза. Я забыл, что существуют другие люди, не похожие на Эстравена. Я испугался.

В сущности, это была небольшая комната, а толпа незнакомцев — семь или восемь человек, все не менее ошеломленные, чем я.

Никто не приходил в домейн Куркараст среди зимы с севера. Они смотрели на нас. Все голоса разом смолкли.

Эстравен заговорил, голос его был еле слышен.

— Мы просим гостеприимства домейна.

Шум, суматоха, смятение, тревога, приветствия.

— Мы пришли со льда Гобрин.

Шум еще громче, голоса, вопросы. Все столпились вокруг нас.

— Присмотрите за моим товарищем.

Мне показалось, что это сказал я, но на самом деле сказал Эстравен. Кто-то усадил меня. Нам принесли пищу. За нами ухаживали, мы были дома.

Невежественные, сварливые, неразговорчивые, суеверные люди бедной земли.

Их великодушие позволило нам благополучно закончить путь. Они давали обеими руками, не делили, не считали. А Эстравен также принимал данное, как лорд среди лордов или нищий среди нищих, как человек среди своих.

Для рыбаков, которые живут на краю края, на пределе обитаемой земли и слабо населенного континента, честность также необходима, как и пища. Они никогда не обманывают. Эстравен знал это, и когда через день или два они начали расспрашивать нас, косвенно и уклончиво, с должным вниманием к шифгретору, почему мы решили зимой пересечь лед Гобрин, он сразу ответил:

— Я не хотел бы избирать молчание.

— Хорошо известно, что благородные люди могут быть изгнаны, но тени их от этого не уменьшаются,— сказал хозяин трактира, второе после лорда лицо в деревне, чей трактир представлял собой нечто вроде клуба для всех жителей домейна.

— Один человек может быть вне закона в Кархиде, другой в Оргорейне,— сказал Эстравен.

— Верно, один может быть изгнан кланом, а другой — королем в Эрхенранге.

— Король не может сократить тень человека, как бы ни пытался,— заметил Эстравен.

Хозяин трактира выглядел удовлетворенным. Если бы Эстравена изгнал его собственный клан, это вызвало бы осуждение, но отношение к нему короля здесь не считали важным. Что же касается меня, то изгнание из Оргорейна говорило в мою пользу.

Мы не сообщили наши имена своим хозяевам в Куркарасте. Эстравен очень не хотел использования вымышленных имен, а наши настоящие имена раскрывать было нельзя. Ведь не только кормить Эстравена, давать ему одежду и кров, но просто говорить с ним — преступление. Даже в отдаленной деревушке на берегу залива Гутон имеется радио, и жители не смогут отговориться незнанием приказа об изгнании. Только подлинное незнание имени гостя может служить каким-то извинением.

Опасность, навлекаемая на жителей деревни, с самого начала угнетала Эстравена. На третью ночь нашего пребывания здесь он пришел в мою комнату, чтобы обсудить дальнейшие действия.

Кархидские деревни напоминают древние замки Земли: в них мало или вообще нет частных домов. Но в высоких зданиях очага, Высшем Доме, каждый из пятисот жителей мог пользоваться уединением в комнатах, к которым вели древние коридоры со стенами в три фута толщиной.

Нам отвели комнаты на третьем этаже Очага. Я сидел в своей комнате у огня.

Жарко пылал торф из Шенвейских болот, распространяя сильный аромат, когда вошел Эстравен. Он сказал:

— Нам нужно уходить отсюда, Дженри.

Я помню, как он стоял в тени, босой в меховых брюках, которыми снабдил его лорд.

У себя дома и в том, что они считают теплом, кархидцы часто ходят босиком и полуодетые. За время пути Эстравен утратил свою гладкость и полноту, которые составляют отличительные черты физиологии гетенианцев. Он был очень худ, а лицо его было обожжено морозом, как огнем.

— Куда?

— На юго-запад, я думаю. К границе. Нам прежде всего нужно отыскать передатчик, и достаточно мощный, чтобы связаться с вашим кораблем. После этого мне предстоит отыскать укрытие или временно вернуться в Оргорейн, чтобы не навлекать преследования на тех, кто помог нам.

— Как вы вернетесь в Оргорейн?

— Как и раньше — пересеку границу. У орготов ничего нет против меня.

— Это не ближе, чем в Сассиноте.

Я моргнул. Он улыбнулся.

— Около ста пятидесяти миль. Мы прошли больше и в худших условиях. Здесь есть дороги, нам могут даже помочь с транспортом.

Я согласился, но перспектива нового зимнего путешествия угнетала меня. К тому же это было путешествие назад к проклятой границе, куда уйдет Эстравен и оставит меня одного.

Я подумал немного и, наконец, сказал:

— Есть одно обязательное условие, которое Кархид должен будет принять перед грядущим вступлением в Экумен. Аргавен должен отменить ваше изгнание.

Он ничего не сказал, но стоял, глядя в огонь.

— Я настою на этом,— добавил я.

— Спасибо, Дженри.

Голос его теперь был очень похож на женский. Он посмотрел на меня и улыбнулся.

— Но не думаю, что я смог скоро увидеть свой дом. Двадцать лет я провел в изгнании. Приговор короля немного добавил к нему. Я позабочусь о себе, а вы — о себе. Это вам придется делать одному. Как можно быстрее вызовите корабль. Потом можно будет подумать и обо мне.

Мы еще два дня оставались в Куркарасте, отъедались и отдыхали. Мы ждали снегоочиститель, который мог бы подвезти нас на юг. Хозяева просили Эстравена рассказать, как мы шли через лед. Он рассказывал как человек, знакомый с устной традицией, так что рассказ превратился в сагу, полную традиционных выражений и даже эпизодов, но точную и ясную, от серного огня и тьмы между Дрампером и Дроменголом, до кричащих порывов бури, которые врываются в залив Гутон из горных ущелий, с комическими вставками, вроде падения Эстравена в пропасть, с мистикой, когда он говорил о звуках и молчании льдов, о бестеневой погоде, о вечной тьме. Я слушал, как

зачарованный вместе с остальными, не отрывая взгляда от смуглого лица друга.

Мы покинули Куркараст в темной кабине снегоочистителя, одной из тех больших мощных машин, которые не убирают, а утрамбовывают снег на кархидских дорогах, чтобы сделать их проходимыми. Для уборки снега с них потребовалась бы половина денег и времени всего королевства, да и к тому же все переезды зимой совершались на полозьях. Снегоочиститель двигался со скоростью две мили в час и привез нас в следующую от Куркараста деревю уже затемно. Как и повсюду, нас гостеприимно встретили, накормили и приютили на ночь. Следующий день мы шли пешком.

Теперь мы уже достаточно удалились от берега и береговых холмов, которые принимают на себя главный удар северного ветра, шли по более населенной местности, так что передвигались не от лагеря к лагерю, а от Очага к Очагу. Несколько раз нас подвозили снегоочистители, один раз на целых тридцать миль. Дороги, несмотря на частые снегопады, содержались в хорошем состоянии. С собой у нас всегда был запас пищи, а в конце дневного путешествия нас ждала крыша над головой и огонь в очаге.

Но эти девять дней прогулки по гостеприимной земле были самой тяжелой частью нашего путешествия, худшей, чем подъем на ледник, худшей, чем последние дни голода.

Сага кончилась, она принадлежала Льду. Мы очень устали. В нас больше не было радости.

— Иногда приходится идти против колеса, Дженри,— утешал меня Эстравен.

Он был уверен, как всегда, но в походке, голосе, движениях надежда сменилась терпением и упрямством. Он был молчалив и мысленно почти не разговаривал со мной.

Мы пришли в Сассинот — город с несколькими тысячами жителей, лежащий на холме над замерзшей Эй: белые крыши, серые стены, холмы, покрытые черными пятнами лесов и выходов скал, поля и белая река. Вдоль реки — спорная долина Синот, вся белая.

Мы пришли сюда с пустыми руками.

Большую часть своего походного снаряжения мы раздали многочисленным гостеприимным хозяевам, и теперь у нас не было ничего, за исключением печи Чейба, лыж и одежды, которая была на нас. Мы шли налегке, спрашивали встречных о дороге, шли не в город, а на отдаленную ферму. Ферма была не частью домейна, а находилась под управлением администрации Синота. Эстравен, будучи юным секретарем в администрации, подружился с владельцем этой фермы и в сущности купил для него ее год или два назад, когда помогал людям переселяться восточнее Эй в надежде решить спорный вопрос о долине Синота. Сам фермер, приземистый человек, ровесник Эстравена, открыл нам дверь.

Его звали Тессичер.

Через эту местность Эстравен прошел с надвинутым на глаза капюшоном. Он боялся, что его узнают. Вряд ли ему стоило беспокоиться — только очень внимательный глаз мог узнать в тощем обветренном бродяге Харта рем ир Эстравена. Тессичер смотрел на него, не в силах поверить своим глазам.

Он принял нас гостеприимно, хотя возможности его были малы. Но чувствовал он себя неважно. Было ясно, что он предпочел бы не пускать нас: давая нам приют, он рисковал потерять все свое имущество. Поскольку всем своим существом он был обязан Эстравену, казалось справедливым, что он в ответ пошел на некоторый риск. Эстравен, однако, просил помощи не как платы, а как проявления дружбы. И действительно, когда первая тревога прошла, Тессичер с кархидским непостоянством стал вспоминать старые времена, чем и прозанимался с Эстравеном далеко за полночь. Когда Эстравен спросил, нет ли у него на примете убежища, какой-нибудь заброшенной фермы, где можно прожить месяца два, Тессичер предложил:

— Оставайтесь со мной.

Глаза Эстравена вспыхнули, но он отказался. Тессичер согласился, что жить так близко от Сассинота небезопасно, и пообещал найти для него убежище. Он сказал, что это будет нетрудно, особенно если Эстравен примет вымышленное имя и наймется в качестве повара или батрака. Это не очень приятно, но все же лучше, чем возвращаться в Оргорейн.

— Какого дьявола вы делали в Оргорейне? На что вы там жили?

— В сотрапезничестве,— ответил мой друг со своей странной улыбкой,— все имеют работы. Никаких забот. Но я предпочел бы остаться в Кархиде, если вы действительно считаете, что это можно организовать.

У нас оставалась единственная ценная вещь — печь Чейба. Она служила нам до самого конца пути. На следующее утро после прибытия на ферму Тессичера я взял печь и пошел на лыжах в город. Эстравен, конечно, со мной не пошел, но объяснил, что мне делать, и все сошло хорошо. Я продал на рынке печь, затем на круглую сумму купил право на десятиминутный разговор по радио. Все радиостанции предоставляют такую возможность.

Ее обычно используют купцы, поддерживающие связи со своими агентами в Архипелаге, Сите и Перунтере. Цена была довольно высокая, но все же доступная, меньше стоимости подержанной печи Чейба.

Мои десять минут пришлись на начало третьего часа — вторая половина дня. Я не хотел возвращаться на ферму Тессичера и побродил по Сассиноту, хорошо пообедав в одном из трактиров. Несомненно, кархидская кухня лучше орготской. За едой я вспомнил замечания Эстравена об этом, вспомнил, как он вчера вечером говорил: «Я предпочел бы остаться в Кархиде». Я не в первый раз задумался, что же такое патриотизм, из чего состоит истинная любовь к родине и почему эта любовь так часто переходит в фанатизм.

После обеда я опять бродил по Сассиноту.

Городские улицы, магазины и рынки казались мне чем-то нереальным. Я еще не отвык от одиночества льда. Мне было тревожно среди незнакомцев, не хватало постоянного присутствия Эстравена.

В сумерках я поднялся по утрамбованному на улицах снегу к радиостанции. Меня впустили и показали, как пользоваться радиопередатчиком. В назначенное время я послал сигнал пробуждения на запасной спутник, находившийся на стационарной орбите в трехстах милях над Южным Кархидом. Он предназначался как раз для таких ситуаций. Ансибла у меня не было, и я не мог попросить Оллул вызвать мой корабль. Не было у меня и времени, и оборудования для установления прямой связи с кораблем на околосолнечной орбите. Передатчик Сассинота вполне подходил для связи со спутником. Но спутник не мог ответить, он должен был просто передать мой сигнал на корабль. Я не знал, правильно ли я поступил, послав сигнал. Приходилось мириться с этой неопределенностью. Пошел сильный снег, и мне пришлось провести ночь в городе. Я недостаточно хорошо знал дорогу, чтобы идти в темноту, в снег. У меня еще оставались деньги, и я пошел в гостиницу. Здесь я поужинал и лег спать в одной из спален. Я уснул с чувством безопасности и приятной уверенности, что Кархид очень добр к чужестранцам. С самого начала я правильно выбрал место приземления и теперь вернулся к нему.

Я проснулся очень рано и до завтрака вышел к ферме Тессичера. Восходящее солнце, маленькое и холодное на ярком небе, отбрасывало на восток тени от каждого бугорка, по дороге перемещались пятна света и тьмы. Издалека навстречу мне двигалась на лыжах меленькая фигурка. Задолго до того, как стало видно его лицо, я узнал Эстравена.

— Что случилось, Терем?

— Мне нужно уходить к границе,— бросил он, не останавливаясь.

Он тяжело дышал. Я повернулся, и мы пошли рядом на запад. Я с трудом поспевал за ним. Там, где дорога поворачивала к Сассиноту, он сошел с нее и пошел, пересекая замерзшую Эй. Берега были крутые, в конце подъема мы были вынуждены остановиться и отдохнуть. Наше состояние не позволяло долго выдерживать такой темп.

— Что случилось? Тессичер?..

— Да, я слышал, как он на рассвете сообщал по радио о моем прибытии.

Грудь Эстравена поднималась и опускалась рывками, как в тот день, когда он лежал на краю глубокой пропасти.

— Тайб назначил цену за мою голову...

— Проклятый неблагодарный предатель,— возмутился я, запинаясь и имея в виду не Тайба, а Тессичера, который предал друга.

— Я слишком многого и не ждал от него. Но слушайте Дженри. Возвращайтесь в Сассинот.

— Не раньше, чем увижу вас на той стороне границы, Терем.

— Там могут быть орготские стражники...

— Я останусь на этой стороне. Ради бога...

Он улыбнулся, все еще тяжело дыша, встал и пошел, я за ним.

Мы шли на лыжах через небольшие заснеженные пески, по полям и холмам спорной долины. Спрятаться было негде. Яркое небо, белый мир и две лыжни на снегу.

Неровная местность скрывала от нас границу, пока мы не оказались от нее менее чем в одной миле. Здесь мы ясно увидели ее, обозначенную изгородью: верхушки кольев, выдававшиеся на несколько футов из снега, выкрашенные в красный цвет. На орготской стороне никого не было видно, но с кархидской стороны изгороди шли следы лыж, а южнее двигались несколько маленьких фигур.

— Охрана на этой стороне. Придется тебе ждать темноты, Терем.

— Инспекторы Тайба,— выдохнул он и свернул в сторону.

Мы отступили за невысокий холм, который только что преодолели, и принялись искать убежище. Весь день мы провели в небольшом углублении между деревьями хеммер, чьи красноватые ветви гнулись над нами под тяжестью снега. Мы обсудили много планов продвижения на север или юг, чтобы выйти из этого района, уйти в холмы к востоку от Сассинота, даже вернуться на север, в безлюдную местность. Но каждый раз план отвергался. О присутствии Эстравена известно, и мы не можем путешествовать по Кархиду открыто, как раньше. Мы вообще не можем пройти большое расстояние: у нас нет ни палатки, ни пищи, ни сил. Оставалось только одно: прорываться сквозь границу. Забравшись поглубже под дерево, мы прижались друг к другу в поисках тепла.

Эстравен задремал, но я был слишком голоден и замерз, чтобы спать. Я в оцепенении лежал рядом с другом, стараясь вспомнить строки, которые он однажды цитировал:

«Два есть одно; жизнь и смерть лежат рядом».

Мы как будто снова оказались на льду, но без убежища, без пищи, без отдыха. У нас ничего не было, кроме дружбы, но ей скоро пришел конец.

К вечеру небо потемнело и температура начала падать. К заходу солнца я дрожал, как в фургоне орготского грузовика.

Тьма, казалось, никогда не наступит.

В сумерках мы оставили углубление и, прячась за деревьями и кустами, направились к границе.

Вскоре мы увидели ее — несколько бледных пятен света на фоне снега. Ни огонька, ни движения, ни звука. На юго-западе виднелись огоньки — какая-то сотрапезническая деревушка в Оргорейне, где Эстравен может надеяться на ночлег, хотя у него были подложные документы. Только тут я понял, на что он идет.

— Терем, подождите...

Но он уже несся вниз по склону — великолепный стремительный лыжник, на этот раз не дождавшийся меня. Он унесся по длинной дуге. Он ушел от меня прямо на ружья пограничников. Я думал, они прикажут ему остановиться. Во всяком случае, он не остановился, он несся к границе, и его застрелили раньше, чем он добрался до нее. Они использовали мародерские ружья, стреляющие куском металла. Когда я добрался до него, он умирал, лежа на снегу. Грудь его была разорвана. Я приподнял его голову и заговорил с ним, но он не отвечал. Он что-то неразборчиво шептал. Только один раз я ясно расслышал: «Арек!»,— и все. Я держал его, скорчившись на снегу, пока он не умер. Мне позволили это. Потом меня оттащили, а его унесли. Я пошел в тюрьму, а он — во Тьму.

20 В своих записях, которые Эстравен вел во время перехода через Гобрин, он удивлялся тому, почему его товарищ стыдится плакать.

Я мог бы тогда же объяснить ему, что это не столько стыд, сколько страх. Теперь, после смерти Эстравена, я оказался в холодной стране, которая лежит за пределами страха. Я понял, что здесь можно плакать, но что в этом толку?

Меня привезли в Сассинот и посадили в тюрьму, потому что я находился в обществе объявленного вне закона, а главное потому, что не знали, что со мной делать. С самого начала, еще до получения официального приказа из Эрхенранга, со мной обращались хорошо. И моя кархидская тюрьма оказалась хорошо обставленной комнатой в Башне лордов Сассинота. Там был очаг, радиоприемник, кормили пять раз в день. Особых удобств не было, постель жесткая, одеяло тонкое, пол голый, воздух холодный, как во всех помещениях в Кархиде. Но ко мне прислали врача, и его руки и голос дали мне гораздо больший комфорт, чем когда-либо в Оргорейне.

Врач, серьезный основательный молодой человек, сказал мне:

— Вы истощены. В течение пяти или шести месяцев вы перенапрягались и питались недостаточно. Вы истратили себя. Больше вам нечего тратить. Лежите, отдыхайте. Лежите спокойно, как реки подо льдом зимой. Ждите.

Но, засыпая, я снова оказывался в грузовике, в куче узников. Все мы дрожали, воняли, жались друг к другу в поисках тепла. Все, кроме одного. Этот один лежал у решетки холодный, со ртом, полным засохшей крови. Он был предателем. Он ушел, покинув меня. Я просыпался, дрожа от гнева, от бессильного гнева, который переходил в слезы слабости.

Должно быть, я был болен. Помню сильную лихорадку, и врач остался со мной на ночь, а может, и на несколько ночей.

Я не помню эти ночи. Помню лишь свой жалобный голос:

— Он мог остановиться. Он видел стражников. Он шел прямо на их ружья.

Юный врач некоторое время молчал.

— Вы хотите сказать, что он убил себя?

— Может быть...

— Это худшее, что можно сказать о друге. Я не верю, что Харт рем ир Эстравен был способен на это.

Я забыл, как относятся эти люди к самоубийству. Право выбора существует лишь для нас. Они же считают самоубийство отречением от права выбора, предательством по отношению к самому себе. Для кархидца, читающего наше евангелие, преступление Иуды не в том, что он предал Христа, а в том, что он своими последующими действиями отнял у себя право на прощение, на перемену, на саму жизнь — в его самоубийстве.

— Значит, вы не зовете его Эстравен-предатель?

— Его никто не называл там. Очень многие вообще не верят в его преступление, мистер Ай.

Но я не способен был увидеть в этом утешение, и лишь плакал от непрекращающейся пытки.

— Почему они застрелили его? Почему он мертв?

На это врач не отвечал. Ответа просто не было.

Формально меня ни разу не допрашивали.

Меня спросили, как я бежал с Пулафенской фермы и как добрался до Кархида, спросили, кого я вызвал по радио. Я все рассказал. Эту информацию направили прямо в Эрхенранг королю. Сведения о корабле держались в тайне, но новости о моем побеге из Орготской тюрьмы, о зимнем переходе через лед, о том, что я нахожусь в Сассиноте, сообщались и обсуждались открыто.

В сообщениях радио не упоминалось ни об участии Эстравена в этом деле, ни о его смерти. Но об этом было известно.

Секретность в Кархиде заключается в осторожности, во взаимно согласованном молчании, в отказе от вопросов, но не от ответов. В бюллетенях говорилось лишь о посланнике, мистере Ае, но все знали, что это Харт рем ир Эстравен похитил его из рук орготов и вернулся через лед в Кархид, чтобы доказать ложность утверждения сотрапезников о моей внезапной смерти от лихорадки в Мишпори прошлой осенью. Эстравен очень точно рассчитал последствия моего возвращения. Он даже недооценил их. Из-за чужака, который больной и беспомощный лежал в Сассиноте, в течение десяти дней пали два правительства.

Конечно, орготское правительство сохранилось, только одна группа сотрапезников сменилась другой. Контроль над Тридцатью Тремя перешел в другие руки.

Как говорят в Кархиде, у одних тени стали длиннее, у других — короче. Фракция Сарфа, отправившая меня на Пулафенскую ферму, несмотря на беспрецедентное замешательство, вызванное тем, что ее уличили во лжи, держалась, пока Аргавен не объявил публично о приземлении звездного корабля в Кархиде. В этот день Фракция Оболе, партия открытой торговли, взяла верх в Правительстве Тридцати Трех. Так что я, в конце концов, сослужил им службу.

В Кархиде падение правительства означает главным образом

разжалование и смещение премьер-министра и перемещения в кнореммн. Тайб не делал попыток удержаться. Моя нынешняя ценность в игре интернационального шифгретора плюс оправдание (по моему настоянию) Эстравена придали мне такой вес, что он подал в отставку еще до того, как было публично объявлено об ожидающемся прибытии звездного корабля. Получив сообщение от Тессичера, он подождал известия о смерти Эстравена и тут же подал в отставку.

Когда Аргавен полностью был информирован, он послал мне приглашение немедленно прибыть в Эрхенранг вместе с немалой суммой на расходы. Администрация Сассинота оказалась тоже очень любезной и послала со мной молодого врача, потому что я все еще был не в очень хорошей форме. Мы проделали путешествие на моторных санях. Я помню его лишь частично.

Оно было ровным и неторопливым, с долгими остановками, когда мы ожидали, пока снегоочистители подготовят дорогу, и с долгими ночами в гостиницах. Оно продолжалось не более двух или трех дней, но мне оно показалось очень долгим, и я помню лишь, как мы через северные ворота Эрхенранга въезжали на боковые глубокие улицы, поднимая снежную пыль.

Здесь я почувствовал, что сердце мое окрепло, а мозг прояснился. Раньше я был разбит на куски, разъединен. Теперь, несмотря на усталость от путешествия, я понял, что во мне еще остались силы, силы привычки, вероятно потому, что здесь было место, которое я знал, город, в котором я жил и работал больше года. Я знал улицы и башни, знал дворцы, дороги и фасады дворца. Я знал и свою работу здесь. И понял, что должен завершить дело, за которое умер Эстравен.

Я должен установить ключевой камень арки.

У ворот дворца меня ждал приказ остановиться в одном из домов для гостей внутри самого дворца. Это был Дом Круглой Башни, который означал высокий уровень шифгретора при дворе, а не только расположение короля и признание им высокого положения гостя. Здесь обычно жили послы дружественных стран. Это был очень хороший знак.

Но по дороге туда мы проходили мимо дома Красного Угла, и я смотрел на узкую калитку под аркой, на обнаженные деревья над бассейном, серым от льда, и на дом, все еще пустой.

У входа в Круглую Башню меня встретил человек в белом хебе и алой куртке, с серебряной цепью через плечо. Это был Фейкс, предсказатель из крепости Стерхед.

При виде его доброго и красивого лица, первого знакомого лица за много дней, я почувствовал облегчение. Когда Фейкс пожал мне руки в редком для Кархида знаке приветствия, я смог ответить ему.

Он был послан в кнореммн из своего района, Южного Рера, рано осенью. Выбор члена совета из жителей жанндарской крепости не является чем-то необычным. Необычно скорее то, что Ткач принял это предложение, и я думаю, что Фейкс отказался бы, если бы его меньше беспокоило направление политики правительства Тайба. Он снял золотую цепь Ткача и надел

серебряную цепь советника. После этого ему пришлось недолго ждать, потому что он был членом Хес-кноремми в Высшем Совете, который служит противовесом премьер-министру. Он был назначен на свой пост королем.

Видимо, он был на пути к той высоте, с которой менее года назад пал Эстравен. В политическом Кархиде карьеры делаются быстро.

В Круглой Башне, холодном маленьком доме, мы некоторое время разговаривали с Фейксом, прежде чем было официально объявлено о моем приезде. Устремив на меня свой ясный взгляд, он спросил:

— На землю опускается корабль, больший, чем тот, на котором прилетели вы. Это верно?

— Да. Я вызвал его.

— Когда он прибудет?

Осознав, что я не знаю даже, какой сегодня день и месяц, я понял, в каком плохом состоянии находился все это время.

Мне пришлось вернуться назад, к дню накануне смерти Эстравена. И тут я получил еще один шок. Если корабль находился на минимальной орбите, то сейчас он уже на планетарной орбите и ждет моего сообщения.

Я должен связаться с кораблем. Они ждут инструкции. Где он, по мнению короля, должен приземлиться? Нужен ненаселенный район, достаточно обширный. Мне необходим передатчик.

Все было организовано быстро и легко.

Бесконечные оттяжки и сложности моих прежних взаимоотношений с правительством Эрхенранга растаяли, как лед в весенней реке. Колесо повернулось.

На следующий день должна была состояться моя аудиенция у короля.

Эстравену понадобилось шесть месяцев на то, чтобы организовать мою первую аудиенцию. Вторая отняла у него жизнь.

Но на этот раз я слишком устал, чтобы чувствовать страх, и были обстоятельства, которые перевешивали мысли о самосохранении. Я прошел по длинному красному залу под пыльными знаменами и встал перед длинным помостом и его тремя очагами, в которых ярко пылал огонь. Король сидел у центрального очага у стола.

— Садитесь, мистер Ай.

Я сел у очага наискосок от Аргавена и увидел его лицо в отсветах пламени. Он выглядел больным и старым. Он походил на женщину, потерявшую ребенка, на мужчину, утратившего сына.

— Ну, мистер Ай, ваш корабль приземляется?

— Он приземлится в Аттен Фен, как вы указали, сир. Посадка состоится сегодня вечером, в начале третьего часа.

— А что если он промахнется? Они могут все сжечь?

— Они идут прямо по радиолучу, все уже организовано. Они не могут промахнуться.

— А сколько их там? Одиннадцать? Это правда?

— Да. Бояться нечего, милорд.

Руки Аргавена дернулись.

— Я больше не боюсь вас, мистер Ай.

— Я рад этому.

— Вы хорошо послужили мне.

— Но я не ваш слуга.

— Я это знаю,— равнодушно сказал он.

Жуя губу, он посмотрел на огонь.

— Мой ансибл в Мишпори, вероятно, в руках Сарфа. Однако на борту корабля есть другой. С момента приземления корабля я снова становлюсь полномочным посланником Экумена с правом обсуждать и подписывать договор о союзе с Кархидом. Все это может быть подтверждено по ансиблу стабилями Хейна.

— Очень хорошо.

Я молчал, потому что он не обращал на меня внимания. Концом сапога он передвинул полено в очаге. Полетели красные искры.

— Какого дьявола он обманывал меня? — высоким резким голосом спросил он.

— Кто? — спросил я, возвращая ему взгляд.

— Эстравен.

— Он не хотел, чтобы вы обманулись. Когда вы начали проявлять милость к недружественной ко мне фракции, он убрал меня из виду и вернул в тот момент, когда я смог выполнить свою миссию посланника Экумена.

— Почему он ничего не говорил о большом корабле?

— Он сам не знал о нем. До прибытия в Оргорейн я никому не говорил о нем.

— К чему тогда вся эта болтовня? Он хотел, чтобы вы выполнили свою миссию в Оргорейне. Он действовал совместно с фракцией Открытой торговли. И после этого вы будете говорить, что он не предатель.

— Конечно. Он знал, что как только какая-то нация вступит в Экумен, все остальные последуют за ней. Так и будет. И Сит, и Перунтер, и Архипелаг присоединятся к нам. Он очень любил свою страну, сир, но служил он не ей и не вам. Он служил тому же, чему служил я.

— Экумену? — спросил Аргавен.

Он был удивлен.

— Нет. Человечеству.

Говоря это, я не знал, что лишь частично говорю правду. Не менее верно было бы сказать, что действия Эстравена проистекали из личных чувств, из ответственности перед одним-единственным человеком и его преданности ему. Этот человек—

Но и это было бы не всей правдой.

Король не отвечал. Его обвисшее, покрытое морщинами лицо снова было обращено к огню.

— Почему вы вызвали свой корабль раньше, чем известили меня о своем прибытии в Кархид?

— Чтобы освободить вам руки, сир. Сообщение достигло бы также и лорда Тайба, который мог отправить меня обратно в Оргорейн или застрелить, как приказал застрелить моего друга.

Король ничего не сказал.

— Моя собственная безопасность не так уж много значит, но у меня есть долг перед Гетеном и Экуменом, задача, которую я должен выполнить. Я сигнализировал кораблю, чтобы получить возможность выполнить свою миссию. Так посоветовал мне Эстравен, и он был прав.

— Что ж, это неплохо. Во всяком случае, они приземлятся здесь, мы будем первыми. И все они похожи на вас, все извращенцы и всегда в кеммере? Странная честь принимать подобных гостей. Скажите лорду Герчерну, управляющему двором, как их следует принять. Проследите, чтобы не было обид и оскорблений. Их разместят во дворце, там, где вы сочтете нужным. Я хочу оказать им честь. Вы неплохо выставили сотрапезников лжецами, а потом дураками.

— А вскоре сделаю союзниками, милорд.

— Знаю! — резко бросил он.— Но Кархид первый!

Я кивнул.

После недолгого молчания он спросил:

— Как это было — переход через Лед?

— Нелегко.

— Эстравен — подходящий человек для таких безумных предприятий. Он был крепок, как железо, и никогда не терял головы. Мне жаль, что он мертв.

Я не нашел ответа.

— Я дам вашим соплеменникам аудиенцию завтра после полудня во втором часу. Есть ли у вас еще что-нибудь?

— Милорд, не отмените ли вы указ об изгнании Эстравена, чтобы вернуть ему честное имя?

— Пока нет, мистер Ай. Не торопитесь. Что еще?

— Больше ничего.

— Тогда идите.

Даже я предал его. Я сказал, что не посажу корабль, пока не будет отменено его наказание, пока он не вернет себе доброе имя. Но я не мог пренебречь тем, ради чего он умер. Это все равно не вернуло бы его к жизни.

Остаток дня я вместе с лордом Герчерном и другими готовился к приему экипажа корабля. Во втором часу мы на моторных санях двинулись в Аттен Фен, расположенный в тридцати милях к северу от Эрхенранга. Посадочная площадка размещалась на краю обширной пустынной местности, слишком болотистой, чтобы использовать ее для сельского хозяйства и поселений. Теперь, в середине месяца Иррем, она вся промерзла и представляла собой равнину, покрытую толстым слоем снега. Радиобакен действовал весь день, все время приходили подтверждающие сигналы с корабля.

На экране экипаж должен был хорошо видеть терминатор, проходивший по Великому Континенту от залива Гутон до залива Чарисьюн, пики Каргаза, все еще освещенные солнцем. Наступили сумерки, и тут мы увидели, что одна из звезд опускается.

Она опустилась в реве и славе. От большого озера воды и

грязи, образовавшегося под ней, с ревом поднимался пар, белый, как ее стабилизаторы. Под болотом находилась вечная мерзлота, твердая, как гранит, и корабль аккуратно опустился на нее.

Озеро быстро замерзало, и огромная рыба, балансируя на хвосте, отражалась темным серебром в сумерках Зимы.

Фейкс из Стерхеда проговорил первые слова с начала спуска.

— Я рад, что дожил до этого.

Так сказал бы Эстравен, глядя на лед, на смерть. Так он сказал бы этим вечером.

Чтобы отвлечься от горьких сожалений, я пошел по снегу к кораблю. Почва вокруг уже замерзала, и когда я подходил, открылся люк и оттуда грациозной дугой спустился трап. Первой шла Ланг Хес Нью, не изменившаяся, конечно, поскольку с того момента, как я в последний раз видел ее, я прожил три года, а она несколько недель. Она посмотрела на меня, на Фейкса и на остальных сопровождающих и остановилась у подножия трапа. Торжественно произнесла она по-кархидски:

— Я пришла с дружбой.

Для нее все мы были чужаками. Я позволил Фейксу первым приветствовать ее.

Он указал ей на меня, и она подошла, взяла меня за руку, как принято у моего народа, и сказала, глядя мне в глаза:

— О, Дженли, я вас не узнала!

Странно было после всего пережитого услышать женский голос. Остальные члены экипажа тоже вышли из корабля. Это был мой совет: нельзя проявлять недоверие к кархидцам и тем оскорблять их шифгретор.

Они очень вежливо здоровались с кархидцами. Но мне эти мужчины и женщины казались странными. Голоса их тоже звучали странно: слишком глубоко и резко.

Они были похожи на стадо больших необычных животных двух различных видов: большие обезьяны с разумными глазами, все в кеммере. Они пожимали мне руки и дотрагивались до меня.

Я держал себя в руках и рассказал Хеснью и Тьюлеру во время поездки на санях в Эрхенранг самое необходимое из того, что им следовало знать. Но когда мы добрались до дворца, я немедленно ушел в свою комнату.

Вошел врач из Сассинота. Его спокойный голос и юное серьезное лицо, не мужское и не женское, а просто человеческое, показалось мне таким знакомым и правильным, что мне стало не по себе.

Дав мне какой-то транквилизатор и уложив в постель, он сказал:

— Я видел ваших товарищей — посланников. Какое удивительное событие — люди со звезд. И в мое время!

И снова этот восторг, эта храбрость, то, что больше всего восхищало меня в характере кархидцев и вообще в человеческом характере. И хотя я не разделял его чувств, отрицать их было бестактно. Я сказал:

— И для них удивительно придти в новый мир, к новому человечеству.

В конце весны во второй половине месяца луны, когда спал паводок и снова стало возможным ездить по дорогам, я взял в маленьком посольстве в Эрхенранге отпуск и отправился на восток. Наши люди распределились по всей планете. Как только нам разрешили пользоваться самолетами, Хеснью и трое других перелетели через Сит и Архипелаг к народам морского полушария, которых я совершенно игнорировал. Другие поехали в Оргорейн, а двое, неохотно,— в Перунтер, где паводок еще даже не начинался и где весна наступает на неделю позже. Тьюлер и Коста очень хорошо справились с делами в Эрхенранге. Ничего срочного не было.

В конце концов корабль с ближайшего союзного мира прибудет не раньше, чем через семнадцать лет. Зима — окраинный мир. За ним до самого рукава Южного Ориона не найдено ни одной планеты, населенной людьми, а от Зимы до первичного мира Экумена, мира — очага нашей расы, очень долгий путь—пятьдесят лет до Хейна, целая человеческая жизнь. Спешить некуда.

Я пересек Каргаз, на этот раз по долгому пути, по дороге, где веют ветры с Южного моря, нанес визит в деревню, куда рыбаки привели меня с острова Хорден три года назад, провел неделю в большом портовом городе в устье реки Энч и в начале лета пешком отправился к земле Карм.

Я шел на юго-восток по неровной местности, полной ущелий и зеленых холмов, больших рек и одиноких домов, пока не добрался до озера Айсфут. Поглядев с берега озера на юг, я увидел свет и узнал его — белая окраска неба, блеск далекого ледника. Там был Лед.

Эстре очень древний поселок. Его очаг и другие здания построены из серого камня, вырубленного в скале, на которой он стоит. Все здесь уныло и полно звуков ветра.

Я постучал, дверь открыли. Я сказал:

— Прошу гостеприимства домейна. Я был другом Терема из Эстре.

Открывший, серьезный юноша девятнадцати-двадцати лет, молча выслушал мои слова и впустил меня в Очаг. Он провел меня в умывальную, потом на кухню. Убедившись, что гость умылся и поел, он отвел меня в спальню. Отсюда из узкого окна было видно озеро и серый лес торе, лежавший между Эстре и Стоки: унылые земли, унылый дом. В глубоком очаге гудел огонь, давая как всегда больше света для глаз, чем тепла для тела, потому что каменные стены, пол и ветры, дующие со Льда, уносили большую часть тепла. Но я не чувствовал холода, как в первые два года пребывания на Зиме, я уже достаточно долго прожил в этом холодном мире.

Через час юноша (у него была девичья стройность и робкость взглядов и движений, но девушка не может хранить такого угрюмого молчания) пришел и сказал, что лорд Эстре примет меня, если я хочу этого. Я пошел за ним по длинным коридорам, где началась какая-то игра в прятки. Дети пробегали мимо, натыкались на нас и вскрикивали от возбуждения. Более

старшие, как тени, скользили от двери к двери, зажав руками рот, чтобы не рассмеяться. Один толстый малый, лет пяти или шести, отскочил от моих ног, потом схватил меня за руку.

— Сорве! — пропищал он, глядя на меня широко раскрытыми глазами.— Сорве, я иду прятаться в пивоварне.

Он унесся, как круглый камень из пращи. Юноша Сорве, ничуть не расстроившись, повел меня дальше и привел, наконец, во Внутренний Очаг к лорду Эстре.

Эсвана Харт рем ир Эстравен был старик, которому далеко за семьдесят, с изувеченными артритом ногами. Он прямо сидел у огня в кресле на колесиках. Лицо у него было широкое, притупленное и изношенное временем, как обветренная скала — спокойное лицо, ужасающе спокойное.

— Вы посланник Дженри Ай?

— Да.

Он смотрел на меня, я на него. Терем был сыном этого старца. Терем, младший из сыновей, а старший Арек, тот самый, чей голос слышал он, когда я мысленно говорил с ним. Оба они теперь мертвы. Я не мог найти ничего знакомого в этом изношенном, спокойном и жестком лице.

Конечно, поездка в Эстре глупая затея, и я зря надеялся на утешение. Утешения нет и не будет. И разве может моя поездка на родину друга, в места, где он провел детство, успокоить угрызения совести? Ничего изменить нельзя. Но мой приход в Эстре имел и другую цель.

— Я провел с вашим сыном последние месяцы его жизни. Я был с ним, когда он умер. У меня с собой его дневник. И если вы хотите, чтобы я рассказал...— выражение лица старика не изменилось, оно осталось спокойным, но юноша вышел из тени, в которой стоял, и хрипло произнес:

— В Эрхенранге его называли Эстравеном-предателем.

Старший лорд посмотрел на юношу, потом на меня.

— Это Сорве Харт,— сказал он,— наследник Эстре, сын моего сына.

Я хорошо знал, что тут нет запрета на инцест. Но мне, землянину, страшно было узнать черты друга в этом юноше. Когда я заговорил, голос мой звучал неуверенно:

— Король отменил указ. Терем не был предателем. Какая разница, как называют его глупцы?

Старый лорд медленно и ровно кивнул.

— Есть разница,— сказал он.

— Вы с ним пересекли Лед Гобрина? — задал вопрос юноша.

— Да.

— Я хотел бы услышать рассказ об этом, лорд Посланник,— очень спокойно сказал старый Эстравен.

Но юноша, сын Терема, запинаясь, воскликнул:

— Вы расскажите, как он умер, и о других мирах среди звёзд, и о других людях, и о другой жизни.

СЛОВО ДЛЯ «ЛЕСА» И «МИРА» ОДНО

1 В момент пробуждения в мозгу капитана Дэвидсона всплыли два обрывка вчерашнего дня, и несколько минут он лежал в темноте, обдумывая их. Плюс: на корабле прибыли женщины. Просто не верится. Они здесь, в Центрвилле, на расстоянии двадцати семи световых лет от Земли и в четырех часах пути от Лагеря Смита на вертолете — вторая партия молодых и здоровых колонисток для Нового Таити, двести двенадцать первосортных баб. Ну, может быть, и не совсем первосортных, но все-таки... Минус: сообщение с острова Свалки — гибель посевов, общая эрозия, полный крах. Вереница из двухсот двенадцати пышногрудных соблазнительных фигур исчезла, и перед мысленным взором Дэвидсона возникла совсем другая картина: он увидел дождевые струи, рушащиеся на вспаханные поля, увидел, как плодородная земля превращается в грязь, а потом в рыжую жижу и потоками сбегает со скал в исхлестанное дождем море. Эрозия началась до того, как он уехал со Свалки, чтобы возглавить Лагерь Смита, а зрительная память у него редкая — что называется, эйдетическая, потому он и видит это так живо, с мельчайшими подробностями. Похоже, умник Кеес прав — на земле, отведенной под фермы, надо оставлять побольше деревьев. И все-таки, если вести хозяйство по-научному, какого черта нужны на соевой ферме деревья, которые только отнимают землю у полей? В Огайо по-другому: если тебе нужна кукуруза, так и сажаешь кукурузу, и никаких тебе деревьев и прочей дряни, чтоб только зря место занимать. Но с другой стороны, Земля — обжитая планета, а о Новом Таити этого не скажешь. Для того он сюда и приехал, чтобы обжить ее. На Свалке теперь одни овраги и камни? Ну, и черт с ней. Начнем снова на другом острове, только теперь основательней. Нас не остановишь — мы люди, мужчины! «Ты скоро почувствуешь, что это такое, эх ты, дурацкая, богом забытая планетишка!» — подумал Дэвидсон и усмехнулся в темноте, потому что любил брать верх над трудностями. Мыслящие люди, подумал он, мужчины... женщины... и снова перед его глазами поплыла вереница стройных фигур, кокетливые улыбки.

— Бен!— взревел он, сел на постели и спустил босые ноги на пол.— Горячая вода, быстро-быстро!

Собственный оглушительный рев окончательно пробудил его. Он потянулся, почесал грудь, надел шорты и вышел на залитую солнцем вырубку, наслаждаясь легкими движениями своего крупного мускулистого, тренированного тела. У Бена, его пискуна, как обычно, уже закипала в котле вода, а сам он, как обычно, сидел на корточках, уставившись в пустоту. Все они, пискуны,

такие — никогда не спят, а только усядутся, замрут и смотрят неизвестно на что.

— Завтрак. Быстро-быстро! — скомандовал Дэвидсон, беря бритву с дощатого стола, на который пискун положил ее вместе с полотенцем и зеркалом.

Дел сегодня предстояло много, потому что в самую последнюю минуту, перед тем как спустить ноги с кровати, он решил слетать на Центральный и посмотреть женщин. Хоть их и двести двенадцать, но мужчин-то больше двух тысяч, и им недолго оставаться свободными. К тому же, как и в первой партии, почти все они, конечно, «невесты колонистов», а просто подзаработать приехало опять двадцать-тридцать, не больше. Но зато девочки классные, и уж на этот раз он перехватит какую-нибудь штучку позабористее. Дэвидсон ухмыльнулся левым уголком рта, энергично водя жужжащей бритвой по неподвижной правой щеке.

Старый пискун копошился у стола — целый час идиоту надо, чтобы принести завтрак из лагерной кухни!

— Быстро-быстро! — рявкнул Дэвидсон, и шаркающая вялая походка Бена немного ускорилась.

Бен был ростом около метра. Мех у него на спине из зеленого стал почти белым. Совсем старик и глуп даже для пискуна, ну, да ничего! Он умеет с ними обращаться и любого выдрессирует, если понадобится. Только зачем? Пришлите сюда побольше людей, постройте машины, соберите роботов, заведите фермы и города — кому тогда понадобятся пискуны? Ну и тем лучше. Ведь этот мир, Новое Таити, прямо-таки создан для людей. Расчистить его хорошенько, леса повырубить под поля, покончить с первобытным сумраком, дикарством и невежеством — и будет тут рай, подлинный Эдем. Получше истощенной Земли. И это будет его мир! Ведь кто он такой, Дон Дэвидсон, в сущности говоря? Укротитель миров. Он не хвастун, а просто знает себе цену. Таким уж он родился. Знает, чего хочет, знает, как этого добиться, и всегда добивается.

От завтрака по животу разливалось приятное тепло. И его благодушное настроение не испортилось, даже когда он увидел, что к нему идет толстый, бледный, озабоченный Кеес ван Стен, выпучив маленькие глазки, точно два голубых шарика.

— Дон! — сказал Кеес, не поздоровавшись.— Лесорубы опять охотились за Просеками. В задней комнате клуба прибито восемнадцать пар рогов!

— Покончить с браконьерством еще никому не удавалось, Кеес!

— А вы обязаны покончить. Для того мы тут и подчиняемся законам военного времени, для того управление колонией и поручено армии. Чтобы законы исполнялись неукоснительно.

Ишь ты, жирный умник! В атаку пошел! Обхохочешься!

— Ну, ладно,— невозмутимо сказал Дэвидсон,— покончить с браконьерством я, предположим, могу. Но, послушайте, я ведь обязан думать о людях. Для того я и тут, как вы сами сказали. А люди важнее животных. Если немножко противозаконной

охоты помогает моим ребятам выдерживать эту поганую жизнь, я зажмурюсь, и дело с концом. Нужно же им как-то поразвлечься.

— У них развлечений хватает! Игры, спорт, коллекционирование, кино, видеозаписи всех крупнейших спортивных состязаний за последние сто лет, алкогольные напитки, марихуана, галлюциногены, поездки в Центр. Они просто-напросто избалованы, эти ваши герои-первопроходцы, и могут обойтись без того, чтобы «развлекаться», истребляя редчайшее местное животное. Если вы не примете меры, я вынужден буду подать капитану Госсе рапорт о грубейшем нарушении принципов экологической конвенции.

— Пожалуйста, Кеес, если считаете нужным,— сказал Дэвидсон, который никогда не терял власти над собой. Не то, что бедняга Кеес — просто жалость смотреть, как евро багровеют.— В конце-то концов это ваша обязанность. Я на вас не обижусь: пусть они там, на Центральном, спорят и решают, кто прав. Беда в том, Кеес, что вы хотите сохранить тут все как есть. Устроить из планеты сплошной заповедник. Чтоб любоваться, чтоб изучать. Вы специал, вам так и положено. Но мы-то — простые ребята, нам нужно дело делать. Земле требуются лесоматериалы, очень требуются. Мы нашли лес на Новом Таити. И стали лесорубами. Разница между нами одна: для вас Земля — так, в стороне, а для меня она — самое главное.

Кеес покосился на него своими голубыми шариками.

— Вот как? Вы хотите превратить этот мир в подобие Земли? В бетонную пустыню?

— Когда я говорю «Земля», Кеес, я имею в виду людей. Землян. Вас волнуют олени, деревья, фибровник — и отлично. Это ваша область. Но я люблю все рассматривать в перспективе. С самой вершины, а вершиной пока остаются люди. Мы здесь, и значит, этот мир пойдет нашим путем. Хотите вы или не хотите, но это факт. Лучше посмотрите правде в глаза, Кеес. Вам от этого никуда не деться. Да, кстати, я собираюсь в Центр посмотреть на новых колонисточек. Хотите со мной?

— Нет, благодарю вас, капитан Дэвидсон,— отрезал специал и зашагал к полевой лаборатории.

Совсем взбеленился. И все из-за этих проклятых оленей. Ну, они, и верно, красавцы, ничего не скажешь! Перед глазами Дэвидсона тотчас всплыл первый олень, которого он увидел здесь, на острове Смита — солнечно-рыжий великан, двух метров в холке, в венце из ветвистых золотых рогов, гордый и стремительный. Редкостная дичь! На Земле теперь даже в Скалистых горах и в Гималайских парках тебе предлагают выслеживать оленей-роботов, а настоящих оберегают как зеницу ока. Да и много ли их осталось! О таких, как здесь, охотники могут только мечтать. Вот потому на них и охотятся. Черт, даже дикие пискуны охотятся на них со своими дурацкими хлипкими луками. На оленей охотились и будут охотиться, потому что для того они и существуют. Но слюнтяю Кеесу этого не понять. В сущности,

он неглупый парень, только практичности ему не хватает, твердости. Не понимает, что надо играть на стороне победителей, не то останешься с носом. А побеждает Человек — каждый раз. Человек-Завоеватель.

Дэвидсон широким шагом пошел по поселку, залитому солнечным светом. В теплом воздухе приятно пахло опилками и древесным дымом. Обычный лагерь лесорубов, а выглядит очень аккуратно. За какие-нибудь три земмесяца двести человек привели в порядок приличный участок дикого леса. Лагерь Смита — два купола из коррупласта, сорок бревенчатых хижин, построенных пискунами, лесопильня, печь для сжигания мусора и голубой дым, висящий над бесконечными штабелями бревен и досок, а выше на холме — аэродром и большой сборный ангар для вертолетов и машин. Вот и все. Но когда они сюда явились, тут вообще ничего не было. Только деревья — темная, дремучая, непроходимая чащоба, бесконечная, никому не нужная. Медлительная река, еле текущая в туннеле из стволов и ветвей, несколько прячущихся среди деревьев пискуньих нор, солнечные олени, волосатые обезьяны, птицы. И деревья. Корни, стволы, сучья, ветки, листья — листья над головой, листья под ногами, всюду листья, листья, листья, бесчисленные листья на бесчисленных деревьях.

Новое Таити — это мир воды, теплых мелких морей, кое-где омывающих рифы, островки, архипелаги, а на северо-западе дугой в две с половиной тысячи километров протянулись пять Больших Островов. И все эти крошки и кусочки суши покрыты деревьями. Океан и лес. Другого выбора на Новом Таити у вас нет: либо вода и солнечный свет, либо сумрак и листья.

Но теперь тут обосновались люди, чтобы покончить с сумраком и превратить лесную чащу в звонкие светлые доски, которые на Земле ценятся дороже золота. В буквальном смысле слова, потому что золото можно добывать из морской воды и из-под антарктического льда, а доски добывать неоткуда, доски дает только лес. Земля нуждается в древесине, давно уже ставшей предметом первой необходимости и роскошью. И инопланетные леса превращаются в древесину. Двести человек с роботопилами и робототрейлерами за три месяца проложили на острове Смита восемь просек шириной по полтора километра. Пни на ближайшей к лагерю просеке уже стали серыми и трухлявыми. Их обработали химикалиями, и к тому времени, когда остров Смита начнут заселять настоящие колонисты — фермеры, они рассыплются плодородной золой. Фермерам останется только посеять семена и смотреть, как они прорастают.

Все это один раз уже было проделано. Странно, как подумаешь, но ведь это — явное доказательство, что Новое Таити с самого начала предназначалось для человеческого обитания. Все тут завезено с Земли около миллиона лет назад, и эволюция шла настолько сходными путями, что сразу узнаешь старых знакомых — сосну, каштан, дуб, ель, остролист, яблоню, ясень, оленя, мышь, кошку, белку, обезьяну. Гуманоиды на Хейн-Давенанте,

ясное дело, утверждают, будто это они все тут устроили — тогда же, когда колонизировали Землю, но если послушать этих инопланетян, так окажется, что они заселили все планеты в Галактике и изобрели вообще все, начиная от баб и кончая скрепками для бумаг. Теории насчет Атлантиды куда более правдоподобны, и вполне возможно, что тут когда-то была колония атлантов. Но люди вымерли, а на смену им из обезьян развились пискуны — ростом в метр, обросшие зеленым мехом. Как инопланетяне они еще так-сяк, но как люди... Куда им! Не дотянули, и все тут. Дать бы им еще миллиончик лет, может, у них что и получилось бы. Но Человек-Завоеватель явился раньше. И эволюция теперь не тащится со скоростью одной случайной мутации в тысячу лет, а мчится со скоростью звездных кораблей космофлота землян.

— Э-эй! Капитан!

Дэвидсон обернулся, промедлив лишь на тысячную долю секунды, но и такое снижение реакции его рассердило. У, чертова планета! Золотой солнечный свет, дымка в небе, ветерок, пахнущий прелыми листьями и пыльцой,— все это убаюкивает тебя прямо на ходу. Размышляешь о завоевателях, о предназначениях, о судьбах и уже еле ноги волочишь, обалдев, точно пискун.

— Привет, Ок,— коротко поздоровался он с десятником.

Черный, жилистый и крепкий, как проволочный канат, Окнанави Набо внешне был полной противоположностью Кеесу, но вид у него был не менее озабоченный.

— Найдется у вас полминуты?

— Конечно. Что тебя грызет, Ок?

— Мелюзга чертова!

Они прислонились к жердяной изгороди, и Дэвидсон закурил первую сигарету с марихуаной за день. Подсиненные дымом солнечные лучи косо прорезали теплый воздух. Лес за лагерем — антиэрозийная полоса в полкилометра шириной — был полон тех тихих, неумолчных, шуршащих, шелестящих, жужжащих, звенящих, серебристых звуков, какими по утрам полны все леса. Эта вырубка могла бы находиться в Айдахо 1950 года. Или в Кентукки 1830 года. Или в Галлии 50 года до нашей эры. «Тью-уит»,— свистнула в отдалении какая-то пичуга.

— Я бы предпочел избавиться от них, капитан.

— От пискунов? Ты, собственно, что имеешь в виду, Ок?

— Отпустить их, и все. На лесопилке от них все равно никакого проку. Даже свою жратву не отрабатывают. Они у меня вот где сидят. Не работают, и все тут.

— Надо уметь их заставить! Лагерь-то они построили.

Эбеновое лицо Окнанави насупилось.

— Ну, у вас к ним подход есть, не спорю. А у меня нет.— Он помолчал.— Когда я проходил обучение для работы в космосе, читали нам курс практической истории. Так там говорилось, что от рабства никогда толку не было. Экономически невыгодно.

— Верно! Только какое же это рабство, Ок, деточка? Рабы ведь люди. Когда коров разводишь, это что — рабство? Нет. А толку очень много.

Десятник безразлично кивнул, а потом добавил:

— Это же такая мелюзга! Я самых упрямых пытался голодом пронять, а они сидят себе, ждут голодной смерти и все равно ничего не делают.

— Ростом они, конечно, не вышли, Ок, только ты на эту удочку не попадайся. Они жутко крепкие и выносливые, а к боли нечувствительнее людей. Вот ты о чем забываешь, Ок. Тебе кажется, что ударить пискуна — это словно ребенка ударить. А на самом деле это как робота ударить, можешь мне поверить. Послушай, ты ведь наверняка попробовал их самок и, значит, заметил, что все они — колоды бесчувственные. Наверное, у них нервы недоразвиты по сравнению с человеком, ну, как у рыб. Вот послушай. Когда я еще был на Центральном, до того, как меня сюда послали, один прирученный самец вдруг на меня кинулся. Специалы, конечно, говорят, будто они никогда не дерутся, но этот совсем спятил, взбесился. Хорошо еще, что у него не было оружия, не то бы он меня прикончил. И, прежде чем он угомонился, мне пришлось его почти до смерти измордовать. Все бросался и бросался на меня. Я его под орех разделал, а он даже не почувствовал ничего — просто поразительно. Ну, словно жук, которого бьешь каблуком, а он не желает замечать, что уже раздавлен. Вот погляди! — Дэвидсон наклонил коротко остриженную голову и показал бесформенную шишку за ухом.— Чуть меня не оглушил. И ведь я уже ему руку сломал, а из морды сделал клюквенный морс. Упадет — и опять кинется, упадет — и опять кинется. Дело в том, Ок, что пискуны ленивы, глупы, коварны и не способны чувствовать боль. Их надо держать в кулаке и кулака не разжимать.

— Да не стоят они того, капитан. Мелюзга зеленая! Драться не хотят, работать не хотят, ничего не хотят. Только одно и могут — душу из меня выматывать.

Ругался Окнанави без всякой злобы, но под его добродушным тоном крылась упрямая решимость. Бить пискунов он не будет — слишком уж они маленькие. Это он знал твердо, а теперь это понял и Дэвидсон. Капитан сразу переменил тактику — он умел обращаться со своими подчиненными.

— Послушай, Ок, испробуй вот что. Выбери зачинщиков и скажи, что впрыснешь им галлюциноген. Назови, какой хочешь, они все равно в них не разбираются. Зато боятся их до смерти. Только не слишком перегибай палку, и все будет в порядке. Ручаюсь.

— А почему они их боятся? — с любопытством спросил десятник.

— Откуда я знаю? Почему женщины боятся мышей? Здравого смысла ни у женщин, ни у пискунов искать нечего, Ок! Да, кстати, я сегодня думаю слетать на Центральный, так не приглядеть ли для тебя девочку?

— Нет уж! Лучше до моего отпуска поглядите в другую сторону,— ответил Ок, ухмыльнувшись.

Мимо понуро прошли пискуны, таща длинное толстое бревно для клуба, который строился у реки. Медлительные, неуклюжие, маленькие, они вцепились в бревно, словно муравьи, волочащие мертвую гусеницу. Окнанави проводил их взглядом и сказал:

— По правде, капитан, меня от них жуть берет.

Такой крепкий, спокойный парень, как Ок, и на тебе!

— В общем-то я с тобой согласен, Ок, — не стоят они ни возни, ни риска. Если бы тут не болтался пустозвон Любов, а полковник Донг поменьше молился бы на Кодекс, так, не спорю, куда легче было бы просто очищать районы, предназначенные для заселения, вместо того чтобы тянуть волынку с этим их «использованием добровольного труда». Ведь все равно рано или поздно от пискунов мокрого места не останется, так чего зря откладывать? Таков уж закон природы. Первобытные расы всегда уступают место цивилизованным. Или ассимилируются. Но не ассимилировать же нам кучу зеленых обезьян! И ты верно заметил: у них мозгов хватает как раз на то, чтобы им нельзя было доверять. Ну, вроде тех больших обезьян, которые прежде водились в Африке, как они назывались...

— Гориллы?

— Верно. И мы бы прекрасно обошлись тут без пискунов, как прекрасно обходимся без горилл в Африке. Только под ногами путаются. Но полковник Динг-Донг требует: используйте труд пискунов, вот мы и используем труд пискунов. До поры до времени. Ясно? Ну, до вечера, Ок.

— Ясно, капитан.

Дэвидсон зашел в штаб Лагеря Смита записать, что он берет вертолет. В дощатой четырехметровой кубической комнате штаба, где стояли два стола и водоохладитель, лейтенант Бирно чинил радиотелефон.

— Присмотри, чтобы лагерь не сгорел, Бирно.

— Привезите мне блондиночку, капитан. Размер эдак восемьдесят пять, пятьдесят пять, девяносто.

— Всего-навсего?

— Я предпочитаю поподжаристей,— и Бирно выразительным жестом начертил в воздухе свой идеал.

Все еще ухмыляясь, Дэвидсон поднялся по холму к ангару. С воздуха он снова увидел лагерь — детские кубики, ленточки троп, длинные просеки с дисками пней. Все это быстро проваливалось вниз, и впереди уже развертывалась темная зелень нетронутых лесов большого острова, а дальше до самого горизонта простиралась бледная зелень океана. Лагерь Смита казался теперь желтым пятнышком, пылинкой на огромном зеленом ковре.

Вертолет проплыл над проливом Смита, над лесистыми крутыми грядами холмов на севере Центрального острова и в полдень пошел на посадку в Центрвилле. Ну, чем не город! Во всяком случае, после трех месяцев в лесу. Настоящие улицы, настоящие дома — ведь его начали строить четыре года назад, сразу же,

как началась колонизация планеты. Смотришь и не замечаешь, что, в сущности, это только паршивый поселок первопоселенцев, а потом взглянешь на юг — и увидишь над вырубкой и над бетонными площадками сверкающую золотую башню, выше самого высокого здания в Центрвилле. Не такой уж большой космолет, хотя здесь он кажется огромным. Просто челнок, посадочный модуль, корабельная шлюпка, а сам корабль, «Шеклтон», кружит по орбите в полумиллионе километров над планетой. Челнок — это всего лишь намек, всего лишь крупица огромности, мощи, хрустальной точности и величия земной техники, покоряющей звезды.

Вот почему при виде этой частицы родной планеты на глаза Дэвидсона вдруг навернулись слезы. И он не устыдился их. Да, ему дорога Земля, так уж он устроен.

А вскоре, шагая по новым улицам, в конце которых разворачивался широкий вид на вырубку, он начал улыбаться. Девочки! И сразу видно, что только сейчас прибыли — на всех длинные юбки в обтяжку, большие туфли вроде ботиков, красные, лиловые или золотые, а блузы золотые или серебряные, все в кружевах. И никаких тебе «грудных иллюминаторов». Значит, мода изменилась, а жаль! Волосы взбиты в пену — наверняка обливают их этим своим клеем, не то рассыпались бы. Редкостное безобразие, но все равно действует, потому что проделывать такое со своими волосами способны только бабы. Дэвидсон подмигнул маленькой грудастой евроафре: вот уж прическа — на голове не умещается! Ответной улыбки он не получил, но удаляющиеся бедра покачивались, яснее слов приглашая: «Иди за мной, иди за мной!» Однако он не принял приглашения. Успеется. Он направился к Центральному штабу — стандартные самотвердеющие блоки, пластиплаты, сорок кабинетов, десять водоохладителей, подземный арсенал — и доложил о своем прибытии новотаитянскому административному командованию. Перекинулся двумя-тремя словами с ребятами из экипажа модуля, заглянул в Лесное бюро, чтобы оставить заявку на новый полуавтомат для слущивания коры и договорился со своим старым приятелем Юю Серенгом встретиться в баре Луау в четырнадцать часов по местному времени.

В бар он пришел на час раньше, чтобы подзаправиться перед серьезной выпивкой, и увидел за столиком Любова с двумя типами во флотской форме — какие-нибудь специалы с «Шеклтона», спустились на челноке... Дэвидсон презирал флот и флотских — чистоплюи, прыгают от солнца к солнцу, а всю черную, грязную, опасную работу подкидывают армии. Но все-таки не штатские крысы... А вообще-то смешно — Любов чуть не лижется с ребятами в форме. Треплется о чем-то, руками размахивает, как всегда.

Проходя мимо, Дэвидсон хлопнул его по плечу:

— Привет, Радж, дружище! Как делишки? — и прошел дальше. Жалко, конечно, что нельзя остановиться поглядеть, как он скукожится. Смешно, до чего Любов его ненавидит. Просто

завидует, хлюпик интеллигентный, настоящему мужчине: и сам бы рад, да рылом не вышел. А ему на Любова плевать: такого ненавидеть — только зря время тратить.

Оленье жаркое в Луау подают — пальчики оближешь! Что бы сказали на старушке Земле, если бы увидели, как один человек уминает кило мяса за один обед? Это вам не соя! А вот и Юю. И конечно, новых девочек подцепил, молодчина. Штучки с перчиком, не коровы-невесты, а законтрактованные подружки. Что ж, и у старикашек в департаменте по развитию колоний бывают просветления!

День был долгий и жаркий.

Он летел назад через пролив Смита на одной высоте с солнцем, заходившим в золотое марево за морем. Развалившись поудобнее, он весело распевал. Показался остров Смита, подернутый легким туманом. Над лагерем висел дым — черная полоса, словно в печь для сжигания мусора попал мазут. Густой, черт, ничего внизу не разглядишь, даже лесопилки.

И только приземлившись на аэродроме, Дэвидсон увидел обугленный остов реактивного самолета, разбитые вертолеты, черные развалины ангара.

Он снова поднялся в воздух и прошел над поселком так низко, что чуть не зацепил высокий конус печи. Только она и торчала над землей. А больше там ничего не было: лесопильня, котельная, склады, штаб, хижины, казармы, бараки пискунов — все исчезло. Еще дымящиеся черные груды, и больше ничего. Но это был не лесной пожар. Лес вокруг стоял зеленый, как раньше.

Дэвидсон повернул назад к аэродрому, приземлился, выпрыгнул из вертолета и огляделся — не уцелел ли какой-нибудь мотоцикл. Но все мотоциклы превратились в такой же обгоревший железный лом, как и остальные машины среди тлеющих развалин ангара. Черт, ну и вонища!

Он побежал по тропе к поселку. Поравнявшись с тем, что утром еще было радиостанцией, он вдруг опомнился и, даже не замедлив шага, свернул с тропы за уцелевшую стену. Там он остановился и прислушался.

Никого! И полная тишина. Огонь давно погас, и только огромные штабеля бревен еще дымились, рдея под слоем пепла и золы. Длинные кучи углей — все, что осталось от древесины, стоящей дороже золота. Но над черными скелетами казарм и хижин не поднималось ни струйки дыма. В золе лежали кости...

Дэвидсон скорчился за развалинами радиостанции. Его мозг работал с предельной ясностью и четкостью. Могут быть только два объяснения. Во-первых, нападение из другого лагеря. Какой-нибудь офицер на Кинге или Новой Яве спятил и решил стать властелином планеты. Во-вторых, нападение из космоса. Перед его глазами всплыла золотая башня на космодроме Центрального острова. Но если уж «Шеклтон» занялся пиратством, на кой шут ему понадобилось начинать с уничтожения дальнего поселка, вместо того чтобы сразу захватить Центрвилл? Нет,

если из космоса, то только инопланетная раса. Никому не известная. А может, таукитяне или хейниты задумали прибрать к рукам колонии Земли. Недаром он никогда не доверял этим жуликам-гуманоидам. Сюда, наверное, сбросили суперзажигалку. Ударным силам с реактивными самолетами, аэрокарами и всякими ядерными штучками ничего не стоит укрыться на острове или атолле в любом месте юго-западной четверти планеты. Надо вернуться к вертолету и дать сигнал тревоги, а потом произвести разведку, чтобы представить штабу точную оценку ситуации. Он осторожно выпрямился и тут услышал голоса.

Не человеческие. Пискливое негромкое бормотание. Инопланетяне!

Упав на четвереньки за деформированной жаром пластмассовой крышей, которая валялась на земле, точно крыло огромного нетопыря, он напряженно прислушивался.

В нескольких шагах от него по тропе шли четыре пискуна, совсем голые, если не считать широких кожаных поясов, на которых болтались ножи и кисеты. Значит, дикие. Ни шортов, ни кожаных ошейников, которые выдаются ручным пискунам. Рабочие-добровольцы, по-видимому, сгорели в своих бараках, как и люди.

Они остановились, продолжая бормотать, и Дэвидсон затаил дыхание. Лучше, чтобы они его не заметили. И какого дьявола им тут нужно? А-а! Шпионы и лазутчики врага!

Один показал на юг и повернулся так, что показал свою морду. Вот, значит, что! Пискуны выглядят все одинаково, но на морде этого он оставил свою подпись. Еще и года не прошло. Тот, который взбесился и кинулся на него тогда на Центральном — одержимый манией человекоубийства, выкормыш Любова! Он-то что тут делает, черт его дери?

Мозг Дэвидсона работал с полным напряжением. Все ясно! Быстрота реакции ему не изменила — одним стремительным движением он выпрямился, держа пистолет наготове.

— Вы, пискуны! Ни с места! Стоять! Стоять смирно!

Его голос прозвучал как удар хлыста. Четыре зеленые фигурки замерли. Тот, чье лицо было изуродовано, уставился на него (через черные развалины) огромными глазами, пустыми и тусклыми.

— Отвечать! Кто устроил пожар?

Они молчали.

— Отвечать! Быстро-быстро! Не то я сожгу одного, потом еще одного, потом еще одного. Ясно? Кто устроил пожар?

— Лагерь сожгли мы, капитан Дэвидсон,— ответил пискун с Центрального, и его странный мягкий голос напомнил Дэвидсону кого-то, какого-то человека...— Люди все мертвы.

— Вы сожгли? То есть как это — вы?

Почему-то ему не удавалось вспомнить кличку Битой Морды.

— Здесь было двести людей. И девяносто рабов, моих соплеменников. Девятьсот моих соплеменников вышли из леса. Сначала мы убили людей в лесу, где они валили деревья, потом,

пока горели дома, мы убили тех, кто был здесь. Я думал, вас тоже убили. Я рад вас видеть, капитан Дэвидсон.

Бред какой-то и, конечно, сплошное вранье. Не могли они перебить всех — Ока, Бирно, ван Стена, всех остальных. Двести человек! Хоть кто-то должен же был спастись! У пискунов нет ничего, кроме луков и стрел. Да и в любом случае пискуны этого сделать не могли! Пискуны не дерутся, не убивают друг друга, не воюют. Так называемый неагрессивный, врожденно мирный вид. Другими словами, божьи коровки. Их бьют, а они утираются. И уж конечно, двести человек разом они поубивать неспособны. Бред какой-то!

Тишина, запах гари в теплом вечернем воздухе, золотом от заходящего солнца, бледно-зеленые лица с устремленными на него неподвижными глазами — все это слагалось в бессмыслицу, в нелепый страшный сон, в кошмар.

— Кто это сделал помимо вас?

— Девятьсот моих соплеменников,— сказал Битый своим поганым, псевдочеловеческим голосом.

— Я не о том. Кто еще? Чьи приказы вы выполняли? Кто сказал вам, что вы должны делать?

— Моя жена.

Дэвидсон уловил внезапное напряжение в позе пискуна, и все-таки прыжок был таким стремительным и непредсказуемым, что он промахнулся и только опалил ему плечо, вместо того чтобы всадить весь заряд между глаз. Пискун повалил его на землю, хотя был вдвое ниже его и вчетверо легче. Но он потерял равновесие, потому что полагался на пистолет и не был готов к нападению. Он схватил пискуна за плечи, худые, крепкие, покрытые густым мехом, попытался отбросить его. Пискун вдруг запел.

Он лежал навзничь, притиснутый к земле, без оружия. Сверху на него смотрели четыре зеленые морды. Битый все еще пел — та же писклявая невнятица, но вроде бы есть какой-то мотив. Остальные трое слушали, скаля в усмешке белые зубы. Он ни разу прежде не видел, как пискуны улыбаются. И никогда не смотрел на них снизу вверх. Всегда сверху вниз. Только сверху. Надо лежать спокойно, вырываться пока нет смысла. Хоть они и коротышки, их четверо, а Битый забрал его пистолет. Надо выждать, улучить минуту... Но в горле у него поднималась мучительная тошнота, и он дергался и напрягался против воли. Маленькие руки прижимали его к земле без особых усилий. Маленькие зеленые морды качались над ним, ухмыляясь.

Битый кончил петь. Он нажал коленом на грудь Дэвидсона, сжимая в одной руке нож, а в другой держа пистолет.

— Вы петь не можете, капитан Дэвидсон, верно? Ну, так бегите к своему вертолету, летите на Центральный и скажите полковнику, что тут все сожжено, а люди убиты.

Кровь, такая же ярко-алая, как человеческая, смочила шерсть на правом плече пискуна, и нож в зеленых пальцах дрожал. Узкое изуродованное лицо почти прижималось к лицу Дэвидсона, и теперь он увидел, что в угольно-черных глазах прячется

странный огонь. Голос пискуна по-прежнему оставался мягким и тихим.

Державшие его руки разжались.

Он осторожно поднялся с земли. Голова отчаянно кружилась — сильно стукнулся затылком, спасибо Битому! Пискуны отошли. Знают, что руки у него вдвое длиннее. Ну, а что толку? Вооружен-то не один Битый. Вон и другой тычет в него пистолетом. Да это же Бен! Его собственный пискун, серый облезлый паршивец — и, как всегда, выглядит идиотом. Да только в руке у него пистолет.

Не так-то просто повернуться спиной к двум наведенным на тебя пистолетам, но Дэвидсон повернулся и зашагал к аэродрому.

Позади него голос громко и визгливо выкрикнул какое-то пискунье слово. Другой завопил:

— Быстро-быстро! — и раздались странные звуки, словно зачирикали птицы.

Наверное, они так смеются. Хлопнул выстрел, и рядом в землю зарылся заряд. Черт, подлость какая! У самих пистолеты, а он безоружен! Надо прибавить шагу. В беге не пискунам с ним тягаться. А стрелять они толком не умеют.

— Беги! — донесся издали спокойный голос.

Битая Морда! А кличка у него — Селвер. Они-то звали его Сэмом, пока не вмешался Любов, не спас его от заслуженной взбучки и не начал с ним цацкаться. Вот тут его и стали звать Селвером. Черт, да что же это? Бред, кошмар.

Дэвидсон бежал. Кровь грохотала у него в ушах. Он бежал сквозь золотую дымку вечера. У тропы валялся труп, а он и не заметил, когда шел туда. Совсем не тронут огнем, словно белый мяч, из которого выпустили воздух. Голубые выпученные глаза... А его, Дэвидсона, они убить не посмели. И больше по нему не стреляли. Еще чего! Где им его убить! А вот и вертолет! Блестит, миленький, как ни в чем не бывало. Одним прыжком он оказался внутри и сразу поднял вертолет в воздух, пока пискуны чего-нибудь не подстроили. Руки дрожат... Ну, да чуть-чуть. Все-таки шок порядочный. Его им не убить!

Он сделал круг над холмом, а потом повернул и стремительно пошел почти над самой землей, высматривая четырех пискунов. Но среди черных куч внизу не было заметно ни малейшего движения.

Сегодня утром тут был лагерь лесорубов. Двести человек. А сейчас тут только четверо пискунов. Не приснилось же ему это! И они не могли исчезнуть. Значит, они там, прячутся... Он начал бить из носового пулемета. Вспарывал обожженную землю, пробивал дыры в листве, хлестал по обгорелым костям и холодным трупам своих людей, по разбитым машинам, по гниющим белесым пням, заходя все на новые и новые круги, пока не кончилась лента и судорожная дробь пулемета не оборвалась.

Руки Дэвидсона больше не дрожали, его тело ощущало легкость умиротворения, и он твердо знал, что не бредит. Теперь

надо доставить известия в Центрвилл. Он повернул к проливу. Мало-помалу его лицо принимало обычное невозмутимое выражение. Свалить на него ответственность за катастрофу им не удастся — его ведь там даже не было! Может, они сообразят, что пискуны не случайно дождались, чтобы он улетел. Знали ведь, что у них ничего не выйдет, если он будет на месте и организует оборону. Во всяком случае, хорошо одно: теперь они займутся тем, с чего следовало начать — очистят планету для человеческого обитания. Даже Любов теперь не сможет помешать полному уничтожению пискунов, раз все подстроил его любимчик! Некоторое время теперь придется посвятить уничтожению этих крыс, и может быть... может быть, эту работку поручат ему. При этой мысли он чуть было не улыбнулся. Однако сумел сохранить на лице невозмутимость.

Море внизу темнело в сгущающихся сумерках, а впереди вставали прорезанные невидимыми речками холмы Центрального острова — крутые волны многолистого леса, тонущего во мгле.

2 Оттенки ржавчины и закатов, кроваво-бурые и блекло-зеленые, непрерывно сменяли друг друга в волнах длинных листьев, колышимых ветром. Толстые и узловатые корни бронзовых ив были мшисто-зелеными над ручьем, который, как и ветер, струился медлительно, закручиваясь тихими водоворотами, или словно вовсе переставал течь, запертый камнями, корнями, купающимися в воде ветками и опавшими листьями. Ни один луч не падал в лесу свободно, ни один путь не был прямым и открытым. С ветром, водой, солнечным светом и светом звезд здесь всегда смешивались листья и ветви, стволы и корни, прихотливо перепутанные, полные теней. Под ветвями, вокруг стволов, по корням вились тропинки — они нигде не устремлялись вперед, а уступали каждому препятствию, изгибались и ветвились, точно нервы. Почва была не сухая и твердая, а сырая и пружинистая, созданная непрерывным сотрудничеством живых существ с долгой и сложной смертью листьев и деревьев. Это плодородное кладбище вскармливало тридцатиметровые деревья и крохотные грибы, которые росли кругами поперечником в сантиметр. В воздухе веяло сладким и нежным благоуханием, слагавшимся из тысяч запахов. Далей не было нигде — только вверху, в просвете между ветвями, можно было увидеть россыпь звезд. Ничто здесь не было однозначным, сухим, безводным, простым. Здесь не хватало прямоты простора. Взгляд не мог охватить всего сразу, и не было ни определенности, ни уверенности. В плакучих листьях бронзовых ив переливались оттенки ржавчины и закатов, и невозможно было даже сказать, какого, собственно, цвета эти листья — красно-бурого, рыжевато-зеленого или чисто-зеленого.

Селвер брел по тропинке вдоль ручья, то и дело спотыкаясь о корни ив. Он увидел старика, ушедшего в сны, и остановился. Старик поглядел на него из-за длинных ивовых листьев и увидел его в своих снах.

— Где мне найти ваш Мужской Дом, владыка-сновидец? Я прошел долгий путь.

Старик сидел не двигаясь. Селвер опустился на корточки между тропинкой и ручьем. Его голова упала на грудь, потому что он был измучен и нуждался в сне. Он шел пять суток.

— Ты в яви снов или в яви мира? — наконец спросил старик.

— В яви мира.

— Ну, так пойдем! — Старик поспешно встал и по вьющейся тропке повел Селвера из ивовых зарослей в более сухое сумрачное царство дубов и терновника.— А я было подумал, что ты бог,— сказал он, держась на шаг впереди.— И мне кажется, я тебя уже видел. Может быть, в снах.

— В яви мира ты меня видеть не мог. Я с Сорноля и здесь никогда раньше не бывал.

— Это селение зовется Кадаст. А я — Коро Мена. Сын Боярышника.

— Меня зовут Селвер. Сын Ясеня.

— Среди нас есть дети Ясеня. И мужчины, и женщины. Дочери твоих брачных кланов — Березы и Остролиста — тоже живут среди нас. А дочерей Яблони у нас нет. Но ведь ты пришел не для того, чтобы искать жену, так?

— Моя жена умерла,— сказал Селвер.

Они подошли к Мужскому Дому на пригорке среди молодых дубов, согнулись и на четвереньках проползли по узкому туннелю во внутреннее помещение, освещенное отблесками огня в очаге. Старик выпрямился, но Селвер бессильно скорчился на полу. Теперь, когда помощь была рядом, его тело, которому он столько времени беспощадно не давал отдыха, отказалось ему повиноваться. Руки и ноги расслабились, веки сомкнулись, и Селвер с благодарным облегчением соскользнул в великую тьму.

Мужчины Дома Кадаста бережно уложили его на скамью, а потом в Дом пришел их целитель и смазал снадобьями рану у него на плече. Когда наступила ночь, Коро Мена и целитель Торбер остались сидеть у огня. Почти все мужчины удалились в свои жилища к женам, а двое юношей, еще не научившиеся уходить в сны, крепко спали на скамьях.

— Не понимаю, откуда у человека могут взяться на лице такие рубцы,— сказал целитель.— И уж совсем не понимаю, чем он мог так поранить плечо. Странная рана!

— А на поясе у него была странная вещь,— сказал Коро Мена.

— Я видел ее и не увидел ее.

— Я положил ее ему под скамью. Словно бы отшлифованное железо, но не похоже на работу человеческих рук.

— Он сказал тебе, что он с Сорноля.

Некоторое время оба молчали. Коро Мена вдруг почувствовал, что на него наваливается необъяснимый страх, и ушел в сон, чтобы найти объяснение этому страху — ведь он был стариком и умелым сновидцем. Во сне были великаны, тяжеловесные и страшные. Их сухие чешуйчатые конечности и туловища были

завернуты в ткани. Глаза у них были маленькие и светлые, точно оловянные бусины. Позади них ползли огромные непонятные махины, сделанные из отшлифованного железа. Они двигались вперед, и деревья падали перед ними.

Из-за падающих деревьев с громким криком выбежал человек. Рот его был в крови. Тропинка, по которой он бежал, вела к Мужскому Дому Кадаста.

— Почти наверное,— сказал Коро Мена, выходя из сна,— он приплыл по морю прямо с Сорноля, а может быть, пришел с берега Келм-Дева на нашем острове. Путники говорили, что великаны есть и там и там.

— Пойдут они за ним или нет,— сказал Торбер, но он не спрашивал, а взвешивал возможность, и Коро Мена не стал отвечать.

— Ты один раз видел великанов, Коро?

— Один раз,— сказал старик.

Он опять ушел в сны. Теперь, потому что он был очень стар и уже не так крепок, как прежде, он часто погружался в сон. Наступило утро, миновал полдень. За стенами Дома девушки ушли в лес на охоту, чирикали дети, переговаривались женщины — словно журчала вода. У входа голос, не такой влажный и журчащий, позвал Коро Мена. Он выполз наружу под лучи заходящего солнца. У входа стояла его сестра. Она с удовольствием вдыхала ароматный ветер, но лицо у нее оставалось суровым.

— Путник проснулся, Коро?

— Пока еще нет. За ним присматривает Торбер.

— Нам надо выслушать его рассказ.

— Наверное, он скоро проснется.

Эбор Дендеп нахмурилась. Старшая Хозяйка Кадаста, она опасалась, что селению грозит опасность, но ей не хотелось беспокоить раненого, и она боялась обидеть сновидцев, настояв на своем праве войти в их Дом.

— Ты бы не мог разбудить его, Коро? — все-таки попросила она.— Что, если... за ним гонятся?

Он не мог управлять чувствами сестры, как управлял собственными, и ее тревога его обожгла.

— Разбужу, если Торбер позволит,— сказал он.

— Постарайся поскорее узнать, какие он несет вести. Жаль, что он не женщина, а то давно бы рассказал все попросту...

Путник очнулся сам. Он лежал в полумраке Дома, и в его лихорадочно блестевших глазах плыли беспорядочные сны болезни. Тем не менее он приподнялся, сел на скамье и заговорил ясно. И пока Коро Мена слушал, ему казалось, что самые его кости сжимаются, стараясь спрятаться от этого страшного рассказа, от этой новизны.

— Когда я жил в Эшрете, на Сорноле, я был Селвером Теле. Ловеки начали рубить там деревья и разрушили мое селение. Я был среди тех, кого они заставили служить себе — я и моя жена Теле. Один из них надругался над ней, и она умерла. Я бросился на ловека, который убил ее. Он убил бы меня, но другой ловек

спас меня и освободил. Я покинул Сорноль, где теперь все селения в опасности, перебрался сюда, на Северный остров, и жил на берегу Келм-Дева, в Красных рощах. Но туда тоже пришли ловеки и начали рубить мир. Они уничтожили селение Пенле, поймали почти сто мужчин и женщин, заперли их в загоне и заставили служить себе. Меня не поймали, и я жил с теми, кто успел уйти из Пенле в болота к северу от Келм-Дева. Иногда по ночам я пробирался к тем, кого ловеки запирали в загоне. И они сказали мне, что там был тот. Тот, которого я хотел убить. Сначала я хотел попробовать еще раз убить его или освободить людей из загона. Но все это время я видел, как падают деревья, как мир рушат и оставляют гнить. Мужчины могли бы спастись, но женщин запирали крепче, и освободить их не удалось бы, а они уже начинали умирать. Я поговорил с людьми, которые прятались в болотах. Нас всех мучил страх и мучил гнев, и у нас не было возможности избавиться от них. А потому после долгих разговоров и долгих снов мы придумали план, пошли в Келм-Дева днем, стрелами и охотничьми копьями убили ловеков, а их селение и их машины сожгли. Мы ничего там не оставили. Но тот утром уехал. Он вернулся один. Я спел над ним и отпустил его.

Селвер замолчал.

— А потом...— прошептал Коро Мена.

— Потом с Сорноля прилетела небесная лодка, и они разыскивали нас в лесу, но никого не нашли. Тогда они подожгли лес, но шел дождь, и огонь скоро погас без всякого вреда. Люди, спасшиеся из загонов, и почти все другие ушли дальше на север и на восток, к холмам Холли, потому что мы думали, что ловеки начнут нас разыскивать. Я пошел один. Ведь они меня знают, знают мое лицо, и поэтому я боюсь. И боятся те, у кого я укрываюсь.

— Откуда твоя рана? — спросил Торбер.

— Эта? Он выстрелил в меня из их оружия, но я спел над ним и отпустил его.

— Ты в одиночку взял верх над великаном?— спросил Торбер с широкой усмешкой, не решаясь поверить.

— Не в одиночку. С тремя охотниками и с его оружием в руке. Вот с этим.

Торбер испуганно отодвинулся.

Некоторое время все трое молчали. Наконец Коро Мена сказал:

— То, что мы от тебя услышали,— черно, и дорога ведет вниз. В своем Доме ты сновидец?

— Был. Но Дома Эшрета больше нет.

— Это все равно, мы оба говорим древним языком. Под ивами Асты ты первый заговорил со мной и назвал меня владыкой-сновидцем. И это верно. А ты видишь сны, Селвер?

— Теперь редко,— послушно ответил Селвер, опустив изуродованное, воспаленное лицо.

— Наяву?

— Наяву.

— Ты хорошо видишь сны, Селвер?

— Нехорошо.

— Ты держишь свой сон в руках?

— Да.

— Ты плетешь и лепишь, ведешь и следуешь, начинаешь и кончаешь по своей воле?

— Иногда, но не всегда.

— Идешь ли ты дорогой, которой идет твой сон?

— Иногда. А иногда я боюсь.

— Кто не боится? Для тебя еще не все плохо, Селвер.

— Нет, все плохо,— сказал Селвер.— Ничего хорошего не осталось.— И он затрясся.

Торбер дал ему выпить ивового настоя и уложил его. Коро Мена еще не задал вопроса Старшей Хозяйки и теперь, опустившись на колени рядом с больным, неохотно спросил:

— Великаны, те, кого ты называешь ловеками, они пойдут по твоему следу, Селвер?

— Я не оставил следа. Между Келм-Дева и этим местом меня никто не видел, а это шесть дней. Опасность не тут.— Он с трудом приподнялся.— Слушайте, слушайте! Вы не видите опасности. И не можете ее увидеть. Вы не сделали того, что сделал я, вы не видели этого в снах — причинить смерть двумстам людям. Меня они выслеживать не будут, но они могут начать выслеживать всех нас. Устроить на нас облаву, как охотники — на зайцев. Вот в чем опасность. Они могут начать нас убивать. Чтобы перебить всех нас.

— Лежи спокойно...

— Нет, я не брежу. Это и явь и сон. В Келм-Дева было двести ловеков, и они все мертвы. Мы убили их. Мы убили их, словно они не были людьми. Так неужели они не сделают того же? До сих пор они убивали поодиночке, а теперь начнут убивать, как убивают деревья — сотнями, и сотнями, и сотнями.

— Успокойся,— сказал Торбер.— Такое случается в лихорадочных снах, Селвер. В яви мира такого не бывает.

— Мир всегда остается новым,— сказал Коро Мена,— какими бы старыми ни были его корни. Селвер, но эти существа,— кто же они? Выглядят они, как люди, и говорят, как люди — так разве они не люди?

— Не знаю. Разве люди, если только они не безумны, убивают людей? Разве звери убивают себе подобных? Только насекомые. Ловеки убивают нас равнодушно, как мы — змей. Тот, который учил меня, говорил, что они убивают друг друга в ссоре или группами, как дерущиеся муравьи. Этого я не видел. Но я знаю, что они не щадят того, кто просит о жизни. Они наносят удар по согнутой шее! Это я видел! В них живет желание убивать, и потому я счел справедливым предать их смерти.

— И теперь сны всех людей изменяться,— сказал Коро Мена из сумрака.— И никогда уже не будут прежними. Больше я никогда не пройду по той тропе, по которой прошел с тобой

вчера из ивовой рощи, по которой ходил всю жизнь. Она изменилась. Ты прошел по ней, и она стала другой. До нынешнего дня то, что мы делали, было правильным, дорога, по которой мы шли, была правильной, и она вела нас домой. Но где теперь наш дом? Ибо ты сделал то, что должен был сделать, но это не было правильным. Ты убил людей! Я их видел, пять лет тому назад в Лемганской долине. Они сошли там с небесной лодки. Я спрятался и следил за великанами. Их было шестеро, и я видел, как они говорили, как разглядывали камни и растения, как готовили пищу. Они люди. Но ты жил среди них, Селвер,— скажи мне, они видят сны?

— Как дети — только когда спят.

— И не проходят обучения?

— Нет. Иногда они рассказывают свои сны, целители пытаются лечить с их помощью, но обученных среди них нет и никто не умеет управлять сновидениями. Любов — тот, который учил меня,— понял, когда я показал ему, как надо видеть сны, но даже он назвал явь мира «реальной», а явь снов «нереальной», словно в этом разница между ними.

— Ты сделал то, что должен был сделать,— после молчания повторил Коро Мена, и в сумраке его глаза встретились с глазами Селвера.

Судорожное напряжение изуродованного лица смягчилось, рваные губы полуоткрылись, и он снова лег, ничего больше не сказав. Вскоре он уснул.

— Он бог,— сказал Коро Мена.

Торбер кивнул почти с облегчением.

— Но он не такой, как другие боги. Не такой, как Преследователь, и не такой, как Друг, у которого нет лица, или Женщина Осиновый Лист, которая проходит по лесам сновидений. Он не Привратник и не Змей. Не Флейтист, не Резчик и не Охотник хотя, как и они, приходит в яви мира. Может быть, последние годы Селвер нам снился, но больше он сниться не будет. Он ушел из яви снов. Он идет в лесу, он идет через лес, где падают листья, где падают деревья, бог, который знает смерть, бог, который убивает, а сам не возрождается вновь.

Старшая Хозяйка выслушала рассказ Коро Мена, его пророчества, и принялась за дело.. Она объявила тревогу и проверила, все ли семьи Кадаста готовы покинуть селение по первому сигналу — собраны ли припасы на дорогу, сделаны ли носилки для стариков и больных. Она послала молодых разведчиц на юг и восток узнать, что делают ловеки. Она все время держала в селении один вооруженный охотничий отряд, хотя остальные, как обычно, ночью уходили на охоту. А когда Селвер окреп, она потребовала, чтобы он вышел из Мужского Дома и рассказал свою историю — о том, как ловеки убивали и обращали в рабство людей на Сорноле и вырубали леса, как люди Келм-Дева убили ловеков. Она заставила мужчин-сновидцев и женщин, которые не смогли понять этого сразу, слушать снова и снова. Наконец они поняли и испугались. Эбор Дендеп была практич-

ной женщиной. Когда Великий Сновидец, ее брат, сказал ей, что Селвер — бог, творец перемены, мост между явью и явью, она поверила и принялась действовать. Сновидец должен быть осторожным, должен тщательно убедиться в верности своего вывода. А она должна принять этот вывод и поступить соответственно. Его обязанность — увидеть, что надо сделать. Ее обязанность — присмотреть, чтобы это было сделано.

«Все селения в лесу должны услышать»,— сказал Коро Мена. А потому Старшая Хозяйка разослала своих молодых вестниц, и Старшие Хозяйки других селений выслушивали их и рассылали своих вестниц. Рассказ о резне в Келм-Дева и имя Селвера обошли Северный остров и другие земли, передаваясь изустно или письменами — не очень быстро, потому что для передачи вестей у Лесного народа есть только гонцы, но все же достаточно быстро.

Народ, обитавший на Сорока Землях мира, не составлял единого целого. Языков было больше, чем земель, и они распадались на диалекты — каждое селение говорило на своем. Нравы, обычаи, традиции, ремесла различались тысячами частностей, да и физические типы на пяти Великих Землях были разными. Люди Сорноля отличались высоким ростом, светлым мехом и умели торговать; люди Ризуэла были низкого роста, мех у многих выглядел почти черным, и они ели обезьян. И так далее, и так далее. Однако климат всюду был почти одинаков, и лес тоже, а море и вовсе было одно. Любознательность, торговля, поиски жены или мужа своего Дерева заставляли людей странствовать от селения к селению, а потому общее сходство объединяло всех, кроме обитателей самых далеких окраин, полумифических диких островов на крайнем юге и крайнем востоке. Во всех Сорока Землях селениями управляли женщины, и почти в каждом селении был свой Мужской Дом. В его стенах сновидцы говорили на древнем языке, который во всех землях был одним. Язык этот редко выучивали женщины или те мужчины, которые оставались охотниками, рыбаками, ткачами, строителями,— те, кто видел лишь малые сны за стенами Дома. Письменность тоже принадлежала древнему языку, а потому, когда Старшие Хозяйки посылали с вестями быстроногих девушек, Дома обменивались письмами, и сновидцы истолковывали их Старым Женщинам, как и все слухи, трудности, мифы и сны. Но за Старыми Женщинами оставалось право верить или не верить.

Селвер был в маленькой комнате в Эшсене. Дверь не была заперта, но он знал, что стоит отворить ее, и внутрь войдет что-то плохое. Пока же она остается закрытой, все будет хорошо. Трудность заключалась в том, что дом окружали саженцы: но не фруктовых и не ореховых деревьев, он не помнил — каких. Он вышел посмотреть, что это за деревья, а они все валялись на земле, вырванные с корнем, сломанные. Он поднял серебристую веточку, и на сломанном конце выступила капля крови. «Нет, не здесь, нет, Теле, не надо,— сказал он.— Теле, приди

ко мне перед своей смертью!» Но она не пришла. Только ее смерть была здесь — сломаннаяя березка, распахнутая дверь. Селвер повернулся, быстро вошел в дом и увидел, что он весь построен над землей, как дома ловеков — очень высокий, полный света. По ту сторону высокой комнаты, за еще одной дверью, тянулась длинная улица Центра, селения ловеков. У Селвера на поясе висел пистолет. Если придет Дэвидсон, он сможет его застрелить. Он ждал у открытой двери, глядя наружу, на солнечный свет. И Дэвидсон появился — он бежал так быстро, что Селверу не удавалось взять его на прицел. Огромный, он кидался из стороны в сторону на широкой улице, все быстрее, все ближе. Пистолет был очень тяжелый. Селвер выстрелил, но из дула не вырвался огонь. Вне себя от ярости и ужаса он отшвырнул пистолет, а с ним и сновидение.

Его охватили отвращение и тоска. Он плюнул и тяжело вздохнул.

— Плохой сон? — спросила Эбор Дендеп.

— Они все плохие и все одинаковые,— сказал он, но мучительная тревога и тоска немного его отпустили.

Сквозь мелкие листья и тонкие ветки березовой рощи Кадаста нежаркие лучи утреннего солнца падали крошечными бликами и узкими полосками. Старшая Хозяйка сидела у серебристого ствола и плела корзинку из черного папоротника — она любила занимать свои пальцы работой. Селвер лежал рядом с ней в сновидениях и полусне. Он жил в Кадасте уже пятнадцать дней, и его рана почти совсем затянулась. Он по-прежнему много спал, но впервые за долгие месяцы вновь начал постоянно видеть сны в яви, не раза два днем и ночью, а в истинном пульсирующем ритме сновидчества, с десятью-четырнадцатью пиками на протяжении суточного цикла. Хотя сны его были плохими, полными ужаса и стыда, он радовался им. Все это время он опасался, что его корни обрублены и он так далеко забрел в мертвый край действия, что никогда не сумеет отыскать пути назад к источникам яви. А теперь он пил из них вновь, хотя вода и была невыносимо горькой.

На краткий миг он снова опрокинул Дэвидсона на золу сожженного поселка, но вместо того, чтобы петь над ним, ударил его камнем по рту. Зубы Дэвидсона разлетелись кусками, и между белыми обломками заструилась кровь.

Это сновидение было полезным, оно давало выход желанию, однако он тут же оборвал его, потому что уходил в него много раз и до того, как встретился с Дэвидсоном на пепелище Келм-Дева, и после. Но этот сон не давал ничего, кроме облегчения. Глоток свежей воды. А ему нужна горькая! Надо вернуться далеко назад, не в Келм-Дева, а на ту длинную страшную улицу в городе пришельцев, который они называют Центр, где он вступил в бой со Смертью и был побежден.

Эбор Дендеп плела свою корзину и напевала. Возраст давно посеребрил шелковистый зеленый пушок на ее худых руках, но они быстро и ловко переплетали стебли папоротника. Она пела песню про то, как девушка собирает папоротник,— песню юности:

«Я рву папоротник и не знаю, вернется ли он...». Ее слабый голос звенел, точно цикада. В листьях берез дрожало солнце. Селвер положил голову на руки.

Березовая роща находилась в центре селения Кадаст. Восемь тропок вели от нее, петляя между деревьями. В воздухе чуть пахло дымом. Там, где ветви редели, ближе к южной опушке, видна была печная труба, над которой поднимался дым — словно голубая пряжа разматывалась среди листьев. Внимательно вглядевшись, можно было заметить между дубами и другими деревьями крыши домов, возвышающиеся над землей на полметра. Может быть, сто, а может быть, двести — пересчитать их было очень трудно. Бревенчатые домики, на три четверти вкопанные в землю, ютились между могучими корнями, точно барсучьи норы. Сверху была настлана кровля из мелких веток, сосновой хвои, камыша и мхов. Такие крыши хорошо хранили тепло, не пропускали воду и были почти невидимы. Лес и восемьсот жителей селения занимались своими обычными делами повсюду вокруг березовой рощи, где сидела Эбор Дендеп и плела корзину из папоротника. «Ти-уит»,— звонко свистнула птичка на ветке над ее головой. Человечьего шума было больше обычного, потому что за последние дни в селение пришло много чужих, не меньше пятидесяти человек. Почти все это были молодые мужчины и женщины, и они искали Селвера. Одни пришли из других селений севера, другие вместе с ним убивали в Келм-Дева. Они пришли сюда, следуя за слухами, потому что дальше хотели следовать за ним. Но перекликающиеся там и сям голоса, и болтовня купающихся женщин, и смех детей у ручья не заглушали утреннего хора птиц, жужжания насекомых и неумолчного шума живого леса, частью которого было селение.

По тропинке бежала девушка, молодая охотница, нежно-зеленая, как листва березы.

— Устная весть с южного берега, матушка,— сказала она.— Вестница в Женском Доме.

— Пришли ее сюда, когда она поест,— шепотом сказала Старшая Хозяйка.— Ш-ш-ш, Толбар, разве ты не видишь, что он спит?

Девушка нагнулась, сорвала широкий лист дикого табака и бережно положила его на глаза спящего, к которым, падая все круче, подбирался яркий солнечный луч. Селвер лежал, раскрыв ладони, и его изуродованное, покрытое рубцами лицо было повернуто вверх. Оно выглядело простым и беззащитным — Великий Сновидец, уснувший точно маленький ребенок. Но Эбор Дендеп смотрела на лицо девушки. В игре трепетных теней оно светилось жалостью, ужасом и благоговением.

Толбар стремительно убежала. Вскоре появились две Старые Женщины и вестница. Они шли гуськом, бесшумно ступая по солнечному узору на тропинке. Эбор Дендеп подняла руку, предупреждая, чтобы они молчали. Вестница тотчас устало растянулась на земле. Ее зеленый мех с буроватым отливом был пропылен и слипся от пота — она бежала быстро и долго. Старые Женщины сели на солнечной прогалине и замерли,

точно два обомшелых серых камня с ясными живыми глазами

Селвер, борясь с не подчиняющимся ему сонным сном, вскрикнул, словно объятый ужасом, и проснулся.

Он пошел к ручью и напился, а когда вернулся назад, его сопровождали пятеро или шестеро из тех, кто все время ходил за ним. Старшая Хозяйка отложила недоплетенную корзинку и сказала:

— Теперь привет тебе, вестница. Говори.

Вестница встала, поклонилась Эбор Дендеп и объявила свою весть:

— Я из Третата. Мои слова пришли из Сорброн-Дева, а прежде — от мореходов Пролива, а прежде из Бротера на Сорноле. Они для всего Кадаста, но сказать их следует человеку по имени Селвер, который родился от Ясеня в Эшрете. Вот эти слова: «В огромном городе великанов на Сорноле появились новые великаны, и многие из них — великанши. Желтая огненная лодка то улетает, то прилетает в месте, которое звалось Пеа. На Сорноле известно, что Селвер из Эшрета сжег селение великанов в Келм-Дева. Великий Сновидец изгнанников в Бротере видел в сновидении больше великанов, чем деревьев на всех Сорока Землях». Вот слова вести, которую я несу.

Она кончила свою напевную декламацию, и наступило молчание. Неподалеку какая-то птица прощебетала «вет-вет?», словно проверяя, как это звучит.

— Явь мира сейчас очень плохая,— сказала одна из Старых Женщин, потирая ревматическое колено.

С большого дуба, отмечавшего северную окраину селения, взлетел серый коршун и, развернув крылья, лениво повис на восходящем потоке теплого утреннего воздуха. Возле каждого селения обязательно было гнездо этих коршунов, исполнявших обязанности мусорщиков.

Через рощу пробежал толстый малыш, за которым гналась сестра, немногим его старше. Оба пищали тоненькими голосами, точно летучие мыши. Мальчик упал и заплакал. Девочка подняла его, вытерла ему слезы большим листом, и, взявшись за руки, они убежали в лес.

— Среди них был один, которого звали Любов,— сказал Селвер, повернувшись к Старшей Хозяйке.— Я говорил про него Коро Мена, но не тебе. Когда тот убивал меня, Любов меня спас. Любов меня вылечил и освободил. Он хотел знать про нас побольше, и потому я говорил ему то, о чем он спрашивал, а он говорил мне то, о чем спрашивал я. И один раз я спросил его, как его соплеменники продолжают свой род, если у них так мало женщин. Он сказал, что там, откуда они прилетели, половина его соплеменников — женщины, но мужчины привезут их сюда, только когда приготовят для них место на Сорока Землях.

— Только когда мужчины приготовят место для женщин? Ну, им долгонько придется ждать! — сказала Эбор Дендеп.— Они похожи на людей из Вязовых снов, которые идут спиной

вперед, вывернув головы. Они делают из леса сухой песок на морском берегу (в их языке не было слова «пустыня») и говорят, будто готовят место для женщин! Лучше бы выслали вперед женщин. Может быть, у них Великие Сны видят женщины, кто знает? Они идут вперед спиной, Селвер. Они безумны.

— Весь народ не может быть безумным.

— Но ты же сказал, что они видят только сонные сны, а если хотят видеть их наяву, то принимают отраву, и сны выходят из повиновения, ты же сам говорил! Есть ли безумие больше? Они не различают яви сна от яви мира, точно младенцы. Может быть, убивая дерево, они думают, что оно вновь оживет!

Селвер покачал головой. Он по-прежнему говорил со Старшей Хозяйкой, словно они с ней были в роще одни — тихим, неуверенным, почти сонным голосом.

— Нет, смерть они понимают хорошо... Конечно, они видят не так, как мы, но о некоторых вещах они знают больше и разбираются в них лучше, чем мы. Любов понимал почти все, что я ему говорил. Но из того, что он говорил мне, я не понимал очень многого. И не потому, что я плохо знаю их язык. Я его знаю хорошо, а Любов научился нашему языку. Мы записали их вместе. Но часть того, что он мне говорил, я не пойму никогда. Он сказал, что ловеки не из леса. Он сказал это совершенно ясно. Он сказал, что им нужен лес: деревья взять на древесину, а землю засеять травой.— Голос Селвера, оставаясь негромким, обрел звучность. Люди среди серебристых стволов слушали как завороженные.— И это тоже ясно тем из нас, кто видел, как они вырубают мир. Он говорил, что ловеки — такие же люди, как мы, что мы в родстве, и, быть может, таком же близком, как рыжие и серые олени. Он говорил, что они прилетели из такого места, которое больше не лес: деревья там все срубили. У них есть солнце, которое не наше солнце, а наше солнце — звезда. Все это мне не было ясно. Я повторяю его слова, но не знаю, что они означают. Но это неважно. Ведь ясно, что они хотят наш лес для себя. Они вдвое нас выше и гораздо тяжелее, у них есть оружие, которое стреляет много дальше нашего, и огнеметы, и небесные лодки. А теперь они привезли много женщин, и у них будут дети. Сейчас их здесь две-три тысячи, и почти все они живут на Сорноле. Но если мы прождем поколение или два, их станет вдвое, вчетверо больше. Они убивают мужчин и женщин, они не щадят тех, кто просит о жизни. Они не ищут победы пением. Свои корни они где-то оставили — может быть, в том лесу, откуда они прилетели, в их лесу без деревьев. А потому они принимают отраву, чтобы дать выход своим снам, но от этого только пьянеют или заболевают. Никто не может твердо сказать, люди они или нелюди, в здравом они уме или нет, но это неважно. Их нужно изгнать из леса, потому что они опасны. Если они не уйдут сами, их надо выжечь с Земель, как приходится выжигать гнездо жалящих муравьев в селениях. Если мы будем ждать, выкурят и сожгут нас самих. Они наступают на нас,

как мы — на жалящих муравьев. Я видел, как женщина... Это было, когда они сожгли Эшрет, мое селение... Она легла на тропе перед ловеком, прося его о жизни, а он наступил ей на спину, сломал хребет и отшвырнул ногой как дохлую змею. Я сам это видел. Если ловеки — люди, значит, они неспособны или не умеют видеть сны и поступать по-людски. Они мучаются и потому убивают и губят, гонимые внутренними богами, которых пытаются вырвать с корнем, от которых отрекаются вместо того, чтобы дать им свободу. Если они люди, то плохие — они отреклись от собственных богов и страшатся увидеть во мраке собственное лицо. Старшая Хозяйка Кадаста, выслушай меня! — Селвер встал и выпрямился. Среди сидящих женщин он казался очень высоким.— Я думаю, для меня настало время вернуться в мою собственную землю, на Сорноль, к тем, кто изгнан, и к тем, кто томится в рабстве. Скажи всем, кому в снах видится горящее селение, чтобы они шли за мной в Бротер.

Он поклонился Эбор Дендеп и пошел по тропинке, ведущей из березовой рощи. Он все еще хромал, и его плечо было перевязано, но шаг его был быстрым и легким, а голова гордо откинута, и казалось, что он сильнее и крепче здоровых людей. Юноши и девушки безмолвно пошли следом за ним.

— Кто это? — спросила вестница из Третата, провожая его взглядом.

— Тот, для кого была твоя весть, Селвер из Эшрета, бог среди людей. Тебе когда-нибудь доводилось видеть богов, дочка?

— Когда мне было десять лет, в наше селение приходил Флейтист.

— А, старый Эртель! Да-да. Он был сыном моего Дерева, и, как я, родом из Северных долин. Ну, так теперь ты увидела еще одного бога, и более великого. Расскажи о нем в Третате.

— А какой он бог, матушка?

— Новый,— ответила Эбор Дендеп своим сухим старческим голосом.— Сын лесного пожара, брат убитых. Он тот, кто не возрождается. Ну, а теперь идите отсюда, все идите. Узнайте, кто уходит с Селвером, соберите им на дорогу припасы. А меня пока оставьте тут. Меня томят дурные предчувствия, точно глупого старика. Мне надо уйти в сны...

Вечером Коро Мена проводил Селвера до того места среди бронзовых ив, где они встретились в первый раз. За Селвером на юг пошло много людей, больше шестидесяти — редко кому доводилось видеть, чтобы столько людей вместе шли куда-то. Об этом будут говорить все, и потому еще многие и многие присоединятся к ним по дороге к морской переправе на Сорноль. Но на эту ночь Селвер воспользовался своим правом Сновидца быть одному. Остальные догонят его утром, и тогда в гуще толпы и поступков у него уже не будет времени для медленного и глубокого течения великих сновидений.

— Здесь мы встретились,— сказал старик, останавливаясь под пологом плакучих ветвей и поникших листьев,— и здесь

расстаемся. Люди, которые будут потом ходить по нашим тропам, наверное, назовут эту рощу рощей Селвера.

Селвер некоторое время ничего не говорил и стоял неподвижно, как древесный ствол, а серебро колышущихся листьев вокруг него темнело и темнело, потому что на звезды наползали тучи.

— Ты более уверен во мне, чем я сам,— наконец сказал он. Только голос во мраке.

— Да, Селвер... Меня хорошо научили уходить в сны, а кроме того, я стар. Теперь я почти не ухожу в сны ради себя. Зачем? Что может быть ново для меня? Все, чего мне хотелось от моей жизни, я получил, и даже больше. Я прожил всю мою жизнь. Дни, бесчисленные, как листья леса. Теперь я дуплистое дерево, живы лишь корни. И потому я вижу в снах только то, что видят все. У меня нет ни грез, ни желаний. Я вижу то, что есть. Я вижу плод, зреющий на ветке. Четыре года он зреет, этот плод дерева с глубокими корнями. Четыре года мы все боимся, даже те, кто живет далеко от селений ловеков; кто видел ловеков мельком, спрятавшись, или видел только их летящие лодки, или смотрел на мертвую пустоту, которую они оставляют на месте мира, или всего лишь слышал рассказы об этом. Мы все боимся. Дети просыпаются с плачем и говорят о великанах, женщины не уходят торговать далеко, мужчины в Домах не могут петь. Плод страха зреет. И я вижу, как ты срываешь его. Ты. Все, что мы боялись узнать, ты видел, ты изведал — изгнание, стыд, боль. Крыша и стены мира обрушены, матери умирают в страданиях, дети остаются необученными, непригретыми... В мир пришла новая явь — плохая явь. И ты в муках изведал ее всю. И ушел дальше всех. В дальней дали, у конца черной тропы, растет Дерево, а на нем зреет плод. И ты протягиваешь к нему руку, Селвер, ты срываешь его. А когда человек держит в руке плод этого дерева, чьи корни уходят глубже, чем корни всего леса, мир изменяется весь. Люди узнают это. Они узнают тебя, как узнали мы. Не нужно быть стариком или Великим Сновидцем, чтобы узнать бога. Там, где ты проходишь, пылает огонь, только слепые не видят этого. Но слушай, Селвер, вот что вижу я и чего, быть может, не видят другие, и вот почему я тебя полюбил: я видел тебя в сновидениях до того, как мы встретились здесь. Ты шел по тропе, и позади тебя вырастали юные деревья — дуб и береза, ива и остролист, ель и сосна, ольха, вяз, ясень в белых цветках, все стены и крыша мира, обновленные и вовеки обновляющиеся. А теперь прощай, милый бог и сын, и да не коснется тебя опасность. Иди.

Селвер шел, а мрак сгущался все плотнее, и даже его глаза, приспособленные, чтобы видеть ночью, уже не различали ничего, кроме сгустков и изломов черноты. Начал сеяться дождь. Он отошел от Кадаста всего на несколько километров, а надо либо зажечь факел, либо остановиться. Он решил остановиться и ощупью нашел удобное место между корнями гигантского каш-

тана. Он сел, прислонившись к кряжистому стволу, который словно еще хранил частицу солнечного тепла. Мелкие дождевые капли, невидимые в темноте, стучали по листьям вверху, падали на его плечи, шею и голову, защищенные густым шелковистым мехом, на землю, на папоротники и кусты вокруг, на все листья в лесу и близко и далеко. Селвер сидел неподвижно и тихо, как серая сова на суку над ним, но он не спал и широко открытыми глазами вглядывался в шелестящий дождем мрак.

3 У капитана Раджа Любова болела голова. Боль возникала где-то в мышцах правого плеча и нарастающей волной прокатывалась вверх, разрешаясь громовым ударом над правым ухом Центр речи расположен в коре левого полушария головного мозга, подумал он, но сказать это вслух не смог бы. У него не было сил ни говорить, ни читать, ни спать, ни думать. Кора — дыра. Мигрень — шагрень, о-о-о! Да, конечно, его еще в университете излечили от головных болей, и снова, когда он проходил в армии обязательный профилактический психотерапевтический курс, но, улетая с Земли, он захватил с собой несколько капсул эрготамина — на всякий случай. И уже принял две, а также анальгетик «ангел-цветик», и транквилизатор, и пищеварительную таблетку, чтобы нейтрализовать действие кофеина. нейтрализующего действие эрготамина, однако сверло по-прежнему вгрызалось в череп изнутри над правым ухом под буханье литавр. Ухо, муха, боль, станиоль. Господи помилуй, пойди по мылу... Что делают атшияне, когда у них мигрень? Да не может у них быть мигрени! Они бы еще за неделю сняли напряжение, уйдя в сны. И ты попробуй... попробуй уйти в грезы. Начни, как учил тебя Селвер. Хотя Селвер ничего не знал об электричестве и потому не мог понять принципов энцефалографии, стоило ему услышать об альфа-волнах и о том, когда они возникают, как он сразу сказал: «Ну да — ты ведь об этом?» И на ленте, фиксировавшей то, что происходило в его зеленой головенке, сразу появился типичный альфа-график. И за полчаса он научил Любова, как включать и отключать альфаритмы. В сущности, проще простого. Но не сейчас — сейчас мир слишком давит на нас... о-о-о над правым ухом бьет и чутким слухом слышу, как Колесница Времени летит вперед, потому что атшияне сожгли позавчера Лагерь Смита и убили двести человек. Двести семь, если быть точным. Всех до единого, кроме капитана. Не удивительно, что капсулы не могут добраться до источника его головой боли — для этого нужно вернуться на два дня назад, очутиться на острове в трехстах километрах отсюда. За горами, за долами. Пепел, пепел, все рассыпалось пеплом. И в этом пепле — все, что он знал о высокоразумных существах мира, значащегося под номером сорок один. Прах, вздор, хаос неверных сведений и ложных гипотез. Пробыл здесь почти полных пять землет и верил, что атшияне не способны убивать людей — ни его расы, ни их собственной. Он писал длинные доклады, объясняя, почему они неспособны убивать людей. И ошибался. Как ошибался!

Чего он не сумел увидеть и понять?

Пора было собираться на совещание в штабе. Любов осторожно поднялся на ноги, стараясь не качнуть головой, чтобы ее правая сторона не отвалилась. С медлительной плавностью, человека, плывущего под водой, он подошел к столу, плеснул в стакан порционной водки и выпил ее. Водка встряхнула его, рассеяла, привела в нормальное состояние. Ему стало легче. Он вышел, решил, что не вынесет тряски мотоцикла, и зашагал по длинной и пыльной Главной улице Центрвилла к зданию штаба. Поравнявшись с баром Луау, он с жадностью представил себе еще рюмку водки, но в дверь как раз входил капитан Дэвидсон, и Любов пошел дальше.

Представители с «Шеклтона» уже ждали в конференц-зале. Коммодор Янг, которого он знал, на этот раз захватил с орбиты новых людей. На них не было летной формы, и несколько секунд спустя Любов с некоторой растерянностью сообразил, что это не земляне. Он сразу же подошел познакомиться с ними. Первый, господин Ор, был волосатый таукитянин, темно-серый, коренастый и угрюмый. Второй, господин Лепеннон, был высок, белокож и красив, как большинство хейнитов. Здороваясь, оба посмотрели на Любова с живым интересом, а Лепеннон сказал:

— Я только что прочел ваш доклад о сознательном управлении парадоксальным сном у атшиян, профессор Любов.

Это было приятно. И было приятно услышать свой собственный честно заслуженный титул. По-видимому, они прожили несколько лет на Земле и, возможно, были какими-то специалистами по врасу. Но коммодор, представляя их друг другу, не сказал, кто они и какое положение занимают.

Зал мало-помалу наполнялся. Пришли все, кто чем-либо руководил в колонии. Вслед за Госсе, главным экологом колонии, вошел капитан Сусун, глава отдела развития природных ресурсов планеты — другими словами, лесоразработок. Его капитанский чин, как и капитанский чин Любова, был данью предрассудкам армейского начальства. Вошел капитан Дэвидсон — стройный и красивый. Его худое сильное лицо дышало суровым спокойствием. У всех дверей встали часовые. Армейские спины были бескомпромиссно выпрямлены. Не заседание, а расследование, это ясно. Кто виноват? «Я виноват»,— с отчаянием подумал Любов, но посмотрел через стол на капитана Дона Дэвидсона с брезгливостью и презрением.

Коммодор Янг заговорил очень спокойно и тихо:

— Как вам известно, господа, мой корабль сделал остановку тут, на сорок первой планете, только чтобы высадить новых колонистов, а порт назначения «Шеклтона» — восемьдесят восьмая планета, Престно, входящая в хейнскую группу. Однако мы не можем игнорировать нападения на один из ваших дальних лагерей, поскольку оно произошло во время нашего пребывания на орбите. Особенно ввиду некоторых новых событий, о которых при нормальном положении вещей вы были бы извещены не-

сколько позже. Дело в том, что статус сорок первой планеты как земной колонии теперь подлежит пересмотру, и резня в вашем лесном лагере может его ускорить. В любом случае мы с вами должны что-то решить немедленно, так как я не могу долго задерживать здесь свой корабль. В первую очередь надо удостовериться, что относящиеся к делу факты известны всем присутствующим. Рапорт капитана Дэвидсона о событиях в Лагере Смита был записан на пленку, и на корабле мы все его прослушали. И вы здесь тоже? Прекрасно. Если у кого-нибудь из вас есть вопросы к капитану Дэвидсону, задавайте их У меня самого есть вопрос. На следующий день, капитан Дэвидсон, вы вернулись в сожженный лагерь на большом вертолете с восемью солдатами. Получили ли вы разрешение от старшего офицера здесь, в Центре, на этот полет?

Дэвидсон встал.

— Да, получил.

— Уполномочены ли вы были приземлиться и поджечь ле окрестностях бывшего лагеря?

— Нет, не был.

— Однако лес вы подожгли?

— Да, поджег. Я хотел выкурить пискунов, которые били моих людей.

— У меня все. Господин Лепеннон?

Высокий хейнит откашлялся.

— Капитан Дэвидсон,— начал он,— считаете ли вы, что ваши подчиненные в Лагере Смита были в целом всем довольны?

— Да, считаю.

Дэвидсон говорил твердо и прямо. Казалось, его не тревожило положение, в котором он оказался. Конечно, этим флотским и инопланетянам он не подчинен и отчитываться за потерю двухсот человек, а также за самовольно принятые карательные меры должен только перед своим полковником. Однако его полковник присутствует здесь и слушает.

— Они получали хорошее питание и жили в хороших условиях, насколько это возможно во временном лагере? И рабочие часы у них были нормальными?

— Да.

— Дисциплина была исключительно суровой?

— Вовсе нет.

— В таком случае, чем вы объясните этот мятеж?

— Я не понял вопроса.

— Если среди них не было никакого недовольства, почему некоторые ваши подчиненные перебили остальных и подожгли лагерь?

Наступило неловкое молчание.

— Разрешите мне,— сказал Любов.— На землян напали работавшие в лагере местные врасу, атшияне, объединившись со своими лесными соплеменниками. В своем рапорте капитан Дэвидсон называет атшиян «пискунами».

На лице Лепеннона отразились смущение и озабоченность

— Благодарю вас, профессор Любов. Я неверно понял си-

туацию. Мне представлялось, что слово «пискуны» означает категорию землян, выполняющих неквалифицированную работу в лесных лагерях. Считая, как и мы все, что атшияне, как раса, лишены агрессивности, я не мог предположить, что подразумеваются они. Собственно говоря, я даже не знал, что они вообще сотрудничают с вами в лесных лагерях... Но тогда мне тем более непонятно, чем были вызваны это нападение и мятеж.

— Я не знаю.

— Когда капитан сказал, что его подчиненные были всем довольны, подразумевал ли он и аборигенов! — буркнул таукитятин Ор.

Хейнит тотчас спросил у Дэвидсона тем же озабоченным вежливым голосом:

— А жившие в лагере атшияне тоже были всем довольны?

— Насколько мне известно, да.

— В их положении там или в порученной им работе не было ничего необычного?

Любов ощутил, как возросло внутреннее напряжение полковника Донга, его офицеров, а также командира звездолета — словно завернули винт на один оборот. Дэвидсон сохранял невозмутимое спокойствие.

— Ничего.

Любов понял, что на «Шеклтон» были отосланы только его научные отчеты, а его протесты и даже предписываемые инструкциями ежегодные оценки «приспособления аборигенов к присутствию колонистов» лежат на дне ящика чьего-то стола здесь, в штабе. Эти двое неземлян ничего не знали об эксплуатации атшиян. Они — но не коммодор Янг: он успел несколько раз побывать на планете и, вероятно, видел загоны, в которые запирали пискунов. Да и в любом случае командир корабля, облетающего колонии, не может не знать, как слагаются взаимоотношения землян и врасу. Независимо от того, как он относится к деятельности департамента по развитию колоний, вряд ли что-нибудь могло его удивить. Но таукитянин и хейнит — откуда им знать, что творится на колонизируемых планетах? Разве что случай забрасывал их в такую колонию по пути совсем в другое место. Лепеннон и Ор вообще не собирались спускаться здесь с орбиты. Или, возможно, их не собирались спускать, но, услышав о чрезвычайном происшествии, они настояли на этом. Почему коммодор взял их сюда? По своей воле или по их требованию? Он не сказал, кто они такие, но в них чувствовалась привычка распоряжаться, от них веяло сухим опьяняющим запахом власти. Голова у Любова больше не болела, он испытывал бодрящее возбуждение, его лицо горело.

— Капитан Дэвидсон,— сказал он,— у меня есть несколько вопросов, касающихся вашей позавчерашней стычки с четырьмя аборигенами. Вы уверены, что среди них был Сэм, или Селвер Геле?

— Да, кажется.

— Вы знаете, что у него с вами личные счеты?

— Не имею ни малейшего представления.

— Нет? Поскольку его жена умерла у вас на квартире сразу после того, как вы учинили над ней насилие, он считает вас виновником ее смерти. И вы не знали этого? Он уже один раз бросился на вас здесь, в Центрвилле. И вы забыли про это? Ну, как бы то ни было, личная ненависть Селвера к капитану Дэвидсону, возможно, в какой-то мере объясняет это беспрецедентное нападение или отчасти дала ему толчок. Вспышки агрессивного поведения у атшиян вовсе не исключены — ни одно из моих исследований не давало материалов для подобного утверждения. Подростки, еще не овладевшие искусством контролировать сновидения и перепевать противника, часто борются между собой или дерутся на кулаках, причем это отнюдь не всегда дружеские состязания. Но Селвер — взрослый мужчина и сновидец. Тем не менее, когда он в первый раз один бросился на капитана Дэвидсона, им явно руководило стремление убить. Как, кстати, и капитаном Дэвидсоном. Я был свидетелем их схватки. В то время я счел, что это нападение — исключительный случай, минутное безумие, вызванное горем, тяжелой психической травмой, что оно вряд ли повторится. Я ошибся... Капитан, когда четверо атшиян бросились на вас из засады, как указали вы в своем рапорте, вас в конце концов прижали к земле?

— Да.

— В какой позе?

Спокойное лицо капитана Дэвидсона напряглось, и Любова кольнула невольная жалость. Он хотел запутать Дэвидсона в его собственной лжи и вынудить хотя бы раз сказать правду, но вовсе не унижать его публично. Обвинения в изнасиловании и убийстве только поддерживали внутреннее убеждение Дэвидсона, что он — истинный мужчина, но теперь это лестное представление о себе оказывалось под угрозой. Любов вынудил его вспомнить, как он, профессиональный солдат, сильный, хладнокровный, бесстрашный, был брошен на землю врагами ростом с шестилетнего ребенка... Во что обошлась Дэвидсону всплывшая в его памяти картина, как он впервые смотрел на зеленых человечков не сверху вниз, а снизу вверх?

— Я лежал на спине.

— Голова у вас была откинута или повернута?

— Не помню.

— Я пытаюсь установить определенный факт, капитан, который помог бы объяснить, почему Селвер вас не убил, хотя у него были личные счеты с вами и незадолго до этого он участвовал в истреблении двухсот человек. Я подумал, что вы могли случайно принять одну из тех поз, которые заставляют атшиянина сразу же оставить своего противника в покое.

— Не помню.

Любов обвел взглядом сидевших за столом. Все лица выражали любопытство, но некоторые были настороженными.

— Эти умиротворяющие жесты и позы могут опираться на

какие-то врожденные инстинкты или представлять собой рудименты реакции бегства, но они получили социальное развитие, усложнились и теперь заучиваются. Для наиболее действенной и совершенной позы покорности надо лечь навзничь, закрыть глаза и повернуть голову так, чтобы подставить противнику ничем не защищенное горло. Я убежден, что ни один атшиянин на этих островах просто физически не способен причинить вред врагу, принявшему эту позу. И прибегнет к иному способу чтобы дать выход гневу и желанию убить. Когда они вас повалили, капитан, может быть, Селвер запел?

— Что-что?

— Он запел?

— Не помню.

Стена. Непробиваемая. Любов уже хотел пожать плечами и замолчать, но тут таукитянин спросил:

— Что вы имеете в виду, профессор Любов?

Наиболее приятной чертой довольно жесткого таукитянского характера была любознательность, бескорыстное и неутолимое любопытство: таукитяне даже умирали охотно, интересуясь, что будет дальше.

— Видите ли,— ответил Любов,— атшияне заменяют физический поединок ритуальным пением. Это опять-таки широко распространенное в природе явление, и, возможно, оно опирается на какие-то физиологические моменты, хотя у людей трудно предположить «врожденные инстинкты» такого рода. Но как бы то ни было, здесь у всех высших приматов существуют голосовые состязания между двумя самцами — они воют или свистят. В конце концов доминирующий самец может дать противнику оплеуху, но чаще всего они просто около часа стараются переорать друг друга. Атшияне сами усматривают в этом аналогию со своими певческими состязаниями, которые также бывают только между мужчинами, однако, как они сами отмечают, у них такое состязание не только дает выход агрессивным побуждениям, но и представляет собой вид искусства. Победа остается за более умелым певцом. И я подумал, не пел ли Селвер над капитаном Дэвидсоном, если же пел, то потому ли, что не мог убить, или потому, что предпочел бескровную победу? Эти вопросы неожиданно приобрели большую важность.

— Профессор Любов,— сказал Лепеннон,— насколько эффективны эти приемы для разрядки агрессивности? Они универсальны?

— У взрослых — да. Так говорили все те, у кого я собирал сведения, и мои личные наблюдения полностью это подтверждали... До позавчерашнего дня. Изнасилование, избиение и убийства им практически неизвестны. Конечно, не исключаются несчастные случаи. И тяжелые мании. Но последние — редкость.

— А как они поступают с опасными маньяками?

— Изолируют. В буквальном смысле слова. На уединенных островах.

— Но атшияне не вегетерианцы, они охотятся на животных?

— Да. Мясо принадлежит к основным продуктам их питания.

— Поразительно! — воскликнул Лепеннон, и его белая кожа стала еще белее от волнения.— Человеческое общество с надежным антивоенным тормозом? А какой ценой это покупается, профессор Любов?

— Точного ответа я дать не могу. Пожалуй, ценой отказа от изменений. Их общество статично, устойчиво, однородно. У них нет истории. Полнейшая гомогенность и ни малейшего прогресса. Можно сказать, что, подобно лесу, дающему им приют, они достигли оптимального равновесия. Но это вовсе не значит, что они лишены способности к адаптации.

— Господа, все это очень интересно, но лишь в довольно узком смысле, и не имеет прямого отношения к тому, что мы пытаемся тут установить.

— Извините, полковник Донг, но, возможно, это и есть объяснение. Итак, профессор Любов?

— Возникает вопрос, не доказывают ли они сейчас эту свою способность. Приспосабливая свое поведение к нам. К колонии землян. На протяжение четырех лет они вели себя с нами так же, как друг с другом. Несмотря на физические различия, они признали в нас членов своего вида, то есть людей. Однако мы вели себя не так, как должны себя вести им подобные. Мы полностью игнорировали систему отношений, права и обязанности, сопряженные с отсутствием насилия. Мы убивали, изгоняли и порабощали людей этой планеты, уничтожали их общины и рубили их леса. Не будет ничего удивительного, если они решили, что нас нельзя считать людьми.

— А значит, можно убивать, как животных. Да-да, конечно,— сказал таукитянин, наслаждаясь логичностью этого построения, но лицо Лепеннона застыло, словно вырубленное из белого мрамора.

— Порабощали? — переспросил хейнит.

— Капитан Любов излагает свои личные теории и мнения,— поспешно вмешался полковник Донг,— которые, должен сказать прямо, мне представляются ошибочными, и мы с ним уже обсуждали их прежде, но к теме нашего совещания они отношения не имеют. Мы никого не порабощаем. Некоторые аборигены играют полезную роль в наших начинаниях. Добровольный автохтонный корпус является составной частью всех здешних поселений, кроме временных лагерей. У нас не хватает людей для осуществления наших целей, мы постоянно нуждаемся в рабочих руках и используем все, какие удается найти, но отнюдь не в формах, которые подпадали бы под понятие рабства. Разумеется, нет.

Лепеннон хотел что-то сказать, но промолчал, уступая черед таукитянину, однако тот спросил только:

— Какова численность обеих рас?

Ему ответил Госсе:

— Землян в настоящее время здесь находится две тысячи шестьсот сорок один человек. Любов и я оцениваем численность местных врасу очень приблизительно в три миллиона.

— Вам следовало бы учесть эти статистические данные, прежде чем вы начали менять местные обычаи! — заметил Ор с неприятным, но вполне искренним смехом.

— Мы достаточно вооружены и оснащены, чтобы противостоять любым агрессивным действиям со стороны аборигенов,— вмешался полковник.— Однако специалисты первой обзорной экспедиции и наши собственные — и впервую очередь капитан Любов — в полном согласии между собой внушали нам, будто новоталтяне — примитивные, безобидные и миролюбивые существа. Как выяснилось теперь, эти сведения были явно ошибочными...

— Явно! — перебил Ор.— Считаете ли вы, полковник, что люди как вид — примитивные, безобидные и миролюбивые существа? Конечно, нет. Но вы ведь знали, что врасу на этой планете — люди? Точно такие же, как вы, как я или Лепеннон, поскольку все мы восходим к одной хейнитской расе?

— Я знаю о существовании такой гипотезы...

— Полковник, это исторический факт!

— Я не обязан признавать это фактом! — огрызнулся старик полковник.— И мне не нравится, когда мне навязывают чужие мнения. Я знаю другой факт: пискуны ростом в метр, они покрыты зеленым мехом, они не спят и они не люди в том смысле, в каком я понимаю это слово!

— Капитан Дэвидсон,— спросил таукитянин,— по-вашему, местные врасу — люди или нет?

— Не знаю.

— Но вы совершили половой акт с аборигенкой — с женой этого Селвера. Значит, вы считали ее женщиной, а не животным? А остальные? — Он обвел взглядом полиловевшего полковника, нахмурившихся майоров, взбешенных капитанов и растерянных специалистов. Его лицо выразило брезгливое презрение.— Ход ваших мыслей нелогичен,— закончил он.

По его понятиям это было грубейшее оскорбление.

Командир «Шеклтона» наконец вынырнул из омута общего смущенного молчания.

— Итак, господа, трагические события в Лагере Смита, вне всякого сомнения, тесно связаны с взаимоотношениями, установившимися между колонией и местным населением, а потому их нельзя рассматривать как малозначительный или случайный эпизод. Именно это мы и должны были установить, поскольку в нашем распоряжении есть средство, которое поможет вам выйти из затруднений. Цель нашего полета вовсе не исчерпывается доставкой сюда двух сотен невест, хотя я и знаю, как вы их ждали. На Престно возникли некоторые сложности, и нам поручено доставить тамошнему правительству ансибл. Другими словами, АМС — аппарат мгновенной связи.

— Что? — воскликнул Серенг, глава инженерной службы.

Все земляне растерянно уставились на коммодора Янга.

— У нас на борту находится ранняя его модель, которая обошлась, грубо говоря, в годовой доход целой планеты. Но с того момента, когда мы покинули Землю, прошло двадцать семь землет, и теперь их научились изготовлять гораздо дешевле. Ими оснащаются все корабли космофлота, и автоматический корабль или корабль с командой, который доставил бы его вам при нормальном положении вещей, уже находится в полете. Точнее говоря, если я ничего не спутал, это корабль с командой, и он должен прибыть сюда через девять и четыре десятых земгода.

— Откуда вы знаете? — спросил кто-то, невольно подыграв коммодору, который ответил с улыбкой:

— Из переговоров по нашему ансиблу, Господин Ор, это изобретение ваших сопланетян, так не объясните ли вы его устройство присутствующим?

Таукитянин не смягчился.

— Пытаться объяснять им принцип действия ансибла бессмысленно,— сказал он.— Назначение же его можно изложить в двух словах: мгновенная передача сведений на любое расстояние. Один его элемент должен находиться на астрономическом теле, имеющем значительную массу, второй — в любой точке космоса. С момента выхода на орбиту «Шеклтон» ежедневно обменивался информацией с Землей, находящейся на расстоянии в двадцать семь световых лет. Для передачи вопроса и получения ответа уже не требуется пятидесяти четырех лет, как при использовании электромагнитных аппаратов. Передача происходит мгновенно, и разрыва во времени между мирами более не существует.

— Едва мы вошли в пространство-время этой планеты, мы, так сказать, позвонили домой,— мягко продолжал коммодор.— И нам сообщили, что произошло за двадцать семь лет нашего полета. Разрыв во времени по-прежнему остается для материальных тел, но не для связи. Вы, конечно, понимаете, что АМС для нас, как космических видов, важен не меньше, чем была важна речь на более ранней ступени нашей эволюции. Он тоже создает возможность для возникновения общества.

— Господин Ор и я покинули Землю двадцать семь лет назад в качестве представителей правительств Тау Второй и Хейна,— сказал Лепеннон. Голос его оставался кротким и вежливым, но из него исчезла всякая теплота.— В то время обсуждалось создание союза или лиги цивилизованных миров, которое стало возможным с появлением мгновенной связи. Сейчас Лига Миров существует. Она существует уже восемнадцать лет. Господин Ор и я являемся теперь эмиссарами Совета Лиги и потому обладаем определенными полномочиями и властью, которых не имели, когда улетали с Земли.

Эта троица с космолета твердит о том, будто существует аппарат мгновенной связи, будто существует межзвездное надправительство. Хотите — верьте, хотите — нет. Они сговорились и лгут. Вот какая мысль возникла в мозгу у Любова. Он взвесил

ее и решил, что она достаточно логична, но продиктована безотчетной подозрительностью, психическим защитным механизмом, и отбросил ее. Однако среди штабных, натренированных мыслить по заданным схемам, среди этих специалистов по самозащите найдется немало таких, кто уверует в это подозрение столь же безоговорочно, как он его отбросил. Они не могут не прийти к выводу, что человек, вдруг претендующий на совершенно новую форму власти, должен быть или лжецом, или заговорщиком. Они бессильны что-либо изменить в своем мировосприятии, как и он сам, Любов, натренированный сохранять беспристрастность и гибкость мышления, хочет он того или нет.

— Должны ли мы поверить всему... всему этому, только полагаясь на ваше слово? — произнес полковник Донг с достоинством, но жалобно: его мыслительные процессы протекали недостаточно четко, и ему было ясно, что не следует верить ни Лепеннону, ни Ору, ни Янгу, но тем не менее он поверил им и перепугался.

— Нет,— ответил таукитянин.— С этим покончено. Прежде колониям вроде вашей приходилось полагаться на сведения, доставляемые космолетами, и устаревшую радиоинформацию. Но теперь вы можете сразу получить все необходимые подтверждения. Мы намерены передать вам ансибл, предназначавшийся для Престно. Лига уполномочила нас на это — разумеется, через ансибл. Ваша колония находится в тяжелом положении. В гораздо более тяжелом, чем можно было заключить по вашим рапортам. Ваши рапорты очень неполны — то ли из-за глупого неведения, то ли из-за сознательной цензуры. Однако теперь вы получили ансибл и можете прямо снестись с вашим земным руководством, чтобы запросить инструкции. Ввиду глубоких изменений, которые произошли в организации управления Землей после нашего отлета, я рекомендовал бы вам сделать это безотлагательно. Теперь нет никаких оправданий ни для безоговорочного следования устаревшим инструкциям, ни для невежества, ни для безответственной автономии.

Стоит таукитянину оскорбиться, и он уже не в силах совладать с собой. Господин Ор позволяет себе лишнее, и коммодор Янг должен был бы его одернуть. Но есть ли у него такое право? Какими полномочиями наделен «эмиссар Совета Лиги Миров»? Кто здесь главный? Любову вдруг стало страшно, и его виски словно стянул железный обруч. Возвращалась головная боль. Он взглянул на сидящего напротив Лепеннона, на переплетенные длинные белые пальцы его рук, которые спокойно лежали, отражаясь в полированной поверхности стола. Мраморная белизна кожи была скорее неприятна Любову, воспитанному в земных эстетических понятиях, но сила и безмятежность этих рук ему нравились. У хейнитов цивилизация в крови, думал он, ведь они приобщились к ней так давно. Они вели социально-интеллектуальную жизнь с грацией охотящейся в саду кошки, с неколебимой уверенностью ласточки, летящей через море вслед за летом. Они достигли всего. Им не надо было притво-

ряться или фальшивить. Они были тем, чем были. Никто не укладывался в параметры человека так безупречно. За исключением зеленых человечков? Измельчавших, переприспособившихся, застывших в своем развитии пискунов, которые так абсолютно, так честно, так безмятежно были тем, чем были...

Бентон, один из офицеров, спросил Лепеннона, находятся ли они на планете в качестве наблюдателей Лиги... (он запнулся) Лиги Миров или уполномочены...

Лепеннон вежливо вывел его из затруднения:

— Мы просто наблюдатели и не имеем полномочий распоряжаться. Вы по-прежнему ответственны только перед Землей.

— Следовательно, ничто, в сущности, не изменилось! — с облегчением сказал полковник Донг.

— Вы забываете про ансибл,— перебил Ор.— Сразу после совещания я научу вас пользоваться им. И вы сможете проконсультироваться с вашим департаментом.

Заговорил Янг.

— Поскольку решение вашей проблемы не терпит отлагательств, а Земля теперь стала членом Лиги и Колониальный кодекс за последние годы мог значительно измениться, совет господина Ора весьма разумен и своевремен. Мы должны быть очень благодарны господину Ору и господину Лепеннону за их решение предоставить земной колонии ансибл, предназначенный для Престно. Это было их решение. Я же мог только от всего сердца с ним согласиться. Теперь остается еще один вопрос, решить который должен я, опираясь на ваше мнение. Если вы считаете, что колонии угрожают новые нападения все большего числа аборигенов, я могу задержать мой корабль здесь еще недели на две для пополнения вашего оборонительного оружия. Кроме того, я могу эвакуировать женщин. Детей в колонии пока еще нет, не так ли?

— Да,— сказал Госсе.— А женщин тут теперь четыреста восемьдесят две.

— Что же, у меня есть место для трехсот восьмидесяти пассажиров. Еще сто как-нибудь разместим. Лишняя масса замедлит возвращение домой примерно на год, но и только. К сожалению, ничего больше я вам предложить не могу. Мы должны лететь дальше, на Престно, ближайшую к вам планету, расстояние до которой, как вы знаете, чуть меньше двух световых лет. На обратном пути к Земле мы опять побываем здесь, но это будет не раньше, чем через три с половиной земгода. Вы столько продержитесь?

— Конечно,— сказал полковник, и остальные поддержали его.— Мы предупреждены, и больше нас врасплох не застанут.

— А аборигены? — сказал таукитянин.— Они смогут продержаться еще три с половиной года?

— Да,— сказал полковник.

— Нет,— сказал Любов. Он все это время следил за выражением лица Дэвидсона, и в нем нарастало что-то похожее на панику.

— Полковник? — вежливо осведомился Лепеннон.

— Мы здесь уже четыре года, и аборигены благоденствуют. Места хватает для всех нас с избытком — как вам известно, планета очень мало населена, и ее никогда не открыли бы для колонизации, если бы дело обстояло иначе. Ну, а если им снова взбредет в голову напасть, они нас больше врасплох не застанут. Нас неверно информировали относительно характера этих аборигенов, но мы прекрасно вооружены и сумеем защититься, хотя никаких карательных мер не планируем. Колониальный кодекс абсолютно запрещает что-либо подобное, и, пока я не узнаю, какие новые правила ввело новое правительство, мы будем строго соблюдать прежние правила, как всегда их соблюдали, а в них прямо указано на недопустимость широких карательных действий или геноцида. Просьб о помощи мы посылать не будем: в конце-то концов колония, удаленная от родной планеты на двадцать семь световых лет, должна рассчитывать главным образом на собственные ресурсы и вообще полагаться только на себя, и я не вижу, как АМС может что-либо изменить в этом отношении, поскольку корабли, люди и грузы, как и раньше, перемещаются в космосе со скоростью, всего лишь близкой к световой. Мы будем по-прежнему отправлять на Землю лесоматериалы и сами о себе заботиться. Женщинам никакой опасности не грозит.

— Профессор Любов? — сказал Лепеннон.

— Мы здесь четыре года, и я не уверен, что местная человеческая культура сможет выдержать еще четыре. Что касается общей экологии планеты, полагаю, Госсе подтвердит мои слова, если я скажу, что мы невосстановимо погубили экологические системы на одном большом острове, нанесли им огромный ущерб здесь, на Сорноле, который можно считать почти материком, и, если лесоразработки будут продолжаться нынешними темпами, еще до конца десятилетия почти наверное превратим в пустыню все крупные обитаемые острова. Ни штаб колонии, ни Лесное бюро в этом не виноваты: они просто следовали «плану развития», который был составлен на Земле на основании далеко не достаточных сведений о планете, ее экологических системах и аборигенах.

— Мистер Госсе? — произнес вежливый голос.

— Ну, Радж, вы, пожалуй, преувеличиваете. Бесспорно, Свалку — остров, где вопреки моим рекомендациям лесоразработки велись слишком интенсивно,— приходится сбросить со счетов. Если на определенной площади лес вырубается свыше определенного процента, фибровник отмирает, а именно корневая система этого растения связывает почву на расчищенной земле, без чего почва превращается в пыль и стремительно уносится ветрами и ливнями. Однако я не могу согласиться с тем, что данные нам установки неверны — надо лишь строго им следовать. Они опираются на тщательное изучение планеты. И здесь, на Центральном острове, мы, точно следуя плану, добились успеха — эрозия незначительна, а расчищенная земля очень плодородна. Разработка леса вовсе не означает создания пустыни — ну, разве с точки зрения белки. Мы не знаем точно,

как экосистемы здешних первобытных лесов приспособятся к новой комбинации леса, степи и пахотной земли, предусмотренной планом развития, но мы знаем, что во многих случаях шансы на адаптацию и выживание очень велики.

— Именно это утверждало экологическое бюро, когда речь шла об Аляске в период первого пищевого кризиса,— перебил Любов. Горло у него сжала судорога и голос звучал пронзительно и хрипло. А он-то надеялся, что Госсе его поддержит! — Сколько ситкинских елей довелось вам увидеть за вашу жизнь, Госсе? Сколько белых сов? Или волков? Или эскимосов? После пятнадцати лет осуществления «программы развития» сохранилось около трех процентов исконных аляскинских видов, как растений, так и животных. А сейчас их число равно нулю. Лесная экология очень хрупка. Если лес гибнет, с ним гибнет и его фауна. Атшияне называют лес тем же словом, которое на их языке означает также мир, вселенную. Коммодор Янг, я официально ставлю вас в известность, что если колонии непосредственная опасность пока не грозит, она грозит всей планете...

— Капитан Любов! — перебил старый полковник.— Офицеры специальных служб не могут обращаться с подобными заявлениями к офицерам других служб, но только к руководству колонии, которое одно правомочно их рассматривать, и я не потерплю дальнейших попыток давать рекомендации без предварительного согласования.

Любов, застигнутый врасплох собственной вспышкой, извинился и попытался принять спокойный вид. Если бы он не потерял контроля над собой! Если бы у него не сорвался голос! Если бы у него хватило выдержки... А полковник тем временем продолжал:

— Нам представляется, что вы допустили серьезные ошибки в оценке миролюбия и отсутствия агрессивности у здешних аборигенов, и мы не предвидели и не предотвратили страшную трагедию в Лагере Смита именно потому, что положились на ваше мнение как мнение специалиста, капитан Любов. Поэтому я думаю, что нам придется подождать, пока другие специалисты по врасу не смогут изучить их глубже, поскольку факты свидетельствуют, что ваши заключения содержали существеннейшие ошибки.

Любов принял это молча. Пусть Янг и инопланетяне посмотрят, как они сваливают друг на друга. Тем лучше! Чем больше они будут препираться, тем вероятнее, что эти эмиссары проведут инспекцию, возьмут их под контроль. И ведь он действительно виноват, он действительно ошибся! «К черту самолюбие, лишь бы уберечь лесных людей!» — подумал Любов и с такой силой ощутил всю глубину своего унижения и самопожертвования, что у него на глазах навернулись слезы.

Тут он заметил, что Дэвидсон внимательно на него поглядывает.

Он выпрямился, лицо у него горело, в висках стучала кровь. Он не станет терпеть насмешек этой скотины Дэвидсона. Неужели Ор и Лепеннон не видят, что такое Дэвидсон и какой он

здесь пользуется властью, тогда как его Любова, власть — одна фикция, исчерпывающаяся правом «давать рекомендации»? Если все ограничится установкой этого их сверхрадио, трагедия в Лагере Смита почти наверное станет предлогом для систематического истребления аборигенов. С помощью бактериологических средств, скорее всего. Через три с половиной года «Шеклтон» вернется на Новое Таити и найдет тут процветающую колонию и никаких трудностей с пискунами. Абсолютно никаких. Эпидемия — такая жалость! Мы приняли все меры, требуемые Колониальным кодексом, но, вероятно, произошла мутация — ни малейшей резистентности, но тем не менее мы сумели спасти часть их, перевезя на Новофолклендские острова в южном полушарии, где они прекрасно себя чувствуют — все шестьдесят два аборигена...

Совещание закончилось. Любов встал и перегнулся через стол к Лепеннону.

— Сообщите Лиге, что необходимо спасти леса, лесных людей,— сказал он еле слышно, потому что судорога сжимала его горло.— Вы должны это сделать, должны!

Хейнит посмотрел ему в глаза. Его взгляд был ласковым, сдержанным, бездонным. Он ничего не ответил.

4 Рассказать кому-нибудь — не поверят! Они все свихнулись. Эта проклятая планета им всем мозги набекрень сдвинула, одурманила, вот они и дрыхнут наяву, не хуже пискунов. Да если бы ему самому еще раз прокрутили то, чего он насмотрелся на этом «совещании» и на инструктаже после, он все равно не поверил бы. Командир корабля Звездного флота лижет сапоги двум гуманоидам! Инженеры и техники визжат и пускают слюни из-за дурацкого радио, а волосатый таукитец измывается над ними и бахвалится, словно земная наука давным-давно не предсказала появления АМС! Гуманоиды свистнули идею, использовали ее и назвали свою штуковину ансиблем, чтобы никто не сообразил, что это всего-навсего АМС. Но хуже всего было это их совещание, когда псих Любов вопил и бредил, а полковник Донг не заткнул ему пасть, позволил оскорблять Дэвидсона, и весь штаб, и всю колонию, а эти две инопланетные морды сидят и ухмыляются — плюгавая серая макака и долговязая бледная немочь, сидят и потешаются над людьми!

Хуже некуда. Но и когда «Шеклтон» улетел, лучше не стало. Ну ладно, пусть его отправили на Новую Яву в распоряжение майора Мухамеда, он не в претензии. Полковник должен был наложить на него дисциплинарное взыскание. В душе-то старик Динг-Донг наверняка одобряет, что он прошелся с огоньком по острову Смита и дал урок пискунам, но сделал он это по собственной инициативе, а дисциплина есть дисциплина, и полковник обязан был призвать его к порядку. Что поделаешь, играть надо по правилам. Но вот какое отношение к правилам имеет то, что вякает их телевизор-переросток, который они называют ансиблом? Этот их новый идол в штаб-квартире, на который они не намолятся?

Инструкции из Карачи, от департамента развития колонии. *«Не допускать контактов между землянами и атшиянами, кроме тех, инициаторами которых будут атшияне».* Проще говоря, с этих пор держись подальше от пискуньих нор, а рабочую силу ищи, где хочешь! *«Использование добровольного труда не рекомендуется, использование принудительного труда запрещается».* Опять двадцать пять! А как тогда вести лесоразработки, об этом они подумали? Нужны Земле эти бревна и доски или нет? Небось, все еще шлют робогрузовозы на Новое Таити по четыре в год, и каждый везет на Землю первоклассные пиломатериалы на тридцать миллионов неодолларов. Естественно, департаменту эти миллиончики очень даже кстати. Там сидят деловые люди. И инструкции идут не от них, это всякому дураку ясно.

«Колониальный статус сорок первой планеты пересматривается». Новым Таити ее уже больше не называют, скажите пожалуйста! *«До вынесения окончательного решения колонисты должны соблюдать предельную осторожность в отношениях с местными обитателями... Использование какого бы то ни было оружия, кроме мелкокалиберных пистолетов, предназначенных для самозащиты, категорически запрещается».* Прямо как на Земле, только там и пистолеты давно запрещены. Но за каким, спрашивается, чертом человек пролетает расстояние в двадцать семь световых лет, если на неосвоенной планете у него отбирают автоматы, и огненный студень, и бомбы-лягушки? Нет-нет! Сидите себе, посиживайте, пай-мальчики, а пискуны пусть спокойненько плюют тебе в лицо, и распевают над тобой песни, и втыкают нож тебе в брюхо, и жгут твой лагерь! Но ты пальцем не тронь зеленых дусиков. И думать не смей!

«Всемерно рекомендуется политика воздержания от контактов, какие бы то ни было агрессивные или карательные действия строго запрещаются».

Вот она, суть всех этих «ансиблограмм», и любой дурак сообразил бы, что шлет их не колониальный департамент. Не могли же они там настолько измениться за тридцать лет! Это все были практичные люди, они трезво смотрели на вещи и знали, какова жизнь на неосвоенных планетах. Всякому, кто не спятил от геошока, должно быть ясно, что это фальшивки. Может, они прямо заложены в аппарат — набор ответов на наиболее вероятные вопросы, и выдает их аналитическое устройство. Инженеры, правда, вякают, что они бы такое сразу обнаружили. Может, и так. Тогда, значит, эта штука и в самом деле дает мгновенную связь с другой планетой, да только не с Землей. Вот это уж точно! Во второй передатчик ответы вкладывают не люди, а инопланетяне, гуманоиды. Скорее всего таукитцы: аппарат сконструировали они и вообще соображать, подлецы, умеют. Как раз из тех, кто наверняка замышляет прибрать к рукам всю Галактику. Хейниты, конечно, с ними стакнулись: розовые слюнки в ансиблограммах так и отдают хейнитами. Какая их конечная цель — отгадать, сидя здесь, не просто. Может, рассчитывают ослабить Землю, втянув ее в эту аферу с Лигой Миров. Ну, а что они затеяли тут, на Новом

Таити, понять легко: предоставят разделаться с людьми пискунам и концы в воду. Свяжут людей по рукам и ногам ансибельными фальшивками, и пусть их режут все, кому не лень. Гуманоиды помогают гуманоидам — крысы помогают крысам.

А полковник Донг все это кушает. И намерен выполнять приказы. Так прямо и заявил: «Я намерен выполнять приказы Земли, и, черт побери, Дон, вы будете выполнять мои приказы, а на Новой Яве — приказы майора Мухамеда». Дурак он старый, Динг-Донг, но Дэвидсон ему нравится, а он — Дэвидсону. Какие там еще приказы, когда надо спасать человечество от заговора гуманоидов! Но старика все-таки жаль. Дурак, но мужественный и верный долгу. Не прирожденный предатель, вроде языкатого плаксы и ханжи Любова. Вот пусть пискуны его первым и прикончат, умника Раджа Любова, прихвостня гуманоидов.

Некоторые люди, особенно среди азиев и хиндазиев, так и рождаются предателями. Не все, конечно, но некоторые. А некоторые люди рождаются спасителями. Ну, так уж они устроены, и никакой особой заслуги в этом нет — как в евроафрском происхождении или в крепком телосложении. Он так на это и смотрит. Если в его силах будет спасти мужчин и женщин Нового Таити, он их спасет, а если нет — он, во всяком случае, сделает что сможет, и говорить больше не о чем.

А, да — женщины! Это, конечно, обидно. Вывезли с Новой Явы всех до единой и больше из Центрвилла не шлют никого. «Пока еще опасно»,— ничего умнее в штабе не придумали! А каково ребятам в трех дальних лагерях, это они учитывают? Пискуний не тронь, баб всех забрали в Центрвилл — на что они, собственно, рассчитывают? Ясное дело, ребята озлятся. Ну, да долго это не протянется. Такая идиотская ситуация стабильной быть не может. Если теперь, после отлета «Шеклтона», они не вернутся понемножку в прежнюю колею, капитану Д. Дэвидсону придется легонько их подтолкнуть. Ладно, он готов потрудиться сверх положенного, лишь бы все пришло в норму.

9 В то утро, когда он улетал с Центрального, они отпустили всех рабочих пискунов — иди, гуляй! Закатили благородную речугу на ломаном наречии, открыли ворота загона и выпустили всех ручных пискунов — всех до единого: носильщиков, землекопов, поваров, мусорщиков, домашних слуг и служанок, ну, всю ораву. И хоть бы один остался! А ведь некоторые служили у своих хозяев с самого основания колонии, четыре земгода! Но они о верности и понятия не имеют! А эти еще и до собак не развились, остались на одном уровне с крысами и змеями: умишка только на то и хватает, чтобы обернуться и тяпнуть тебя, едва выпустишь их из клетки. Динг-Донг совсем спятил — выпустил пискунов прямо рядом с городом. Надо было свезти их всех на Свалку: пусть бы передохли там с голоду. Но эти два гуманоида и их говорящий ящик здорово напугали Донга. И если дикие пискуны на Центральном задумали устроить

резню, как в Лагере Смита, у них теперь хоть отбавляй полезных помощников, которые знают город, знают порядки в нем, знают, где находится арсенал, где выставляются часовые и все прочее. Ну, если Центрвилл спалят, пусть штаб себе спасибо скажет. Собственно говоря, ничего другого они и не заслуживают. За то, что позволили предателям задурить себе голову, за то, что слушали гуманоидов и пренебрегали советами людей, которые знают, что такое пискуны на самом деле.

Никто из штабных молодчиков не слетал, как он, в лагерь, не поглядел на золу, на разбитые машины, на обгоревшие трупы. А труп Ока — там, где они перебили команду лесоубов... у него из обоих глаз торчали стрелы, будто какое-то жуткое насекомое высунуло усики и нюхает воздух. А, черт! Так и мерещится, так и мерещится!

Хоть одно хорошо: что бы там ни требовали фальшивки, а у ребят на Центральном будет для защиты кое-что получше «мелкокалиберных пистолетов». У них есть огнеметы и автоматы. Шестнадцать малых вертолетов вооружены пулеметами, и с них удобно бросать банки с огненным студнем. А пять больших вертолетов несут полное боевое вооружение. Ну, да оно им и не понадобится. Достаточно подняться на малом вертолете над расчищенными районами, отыскать там ораву пискунов с их чертовыми луками и стрелами да забросать банками со студнем, а потом любоваться сверху, как они мечутся и горят. Вот это дело! Представишь себе их, и в животе теплеет, словно о бабе думаешь или вспоминаешь, как этот пискун, Сэм, бросился на тебя, а ты ему четырьмя ударами всю морду разворотил. А все эйдетическая память да воображение поярче, чем у некоторых,— никакой его заслуги тут нет, просто так уж он устроен.

По правде сказать, мужчина только тогда по-настоящему и мужчина, когда он переспал с бабой или убил другого мужчину. Конечно, это он не сам придумал, а в какой-то старинной книжке вычитал, но что правда, то правда. Вот почему ему нравится рисовать в воображении такие картины. Даже хотя пискуны — и не люди вовсе.

Новой Явой назывался самый южный из пяти больших островов, расположенный лишь чуть севернее экватора. Климат там был более жаркий, чем на Центральном и на острове Смита, где температура круглый год держалась приятно умеренная. Более жаркий и гораздо более влажный. В период дождей на Новом Таити они выпадали повсюду, но на северных островах с неба тихо сеялись мельчайшие капли, и ты не ощущал ни сырости, ни холода. А здесь дождь лил как из ведра, и на остров постоянно обрушивались тропические бури, когда не то что работать, а носа на улицу высунуть невозможно. Только надежная крыша спасает от дождя — ну, и лес. До того он тут густ, проклятый, что никакой ураган его не берет. Конечно, со всех листьев капает вода, и оглянуться не успеешь, как ты уже насквозь мокрый, но если зайти в лес поглубже, то и в самый разгар бури даже ветерка не почувствуешь, а чуть выйдешь на опушку — блям! Ветер собьет тебя с ног, облепит жидкой рыжей глиной, в которую ливень превратил всю расчищенную

землю, и ты опрометью бросаешься назад в лес, где темно, душно и ничего не стоит заблудиться.

Ну, и здешний командующий, майор Мухамед — сукин сын, законник! Все только по инструкции: просеки шириной точно в километр, чуть бревна вывезут — сажай фибровник, отпуск на Центральный получай строго по расписанию, галлюциногены выдаются ограниченно, употребление их в служебные часы карается, и так далее, и тому подобное. Только одно в нем хорошо: не бегает по каждому поводу радировать в Центр. Новая Ява — его лагерь, и он командует им на свой лад. Приказы из штабквартиры он получать ох как не любит. Выполнять-то он их выполняет: пискунов отпустил и все оружие, кроме детских пукалок, сразу запер, едва пришло распоряжение. Но предпочитает обходиться без приказов, а уж без советов и подавно — и от Центра, и от кого другого. Из этих, из ханжей: всегда уверен, что он прав. Самая главная его слабость.

Когда Дэвидсон служил в штабе, ему иногда приходилось заглядывать в личные дела офицеров. Его редкостная память хранила все подобные сведения, и он, например, вспомнил, что коэффициент умственного развития у Мухамеда равнялся 107, а его собственный, между прочим — 118. Разница в 11 пунктов, но, конечно, старику Му он этого сказать не может, а сам Му в жизни не расчухает, и заставить его слушать нет никакой возможности. Воображает, будто в чем угодно разбирается лучше Дэвидсона, вот так-то.

Собственно говоря, они все здесь поначалу были колючими. Никто на Новой Яве ничего толком про бойню в Лагере Смита не знал — слышали только, что тамошний командующий за час до нападения улетел на Центральный, а потому единственный из всех остался в живых. Ну, если так на это поглядеть, действительно выходит скверно. И можно понять, почему они сперва на него косились, словно он несчастье приносит, а то и вовсе как на иуду. Но когда узнали его поближе, переменили мнение. Поняли, что он не дезертир и не предатель, а наоборот, всего себя отдает, чтобы уберечь колонию на Новом Таити от предательства. И поняли, что сделать планету безопасной для земного образа жизни можно, только избавившись от пискунов.

Втолковать все это лесорубам было не так уж и трудно. Они этих зеленых крыс никогда особенно не обожали: весь день заставляй их работать да еще всю ночь сторожи! Ну, а теперь они поняли, что пискуны — не просто пакостные твари, но и опасные. Когда он рассказал им, что увидел на острове Смита, когда объяснил, как два гуманоида на корабле космофлота обдурили штабных, когда втолковал им, что уничтожение землян на Новом Таити — всего лишь малая часть заговора инопланетян против Земли, когда он напомнил им бесстрастные неумолимые цифры (две с половиной тысячи человек против трех миллионов пискунов), вот тогда они по-настоящему поверили в него.

Даже здешний представитель экологического контроля на его стороне Не то, что бедняга Кеес, который злился, что ребята

стреляют оленей, а потом получил заряд в живот от подлых пискунов.

Этот, Атранда, ненавидит пискунов всем нутром. Можно сказать, помешался на них, точно геошок получил или что похуже. До того боится, как бы пискуны не напали на лагерь, что ведет себя хуже всякой бабы. Но хорошо, что можно рассчитывать на местного специала.

Начальника лагеря убеждать смысла нет: сразу видно, что Мухамеда не обломаешь. Косный тип. И настроен против него — из-за того, что произошло в Лагере Смита. Чуть не прямо сказал, что не считает его надежным офицером.

Сукин сын, ханжа, но что он ввел тут такую строгую дисциплину, это хорошо. Вымуштрованных людей, привыкших выполнять приказы, легче прибрать к рукам, чем распущенных умников, и легче превратить в боевой отряд для оборонительных и наступательных действий, когда он возьмет на себя командование. А взять на себя командование придется: Му — неплохой начальник лагеря лесорубов, но солдат никудышный.

Дэвидсон постарался заручиться поддержкой кое-кого из лучших лесорубов и младших офицеров, покрепче привязать их к себе. Он не торопился. Когда он убедился, что им можно по-настоящему доверять, десять человек забрались в полные военных игрушек подвалы клуба, которые старик Му держал под замком, унесли оттуда кое-что, а в воскресенье отправились в лес поиграть.

Дэвидсон еще за несколько недель до этого отыскал там селение пискунов, но приберег удовольствие для своих ребят. Он бы и один справился, только так было лучше. Это сплачивает людей, связывает их узами истинного товарищества. Они просто вошли туда среди бела дня, всех схваченных пискунов вымазали огненным студнем и сожгли, а потом облили крыши нор керосином и зажарили остальных. Тех, кто пытался выбраться, мазали студнем. Вот тут-то и был самый смак: ждать у крысиных нор, пока крысы не полезут наружу, дать им минутку — пусть думают, будто спаслись, а потом подпалить снизу, чтобы горели, как факелы. Зеленая шерсть трещала — обхохочешься.

Вообще-то говоря, это было немногим сложнее, чем охотиться на настоящих крыс — чуть ли не единственных диких неохраняемых животных, сохранившихся на матушке-Земле, и все-таки интереснее: пискуны ведь куда крупнее, и к тому же знаешь, что они могут на тебя кинуться, хотя на этот раз сопротивляться никто и не пробовал. А некоторые вместо того, чтобы бежать, даже ложились на спину и закрывали глаза. Прямо тошнит! Ребята тоже так думали, а одного и вправду стошнило, когда он сжег такого лежачего.

И хоть отпусков ни у кого давно не было, ребята ни одной самки в живых не оставили. Заранее все обговорили и решили, что это уж слишком смахивает на извращение Пусть у них и есть сходство с женщинами, но они нелюди, и лучше просто полюбоваться, как они горят, а самому остаться чистым. Они все с этим согласились, и никто от своего решения не отступил.

А в лагере ни один не проговорился: даже закадычным дружкам не похвастал. Надежные ребята! Мухамед про эту воскресную экскурсию ничего не узнал. Ну, и пусть себе думает, что его подчиненные все как на подбор пай-мальчики, валят себе лес, а пискунов за километр обходят. Вот так-то. И не надо ему ничего знать, пока не придет решительный день.

Потому что пискуны нападут. Обязательно. Где-нибудь. Может, тут, а может, на какой-нибудь из лагерей на Кинге или на Центральном. Дэвидсон знал это твердо. Единственный офицер во всей колонии, который знал это с самого начала. Никакой его заслуги, просто он знает, что прав. Остальные ему не верили — никто, кроме здешних ребят, которых у него было время убедить. Но и все прочие рано или поздно удостоверятся, что он не ошибся.

И он не ошибся.

5 Столкнувшись лицом к лицу с Селвером, он испытал настоящий шок. И в вертолете на обратном пути в Центрвилл из селения среди холмов Любов пытался понять, почему это было так, пытался проанализировать, какой нерв вруг сдал. Ведь, как правило, случайная встреча с другом ужаса не вызывает.

Не так-то легко было добиться, чтобы Старшая Хозяйка его пригласила. Все лето он вел исследования в Тунтаре. Он нашел там немало отличных помощников, которые охотно и подробно отвечали на его вопросы, наладил хорошие отношения с Мужским Домом, а Старшая Хозяйка позволяла ему не только беспрепятственно наблюдать жизнь общины, но и принимать в ней участие. Добиться от нее приглашения через посредство бывших рабов, которые оставались в окрестностях Центрвилла, удалось не скоро, но в конце концов она согласилась, так что он отправился туда «по инициативе атшиян», как предписывали новые инструкции. Собственно, если бы он их нарушил, полковник особенно возражать не стал бы, но этого требовала его совесть. А Донг очень хотел, чтобы он отправился туда. Его тревожила «пискунья угроза», и он поручил Любову оценить ситуацию, «посмотреть, как они реагируют на нас теперь, когда мы совершенно не вмешиваемся в их жизнь». Он явно надеялся получить успокоительные сведения, но Любов не мог решить, успокоит ли его доклад полковника Донга или нет.

В радиусе двадцати километров вокруг Центрвилла лес был вырублен полностью и пни все уже сгнили. Теперь это была унылая плоская равнина, заросшая фибровником, который под дождем выглядел лохматым и серым. Под защитой его волосатых листьев набирали силу ростки сумаха, карликовых осин и разного кустарника, чтобы потом в свою очередь защищать ростки деревьев. Если эту равнину не трогать, на ней в здешнем мягком дождливом климате за тридцать лет поднимется новый лес, который через сто лет станет таким же могучим, как прежде. Если ее не трогать...

Внезапно внизу снова возник лес — в пространстве, а не во времени: бесконечная разнообразная зелень листьев укрывала

волны холмов Северного Сорноля.

Как и большинство землян на Земле, Любов никогда в жизни не гулял под дикими деревьями, никогда не видел леса, а только парки и городские скверы. В первые месяцы на Аташи лес угнетал его, вызывал тревожную неуверенность — этот бесконечный трехмерный лабиринт стволов, ветвей и листьев, окутанный вечным буровато-зеленоватым сумраком, вызывал у него ощущение удушья. Бесчисленное множество соперничающих жизней, которые, толкая друг друга, устремлялись вширь и вверх к свету, тишина, слагающаяся из мириад еле слышных, ничего не значащих звуков, абсолютное растительное равнодушие к присутствию разума — все это тяготило его, и, подобно остальным землянам, он предпочитал расчистки или открытый морской берег. Но мало-помалу лес начал ему нравиться. Госсе поддразнивал его, называл господином Гиббоном. Любов и правда чем-то напоминал гиббона: круглое смуглое лицо, длинные руки, преждевременно поседевшие волосы. Только гиббоны давно вымерли. Но нравился ему лес или нет, как специалист по врасу он обязан был уходить туда в поисках врасу. И теперь, четыре года спустя, он чувствовал себя среди деревьев как дома — пожалуй даже, нигде ему не было так легко и спокойно.

Теперь ему нравились и названия, которые атшияне давали своим островам и селениям, звучные двухсложные слова: Сорноль, Тунтар, Эшрет, Эшсен (на его месте вырос Центрвилл), Эндтор, Абтан, а главное — Атши, слово, обозначавшее и «лес», и «мир». Точно так же слово «земля» на земных языках обозначало и почву, и планету — два смысла и единый смысл. Но для атшиян почва, земля не была тем, куда возвращаются умершие и чем живут живые — основой их мира была не земля, а лес. Землянин был прахом, красной глиной. Атшиянин был веткой и корнем. Они не вырезáли своих изображений из камня — только из дерева.

Он посадил вертолет на полянке севернее Тунтара и направился туда мимо Женского Дома. Его обдало острыми запахами атшийского селения — древесный дым, копченая рыба, ароматические травы, пот другой расы. Воздух подземного жилища, куда землянин мог заползти лишь с трудом, представлял собой невероятную смесь углекислого газа и разнообразной вони. Любов провел немало интелектуально упоительных часов, скорчившись в три погибели и задыхаясь в смрадном полумраке Мужского Дома Тунтара. Но на этот раз вряд ли можно было надеяться, что его пригласят туда.

Разумеется, тунтарцы знают о том, что произошло в Лагере Смита полтора месяца назад. И конечно, узнали об этом почти немедленно — вести облетают острова с поразительной быстротой, хотя и не настолько быстро, чтобы можно было всерьез говорить о «таинственной телепатической силе», в которую так охотно верили лесорубы. Знают они и о том, что тысяча двести рабов в Центрвилле были освобождены вскоре после резни в Лагере Смита, и Любов согласился с опасениями полковника Донга, что аборигены сочтут второе событие след-

ствием первого. Это действительно, как выразился полковник Донг, «могло создать неверное впечатление». Но что за важность! Важно другое — рабов освободили. Исправить причиненное зло было невозможно, но оно хотя бы осталось в прошлом. Можно начать заново: аборигенов уже не будет угнетать тягостное недоумение, почему «ловеки» обходятся с людьми, как с животными, а он освободится от жестокой необходимости подыскив ть никого не убеждающие объяснения и от грызущего ощущения непоправимой вины.

Зная, как они ценят откровенность и прямоту, когда дело касается чего-либо страшного или неприятного, он ждал, что тунтарцы будут обсуждать с ним случившееся — торжествуя или виновато, радуясь или растерянно. Но никто не говорил с ним об этом. С ним вообще почти никто не говорил.

Он прилетел в Тунтар под вечер, что в земном городе соответствовало бы утренней заре. Вопреки убеждению колонистов, которые, как это часто бывает, предпочитали выдумки реальным фактам, атшияне спали, и спали по-настоящему, но физиологический спад у них наступал днем, между полуднем и четырьмя часами, а не между двумя и пятью часами ночи, как у землян. Кроме того, в их суточном цикле были два пика повышения температуры и повышенной жизнедеятельности — в рассветных и в вечерних сумерках. Большинство взрослых спало по ть-шесть часов в сутки, но с перерывами, а опытные сновидцы обходились двумя часами сна. Вот почему люди, считавшие краткие периоды как обычного, так парадоксального сна всего лишь «ленью» утверждали, будто аборигены вообще ни когда не спят. Думать так было гораздо проще, чем разби раться, что происходит на самом деле. И в эту пору Тунтар только-только оживлялся после предвечерней дремоты.

Любов заметил, что среди встречных он многих дит впервые. Они оглядывались на него, но ни один нему не подошел. Это были просто тени, мелькавшие на других тропинках в полутьме под могучими дубами. Наконец он увидел знакомое лицо — по его тропинке шла Шеррар, двоюродная сестра Старшей Хозяйки, бестолковая старушонка которая в селении ничего не значила. Она вежливо ним поздоровалась, но не смогла — или не захотела — внятно ответить на его расспросы о Старшей Хозяйке и двух его обычных собеседниках: Эгате, хранителе сада, и Тубабе, Сновидце. Старшая Хозяйка сейчас очень занята, и про какого Эгата он спрашивает? Наверное, про Гебана? Ну, а Тубаб, может, тут, а может, и не тут. Она буквально вцепилась в Любова, и никто больше к нему не подходил. Всю дорогу через поля и рощи Тунтара она ковыляла рядом с ним, все время на что-то жалуясь, а когда они приблизились к Мужскому Дому, сказала:

— Там все заняты.

— Ушли в сны?

— Откуда мне знать? Иди-ка, Любов, иди посмотри... — Она знала, что он всегда просит что-нибудь ему показать, но не могла придумать, чем бы его заинтересовать, чтобы увести

отсюда.— Иди посмотри сети для рыбы,— закончила она неуверенно.

Проходившая мимо девушка, одна из молодых охотниц, посмотрела на него — это был хмурый взгляд, полный враждебности. Так на него еще никто из атшиян не смотрел, кроме разве что малышей, испугавшихся его роста и безволосого лица. Но девушка не была испугана.

— Ну хорошо, пойдем,— сказал он Шеррар.

Иного выхода, кроме мягкости и уступчивости, у него нет, решил он. Если у атшиян действительно вдруг возникло чувство групповой враждебности, он должен смириться с этим и просто попытаться показать им, что он по-прежнему их верный и надежный друг.

Но как могли столь мгновенно измениться их мироощущение, их мышление, которые так долго оставались стабильными? И почему? В Лагере Смита воздействие было прямым и нестерпимым: жестокость Дэвидсона способна вынудить к сопротивлению даже атшиян. Но это селение, Тунтар, земляне никогда не трогали, его обитателей не уводили в рабство, их лес не выжигали и не рубили. Правда, здесь бывал он, Любов — антропологу редко удается не бросить собственную тень на картину, которую он рисует,— но с тех пор прошло больше двух месяцев. Они знают, что случилось в Лагере Смита, у них поселились беженцы, бывшие рабы, которые, конечно, рассказывают о том, чего они натерпелись от землян. Но могут ли известия из дальних мест, слухи и рассказы с такой силой воздействовать на тех, кто узнает о случившемся только из вторых рук, чтобы настолько радикально изменилась самая сущность их натуры? Ведь отсутствие агрессивности заложено в атшиянах очень глубоко: и в их культуре, и в структуре их общества, и в их подсознании, которое они называют «явью снов», и, может быть, даже в их физиологии. То, что зверской жестокостью можно спровоцировать атшиянина на попытку убить, он знает: он был свидетелем этого — один раз. В то, что столь же невыносимая жестокость может оказать такое же воздействие на разрушенную общину, он вынужден поверить — это произошло в Лагере Смита. Но чтобы рассказы и слухи, пусть даже самые страшные и потрясающие, могли возмутить нормальную общину атшиян до такой степени, что они начали действовать наперекор своим обычаям и мировоззрению, полностью отступив от привычного образа жизни,— в это он поверить не способен. Это психологическая несостоятельность. Тут недостает какого-то фактора, о котором он ничего не знает.

В ту секунду, когда Любов поравнялся с входом в Мужской Дом, оттуда появился старый Тубаб, а за ним — Селвер.

Селвер выбрался из входного отверстия, выпрямился и на мгновение зажмурился от приглушенного листвой, затуманенного дождем дневного света. Он поднял голову и взгляд его темных глаз встретился со взглядом Любова. Не было сказано ни слова. Любова пронизал страх.

И теперь в вертолете на обратном пути, анализируя причину

шока, он спрашивал себя: «Откуда этот испуг? Почему Селвер вызвал у меня страх? Безотчетная интуиция или всего лишь ложная аналогия? И то и другое равно иррационально».

Между ними ничто не изменилось. То, что Селвер сделал в Лагере Смита, можно оправдать. Да и в любом случае это ничего не меняло. Дружба между ними слишком глубока, чтобы ее могли разрушить сомнения. Они так увлеченно работали вместе, учили друг друга своему языку — и не только в буквальном смысле. Они разговаривали с абсолютной откровенностью и доверием. А его любовь к Селверу подкреплялась еще и благодарностью, которую испытывает спасший к тому, чью жизнь ему выпала честь спасти.

Собственно говоря, до этой минуты он не отдавал себе отчета, как дорог ему Селвер и как много значит для него эта дружба. Не был ли его страх страхом за себя — опасением, что Селвер, наученный расовой ненависти, отвернется от него, отвергнет его дружбу, что для Селвера он будет уже не «ты», а «один из них»?

Этот первый взгляд длился очень долго, и потом Селвер медленно подошел к Любову и приветливо протянул к нему руки.

У лесных людей прикосновение служило одним из главных средств общения. У землян прикосновение в первую очередь ассоциируется с угрозой, с агрессивными намерениями, а все остальное практически исчерпывается формальным рукопожатием и ласками, подразумевающими тесную близость. У атшиян же существовала сложнейшая гамма прикосновений, несущих коммуникативный смысл. Ласка, как сигнал и ободрение, была для них не менее необходима, чем для матери и ребенка или для влюбленных, но она заключала в себе социальный элемент, а не просто воплощала материнскую или сексуальную любовь. Ласковые прикосновения входили в систему языка, были упорядочены и формализированы, но при этом могли бесконечно варьироваться. «Они все время лапаются!» — презрительно морщились те колонисты, которые привыкли любую человеческую близость сводить только к эротизму, грабя самих себя, потому что такое восприятие обедняет и отравляет любое духовное наслаждение, любое проявление человеческих чувств: слепой гаденький Купидон торжествует победу над великой матерью всех морей и звезд, всех листьев на всех деревьях, всех человеческих движений — над Венерой-Родительницей...

И Селвер, протянув руки, сначала потряс руку Любова по обычаю землян, а потом поглаживающим движением прижал ладони к его локтям. Он был почти вдвое ниже Любова, что затрудняло жесты и придавало им неуклюжесть, но в прикосновении этих маленьких, хрупких, одетых зеленым мехом рук не было ничего робкого или детского. Наоборот, оно ободряло и успокаивало. И Любов очень ему обрадовался.

— Селвер, как удачно, что ты здесь! Мне необходимо поговорить с тобой...

— Я сейчас не могу, Любов.

Его голос был мягким и ласковым, но надежда Любова на

то, что их дружба осталась прежней, сразу рухнула. Селвер изменился. Он изменился радикально — от самого корня.

— Можно, я прилечу еще раз, чтобы поговорить с тобой, Селвер? — настойчиво сказал Любов.— Для меня это очень важно...

— Я сегодня уйду отсюду,— ответил Селвер еще мягче, но отнял ладони от локтей Любова и отвел глаза.

Этот жест в буквальном смысле слова обрывал разговор. Вежливость требовала, чтобы Любов тоже отвернулся. Но это значило бы остаться в пустоте. Старый Тубаб даже не поглядел в его сторону, селение не пожелало его заметить. И вот теперь — Селвер, который был его другом.

— Селвер, эти убийства в Келм-Дева... может быть, ты думаешь, что они встали между нами. Но это не так! Может быть даже, они нас сблизили. А твои соплеменники все освобождены, и значит, эта несправедливость тоже нас больше не разделяет. Но если она стоит между нами, как всегда стояла, так я же... я все тот же, каким был раньше, Селвер.

Атшиянин слозно не услышал. Его лицо с большими глубоко посаженными глазами, сильное, изуродованное шрамами, в маске шелковистой короткой шерсти, которая совершенно точно следовало его контурам и все же смазывала их, это лицо хмуро и упрямо отворачивалось от Любова. Вдруг Селвер оглянулся, словно против воли:

— Любов, тебе не надо было сюда прилетать. И уезжай из Центра не позже, чем через две ночи. Я не знаю, какой ты. Лучше бы мне было никогда тебя не встречать.

И он ушел, шагая упруго и грациозно, словно длинноногая кошка, мелькнул зеленым проблеском среди темных дубов Тунтара и исчез. Тубаб медленно пошел за ним следом, так и не взглянув на Любова. Дождь легкой пылью беззвучно сеялся на дубовые листья, на узкие тропки, ведущие к Мужскому Дому и к речке. Только внимательно вслушиваясь, можно было уловить музыку дождя, слишком многоголосую, чтобы ее воспринять,— единый бесконечный аккорд, извлекаемый из струн всего леса.

— Селвер-то бог,— сказала старая Шеррар.— А теперь иди посмотри сети.

Любов отклонил ее приглашение. Остаться было бы невежливо и недипломатично, да и во всяком случае слишком для него тяжело.

Он пытался убедить себя, что Селвер отвернулся не от него — Любова, но от землянина. Но это не составляло никакой разницы и не могло служить утешением.

Он всегда испытывал неприятное удивление, вновь и вновь убеждаясь, насколько он раним и какую боль испытывает от того, что ему причиняют боль. Он стыдился такой подростковой чувствительности — пора бы уж стать более толстокожим.

Он простился со старушкой, чей зеленый мех сверкал и серебрился дождевой пылью, а она с облегчением вздохнула. Нажимая на стартер, он невольно улыбнулся при виде того, как она ковыляет к деревьям, подпрыгивая от торопливости, словно лягушонок, ускользнувший от змеи.

Качество — это важное свойство, но не менее важно и количество — соотношение размеров. У нормального взрослого тот, кто много меньше его, может вызвать высокомерие, презрительную снисходительность, нежность, желание защитить и опекать или желание дразнить и мучить, но любая из этих реакций будет нести в себе элемент отношения взрослого к ребенку, а не к другому взрослому. Если к тому же такой малыш покрыт мягким мехом, возникнет реакция, которую Любов мысленно назвал «реакцией на плюшевого мишку». А из-за ласковых прикосновений, входящих в систему общения атшиян, она была вполне естественной, хотя по сути неоправданной. И наконец, неизбежная «реакция на непохожесть» — подсознательное отталкивание от людей, которые выглядят непривычно.

Но помимо всего этого атшияне, как и земляне, порой попросту выглядели смешно. Некоторые действительно немного смахивали на лягушек, сов, мохнатых гусениц. Шеррар была не первой старушкой, спина которой вызывала у Любова улыбку...

«В том-то и беда колонии,— думал он, взлетая и глядя, как Тунтар и его облетевшие плодовые сады тонут в море дубов.— У нас нет старух. Да и стариков тоже, если не считать Донга, но и ему не больше шестидесяти. А ведь старухи — явление особое: они говорят то, что думают. Атшиянами управляют старухи — в той мере, в какой у них вообще существует управление. Интеллектуальная сфера принадлежит мужчинам, сфера практической деятельности — женщинам, а этика рождается из взаимодействия этих двух сфер. В этом есть своя прелесть, и такое устройство себя оправдывает — во всяком случае, у них. Вот бы департамент догадался вместе с этими пышногрудыми соблазнительными девицами прислать еще двух-трех бабушек! Например, та девочка, с которой я ужинал позавчера: и очаровательная любовница и вообще очень мне мила, но — боже мой! — она найдет, что сказать мужчине интересного и дельного, не раньше, чем через сорок лет»...

И все это время за мыслями о старых женщинах и о молодых женщинах пряталось потрясение, интуитивная догадка, никак не желавшая всплыть на поверхность.

Надо выяснить это для себя до возвращения в штаб.

Селвер... Так что же Селвер?

Да, он, конечно, видит в нем ключевую фигуру. Но почему? Потому ли, что близко его знает, или потому, что в его личности кроется особая сила, которую он, Любов, не оценил — во всяком случае сознательно?

Нет, неправда. Он очень скоро понял исключительность Селвера. Тогда Селвер был «Сэмом», слугой трех офицеров, живших вместе во времянке. Бенсон еще хвастал, какой у них хороший пискун и как отлично они его выдрессировали.

Многие атшияне, и особенно сновидцы из Мужских Домов, не могли приспособить свою двойную систему сна к земной. Если для нормального сна они вынуждены были использовать ночь, это нарушало ритм парадоксального сна, стодвадцатиминутный цикл которого, определявший их жизнь и днем и ночью,

никак не укладывался в земной рабочий день. Стоит научиться видеть сны наяву, уравновешивая свою психику не на одном только узком лезвии разума, но на двойной опоре разума и сновидений, стоит обрести такую способность, и она остается у вас навсегда: разучиться уже невозможно, как невозможно научиться мыслить. А потому очень многие обращенные в рабство мужчины утрачивали ясность сознания, тупели, замыкались в себе, даже впадали в кататоническое состояние. Женщины, растерянные, удрученные, проникались вялым и угрюмым безразличием, которое обычно для тех, кто внезапно лишился свободы. Легче приспосабливались мужчины, так и не ставшие сновидцами или ставшие ими недавно. Они усердно трудились на лесоразработках или из них выходили умелые слуги. К этим последним относился Сэм — добросовестный безликий слуга, повар, прачка, дворецкий и козел отпущения для трех своих хозяев. Он научился быть невидимым и неслышимым. Любов забрал Сэма к себе для получения этнологических сведений и благодаря странному внутреннему сходству между ними сразу же завоевал его доверие. Сэм оказался идеальным источником этнологической информации: он был глубоко осведомлен в обычаях своего народа, понимал их внутренний смысл и легко находил пути, чтобы истолковать их, наставить в них Любова, перекидывая мост между двумя языками, между двумя культурами, между двумя видами рода «человек».

Любов уже два года странствовал, изучал, расспрашивал, наблюдал, но так и не сумел найти ключа к психологии атшиян. Он даже не знал, где искать замок. Он изучал систему сна атшиян и не мог нащупать никакой системы. Он присоединял бесчисленные электроды к бесчисленным пушистым зеленым головам и не находил ни малейшего смысла в привычных бегущих линиях — в кривых, зубцах, альфах, дельтах и тэтах, которые запечатлевались на графиках. Только благодаря Селверу он, наконец, понял смысл атшийского слова «сновидение», означавшего, кроме того, «корень», и получил таким образом из его рук ключ к вратам в царство лесных людей. Именно на энцефалограмме Селвера он впервые осознанно рассматривал необычные импульсы мозга, «уходящего в сон». Эту фазу нельзя было назвать ни сном, ни бодрствованием, и со снами землян она сопоставлялась примерно так же, как Парфенон с глинобитной хижиной — суть одна, но совсем иные сложность, качество и соразмерность.

Ну, так что же? Что же еще?

Селвер легко мог бы уйти в лес. Но он оставался — сначала как слуга, а потом (благодаря одной из немногих привилегий, который давало Любову его положение специалиста) как научный ассистент — что, впрочем, не мешало запирать его на ночь вместе с остальными пискунами в загоне («помещении для добровольно завербовавшихся автохтонных рабочих»). «Давай я увезу тебя в Тунтар и мы будем продолжать наши занятия там,— предложил Любов, когда в третий раз говорил с Селвером.— Ну, для чего тебе оставаться здесь?» Селвер ответил:

«Здесь моя жена Теле». Любов попытался добиться ее освобождения, но она работала в штабной кухне, а командовавшие там сержанты ревниво относились ко всякому вмешательству «начальничков» и «специалов». Любову приходилось соблюдать величайшую осторожность, чтобы они не выместили свою злость на атшиянке. И Теле, и Селвер, казалось, готовы были терпеливо ждать часа, когда они сумеют вместе бежать или вместе получат свободу. Пискуны разного пола содержались в разных половинах загона, полностью изолированных друг от друга (почему — никто толком объяснить не мог), и муж с женой виделись редко. Любову, который жил один, иногда удавалось устраивать им свидание у себя в коттедже на северной окраине поселка. Когда Теле возвращалась после одного такого свидания в штаб, она попалась на глаза Дэвидсону и, по-видимому, привлекла его внимание хрупкостью и пугливой грациозностью. Вечером он затребовал ее в свой коттедж и изнасиловал.

Возможно, ее убила физическая травма, а может быть, она оборвала свою жизнь силой самовнушения — на это бывали способны и некоторые земляне. В любом случае ее убил Дэвидсон. Подобные убийства случались и раньше. Но так, как поступил Селвер на второй день после ее смерти, не поступал еще ни один атшиянин.

Любов застал только самый конец. Он снова вспомнил крики, вспомнил, как опрометью бежал по Главной улице под палящим солнцем, вспомнил пыль, плотное людское кольцо... Драка длилась минут пять — долгое время, если дерутся насмерть. Когда Любов подбежал к ним, Селвер, ослепленный собственной кровью, был уже игрушкой в руках Дэвидсона, но все-таки он встал и снова бросился на капитана — не в яростном безумии, но с холодным бесстрашием полного отчаяния. Он падал и вставал, падал и вставал. И, напуганный этим страшным упорством, обезумел от ярости Дэвидсон — швырнув Селвера на землю ударом в скулу, он шагнул вперед и поднял ногу в тяжелом башмаке, чтобы размозжить ему голову. И вот в эту секунду в круг ворвался Любов. Он остановил Дэвидсона — десять человек, с интересом наблюдавшие за дракой, успели устать от этого избиения и поддержали Любова. С тех пор он возненавидел Дэвидсона, а Дэвидсон возненавидел его, потому что он встал между убийцей и смертью убийцы.

Ибо убийство — это всегда самоубийство, но в отличие от всех тех, кто кончает самоубийством, убийца всегда стремится убивать себя снова, и снова, и снова.

Любов подхватил Селвера на руки, почти не чувствуя его веса. Изуродованное лицо прижалось к его плечу, и кровь промочила рубашку насквозь. Он унес Селвера к себе в коттедж, перебинтовал его сломанную руку, обработал, как умел, раны на лице, уложил в собственную постель и ночь за ночью пытался разговаривать с ним, пытался разрушить стену горя и стыда, которой тот окружил себя. Конечно, все это было прямым нарушением правил и инструкций.

О правилах и инструкциях никто ему не напоминал. Зачем? Он и так знал, что в глазах офицеров колонии окончательно теряет всякое право на уважение.

До этого случая он старался не восстанавливать против себя штаб и протестовал только против явных жестокостей по отношению к аборигенам, стараясь убеждать, а не требовать, чтобы не утратить хотя бы той жалкой власти и влияния, какие были сопряжены с его должностью. Воспрепятствовать эксплуатации атшиян он не мог. Положение было гораздо хуже, чем он представлял себе, отправляясь сюда, когда в его распоряжении были только теоретические сведения. И от него зависело так мало! Его доклады департаменту и комиссии по соблюдению Колониального кодекса могли — после пятидесяти четырех лет пути туда и обратно — возыметь какое-то действие. Земля даже могла решить, что открытие Атши для колонизации было ошибкой. И уж лучше через пятьдесят четыре года, чем никогда! А если он восстановит против себя здешнее начальство, его доклады будут пропускаться только частично или вовсе не пропускаться, и тогда уж надежды не останется никакой.

Но теперь гнев заставил его забыть про тактику осторожности. К черту их всех, раз, по их мнению, заботясь о своем друге, он оскорбляет матушку-Землю и предает колонию! Если к нему прилипнет кличка «пискуний приспешник», ему станет еще труднее защищать атшиян, но он был не в силах поставить теоретическую общую пользу выше спасения Селвера, который без него неминуемо погиб бы. Ценой предательства друга нельзя спасти никого. Дэвидсон, которого вмешательство Любова и синяки, полученные от Селвера, ввергли в совершенно необъяснимую ярость, твердил всем и каждому, что еще прикончит взбесившегося пискуна, и, несомненно, при первом удобном случае привел бы свою угрозу в исполнение. И Любов в течение двух недель не отходил от Селвера ни на минуту, а потом на вертолете увез его на западное побережье, в селение Бротер, где жили его родичи.

За помощь рабу в побеге никаких наказаний предусмотрено не было, поскольку атшияне были рабами не по имени, а лишь на деле — назывались же они Рабочим корпусом аборигенов-добровольцев. Любов не получил даже устного выговора, однако с этого времени кадровые офицеры полностью перестали ему доверять, и даже его коллеги из специальных служб — ксенобиолог, координаторы сельского и лесного хозяйства, экологи — разными способами дали ему понять, что он вел себя неразумно, по-донкихотски или как последний идиот. «Неужели вы рассчитывали, что тут будут одни розы?» — раздраженно спросил Госсе. «Нет, я не думал, что тут будут розы»,— отрезал он тогда, а Госсе продолжал: «Не понимаю специалистов по врасу, которые по своей воле едут служить на планеты, открытые для колонизации! Вы же знаете, что народность, которую вы собираетесь изучать, будет ассимилирована, а возможно, и полностью уничтожена. Это объективная реальность. Такова человеческая природа, и уж вы-то должны знать, что изменить ее вам не под силу. Так зачем же ставить себя перед необходимостью наблюдать этот процесс? Любовь к самоистязанию?» А он крикнул: «Я не знаю, что вы называете «человеческой

природой»! Может быть, именно она требует описывать то, что мы уничтожаем. И разве экологу много легче?» Госсе пропустил это мимо ушей. «Ну, ладно, составляйте свои описания. Но держитесь в стороне. Зоолог, изучающий крысиное общество, не вмешивается и не спасает своих любимиц, если они подвергаются нападению!» И вот тут он сорвался. Этого он стерпеть уже не мог. «Да, конечно,— ответил он.— Крыса может быть любимицей, но не другом. А Селвер — мой друг. Если на то пошло, он — единственный человек на планете, которого я считаю своим другом!» Это глубоко обидело беднягу Госсе, которому нравилось играть роль опекуна и наставника, и никому никакой пользы не принесло. Тем не менее это была истина. А в истине ты обретаешь свободу... «Я люблю Селвера, уважаю его, я спас его, я страдал вместе с ним, я боюсь его. Селвер — мой друг».

А Селвер-то — бог!

Зеленая старушонка произнесла эти слова так, словно говорила о чем-то общеизвестном, так, как сказала бы, что такой-то — охотник. «Селвер — ша'аб». Но что, собственно, значит «ша'аб»? Многие слова женской речи, повседневного языка атшиян, были заимствованы из мужской речи — языка, одинакового во всех общинах, и эти слова часто не только бывали двухсложными, но и имели двойной смысл. Точно у монет — аверс и реверс. «Ша'аб» значит «бог», или «дух-покровитель», или «могучее существо». Однако у него есть и совсем другое значение, но какое же?

К этому времени Любов уже успел вернуться в свой коттедж, и ему достаточно было снять с полки словарь, который они с Селвером составили ценой четырех месяцев изнурительной, но удивительно дружной работы. Ну да, конечно: «ша'аб» — переводчик.

Слишком уж укладывается в схему слишком уж противоположный смысл.

Связаны ли эти два значения? Двойной смысл подобных слов довольно часто имел внутреннюю связь, однако не настолько часто, чтобы это можно было считать правилом. Но если бог — переводчик, что же он переводит? Селвер действительно оказался талантливым толмачом, но этот дар нашел применение только благодаря тому, что на планете появился язык, чужой для ее обитателей — обстоятельство новое и непредвиденное. Может быть, ша'аб переводит язык сновидений и философии, мужскую речь на повседневный язык? Но это делают все сновидцы. Или же он — тот, кто способен перенести в реальную жизнь пережитое в сновидении? Тот, кто служит соединительным звеном между явью снов и явью мира? Атшияне считают их двумя равноправными реальностями, но связь между ними, хотя и решающе важная, остается неясной. Звено — тот, кто способен облекать в слова образы подсознания. «Говорить» на этом языке означает действовать. Сделать что-то новое. Изменить что-то или измениться самому — радикально, от корня. Ибо корень — это сновидение.

И такой переводчик — бог. Селвер добавил к речи своих соплеменников новое слово. Он совершил новое действие. Это слово, это действие — убийство. Только богу дано провести такого пришельца, как Смерть, по мосту между явью и явью.

Но научился ли он убивать себе подобных в снах горя и гнева или его научило увиденное наяву поведение чужаков? Говорил ли он на своем языке или на языке капитана Дэвидсона? То, что словно бы коренилось в его собственных страданиях и выражало перемену в его собственном существе, на самом деле могло быть заразой, чумой с другой планеты и нести его соплеменникам не обновление, а гибель.

Вопрос «что я мог бы сделать?» был внутренне чужд Раджу Любову. Он всегда избегал вмешиваться в дела других людей — этого требовали и его характер и каноны его профессии. Как специалист, он должен был установить, что именно они делают, а дальше — пусть как сами знают. Он предпочитал, чтобы просвещали его, а не просвещать самому, предпочитал искать факты, а не Истину с большой буквы. Но даже и тот, кто полностью лишен миссионерских склонностей, если только он не делает вид, будто полностью лишен и эмоций, порой вынужден выбирать между действием и бездействием. Вопрос «что делают они?» внезапно превращается в «что делаем мы?», а затем в «что должен делать я?».

Он знал, что для него настала минута такого выбора, хотя и не отдавал себе ясного отчета, почему и какой ему предложен выбор.

Теперь он больше ничем не мог содействовать спасению атшиян: Лепеннон, Ор и ансибл уже сделали гораздо больше, чем успел бы сделать он за всю свою жизнь. Инструкции, поступавшие с Земли по ансиблу, были абсолютно четкими, и полковник Донг строго их придерживался, хотя руководители лесоразработок и настаивали, что выполнять их не следует. Он был честным и добросовестным офицером, а кроме того, «Шеклтон» вернется и проверит, как выполняются приказы. С появлением ансибла, этой machina ex machina*, прежней уютной колониальной автономии пришел конец. Теперь донесения на Землю обрели реальное значение, и человек нес ответственность за свои поступки еще при жизни. Отсрочки в пятьдесят четыре года больше не существовало. Колониальный кодекс утратил статичность. Лига Миров может в любой момент принять решение, и колония будет ограничена одним островом, или будет запрещена рубка деревьев, или будет поощряться истребление аборигенов — как знать? Директивные указания Земли пока еще не позволяли догадаться, как функционирует Лига и какой будет ее политика. Донга тревожил избыток возможностей, но Любов ему радовался. В разнообразии заключена жизнь, а где есть жизнь, там есть и надежда — таким было его кредо, бесспорно, весьма скромное.

---

* Буквально «машина из машины» — перефразировка латинского выражения «deus ex machina» — «бог из машины», означающего внезапное и чудодейственное разрешение всех трудностей.— *Прим. перев.*

Колонисты оставили атшиян в покое, а те оставили в покое колонистов. Вполне терпимое положение вещей, и нарушать его без нужды не стоит. А нарушить его, пожалуй, может только страх.

Атшияне, конечно, не доверяют колонистам, прошлое по-прежнему их возмущает, но страха они как будто испытывать не должны. Ну, а паника в Центрвилле, вызванная резней на острове Смита, улеглась, и с тех пор не случилось ничего, что могло бы вновь ее возбудить. Со стороны атшиян больше не было ни одного проявления враждебности, а так как после освобождения рабов все «пискуны» ушли в леса, прекратилось и постоянное подсознательное воздействие ксенофобии. И колонисты мало-помалу расслабляются.

Если сообщить, что в Тунтаре он видел Селвера, это неминуемо встревожит Донга и прочих. Они могут даже попытаться захватить его и предать суду. Колониальный кодекс запрещает привлекать члена одного планетарного сообщества к ответственности по законам другой планеты, однако военный суд такими тонкостями не интересуется. Они вполне способны судить Селвера, признать его виновным и расстрелять. В качестве свидетеля с Новой Явы привезут Дэвидсона. «Ну, нет! — подумал Любов, засовывая словарь на место.— Ну, нет!» — и перестал об этом думать. Так он сделал свой выбор, даже не заметив этого.

На следующий день он представил краткий отчет о своей поездке: обстановка в Тунтаре нормальная, его беспрепятственно допустили туда, ему никто не угрожал. Это был весьма успокоительный отчет, и самый неточный в жизни Любова. В нем не упоминалось ни о чем действительно существенном — ни о том, что Старшая Хозяйка к нему не вышла, а Тубаб с ним не поздоровался, ни о появлении там большого числа чужих, ни о выражении лица молодой охотницы, ни о присутствии Селвера... Бесспорно, это последнее он утаил, но в остальном отчет точно следовал фактам, решил Любов. Он опустил только субъективные впечатления, как и полагается ученому. Пока он писал отчет, голова у него раскалывалась от боли, а когда он представил его в штаб, боль стала невыносимой.

Ночью ему без конца что-то снилось, но утром он не мог вспомнить ни одного сна. На вторую ночь после возвращения из Тунтара, проснувшись от истерических воплей сирены и грохота взрывов, он наконец взглянул правде в глаза: он—единственный человек в Центрвилле, который ожидал этого, он — предатель.

Но даже и теперь он не был до конца уверен, что атшияне действительно напали. Просто в ночном мраке творилось что-то ужасное.

Его коттедж был цел и невредим — возможно, потому, что окружен деревьями, подумал он, выбегая наружу. Центр города горел. Даже бетонный куб штаба внутри весь пылал, точно литейная печь. А там — ансибл, бесценное связующее звено. Пожары полыхали и в той стороне, где находился вертолетный ангар, и на космодроме. Откуда у них взрывчатка? Каким образом сразу вспыхнуло столько пожаров? Все деревянные дома по обеим сторонам Главной улицы горели. Рев огня нарастал,

становился все страшнее. Любов побежал туда. Под ногами была вода. От пожарных насосов? И тут же он сообразил, что лопнула водопроводная труба, проложенная до реки Менсид, и вода растекается по земле, пока жуткое воющее пламя пожирает дома. Как они сумели? Куда делась охрана? На космодроме всегда дежурит охрана в джипах... Выстрелы, залпы, атоматная очередь... Вокруг повсюду мелькали маленькие фигуры, но он бежал среди них и почти их не замечал. Поравнявшись с гостиницей, он увидел в дверях девушку. Позади нее плясали огненные языки, но путь на улицу был свободен. И все же она стояла не двигаясь. Он окликнул ее, потом кинулся через двор, оторвал ее руки от косяка, в который она намертво вцепилась, и потащил за собой, повторяя негромко и ласково:

— Иди же, девочка! Ну, иди же!

Она наконец послушалась, но слишком поздно. Стена верхнего этажа, озаренная изнутри огнем, не выдержала напора рушащейся крыши и медленно наклонилась вперед. Угли, головни, пылающие стропила вылетели наружу, точно шрапнель. Падающая балка задела Любова горящим концом и сбила с ног. Он лежал ничком в багровеющем озере грязи и не видел, как на девушку прыгнула маленькая зеленая охотница, опрокинула на спину, перерезала горло. Он ничего не видел.

6 В эту ночь не была пропета ни одна песня. Только крики и молчание. Когда запылали небесные лодки, Селвер обрадовался, и на его глазах выступили слезы, но слов не было. Он молча отвернулся, сжимая тяжелый огнемет, и повел свой отряд назад в город.

Все отряды с запада и с севера вели бывшие рабы вроде него — те, кому приходилось служить ловекам в Центре, так что они знали там все дороги и жилища.

В этих отрядах почти никто прежде не видел селений ловеков, а многие и самих ловеков никогда не видели. Они пришли потому, что их вел Селвер, потому, что их гнали плохие сны, и только Селвер знал, как с этими снами совладать. Сотни и сотни мужчин и женщин ждали в глубокой тишине вокруг города, пока бывшие рабы по двое и по трое делали то, что нужно было сделать сначала — разбили главную водопроводную трубу, перерезали провода, которые несли свет от электростанции, проникли в арсенал и унесли оттуда все необходимое. Первые враги, часовые, были убиты быстро и бесшумно, в темноте, с помощью обычного охотничьего оружия — петли, ножа, лука. Динамит, украденный еще вечером из лесного лагеря в пятнадцати километрах к югу, был заложен в арсенале под штабом, дома облиты огненным веществом и подожжены. Тут завыла сирена, забушевал огонь, и ночь исчезла вместе с тишиной. С грохотом, точно от грома и валящихся деревьев, стреляли почти только ловеки — оружием, захваченным в арсенале, пользовались одни лишь бывшие рабы, а остальные предпочли собственные копья, ножи и луки. Но весь этот шум утонул в оглушительном реве, когда рухнули стены штаба и ангары с небесными лодками. Это взорвался динамит, который заложили и за-

палили Резван и те, кому пришлось работать в лагерях лесорубов.

В селении в эту ночь было около тысячи семисот ловеков, из них пятьсот самок, так как, по слухам, ловеки свезли сюда всех своих самок. Потому-то Селвер и остальные решили начать, хотя еще не все люди, которые хотели быть с ними, успели добраться до Сорноля. Почти пять тысяч мужчин и женщин пришли через леса в Эндтор на Общую Встречу, а оттуда — в это место, в эту ночь.

Пожары полыхали все сильнее, и воздух стал тяжелым от запаха гари и крови.

Рот Селвера пересох, в горле саднило, он не мог выговорить ни слова и мечтал о глотке воды. Он вел свой отряд по средней тропе селения ловеков, один из них кинулся ему навстречу — в дымном багровом сумраке он казался огромным. Селвер поднял огнемет и оттянул защелку в ту самую секунду, когда ловек поскользнулся в жидкой грязи и рухнул на колени. Но из огнемета не вырвалась шипящая струя пламени — оно все было истрачено на небесные лодки, стоявшие в стороне от ангаров. Селвер уронил тяжелый баллон. Ловек был без оружия, и он был самцом. Селвер попытался сказать: «Не трогайте его, пусть бежит», но у него не хватило голоса, и двое охотников из Абтамских Полян прыгнули вперед, подняв длинные ножи. Большие безволосые руки взметнулись вверх и вяло опустились. Огромный труп бесформенной грудой преградил им дорогу. Тут, где прежде был центр селения, валялось много других мертвецов. По-прежнему с треском рушились горящие стены, ревел огонь, но остальные звуки затихли.

Селвер с трудом разомкнул губы и хрипло испустил клич сбора, завершающий охоту. Те, кто был с ним, подхватили клич громко и пронзительно. Вдали и вблизи в мутной, смрадной, пронизанной огненными всполохами ночной мгле раздались ответные крики. Вместо того чтобы увести своих людей из селения, Селвер сделал им знак уходить, а сам сошел на полосу грязи между тропой и жилищем, которое сгорело и обрушилось. Он перешагнул через мертвую ловечку и нагнулся над ловеком, прижатым к земле обугленным бревном. В темноте было трудно разглядеть уткнувшееся в грязь лицо.

Это было несправедливо, ненужно! Почему, когда вокруг столько других мертвецов, ему понадобилось нагнуться над этим? И ведь в темноте он мог бы его не узнать! Селвер повернулся и пошел вслед за своим отрядом, потом бросился назад, приподнял бревно со спины Любова, напрягая все силы, сдвинул его, упал на колени и подсунул ладонь под тяжелую голову. Казалось, что так Любову легче лежать — земля уже не касалась его лица. И Селвер, не вставая с колен, застыл в неподвижности.

Он не спал четверо суток, а в сны не уходил еще дольше — он не помнил, насколько дольше. С тех пор, как он ушел из Бротера с теми, кто последовал за ним из Кадаста, он дни и ночи напролет действовал, говорил, обходил селения, составлял планы. В каждом селении он говорил с лесными людьми, объяснял им новое, звал из яви снов в явь мира, готовил то, что

произошло в эту ночь,— говорил, без конца говорил и слушал, как говорят другие. И ни минуты молчания, ни минуты одиночества. Они слушали, они услышали и последовали за ним по новой тропе. Они взяли в руки огонь, которого всегда боялись, взяли власть над плохими снами и выпустили на врагов смерть, которой всегда страшились. Все было сделано так, как он говорил. Все произошло так, как он сказал. Мужские Дома и жилища ловеков сожжены, их небесные лодки сожжены или разбиты, их оружие украдено или уничтожено, и все их самки перебиты. Пожары догорали, пропахший дымом ночной мрак стал смоляным. Селвер уже ничего не видел вокруг и посмотрел на восток, не занимается ли заря. Стоя на коленях в жидкой грязи среди мертвецов, он думал: «Это сон, плохой сон. Я думал повести его, но он повел меня».

И во сне он почувствовал, что губы Любова шевельнулись, задели его ладонь. Селвер посмотрел вниз и увидел, что глаза мертвого открылись. В них отразилось гаснущее зарево пожаров. Потом он назвал Селвера по имени.

— Любов, зачем ты остался тут? Я ведь говорил тебе, чтобы ты на эту ночь улетел из города,— так сказал во сне Селвер. Или даже крикнул, словно сердясь на Любова.

— Тебя взяли в плен? — спросил Любов еле слышно, не приподняв головы, но таким обычным голосом, что Селверу на миг стало ясно: это не явь сна, а явь мира, лесная ночь. Или меня?

— Не тебя и не меня, нас обоих... откуда мне знать? Все машины и аппараты сожжены. Все женщины убиты. Мужчинам мы давали убежать, если они хотели убежать. Я сказал, чтобы твой дом не поджигали, и книги будут целы. Любов, почему ты не такой, как остальные?

— Я такой, как они. Я человек. Как каждый из них. Как ты.

— Нет. Ты не похож...

— Я такой, как они. И ты такой. Послушай, Селвер. Остановись. Не продолжай убивать других людей. Ты должен вернуться... к своим... к собственным корням.

— Когда твоих соплеменников здесь больше не будет, плохой сон кончится.

— Теперь же...— сказал Любов и попытался приподнять голову, но у него был перебит позвоночник. Он поглядел снизу вверх на Селвера и открыл рот, чтобы заговорить. Его взгляд скользнул в сторону и уставился в другую явь, а губы остались открытыми и безмолвными. Дыхание присвистнуло у него в горле.

Они звали Селвера по имени, много далеких голосов, звали снова и снова.

— Я не могу остаться с тобой, Любов,— плача, сказал Селвер, не услышал ответа, встал и попробовал убежать. Но сквозь темноту сна он смог двигаться только медленно-медленно, словно по пояс в воде. Впереди шел Дух Ясеня, выше Любова, выше всех других ловеков, высокий, как дерево — шел и не поворачивал к нему белой маски. На ходу Селвер разговаривал с Любовым.

— Мы пойдем назад,— сказал он.— Я пойду назад. Теперь же. Мы пойдем назад теперь же, обещаю тебе, Любов!

Но его друг такой добрый, тот, кто спас ему жизнь и предал

его сон, Любов ничего не ответил. Он шел где-то во мраке совсем рядом, невидимый и неслышимый, как смерть.

Группа тунтарцев наткнулась в темноте на Селвера — он брел, спотыкаясь, плакал и что-то говорил, весь во власти сна. Они увели его с собой в Эндтор.

Там два дня и две ночи он лежал, беспомощный и безумный, в наспех сооруженном Мужском Доме — шалаше на речном берегу. За ним ухаживали старики, а люди все приходили и приходили в Эндтор и снова уходили, возвращались на Место Эшсена, которое одно время называлось Центром, хоронили своих убитых и убитых ловеков — своих было более трехсот, тех больше семисот. Около пятисот ловеков было заперто в бараках загона, который не сожгли, потому что он стоял пустой и в стороне. Примерно стольким же ловекам удалось убежать: часть добралась до лагерей лесорубов на юге, которые нападению не подверглись, остальные притаились в лесу или в Вырубленных Землях, и там их продолжали разыскивать. Некоторых убивали, потому что многие молодые охотники и охотницы все еще слышали только голос Селвера, зовущий: «Убивайте их!» Другие отогнали от себя Ночь Убивания, словно кошмар, словно плохой сон, который нужно понять, чтобы он больше никогда не повторился. И, обнаружив в чаще измученного жаждой ослабевшего ловека, они были не в силах его убить. И может быть, он убивал их. Некоторые ловеки собирались вместе. Такие группы из десяти-двадцати ловеков были вооружены топорами для рубки деревьев и пистолетами, хотя зарядов у них почти не было. Их выслеживали, окружали большими отрядами, а потом захватывали, связывали и уводили назад в Эшсен. За два-три дня их переловили всех, потому что эта область Сорноля кишела лесными людьми: ни один старик не помнил, чтобы столько народу собиралось когда-нибудь в одном месте — даже вполовину, даже в десять раз меньше. И люди все еще продолжали приходить из дальних селений, с других Островов. А некоторые ушли домой. Захваченных ловеков запирали с остальными в загоне, хотя они там уже еле помещались, а жилища были для них слишком низки и тесны. Их поили, два раза в день задавали им корм, а вокруг день и ночь несли стражу двести вооруженных охотников.

Под вечер после Ночи Эшсена с востока, треща, прилетела небесная лодка и пошла вниз, словно собираясь сесть, а потом взмыла вверх, точно хищная птица, промахнувшаяся по добыче, и начала кружиться над разрушенным причалом небесных лодок, над дымящимися развалинами, над Вырубленными Землями. Резван проследил, чтобы все радио были разбиты, и, возможно, небесную лодку с Кушиля или Ризуэла, где находились три небольших селения ловеков, заставило прилететь сюда именно молчание этих радио. Пленные в загоне выбежали из бараков и что-то кричали лодке всякий раз, когда она, треща, пролетала над ними, и она сбросила в загон что-то на маленьком парашюте, а потом ушла вверх, и ее треск замер.

Теперь на Атши остались всего четыре такие крылатые

лодки: три на Кушиле и одна на Ризуэле — все маленькие, поднимающие только четырех ловеков, но с пулеметами и огнеметами, а потому Резван и остальные очень из-за них тревожились, пока Селвер лежал, недосягаемый для них, бродя по загадочным тропам другой яви.

В явь мира он вернулся только на третий день — исхудавший, отупелый, голодный, безмолвный. Он искупался в реке и поел, а потом выслушал Резвана, Старшую Хозяйку из Берре и остальных, кто был избран руководителями. Они рассказали ему, что происходило в мире, пока он был в снах. Выслушав всех, он обвел их взглядом, и они снова увидели, что он — бог. После Ночи Эшсена многих из них, точно болезнь, поразили страх и отвращение, и их охватило сомнение. Их сны были тревожными, полными крови и огня, а весь день их окружали незнакомые люди, сотнями, тысячами сошедшиеся сюда из всех лесов: они собрались тут, не зная друг друга, точно коршуны у падали, и им казалось, что пришел конец всему, что уже никогда ничто не будет прежним, не будет хорошим. Но в присутствии Селвера они вспомнили, ради чего произошло то, что произошло, их смятение улеглось, и они ждали его слов.

— Время убивать прошло,— сказал он.— Надо, чтобы об этом узнали все.— Он снова обвел их взглядом.— Мне надо поговорить с теми, кто заперт в загоне. Кто у них старшие?

— Индюк, Плосконогий, Мокроглазый,— ответил Резван, бывший раб.

— Значит, Индюк жив? Это хорошо. Помоги мне встать, Греда, у меня вместо костей угри...

Походив немного, он почувствовал себя крепче и час спустя отправился с ними в Эшсен, до которого было два часа ходьбы.

Когда они подошли к загону, Резван влез на лестницу, приставленную к стене, и закричал на ломаном языке, которым ловеки объяснялись с рабами:

— Донг, ходи к воротам, быстро-быстро!

В проходах между приземистыми бетонными бараками бродили несколько ловеков. Они закричали на него и начали швыряться земляными комьями. Он пригнулся и стал ждать. Старый полковник не появился, но из барака, хромая, вышел Госсе, которого они называли Мокроглазым, и крикнул Резвану:

— Полковник Донг болен, он не может выйти.

— Какой-такой болен?

— Болезнь живота. От воды. Что тебе надо?

— Говори-говори! — Резван посмотрел вниз на Селвера и перешел на свой язык.— Владыка-бог, Индюк прячется. С Мокроглазым ты будешь говорить?

— Буду.

— Гос-по-дин Госсе, к калитке! Быстро-быстро!

Калитку приоткрыли ровно настолько, чтобы Госсе сумел протиснуться в узкую щель. Он остался стоять перед ней совсем один, глядя на Селвера и на тех, кто пришел с Селвером, и стараясь не наступать на ногу, поврежденную в Ночь Эшсена. Одет он был в равную пижаму, выпачканную в грязи и намоченную дождем. Седеющие волосы свисали над ушами и падали на лоб неряшливыми прядями. Хотя он был вдвое выше своих

тюремщиков, он старался выпрямиться еще больше и глядел на них твердо, с гневной тоской.

— Что вам надо?

— Нам необходимо поговорить, господин Госсе,— сказал Селвер, которого Любов научил нормальной человеческой речи.— Я Селвер, сын Ясеня из Эшрета. Друг Любова.

— Да, я тебя знаю. О чем ты хочешь говорить?

— О том, что убивать больше никого не будут, если это обещают ваши люди и мои люди. Вас выпустят, если вы соберете здесь ваших людей из лагерей лесорубов на юге Сорноля, на Кушиле и на Ризуэле и все останетесь тут. Вы можете жить здесь, где лес убит и где растет ваша трава с зернами. Рубить деревья вы больше не должны.

Лицо Госсе оживилось.

— Лагерей вы не тронули?

— Нет.

Госсе промолчал. Селвер несколько секунд следил за его лицом, а потом продолжал:

— Я думаю, в мире ваших людей осталось меньше двух тысяч. Ваших женщин не осталось ни одной. В тех лагерях есть оружие, и вы можете убить многих из нас. Но у нас тоже есть ваше оружие, и нас столько, что всех вы убить не сможете. Я думаю, вы сами это знаете и поэтому не попросили, чтобы небесные лодки привезли вам огнеметы, не попытались перебить часовых и бежать. Это было бы бесполезно: нас ведь правда очень много. Будет гораздо лучше, если вы обменяетесь с нами обещанием: тогда вы сможете спокойно дождаться, чтобы прилетела одна из ваших больших лодок, и покинуть на ней мир. Если не ошибаюсь, это будет через три года.

— Да, через три местных года... Откуда ты это знаешь?

— У рабов есть уши, господин Госсе.

Только теперь Госсе посмотрел прямо на него. Потом отвел глаза, передернул плечами, приподнял больную ногу. Снова посмотрел на Селвера и снова отвел глаза.

— Мы уже обещали не причинять вреда никому из ваших людей. Вот почему рабочих распустили по домам. Это оказалось бесполезным. Вы не стали слушать.

— Обещали вы не нам.

— Как мы можем заключать какие бы то ни было соглашения или договоры с теми, у кого нет правительства, нет никакой центральной власти?

— Я не знаю. По-моему, вы не понимаете, что такое обещание. То, о котором вы говорите, было скоро нарушено.

— То есть как? Кем? Когда?

— На Ризуэле... на Новой Яве. Четырнадцать дней назад. Ловеки из лагеря на Ризуэле сожгли селение и убили всех, кто там жил.

— Это ложь! Мы все время поддерживали радиосвязь с Новой Явой до самого нападения. Никто не убивал аборигенов ни там, ни где-нибудь еще!

— Вы говорите ту правду, которую знаете вы,— сказал Селвер.— А я — правду, которую знаю я. Я готов поверить, что вы не знаете об убийствах на Ризуэле, но вы должны поверить моим словам, чтоб убийства были. Остается одно: обещание

должно быть дано нам и вместе с нами, и оно не должно быть нарушено. Вам, конечно, надо обсудить все это с полковником Донгом и остальными.

Госсе сделал шаг к калитке, но тут же обернулся и сказал хриплым басом:

— Кто ты такой, Селвер? Ты... это ты организовал нападение? Ты вел своих?

— Да, я.

— Значит, вся эта кровь на твоих руках,— сказал Госсе и с внезапной беспощадной злобой добавил: — И кровь Любова тоже. Он ведь тоже убит. Твой «друг» Любов мертв.

Селвер не понял этого идиоматического выражения. Убийству он научился, но за словами «кровь на твоих руках» для него ничего не стояло. Когда на мгновение его взгляд встретился с белесым ненавидящим взглядом Госсе, он почувствовал страх. Тошнотную боль, смертный холод. И зажмурился, чтобы отогнать их от себя. Наконец он сказал:

— Любов — мой друг, и потому он не мертв.

— Вы — дети,— с ненавистью сказал Госсе.— Дети, дикари. Вы не воспринимаете реальности. Но это не сон, это реальность! Вы убили Любова. Он мертв. Вы убили женщин — женщин! — жгли их заживо, резали как животных!

— Значит, нам надо было оставить их жить? — сказал Селвер с такой же яростью, как Госсе, но негромко и чуть напевно.— Чтобы вы плодились в трупе мира как мухи? И уничтожили нас? Мы убили их, чтобы вы не могли дать потомства. Мне известно, что такое «реалист», господин Госсе. Мы говорили с Любовым о таких словах. Реалист — это человек, который знает и мир и свои сны. А вы — сумасшедшие. На тысячу человек у вас не найдется ни одного, кто умел бы видеть сны так, как их надо видеть. Даже Любов не умел, а он был самый лучший из вас. Вы спите, вы просыпаетесь и забываете свои сны, потом снова спите и снова просыпаетесь — и так с рождения до смерти. И вы думаете, что это — существование, жизнь, реальность! Вы не дети, вы взрослые, но вы сумасшедшие. И потому нам пришлось вас убить, пока вы и нас не сделали сумасшедшими. А теперь идите и поговорите о реальности с другими сумасшедшими. Поговорите долго и хорошо!

Часовые открыли калитку, угрожая копьями сгрудившимся за ней ловекам. Госсе вошел в загон — его широкие плечи сгорбились, словно от дождя.

Селвер чувствовал себя бесконечно усталым. Старшая Хозяйка из Берре и еще одна женщина помогали ему идти — он положил руки им на плечи, чтобы не упасть. Греда, молодой охотник, родич его Дерева, начал шутить с ним. Он отвечал, смеялся. Казалось, они бредут назад в Эндтор уже несколько дней.

От усталости он не мог есть, только выпил немного горячего варева и лег у Мужского костра. Эндтор был не селением, а временным лагерем на берегу большой реки, куда приходили ловить рыбу люди из всех селений, которых было много в окрестных лесах, пока не появились лодки. Мужского Дома там не построили. Два очага из черного камня и травянистый

косогор над рекой, где удобно ставить палатки из шкур и камышовых плетенок,— вот и весь Эндтор. Река Мененд, Старшая река Сорноля, без умолку говорила там и в яви мира, и в яви сна.

У костра сидело много стариков. Одних он знал хорошо: они были из Бротера, из Тунтара и из его родного сожженного Эшрета, а других он вовсе не знал, хотя по их глазам и движениям, по их голосам понял, что все это — Владыки-Сновидцы. Пожалуй, столько сновидцев еще никогда не собиралось в одном месте. Он вытянулся во всю длину, подложил ладонь под подбородок и, глядя в огонь, сказал:

— Я назвал ловеков сумасшедшими. Не сумасшедший ли я сам?

— Ты не разбираешь, где одна явь, а где другая,— ответил старый Тубаб, подбрасывая в костер сосновый сук,— потому что ты слишком долго не видел снов и не уходил в сны. А за это расплачиваются тоже очень долго.

— Яды, которые глотают ловеки, действуют примерно так же, как воздержание от сна и от снов,— заметил Хебен, который был рабом в Центрвилле и в Лагере Смита.— Ловеки глотают отраву, чтобы уходить в сны. После того как они ее проглотят, лица у них становятся, как у сновидцев. Но они не умеют ни вызывать снов, ни управлять ими, ни плести и лепить, ни выходить из снов. Я видел, как сны подчиняли их, вели за собой. Они ничего не знают о том, что внутри их. Вот и человек, много дней не уходивший в сны, становится таким же. Будь он мудрейшим в своем Доме, все равно он еще долго потом будет иногда становиться сумасшедшим. Он будет подчинен, будет рабом. Он не будет понимать себя.

Глубокий старец, говоривший, как уроженец южного Сорноля, положил руку на плечо Селвера и, ласково его поглаживая, сказал:

— Милый молодой бог, пой, это принесет тебе облегчение.

— Не могу. Спой для меня.

Старик запел, остальные начали ему подтягивать. Их пронзительные жиденькие голоса, почти лишенные мелодичности, шелестели, точно ветер в камышах Эндтора. Они пели одну из песен Ясеня об изящных резных листьях — как осенью они становятся желтыми, а ягоды краснеют, а потом первый ночной иней серебрит их.

Селвер слушал песню Ясеня, и рядом с ним лежал Любов. Лежа, он не казался таким чудовищно высоким и широкоплечим. Позади него на фоне звезд чернели развалины выжженного огнем дома. «Я такой же, как ты»,— сказал он, не глядя на Селвера, тем голосом сна, который пытается обнажить собственную неправду. Сердце Селвера давила тоска, он горевал по своему другу. «У меня болит голова»,— сказал Любов обычным голосом и потер шею, как всегда ее тер, и Селвер протянул руку, чтобы коснуться его и утешить. Но в яви мира он был тенью и отблесками огня, а старики пели песню Ясеня — о белых цветках на черных ветках среди резных листьев.

На следующий день ловеки, запертые в загоне, послали за Селвером. Он пришел в Эшсен после полудня и встретился с

ними в стороне от загона, под развестистым дубом — лесные люди чувствовали себя неуверенно под бескрайним открытым небом. Эшсен был дубовой рощей, и этот дуб — самый большой из немногих, которые колонисты сохранили,— стоял на косогоре за коттеджем Любова, одним из немногих пощаженных огнем. С Селвером под дуб пришли Резван, Старшая Хозяйка из Берре, Греда из Каноста и еще десять человек, пожелавших участвовать в переговорах. Их охранял отряд лучников на случай, если ловеки тайком принесут оружие. Но лучники укрылись за кустами и среди развалин вокруг, чтобы ловеки не подумали, будто им угрожают. С Госсе и полковником Донгом пришли трое ловеков, которые назывались «офицерами», и еще двое из лесных лагерей. При виде одного из них — Бентона — бывшие рабы стиснули зубы. Бентон имел обыкновение наказывать «ленивых пискунов», подвергая их стерилизации на глазах у остальных.

Полковник исхудал, его кожа, обычно желтовато-коричневая, казалась грязно-серой. Значит, он действительно болел.

— Начать необходимо с того...— сказал он, когда они расположились под дубом (ловеки остались стоять, а лесные люди опустились на корточки или сели на мягкий влажный ковер из прелых дубовых листьев).— Начать необходимо с того, чтобы вы в рабочем порядке определили суть ваших условий и какие они содержат гарантии безопасности для моих подчиненных.

Воцарилось молчание.

— Вы ведь понимаете наш язык? Если не все, то некоторые?

— Да. Но вашего вопроса я не понял, господин Донг.

— Потрудитесь называть меня полковником Донгом!

— В таком случае потрудитесь называть меня полковником Селвером! — В голосе Селвера появилась напевность. Он вскочил на ноги, готовый к состязанию, и в его голове ручьями заструились мотивы.

Однако старый ловек продолжал стоять, огромный, грузный, сердитый, и не собирался принимать вызова.

— Я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать оскорбления от низкорослых гуманоидов,— сказал он. Но губы его дрожали. Он был стар, растерян, унижен.

И предвкушение радости победы угасло в Селвере. В мире больше не оставалось радости, в нем была только смерть. Он снова сел.

— У меня не было намерения оскорбить вас, полковник Донг,— сказал он безучастно.— Не будете ли вы так добры повторить ваш вопрос?

— Я хочу выслушать ваши условия, а затем вы выслушаете наши, и больше ничего.

Селвер повторил то, о чем накануне говорил с Госсе

Донг слушал с явным нетерпением.

— Да-да. Но вам неизвестно, что в нашем распоряжении уже три дня есть действующий радиоприемник.

Селвер знал об этом: Резван немедленно проверил, не оружие ли сбросил на парашюте вертолет. Часовые сообщили, что это было радио, и он позволил, чтобы оно осталось у ловеков. Теперь Селвер просто кивнул.

Мы поддерживаем постоянную связь с двумя лагерями

на острове Кинга и с лагерем на Новой Яве,— продолжал полковник.— И если бы мы решили прорваться на свободу, то могли бы без труда это осуществить. Вертолеты доставили бы нам оружие и прикрывали бы наше отступление. Нам достаточно одного огнемета, чтобы проложить себе выход за ограду, а в случае нужды вертолеты могли бы сбросить тяжелые бомбы. Вы, впрочем, ни разу не видели их в действии.

— Если вы прорветесь за ограду, куда вы пойдете дальше?

— Будем придерживаться сути и не затемнять ее побочными или ложными факторами, а суть сводится к тому, что в нашем распоряжении, хотя вы, бесспорно, далеко превосходите нас численностью, остаются четыре лагерных вертолета, которые вам уже не удастся сжечь, потому что теперь их бдительно охраняют круглые сутки, а также достаточное число огнеметов. Таково реальное положение вещей: особого преимущества нет ни у вас, ни у нас, и мы можем вести переговоры с позиций обоюдного равенства. Разумеется, это временная ситуация. Мы уполномочены в случае необходимости принимать оборонительные полицейские меры, чтобы предотвратить разрастание войны. Кроме того, мы опираемся на огневую мощь Межзвездного флота Земли, который способен разнести в пыль всю вашу планету. Но подобные идеи вам недоступны, а потому я скажу проще: в настоящий момент мы готовы вести с вами переговоры на основе полного равенства.

У Селвера не хватало терпения слушать его. Он знал, что эта раздражительность — симптом тяжелого душевного состояния, но был не в силах ее сдержать.

— Так говорите же!

— Ну, во-первых, я хочу со всей ясностью указать, что, получив передатчик, мы сразу же предупредили людей в лагерях, чтобы они не доставляли нам оружия и не предпринимали никаких попыток вывезти нас на вертолетах или освободить, и тем более не допускали никаких ответных действий...

— Это было разумно. Что дальше?

Полковник Донг начал было гневную отповедь, но тут же смолк, и лицо у него совсем побледнело.

— Я хотел бы сесть...

Мимо кучки ловеков Селвер поднялся по косогору, вошел в пустой двухкомнатный коттедж и взял складной стул, стоявший у письменного стола. Перед тем, как покинуть окутанную тишиной комнату, он наклонился и прижался щекой к исцарапанной деревянной крышке стола, за которым всегда сидел Любов, когда он работал с ним или один. Бумаги Любова еще лежали там. Селвер слегка их погладил. Потом спустился к дубу и поставил стул на промоченную дождем землю. Старый полковник сел, кусая губы и щуря от боли миндалевидные глаза.

— Господин Госсе, может быть, вы будете говорить за полковника? — сказал Селвер.— Он плохо себя чувствует.

— Говорить буду я,— объявил Бентон, выступая вперед, но Донг покачал головой и хрипло пробормотал:

— Пусть Госсе.

Теперь, когда полковник сам не говорил, а только слушал, дело пошло быстрее. Ловеки принимают условия Селвера. Когда будут даны взаимные обещания поддерживать мир, они отзовут остальных своих людей и будут жить все в одном месте — на расчистке в центре Сорноля, в хорошо орошаемом районе, занимающем площадь около четырех с половиной тысяч квадратных километров. Они обязуются не заходить в леса, лесные люди обязуются не заходить на Вырубленные Земли.

Спор завязался из-за четырех оставшихся вертолетов. Ловеки утверждали, что они им нужны, чтобы перевезти своих людей с других островов на Сорноль. Но машины могли брать только по четыре человека, а каждый полет продолжался несколько часов. Селвер подумал, что пешком ловеки доберутся до Сорноля гораздо быстрее, и предложил перевезти их через проливы на лодках, но оказалось, что ловеки никогда далеко пешком не ходят. Ну хорошо: они могут использовать вертолеты для «операции вывоза», как они выражаются. После этого они их сломают. Сердитый отказ. Свои машины они оберегали ревнивее, чем самих себя. Селвер уступил: они могут оставить вертолеты, если будут летать на них только над Вырубленными Землями и если все оружие будет с них снято и уничтожено. Тут они заспорили, но друг с другом, а Селвер ждал и время от времени повторял свои окончательные условия, потому что в этом он не считал возможным уступить.

— Ну, какая разница, Бентон? — дрожащим от слабости и гнева голосом сказал, наконец, старый полковник.— Неужели вы не понимаете, что использовать это проклятое оружие мы все равно не сможем? Туземцев три миллиона, и они рассеяны по всем этим лесным островам — ни городов, ни важных коммуникаций, ни центрального руководства. Уничтожить с помощью бомб систему партизанского типа невозможно — это было доказано еще в двадцатом веке, когда тот полуостров, откуда я родом, более тридцати лет успешно отражал притязания колониальных держав. А до возвращения корабля у нас вообще нет никакой возможности доказать наше превосходство. Если мы сохраним мелкокалиберное оружие для охоты и обороны, то без остального как-нибудь обойдемся!

Он был их Старший, и в конце концов его мнение взяло верх, как это было бы и в Мужском Доме. Бентон рассердился. Госсе заговорил было о том, что произойдет, если перемирие будет нарушено, но Селвер его перебил:

— Это то, что может быть, а мы еще не кончили с тем, что есть. Ваш Большой Корабль должен вернуться через три года, то есть через три с половиной года по вашему счету. До этого времени вы тут свободны. Вам будет не очень тяжело. Из Центрвилла мы больше ничего не возьмем, кроме работы Любова, которую я хочу сохранить. У вас остались почти все ваши орудия для рубки деревьев и для копания, а если вам мало, то на вашей территории находятся железные рудники Пельделя. Все это, по-моему, ясно. Остается узнать одно: когда корабль вернется, что они решат сделать с вами и с нами?

— Мы не знаем,— ответил Госсе, а Донг пояснил:

— Если бы вы не разломали в первую очередь ансибельный передатчик, мы могли бы получить такую информацию и, разумеется, наши сообщения повлияли бы на окончательное решение касательно статуса этой колонии, каковое мы и начали бы проводить в жизнь еще до возвращения корабля с Престно. Но из-за вашего бессмысленного вандализма, из-за вашего невежества в отношении ваших же интересов у нас не осталось даже радиопередатчика с радиусом действия больше нескольких сотен километров.

— Что такое ансибл? — Это слово, уже несколько раз повторявшееся во время переговоров, было для Селвера новым.

— АМС,— угрюмо ответил полковник.

— Нечто вроде радио,— высокомерно сказал Госсе.— Он позволяет нам осуществлять мгновенную связь с нашей планетой.

— Без задержки в двадцать семь лет?

Госсе уставился на Селвера.

— Верно. Совершенно верно. Ты многому научился от Любова, а?

— Что есть, то есть,— вмешался Бентон.— Любовский зелененький приятель! Разнюхал все, что мог, и даже сверх того. Например, что́ надо взорвать в первую очередь, где выставляются часовые и как пробраться в арсенал. Они наверняка поддерживали связь до последней минуты перед нападением.

Госсе неуверенно нахмурился.

— Радж погиб. Все это сейчас не имеет значения, Бентон. Нам необходимо установить...

— Вы, кажется, намекаете, Бентон, что капитан Любов вел подрывную деятельность и предал колонию? — яростно сказал Донг и прижал ладони к животу.— Среди моих людей не было ни шпионов, ни предателей, они были специально отобраны на Земле, и я всегда знаю тех, с кем должен работать.

— Я не намекаю, полковник. Я прямо говорю, что пискунов подстрекал Любов и что если бы с прибытием сюда корабля Земфлота инструкции не были изменены, ничего подобного произойти не могло бы!

Госсе и Донг заговорили разом.

— Вы все очень больны,— сказал Селвер, встал и отряхнулся, потому что влажные бурые листья прилипали к его пушистому короткому меху, точно к шелку.— Мне очень жаль, что мы вынуждены запирать вас в загоне. Это плохое место для душевного здоровья. Пожалуйста, поскорее доставьте сюда остальных ваших людей. Потом, после того как большое оружие будет уничтожено и мы обменяемся обещаниями, вы получите полную свободу. Когда я сегодня уйду отсюда, ворота загона будут закрыты. Что-нибудь еще?

Ни один из них ничего не сказал. Они молча смотрели на него сверху вниз. Семь больших людей со светлой или коричневой безволосой кожей, одетые в ткани, темноглазые, с угрюмыми лицами, и двенадцать маленьких людей, зеленых или коричневато-зеленых, с большими глазами сумеречных существ

и лицами сновидцев, а между обеими группами — Селвер, переводчик, слабый, изуродованный, держащий все их судьбы в своих пустых руках. На бурую землю, чуть шурша, падал дождь.

— Тогда прощайте,— сказал Селвер и увел своих людей.

— А они не такие уж глупые,— сказала Старшая Хозяйка из Берре, когда они с Селвером шли назад в Эндтор.— Я думала, такие великаны обязательно должны быть глупыми, но они увидели, что ты — бог, я это поняла по их лицам под конец разговора. А как ты хорошо лопочешь по-ихнему! И они очень безобразные. Неужели у них даже младенцы без шерсти?

— Надеюсь, этого мы никогда не узнаем.

— Брр! Только представить, что кормишь такого младенца. Словно дать грудь рыбе!

— Они все сумасшедшие,— удрученно сказал старый Тубаб.— Любов, когда прилетал в Тунтар, таким не был. Он ничего не знал, но он был разумен. А эти... они спорят, и презирают своего старика, и ненавидят друг друга. Вот так! — и он сморщил опушенное серым мехом лицо, чтобы показать, как выглядели земляне, чьих слов он, разумеется, не понимал.— А ты им это и сказал, Селвер? Что они сумасшедшие?

— Я сказал им, что они больны. Но ведь они были побеждены, и испытывали боль, и были заперты в этой каменной клетке. После такого кто угодно может заболеть и нуждаться в исцелении.

— А исцелить их некому,— сказала Старшая Хозяйка из Берре.— Все их женщины убиты. Им, конечно, плохо. Но какие же они безобразные! Огромные голые пауки — вот кто они такие! Фу!

— Они люди, люди, такие же, как мы. Люди! — сказал Селвер, и голос у него стал тонким и режущим, как лезвие ножа.

— Милый мой владыка боя, я же знаю это! Просто они с виду похожи на пауков,— сказала старуха, поглаживая его по щеке.— Вот что, люди, Селвер совсем измучился, расхаживая из Эндтора в Эшсен и обратно. Давайте сядем и передохнем.

— Только не здесь! — сказал Селвер. Они все еще были на Вырубленных Землях, среди пней и травянистых косогоров, под бескрайним голым небом.— Вот вернемся под деревья...— Он споткнулся, и те, кто не были богами, поддержали его и помогли ему идти дальше.

9 Диктофон майора Мухамеда пришелся Дэвидсону очень кстати. Кто-то ведь должен запечатлеть события на Новом Таити — историю того, как трусливо и подло была отдана на гибель земная колония. Пусть корабли, когда они прилетят с Земли, узнают истинную правду. Пусть будущие поколения узнают, на какое предательство, малодушие и глупость способны люди — но также и на какую беззаветную доблесть в самых отчаянных обстоятельствах. В свободные минуты (да, всего лишь минуты с тех пор, как ему пришлось взять на себя командование) он записал всю историю Бойни в Лагере Смита и довел изложение событий до нынешней ситуации на Новой Яве. И на Кинге, и на Центральном тоже — в той мере, в какой уда-

валось извлекать крупицы фактов из тех истерических воплей, которыми штаб кормил его с Центрального вместо четкой и надежной информации.

Полностью о том, что на самом деле произошло в Центрвилле, никто никогда знать не будет, кроме пискунов, потому что люди там всячески пытаются замаскировать свое предательство и ошибки. Но общая картина все-таки достаточно ясна. Организованную шайку пискунов, которых привел Селвер, впустили в арсенал и в ангары, снабдили динамитом, гранатами, автоматами и огнеметами и науськали уничтожить город, а людей перебить. Здание штаба было взорвано первым — вот вам и доказательство, что действовали изнутри. Само собой, Любов участвовал в заговоре, и его зелененькие приятели, конечно, показали, на какую благодарность они способны — перерезали ему глотку наравне с прочими. То есть Госсе и Бентон утверждали, будто утром после бойни видели его труп. Но только можно ли им там верить? Хочешь не хочешь, а дело ясное: каждый человек, который уцелел на Центральном после этой ночи,— уже предатель. Предатель своей расы.

Вот они клянутся, будто женщины убиты все. Плохо, конечно, но куда хуже, что верить этому нельзя. Пискунам ничего не стоило увести пленных в леса, а поймать перепуганную девчонку на окраине горящего города легче легкого. И уж зеленая нечисть, само собой, не упустила бы случая захватить женщин, чтобы позаимствовать над ними всласть, верно? Одному богу известно, сколько еще женщин томятся в пискуньих норах, в этих вонючих подземных ямах, связанные, беспомощные, а поганые волосатые мартышки щупают их, лапают, подвергают всяким надругательствам! Даже подумать невозможно! Но, черт побери, иногда приходится думать и о том, о чем думать невозможно!

Вертолет с Кинга сбросил пленникам в Центре радиопередатчик на следующий же день после бойни, и Мухамед записывал все свои переговоры с ними там. Самым немыслимым был разговор с полковником Донгом. Проигрывая запись первый раз, он не выдержал, сорвал ее с катушки и сжег. Зря, конечно. Надо было сохранить ее как доказательство полнейшей негодности командования и на Центральном, и на Новой Яве. Но кто бы выдержал — с такой горячей кровью, как у него! Он просто не мог сидеть и слушать, как полковник и майор обсуждают полную капитуляцию, сдаются на милость пискунов, соглашаются не принимать ответных мер, не защищаться, соглашаются уничтожить все боевое оружие и как-нибудь устроиться на клочке земли, отведенном для них пискунами,— в резервации, дарованной великодушными победителями, пакостными зелеными тварями. Поверить невозможно! В буквальном смысле слова невозможно.

Не исключено, что старички Динг-Донг и Му не имели предательских намерений, а просто спятили, пали духом. Все это проклятая планета! Надо быть по-настоящему сильной личностью, чтобы не поддаться ей. Что-то в здешнем воздухе — может, пыльца этих чертовых деревьев — действует вроде наркотика, так что обычные люди перестают отдавать себе отчет

в окружающем и балдеют, точно пискуны. Ну, а при таком численном превосходстве пискунам ничего не стоит с ними справиться.

Жаль, конечно, что Мухамеда пришлось убрать, но он ни за что не принял бы его планов, тут сомнений быть не может. Всякий согласился бы, кто прослушал бы эту невероятную запись. А потому лучше было пристрелить его. Во всяком случае, теперь он чист и его имя не покроется позором, как имена Донга и всех офицеров, которые остались в живых на Центральном.

Последнее время Донг к передатчику что-то не подходит, все больше Юю Серенг из инженерного отдела. Прежде они с Юю частенько проводили свободное время, и он его даже другом считал, но теперь больше никому доверять нельзя. А кроме того, Юю тоже из азиев. Как подумаешь, странно получается, что их столько уцелело после Центрвиллской бойни! Из тех, с кем он разговаривал, не азий только Госсе. Здесь на Яве пятьдесят пять верных ребят, оставшихся после реорганизации, почти все евроафры, вроде него самого, ну, еще афры и афроазии, но чистых азиев — ни единого! Что ни говори, а кровь — она сказывается. Если у тебя в жилах нет настоящей крови, как ни крути, человек ты неполноценный. Конечно, он все равно спасет желтомазых подонков на Центральном, но это объясняет, почему они поджали хвосты в трудную минуту.

— Да пойми же, наконец, Дон, в какое положение ты всех нас ставишь! — сказал Юю своим глухим голосом.— Мы заключили с пискунами перемирие по всем правилам. Кроме того, у нас есть прямой приказ Земли не трогать врасу и не наносить ответного удара. И как, черт побери, мы его нанесли бы? Даже теперь, когда остров Кинга и лагерь на юге Центрального полностью эвакуированы, нас тут все-таки меньше двух тысяч, а у тебя на Яве всего человек шестьдесят пять, верно? Неужели ты всерьез веришь, Дон, что две тысячи человек способны справиться с тремя миллионами разумных врагов?

— Юю, да на это и пятидесяти человек хватит! Были бы желание, уменье и оружие.

— Бред! Но в любом случае, Дон, мы заключили перемирие. И если оно будет нарушено, нам конец. Только благодаря ему мы и держимся. Может быть, когда они вернутся с Престно и увидят, что произошло, они решат покончить с пискунами. Этого мы не знаем. А пока похоже, что пискуны намерены соблюдать перемирие — в конце-то концов это они его предложили! — а нам ничего другого не остается. Их столько, что они нас голыми руками могут уничтожить, как произошло в Центрвилле. Они туда тысячами нагрянули. Неужели ты этого не можешь понять, Дон?

— Послушай, Юю, я, конечно, понимаю. Если вы боитесь использовать ваши три вертолета, так отправьте их сюда с ребятами, которые думают, как мы здесь, на Новой Яве. Раз уж мне придется в одиночку вас обождать, то лишние вертолеты не помешают.

— Ты нас не освободишь, ты нас спалишь, идиот проклятый! Отошли свой вертолет на Центральный немедленно! Это приказ полковника лично тебе, как исполняющему обязанности началь-

ника лагеря. Используй его для переброски своих людей. Понадобится не больше двенадцати полетов, и вы свободно уложитесь в четыре здешних дневных периода. А теперь выполняй приказ!

Щелк — и выключил приемник. Побоялся с ним спорить!

Но ведь с них станется послать свои три вертолета на Новую Яву, чтобы разбомбить или сжечь лагерь, поскольку формально он не подчиняется приказу, а старик Донг не терпит самостоятельности! Достаточно вспомнить, как он уже с ним разделался за пустяковые карательные меры на Смите. Не простил ему инициативы! Старик Динг-Донг, как большинство офицеров, любит безоговорочную покорность. Беда только в том, что такие в конце концов сами становятся покорными...

И тут Дэвидсон испытал подлинное душевное потрясение, вдруг сообразив, что вертолетов ему опасаться нечего. Донг, Серенг, Госсе, даже Бентон трусят послать их! Пискуны приказали, чтобы люди не смели пользоваться вертолетами за пределами своей резервации, и они подчинились!

Черт! Его чуть наизнанку не вывернуло. Пора действовать! Они и так уже почти две недели прождали неведомо чего! Оборону лагеря он наладил: частокол укрепили и довели до такой высоты, что ни одна зеленая мартышка через него не перелезет, а Эйби — молодец мальчишка! — изготовил полсотни отличных мин и заложил их в стометровом поясе вокруг лагеря. Теперь настало время показать пискунам, что на Новой Яве они имеют дело с настоящими людьми, с настоящими мужчинами, а не со стадом овец, как на Центральном. Он поднял вертолет и провел отряд пехоты к пискуньим норам на юг от лагеря. Он научился распознавать такие места с воздуха по плодовым садам и по скоплениям деревьев определенных видов, хотя и не высаженных аккуратными рядами, как у людей. Просто жуть брала, столько тут обнаружилось таких мест, едва он нашел способ определять их с воздуха. Лес кишмя кишел этой пакостью. Карательный отряд выжег к черту эти норы, а когда он с парой ребят летел обратно, то обнаружил еще норы — меньше чем в четырех километрах от лагеря! И на них, чтобы четко и ясно поставить свою подпись — пусть читает, кто захочет,— он сбросил бомбочку. Простенькую зажигалочку, но и от нее зеленый мех клочьями полетел. В лесу она оставила здоровую прореху, и края прорехи были охвачены огнем.

Собственно говоря, это и есть его оружие для массированного ответного удара. Лесные пожары. Хватит одного рейда на одном вертолете с зажигалочками и огненным студнем, чтобы выжечь целый остров. Придется, правда, подождать месяц-другой, до конца сезона дождей. А какой сжечь — Кинга, Смита или Центральный? Начать, пожалуй, стоит с Кинга — так, маленькое предупреждение, поскольку людей там больше нет. А потом Центральный, если они и дальше будут брыкаться.

— Что вы затеяли?—донесся голос из приемника, и Дэвидсон ухмыльнулся: ну, словно старуха верещит, которую малость пощекотали.—Вы отдаете себе отчет в том, что делаете, Дэвидсон?!

— Ага!

— Вы что, рассчитываете запугать пискунов?

На этот раз не Юю. Должно быть, умник Госсе, а может, и не он, но какая разница? Все они только блеют, овцы поганые.

— Вот именно,— ответил он с мягкой такой иронией.

— По-вашему, если вы будете жечь их поселки, они сдадутся на вашу милость — все три миллиона? Так?

— Может и так.

— Послушайте, Дэвидсон,— сказал передатчик, и в нем что-то захрипело, зашелестело. Ну да, понятно: пользуются аварийной аппаратурой, потому что большой передатчик сгорел вместе с их хваленым ансиблем, туда ему и дорога! — Послушайте, Дэвидсон, не могли бы мы поговорить с кем-нибудь еще?

— Нет, тут все по горло заняты. Да, кстати, живется нам тут неплохо, но не мешало бы разжиться сладеньким — фруктовыми коктейлями, персиками, ну и прочей ерундой. Кое-кому из ребят очень этого не хватает. Кроме того, мы не получили в срок марихуану, потому что вы там прозевали город. Так если я пошлю вертолет, не сможете вы уделить нам ящик-другой сластей и травки?

Молчание, а потом:

— Хорошо. Высылайте вертолет.

— Чудненько. Уложите ящики в сетку, и ребята ее подцепят, чтобы не приземляться,— сказал он и ухмыльнулся.

Из Центра что-то залопотали, и вдруг прорезался голос старика Донга. В первый раз полковник сам к нему обратился. Пыхтит, старая перечница, и еле пищит, сквозь помехи и не разобрать толком, что он там бормочет.

— Слушайте, капитан, я хочу знать, отдаете ли вы себе отчет, на какие меры вы толкаете меня своими действиями на Новой Яве, если вы и впредь не будете выполнять мои приказы? Я пытаюсь говорить с вами как с разумным и лояльным офицером. Для обеспечения безопасности моих подчиненных здесь, на Центральном острове, я буду вынужден поставить аборигенов в известность, что мы слагаем с себя всякую ответственность за ваши действия.

— Совершенно справедливо, господин полковник.

— Я пытаюсь объяснить вам, что мы вынуждены будем сообщить им о своем бессилии воспрепятствовать нарушениям перемирия на Новой Яве. У вас там шестьдесят шесть человек, и они нужны мне здесь, чтобы мы могли сохранить колонию до возвращения «Шеклтона». Ваши действия — это самоубийство, а за жизнь тех, кто находится там с вами, отвечаю я.

— Нет, господин полковник, не вы, а я. Так что успокойтесь. Но только, когда джунгли вспыхнут, быстренько переберитесь на середину Вырубки. Мы вовсе не хотим поджарить вас заодно с пискунами.

— Слушайте, Дэвидсон! Я приказываю вам немедленно передать командование лейтенанту Темба и явиться ко мне сюда,— сказал далекий писклявый голос, и Дэвидсон неожиданно для себя выключил приемник. Его мутило.

Совсем спятили: все еще играют в солдат и не желают взглянуть правде в глаза! Но с другой стороны, мало кто способен бескомпромиссно принять действительность, если дела идут скверно.

И конечно, после того, как он разорил десяток-другой нор,

местные пискуны только затаились. Он с самого начала знал, что разговор с ними должен быть короткий: нагони на них страху и потом не давай спуску. Тогда они прекрасно разберутся, кто тут главный, и подожмут хвосты раз и навсегда. Теперь, в радиусе тридцати километров от лагеря все норы были вроде бы покинуты, но он все равно каждые два-три дня посылал отряды выжигать их.

А у ребят начали сдавать нервишки. До сих пор он не давал им сидеть сложа руки — из оставшихся в живых отборных пятидесяти пяти человек сорок восемь были лесорубами, так пусть и занимаются привычным делом, валят лес. Но они знали, что прибывающие с земли робогрузовозы уже не смогут спуститься на планету и будут вертеться на орбите в ожидании сигнала, который нечем подать. А что за радость валить лес неизвестно для чего? Это ведь не легкая работа. Лучше уж просто его сжигать. Он разбил своих людей на взводы, и они отрабатывали способы поджога. Пока еще лили дожди, и толком у них ничего не получалось, но все-таки они не кисли зря. Эх, были бы у него те три вертолета! Вот тогда бы дела пошли по-настоящему. Он взвешивал мысль о рейде на Центр, чтобы освободить вертолеты, но пока не говорил про это даже Эйби и Темба, самым надежным из всех. Кое-кто из ребят побоится участвовать в вооруженном налете на собственный штаб. Они все еще к месту и не к месту повторяют: «Вот когда мы вернемся к остальным...» И не знают, что эти «остальные» бросили их, предали, продались пискунам, лишь бы спасти свою шкуру. Этого он им не сказал — они могли бы и не выдержать.

Просто в один прекрасный день, он, Эйби, Темба и еще кто-нибудь из надежных парней отправятся через пролив, а там трое спрыгнут с автоматами, захватят по вертолету и отправятся домой — тру-ля-ля, тру-ля-ля, и отправятся домой. С четырьмя отличными взбивалками для яиц. Не взобьешь яиц — омлета не сделаешь!

Дэвидсон громко захохотал в темноте своего коттеджа.

Может, он не будет особенно торопиться с этим планом: слишком уж приятно его обдумывать.

Прошло еще две недели, и они покончили со всеми крысиными норами на расстоянии дня пути от лагеря: лес теперь стоял чистенький и аккуратный. Никаких поганых тварей, никаких дымков над вершинами деревьев. Никто не прыгает перед тобой из кустов и не плюхается на спину с закрытыми глазами — еще дави их! Никаких тебе зеленых мартышек. Чащоба деревьев и десяток пожарищ. Только вот ребята, того гляди, на стенку полезут. Пора отправляться за вертолетами.

И как-то вечером он сообщил свой план Эйби, Темба и Поусту.

Они с минуту молчали, а потом Эйби спросил:

— А как насчет горючего, капитан?

— Горючего хватит.

— На один вертолет. А четыре за неделю весь запас сожгут.

— То есть как? Что же, у нас для нашего только месячный запас остался?

Эйби кивнул.

— Ну, значит, нужно будет заодно захватить и горючее.

— А каким образом?

— Вот вы это и обмозгуйте.

Сидят и глядят на тебя ошалело. Просто зло берет. Все за них делай! Конечно, он прирожденный руководитель, но ему нравятся парни, которые и сами умеют соображать!

— Ну-ка, Эйби, это по твоей части,— сказал он и вышел покурить.

Никакого терпения не хватит, до того все хвосты поджимают. Не могут посмотреть в глаза фактам, и все тут.

С марихуаной у них стало туговато, и он уже два дня ни одной сигареты не выкурил. Ну, да ему это нипочем. Небо было затянуто тучами, сырая теплая мгла пахла весной. Мимо прошел Джинини, скользя, точно конькобежец или даже гусеничный робот, потом таким же неторопливым скользящим движением повернулся к крыльцу коттеджа и уставился на Дэвидсона в смутном свете, падавшем из открытой двери. Джинини, широкоплечий великан, работал на роботопиле.

— Источник моей энергии подключен к Великому Генератору, и отключить меня невозможно,— сказал он ровным голосом, не сводя глаз с Дэвидсона.

— Марш в казарму отсыпаться! — скомандовал Дэвидсон тем резким, как удар хлыста, голосом, которого еще никто никогда не ослушивался, и секунду спустя Джинини заскользил дальше, грузный, но тяжеловесно изящный.

Последнее время ребята слишком уж налегают на галлюциногены. Этого добра хватает, но что хорошо для отдыхающего лесоруба, не очень-то годится для солдат крохотного отряда, брошенного всеми на враждебной планете. У них нет времени накачиваться и шалеть. Придется убрать эту дрянь под замок. Правда, как бы кое-кто из ребят не дал трещины. Ну и пусть! Яйцо не треснет — омлета не собьешь! Может, отправить их на Центральный в обмен на горючее? Вы мне — две-три цистерны с горючим, а я вам за них — двух-трех тепленьких лунатиков, дисциплинированных солдатиков, отличных лесорубов и совсем под стать вам: тоже попрятались в снах и знать ничего не желают...

Он ухмыльнулся и решил, что стоит обсудить этот план с Эйби и остальными, как вдруг часовой пронзительно завопил с дымовой трубы лесопилки:

— Идут! Они идут!

С западного поста тоже донеслись крики. Раздался выстрел.

И они-таки пришли! Черт, рассказать кому-нибудь, так не поверят! Тысячами лезут, буквально тысячами! И ведь ни звука, ни шороха, пока не завопил часовой, а потом выстрел, а потом взрыв... Мина взорвалась! И еще, и еще! А тут один за другим вспыхнули сотни факелов, и огненными дугами взлетели в темном сыром воздухе, точно ракеты, а с частокола со всех сторон посыпались пискуны, волна за волной, захлестывая лагерь, все перед собой сметая — тысячи их, тысячи! Словно полчища крыс, как тогда в Кливленде, штат Огайо, во время последнего голода, когда он был совсем малышом. Что-то выгнало крыс из

их нор, и они среди бела дня полезли через забор — живое мохнатое одеяло, блестящие глазки, когтистые лапы... Он заорал и побежал к матери... А может, ему это тогда просто приснилось? Спокойнее, спокойнее, не теряй головы! Скорее в бывший пискуний загон, к вертолету. Там еще темно... А, черт! Замок на воротах. Пришлось его повесить на случай, если какой-нибудь слабак вздумает выбрать ночку потемнее и смыться к папаше Динг-Донгу. Скорее найти ключ... никак его в замок не вставишь... не повернешь толком. Ничего, ничего, только не теряй головы... А теперь еще надо бежать к вертолету, отпирать его. Откуда-то взялись рядом Поуст и Эйби. Ну вот, наконец затрещал мотор, завертелся винт, взбивая яйца, заглушая все жуткие звуки, писк, визг, пронзительное пение. А они взмыли в небо, и ад провалился вниз — горящий загон, полный крыс...

— Чтобы быстро и правильно оценить обстановку, нужна голова на плечах,— сказал Дэвидсон.— Вы, ребята, и думали быстро, и действовали быстро. Молодцы! А где Темба?

— Лежит с копьем в брюхе,— ответил Поуст.

Эйби, вертолетчику, словно бы не терпелось самому вести вертолет, и Дэвидсон уступил ему место, а сам перебрался на заднее сиденье и расслабился. Под ним в густой непроглядной темноте черной полосой тянулся лес.

— Ты куда это взял курс, Эйби?

— На Центральный.

— Нет! На Центральный мы не полетим!

— А куда же мы полетим? — спросил Эйби, хихикнув словно девка.— В Нью-Йорк? В Карачи?

— Пока поднимись повыше, Эйби, и иди в обход лагеря. Только широким кругом, так, чтобы внизу слышно не было.

— Капитан, лагеря больше нет,— сказал Поуст, старший лесоруб, коренастый спокойный человек.

— Когда пискуны кончат жечь лагерь, мы спустимся и сожжем пискунов. Их там четыре тысячи — все в одном месте. А у нас на хвосте установлено шесть огнеметов. Дадим пискунам минут двадцать и угостим их банками со студнем, а тех, кто побежит, прикончим огнеметами.

— Черт! — выругался Эйби.— Там ведь наши ребята! Может, пискуны их взяли в плен, мы же не знаем. Нет уж! Я не полечу назад жечь людей! — И он не повернул вертолета.

Дэвидсон прижал пистолет к затылку Эйби и сказал:

— Мы полетим назад, а потому возьми себя в руки, детка. Мне с тобой возиться некогда.

— Горючего в баке хватит, чтобы добраться до Центрального, капитан,— сказал вертолетчик, подергивая головой, словно пистолет был мухой и он пытался ее отогнать.— И все. Больше нам горючего взять негде.

— Ну, так полетаем на этом. Поворачивай, Эйби.

— Я думаю, нам лучше лететь на Центральный, капитан,— сказал Поуст этим своим спокойным голосом.

Стакнулись, значит! Дэвидсон в ярости перехватил пистолет за ствол и стремительно, как жалящая змея, ударил Поуста рукояткой над ухом. Лесоруб перегнулся пополам и остался

сидеть на переднем сиденье, опустив голову между колен, а руками почти упираясь в пол.

— Поворачивай, Эйби! — сказал Дэвидсон голосом, точно удар хлыста, и вертолет по пологой кривой лег на обратный курс.

— Черт, а где лагерь? Я никогда не летал ночью без ориентиров,— пробормотал Эйби таким сиплым и хлюпающим голосом, точно у него вдруг начался насморк.

— Держи на восток и смотри, где горит,— сказал Дэвидсон холодно и невозмутимо.

Все они на поверку оказались слизняками. Даже Темба. Ни один не встал рядом с ним, когда пришел трудный час. Рано или поздно все они сговаривались против него просто потому, что не могли выдержать того, что выдерживал он. Слабаки всегда сговариваются за спиной сильного, и сильный человек должен стоять в одиночку и полагаться только на себя. Так уж устроен мир.

Куда, к черту, провалился лагерь? В этой тьме даже сквозь дождь зарево пожара должно быть видно на десятки километров. А нигде — ничего. Черно-серое небо вверху, чернота внизу. Значит, пожар погас... Его погасили... Неужели люди в лагере отбились от пискунов? После того, как он спасся на вертолете? Эта мысль обожгла его мозг, как струя ледяной воды. Да нет... конечно же нет! Пятьдесят против тысяч? Ну нет! Но, черт побери, зато сколько пискунов подорвалось на минных полях! Все дело в том, что они валом валили. И ничем их нельзя было остановить. Этого он никак предвидеть не мог. И откуда они, собственно, взялись? В лесу вокруг лагеря пискунов уже давным-давно ни одного не осталось. А потом вдруг валом повалили со всех сторон, пробирались по лесам и вдруг полезли из всех своих нор как крысы. Тысячи и тысячи... Так, конечно, их ничем не остановишь! Куда к черту девался лагерь? Эйби только делает вид, будто его ищет, а сам свое гнет.

— Найди лагерь, Эйби,— сказал он ласково.

— Так я же его ищу! — огрызнулся мальчишка.

А Поуст ничего не сказал — так и сидел, перегнувшись, рядом с Эйби.

— Не мог же он сквозь землю провалиться, верно, Эйби? У тебя есть ровно семь минут, чтобы его отыскать.

— Сами ищите! — злобно взвизгнул Эйби.

— Подожду, пока вы с Поустом не образумитесь, детка. Спустись пониже!

Примерно через минуту Эйби сказал:

— Вроде бы река.

Действительно, река. И большая расчистка. Но лагерь-то где?

Они пролетели над расчисткой, но так ничего и не увидели.

— Он должен быть здесь, ведь другой большой расчистки на всем острове нет,— сказал Эйби, поворачивая обратно.

Их посадочные прожекторы били вниз, но вне этих двух столбов света ничего нельзя было разобрать. Надо их выключить!

Дэвидсон перегнулся через плечо вертолетчика и выключил прожекторы. Непроницаемая сырая мгла хлестнула их по глазам, точно черное полотенце.

— Что вы делаете! — взвизгнул Эйби, включил прожекторы и попытался круто поднять вертолет, но опоздал. Из мрака выдвинулись чудовищные деревья и поймали их.

Застонали лопасти винта, в туннеле прожекторных лучей закружились вихри листьев и веток, но стволы были толстыми и крепкими. Маленькая летающая машина накренилась, дернулась, словно подпрыгнула, высвободилась и боком рухнула в лес. Прожекторы погасли. Сразу наступила тишина.

— Что-то мне скверно,— сказал Дэвидсон.

И снова повторил эти слова. Потом перестал их повторять, потому что говорить их было некому. Тут он сообразил, что вообще не говорил. Мысли мутились. Наверное, стукнулся затылком. Эйби рядом нет. Где же он? А это вертолет. Совсем перекошенный, но он сидит, как сидел. А темнота-то, темнота — хоть глаз выколи.

Дэвидсон начал шарить руками вокруг и нащупал неподвижное, по-прежнему скорченное тело Поуста, зажатое между передним сиденьем и приборной доской. При каждом движении вертолет покачивался, и он, наконец, сообразил, что машина застряла между деревьями, запуталась в ветках, точно воздушный змей. В голове у него немного прояснилось, но им овладело непреодолимое желание как можно скорее выбраться из темной накренившейся кабины. Он переполз на переднее сиденье, спустил ноги наружу повис на руках. Ноги болтались, но не задевали земли — ничего, кроме веток. Наконец он разжал руки. Плевать, сколько ему падать, но в кабине он не останется! До земли оказалось не больше полутора метра. От толчка заболела голова, но он встал, выпрямился, и ему стало легче. Если бы только вокруг не было так темно, так черно! Но у него на поясе есть фонарик — выходя вечером из коттеджа, он всегда брал с собой фонарик. Так где же фонарик? Странно. Отцепился, должно быть. Пожалуй, следует залезть в вертолет и поискать. А может, его взял Эйби? Эйби нарочно разбил вертолет, забрал его фонарик и сбежал. Слизняк, такой же, как все они. В этой чертовой мокрой тьме не видно даже, что у тебя под ногами. Корни всякие, кусты. А кругом — шорохи, чавканье, непонятно какие звуки: дождь шуршит по листьям, твари какие-то шастают, шелестят... Нет, надо слазить в вертолет за фонариком. Только вот как? Хоть на цыпочки встань, не дотянешься.

Вдалеке за деревьями мелькнул огонек и исчез. Значит, Эйби взял его фонарик и пошел на разведку, чтобы ориентироваться. Молодец мальчик!

— Эйби! — позвал он пронзительным шепотом, сделал шаг вперед, стараясь снова увидеть огонек, и наступил на что-то непонятное. Ткнул башмаком, а потом осторожно опустил руку, чтобы пощупать,— очень осторожно, потому что ощупывать то, что не видишь, всегда опасно. Что-то мокрое, скользкое, будто дохлая крыса. Он быстро отдернул руку. Потом снова нагнулся и пощупал в другом месте. Башмак! Шнурки... Значит, у него под ногами валяется Эйби. Выпал из вертолета. Так ему и надо, сукину сыну — на Центральный хотел лететь, иуда!

Дэвидсону стало неприятно от влажного прикосновения не видимой одежды и волос. Он выпрямился. Снова показался свет — неясное сияние за частоколом из ближних и дальних стволов. Оно двигалось. Дэвидсон сунул руку в кобуру. Пистолета там не было. Он вспомнил, что держал его в руке, на случай, если Эйби или Поуст попробуют что-нибудь выкинуть. Но в руке пистолета тоже не было. Значит, валяется в вертолете вместе с фонариком.

Дэвидсон нагнулся и замер, а потом побежал. Он ничего не видел. Стволы толкали его из стороны в сторону, корни цеплялись за ноги... Внезапно он растянулся во весь рост на земле среди затрещавших кустов. Он приподнялся и на четвереньках пополз в кусты, стараясь забраться поглубже. Мокрые ветви царапали ему лицо, хватали за одежду. Но он упрямо полз вперед. Его мозг не воспринимал ничего, кроме сложных запахов гниения и роста, прелых листьев, влажных листьев, трухи, молодых побегов, цветов — запахов ночи, весны и дождя. Ему на лицо упал свет. Он увидел пискунов. И вспомнил, что они делают, если загнать их в угол, вспомнил, что говорил об этом Любов. Он перевернулся на спину, откинул голову, зажмурил глаза и замер. Сердце стучало в груди как сумасшедшее.

Ничего не произошло.

Открыть глаза было очень трудно, но в конце концов он все-таки сумел это сделать. Они стояли вокруг. Их было много — может десять, а может, и двадцать. Держат эти свои охотничьи копья — просто зубочистки, но наконечники из железа, и такие острые, что вспорют тебе брюхо, оглянуться не успеешь. Он зажмурился и продолжал лежать неподвижно.

И ничего не произошло.

Сердце угомонилось, стало легче думать. Что-то защекотало его внутри, что-то похожее на смех. Черт подери! Он им не по зубам. Свои его предали, человеческий ум бессилен что-нибудь придумать, а он прибегнул к их собственной хитрости — притворился мертвым и сыграл на их инстинкте, который не позволяет убивать тех, кто лежит на спине, закрыв глаза. Стоят вокруг, лопочут между собой, а сделать ничего не могут. Пальцем дотронуться до него боятся. Будто он — бог.

— Дэвидсон!

Пришлось снова открыть глаза. Сосновый факел в руках одного из пискунов все еще горел, но пламя побледнело, а лес был уже не угольно-черным, а белым. Как же так? Ведь прошло от силы десять минут. Правда, еще не совсем рассвело, но ночь кончилась. Он видит листья, ветки, деревья. Видит склоненное над ним лицо. В сером сумраке оно казалось серым. Все в рубцах, но вроде бы человеческое, а глаза — как две черные дыры.

— Дайте я встану,— внезапно сказал Дэвидсон громким хриплым голосом.

Его бил озноб: сколько можно валяться на сырой земле! И чтобы Селвер смотрел на всего сверху вниз? Как бы не так?

У Селвера никакого оружия не было, но мартышки вокруг держали наготове не только копья, а и пистолеты. Растащили его запасы в лагере!

Он с трудом поднялся. Одежда леденила плечи и ноги. Ему никак не удавалось унять озноб.

— Ну, кончайте,— сказал он.— Быстро-быстро!

Селвер продолжал молча смотреть на него. Но все-таки снизу вверх, а не сверху вниз!

— Вы хотите, чтобы я вас убил? — спросил он.

Подхватил у Любова его манеру разговаривать: даже голос совсем любовский. Черт знает что!

— Это мое право, ведь так?

— Ну, вы всю ночь пролежали в позе, которая означает, что вы хотели, чтобы мы оставили вас в живых. А теперь вы хотите умереть?

Боль в голове и животе, ненависть к этому поганому уродцу, который разговаривает, точно Любов, и решает, жить ему или умереть — эта боль и эта ненависть душили его, поднимались в глотке тошнотным комком. Он трясся от холода и отвращения. Надо взять себя в руки. Внезапно он шагнул вперед и плюнул Селверу в лицо.

А секунду спустя Селвер сделал легкое танцующее движение и тоже плюнул. И засмеялся. И даже не попытался убить его. Дэвидсон вытер с губ холодную слюну.

— Послушайте, капитан Дэвидсон,— сказал пискун все тем же спокойным голоском, от которого Дэвидсона начинало мутить,— мы же с вами оба боги. Вы сумасшедший, и я, возможно, тоже, но мы боги. Никогда больше не будет в лесу встречи, как эта наша встреча. Мы приносим друг другу дары, какие приносят только боги. От вас я получил дар убийства себе подобных. А теперь, насколько это в моих силах, я вручаю вам дар моих соплеменников — дар не убивать. Я думаю, для каждого из нас полученный дар равно тяжел. Однако вам придется нести его одному. Ваши соплеменники в Эшсене сказали мне, что вынесут суждение о вас, и если я приведу вас туда, вы будете убиты. Такой у них закон. И если я хочу подарить вам жизнь, я не могу отвести вас с другими пленными в Эшсен. А оставить вас в лесу на свободе я тоже не могу — вы делаете слишком много плохого. Поэтому мы поступим с вами так, как поступаем с теми из нас, кто сходит с ума. Вас увезут на Рендлеп, где теперь больше никто не живет, и оставят там.

Дэвидсон смотрел на пискуна и не мог отвести глаз. Словно его подчинили какой-то гипнотической власти. Этого он терпеть не станет. Ни у кого нет власти над ним! Никто не может ему ничего сделать.

— Жаль, что я не свернул тебе шею в тот день, когда ты на меня набросился,— сказал он все тем же хриплым голосом.

— Может быть, это было бы самое лучшее,— ответил Селвер.— Но Любов помешал вам. Так же, как теперь он мешает мне убить вас. Больше никого убивать не будут. И рубить деревья — тоже. На Рендлепе не осталось деревьев. Это остров, который вы называете Свалкой. Ваши соплеменники не оставили там ни одного дерева, так что вы не сможете построить лодку и уплыть оттуда. Там почти ничего не растет, и мы должны будем привозить вам пищу и дрова. Убивать на Рендлепе некого. Ни

деревьев, ни людей. Прежде там были деревья и люди, но теперь от них остались только сны. Мне кажется, раз вы будете жить, то для вас это самое подходящее место. Может быть, вы станете там сновидцем, но скорее всего вы просто пройдете за своим безумием до конца.

— Убейте меня теперь, и хватит издеваться!

— Убить вас? — спросил Селвер, и в рассветном лесу его глаза, глядевшие на Дэвидсона снизу вверх, вдруг засияли светло и страшно.— Я не могу убить вас, Дэвидсон. Вы — бог. Вы должны сами это сделать.

Он повернулся, быстрый, легкий, и через несколько шагов скрылся за серыми деревьями.

По щекам Дэвидсона скользнула петля и легла ему на шею. Меленькие копья надвинулись на него сзади и с боков. Они трусят прикоснуться к нему. Он мог бы вырваться, убежать — они не посмеют его убить. Железные наконечники, узкие, как листья ивы, были отшлифованы и наточены до остроты бритвы. Петля на шее слегка затянулась. И он пошел туда, куда они его вели.

8 Селвер уже давно не видел Любова. Этот сон был с ним на Ризуэле. Был с ним, когда он в последний раз говорил с Дэвидсоном. А потом исчез и, может быть, спал теперь в могиле мертвого Любова в Эшсене, потому что ни разу не пришел к Селверу в Бротер, где он теперь жил.

Но когда вернулась большая лодка и Селвер отправился в Эшсен, его там встретил Любов. Он был безмолвным, туманным и очень грустным, и в Селвере проснулось прежнее тревожное горе.

Любов оставался с ним тенью в его сознании, даже когда он пришел на встречу с ловеками, которые прилетели на большой лодке. Это были сильные люди, совсем не похожие на ловеков, которых он знал, если не считать его друга, но Любов никогда не был таким сильным.

Он почти забыл язык ловеков и сначала больше слушал. А когда убедился, что они именно такие, отдал им тяжелый ящик, который принес с собой из Бротера.

— Внутри работа Любова,— сказал он, с трудом подбирая нужные слова.— Он знал о нас гораздо больше, чем знают остальные. Он изучил мой язык и знал Мужскую речь, и мы все это записали. Он во многом понял, как мы живем и уходим в сны. Остальные совсем не понимают. Я отдам вам его работу, если вы отвезете ее туда, куда он хотел ее отослать.

Высокий, с белой кожей, которого звали Лепеннон, очень обрадовался, поблагодарил Селвера и сказал, что бумаги обязательно отвезут туда, куда хотел Любов, и будут их очень беречь. Селверу было приятно это услышать. Но ему было больно называть имя друга вслух, потому что лицо Любова, когда он обращался к нему в мыслях, оставалось таким же бесконечно грустным. Он отошел в сторону от ловеков и только наблюдал за ними. Кроме пятерых с корабля сюда пришли Донг, Госсе и еще другие из Эшсена. Новые выглядели чистыми и блестящими, как недавно отшлифованное железо. А прежние отрастили шерсть на лицах и стали чуть-чуть похожи на очень больших

атшиян, только с черным мехом. Они все еще носили одежду, но старую, и больше не содержали ее в чистоте. Никто из них не похудел, кроме их Старшего, который так и не выздоровел после Ночи Эшсена, но все они были немного похожи на людей, которые заблудились или сошли с ума.

Встреча произошла на опушке, где по молчаливому соглашению все эти три года ни лесные люди, ни ловеки не строили жилищ и куда даже не заходили. Селвер и его спутники сели в тени большого ясеня, который стоял чуть в стороне от остальных деревьев. Его ягоды пока еще казались маленькими зелеными узелками на тонких веточках, но листья были длинными, легкими, упругими и по-летнему зелеными. Свет под огромным деревом был неяркий, смягченный путаницей теней.

Ловеки советовались между собой, приходили, уходили, а потом один из них, наконец, пришел под ясень. Жесткий ловек с корабля, коммодор. Он присел на корточки напротив Селвера, не попросив разрешения, но и не желая оскорбить. Он сказал:

— Не могли бы мы поговорить немножко?

— Конечно.

— Вы знаете, что мы увезем всех землян. Для этого мы прилетели на двух кораблях. Вашу планету больше не будут использовать для колонизации.

— Эту весть я услышал в Бротере три дня назад, когда вы прилетели.

— Я хотел убедиться, поняли ли вы, что это — навсегда. Мы не вернемся. На вашу планету Лига наложила запрет. Если сказать по-другому, более понятными для вас словами, я обещаю, что, пока существует Лига, никто не прилетит сюда рубить ваши деревья или забирать вашу землю.

— Никто из вас никогда не вернется,— сказал Селвер, не то спрашивая, не то утверждая.

— На протяжении жизни пяти поколений — да. Никто. Потом, возможно, несколько человек все-таки прилетят. Их будет десять-пятнадцать. Во всяком случае, не больше двадцати. Они прилетят, чтобы разговаривать с вами и изучать вашу планету, как делали некоторые люди в колонии.

— Ученые, специалисты,— сказал Селвер и задумался. — Вы решаете сразу все вместе, вы, люди,— вновь не то спросил, не то подтвердил он.

— Как так? — Коммодор насторожился.

— Ну, вы говорите, что никто из вас не будет рубить деревья Атши, и вы все перестаете рубить. Но ведь вы живете во многих местах. Если, например, Старшая Хозяйка в Карочи отдаст распоряжение, в соседнем селении его выполнять не будут, а уж о том, чтобы все люди во всем мире сразу его выполнили, и думать нечего...

— Да, потому что у вас нет единого правительства. А у нас оно есть... теперь, и его распоряжения выполняются — всеми и сразу. Но судя по тому, что нам рассказывали здешние колонисты, ваше распоряжение, Селвер, выполнили все и на всех островах сразу. Как вы этого добились?

— Я тогда был богом,— сказал Селвер без всякого выражения.

После того как коммодор ушел, к ясеню неторопливо по-

дошел высокий белый ловек и спросил, можно ли ему сесть в тени дерева. Этот был вежлив и очень умен. Селвер чувствовал себя с ним неловко. Как и Любов, он будет ласковым, он все поймет, а сам останется вне пределов понимания. Потому что самые добрые из них были такими же неприкосновенными, такими же далекими, как самые жестокие. Вот почему присутствие Любова в его сознании причиняло ему страдания, а сны, в которых он видел Теле, свою умершую жену, и прикасался к ней, приносили радость и умиротворение.

— Когда я был тут раньше,— сказал Лепеннон,— я познакомился с этим человеком, с Раджем Любовым. Мне почти не пришлось с ним разговаривать, но я помню его слова, а с тех пор я прочел то, что он писал про вас, про атшиян. Его работу, как сказали вы. И теперь Атши закрыта для колонизации во многом благодаря этой его работе. А освобождение Атши, по-моему, было для Любова целью жизни. И вы, его друг, убедитесь, что смерть не помешала ему достигнуть этой цели, не помешала завершить избранный им путь.

Селвер сидел неподвижно. Неловкость перешла в страх. Сидящий перед ним говорил, как Великий Сновидец. И он ничего не ответил.

— Я хотел бы спросить вас об одной вещи, Селвер. Если этот вопрос вас не оскорбит. Он будет последним... Людей убивали: в Лагере Смита, потом здесь, в Эшсене, и, наконец, в лагере на Новой Яве, где Дэвидсон устроил мятеж. И все. С тех пор ничего подобного больше не случалось... Это правда? Убийств больше не было?

— Я не убивал Дэвидсона.

— Это не имеет значения,— сказал Лепеннон, не поняв ответа.

Селвер имел в виду, что Дэвидсон жив, но Лепеннон решил, будто он сказал, что Дэвидсона убил не он, а кто-то другой. Значит, и ловеки способны ошибаться. Селвер почувствовал облегчение и не стал его поправлять.

— Значит, убийств больше не было?

— Нет. Спросите у них,— ответил Селвер, кивнув в сторону полковника и Госсе.

— Я имел в виду — у вас. Атшияне не убивали атшиян?

Селвер ничего не ответил. Он поглядел на Лепеннона, на странное лицо, белое, как маска Духа Ясеня, и под его взглядом оно изменилось.

— Иногда появляется бог,— сказал Селвер.— Он приносит новый способ делать что-то или что-то новое, что можно сделать. Новый способ пения или новый способ смерти. Он проносит это по мосту между явью снов и явью мира. И когда он это сделает, это сделано. Нелья взять то, что существует в мире, и отнести его назад в сновидение, запереть в сновидении с помощью стен и притворства. Что есть, то есть. И теперь нет смысла притворяться, что мы не знаем, как убивать друг друга.

Лепеннон положил длинные пальцы на руку Селвера так быстро и ласково, что Селвер принял это, словно к нему прикоснулся не чужой. По ним скользили и скользили золотистые тени листьев ясеня.

— Но вы не должны притворяться, будто у вас есть причины убивать друг друга. Для убийства не может быть причин,— сказал Лепеннон, и лицо у него было таким же тревожным и грустным, как у Любова.— Мы улетим. Через два дня. Мы улетим все. Навсегда. И леса Атши станут такими, какими были прежде.

Любов вышел из теней в сознании Селвера и сказал: «Я буду здесь».

— Любов будет здесь,— сказал Селвер.— И Дэвидсон будет здесь. Они оба. Может быть, когда я умру, люди снова станут такими, какими были до того, как я родился, и до того, как прилетели вы. Но вряд ли.

СОДЕРЖАНИЕ

Мир Роканнона
3

Планета изгнания
100

Город иллюзий
183

Левая рука тьмы
332

Слово для «леса» и «мира» одно
492

Литературно-художественное издание

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

5

Урсула ле Гуин

ХЕЙНСКИЙ ЦИКЛ

Составитель *В. П. Кирчев*
Ведущий редактор *В. П. Кирчев*
Художник *О. Г. Полищук*
Корректор *Л. Вилихер*

Сдано в набор 10.01.92. Подписано в печать 4.03.92. Формат 84×108. Бумага тип. № 2. Печать выс. Объем 30,6. Тираж 52 000. Заказ № 22. Цена договорная. Издательство ЭПИ, Новосибирск, ул. Мира № 14.

Центральная типография, 277008, Кишинев, ул. Флорилор, 1.
Государственный департамент Республики Молдова
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.